

Г. СКОВОРОДА
СОЧИНЕНИЯ

ФИЛОСОФСКОЕ **Н**АСЛЕДИЕ

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

**СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

« МЫСЛЬ »

МОСКВА - 1973

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН УССР

В. И. ШИНКАРУК (председатель)

доктор философских наук *В. Е. ЕВГРАФОВ*

доктор философских наук *В. Е. ЕВДОКИМЕНКО*

кандидат философских наук *П. В. ИВАНЬО*

кандидат философских наук *И. А. ТАБАЧНИКОВ*

Составление, перевод и обработка

И. В. ИВАНЬО и *М. В. КАШУБЫ*

**ТРАКТАТЫ.
ДИАЛОГИ.
ПРИТЧИ**

КНИЖЕЧКА,
НАЗЫВАЕМАЯ SILENUS ALCIBIADIS ¹,
СИРЕЧЬ ИКОНА АЛКИБИАДСКАЯ
(ИЗРАИЛЬСКИЙ ЗМИЙ) ²

Написана 1776 года, марта 28-го
Поднесена в день пасхи

ВЫСОКОМИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ
СТЕПАНУ ИВАНОВИЧУ, ГОСПОДИНУ ПОЛКОВНИКУ
ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ ТЕВЯШОВУ

Высокомилостивый государь!

Известное впрямь есть слово Сократово: «Иной живет на то, чтоб есть, а я-де ем на то, чтоб жить» ³.

Жизнь не то значит, чтоб только есть и пить, но быть веселым и куражным, и сытость телесная не даст куража сердцу, лишенному своей пищи.

В сем-то разуме учил своих друзей Эпикур, что жизнь зависит от сладости и что веселие сердца есть-то живот человеку. Горатиус то же, что Эпикур, мыслит: «Nec dulcia differ in annum...», сиречь: «Сладости не отлагай на год». А что он под сладостью разумеет веселие сердца, видно из последующих: «Ut quocumque loco fueris, vixisse libenter te dicas», сиречь: «Дабы ты мог сказать о себе, что для тебя везде жилось куражно» ⁴.

Утешение и кураж, кураж и сладость, сладость и жизнь есть то же. И что Гораций сказал: «Сладости не отлагай» ⁵, то Сенека ⁶ протолковал: «Жизни не отлагай». «Sera nimis est vita crastina, vive hodie» ⁷. «Живи днесь».

Силу слова сего люди не раскусив во всех веках и народах, обесславили Эпикура за сладость и почли самого его пастырем стада свиного ⁸, а каждого из друзей его величали: «Epicuri de grege porcus» ⁹.

Но когда жизнь от сердечного веселия, а веселие от сладости, тогда откуда зависит сладость, улаждающая сердце?

Изъясняет боговидец Платон ^а: «Нет слаще истины» ¹⁰. А нам можно сказать, что в одной истине живет истинная сладость и что одна она животворит владеющее телом сердце наше. И не ошибся некий мудрец, положивший пределом между ученым и неученым предел мертвого и живого.

Пифагор, раскусив эмблему треугольника и узрев в нем истину, с веселием вопиет: «Нашел! Нашел!» ¹¹

Видно, что жизнь живет тогда, когда мысль наша, любя истину, любит выслеживать тропинки ее и, встретив око ее, торжествует и веселится сим немеркнувшим светом. Сей свет услаждает и старость Солона ¹²; а он, и старясь, каждый день нечто вкушает от едомых всеми, но не истощаемых сладостей, согревающих и питающих сердечные мысли, как весеннее солнце каждую тварь. И как правильная циркуляция крови в зверях, а в травах — соков рождает благосостояние телу их, так истинные мысли озаряют благодушием сердце. И не дивно, что некоторых избранных человек монументы и записки сею такою надписью озаглавлены: *«Житие и жизнь имя рек»*.

Житие значит: *родиться, кормиться, расти и умиляться*, а жизнь есть плодоприношение, прозябшее от зерна истины, царствовавшей в сердце их. И не напрасно друг истины — Цицеронов Катон ¹³ любил в старости пирушки, но растворенные насыщающими сердце мудрыми беседами, начертающими не видимую нигде, а прекрасную ипостась истины, влекущей всех чувства и услаждающей.

К чему ж сия речь течет? К тому, что высоких фамилий люди не только в тяжбах, войнах, коммерциях, домо-строительствах, художествах, но и в самом первом пункте, сиречь в мыслях, бога касающихся, должны находить истину, а противоборствовать суеверию.

Верно, что шар земной без болотных луж, без мертвых озер, без гнилых и дольных низин быть не может. Но в таких местах жабы и сродные им птицы да водворяются, а соколы с орлами вверх в пространство чистых небес да возносятся, оставив дрожжи для непросвещенной подлости.

Итак, благочестивое сердце между высыпанными курганами буйного безбожия и между подлыми болотами рабострастного суеверия, не уклоняясь ни вправо, ни влево, прямо течет на гору божию и в дом бога Иакового.

^а Divinus Plato [божественный Платон].

Верно слово, что царь и судия израильский, а христианский бог есть Библия.

Но сей бог наш первое на еврейский, потом на христианский род бесчисленные и ужасные навел суеверий наводнения.

Из суеверий родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобные и странные, ручные и словесные войны, младенческие страхи и прочее. Нет желчнее и тверже суеверия и нет дерзновеннее, как бешеность, разожженная слепым, но ревностным глупого поверия жаром тогда, когда сия ехидна, предпочитая нелепые и недостаточные враки милости и любви и онемев чувством человеколюбия, гонит своего брата, дыша убийством, и сим мнит службу приносить богу.

Сей семиглавый дракон (Библия), вод горьких водопыды изbleвая, весь свой шар земной покрыл суеверием. Оно не иное что есть, как безразумное, но будто богом осуществленное и защищаемое разумение.

Говорят суеверу: «Слушай, друг! Нельзя сему случиться... Противно натуре... Кроется здесь что-то...» Но он во весь опор с желчью вопиет, что точно летали кони Илины. При Елисее плавало-де железо, разделялись воды, возвращался Иордан, за Иисуса Навина зацепилось солнце, за Адама змеи имели язык человеческий... Вот! Скоро-де конец миру... бог знает, может быть, в следующий 1777 год спадут на землю звезды... Что? Разве нельзя, чтоб Лот был пьян от нововыдавленного вина?.. Пускай оно у нас не хмельное, но от бога все возможно...»

Сих дрожжей упившись, суевер бражничает и козлогласует нелепую, объявляя неприятелями и еретиками всех несогласных ему. Лучше не читать и не слышать, нежели читать без очей, а без ушей слышать и поучаться тщетным. Детское есть сие мудрование, обличающее наглость и непостоянность блаженной природы, будто она когда-то и где-то делала то, чего теперь нигде не делает и впредь не станет.

Все же то невеликое, что ненужное, и все ненужное то, что не всегда и не везде есть возможное. Возможное и нужное, а нужное и полезное есть то же и напротив того. Какая ж слава и хвала делать невозможное?

Все преграждаемое законом блаженной природы есть тем не полезное, чем не возможное, а чем полезное, тем возможное. По сему-то есть благословенно царство ее

и дивным вкусом дышит сие слово Епикура: «Благодарение блаженной натуре за то, что нужное сделала нетрудным, а трудное ненужным».

Восстать против царства ее законов — сия есть несчастная исполинская дерзость, любящая преграждение, невозможность и бесполезность, а супостат ползет.

Как же могла восстать сама на свой закон блаженная натура, раз она велела тонуть железу — и было так?!

Такие нелепые мысли пускай место имеют в детских и подлых умах, не в возмужавших и высоких фамилий людях. Да вкушают божию сню ложь и буйство дети, и то до времени, а благоразумные да будут готовы к лучшему столу. Они, не быв причастниками лжи сей и буйства, могут не зажигать, но тушить факел колеблющего общую тишину и бражничествующего раскола.

Нет вреднее, как то, что сооружено к главному добру, а сделалось растленным. И нет смертоноснее для общества язвы, как суеверие — листовые лицемерам, маска мошенникам, стень тунейдцам, подстрекало и поджог детоумным.

Оно възъярило премилосердную утробу Тита, заглодило Иерусалим, разорило Царьград, обезобразило братнею кровью парижские улицы, сына на отца вооружило¹⁴. И не напрасно Плутарх хуже безбожия ставит суеверие. Для меня-де лучше, когда люди скажут, что Плутарха на свете не было, нежели что он был нагл, непостоянен, немилосердный и проч. Да и впрямь суевер скорбит, если кто на полдень, а не на восток с ним молится. Иной сердит, что погружают, другой бесится, что обливают крещаемого. Иной клянет квас, другой — опресноки... Но кто сочтет всю суеверных голов паутину? Будто бог — варвар, чтоб за мелочь враждовать.

Во всех же сих вздорах бегут к покровительнице своей Библии, а она со строптивыми развращается.

Библия есть ложь, и буйство божие не в том, чтоб лжи нас научала, но только во лжи напечатлела следы и пути, ползущий ум возводящие к превысшей истине, как значит вопрос сей: «Когда же введешь меня в пределы их?», «Знаешь ли пути их?» (Иов, 38).

Вся же тварь есть ложь непостоянна и обманчива, и вся тварь есть поле следов божиих. Во всех сих лживых терминах, или пределах, таится и является, лежит и вос-

стает пресветлая истина, и о ней-то слово: «Истина от земли воссияла», «Золото земли оной доброе».

И всем сим следам, и писаным и высказанным в ней, будет совершение от господа, сиречь конец и бытие несуществующим тварям приложит истина господня. Вот что значит: «От бога все возможно», сиречь по тварям оно пустое и недостаточное, а по богу действительное и точное.

Кто? Разве кто угорел или в горячке, тот скажет: «Железо плавает... От бога-де все возможно...» И какой сей есть род странный богословия, если в нем речь о железе, не о боге? Сие значит: начать за здравие, а кончить за упокой, по пословице.

Впрочем же, будет, когда наконец сверх поля тленного твари (железо ли она, или золото, или алмаз) покажется обвитая железом по ребрам своим пресильная истина, во время оно благоразумный не умолкнет и скажет: «Всплывет железо» (Книга царств).

Как солнечный блеск по верху вод, а воды сверх голу-бого озера и как пестрые цветы, высыпанные по шелковому полю в хитротканых узорах, так по лицу в Библии сплетенного множества тварей бесчисленных, как манна и снег, в свое время являет прекрасное свое вечности око истина. И о сих-то ткателях и книгосплетцах, каков был Веселеил и прочие, гремит вопрос божий к Иову: «Кто дал женам ткаания мудрость или испещрения хитрость?» (гл. 38).

Здесь авторы нарицаются женами, соткавшими библейные свитки разных полотен. В Илии тоже нам нужды нет. Но сия тень нечто ведет лучше себя. Да там и написано так: «Разумеешь ли, как Илия поднялся?..»

Будто за ухо схватив, догадываться велит, что в сих враках, как в шелухе, закрылось семя истины. А сие и мальчик понимает: «Взят был Илия вихрем...» Что ж есть сие? Ответ: се есть слово божие — не человеческое и не о человеке. Илия есть тень того: «Ходящий на крыле ветряном». А колесница и конница чья? Израилева? Никак! Колесница божия, а конница его ж. Иаков же, так как и Илия, есть слабая тень того: «Поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе».

Сей на всех их, как на апостолах и на своих ангелах, ездит, и не Симеон его, но вечный Симеона и всех их, как ветошь свою, носит.

Являясь, истина по лицу фигур своих, будто ездит по ним. А они, возвышаясь в тонкий божества разум,

будто берутся из земли и, достигнув к своему началу с Иорданом, потом опадают, как после плодов листья, в прежнее тлени своей место с Давидом: «Ослабь меня, да почию прежде даже...»

И сие-то есть: «Преобразит тело смирения нашего». Истина, возвышая Илию, преобразует и всех их. В сию гавань желает душа Давидова, и в сем безопасном месте намерен, как олень, отложить рога свои. «Кто даст мне крылья?..»

Достиг же к точке, опять в ничтожность свою возвращается. «Прежде даже не отойду и к тому не буду».

Презирающий сокровенную во лжи библейной истину подался к стороне безбожников, а гоняющий ветры и насыщающий ложью есть суевер, ползущий и грязь со змием едящий. Тот нагл и недогадлив, а сей глуп и гнусен. Благороднее есть презреть, нежели около опреснока жевать тряпицу. Если кто отворил начальную дверь сию: «Вначале сотворил бог небо и землю».

Легко может входить и в прочие сих книг обители. Кажется, дверь сия открыта для каждого, но сию мысль опровергает слово Петра: «Таится бо сие от них, как небеса были исперва», сиречь что значит: «Вначале сотворил бог небо и землю». Каждая почти здесь сентенция не вкусна, поколь не приложит своей к ней силы *рука*, у Даниила по верху стены, а у евангелиста по земле пишущая. И всякая мысль подло, как змий по земле, ползет. Но есть в ней око голубицы, взирающей выше потопных вод на прекрасную ипостась истины. Словом, вся сия дрянь дышит богом и вечностью, и дух божий носится над всею сею лужею и ложью. Я в сей книжечке представляю опыты, каким образом входить можно в точный сих книг разум. Писал я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку, а вашему высокородию подношу не столько для любопытства, сколько ради засвидетельствования благодарного моего сердца за многие милости ваши наподобие частых древесных ветвей, прохладною тенью праздность мою успокаивающие, так что и мне можно сказать с Мароновым пастухом: «Deus nobis haec otia facit»¹⁵.

Высокомилостивый государь,

*вашего высокородия всепокорнейший
и многообдолженный слуга,
студент Григорий Скворода*

ГЛАВИЗНА СЕЙ КНИГИ

«Ты кто?» И говорит им Иисус: «Начало» (Евангелие от Иоанна, гл. 8).

«Благая мудрость... Еще больше видящим солнцем» (Премудрости Соломона).

«Благая ярость лучше смеха. И в злобе лица убожится сердце» (Премудрости Соломона).

«Начало Сиону дам...» (Исаия).

«Испытайте писаний... Та суть, свидетельствующая обо мне» (Евангелие от Иоанна).

«Не на лица смотря судите...» (Евангелие от Иоанна, гл. 5).

Слово к богу.

«A te principium, tibi desinat», то есть: «Ты и от тебя начало исходит; к тебе же оно и конец свой приводит».

ПРЕДДВЕРИЕ, ИЛИ КРЫЛЬЦО

Пустынный обитал в глубоком уединении ¹⁶. Он каждый день при восхождении солнца всходил в пространный сад. В саду жила прекрасная и чересчур смиренная птица. Он любопытно взирал на чудные свойства оной птицы, веселился, ловил и тем нечувствительно проводил время. Птица, нарочно близко садясь, куражила ловлю его и казалась тысячу раз быть в руках, но не мог ее никогда поймать. «Не тужи о сем, друг мой, — сказала птица, — что поймать не можешь. Ты станешь век меня ловить на то, чтоб никогда не уловить, а только забавляться». Когда-то приходит к нему друг его. По приветствии завелась дружеская беседа. «Скажи мне, — спрашивает гость, — чем ты в дремучей твоей пустыне забавляешься? Я бы в ней умер от скуки...» Но пустынный: «Скажи-де ты прежде, что тебя веселит в общежительстве? Я бы в нем умер от грусти...» — «Моих забав три родника, — гость отвечал, — 1) оказываю по силе домашним моим и чужим благодеяния; 2) хорошее благосостояние здоровья; 3) приятность дружеского общежительства...» — «А я, — сказал пустынный, — имею две забавы: птицу и *начало*. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ее поймать. Я имею шелковых тысячу и один фигурных узлов. Ищу в них *начала* и никогда развязать не могу...»

«Мне твои забавы, — говорит гость, — кажутся детскими. Но если они невинны, а тебя веселить сродны, я тебе прощаю». И оставил друга с забавным его *началом*.

Предел 1-й
ОБРАЩЕНИЕ ПРИТЧИ К БОГУ,
ИЛИ К ВЕЧНОСТИ

Божественные мистагоги, или тайноводители, приписывают *начало* единственно только богу. Да оно и есть так точно, если осмотреться... *Начало* точное есть то, что прежде себя ничего не имело. А как вся тварь рождается и исчезает, так, конечно, нечто прежде ее было и после нее остается. И так, ничто *началом* и *концом* быть не может. *Начало* и *конец* есть то же, что *бог*, или *вечность*. Ничего нет ни прежде нее, ни после нее. Все в неограниченных своих недрах вмещает. И не ей что-либо, но она всему начало и конец. *Начало* и *конец* есть, по мнению их, то же. И точно так есть, если рассудить. *Вечность* не начинаемое свое и после всего остающееся пространство даже до того простирает, чтоб ей и предварять все-на-все^а. В ней так, как в кольце: первая и последняя точка есть та же, и, где началось, там же и кончилось.

В самих тварях сие можно приметить: что тогда, когда сгнивает старое на ниве зерно, выходит из него новая зелень и согнитие старого есть рождение нового, дабы, где падение, тут же присутствовало и возобновление, свидетельствующее о премудром ее и всесохраняющем миростроительстве.

Во всяких же веществах для любопытного зрителя премилосердная сия мать, почти осязаемая, но не понимаемая, подобна смирной, но не уловляемой птице.

Сие правдивое начало везде живет. По сему оно не часть и не состоит из частей, но целое и твердое, затем и неразоряемое, с места на место не переходящее, но единое, безмерное и надежное. А как везде, так и всегда есть. Все предваряет и заключает, само ни предваряемое, ни заключаемое. Сим началом благословляется Асир, сын Иакова. «Покроет тебя божие начало».

Прозревший сквозь мрак сие начало назывался у евреев пророком, назывался и священником, то есть святое видящим и показывающим, а потому-то людским освятителем. Кое-где такие назывались *маги*, или *волхвы*, кое-где — *халдеи*, *гимнософисты*¹⁷; у эллинов — *иереи*, *софы*, *философы*, *иерофанты*¹⁸ и проч. Определенные ж в сию науку

---

^а Все-на-все; graece *páμπαν*, *universum*.

увольнялись от всех житейских дел. Сие значило посвящаться богу. Тогда они в натуре и в книгах вольно искали *начала*.

Предел 2-й В ВЕЩАХ МОЖНО ПРИМЕТИТЬ ВЕЧНОСТЬ

Землемеры во всех своих фигурах восходят к источнику, находят центр и начало. А если кто чистосердечный охотник, может в некоторых веществах примечать тончайший дивного сего начала луч, каков испускает во мраке утренняя заря.

Взглянем (например) на рыбу, названную у римлян *гетога*, сиречь удержание. Она, прильнувши к брюху корабля, самое быстрейшее удерживает его стремление.

Пока смотришь на рыбу, не чувствует душа никакого вкуса. А когда проникать оком в утаенное в небольшой рыбе божие начало, тогда сердце находит сладость сота, найденного во льве Самсоном. «Гортань его — сладость, и весь — желание».

Безместное и нестаточное дело, дабы рыба одною тленной своей природы грязью могла препобедить и обуздать быстроту столь ужасной машины, если бы в тленной ее тьме не закрывался *начальник* тот: «Положил тьму, тайну свою».

Сей есть родник антипатии и симпатии ^а.

Взглянем на землю и на около нас находящееся. Мелочный зверечек мышь, вкравшись за дорожным припасом в коляску, бешеную рысь самых буйных лошаков приводит в слабость и истомление. Взгляни на слабосильного зверька — человека. Он водит медведей и слонов. Взгляни на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля — на его руль. Он правит течение, а та указывает путь. Маленькая искра разоряет городские стены. Из крошечного зерна выходит большая яблоня. Легонький воздушный шум есть испущенное из уст слово, но оно часто пли смертно уязвляет, или в кураж приводит и оживляет душу. Малая птица петух пугает льва, а мышь — слона. Невпдная пружина в составе движет всю часовую машину. Неосязаемая в циркуле точка источник есть всех фигур и машин. Десятифунтовая машинка ворочает стопудовую

---

^а Ἀντιπαθής, συμπαθής — противострастный, сострастный; со-
страстие, противострастие.

тяжесть. Соломенный крутень разбивает кремень. Ничтожная гражданских законов бумажка содержит гражданство в тишине. Отцовская старость владеет сильными рабами и буйными сынами. Слабого здоровья государь управляет бессловесной свирепостью народной.

Все сие по плоти ничто есть, но по сокровенному в себе естеству сильное. «*Дух животворит*». Сие чудное начало: в немощах — сила, в тлени — нетление, а в мелочи есть величие. Оно начиная — кончает, а кончая — начинает; рождая — погубляет, погубляя — рождает; противным врачуя противное, и враждебным премудро споспешествуя враждебному, как свидетельствует острое философских учеников речение: «*Unius interitus es alterius generatio*» — «Одной вещи гибель рождает тварь другую».

П р е д е л 3-й

НАЧАЛО ВО ВСЕХ СИСТЕМАХ МИРСКИХ УМОЗРИТСЯ И ВСЮ ТЛЕНЬ, КАК ОДЕЖДУ СВОЮ, НОСИТ; ОНО ЕСТЬ МИР ПЕРВОРОДНЫЙ

Взглянем теперь на всемирный мир сей, как на увеселительный дом вечного, как на прекрасный рай из бесчисленных садов, будто венец из веночков, или машинище, из машинок составленный.

А я вижу в нем единое *начало*, так как один *центр* и один умный циркуль во множестве их.

Но когда сие начало и сей центр есть везде, а окружия его нигде нет, тогда вижу в сем целом мире два мира, один мир составляющие: мир видный и невидный, живой и мертвый, целый и сокрушаемый. Сей — риза, а тот — тело, сей — тень, а тот — древо; сей — вещество, а тот — ипобстась, сиречь основание, содержащее вещественную грязь, так как рисунок держит свою краску.

Итак, мир в мире есть то вечность в тлени, жизнь в смерти, восстание во сне, свет во тьме, во лжи истина, в плаче радость, в отчаянии надежда.

В сем месте встречается со мною любознательное слово Платоново¹⁹ в такой силе: «Подлость не почитает за сущую точность». *Nisi quod πριζ̄ teneat*, сиречь кроме одного того, что в кулак схватить может, а в кулак схватить можно одно осязаемое. Если ж мне скажешь, что внешний мир сей в каких-то местах и временах кончится, имея положенный себе предел, и я скажу, что кончится, сиречь начинается.

Видишь, что одного места граница есть она же и дверь, открывающая поле новых пространностей, и тогда ж зачинается цыпленок, когда портится яйцо.

И так всегда все идет в бесконечность. Все исполняющее начало и мир сей, находясь тенью его, границ не имеет. Он всегда и везде при своем начале, как тень при яблоне. В том только разнь, что древо жизни стоит и пребывает, а тень умалается: то переходит, то родится, то исчезает и есть ничто.

Materia aeterna 20.

П р е д е л 4-й

ЗДЕСЬ НЕСКОЛЬКО ЗНАМЕНИЙ, ГЕРБОВ И ПЕЧАТЕЙ, ТАЙНО ОБРАЗУЮЩИХ ГОРНЕЕ НАЧАЛО

Сие единственное *начало*, как главу мудрости, любомудрцы в разных веках и народах разными фигурами и монументами изобразили, например кольцом, шаром, солнцем, оком... А как кольцо, так перстень, гривна, венец и прочее есть тот же образ.

За шаром идут звезды, планеты, плоды, зерно, древо, рай и проч. За солнцем — утро, свет, день, огонь, луч, молния, блистание, дорогие камни, золото, прекрасные и благовонные цветы и проч. Прекрасно сияющая радуга тоже взята в образ. Зороастр²¹ изобразил солнцем с сею песнею: «Услышь, блаженный, всевидящее имеющий вечное око!»

Отсюда у древних персов поклонение солнцу, а день воскресный назван день солнца, сиречь день господен.

Монумент око подало повод изобразить человеками, зверьми, скотами, птицами, рыбами и гадами. Отсюда случай к идолочтению. Подлость, видя на честных местах написанные или изваянные тварей фигуры и не достигнув тайнообразуемое через оное богоначалие, слепо, как за якорь спасения своего, ухватилась за ничтожную сень образов и погрязла в ней. Отсюда обожание человеческой тлени к иным животным. Отсюда вздорные, нелепых мнений книги, расколы, заблуждения и заразительнейшая язва, хуже безбожия — суеверие. Оно есть то же, что идолочтение. Чему кто верит и на что надеется, то и почитает. Суевер суеверному верит, идолочец пустое чтет.

Но каждой твари фигура есть нечестивая пустошь, если воплощением и вмещением своим не освящает один святой. «Идол ничто есть».

Идол, фигура, образ есть то же и ничто же. Просвещенные также изобразили источником, а вслед сему водою, росую, мглюю, снегом, льдом, инеем и прочим.

И сердце взято в образ, как корень жизни, а обитель огня и любви. И стоящая среди моря каменная гора, а вслед сему остров, гавань, суша или матерая земля и проч. В числе образов и крылья орлии. Они, возвышая долу склоненное птичье тело, отменного естества вид кажут.

А змий, держащий в устах свой хвост, приосеняет, что бесконечное *начало* и безначальный конец, начиная, кончит, кончая, начинаст. Но бесчисленный есть тайнообразный мрак божественных гаданий.

Предел 5-й

НА СЕМ НАЧАЛЕ УТВЕРЖДЕНА ВСЯ БИБЛИЯ

Сие истинное и единое начало есть зерно и плод, центр и гавань, *начало* и *конец* всех книг еврейских. «Вначале было слово». Сиречь: всей Библии слово создано в том, чтоб была она единственным монументом *начала*.

«Вначале было слово». А дабы не было сомнения, что сие *начало* есть не подлое, но высокое, истинное и единое, для того сплошь написано: «И слово было к богу».

Когда ж она сделана к богу и для бога, тогда сия богодышащая книга и сама стала богом. «И бог был слово», так как вексельная бумажка или ассигнация стала монетою, а завет сокровищем. Сие слово издревле сделано к богу. «Сей был искони к богу». Должно читать так: «Сие было искони к богу, сиречь слово (сей λόγος)». Все в нем богозданное и ничего нет, что бы не текло к богу. «Все тем было...» И как в ничтожной вексельной бумажке скрывается империял²², так в тленной и смертной сих книг сени и во мраке образов таится пречистое, пресветлое и живое. «В том жизнь была» и проч.

Предел 6-й

БИБЛИЯ ЕСТЬ МАЛЕНЬКИЙ БОГООБРАЗНЫЙ МИР, ИЛИ МИРИК. МИРОЗДАНИЕ КАСАЕТСЯ ОДНОЙ ЕЕ, НЕ ВЕЛИКОГО, ТВАРЬМИ ОБИТАЕМОГО МИРА

Мойсей, ревнуя священникам египетским, собрал в одну громаду небесных и земных тварей и, придав род благочестивых предков своих, слепил книгу Бытия, сиречь мироздания... Сие заставило думать, что мир создан 7000 лет назад.

По обительный мир касается тварей. Мы в нем, а он в нас обитает. Мойсейский же, символический, тайнообразный мир есть книга. Она ни в чем не трогает обительного мира, а только следами собранных от него тварей путеводствует нас к присносущному началу единственно, как магнитная стрела, взирая на вечную твердь его.

А в том не очень нужная мудрость, чтоб знать, прежде ли создан цвет или родился гриб?..

В сем предохраняет нас само начало книги. «*Вначале сотворил бог небо и землю*». Говорят, что в еврейском лежит так: «*Вначале сотворил бог*». А дабы сие разумелось о книге, написано: «*Я гиммел, ке я гарец*», сиречь: «Сие небо и сию землю». Речь сия никак не пристала ко вселенскому миру. Если находится одна только земля, как прежде думали, некстати говорится: «Сию землю, сие солнце»²³.

Если же обитаемым мирам нет числа, как ныне начали думать, и тут нелепый вздор: «Сие небо!..» А другое ж, десятое, сотое, тысячное кто создал? Конечно, каждого мира машина имеет свое, с плывущими в нем планетами небо. Вот на что создана сия мироздания книга! «Небеса поведают славу божию...» Нет в ней речи, ни слова, чтоб ни дышало благовестием *вечного*. Во всех земли сей пределах (*terminus* — знамение) и во всех концах Вселенной сей выходит вещание вселюбнейшего *начала* и есть земля обетованная. «Не суть речи ни слова...» и прочее.

В *начале* божием основал вечный сии небесные и земные твари, в сей книге для него единого собранные. «*Вначале сотворил бог небо и землю*». Грязь же сия и сволочь тленных фигур натаскана безобразно и беспорядочно, не имеющая вида, ни доброты. «Земля же была невидима и неустроена».

И глубокая бездна морского стечения их тьмою неудоборазумения покрывается. «И тьма вверху бездна». И дух же божий над сею топкою тленью, как ковчег сверх всемирной воды, носится. Он сию тьму просвещает, как молния Вселенную, сходит на нее, как голубь, согревает, как кокош²⁴, покрывает, как орел хвостное гнездо свое, и крыльями своими ничтожное естество наше возносит в горнее и преобразовывает. «И дух божий носился по верху воды».

Вслед сего Мойсеевого предисловия начинается сотворение тварей, создание сени, делание чудес божиих, фабрика фигур его. «И говорит бог: вижу сквозь мрак присно-

сущное *начало* и ему раболепно поклоняюся. Слышу тайный его во мне гром сей». «И говорит бог: слушай, Мой-сей! Пускай будет солнечный свет фигурою моею! Она станет показывать пальцем истину мою, сияющую в тленной вашей натуре, невероятную смертным».

«Да будет свет!» Итак, вдруг солнечный свет надел блистание славы божией и образ ипостаси его, а тлень светила сего сделалась *солнцем правды* и селением *истины*, как только *вечный* в солнце положил селение свое.

Сие-то есть прямое сотворение сильного! ^a — делать из ничего чудо, из сени — точность, дать грязи ипостась, а подлой тлени — величие.

Все дела его в вере, вера в истине, истина в вечности, вечность в нетлении, нетление в начале, начало в боге. «И был свет».

На сие доброе свое дело взирал вышний добрым своим оком. Он, презирая нашего света подлую худость, терпящую запад, единственно смотрит на свой невечерний свет, в вещественном солнце поселившийся и для любителей своих от сени его исходящий, как жених от чертога своего. «И видел бог свет как добро».

А дабы из двоих одно составляющих естеств не последовала смесь, а из нее идолотчение, разделил творец между светом славы своей и между тьмою тлени нашей, между истинною и между образующею сенью: «И разлучил бог между светом и...»

И назвал свет истины днем, а сеннообразную тьму — ночью. «И назвал бог свет — днем...» Но дабы опять не последовал раздор, разрывающий двоицу сопряженных воедино естеств, сделан из тьмы и света, из дня и ночи, из вечера и утра *«день единый»*. Сей есть мир божий! Лето радости и веселия, время вождеденное, день господень. Один он в тысяче лет, а 1000 лет в нем.

Сей день сотворил господь из противных натур: из лукавой и доброй, тленной и нетленной, из голода и сытости, из плача и радости в неслитном соединении.

Между водою подлою и небесною как разделяющая, так и соединяющая укрепена вечная твердь. А на все сие смотрит создатель как на доброе, не как на лукавое.

---

^a Quid est techna poetica? Facere ex malo bonum. Quis bonus..? Caro nihil... ²⁵

В сем первом дне явилось фигур 6: тьма, свет, ночь, день, вечер, утро.

Из тех фигур символов 3: тьма и свет, ночь и день, вечер и утро.

Символ составляется из фигур двоих или троих, означающих тлень и вечность. Сюда-то смотрит божий тот запрос к Иову: «В какой земле вселяется свет?» «Тьме какое есть место?» Например: вечер и утро; вода, твердь и облако; море и суша.

Вечер есть дом тлени, а утро — град вечности. «Вечером водворится плач, а завтра — радость».

В воде и море вместились тьма и смерть, а на суше, на небе и в облаке вселились свет и жизнь.

«Когда в реках ярость твоя?» «Над небесами слава его».

Предел 7-й

О СИМВОЛАХ, ИЛИ ОБРАЗАХ.

КАК ОНЫЕ НАЗЫВАЛИСЯ У ЭЛЛИНОВ?

А КАК НАЗЫВАЮТСЯ В БИБЛИИ?

Такие фигуры, заключающие в себе тайную силу, названы от эллинских Любомудрцев: *emblemata, hieroglyphica*.

А в Библии называются: *чудеса, знаменья, пути, следы, сень, стена, дверь, оконце, образ, предел, печать, сосуд, место, дом, град, престол, конь, херувим*, сиречь колесница и проч... Они-то суть скоты, звери, птицы, чистые и нечистые, а Библия есть ковчег и рай божий, проще сказать — зверинец.

«Насадил господь бог рай в Эдеме, на востоке».

Сюда ж в число ввел и человека. Должно трезвенно поднимать очи, когда здесь начитать: одеяние, мех, рубище, пелены, ясли, корбочка, корзинка, гнездо, нора, расселина, пещера, гроб, ров, темница, узы, сеть, плетень, куца и сим подобное.

«Сколь добры дома твои, Иаков, и кущи твои, Израиль!..» Также, когда начертается фигура циркульная, плоскокруглая, шаровидная, какая есть перстень, хлеб, монета и проч., или виноградные и садовые плоды с ветвями и семенами и проч. Смотри бодро! Например, когда милovidная женщина Авигея привезла Давиду, между прочим, 200 хлебов, корзину гроздей и 200 вязанок смокв. «Привязывающий к лозе жеребенка своего». «Тебе и семени твоему...»

Сей есть природный стиль Библии! Исторически или морально лицемерностью так сплести фигуры и символы, что иное на лице, а иное в сердце. Лицо, как шелуха, а сердце есть зерно, и сие-то значит: «Вениамин — волк, хищник рано ест, еще и на вечер дает пищу».

И не дивно, что весь Израиль толчет в ступах манну ^а. Манна значит что то? Сиречь чудо, а чудо есть образ или фигура.

Сама се о фигурах речь дышит гаданий мраком и самая кратчайшая сказочка заключает в узле своем монумент сладчайшей вечности; как корка зерно, а жемчуга мать жемчужину и как луна солнечный свет отдает по всей земленности своей. Например.

Предел 8-й
**ПЕРВЫЙ ОПЫТ, ИСПЫТЫВАЮЩИЙ СИЛУ
СЛЕДУЮЩЕГО СЛОВА:
«СОВЕРШИЛИСЯ НЕБО И ЗЕМЛЯ...»**

Под сим историчным видом закрылось то же, что под тем: «Вначале сотворил бог...» Совершенство, верх, конец и начало есть то же. Иаков, благословляя, сиречь делая фигурую божиею Иосифа, переносит на верх главы его силу, вечность образующих холмов или горних верхушек, являющихся из-под потопа. То ж делает и Мойсей? «От верха гор начала и от верха холмов вечных земля есть Иосифова», — говорит Мойсей. Также кланяется Иаков верху жезла Иосифова. Вспоминает и Давид верх волос... Но все сие: «Изнемог — ты же совершил».

Верхи гор, волосы голов, лучи зарн и солнца — все сие ничто есть. Но сии фигуры текут к вечному, его ж силоу влекомые, как гласит запрос его к Иову: «Вечернюю звезду за волосы ее привлечешь ли?» Он один совершение и конец светилам и знамениям. «Да станет солнце! И стало солнце и луна». «Пока пришедши, стал вверху... Се ныне!»

«Совершились небо и земля и все украшение их». Спаситель, умирая, последний испустил вопль: «Совершилось», сиречь сия история с нравоучением создана вначале: то есть в бже, отце моем. «Вначале было слово». И все сие идет к вечного точке, как к своему совершению. Все сие

---

^а Мanna? Quidnam hoc? Се что ли? Чудо, а родник его что то? По-славянски чудо есть ветхое.

ныне совершенно уже и отделано. «Совершился небо и земля».

Не наше сие и не до нас. Божие есть время и дело, и слава. «Совершил бог в день шестой дела свои».

Когда весь символический мир устроен в течение к божественному центру, можно сказать: «Совершилось небо и земля». И когда уже вся тварь приспела к намеренной своей точке и покою, достойно сказать: «Совершилось».

Как исчезает стебель при зрелости пшеничного зерна, а правдивее сказать, скрывается в зерне, так вся фигуральная мертвенность, доплыв к своему пристанищу, жертвая жизнью, истребляется. Сего просит возлюбленный, найдясь фигурой его. «Ослабь меня, да почию...» «Исчезли очи мои...» «Кто даст мне крылья?»

Отсюда речи пророков: «звезды надут»; «солнце померкнет»; «совется небо, как свиток» и прочее — дали повод думать, будто мир обительный когда-то погибнет.

В умирающей на кресте Христовой плоти умирает весь вздор историальный, и достойно испущен голос сей: «Совершилось».

Тогда померкнет солнце, раздирается вся фигуральная завеса, а светает утро всемирного и премирного воскресения.

«Зима прошла, дождь отошел... цветы явились на земле. Время обрезания гроздей приспело». «Совершилось».

Пример второй.

Предел 9-й

ИСПЫТЫВАЕТСЯ СИЛА СЛЕДУЮЩЕГО СЛОВА: «ПОЧИЛ В ДЕНЬ СЕДЬМОЙ ОТ ВСЕХ ДЕЛ СВОИХ»

Вот встречает смешным лицом историчный вздор! Глудость сим довольна, а сами премудрые, не раскусив, соблазняются. Кроме наличности, нет ничего тут нелепого, все простое для разумеющих. Просто сказать: бог, всю тварь сделав славы своей фигурами, сделал особенным портретом день субботний.

Как лев в ложе своем, так образуемая сила его в фигуре почивает. Сие-то значит ἐμβλημα, *emblemata*^a. И не о тлени написано: «Возлег, почил, как лев». «Возложив Иаков ноги свои на одр, умер». «Погребли его в пещере обширной, которую нашел Авраам».

^a Емвлима, то есть вкидка, вметка, вправка. *Injectio, insertio tanquam. Praetiosi lapilli in loculum sive oculum annuli*²⁶.

Вспомни село крови, то есть всю фигуральную тлень. Но не забывай: «В какой земле вселяется свет? Тьме же какое есть место?» А суббота есть всех чистых фигур изряднейшая и пресветлейший упокоения чертог. «Благословил бог день 7-й».

И не дивно: от всех дел своих избрал сию обитель. Сутки состоят из тьмы и света. Обе части, а чаще свет называется днем. Но источник и центр света есть солнце.

Сия благодороднейшая и прекраснейшая тварь в мире есть то, что в теле око. «В солнце положил селение свое». День есть малое коло ²⁷, обращаемое в 24 часа. Оно составляет круги веков и тысячи лет, как одна форма — миллионы монет. Равный и примерный течения бег обращает все дни. И время, и мера, и движение — сходное.

Как седьмой день, так и пятидесятая суббота, седмиц седмицу заключающая, есть покой, святой господу и пятидесятый год есть его ж радостное лето (*jubilaeus*). Итак, суббота есть праздников праздник, сиречь покой покоев, и обитель обителей божиих, так как песнь песней — главнейшая и символов символ, сличающий тлень с вечностью, да памятуем нетление ее. «Да будет свет, и был свет».

Тьма ее и вечер приводит в разум, плач всей тлени, а утро и светолучное солнце громко проповедуют радость сияющей *вечного* славы. «Небеса поведают славу божию...»

«День дню отрыгает слово, а ночь ночи возвещает разум». «И был вечер, и было утро — день...»

Каждый же день фигурной сей седмицы, имея солнце, есть суббота и покой божий. «Очень рано в одну из суббот пришли на гроб, когда воссияло солнце». Очень рано воссияло солнце... По наружности есть вздор, но в боге есть возможное и то же. «Положил мне утром утро». «Правда твоя, как полдень». «Где почиваешь? В полудне».

Если кто из одной сих светлых суббот субботы увидит восстающего жениха, сей может и из прочих фигуральных сосцов высосать сладчайшую сотов и муста вечность. «Выпустил ты узников твоих из рва...» «Гробы открылись».

Предел 10-й О ЗАХАРИЕВСКОМ СВЕЧНИКЕ

Сей семичисленный вечности венец, сквозь завесу прозрев Захария, слышит от бога: «Семь сини очи господни суть». Семь в седмице солнцев и одно солнце. Семь очей

вечности и одно недремлющее око. Сия ж седмица у Захарии уподобляется семилампадному свечнику: «Видел и се свечник золотой весь».

Искал он, но у бога что сие значит? И сыскал, что всех сих мыслей стрела напряжена в один только центр вечности, презрев всю стихийную грязь. «Сие слово господне не в силе великой, не в крепости, но в духе», — говорит господь.

Сей светосолнечный свечник просвещает исходы и входы в сию запечатленную книгу, а сие семивзорное око весь дом сей свой в целости доселе сохраняет. «Господняя земля...» Сие око открывается по всей его земле сей с нагрузкой ее. Семь сих очей господних суть, взирающих на всю землю.

И не дивно, что Иезекииль видит вокруг крылатым своим животным и колесам их насаженные очи. Сказано уже, что Библия есть мир сиволичный и зверинец божий, а люди, скоты, звери и птицы суть фигуры и херувимы ²⁸, сиречь возики, везущие вечности сокровище.

Просит Иезекия, сидящего на херувимах, дабы избавил от поругания нетленную свою деву — Библию, и сих-то очей его в ней откровения просит: «Открой, господи, очи твои и видь». О сем же просит и Соломон: «Да будут очи твои открыты на храм сей день и ночь». Тогда они не днем, а только ночью открываются, когда тень только и фигура болванеет. Открываются они Вениамину и братии его.

«Возрев очами своими, Иосиф увидел Вениамина». Но Вениамин, свех вечера, и рано еще кушает.

«Взалчут на вечер...» «Отвращу очи мои от вас». «Исполнился утром...»

Открываются Закхею: «Возрев Иисус...» Открываются Давиду: «В свете том узрим *свет*». Но и сей в седмичных днях узрел бога. «Седмерицею днем хвалил тебя». Открываются Соломону: «Очи твои голубинные». Но и сей кричит, что под солнцем скудость и труд и нет забавных новостей, кроме почивающего на солнце. «Пока дышит день...» «Где почиваешь? — В полудне». «Покажи мне вид твой...»

Во всех таких как содержатся внутри их, так и открываются *вечно* очи. А без сего они и недужные, и хромые, и слепые. «Тогда вскочит хромой, как олень...» «Очи господние высоки, человек же смирен».

Они называются затем *народ божий*, и Моисей сынов Пакова так благословит: «Все освященные под руками твоими и сии под тобою суть». Они — и люди, и быки, и львы, и орлы, заняв места египетских фигур, названных hieroglyphica.

«Сын львов Иуда, радостотворные очи его...»

«Первородный юнец — доброта его». «Твоим ли повелением возносится орел?» «Поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе». «Очи твои на мне...» (Иов).

Вот зачем херувимских сих животных представляет Иезекииль крылатыми, четвероногими, многоглазыми, везущими колеса многоглазые. «На его место, если видели *начало око*, зеница вечности и в свете свет истинный, а в солнце новое заключалось *солнце*. «Как бы было *коло* в колесе». Он же видит среди сих животных горящие захариевские свечи. Известно, что древние свечою, лампадою и оком мира называли солнце, а человек есть маленький мирок. «Почил в день седьмой».

П р е д е л 11-й О СНАХ ФАРАОНОВЫХ

Сия радостотворных суббот седмица, являясь в различной одежде, является и под видом семи колосков, виденных во сне фараону, и семи коров ²⁹.

Толкует сие сам Иосиф: «Семь лет суть». Как суббота, так и 50-й год есть чертог вышнего. А можно догадаться и из сего, что все колосья, как и захариевские семь лампад, из одного стебля происходят, чего в нашем мире не видно.

Не сходны ли солнце и колос?... Что ж нужды в кошельках, если в них золото то же? «Всякая плоть — сено, и все как риза обветшает, а мысли в них божии и те же». Когда солнце просвещает, вино веселит, а хлеб укрепляет, тогда не велика разнь. Давидова речь о свете мешает пшеницу, вино и елей. «Знаменился на нас и прочее».

Мне кажется, сон фараонов значит ночь и тень взятых от египетских священников и пусто у них почитаемых сих фигур, внутри которых прозрело израильское око вечной мысли и похитило в свою пользу. «Сон фараонов один есть». Тьма только одна египетская в сих словах, а сила в них божия. «Как истинно будет слово, которое от бога». Затем и сон повторен. Один его, другой колос

божий. «И был вечер, и было утро...» Спи-то колосья рвали и терли апостолы в субботу. Помогла им суббота, а без нее встретило бы их то, чем принял еврейский сфинкс — сильный князь Иефай всех ефремитов³⁰. Он всех их переколол, не решивших задачу сию: «Скажите колос (шиболет — по-еврейски)»^а. И не смогли сказать так. «И взял их и заколол». Смерть, голод, яд и урод есть Библия, от *начала* своего заблудившая.

Видно, что ефремиты о днях первых и летах вечных с Давидом не помышляли, а с апостолами не думали о субботе. Не взошло им на ум догадаться, что всякая трава в третий день, а день *вначале* сотворен. Тут всему гавань... Суббота день ее и солнце силу, решение и шабаш всему прилагает. А правдивее сказать: зеница солнца — маленькое, находящееся в солнце солнышко.

В сей светлейшей всех своих чертогов палате, почивая, прекрасный наш Иосиф (прилагатель) фигурной своей системе, восходящим и заходящим солнцем очам мира, растущей и увядающей траве, всякой плоти свет, толк и вкус прилагает, обновляя лицо фигур и сам на всякую свою похвалу прилагая. Должно только из всей твердости вызвать его, обрезать ему волосожарные лучи, снять одевающий его свет и всю ветошь отослать на запад. Тогда останется и вознесется господь единый. «Возлег, почил...» «Почил в день седьмой».

Предел 12-й О ЖЕРТВЕ АВРААМСКОЙ

Богатая сия и великоленная фигура солнце есть тучная жертва богу. Семь суббот, семь коров, худость паша, а тук божий. Наш голодный вечер, а его утро сытое. Тук есть то же, что в захариевских лампадах елей: и просвещающий и насыщающий. Сию-то «возьми мне телку трехлетнюю», — велит бог Аврааму. Подняв он жертву в разум *начала* и разделив фигуру на тень и истину, видит, что солнце не иное что есть, как печь, благовонным нетления дымом дымящаяся^б. Тогда солнце, показав собою образуемого, пало, как шелуха, в запад свой^в; а Авраам уди-

^а Не выгласпи *ши*, но *шиболет*, сего ради погибли (Книга Судей).

^б Взгляни! Что значит истый Содом и Перихон? По пустозвону Иерихон значит *благоузание*.

^в Глянь: «Солнце пало. Жена Лотова обратилась назад» (то же).

вился, видя, что на место отделенной тлени присовокупилась новые мысли, мысли вечные. «Птицы да умножатся на земле». Тут он услышал горлицу ту. «Голос горлицы слышен в земле нашей».

Увидел из ковчега голубицу, взирающую выше потошных вод, и сказано ему, что сие зачатое в сердце его вечности зерно превратится в тлень языческих фигур, пожертвое ими, и всяк потопчет, как подлое, но что сему подавляющему языку сам он даст суд и решение и что сие семя наследит всю землю их, взяв от невкусного египетского Нила все к Евфратову плодоносию. От сих коров предлагает дражайшим своим маслом и молоком, и тельца одного. Один только и есть у всех сих чистых божних телок сын, но всегда молод и прекрасный. «Почил в день седьмой».

Предел 13-й О СЕМИ ХЛЕБАХ

Сюда смотрят и семь хлебов. Из сих хлебов один вкушают два путника: Лука и славный взором Клеопа, но на пути субботнем; суббота есть и путь, и вкус и путникам, и хлебом. Кто ж им преломил сей твердее всякого камня хлеб?.. Вот кто!

Сделавший пир семи дней, открывший гаданье в день седьмой, попавший гумна и колосы филистимские, вознесший на гору ворота городские, растерзавший льва, спавший и восставший от сна своего... Уже солнце садилось, нечего было железом стричь и обрезать. «Железо не взойдет...» Осталась одна зеница солнца. Солнышко... Тут решение гаданию. Самсон значит «солнышко». «Им открылись очи...» Преблаженное солнышко почивает в день седьмой, восстает в третий, палит всю тлень, разоряет иноплеменничьи стены, открывает гробы, открывает очи, ломает хлебы, насыщает весь свой почетный народ вкусом *вечности*. «Очи всех на тебя уповают, и ты даешь им пищу в благовремя».

Все сие родство, богообразные очи носящее, взяв от последнего апостола до Адама, говорит с Иовом: «Очи твои на мне, и к тому не есмь» ^a.

---

^a Amplius и к тому не есмь. Id est umbra sum et figura: amplius nihilum. Sol est pascha; at ergo sum — solis sol: umbra, umbrae, seu antipascha, id est viceumbra, vicefigura, antitypus ^{20a}.

Число едящих сии хлебы как 4000 или 5000. Затем, что вся сила господня исходит из Египта в 430 лет и в сей сумме заключается 7, а седмиц седмица составляет 40, 400 или 4000 с лишком. Затем написано: «Как 4000», «Как 5000...» И часто поминается четвертый и седьмой род: «В четвертом роде возвратятся». А как они находятся вице-фигурою ^а седмицы, так ко всем и к каждому их касается сие: «Шестижды от бед спасет тебя, в седьмом же не коснется тебя зло». Сиречь: насытит завтра, умножит и приложит пшеницу, вино и елей. И прилагает Иову семь сынов и три дочери: Касию, Рог изобилия и День. «Почил в день седьмой».

Предел 14-й О ПЛАЩАНИЦЕ, ПЕТРУ НИСПУЩЕННОЙ

Светлая сия седмица есть пространный ковер, вмещающий всех четвероногих, и птиц, и рыб, и гадов, и плоды деревьев и трав. Все в ней, а сама она *вначале* сотворена. Сей небесный ковер ниспустил: «Простирая небо, как кожу». А когда ковер, то и стол, и дом семистолпный, и предложение хлебов. И чуть ли не над сею скатертью в «Деяниях» пирует в полдень Петр на горнице, подняв все по Аврааму вверх начала. «Заколи и ешь». Там, похваляясь, кушает и Павел: «Имеем же алтарь...» Там причащаются и все ему освященные. «Упьются от тука дома твоего...» «Пили же и упились с ним».

И нам можно сказать: «Имеем алтарь». Но никто не скверен, кого бог для себя освятил. Да молчит здесь всякая плоть! Да заколется! Божие сие тело есть, а сия глennая кожа и вид суть фигурная завеса храма, где вечный почивает. «Спя есть кровь моя...» Моя... (над сим словом emphasis — ударение) моя, божия, не человеческая.

Сим холстом повивает Мария младенца, а Иосиф — мертвеца. «И се вам знамение...», сиречь фигура.

Счастливая земля: когда сей мертвец встал, когда сей Иосиф изведен из твердыни, когда сей Самсон проснулся, разорвал цепи, свернул небо, как сукно, потряс землю и разогнал всю языческих фигур стражу. «Там его узрите». «Почил в день седьмой».

---

^а Вице-фигура — греческое ἀντίτυπος.

Предел 15-й
О ЛЕСТНИЦЕ ИАКОВЛЕЙ, О СЕМИ ГОРОДАХ,
ЖЕНАХ, ТРУБАХ И ГОРАХ...

Касающаяся небес паковская лестница сию ж показывает седмицу. От нее и через нее истекают и востекают к точке своей все фигуры, часто называясь свидетелями, стражами и ангелами, сиречь служками, мир благовестующими. «Слава во вышних богу...»

Иаков, так как и дед его, прозрел, что сия шутка не человеческая, но дом божий и что сия седмица есть дверь, на высокий возводящая край, а увидел также по заходе солнца. Сюда взирают и отцовские его клятвенные источники. «Очи твои — как озера в Есевоне (граде)».

Клятва, смерть и фигура есть то же.

Сии ж дни суть и семь городов божинх, и семь Исаиевских жен, как одна одного придержаживающиеся мужа, и семь разоривших Иерихон труб. И конечно, небо, когда повествует славу божию, есть труба.

Сии суть горы божии, горы тучные. Там растет рог Давида, туда восходят все колена Израиля. Туда ж идет в горнее и Мариам. Там оленей и рождающих оленец стадам место. «Перейдем к Вифлеему...» «Там родила тебя мать твоя».

Сюда взирает и Даниил Meingard³¹ с крючками своих седьмин. И идущие в Галилею и Павел, и Стефан. «Знаю человека». «Тело его как фарсис» (камень). «Как вознеслось великолепие его». «Се вижу небеса отверзнутые». «Придите, взойдем на гору господню». Там мир Израилю и гавань всем фигурам! «Почил в день седьмой».

Предел 16-й
О БЕСКОНЕЧНОЙ ПРОСТРАННОСТИ
И НЕПРОХОДИМОСТИ ДОМА БОЖНЕГО

Узнав день, узнаешь седмицу, а сию познав, познаешь бытия книгу и прочие, как отрасли ее. А хотя в сем непроходимом лабиринте не всякую дверь отворить можно, но уже знаешь, что под той печатью не иное что, как только божие таится сокровище. Довлеет тебе, что получил исход и что дарена тебе шелкового клубка нить от царевны Ариадны³², путеведущая тебя из сего лабиринта на пространство.

Иерусалимская Ариадна есть Раав, освободившая из Иерихона шпионов Иисусовых обвязанною у окна

червеною веревкою. Сия веревочка вождь нам есть во многосвязанных чертогах дома божьего, разделяющая Фареса от Зары, свет от тьмы ^а.

Сюю веревкою межует Навип землю, а по сей мере кушает Иезекииль священные хлебы и воду. «Веревка червленна — уста твои». «Видел, и се муж и в руке его веревка землемерная». «Ею же мерь...» «Возмерится вам».

К чему желать все перезнать? Ненасытная есть забава гулять по соломоновским садам и домам, а не все высмотреть. Искать и удивляться значит то же. Сие движение веселит и оживляет душу, как стремление текущего по камням воду. Но при полном открытии всего-навсего исчезает удивление. Тогда слабеет аппетит и приходит насыщение, потом скука и уныние. 1000 лет и один день — одна фигура и 1 000 000 их есть то же. Если что непонятно, закричи с Варухом: «О Израиль! Сколь велик дом божий! Велик и не имеет конца». «Сие море великое...»

Предел 17-й О ЗМИЕ

Мойсей между прочими фигурами занял у египетских священников и икону змия, образующего божью премудрость. «Змий же был мудрейший...» А когда одна фигура, то и вся Библия есть змий. Возносит его Мойсей в гору, чтоб не умер Израиль. То же и евангельский змий сказывает: «Если я вознесен буду от земли, тогда все привлеку к себе». Змий сей, ползая по земле, всю сию Мойсеева мира систему и Адама со всем здесь населенным родством портит. Они все остаются дурными и невкусными болванами, поколь не раскусить ему голову. Голова его есть седмица. Итак Библия есть змий, хоть одноглавый, хоть семиглавый, а растопчет ему голову почивающий в солнце. Избраннейшая фигур фигура — солнце есть и мать, и дева, испускающая из ложесн принятое от бога вечности зерно. «Тот твою сотрет главу». Итак, змий останется одним только подножием сидящего в солнце. Тогда все оживляется, а мертвецы встают к точке своей. В другом случае черный сей дракон, вод горьких бездну изbleывая, апокалиптической облеченной в солнце сына жены, потом всю обетованную землю потопляет, но жене даются орли-

---

^а Разделяющая море. Что есть солнце, если не огненное море?

ные крылья, дабы родила не в подлом месте и не смертное. «Восхищенно было дитя ее к богу».

Сей есть гордая денница, сатана и враг ангелам, херувимам и всем носящим господу фигурам. Не терпит смотреть Соломон как на орла, парящего к солнцу, не к *солнышку*, так и на гнусное сего змия ползанье. И чуть ли не сей поминается в притчах раб воцарившийся; а дабы сие не последовало, почивший во львином рве Даниил вкидает сему аспиду в адскую челюсть хлебец, испеченный из смолы благовонных деревьев и тука, и хлопчатой бумаги. Все сие есть вечности фигуры. «Смирна, и стагтп, и касия». «Дающего снег свой, как шерсть (хлопок)». «И тука пшеничного, насыщая тебя».

От сей нашего Даниила чудной пилюли змий лопнул.

«Тот твою сотрет главу». Встает и Иона от лица господнего. Се муж, чудовищу в брюхо ввергает его бог. Тогда спасается все священного сего мира селение с людьми его. Ниневия значит *жилище*, а Иона есть *голубь*.

«Дерзай, земля... дерзайте, скоты полевые». «Чада Сиона, радуйтесь, ибо дал вам пищу в правде!» Лицо, от которого восстает Иона, львиный ров, печь, смиренною дымящая, ковчег и киот, Самсонова и Адамова жена, ризы Иосифовы, чертог солнечный *вечного* есть то же. «Одевающийся светом, как ризою». «Тот твою сотрет главу». Сего рыкающего дьявола растерзав, *Самсон* находит в трупe его сладость вечности.

Сие делается при городе Фамнафе. Фамна значит *образ*. «Тот твою сотрет главу». Мойсею подражает наперсник, называя истину светом, просвещающим всякого человека, пришельца в сей символический мир. Он ставит предтечу на место главной фигуры солнечной.

«Да свидетельствует о свете...» «Был светильник...» Но меньшее солнышко есть больше великого. «Оному подобает расти, мне же уменьшаться».

Сей судия израильский разоряет все ветхое фигур ползанье, обновляет естество наше, претворяя невкусную воду в куражное вино и придавая всей Библии сот вечности. «Дастся мне всякая власть...» «Тот твою сотрет главу».

Сего просят Давид с Мойсеем, воплем возбуждающие уснувшего на коленях своей Далилы. «Да воскреснет бог...»

«Встань, господи, и да рассыплются враги твои!»
«Почил в день седьмой...»

Окончив другой пример, опять сказываю, что в Библии иное на лице, а иное в сердце. Так, как Алкивиадская икона, называемая по-эллински *τηληνός*, с лица была шуточная, а внутри скрывала великолепии божие. Благородный и забавный есть обман и подлог, где находим под ложью истину, мудрость под буйством, а во плоти — бога. Вот прямое, именуемое у древних эллинов *κρίμα*, то есть творение! ³⁴ А такие писатели суть точные пшты, и нимало не дивно, что Мойсея зовут обманщиком.

Сей змий нарочно создан; да надругаются над ним сборища нагло судящих! И не дивно, что для сих лесов из высоких божних гор рождается не лев или орел, но мыши, ежи, совы, удода, неопыри, шершни, жабы, песьи мухи, ехидны, василиски, обезьяны и вредящие соломоновским виноградом лисицы. «Испытайте писаний!»

Конец! И святому богу слава!

КНИЖЕЧКА
О ЧТЕНИИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ,
НАРЕЧЕННАЯ ЖЕНА ЛОТОВА ¹

Любезный друже Михаил! ²

В самом открытии наместничества Харьковского, во время непрестанных осенних дождей, прогоняя скуку, написал я сию книжицу в монастыре Сеннянском. Сей монастырек подарил Печерской лавре святой Иустин, митрополит Белгородский, в котором он часто уединялся ради горних садов и чистого неба. Брат мой, Иустин Зверьяка, бывший тогда игуменом, не мог чувствовать вкуса в Жене моей Лотовой. Однако был типографом и забавлялся книгами эллинскими и римскими. Но ты, любезный друг, имеешь вкус не зверский. Можно ли мне не сказать о тебе (в полуночном каноне первого гласа): «Явился ты Аврааму, чистейшую часть богословия показывая?»

Все богословствуют, но не по Аврааму. Все вкушают и жуют, но не по Иаковому сыну.

«Иуда, сын мой! Тебя похвалят братья твои...» «Зубы его паче молока».

Кто может поминать жену Лотову, если не будет бог с ним? «Помни-де последнее твое...» А последнее ведь есть что, если не конец и вечность? «Помни последнее твое», сиречь следующее за делами твоими. Все наше исчезает, а на место тени вечность... О вечность! Ты одна и свет нам, и память. Бесславлен судия, не помнящий тебя! Беспамятен тебя забывший богослов! О вечность! Мать тебе память, а ты ее мать... Спящий на Библии, книжник мой, скажи мне, кто и что гнездится в памяти твоей? Какая речь и какая невеста живет и образуется в твоём сем всех морских и воздушных бездн ширшем зеркале? Что то пленяет и веселит твою и Вселенной царицу? Какую царицу? Память (говору) твою. Пожалуйста, скажи...

Отвечает книжник: «Тьфу! Как не знать сего? Радуга в

облаке, красавица в зеркале, а прекрасный Наркисс³ мой, мир сей, видимый в очах моих, будто в двоих зеркалушках, смотрит на себя, амурится и любит себя сам собою непрестанно...» А сверх сего ничего ли тебе на память не приходит?

Ответ: «Да что другое какое придет? Ведь что видишь, то и помнишь...» О друг ты мой, знал я сие прежде твоего ответа. Знаю, что ты весь, как Наркисс твой в водах, потопился в наличность. А память твоя где? Во мне. Что она помнит? Все! Как же помнит? Ведь все твое и весь твой вздор (хаос) торчит под носом твоим. Вся твоя рухлядь, весь болван твой, мир сей, лежит на очах твоих, гнездится в твоих зеницах. То едино только помнится, что заочное. Где же твоя память? Ведь у тебя нет ничего заочного. И ныне к чему она тебе? Скажи мне: где такое око, чтоб не было ему на что-либо смотреть? Не может же быть и память, когда нечего ей помнить. Пожалуй, не мучь меня (просится книжник), я ведь помню все то, что сделалось вчера... О бедный, с твоею вчерашнею памятью...

Вчера сие твое уже прошло. Погибла вместе с твоим вечером и память твоя. Все то есть то твое вчера, что уже исчезло, отцвело и не узнает места своего. Если земля твоя есть ничто, как же и не память? Вот се она от земли земная твоя память, послушай: «Лицо господне на творениях злых, которое потребит от земли зависящую память их». Пожалуйста, проснись! Не весь погружайся в землю! Приложи к ней и то, чего не видишь. А приложишь, если вспомнишь. Тем оно великое, чем нетленное. Нетленное, как невидное. Кто бо может раслить заочное и невидное? И что есть святое, если не удаленное от тления. Сия же есть истинная память: признать, обнять и принять в памятное наше зеркало ту святыню, которая утаена, то есть от тления удалена и паче солнца сияет, то есть всем все оживляет.

«Пойте господу, преподобные его, и исповедайте память святыни его».

Видишь ли, что святыня и память — неразлучны дружки? А ты ее привязал к проклятию земли.

Святыня и память двойной сей луч есть невечернего солнца. Святыню вера видит, надежда надеется, любовь объекает сердцем, а память помнят. Четыре сих духа суть одно с вечностью, с бездною нетления, с апокалипсическим градом, с незаходимым солнцем. Видишь дым?

Вспомни огонь! Видишь мир сей? Вспомни вечность! Что есть мир сей? Дым вечности. Вечность есть огонь, все поедающий.

Глуп ловец на след зевает, олень на память не приходит. А след ведет к оленю.

Глупый книжник на болван смотрит, вечность на память не приходит. А пути к ней ведут. «Пути твои в водах многих».

Библия есть пути его. А ты в пути углубился. Но про-снись и припомни. Куда сии следы ведут? Куда сии ноги несут? Вот куда! Наум поет: «Се на горах ноги». Чьи ноги? Благовествующего и возвещающего мир.

Видишь? На горах твой олень. К нему сии следы ведут. К нему сии ноги несут. Возводи же память на горы. Оттуда приходит помощь.

Что есть Лотова жена? — След. Куда она тебя ведет? — Туда, куда сама идет. Идет туда, куда смотрит. Куда смотрит, там ее мысль. Она оглянулась в Содом. Жена и Содом есть то же. Содом значит то, что тайна. Вот куда жена привела — в Содом. А Содом куда ведет? Туда, куда дым восходит. Дым его восходит в небо. Дым его поднялся вверх. Дым, чад, дух, мысль, толк есть то же. Видишь? Куда ведет Содом? Жена и Содом суть ноги. Видишь, что идут на горы? «Се на горах ноги?..»

Но и гора след есть божий, а куда она возводит? — На Сион гору возводит. Но Сион — гора земная. Она возводит к небесной. Сион на город взирает. Небесная гора на весь мир. Там-то твой Лот обитает! «Гора Сион, в нее же вселился ты». Где же наш Сион небесный? Солнце на весь мир взирает. Вот тебе гора небесная! Солнце истинный Содом есть. Лотова есть жена солнце. В сем болване Лот скрылся. Видит его память чистая. Зрит на него святая вера. Солнце — Содом, а он Сигор⁴. Солнце — жупел, он фимиам. Солнце — ад, а он роса. Солнце западет под землю. В память вечную будет Лот. Он тебе отец и жених. Купидон⁵ и ветхий днями.

Прпмета 1-я О НАСТАВНИКЕ

Приходить море сие, великое и пространное, за руководством ангелов божиих должно. Таков вождь был Рафаил Товии.

Ангел, апостол и истинный богослов есть то же. Но почему знать, кто от бога послан? Слушай Иеремию (гл. 23, ст. 22):

«Если бы стали в совете моем слышаны, сотворили бы слова мои и отвратили бы людей моих от пути их лукавого и от начинаний лукавых».

Видишь, что посланник от совета божия есть тот, кто толкует к нравоучению, паче же к вере, без которой и добродетель не добродетель. Таковы суть: Василий Великий, Иоанн Златоустый, Григ. Назианзин, Амвросий, Иероним, Августин, папа Григ. Великий и сим подобные ⁶. Сии-то могли с Павлом сказать: «Мы же ум Христа имеем».

Богословие учит или целит самые тайные в душе начинания, советы и мысли. «Растлели и омерзились в начинаниях». Начинание, начало, совет, λόγος ⁷ и бог есть то же. От совета или главы, как от источника, все наши дела наружу происходят. Если совет добр, то и плоды добрые.

Итак, богословие есть не иное что, как искоренение злых мыслей, или, как Павел говорит, начал и властей ⁸. Ведь если два суть человека, земной и небесный, в том же человеке, то и два начала: одно змиино, или плотское, другое божие.

В прочем те искореняют худые мысли, а на то место засевают слово божие, семя всех добрых дел, о которых можно сказать: «Начал Иисус творить и учить».

Любовь одна ангельский язык делает действительным.

Примета 2-я

О СИМПАТИИ, ИЛИ СОСТРАСТИИ, МЕЖДУ ЧТЕЦОМ И НАСТАВНИКОМ

Начало всему и вкус есть любовь. Как пища, так и наука не действительны от нелюбимого. Итак, из помянутых ангелов избрать для себя одного, который паче прочих понравится. Откушать несколько каждого или некоторых из них. В то время вдруг к одному особое движение почувствуешь. Одну манну все сии едят: хорош во всех помянутых вкус, но разный.

Примета 3-я

ОБ ОТВЕРЖЕНИИ СВЕТСКИХ МНЕНИЙ

Приступая к небесным оным писателям, должно принять очистительные пилюли и все старинные из глупого общества водхненные мнения так излевать, как Израиль

ничего не взял из разоренного Иерихона, а если что удержал, за то был казнен. Если в море для измытпя идти, так на что удерживать мирскую грязь? Муж двоедушен есть искуситель, дух пытливый, хром на обе ноги, ни тепл, ни холоден. Муж нейтральный есть неприятель делу, а Библия есть то тяжebное дело бога со смертными. Сей-то род людей вопрошает бога: «Жив ли в руках моих воровей?» «Жив, если не задавишь», — отвечал бог.

«Не искусишь господа бога твоего».

Примета 4-я
О СТРАШНОЙ ОПАСНОСТИ
В ЧТЕНИИ

Но понеже, по Августиновому слову⁹, не только в мирских делах, но и в самом рае слова божиего скрыты находятся дьявольские сети, для того с великим опасением поступать должно, дабы при самом чтении и поучении в законе вышнего не путаться нам в сети лукавые по примеру Иудину: «По хлебу войдет в него сатана».

А вот те сети: сребролюбие, честолюбие, сластолюбие, тщеславие... Сии все духи возвращаются в землю свою, то есть к брюху и к плоти, откуда нас слово божие вывести единственно намерено.

Сколь многих погубила грязь Лотова пьянства! Бесчисленных растлил яд Давидова прелюбодейства, а в старости его — мнимый дур деволожства. Не менее яда в повестях о сыне его. Читаем о ревности Илии и острым нож на ближнего. Слышав о Иезекииной болезни, раздражаем страх смертный и наше суеверие. Богатство Иовлево — жадными, а благодарность Авраама делает нас тщеславными. Лазарево воскресение, слепых прозрение, свобода бесноватых совсем нас превращают в плотомудствующих скотов? Самое сие зерно божие, сиречь слово сие (вера), соблазняет нас, повергая на стихии внешнего мира. Отсюда-то уповаем на плоть и кровь святых, надеемся на тлень и клятву; обожаем вещество в ладане, в свечах, в живописи, в образах и церемониях, забыв, что, кроме бога, ничто не благо и что всякая внешность есть тлень и клятва. Кратко сказать, вся Библия преисполнена пропастей и соблазнов. «Сей лежит на падение». И весь сей путь ее иерихонский воздушными осажден разбойниками. Скажем с Давидом: «На пути сем... скрыли сеть мне».

Слышал ты о мытарствах? Так вот они! Впрочем, они есть небыль. Помани, что Библия есть еврейский *сфинкс*, и не думай, будто об ином чем, а не о ней написано: «Как лев, рыкая, ходит, ища, кого поглотить».

Помни, что опасное дело встречаться с Голнафом¹⁰. Счастлив, кому удалось разодрать льва сего и обрести в жестком нежное, в горьком — сладкое, в лютости — милость, в яде — еду, в буйстве — вкус, в смерти — жизнь, в бесчестии — славу... Но как притча есть: не всякому по-Яковому, сие есть по-Самсоновому удается.

Примета 5-я О ЧТЕНИИ В МЕРУ

Весьма помнить должно увещание Сирахова сына: «Многие от пресыщения умерли». Затем, как можно, стараться в меру кушать, не обременяя желудка мыслей наших. Здоровый и чистый вкус малым доволен, а засоренная глотка без меры и без вкуса жрет. Для сего-то не велит бог святить себе скотов, не имеющих жвания. Много жрать, а мало жевать дурно. Многие, к тому разномысленные, чтущий книги не будет благоученным.

Когда наш век или наша страна имеет мудрых мужей гораздо меньше, нежели в других веках и сторонах, тогда виною сему есть то, что шатаемся по бесчисленным и разнородным книг стадам без меры, без разбору, без гавани. Большой разных тварей беспокоит, а здоровый одною едою сыт. Скушай одно со вкусом, и достаточно. Нет вреднее, как разное и безмерное. Пифагор¹¹, разжевав один треугольник, сколько насытился? Давид, раскусив одну тень ковчега, сколько просветился! Даже скакал, играя. Разжуй одну преславную славу — и во многие обители божиего сего лабиринта открывается тебе вход и исход. Преславная слава, слово божие и мысли его есть то же. «Преславное говорилось в тебе, град божий». «По всей земле слава твоя».

Раскуси одну только, например, сию *славу*: «Где труп, там соберутся орлы».

Или сию: «Птицы да умножатся на земле».

Или сию: «Слетели птицы на тела растесанные».

Или сию: «Семь юниц в юницах людских».

Или сию: «Очи твои как голубиные».

Или сию: «Не знаю орла, парящего к солнцу».

Или: «Твоим ли повелением возносится орел?»

Или: «Поднял вас, как на крыльях орлих».
Или: «Призовет (бог) из востока птицу».
Или: «Голос горлицы слышен в земле нашей».
Или: «Да станет солнце! — и стало солнце».
Или: «Пока пришел, стал вверху, где был отрок».
Или: «Вознесет Самсон на верх горы ворота городские».
Или: «Возьмите ворота, князья, ваши».
Или: «Ворота сии затворены будут».
Или: «Да хвалимый будет в воротах муж ее».
Или: «Се лестница утверждена на земле».
Или: «Железо не взойдет на голову мою».
Или: «Всплывет железо».
Или: «Что есть человек, как помнишь его?»
Или: «Вознесется из земли жизнь его».
Или: «Один я, пока перейду».
Или: «Перейдем до Вифлеема».
Или: «Не изойдешь, бог, в силах наших».
Или: «Премудрость в исходах поется».
Или: «Возвеселись, неплодная, рождая».
Или: «Созидутся пустыни твои вечные».
Или: «Дочери твои на плечах поднимутся».
Или: «Будут цари кормители твои».
Или: «Приступите ко мне, погубившие сердце».
Или: «Ниже хребтов их и высота была у них».
Или: «Узришь прошлое мое».
Или: «Помни последнее твое».
Или: «Полижут землю, как змию».
Или: «Как ласточка, так запою».
Или: «Был Ефрем, как голубь безумный, не имеющий сердца».
Или: «Кто перейдет на ту сторону моря и обретет премудрость?»
Или: «Звезды воссияли в хранилищах своих».
Или: «Сны узрят». «На забрала востекут».
«Глубоко сердце человека, и кто познает его».
«Вода глубока — совет в сердце мужа».
«Человек, насади виноград».
«Подобает вам родиться свыше».
«Дал бы тебе воду живую».
«Ангел господень возмутил воду».
«Кто первый влазил... здоровый был».
«Познается ими в преломлении хлеба».
«Змия возьмут, языками заговорят новыми».

«Встань и ходи. И, вскочив, стал и ходил».
«Встань, спящий, воскресни из мертвых».
«Даны были жене два крыла орла великого».

Кто развяжет хоть одну связь,
В том блестит израильский глаз.

Кто премудр, тот и сохранит сие. Сиречь приметит, соблюдет, постигнет и размыслит. Когда слышишь сие: «Поминайте жеңу Лотову», не довлеет вспомнить одно то, что была жена у Лота. Сия такая пища есть голодная, тощая, не сытостная, худая, кратко сказать, пустой колос, и худая корова от сна фараонского и суеты мирской¹². Но должно размыслить и припомануть то, куда ведет разумы наши сей соленый болван? Что-то внушает нам невкусная и глупая сия корова? Не обращай сердцем твоим в Содом алчной тлени и суеты, не опочивай здесь в смертной сени, но в будущее простирайся на гору с Лотом и так теки, да постигнешь соль, и нетленную силу тлени сей, и славу воскресения ее. Да то, что посеяно в тлени, встанет в нетлении, да воспоешь: «Встань, слава моя!», «Един я, пока перейду». И будешь блаженный оный странник и пришелец, о котором вопрошает прозорливый Варух: «Кто перейдет на ту сторону моря и обретет ее?»

Сие-то значит поминать: «Поминайте жеңу Лотову». Сиречь: разжуйте, раскусите, растолките, разбейте и сокрушите идола сего, раздерите льва, сего дьявола, и сыщите внутри его сокровенную еду и сладкий сон вечности, безвестная и тайная премудрость божия, о которой Исаия: «В сокровищах спасение наше». Из двоих естество состоит слово божие. «Единое говорит бог, но двойное слышно».

Две страны имеет библейное море. Одна страна наша, вторая — божия. На нашем берегу колосья пустые, а коровы худые, по другую же сторону моря и колосья добрые, и юницы избранные. Наш берег и беден и голоден, заморский же есть Доброй Надежды гавань, лоно, или залив Авраама, место злачное, где весь Израиль пасется и почивает, оставив на голодной стороне содомлян. «Кто перейдет на ту сторону моря?» А вот кто: «И полечу, и почию». «Я уснул, и спал, и встал». Вот и девица: «Под сень его пожелал и сел». Почивай, душа моя, мудрая дева! Не бойся. «Если поспишь, сладостно поспишь».

О рай мой, рай! Мы тебя почитаем, но не разумеем. Ах, с толком нужно вкушать *слово* божие, зубами сына Павового жевать должно. «Иуда! Возлег, уснул ты, как лев». И не дивно: мог он разжевать и обрести себе сладость покоя. «Как рай сладости, земля перед лицом его».

И все оные имеют Иуды зубы, о которых написано: «Как утро, разливаются по горам люди многие и крепкие, подобных им не было от века». «Праведник дерзает, как лев». *«Поминайте жену Лотову!»*

Вся тварь есть сень привидения, а бог есть дух видения. Вот тебе два Хвалынского моря ¹³ берега: северный и южный.

«Поминайте жену Лотову!»

Слышишь мрачное привидение? Вспомни через сей мрак свет видения. Осязашь нечувственный солоный кумир; для чего через сию примету не взойдет тебе на сердце соль нетления и вкус вечности? Видишь северный берег? Помяни на нем южный, невидный. «От юга придет бог». Уготовь пасху. Ведь здесь не нажиться. Не ногами перейдешь, ни кораблем, ни крыльями. Сам господь восхитит сердце твое и переставит от смерти к жизни, от буйства — в разум и суд. «Путь бо господень есть суд и милость». Если взираешь на жену сию, почто прелободействуешь в сердце твоём? Почто почитать на плоти и крови ее мыслишь? Для чего не размыслишь, что плоть и кровь не есть царствие небесное, не есть покой и сладость, но мертвый сей болван, сень и привидение, а сия примета ведет тебя к метке своей, к мужу своему, дабы не с нею, но с ним тебе почитать и насладиться. «Истребил ты всякого любодейщего от тебя».

Разве ж великое есть нечто муж ее Лот? О друг мой! Когда сын Авраама, велик есть человек Христос, тогда его ж племянник Авраам, малое ли нечто тебе мнится быть? О всем роде сем дерзновенно скажем: «Род же его кто исповедает?»

Лот есть оный *человек*, о котором написано: «В благовоние мира твоего течем». За ним-то чистые девы текут из северного берега на горы Кавказские, да упьются и почиют. «Упьются от тука дома твоего». Лот есть одного рода со смирною, то есть тук, или клей из ароматных деревьев. Вот премудрость божия! «Как смирна, издал благовоние». «Смирна, и стакти, и касия от риз твоих». Эллинский голос — стакти, а по-еврейски — Лот. Стакти не благой ли

дух? А дух благой не то же ли, что бог? Шабаш! Здесь почием! «И полечу, и почию». «Господь пасет меня». «На месте злачном всели меня». *«Поминайте жену Лотову!»*

О жена, жена! Ты и горесть, и сладость моя. Живишь и умерщвляешь... Если бы мы тебя так любили, как твой сладчайший муж Лот, как и Христос церковь свою, никогда бы мы не разлучали, которых бог сочетал. Тайна сия великая есть... А ныне, холодно и несмысленно любя, а бестолково и беспамятно помяная тебя, не вспомним о муже твоём, разделяя нераздельную двоицу и забыв совет божий: «Сын человеческий, да не сотворишь детей по плоти».

И невозможно, чтоб сия Ева не вкусила смертных плодов и не породила детей в погубление тогда, когда станут с нею амуриться подлые, плотоядные и хамские оные сердца, которые описаны так: «Полижут землю, как змии, ползущие по земле».

«Узнай, как пепел, сердце их и прельщаются». «Враги его землю полижут». «Смерть спасет их». «Яд аспидов под устами их». «Гроб открыт — гортани их». «Возьми меня, господи, от человека лукавого». «В сердце и в сердце говорили злое». Как так? А вот как! Принесли с собою злость в сердце своем, затем не нашли доброты и в сердце жены Лотовой, кроме слов потопных и языка льстивого, с которым пришли. До доброты же оной, как сокровенной, не добрались. «Вся слава дочери царевой внутри».

И се то те содомляне, бродящие по околицам города. «Преславное говорилось в тебе, град божий». «Мария соблюдала все слова в сердце своем». Да как же им и найти? Ведь «глубоко сердце», а паче оному человеку: «Взойдет из земли жизнь его». А их дело ползати и кушать землю все дни жизни своей. Смерть им — хлеб, а мать — ночь. «Взалчут на вечер и обойдут город». «Проклят ты паче всех скотов!» «Проклят Ханаан-отрок!» «О несмысленная и косная сердцем!»

«Поминайте жену Лотову!»

О прекрасная моя и благословенная в женах, неплодная! Не могу в сытость намыслиться о тебе — столь сладка мне память твоя, память Лотова. Семь мужей и 7000 имела ты и ныне имеешь, но все прелюбодеи, кроме сына Товитына, а Рафаилова друга Товии. Сей накадил невестник и ложе твое фиамом и благоуханным чадом, восходящим из сладчайшей памяти о муже твоём, да в память вечную

будет праведник, переспал с чистою невестою не зазорно и целомудренно, вне бесовского идольского смрада, обрета, как в рыбе печенку, внутри царской сей дочери славу ее, касию и стакти в ризах ее; вырастил детей не в рабство, но в свободу, которые не от похоти женской, не от похоти мужской, но от бога родились, как сделал оный пророк: «Отныне детей сотворю, которые возвестят правду твою, господи, спасения моего». «Я уснул...» Скажите мне, кто у вас человек, боящийся господа? Кто? Не Ханаан-отрок и хлопец, но прямой муж оный: «Господь с тобою, муж сильный».

Есть ли кто из числа оных мужей? «Мужи, любите своих жен». «Я же говорю во Христа и во церковь».

Так возлюбите со мною неплодящую сию! «Возвеселися, неплодная, нерождающая!»

Если ж сия не нравится, кроме нее суть множайшие дочери царские. Какие? А вот оные: Иудифь, Руфь, Рахиль, Ревекка, Сарра, Анна, мать Самуилова, любезная Давиду Авигея, Далпла Самсонова, Фамарь, Есфирь. А Еву ты забыл? И не читал ли ты, что ангелы божии амурились с дочерьми человеческими? Сии-то девочки согрели старость Давидову. С теми же любился и сын его, и в одной хвалит всех в конце притчей. Все сии жены амуриются и рожают не на дольных северных берегах и полях, но на горних стремнин черкесских верхах, в беспечных местах райских; и о сих-то оленицах спрашивает бог у Иова: «Уразумел ли ты время рождения коз, живущих на горах каменных?»

Там-то обновляется орля юность Давида. Возрастают новые рога и ему, и козам. Так и евангельские оленицы: Елисавета и восшедшая в горнее Мариам. Туда же подыята Петром и Тавифа, сиречь серна, сайгак. Туда отсылает ангел и мирносиц. Кратко сказать о всех: да не растлится девство их. «Даны были жене два крыла орла великого».

«Поминайте жену Лотову!»

Что ж ты думаешь, о амурник мой? «Не суть советы мои, как советы ваши». Знай, друг мой, что Библия есть новый мир и люд божий, земля живых, страна и царство любви, горний Иерусалим; и, сверх подлого азиатского, есть вышний. Нет там вражды и раздора. Нет в оной республике ни старости, ни пола, ни разности — все там общее.

Общество в любви, любовь в боге, бог в обществе. Вот и кольцо вечности! «От людей сие невозможно».

Брось думать, что Ева — старуха или чужая жена. Сии думы суть от берегов содомлянских. «Гроздь их — гроздь желчи». Сей-то корень вверх прозябает, многих оскверняя. И не многие ли осквернились, прочитав Лотово пьянство? «Все же чистое чистым». «Но осквернился их ум и совесть».

Плюнь на бабские и детские сказки, неверными чтецами и на ложь, плотоядными змиями отрыгаемую, растлившими Еву, обращающими лукавое свое вспять в Содом око, на свою блевотину. «Взалчет, как пес».

А ты, друг мой, поспешая и не осматриваясь ни вправо, ни влево, иди в горнее со тщанием, куда тебя зовет и не обманщик змий, но прозорливый Захария. «О! О! Бежите от земли северной». И Исаия: «Отступите, отступите, изыдите отсюда». «Приди, да покажу тебе суд любодейцев великих». «Как от вина ярости любодеяния своего напоил всех язычников». «О град крови, весь лживый, полный неправды... Голос бичей и голос тряски колес, и конника текущего, и колесницы шумящей... Открою прошлое твое к лицу твоему и покажу язычникам срамоту твою и царствам бесчестие твое... Положу тебя в притчу... Низвергну на тебя оглушение по нечистотам твоим». «Падет, падет Содом». *«Поминайте жену Лотову!»*

Но, о друг ты мой! Прежде приберись и уготовься для Синайской оной горы, сладким дымящейся оным дымом нашего Лота. «Христово благоухание мы есть». Пожалуй, будь мудрою девою, если хочешь быть в Кане Галилейской¹⁴ и преображенного из огнушенных сих (мочащихся к стене городской) псов мочи и железом мойсейским услажденного насладиться муста. Заплачь, о Иеремия, как «оскудели добрые девы». Но ты веселее воспой, о Исаия!

«Святися, святися, горний град!» «Возведи окрест очи твои и гляди». «Се дочери твои на плечах поднимутся». «Какие суть? Они, как облака, летят и, как голуби, с птенцами ко мне». «Отворятся ворота твои всегда. Приложится к тебе богатство мирское...» «Радуйся, пустыня». «Кто даст мне крылья? И полечу...»

Да как же тебе к веселью оному и к горнему добраться браку? Как приступить к неосязаемому Кавказу и взлететь на стремнины его? «Превращу трудное для него в легкое». «Дам им путь новый и пойдут». Какой путь? Никогда

ты его не узнаешь. Как же? Скажу. Если кто не рожден породю с вышней оной страны, не может найти оного пути и взойти в горнее. Молчи мне с глупым вопросом Никодимским. Плоть, трижды рожденная, есть одна грязь и один тот же земной болван. Но нужда в том, да глиняная твоя природа зачнет, примет и вместит, как нива зерно, горней породы и новых людей *семя*. Слушай, семя, сеемое по роду. Слышь, по высокому оному роду. «Род его кто исповедает?» Вот тогда-то рожденное от духа есть второе, новое и инородное, сверх от плоти рожденного, сказать мойсейским стилем: «Человек — человек», сиречь душевный вкупе и духовный, не всем знакомый: «Я, который говорит, от вышних есть, вы же от нижних». Вот в чем, повторяю, нужда! Чтob из навозной твоей кучи блеснул алмаз, а от песчаной твоей горы откатился оный краеугольный камень. Дабы болото и грязь твоего трупа прорастили былие травное, выпускающее семя по роду божественному. Дабы полевые и дубравные крыны и благовонные кусты возникли из земли и сверх земли твоей. Да кости мертвые твои прозябнут, как трава, и созиждется стена телишка твоего, и пустыня твоя вечною в роды родов. Сие-то есть второй раз родиться, сиречь свыше, и обрести в себе то, что быть никогда не начинало, но ты глухо только слышал о том без всякого вкуса, а на сердце тебе оно не всходило, и ты того не ждал, не думал о том, а если думал — дума твоя похожа была на беззубого младенца, обращающего в устах своих самый благородный из соломоновских садов орех, но не по зубам своим.

Если же кому пришло время и удалось раскусить самого себя, сей в горнице своей и на мысль не восходившее, паче надежды вырыл золото. Какое? Оное. «Золото оной земли доброе и там анфракс». «Радуйтесь со мною».

Тогда сердце делается доброю нивою, падает и приемлется вечности зерно, а плоть, как поле цветами и как сухая в кустах палица, процветением весенних ветвей, будто орех, наполняется зерном оным: «Я хлеб животный». «Я цвегок полевой и крын удольный». «Вознесла земля былие травное». «Цветы явились на земле».

Во время оно свыше второе рождены бываем чистою девою, зачавшею и вместившю оного, кто есть только один и один святой. «Се раба господня». «Господи, во чреве зачал, и поболел, и родил *дух* спасения твоего». «*Слово* плотью было и вселилося в нас».

Разумей же мне и памятью отныне, богословское создание человека оного. «Создал бог человека».

В горней республике все новое: новые люди, новая тварь, новое творение — не так, как у нас под солнцем, все ветошь ветошей и суета сует. «Все дела его в вере». «В творениях рукой твоею поучался». «Творящий ангелов своими духами». «Сотворю, и кто отвратит?»

Слушай же! Да напишется сие перстом Божиим на сердце! *Сотворение человека есть то второе рождение.* Оно бывает не тогда, когда содомский человек из плоти и крови, и будто из брения и грязи горшок, зиждется, слепливается, образуется, извается, стоит, ходит, сидит, машет; очи, уши, ноздри имеет, шевелится и красуется, как обезьяна; болтает и велеречит, как римская Цитерия¹⁵; чувствует, как кумир; мудрствует, как идол; осязает, как преисподний крот; щупает, как безокий; гордится, как безумный; изменяется, как луна; беспокоится, как сатана; паучится, как паучина; алчен, как пес; жаден, как водная болезнь; лукав, как змий; ласков, как крокодил; постоянен, как море; верный, как ветер; надежный, как лед; рассыпчив, как прах; исчезает, как сон... Сей всяк человек ложный: сень, тьма, пар, тлень, сон.

Когда же бывает прямое сотворение человеку? Тогда, когда второе рождение. Не дивись сей славе и сему слову: «Подобает вам родиться свыше».

Бренный кумир ограничен, заключаем теснотою. Духовный же человек есть свободен. В высоту, в глубину, в широту летает беспредельно. Не мешают ему ни горы, ни реки, ни моря, ни пустыни. Провидит отдаленное, прозирает сокровенное, заглядывает в прежедевшее, проникает в будущее, шествует по лицу океана, входит дверьми запертými. Очи его голубиные, орлие крылья, оленья проворность, львиная дерзость, горлицына верность, пеларгова благодарность, ягненково незлобие, быстрота соколя, журавля бодрость. Тело его — адамант, смарагд, сапфир, яшма, фарсис, кристалл и анфракс. Над главою его летает седмица божиих птиц: дух вкуса, дух веры, дух надежды, дух милосердия, дух совета, дух прозрения, дух чистосердия. Голос его — голос грома. Нечаянный, как молния и как шумящий бурный дух. «Где хочет, дышит».

Господи! Сей ли есть человек оный, какого ты помнишь, поставив его над делами рук твоих? Люба тебе память пра-

ведника сего. Мило поминать его при жене Лотовой. Хочешь положить и на наше сердце имя и память его. Сего ради низвел ты его пред очи наши, одетого в болвапеющую кожу нашу, да прославишь у нас и сына и того же брата твоего, ниспосланного на спасение наше. Но мы не угадали и вместо него самого разделили себе ризы его по моде Пентефриевой жены¹⁶. А мода сия оттуда, что содомляне одно осязают осязаемое, лишены Исааковой догадливости, обоняющей от сына своего ризы благоухание Лотово. Сею модою мы прельщены: ни Лота, ни жены его не узнали. Сего ради сия бесплодная прямо неплодящей нам была, когда мы со Исавом на содомском поле охоты забавлялись, не на горах с Иаковом, забыв совет пророка Наума: «Не касайся охоты». Слушай, о град крови: не касайся охоты. «Видел и се муж *один*». «Вознесется великолепие *его* превыше небес». «Помышления сердца *его* в род и род».

Вот тебе второе рождение и прямое сотворение! «Дух святой сойдет на тебя...», сиречь неосязаемый, второй, новый, вечный, словом, скажи: «Последний Адам в дух животворящий».

Когда «все дела его в вере», тогда и человек, богом сотворенный, есть неосязаемый. Дух духа творит. «Рожденное от духа дух есть». Слепота содомская свое, рожденное от плоти, осязает, в даль не простираясь, но исааковская вера, осязая сыновнюю ризу, обличает невидимое сверх осязаемого и при глухом болване, в плотских очах болванящем, возводит голубиное око на нечто превосходящее и, присовокупляя к подлым и гнилым мыслям высокие и прозорливые, насыщающие сердце мысли, будто высоковысоко востекшие и на пространстве горних небес гуляющие, приманывают к поверженному сему стерву орлии птенцы, соколы, кречеты, вороны, дабы не пожерла, как во сне фараоновом, худая стервяга содомская чистой и избранной юницы и девы премудрости божией, но вместо того мертвенное животом и смрадная содомская пища да будет пожерта *славою* нетленной, силою воскресения и высокими *вечно* мыслями, будто бы свыше налетевшими орлами. Вот! «Где ж труп, там соберутся орлы» — герб наперсников. Вот что есть! «Птицы да умножатся на земле».

Разумеешь ли ныне сие: «Призовет с востока птицу»? Или сие соломоновское: «Око, ругающееся отцу и досаждающее матерней старости, да выключат вороны и орлии

птенцы». «Как орел, покрыл гнездо свое и на птенцов своих вождделел».

Сей горний орел перерождает нас, творя из плоти духов своих, из несущих — сущими, из скотов и зверей — чело-веками; зародившись в болване пашем, как в орехе и колосе зерно, а в ягоде виноградной сот сладкого муста. «Закон твой посреди чрева моего». «Посреди вас стоит, его же не знаете». «Се дева во чреве приемлет».

Не из стороны он приходит и не из плотских сплаци-вается сетей *вечный, цельный*, но в нашей же плоти, будто светозарная искра в кремешке утаиваясь, напоследок во *время* свое, как крын из нивы и как в безводной пустыне источник, является. Его точно преобразует оный райский родник: «Источник изошел и напоил всех».

И в сию точно цель пускает Исаия стрелу следующую: «Кости твои утучнеют и будут, как сад напоенный и как источник, в котором не оскудеет вода...» «Кости твои прозябнут, как трава, и разботеют, и наследят роды родов. И созиждутся пустыни твои вечными, и будут осно-вания твои вечные родом родов. И прозовешься создателем оград, и пути твои посреди упокоишь».

Задивилась, услышав о сей воде, самарянка. Просит ее от учителя, возжелав ее с оленем Давидом. «Кто меня напоит водою?» Не содомскою, но из вертепа вифлеем-ского, из росы, высот и красот Иосифовых, от гор Аермон-ских, сходящей на бороду Аарона и на все отреты плотс-кие, да сбудется во благое: «Реки из чрева его потекут».

При сем человеке исчезает в нас слепота и насморк, а нос ей — обоняние и догадливое оное Исаака чувство, могущее обонять Лотово кадило, делается высоким, как солмоновская пирамида, просто скажу, Библия, которой он, как родственнице своей, говорит: «Войди в сад мой, сестра моя, невеста»; «Кто сей скрывающий от меня совет, содержащий же слова в сердце? Меня ли мнит утаиться?»

Сей муж, зачатый от тебя, чистой девы, без мужа рожден же, а не сотворен от бога без матери — дух от духа, свет от света, оставляет вас, родителей своих, и прилепляется к жене своей, сей сущий Лот вскричал от радости: «Се ныне плоть от плоти моей, и, будто вино в чашу изли-вается, да будут оба в одно». «Отвори мне, сестра моя». «Врата сии затворенные будут и, кроме него, ни для кого, кто смертные суть, не отворятся».

Вот кто открывает нам путь в горнее. «Знаю человека, прошедшего небеса».

Он не только на неприступные прямо верхи гор Кавказских, но на небо, даже до Сатурна и в самое солнце восходит и нисходит. Не думай: «Как сей говорит, как с небес сошел?» «Не ропщите между собой». «Я дверь».

«Поминайте жену Лотову!»

А когда прекрасное сие дитя еврейское задушится или потопом змииных блевотин, или злобою иродскою, тогда не только Рахиль и Иудифь остаются вдовами, но и все дочери иерусалимские рыдают, лишены жениха и брачных одежий. Не думай, будто плач Иеремиин смотрит на нижний град, а не на вышний, библийный, на мать нашу. «Да плачу день и ночь». «Как отнялася от дочери сионской вся красота ее». «Любодействуют все». Тогда-то прекрасная сия невеста тоскует, мечется, бегаёт, ищет его: «Взыскал его и не обрел его». Напали-де на меня содомляне, тень осязающие, били меня, поязвили меня; довольны негодян сии негодные тем одним, что содрали с меня одежду, разделили ризы мои между собою, но не обоняли из риз моих сладости и желания моего, крына моего, благоуханного мира жениха моего Лота!

Отступите от меня в пламень и жупел содомского сладострастия вашего, о любодей! Бежите от меня, земляядные змии, псы, мочащиеся к стене городской, плотожадные звери, вепри дубравные. Жрите терние и волчеп. Вот по губам вашим салат! Райский куст не для ваших ноздрей. Зубы ваши Агарины, очи Лиины¹⁷, уши аспидовы, ноздри и нос свиной и дурен, не могущий слышать духа божьего ни в райских цветах, ни в святая святых, ни в столпе облачном, ни в столпе соленном, ни в пирамиде ливанской... «Смотрел направо и во взглядах и не был знающим меня». «Возрел, и се не было человека, и не видел мужа, все уклонилися в Содом, ненужные были до единого».

Где ты, о человек, человек? Яви мне вид твой и услышав сотвори мне голос твой, ибо уязвлена я любовью чистою, нетленною, целомудренною. Изведи из темницы содомской. Освободи твоего племянника от плена, верный человек Авраам, да идем в горнее со тпцанием и там, на горнем месте, насладимся, новые люди, новым вином и почем.

«Поминайте жену Лотову!»

Умейте, други мои, поминать жену Лотову. Когда в божиих книгах читаешь: пьянство, наложничество, кровосмешение, амурь и подобное, не мешкай на содомских сих улицах, но проходи, не задумываясь на них, и на пути грешных не стой. Ведь Библия не к сим улицам, а только через сии улицы ведет тебя в горние страны и чистый край — не в плотские мудрования и исходит к вечному. Библии нет нужды до брюха, до нижнего сего нашего бога, ни до брака, ни до царя плотского. Она вся в вышнем боге. Неужели ты и в сем не слышишь вкуса слова? «Премудрость в исходах поется» или: «Не упивайтесь, но беседуйте в проходах, сиречь в пасхах». Ей! Сия Лотова басня издревле портит чтецов с неомытыми их руками и ногами, раздражая в них плотоугодие, и на нее-то перстом показывает Павел, чтоб не упивались вином, но под видом вина напивались бы духа божьего и вина нового завета, не содомского. Вот причина омытия ног пред таинственной вечерею! Так же и Мойсей Израиля приуготовляет к съедению пасхи, дабы в путническом маскараде, опоясанны, стоя и в шляпах, и с жезлами пасху вкушали. А что значит сия церемония? То, что Библия есть *пасха, проход, переход, исход и вход*.

Что же далее? То, что Библия есть книга и слово, завещанное от бога. Ба! Да сие, ты мне говоришь, и бабушка знает. Так ли? Так точно. Знает сие всякая дура. Так теперь из уст твоих же сужу тебя. Для чего ты не сидишь дома, когда сей день не твой рабочий есть, но суббота господу и богу твоему? На что ты из твоего гнусного домишка дрянь и рухлядь таскаешь в субботы, в покои, в чертоги, в горницы и обители божии? Зачем суешься с твоею бедностью и смрадом во град вышнего? Забыл ты то, что и бабы знают? Не пришло на память, что Библия есть храм вечного славы, а не плотской твоей дряни? Для чего ты там находишь пьянство, мотовство и твой амурь? Не сие ли есть осквернять субботу, преблагословенную сию субботу. Ей, оскверняешь, когда вводишь рабское иго и тяжкую работу в страну совершенного мира и свободы. Пожалуйста, уцеломудрись. Разуй твои сапоги дома, омой руки и ноги, оставь твое все тленное и переходи к божественным. Пасха! К сему переходу Библия тебе есть и мост и лестница. Пасха! Там тебе воздастся вместо тления все нетленное. Пасха! Вкусишь, чего око твое не видело и на сердце тебе не всходило. Пасха! Если она бьет тебя в щеку, обо-

ротись второю, южною стороною к ней моря. Пасха! Если благое воздаешь ей за благое, не великая еще благодать в тебе. И заблуждаемый чтец то же творит. Но если злое тебе представляет, а ты вместо того нашел ей благое, тогда-то ты сын вышнего и сия-то есть пасха. Представляет ли тебе и похваляет в Лоте пьянство? Помяни, что наше пьянство злое, а божие доброе.

Пасха! Мать твоя Библия ничего не хулит, кроме твоего, и ничего не хвалит, кроме божьего. Пасха! Хвалит ли змия? «Будете хитры...» Помяни премудрость Христову. Он сам змий есть. Пасха! Советует ли все продать, а купить нож?

О младенец! Не поминай о твоём ноже. Сей есть оный кинжал, которым сквозь брюхо пронзил внук Ааронов Финеес израильянина, блудодействующего с мадианкою, — одним ударом и его, и ее.

О чтецы мои, чтецы! Да даст вам господь мой кинжал сей, дабы Лотовой жены сей, с бесчисленными любопытствующей, пресекался яд и вред. Да пронзит ложе сна блудницы сей, даже до костей и мозгов ее, тончайший, острей силы и духа божия! Пасха! Величает ли она перед тобой солнце, луну, звезды, радугу, цветы, травы, деревья, птиц, рыб, человека — властелина всех тварей оных, в светлой господней седмице созидаемых? Пожалуй, онемей на время с подлым твоим миром и со всеми смертными смертных писателей коперниканскими системами. Оставь сей весь физический гной и мотылу глупым и сопливым девам. А сам кушай с Иезекиелем благоуханный опреснок и сытоносную манну священной *пасхи* божией, переходя от земли к небесному, от осязаемого к неосязаемому, от нижнего, тленного, в мир первородный. Пасха! Повели так, как Навин Иисус, и скажи солнцу: «Останься в твоём мире! Теперь ты мне не нужно. Я иду к солнцу, лучшему тебя. Ты питаешь, просвещаешь и согреваешь раба моего, плотскую систему. Но оное невечернее солнышко самого меня, мой центр, мои мысли, мою сердечную бездну, ничем видимым и осязаемым не удовлетворяемую и неукротимым волнующуюся свирепой жажды бешенством, ширшую всех Коперниковых миров, насыщает, улаживает, утишает и утешает полно».

Пасха! Да станет солнце на западе! Да воззрит сердце твое на новый свет, вызванный из тьмы и мрака, из солнца вечернего, воссиявший над ширью небес бездною сердца

твоего! Да помнит память твоего сердца, чего не видит твое тленное око! Господи! Что есть свет твой, напоминаемый нам западного солнца монументом? Скажи мне. «Скажи мне, господи, кончину мою и число дней моих, какое есть, да разумею». Открой мне: на какой конец ведет пас и куда сей день наш, сие солнце наше? Развяжи мне, какое есть и что значит число дней наших, число седмицы, бедной сей седмицы дней наших сих? «И был вечер, и было утро...»

О несмышленные! Сколь мы косны и тупы в разумении пророческих песен! Но сей ли есть преподобный образ, чтобы изобразить преподобного мужа? И чтоб поставить всемирное сие око монументом недремлющего ока? Сей есть оный муж: «Господи, что есть человек, как помнишь его?»

Пророки уподобили его нашему солнцу. «Человек суете уподобился». Не горнее ли царство Библия? Не он ли царь блаженной страны живых? Не сему ли власть на небесах и на земле? Не он ли судия над делами рук божиих? Не он ли начало и кончина всей Библии? Не он ли в солнце положил селение свое, одеваясь светом его, как ризую? Не он ли пядью измерил седмицу дней наших? Не он ли премудрость, создавшая себе дом сей семипирамидный? Не его ли поет солнце и песнь она: «Пребудет с солнцем». Его-то небеса проповедают, ему-то слава в вышних сих фигурах, он-то есть день, источник вечности, ни в высоту, ни в глубину, ни в широту не ограниченной, наполняющей и носящей всяческое до последней жилки и волоса. Сему-то дню, дню великому и дивному, наш день отрыгает слово, и слово благое. Сей наш день есть икона и картина, есть образ для оного, море и кит, Иону отрыгающий.

«Се вам знамение». В сих солнечных ризах, в сей плащанице и пеленах обретете младенца, краснейшего всех сынов, сына оного: «Пока пришел, стал сверху, где был отрок».

«Се благовествую вам радость великую! Благовествую от ветхого дня — новый, от плача — вечную радость. Вострубите, небеса! Благовестите и вы, други мои, благовестите день от дня».

Возрадуемся и возвеселимся в сей день! Не в худую сторону завело ты нас, о солнце наше! О ты, огненный херувим! Колесница нашего нового человека. Довезла ты нас, колесница божия, туда, куда довела волхвов звезда.

Прочие на сей колеснице не сыскали ничего, кроме физического болота и своей плоти. Сами на ней сели и на конях ее, будто на твердом чем. Затем и погрязли в огненном сем море солнечном, в содомском сем огне и жупеле. Мы же, призвав имя божие и одного Исаина человека: «Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалека», — добрались с Израилем до гавани, до твердой гавани южной стороны, оставив колеснице гонителей со всадниками их в потопе вод многих, воспевая господу нашему песнь победную. «Сии на колесницах, а те на конях». «Погрязли, как олово в воде».

Оставайся ж ты, колесница себе! Теперь ты не нужна, когда довезла к тому, кому имя восток, и довела нас туда, «где было дитя». Он тебе велит: «Да станет солнце». И стало солнце.

Вот так-то подобает вкушать пасху и в исходах насыщаться премудростью. Беседовать в проходах!

Пасха! Таким образом встречайся и с луною, и со всею натасканных в седмицу созидаемых тварей дрянью. Не трогай клятвы иерихонские, секи с Навином всяк язык безбожный, даже до предела. Все то язык, что клятва, все клятва, что плоть, и все то плоть, что сень, знамение, образ или предел... Слышь! Секи, не щади ничего. Заколи с Петром всякое там дыхание, брось мертвое, кушай живое, скверное скверни, а святи святое. Один свят, один господь. «Утром избивал все грешные земли...»

Делать беззаконие есть то: духовное превращать в плотское, а божие дело в человеческие и физические сплетни; портить мать нашу общую Еву — Библию, жизнь нашу по-змиינוму. Для себя-то все освятил бог, почто к себе влечешь, о змий? Почто разоряешь, что сотворено, о убийца? Плоть — ничто же, и все плотское есть идол и ничто. Сделай духовным — вот истина! Вот дело! Вот сотворение! Сотвори ангелов — духов, а не плоть. Все то ангел, что служит богу, все то служит, что хвалит, все то хвалит, что для него собрано, сделано, посвящено. Слушай все и сотвори все, тогда ты мне муж мудрый, основавший себе храмину на камне, не на песке. Вот твердость! Пасха! Слышишь воскресение? Не суйся с твоим! Слышишь рождение? Забудь твое! Слышишь о дочерях Лотовых? Не поминай людей и дома отца твоего. Проходи, о дочь моя, далее, приклони ухо твое гораздо. Пророки тебе твоим

языком говорят, да не о твоём, подлыми и ветхими речами, да новое и премудрое. Проходи твоё. Исходи к доброму. Вот что значит: «Премудрость в исходах поется». «Исходы мои — исходы жизни».

Вознесись хоть к солнцу, как орел, и солнце есть тлень и ветошь, а ты все то же летишь по воздуху. Сего орла гнушается Соломон: «Не знаю орла, парящего по воздуху». Не только все под солнцем, но и само солнце есть ветошь и суета. Мирская система всякая есть идол Деирского поля¹⁸, а золотая глава его есть то солнце. Доколе ты в мире, дотоле в суете, а не в исходе божиим с быстрозорным оным наперсниковым орлом, о котором, как о любезном, вопрошает бог Иова: «Твоим ли повелением возносится орел?»

Все подлое и все низкое, кроме бога, и не можешь похвалиться с Павлом: «Не зря тек». Поколь ползешь со змием, Соломону ненавистным, по камню и по стихиям физическим, а с орлом, имеющим око совиное, летаешь по осязаемому воздуху. «Всякая плоть — сено».

Возлети сверх стихий, пролети всю воздушную бездну, вылети со всей тлени в незыблемую твердь вечности, вот тогда-то ты находишься в исходе Израилевом, от рабства физического, бедного, сокрушенного. В то время воспой с Аввакумом песенку сию: «Господь бог мой, сила моя, и учинит ноги мои на совершение, и на высокое возводит меня, которое победить мне в песне (поющей) его». Видишь? Сколь высоко восходят пророческие музы! Приметь и разжуй сие: «Победить в песне». Сиречь взойти туда, куда божия муза ведет. Так и римляне говаривали: «Ascendere, superare montem»¹⁹. Сие-то значит представлять горы, дабы физическая тень Лотовой дочери не мешала, дабы не затеняла вере, орлим оком, будто через телескоп, прозирающей отдаленное и высокое, но везде сущее — свет, за тьмою светящийся, поверх холмов, из середины потопа возникающих; землю и гавань израильскую, обетованную, высокую, нагорную, залив, недра и лоно Авраамово, камень и дом мужа мудрого; горлицыно гнездо, возлюбленные селения господа сил; субботу и шабаш многобедственному плаванию; кончину дней и исполнение рыдания своего оный сказывает тебе, восход и исход, и пасху, которая была центром сладчайшей беседы оной между тремя оными собеседниками: Христом, Мойсеем и Илиєю на Фаворе. «Придите, взойдем на гору господню...»

Но, о господи! Не возведешь нас вовеки на гору твою нашею силою и мудрствованием, разве твоею единою. «Не изыйдешь, боже, в силах наших. Ты один дашь нам помощь. Исходы твои высокие исходят в живое, а мы все из физической смеси, плоть и кровь, дух, бродящий по мертвым стихиям, не обращающийся в горнее, разве в Содоме. Кто ж взойдет? Ведь уготовляется хотение от господя. И орел его же повелением возносится. Где же взять нам вторую волю, вторую душу, сердце и око?» Вот где: «Подобает вам родиться свыше». Тогда прочувствуем вкус в сем. «Премудрость в исходах поется».

«Поминайте жену Лотову!»

Если ты, друг мой, рожден уже свыше и сугуб ты естеством, так здравствуй ты, дочь Лотова! Радуйся, невеста невестная! Слышь, дочь! Не забудь, что в стране, в царстве живых, нет возраста, пола и разности. Все там в боге, а во всем всячеством есть бог. Когда ты дочь, тогда и невеста, и мать, и сестра, а Лот тебе и отец, и жених, и сын, и брат, и наоборот. Исаия то невестою, то женихом является божиим. «Как на жениха, возложил на меня венец». «Как невесту, украсил меня красотою».

Христос друзей своих называет вместе и матерью, и братом, и сестрою. Хоть Библия тебе, хоть ты ей дочь и отец, и брат брату, и друг другу, и сестре сестра. Соломон и женою, и сестрою, и братом, брату помогающим, называет премудрость божию. У сего-то друга-соседа друг занимает во евангелии хлеб для гостей. И не то же ли есть, что Давиду любезная Авигея приносит в дар несколько корзин, наполненных смоквами, гроздием и чисто испеченными хлебами? И не то же ли делает Мелхиседек Аврааму, Авраам же гостям то же своим? И не то же ли, что Давид, победив с Авраамом, по-Аввакумову, всю содомскую дрянь, в «Песне песней» божиих и превзошед все стихии, всю же смерть поправ, взшел в Сион, по-Павловому, к оному на обед столу, от которого не имеют власти вкусить все осязающие содомляне, и не только сам насытился, но и немощным охотникам раздарил хоть по одному блину сковородному? «Взошел ты на высоту, пленил ты плен...»

Кратко сказать, все, что похваляется о дружбе, о родстве, об угощении, о хлебе, о яствах, об одеянии, о доме и его украшении, о дарах, о виноградах, о садах и плодах, например: Иосиф дает пшеницу братьям своим, под-

лагает им золото в рубище их. Савская царица посещает Соломона и угощается. Ломаются хлебы в пустыне для голодных 5000. Дары от волхвов приносятся. Уготавливается царская вечеря и прочее. Знай, что все сие смотрит на пиrowание дочерей Лотовых и все есть сего ж корня отрасль, как поток источника. «Упьются от тука дома твоего». «Блажен, кто имеет племя в Сионе». «Блажен, кто съест обед». «Премудрость создала себе дом». «Пили же и упилися с ним». «Пейте из нее все». «Познан был им в преломлении хлеба». «Положите меня в яблоках». «Под сень его возжелал». Всем сим вракам вот куда исход: «Брат, от брата помогаемый, как град тверд». «Я брату моему и брат мне».

Смерген, не рожден свыше, не есть родственник Библии. Не может смертное сердце соединиться с божественным сердцем. Великое противострастие, то есть антипатия, какое между небом и землей, между дневною птицею и ночью, между сокрушаемым и вечным. Мысль или сердце есть то дух, владетель телу, господин дому. Вот точный человек! А тело? Есть устричный череп. Если сокрушаемы физические мысли и сердце, тогда человек есть мертвая стихия, прах и тень и ничто. «О Исаия! Узнай, что пепел есть сердце их».

О, сколь правдиво называет таких Библия мертвыми! Созидается же и воскреснет тогда, когда зародится в сокрушенном сердце сердце вечное и над темною ночью мыслей бездною воссияет *солнце истины оное*. «Да будет свет». «Он и воссиял в сердцах наших».

Библия есть *мысли божии*, сие есть сердце вечное, а сердце вечное есть-то *человек вечный*. «Помышления сердца его в род и род».

Не к стати ли пророки, сиречь видящие, живые и божественные сердца, физическое, грязь освещающее солнце сотворил портретом, богочеловека образующим, сиречь божественных мыслей и родник вечных лучей — *сердце*, восходящее над темною адских сердец бездною и невечерним светом просвещающее. Вот какие сердца могут наслаждаться Библией! Она им родная родня. Вечный вечного любит. Дух духа знает. Дух все испытывает и все глубины божии. Дух чистый написал Библию, не иной, а тот же дух и сердце чистое развяжет ее и скажет: «Меня ли мнит утаиться?» «Открыл я брату моему, брат мой перейдет». «Обрел мужа по сердцу моему».

А как чистое и светлое, как полуденное ве́дро, *сердце* есть истинный бог, так стихийное и пепельное есть нечистый дух. Знать-то он тонкий, но воздушный, когда же воздушный, тогда и стихийный, а посему и грубый и темный. Сей воздушный дух царствует во всех смертных, раз только рожденных, и, каков сам, такие и подданные и домашние его — враги человеку нашему. Сей есть царь содомский, дух слепой, стихийный, плотский, физический. Посему-то содомляне бродят во мраке, бьются о стены, осязают двери и прутся во весь опор к пиру, шатаются и бесятся, предстоят дверям, исключенные. Но Лот о голодном их сердце, едящем все дни жизни своей пепел и воздух, не милосердствует, не хочет насытить душу тщетную и душу их алчущую, а пирует и угощает любезную родню свою ангелов, гостей, свыше рожденных и свыше пришедших божиих людей. Сюда-то точно смотрел Давид, когда пел: «Зачем шаталися язычники?» «Предстали цари земные». Ищут плоти да любодествуют. Не вселится дух божий в сердцах сих, и не вкусят вечери господней. «Блажен, кто съест обед в царствии божием».

«Поминайте жену Лотову!»

Полюбомудрствуем еще, о друг! мой, над сим болваном. Учитель наш не сказывает: «Осязайте», но: «Поминайте». Да не прелюбодествуем. Осязается плоть, а памятуется дух. Осязается прах, а вечность веруется. Рука ощупывает камень, а сердце наше памятью вечною обоняет смирену нетления. В сугубом слове божием сугубым чувством сугубого в нас естества чувствуем сугубое, будто взирая на радугу, в ту же минуту за спиною видит наша память солнце, образуемое, как в зеркале, в чистейших водах небесных, и, когда очи солнечную тень, тогда ж и сердце, господин очей, самое мира светило вселенское. О Лот! Пасха наша! О сладчайший Лот наш! Веди нас, веди на горы твои! Мы на твою жену взираем, как на радугу, а тебя памятуем, о свет невечерний, над бездною сердец наших воссиявший! Памятуем памятью чистого и верного сердца, воспевая тебе с нашим Исанею: «Путь господен есть суд». «Уповал я на *имя* твое и память, ее же желает душа наша».

Воссел ты сверх жены твоей, как орел над трупом, как судия на радуге, судящий правду, и мир на мир ближним и дальним благовествуя, Христе Иисусе. Ты и плоть и

дух. Ты и радуга, и солнце наше. Радуга, как солнцем образуемый невещественный образ *ипостаси* отца твоего. *Солнце* же, как лучи и сияние *славы его*. «Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалека».

Труп наш сидит и почивает, а сердце наше течет. Переходит от трупа к богу, от безумного к премудрому. Возлетает, как Ноева голубица, выше потопных вод всех стихий, да почиет на холмах вечности. Пасха господня есть то суд, когда сердце перелетывает от тьмы к свету, от глупости в разум и суд. «Не воскреснут нечестивые на суд».

Скажите мне, братья мои, чему подобна пасха наша? Подобна кораблю, плывущему в древнюю гавань острова Родосского²⁰. Ворота оной гавани — кумир. Ноги его суть столпы врат, а свод врат — то его чресла. Сквозь вздорные сии ворота между голеньями исполина сего входили все корабли в гавань.

О друзья мои! Страшное и срамное встречает вас. Сей есть скверный идол — жена Лотова. Не бойтесь Голиафа сего. Его ж кинжалом заколем его. Любезный пророк Наум! Приди и покажи нам суть великой сей любодейцы. Вот пророк! «Открою прошлое твое к лицу твоему».

Не бойтесь: яд смертный сей не повредит вашего чистого сердца. Сей василиск лицом убивает аспидов, сей и лев в преддверии вреден, а за хребтом его — мир и дружба. Там почивает волк с агнцем без всякой опасности, и рысь с козленком, и лев с теленком, и медведь — товарищ быку, а молодой отрок — сосед пещере аспидской. Там смело на аспиде и василиска наступишь, на льва и змия, не в язву, но в забаву. Дерзайте! Родилось нам дитя: нестареющийся наш Купидон. Он ведет нас за хребет. Хоть пойдём посреди сени смертной, хоть между голени сего исполина Деирского — не бойтесь — с нами бог. Пойдем же теперь в гавань. Перейдем к Вифлеему. Там рождают не в бурях морских, не в яростных волнах и реках и не в стремлении текущих стихий, но на горних горах и плодоносных — плодоносные и чистые козы и оленицы. «Там родила тебя мать твоя». «Перейдем к Вифлеему».

Прощай, соляной столп! Прощай, скверное и дурное лицо! Прощай, любодеец, души и тела убийца! Оставайся немым, кумир! Чтись от подобных! Откройте нам врата правды! Врата чистой девы, врата жены доброй! Жены

похваляемого и брата, и мужа ее во вратах ее затворенных и запечатленных. Се новый наш Наум открывает нам последнее божественной пасхи! Вводит новое сердце наше в новый суд и разум, за прелюбодейственным лицом позади, за стеною сею стоящий. «Се сей стоит за стеною нашею».

К наличной истории, сверх бабьих басен и кроме смертоносных соков, открывает нам второе, чистое, нетленное, спасительное, последующее за ядом, захребетное, последнее, вечное, божие; да, не на лица зряще, судим, но испытываем завесою сокровенное и дверью затворенное, да еще и что смертно изопьет, не повредится верное сердце наше. Где теперь твое, смерть, жало? Где ныне твоя победа, о адский исполин? Прошли сквозь огонь и воду. «Открою прошлое твое к лицу твоему и покажу язычникам срамоту твою и царствам бесчестие твое... Положу тебя в притчу, низвергну на тебя огнушение по нечистотам твоим».

Нецеломудренная сия о Лоте басня есть притча и образ, завивающий в нечистой тряпице своей пречестную жемчужину царствия божия и закрывающий, будто ореховая корка, зерно. Сими-то орехами весь библейный рай, как родосские сады плодами, наполнен и преисполнен ²¹. «В сад орехов сошел».

Сколь услаждается в сем саду сугубо рожденный человек! Как в зеркале, видно в соломоновской «Песне песней». О пречестный амур! О *вечность*! Пресладчайший и ненасытный муст! Едящие тебя еще взалчут; и пьющие тебя еще возжаждут. «Бог любовь есть». Вдающий душу свою и размышляющий в законе высшего премудрости всех древних изыщет и в пророчествах поучаться будет. Повести мужей именитых соблюдет и в извития притчей сойдет. Сокровенное притчей изыщет и в гадании притчей поживет.

П р и м е т а 6-я
О ЧТЕНИИ В ПОЛЬЗУ ДУШЕВНУЮ

Видишь, друг мой, что многие добрые соки источило одно слово, с толком раскушенное. Библия есть точная луза. Вырви из сей лузы один орех, один только орех. Раскуси его и разжуй. Тогда разжевал ты всю Библию. Все сей лузы (орешник) орехи по шкурке ведь очень разнятся, а по зерну не говорю подобное, но то же.

Частицы разбитого зеркала едино все лицо изображают. А разнообразная премудрость божия в различных в стовидных, тысячеличных ризах в царских и в сельских, в древних и нынешних, в богатых, в нищих и в самых подлых и смешных одеждах как крын в тернии, сама собою все украшая, является одна и та же. Ей! Она-то есть точный правдивый Морфей²².

Как один змий, вьется, развивается в разные формы. Впрочем, не будем бесчинно и безмерно жрать слово божие и тесниться с ним в солонку, если будем ждать, поколь само оно нам подаст свое божественное и невидимое под видом внешностей тело.

Ученый премного жрет. Мудрый мало ест со вкусом. Ученость, прозорство — то же. Мудрость же и вкус есть то же. Истинный вкус при здравии, а прямая мудрость при пользе. Нет лучше ничего, как истинная польза; и нет лучше пользы, как польза душевная. Польза душевная есть лекарство, пища и здравие сердцу. Здравие же — веселие. И что ж сего дражайшее? Все суета, кроме сего. Приживи мне хоть целый мир, все суета без радости. Здравие от многожорства, мудрость разнится от учености. Прозорство рождает болезнь, мерная же пища крепит. Не читай — да множишь порок! Читай — да заколешь порок! Если же любишь неправду, ненавидишь твою душу. Возлюби сам свою душу и будь блаженный самолюб, возлюбленный Соломону, о котором так воспевают: «Разумный праведник себе друг будет».

А сие тогда бывает, когда без всяких иных намерений для того только читаем, дабы очистить, просветить и укрепить душу нашу. Очистить от людских мнений. Напиться божественных и укрепиться против страстей душевных, против зависти, ненависти, гнева, скорби, смущения... А сим самым вместо сих тиранов воздвигнуть в себе царствие божие, сиречь духи спасительные, мирные, радостные. Сей-то есть блаженный оный книжник и грамотник, которого Христос, похваляя, равняет его с господарем.

«Всяк-де книжник, научившийся царствию божью, выносит из сокровища своего новое и ветхое».

Мот, ветрогон гонит пустошь, а господарь — полезное. Симон-волхв²³ тут ищет злата, а книжник — духа святого. Воистину не будет пророческими тайнами никогда обжираться тот, кто верит Павлу, что тайны ни полушки все-на-все не стоят, если им любовь божия не будет пред-

водительницею. Она основание и верх всему. Зачинается горьким крестом, кончится Христом, который есть мир, любовь и правда наша.

Примета 7-я
О ВЕРНОМ ВОЖДЕ

Что в первом, то же самое и в последнем месте сказать должно, чтоб не избрать нам предводителя из числа тех, которые суть любители не духа, но сенно-письменного мрака и убивающих нас баснословных бабских историй. Такие-то повести называет Павел родословиями пустыми, иудейскими и бабьими баснями, душу не насыщающими. Сии вожди любят внешнюю тень и на ней совершенно почивают, не возводя с Давидом очи в духовные горы к оной царствия божиего трапезе, от которой только одни поднявшиеся выше плоти высокие умы наслаждаются, каков был вождь Товии Рафаил. О сей трапезе сам хвалится Павел так: «Имеем алтарь, от которого не должны вкушать все, служащие сени».

Называя себя служителем не письмовозводства, но духа и знающим Христа не по плотской истории, сам Христос называет их рабами, в том же доме находящимися, но о секретах господских не знающими. «От нас, — говорит наперсник, — произошли, но не были от нас».

Таковых во главе 9-й проклинаяет Иисус Навин. «Прокляты вы, — говорит, — и не оскудеет от вас раб». Да и как их не проклинать, когда они мешают отрокам Исааковым? Сии отроки с господином своим единственно трудятся в том, чтоб вырыть ключ чистой и фонтаном вверх бьющей воды. Роят, как в земле, в плотской истории, откидывая ее на сторону, как Мойсей — камень от колодца, чтоб утолить жажду бедным овцам своего тестя. Но филистимляне везде мешают, везде землю закидывают и кричат: «Это земля наша!» Это по плоти должно разуметь, а иначе все сие есть привидение. Мечта... Но дети Исааковы дух почитать за истину, а всю плоть за суету не перестают и старые колодцы от грязи очищают, а новые на всяком месте копают, восклицая с господином своим: «Плоть — ничто».

На что нам родословие историческое? Какая польза? На что местоположение тленного рая? Какую душе нашей пользу принесет форма и мера ковчегова? К чему исцеление плотское? К чему воскресение тленное, опять в тлень

обращающееся? Да опять работаем подлой плоти и страстям? Ей! Один дух нам вкусен и полезен, очищая, исцеляя, проникая в самые тайные начинания души нашей и мир нам рождая.

Но кажется, святой Иуда-апостол жестоко их оценивает. «Облака безводные — плоть, духа неимущая» и проч. Сии-то сеют расколы во всем мире. Спорятся о происхождении духа, о сакраментах, о вере, о церемониях, о ангелах, о муках, о блаженствах и проч., враги креста Христова и заповедей его животворящих.

Конец. И богу слава.

**БРАНЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА
СО САТАНОЮ О СЕМ:
ЛЕГКО БЫТЬ БЛАГИМ**

Написана в 1783-м лете

Возлюбленный друг Михаил!

Прими от меня и сию книжечку в дар тебе, именем твоего же тезоименита печатленную. Если имя Михайлово принял, прими и сердце его, воспевая из книги царственной песнь оную: «Сердце мое твоим, твое же есть моим». В то время, о Михаил, сущий ты друг хранителю твоему Михаилу, единосердечно восклицая: «Кто как бог?»

Я сию книжечку начал в Бурлúках, кончил в Бабаях. Не орю же, не сею, не куплю делаю, не воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что же делаю? Се что: «Всегда благословляя господу, пою воскресение его!»

Се моя дежа и надежда! Что же есть воскресение? Воскресение есть вся земля Израилева. Прямо сказать, весь библейный мирик, новая и древняя Ева. В сей землице спал Иаков с покоем. Как же не с покоем? Сам камень был ему вместо подушки. Самая жесткость была ему мягкостию там, где по нем Самсон нашел соты. Ей говорю! Обрел и я. Там и сам я покоюсь, наслаждаюсь, веселюсь. Пою с Мароном: «Deus nobis haec otia fecit» — «Бог нам сие празднество даровал».

Паче же пою с моим Давидом: «Я уснул, и спал, и восстал». И с моим Исаею: «Покой нам дал бог на горе сей». Не знаю, что то разумеет Плутарх через свою Надежду (нарицаемую у него) Пиндарскую. Он ее творит долицею старцам. Сие же знаю воистину, как старцы оные Соломоновы: «Венец хвалы, старость...» и проч. — кормятся, сосущие сосцы двоих матерей и безневестных невест — праматери Евы и матери Марнам ¹, как есть писано: «Сосали мед из камня» и «там дам тебе сосцы мои». Скажешь, почто же не все в сей земельке наслаждаются, но алчут, ропщут и клянут ее?

О т в е т. Того ради, как спя земличка имеет *две части*—

дольнюю и горнюю, здешнюю и тамошнюю, проклятую и благословенную, бесовскую и господню, как два сосца и два источника. «Изошел Иаков от источника клятвенного». Внял ли ты? «И пошел в Харрань». Внял ли ты? «И обрел место». Внял ли? «И спал там». Внял ли ты? Если бы равные места, не искал бы второго и не шел бы отсюда. Не все и Исаия: «Не только, — говорит, — в земле сей, но на горе ее». Там! Скажи, кто же благую часть избирает?

О т в е т. Сего же ради сия книжечка извлекает на поднебесное зрелище два сердца: ангельское и сатанинское, борющиеся между собою. Сии два царства в каждом человеке ведут вечную борьбу. Когда же чистое сердце одолело злобную бездну, тогда врата ада сокрушаются. Освобождаются пленники. Открывается путь на оную воскресшую из бездн гору: «Кто взойдет на гору господню?» Какая же сласть и утеха на горе той? Возвести нам, о Исаия! «Покой даст бог на горе сей». О довольно! Еще что-то? «Изопьют-де вино. Изопьют радость на горе сей». О, предовольно! «Помажутся-де миром на горе сей». О, предовольно, довольно! Се где наш Иаков покоился! «И спал там». Спал в Харране, во граде любви спал. «Там дам тебе сосцы мои».

Видишь ли, возлюбленный Михаил, се где покоится друг твой! Старец Варсава Даниил Мейнгард.

Июня 19, 1788 года.

ГЛАВИЗНА ТВОРЕНИЯ

«Убьет дракона, сущего в море» (Исаия).

«Как спадет денница!»

«Нечестивый, кляня сатану, сам клянет свою душу» (Сирах).

«Пока день озарит и денница воссияет в сердцах ваших» (Петр).

БОРЬБА И ПРЯ О ТОМ: ПРЕТРУДНО БЫТЬ ЗЛЫМ, ЛЕГКО БЫТЬ БЛАГИМ

Возлетев нетопырьскими крыльями Сатана из преисподних в горнее, остановился на пределах атмосферы^а. Узрев же ночным оком лучезарный оный дом: «Премуд-

^а Атмосфера — слово эллинское, значит земного шара воздушную околичность, простертую дотоле, доколе восходят пары или атомы, яснее сказать — доколе облака восходят, место Перунов² и молний.

рость создала себе дом и утвердила пирамид^а семь», адским рыком, аки громом, возревел так: «К чему сей дом сотворен?»

На сей трус бурен сребровидными со золотым междорамнем крыльями, как орел на лов, ниспускаясь, Михаил возопил: «О враг божий! Почто ты здесь? И что тебе здесь? Древле отрыгнул ты предо мною хулу на Мойсеево тело»^б. Ныне тот же яд излеваешь на дом божий. Кто как бог? И что доброе и столь прекрасное, как дом его? Да запретит тебе господь мой, ему же предстою днесь!..

С а т а н а. Не подобает небесных воинств архистратигу^в быть сварливому, но тихому, кроткому и...

М и х а и л. О змий! Умягчил ты слова твои паче елεια, и они суть стрелы. Не твое есть разуметь, что благовременный гнев есть то любовь божия, а что безвременная милость есть то твое сердце.

С а т а н а. Се странную песнь воспел ты!

М и х а и л. Странное же новое и преславное воспевают небесные силы во граде божьем. Сия есть истина.

С а т а н а^г. Силы же преисподние что ли поют?

М и х а и л. Силы твои поют подлое, мирское, мерзкое. Сказать же Петровым в «Деяниях» словом (σοπινη, κοινόν, соепин) — просто сказать грязь рыночную и обившую пезекиилевский оный оприснок мотылу^д.

а Слово эллинское, значит горние комнаты и обители, воздвигнутые по образу головы сахарной или пламени, вообще горнее жилище; по-эллиньски — пиргос, по-римски — turris, по-турецки — колончак, по-польски — вежа, по-здесьнему — башня, терем; как при кирхе колокольня, так она при домах. По-славянски — столп: «В столпе облачном говорил к ним», «Будет же мир в силе твоей и обилне в столпостенах твоих».

б Сия хула вспоминается в «Послании» святого апостола Пуды.

в *Архистратиг* — по-славянски *первоовевода*, сиречь над вождями вождь.

г *Сатан* — слово еврейское, по-славянски — *супостат*.

д Воззри на историю о Корнилли-сотнике в «Деяниях». Там Петр говорит: «Господи! Никогда пусть скверное не войдет в уста мои». В эллинском же лежит *καμύ*, по-римски — *сопиνη*, по-славянски — общее; ибо все то скверное есть, что общее миру, сиречь многим. Отсюда и римляне именуяют болото *соепин*. Сей глас есть эллинский: *καμύ*, то есть общее. Мирские думы есть то болото, где гергесинские вепри потопляются, в них же бог мира сего, сиречь сатана, ослепил разум, как толкует Златоуст^з сии Павловы слова: «Бог мира сего...» *Мотыла* есть старославянское слово, по-римски — *excrementum*.

С а т а н а. Ха-ха-хе! Странное поюг силы небесные...

М и х а и л. О ругатель! К чему сей песий смех твой? Не таится же предо мною лукавство твое. Наричая странною, тайно клеветишь небесную славу и догматы ее, воздавая ей мнимоз тобою неблаголепие и непреподобие, просто сказать, вздор.

С а т а н а. Ныне же, не обынуясь, провещал ты причилу, чего ради преисподнее жительство в тысячу крат многолюднее паче вашего небесного?

М и х а и л. И лжешь, и темноречишь. Открой, если можешь, откровеннее сердца твоего бездну.

С а т а н а. О, Апокалипта^а странность в догматах, неравность в пути, трудность в деле, сей есть троеродный источник пустыни вашей небесной.

М и х а и л. Не можно ли хоть мало откровеннее?

С а т а н а. Претрудно быть жителем небесным. Виял ли ты? Се причина, опустошившая небеса ваши.

М и х а и л. Откуда сей камень и кто его положил в основание?

С а т а н а. Се я глаголю! Претрудно быть, и было так.

М и х а и л. Ты ли творец догмата сего?

С а т а н а. Сей догмат есть несокрушимый адамант.

М и х а и л. «Внемли, небо, и слушай, земля!..» Услышите и преисподнее! Какая есть большая на господа вседержителя хула и клевета паче сей? Се удица, всех уловляющая! Се ключ, всем врата ада открывающий. Се соблазн, всем путь на небеса оскорбляющий! О украшенная гробница царская, полна мертвых костей и праха, мир блудословный! Прельщаешь старых, молодых и детей. Вяжешь в прелести, как птенцов в сети.

Весь мир дышит его духом. Он есть сердце миру. Сердце нечистое, сердце плотское. Се богомерзкая троица: сатана, плоть, мир. Кто даст мне меч божий, да прокалю сего мадианита^б, любодействующего с блудницею и любодейницею мира сего, и обличу срамоту ее?

---

^а Апокалипта есть эллипское пмя, значит по-славянски *откровитель*. Сим словом тайно ругает Михаила как откровителя тайн божиих. Сатана же любит помрачать, дабы никто не видел безвестной и тайной премудрости божией.

^б Сие слово отыргает священную историю о Финеесе, который израильянина, любодействующего с мадианиткою, провзил обоим насквозь.

И, подняв Михаил молниевидное копьё, поразил алмазным острием Сатану в самое сердце его и поверг его в облако вечернее. Он же, падая стремглав, воскликнул: «Ура! Ура! Победил! Победил!» Из середины же облака возревел: «О, о Апокалипта! Призови небо и землю в свидетели, я же тебе не покорюсь, даже к сему я тверд в сем моем догмате».

М и х а и л. О нетопырь! Горе тебе, творящему свет тьмою, тьму же светом, нарицающему сладкое горьким, легкое же бременем.

С а т а н а. Не писано ли: «Нужное есть царствие божие?..»

М и х а и л. Онемей, пес лживый!

С а т а н а. И не прилагающие усилие достигают ли оно?..

М и х а и л. Лай, лай ныне, пес, издавляя на солнце... господи боже мой! Правда твоя, как полдень. Кто как ты? Ты сам дракону сему челюсти его, всех пожирающие, заградил не один только день твой, который есть, как тысяча лет. Аминь.

На сей шум и рев, как еродиевы птенцы ^а слетают с гнезда к матери своей, поправшей змия, — он же под ногами ее вьется, развивается — так низлетели к Михаилу Гавриил, Рафаил, Уриил и Варахиил ⁴. Михаил же, как боголюбивый Еродий, терзает и попирает домашнего врага, воздавая благодать *дому* владыки, позволившему на семи башнях, надзирающих премудрый дом его, возгнездиться птицам по писанию: «Сколь возлюблены селения твои!..» «Птица обрела себе храмину». «Там птицы возгнездятся». «Еродиево жилище предводительствует ими». «Блаженны живущие в доме твоём...»

---

^а Слово эллиническое ἔρωσις значит *желание*, Σεῖβις значит Юпитер, или Дий; отсюда имя Еродий, по-славянски — боголюбивый. Иначе сия птица нарицается *пеларгос*, по-римски — *ciconia*, по-польски — *vosian*, у нас — гайстер. Она гнездится на кирках, на башнях, на высочайших местах, верхах и шпилях; друг людям, враг змиям и жабам; родителей кормит и носит в старости; отсюда у эллинов слово *антипеларгейн*, спречь возблаговать, обозначает благочестивую душу, любящую бога и ближнего, обозначает и богослова, высоко возгнездившегося оного: «Знаю человека...»

БЕСЕДА АНГЕЛЬСКАЯ
О КЛЕВЕТЕ ДЬЯВОЛЬСКОЙ И О КОЗНЯХ,
ОТВОДЯЩИХ ОТ ИСТИННОГО УТЕШЕНИЯ

Небесные архивоины воссели на радуге, Михаил же так повел слово: «Не наша брань против крови и плоти, но...» Сердце человеку есть неограниченная бездна. Она есть то, что воздух, плавающие планеты носящий. Сия бездна если темна, и не сбылось на ней: «Просвещаешь тьму мою». «Бог, велевший из тьмы свету воссиять, который и воссиял в сердцах наших...»

Тогда она бывает адом, сиречь темницею, и исполняется, как ночных птиц, мрачных мечтаний и привидений. Ночной орел ^а, царь и отец всем прочим, есть сатана. Сии пустые мечты суть то злые духи, а злые духи суть то злые мысли; злые же мысли суть мысли плотские, владеющие миром. И сие-то написано: «К миродержателям тьмы века сего, сиречь брань наша против злых духов, державу имущих над непросвещенным миром и над всею смесью беззаконников». Что же далее? Началом садовых плодов суть семена. Семенами же злых дел суть злые мысли. Сие же то и написано: «К началам и к властям... к духам злобы поднебесным». Поднебесные духи злобы суть мечты плотского, скотского и зверского сердца, которому очи колет острый сей правды божией меч: «Сатана, не мыслишь, что суть божие, но что человеческое».

Любезная моя братия! Видите, сколь по всей Вселенной рассеял сатана семена свои! От его рода семян суть и сии блудословные сиренские ^б и блудогласные песенки:

Жесток и горек труд
Быть жителем небес;
Весел и гладок путь —
Жить, как живет мир весь.

И опять:

Святыня страждет без утех,
А злость везде свой зрит успех.

---

^а Ночной орел, просто сказать, пугач. Вражда непримиримая у него с дневным орлом. Можно обоих уловить на борьбе, столь упорно борются.

^б Спрена — Σπρηνή — слово эллипское, значит *путо, оковы*. Так называется урод морской с прелестным девичьим лицом. Он так пророками вымышлен, как змий семиглавый: обозначает прелести мирские.

Какая польза быть святым?
Жизнь удачнее всем злым.

Сих услажденных своих вод хляби изблевая, ангельское око ваше остро провидит, сколь хитро погасил во всех сердцах божественный оный огонь: «Кто даст мне крылья?.. И полечу и почию». «Крепка, как смерть, *любовь*. Крылья ее — крылья огня...» «Кто нас разлучит от любви божией?» «Согрелось сердце мое, и в поучении моем разгорится огонь».

Василисковым же ядом надыхнен мир, глух, как аспид, и холоден, как лед, сотворился к матери нашей, к премудрости божией, согревающей нас в недре своем и утешающей. «Сын! Если поспишь, сладостно поспишь, если пойдешь, безбоязнен будешь, и радость будет на всех путях твоих». Сего ради не дивно, как все уклонились вместе. «Не сладок бог» и «Нет бога» есть то же ^а. Растлели и омерзели в самых началах и семенах своих, в самом корне сердца своего.

Кто может поднять на пути золото или бисер, мнящий быть нечто бесполезное? Какой тетерев не дерзнет вскопчить в сеть, почитая рогом изобилия? Какой агнец не устрасится матери, творящий ее волком, и не прилипнет к волку, творящий его матерью? Не вините мира. Не винен сей мертвец. Отнят сему пленнику кураж, выколото око, прегражден путь; связала вечными узами туга сердце его.

Какая туга? Когда что любят и желают мысли, тогда и плотское сердце внутри нас распространяется, раздувается, радуется ^б, во время же огнушения стесняется, жметя, тужит, как недужный, отвращается от пищи и уста сжимает. Сатана, погасив огонь божества в мирском сердце, связал туго тугью, дабы оно вечно гнушалось царствием

---

^а Весь мир так мнит, как заповеди божии суть тяжки, и горьки, и бесполезны. Сие то же есть, что сказать: «не сладок и дурен бог». А думать, как не сладок и дурен бог, есть то же, что «говорит безумен в сердце своем: нет бога».

^б Слово сие (*радость*) родилось отсюда, что раздувается тогда, когда что случится по желанию, стесняется же в противном случае сердце. Отсюда родилось слово *туга*. Отсюда Павел: «Распространилось сердце мое к вам, о коринфяне!.. не тесно вмещаетесь». Сей-то есть истинный смех: non dentes nudare, non ore tingi, sed corde ridere ^в, как смеется наш Исаак оный: «Возрадовался духом Иисус...»

божним и вовек не разрешилось к обретению его; дабы не воспело победной оной песни: «Сеть сокрушилася...» «Путь заповедей твоих тек, когда расширил ты сердце мое». «Желает и кончается душа моя...» «Сердце мое и плоть моя возрадовались...»

И когда пишется: «Да возвеселится сердце мое...», сие значит: «да закуражится». «Отвергнутая утешится душа моя...» — значит, не приемлет куража и желания. Отнять кураж, а навести ужас есть то — стеснить, затворить и связать душу, дабы она не веселилась, по тужила в благом деле. Сия есть престрашная обида, плен и убийство — растлить человека в самых мыслях и в сердце его, как в семенах и в корне его, как написано: «Растлели и омерзели в начинаниях своих», сиречь в главностях: подобны колесничному или корабельному бесноватому управителю. Не виновен же мертвец, виновен человекоубийца. Мир есть орех, червем растлен, слепец без очей и вождя, медведь, влекомый за ноздри свои, раб сатане, пленник дьяволу, львиная ограда. Какая ограда? Послушаем притчи.

ЛЬВИНАЯ ОГРАДА

Лев дремлющую дубраву с дебрями ее ограждает, дав ей одни врата, где и сам вблизи обитает втайне. Ограждает же не стеною и рвом, но своим следом. Как только голоден, так возревел. Звери, вострепетав, ищут спасения и, притек к спасительным путям, отскакивают вспять от львиного следа, дышущего в чувства их нестерпимым ужасом и преградившего *путь*. Убоявшись же там, где не было страха, ищут безопасного пути потолка, поколь приблизятся к вратам, где нет подлинно следа и нечувствителен правдивый ужас. Здесь уловляются. Вот врата ада! Здесь всему миру исход и кончина. Сатана «ловит, как лев в ограде своей и как львиный щенок, обитающий в тайных», всех тех, о ком написано: «Убоялися страха, где не было страха».

В сем страшном месте умолчал Михаил. Горние же военачальники, сидя на благокруглой дуге облаков, отдалися в размышления, взирая на круг земной и унывая, как разоряемый Содом или Вавилон пред собою видя. В само сие задумчивое время вместо уныния кураж, вместо же страха радость последующим словом нечаянно так возблаговестил Гавриил.

ПУТЬ СПАСИТЕЛЬНЫЙ

Он прежде запел песнь, а за ним все архангелы сию:

Сойдет архангел в Назарет ко деве,
Приносит радость праматери Еве.
Радуйся, Ева! Радуйся, дева!

Обрадованна.

Господь с тобою! Радость тобою
Всем будет данна...

Потом открыл цветущие уста в сей нетленный запах, благовествуя день ото дня спасение бога нашего: посланник я есть не к единой деве Марии, но во всей Вселенной всех тех: «Господи, в чреве нашем зачал», всех зачав в утробе своей, и вместивших в сердце своем дух заповедей господних, посещаю, ублажаю и целую сим целованием: «Радуйся, благодатная! Господь с тобою! Благословенна ты в женах!»

Сии суть правдивые матери божии: ни от крови, ни от похоти плотской, ни от похоти мужской, но от бога рожденное от духа есть дух, освятивший сердца и утробы наши. Господи! Сей дух есть закон твой, посреди чрева нашего — *путь, истина и жизнь*. Мир многолюбящим его, и нет им соблазна. Мир на Израиля и на всех, которые правилом сим жительствоуют; мир на них и милость! Внимай, небо, и скажи... Жизнь безопасна; есть то путь сладкий — путь господень. Любезные мои братья! Отвратите от содомлян ангельские очи ваши и зрите на грядущего пред вами странника сего на земле. Он шествует с жезлом веселыми ногами и местами и спокойно воспевает: «Пришлец я на земле, не скрой от меня заповедей твоих».

Воспевая, обращает очи то налево, то направо, то на весь горизонт ^а; поживает то на холме, то при источнике, то на траве зеленой; вкушает пищу беспритворную, но сам он ей, как искусный певец простой песне, придает вкус. Он спит сладостно и теми же божиими видениями во сне и вне сна наслаждается. Встает утром свеж и исполнен

---

^а *Горизонт* — слово эллинское, значит небесное вместе и земное место, сколько может обозреть взор наш. Есть же предел взору для всех до единого населяющего Вселенную человека: *τόπος ὑψηλῶν*, сиречь место, ограничивающее зрение очей, одним одно, другим другое видно.

надежды, воспевая исаиевскую песнь: «Взалчут юнейшие, и утрудятся юноши, и избранные не крепкие будут; терпящие же господа обновят крепость, окрылатеют, как орлы, потекут и не утрудятся, пойдут и не възалчут».

День его — век ему и есть как тысяча лет, и за тысячу лет нечестивых не продаст его. Он по миру паче всех нищих, но по богу всех богаче. И что лучше, как «веселие сердца — жизнь человеку»? Жезл его есть господь страстей и вожделений его, и радости его никто же возьмет от него. Достал он сей мир не как мир доставать обычно. Он возлюбил путь и славу божию. Сей есть истинный мир и жизнь вечная, а весть его — благовестие. «Да слышит земля слова уст моих!»

Сей странник бродит ногами по земле, сердце же его с нами обращается на небесах и наслаждается. «Праведных души в руке божией». У безумных почитаются погибшими и заблудшими: «Они же суть в *мире*». Хотя телесные наличности, досаждая, беспокоят, но сей урон с излишком награждает упование их, бессмертия исполнено, и воцарившийся господь в них вовеки. «Не слышите ли, что сей пешеходец поет?» «Как не слышать? — воскликнули архангелы. — Он руками машет и поет песнь сию: «На пути откровений твоих наслаждался, как во всяком богатстве»».

Он один нам есть милейшее зрелище паче всех содомлян. Мы же его познали. Сей есть друг наш Даниил Варсава.

И все рассмеялись. Потом же Гавриил простер смарагдинные крылья и, прилетев, сел при боку Рафаилову, обоняя в руках своих сладковопный куст и крын полевой. Рафаил, смотря на Варсава и посмеявшись, как Сарра, помянул духовного своего сына, любезного путника Товию, сына Товитына. Он долгую повесть соткал: каким образом поручил ему старик сына своего, какие напасти и припадки встречались на пути, сколь счастливо юноша вошел в невестник и переспал с невестою божиею? «Когда он боялся воды или рыбы, — повествовал Рафаил, — тогда я его научал: «Сын мой Товия! Сын мой, не бойся! Вода не потопит тебя. Но воды блевотин змиидных, но потопные речи советов мирских, но волнения плотских устремлений — сей есть всемирный оный древний потоп, всех пожирающий! Ей, глаголю тебе: сего убойся! И рыба, сын, не проглотит

тебя. Но чрево, но сирище ^а и чресла твои се есть ад и кит, поглощающий всех, им же бог — чрево и слава в стыде их. Ей, говорю тебе: сего убойся. И утроба рыбная, и дым внутренностей ее не спасет тебя. Но дым дыма и дух духа, ей, говорю тебе, он спасет тебя». «Слышь, Израиль! Господь бог твой посреди тебя, во внутренностях твоих, в сердце твоём и в душе твоей». Тот есть дым дыма и дух духа; дым от утроб твоих, от содомского зажжения вожделений восходящий до небес; и дух, не разделяющийся от тебя, но превосходящий дебелость плоти и тонкость души твоей, тот спасет тебя. Сей есть смирна, и стакти, и касия от утроб твоих. Сей да изойдет, да явится тебе, да зачнешь в утробе и вместишь в сердце, да в благовоние мира его течешь, да не удавит души твоей смрад бесовский и мпрских вожделений зловоние.

Сжечь утробы по Моисеевому повелению и умертвить члены, составленные с праха, есть то же. Сие все бывает верою, сиречь помышлять себе, — мертвым же быть по плоти, живым же по богу. Сжечь и убить душу твою, разумей: отнять от нее власть и силу. Тогда останется в тебе один фимиами божий, спасительное благоухание, миро мира и помазавший тебя дух господень и сбудется: «Направить ноги наши на путь *мира*».

ПУТЬ МИРА, НАРЕЧЕН ПУСТ ^б

— Сим благовестием разожжен. — продолжал Рафаил, — пошел мой Товия направо, в путь мира, которым ныне шествует наш Варсава. Сей есть путь царский, путь верховный, путь горный. Сим путем Енох, Илия, Аввакум и Филипп, восхищен, не обрели себя в мпре. Сим путем взошел на гору Авраам вознести на жертву Исаака и принял от бога печать веры. Сим путем взошел на гору Фасага

^а *Сирище* есть слово старославянское, значит телесную внутренность, какая всю сырость пищи варит, сиречь желудок. Сей есть всех зол виною во всю жизнь. Отсюда браня, хищения, убийства и все беды. Он царь есть всем мирским сердцам. Сей есть оный архимагир, то есть архиповар, поминаемый в «Книгах Царств», возмутивший весь Иерусалим, царь поварам и царям. Весьма красиво моя мать Малороссия называет его богом, то же, что Павел: «Для них же бог — чрево...» Древне в Египте перей, погребая мертвеца, повелевал вырезать сирище п, подняв перед народом, воскликнуть проповеднику спе: «Сей в жизни всех зол виною!»

^б Воззри на 26-й стих 8-й главы в «Деяниях»: «Ангел же господень» и прочее. «Сей есть пуст».

Мойсей и упокоился. Сим путем шествует весь Израиль в обетованную землю. Сим путем вошел в Сион Давид, насытился священными хлебов, раздав и сущим с ним по сковородному блину. Сим путем восходит в горнее Мариам, целует Елисавету и убажается. Сим путем шел Христос в пустыню, победил сатану. Сим путем восходят на гору Галилейскую апостолы и видят свет воскресения. Сей есть путь субботний, разумеи — мирный. Сим путем шествовали Лука и Клеопа ⁶. Сошелся с ними третий блаженный оный собеседник, преломивший им хлеб небесный и открывший им очи видеть невидимое его благоухание.

Напоследок сим путем ехал в колеснице евнух царицы Кандакии и познакомился с Филиппом ⁷. Филипп открыл ему в человеке человека, в естестве — естество, благоухание Христово и новым благовестием, как чудным фимиамом, накадил ему сердце, омыл его нетленною сверх от стихийной воды водою и отпустил его в дом свой. Он же отошел в путь свой, радуясь. Сей путь есть радостен, но пуст, пуст, но радостен, и вне его нет спасения. Пуст же, ибо людям избранным только открыт. Мир мнит его быть пустым, сиречь суетным. Сия есть клевета. Мнит же опять его быть горним, сиречь горьким. И сие клевета. Гора значит *превосходство*, не труд и горесть. Горе говорящим: сладкое — горькое и вопреки. «Путь господень есть суд, рассудить злое — избрать благое». Любезный путь! «Не зайдет солнце тебе, и луна не оскудеет тебе. Есть господь тебе свет твой, и исчезли дни рыдания твоего». Сие возгласив, Рафаил умолк. Урпил же воззвал: «Распрострите вдаль взор ваш и увидите несколько путников, предваривших Варсаву». Но Рафаил начал понуждать: «Любезные мои братья! Взгляните хоть мало на путь левый и на козлища, на несчастных путников его...» «Ах! Отвращаешь нас, друг, — вскричали архангелы, — от прекрасного зрелища к страшному». Обращаясь же, воспели все песнь такую:

О мир, мир, мир украшенный!
Весь притворный, весь гроб повапленный!^a

---

^a Гробницы древних царей были высокле горницы, извне архитектурно украшенные. Но что там внутри? Прах, смрад, гной, кости, пустыня. Прекрасно наш равнин Христос сими гробами именует лицемеров, ищущих образ благочестия, силы же его отрехшихся. Равное сему есть и мирское счастье — удка, сеть и ядовитый мед; извне блеск, а внутри тьма, тление...

Прельщаешь старых, младых и детей.
В прелести вяжешь, как и птенцов в сети.

Свет кажется украшенный,
Но он, как гроб повапленный,
Внутри же его выну, зрю мерзость едину.

ПУТЬ ЛЕВЫЙ, НАРЕЧЕН ВЕНТЕР

— Сей путь, — сказал Рафаил, — нарицается вентер. Есть же вентер сеть рыболовна, сотворена по образу чрева: широка во входе, тесна в исходе. Сей путь, уклоняясь от востока, скрывает конец свой не в светлой южной стране, но во мраке полуночном.

— Вот путь, — говорит Товиин вождь, — вот и несчастный его путник грядет пред вами! Судите его! Небесные силы, взирая на путника с унынием и милосердствуя о нем, возгласили: «О бедный страдалец! Сей есть сребролюбец. Боже мой! Весь обременен мешками, сумами, кошельками, кошельками, едва движется, будто навьюченный верблюд. Каждая ступень ему мұкою. «Горе вам, богатые, ибо отстоите от утешения вашего».

— Но он сего, — извиняет Рафаил, — не чувствует, но паче еще блажит себя и почитает путь свой благословенным во веки. Он благодушествует, шествует и поет.

— Возможно ли? — вскричали духи.

— Пожалуйте, — просил Рафаил, — внемлите песне его.

БОГАЧ, ПУТЕШЕСТВУЯ, ПОЕТ ПЕСНЬ

Пусть я во свете скверн — только бы был богат ^а.
Днесь не в моду совесть, но злато идет в лад.
Как нажил, не спросят, только бы жирный был грош.
Сколь богат, столь всем брат и честен и пригож ^б.
Что у нас бесчестно в мире? Кошель пустой.

^а Сии стихи суть из древнего трагедиографа Эврипида ^а. Вот один:

Ὁ χρυσός, δεξιότητα χιλίστων βροτῶν
O aurum, dexteritas optima mortalibus.
O злато! Удачность наилучшая смертным.

Начало их сие:

Sine me vocari pessimum, ut dives vocer.
Nemo an bonus, num dives omnes quaerimus.

^б Ubique tanti quisque quantum nabuit fuit.

Нищим ли жить? Лучше пушусь в смертный гной.
И смерть сладка, поколь рубль за рублем плывет ^а.
О святое золото! Над тебя в свете нет.
Не столь милый отец, не столь родившая мать,
Не столь любезные и чада веселят.
И если такая у Венеры краса,
Не дивно, что в нее влюбилась тварь вся.

Ангельские силы ужаснулись, видя, что сатана столь хитро умел растлить бесноватую сию душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира. «О сатана! — воззвали они, соболезнуя. — Родная божия обезьяна!» Он им вместо слов: «Горе вам, богатые...», «блаженны нищие...» положил на сердце в основание сей свой смрад: «Блаженны богатые, ибо тех есть царство всяких утех». Такова душа есть аспид, отнюдь не слышащий призывающей милости: «Придите ко мне, все трудящиеся и обремененные, и я успокою вас...»

— Боже мой! — возгласил Уриил. — Сей беспокойный путь толпами людей, как торгами, весь засорен. Слышь, Рафаил! Какая есть сия ближайшая толпа?

— Трус колесниц, — отвечал он, — шум бичей, конский топот и свист обличает, что сия громада есть полк честолюбцев; сию же предварившая толпа есть торжество сластолюбцев. Сие обличается пищанием и ржанием музыкальных органов, восклицанием торжествующих и козлогласованием, повáренными запахами, гарью и курением. Прочее в дальних оных сволочах и стечениях: там тяжбы, брани, татьба, грабительство, лести, купли, продажи, лихоимства...

Братья! Приглядитесь к правой стороне — вот они! Несколько путников, откравшись от левого пути, пробираются через неровные места к пути мирному. «Как бог, искусил я и обрел их, достойных себе...»

— Ба, ба, ба! Какое странное сие вижу зрелище! — возопил, как молния, нечаянно Варахийл. Пятерка чело­веков бредут в преобширных епанчах, на пять локтей по пути влекущихся. На головах капюшоны. В руках

---

^а Можно и так:

И смерть сладка, поколь золото плывет раз в раз.

О святое золото, моли бога о нас!

Latine sic:

O plute! Summa dexteritas mortalibus.

не жезлы, но колья. На шее каждому по колоколу с веревкою. Сумами, иконами, книгами обвешаны. Едва-едва движутся, как быки, парохильный колокол⁹ везущие. Вот разве прямо трудящиеся и обремененные! Горе им, горе!..

— Сии суть лицемеры, — сказал Рафаил, — мартышки истинной святости: они долго молятся в костелах, непрестанно в псалтырь барабанят, строят кирки и снабжают, бродят поклонниками по Иерусалимам, по лицу святы, по сердцу всех беззаконнее. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосердны, непримиримы, радующиеся злом соседским, полагающие в прибылях благочестие, целующие всяк день заповеди господние и за алтын оные продающие. Домашние звери^а и внутренние змии лютейшие тигров, крокодилов и василисков. Сии нетопыри между правым и левым путем суть ни мужского, ни женского рода. Обоим враги, хромые на обе ноги, ни теплые, ни холодные, ни зверь, ни птица. Левый путь их чуждается, как имущих образ благочестия; правый же отвергает, как силы его отвергшихся. В сумам их песок иорданский с деньгами. Обвешанные же книги их суть типки, псалтыри, прологи и проч. Вся их молитва в том, чтоб роптать на бога и просить тленностей. Вот оставливаются, молясь, и петь начинают. Послушаем безбожные их песни божины.

ЛИЦЕМЕРЫ, МОЛЯСЬ, ПОЮТ¹⁰:

Боже, восстань, что спишь?
Почто о нас не рядишь?
Се путь беззаконных цветет!
На путях их бедностей нет.
Мы ж тебе свечищи ставим,
Всякий день молебны правим!
И забыл ты всех нас.

Два раза постим в педелю.
В пост не уживаем хмелю.
Странствуем по святым градам,
Молимся и дома и там.
Хоть псалтыри не внимаем,

---

^а Некий мудрец спрошен: «Как можно прожить жизнь благоденно?» Отвечал: «Так, если спасешься от диких и домашних тигров. Спречь оных: «Иуда — раб и лстец»».

Но наизусть ее знаем.

И забыл ты всех нас.

Услышь, боже, вопль и рык!

Дай нам богатство всех язык!

Тогда-то тебя прославим,

Златые свечи поставим,

И все храмы позлащенны

Восшумят твоих шум пеней —

Только дай нам век злат!

— О смердящие гробы со своею молитвою! — возопил Варахипл. — Сии блудолепные лавры под видом божиим сатану обожают. Злоба, в одежду преподобия одета, есть то сатана, преобразившийся в ангела светлого. Нет злее во всем аду: опустошение царствам, церкви поколебание, избранных божиих прельщение... Отвратим очи наши от богомерзких сих ропотников, просителей, льстецов и лицемеров. Не слышите ли, что шум, треск, рев, вопль, вой, свист, дым, жупел и смрад содомский восходят от сего пути?

Архангелы обратили светлые лица свои от севера к ясному югу и воспели песнь сию:

АНГЕЛЬСКАЯ ПЕСНЬ В СИЛУ СЕГО:

«БЕЗДНА БЕЗДНУ ПРИЗЫВАЕТ»

Нельзя бездны океана горстью персти забросать,

Нельзя огненного стана скудной капле прохладять.

Возможет ли в темной яскине гулять орел

Так, как на небесный край вылетел он отсель?

Так не будет сыт плотским дух.

Бездна дух есть в человеке, вод всех ширший и небес.

Не насытишь тем вовеки, чем пленяет мир сей весь.

Отсюда-то скука, внутри скрежет, тоска, печаль.

Отсюда несытость, чтоб из капли жар горший встал.

Знай: не будет сыт плотским дух.

О род плотский! Невежды! Доколе ты тяжкосерд?

Возведи сердечные вежды. Взглянь выпры на небесну

твердь.

Чему ты не ищешь знать, что то зовется бог?

Чему не толчешь, чтоб увидеть его ты смог?

Бездна бездну удолит вдруг.

КЛЕВЕТА

По-эллински — диаволи́, ио-римски — traductio.

Воспев же, спросили: что есть клевета? ^а Скажи нам, молния божия, Варахиил!.. Он же отвечал так: «Клевета есть творить сладкое горьким, и вопреки; она есть то же, что татьба; татьба крадет вещи, а клевета мысли. Мысль есть руководительница человеку и путь. Дьявол, украв у человека добрую мысль, перекидывает будто сеть и препону через добрый путь, а сим самым сводит и переводит его на путь зол. Вот почему по-эллински диаволос, сиречь переметчик, по-римски же traductor, сиречь сводник, или переводник, дано имя клеветнику, по-славянски же клеветать значит то же, что колотить, мешать горькое со сладким, и вопреки. Сие бывает тогда, когда на место сладкого поставляется горькое, и вопреки. Сей есть один источник всех адских мук»^б.

КОЗНЬ

«Ты же, о свет божий, Уриил! Изъясни нам, что значит то кознь?» Отвечал Уриил: «Кознь есть образ клеветы, по которому она растет и сеется. Она есть то же, что машина. Машина хитрствует в вещах, а дьявольская кознь — в мыслях. Птицелов и рыболов ловят сетями, а он — кознями. Кознь есть ловкая машина, например засада, силок, капкан, западня, сеть, вентер, верша, по-эллински — строфа, сиречь увертка, вертушка и проч. У архитектонов ¹¹ и ныне некая машина именуется по-латински сарег, сиречь козел. Ныне ясно видно, что хитрость в татьбе, а кознь в клевете есть то же. О сколь прелестная удица! Ею, точно взбесившись, человеческая воля ужасается преподобия, стремится за нелепостями, как олень, ранен в ятра, не видя, как в погибель свою течет. Сии-то души услаждаются песенками сими:

Древний век был для святцов,
Ныне век есть не таков.

---

^а Девятая божественная заповедь гремит: «Не лжесвидетельствуй». Сие же есть то же, что «не клеветай». Ужасная клевета — творить заповеди господни трудными и горькими. Сие на сердце начертал дьявол всем презирающим закон божий. О, раздерите сердца ваши, сии ослепленные.

^б Клеветный мрак есть отец лживости, ложь же и лезть есть мать грехов. Грехи же суть муки и страсти сердечные: «Ибо чем кто согрешает, тем и мучится».

Плюнь, брат, на Сион,
Пой на светский тон.
Скоро ль святость жить дождется?
Наша ж здесь жизнь наживется.

И опять:

В молодые лета не зажить света?
Что ж за корысть свет молодому?

И опять:

В старом веке нет покою,
Только болезнь со бедою.
Тогда счастье хоть бы и было,
Но в старости не так мило...¹²

Какое же то мне счастье, если оно мне изменяет во время старости, если не верный и вечный друг оный? «Друг верен — кров крепок...» «Не оставь меня во время старости...» «Все преходит, любовь же нет!» «Бог любви есть...» «Слышь, Израиль! Господь бог твой посреди тебя».

Се видно злая удочка, бесноватыми душами пожираема. А как волк овец на пажити и при водопое похищает, тайный же ласкатель в самом чертоге и при трапезе, как червь орехи, внутри их обретаясь, растлевает, так дьявол на самых злочных местах, во Эдеме священной Библии, хитро уловляет, примешав, как змий, в матернее для детей молоко яд свой, так он вкус и дух свой в благоуханные плоды божиего рая. «Нужное есть царствие божие, и прилагающие усилие достигают его».

Сего оракула сатана растил. Он в нем осквернил Христово благоухание. Он в нем, украв дух Христов, вложил в него свой душеубийственный вкус. Он перековал нужное на трудное ^а. Поют германцы притчу сию: «Бог строит кирху, а черт там же часовню». Поет Христос: «Нужное есть царствие божие». Дьявол подпевает: «Трудное есть царствие божие».

О пакостная обезьяна! Тем же мостом грядет, а в разный город; тем же звоном поет, да чего-то как нет. Ангельский тон — адская думка, голос Ияковлев — сердце

---

^а Нужда и нужное не в том состоят, чтобы трудно оно иметь, но то есть нужное, без чего никак жить невозможно или с мучением живется без него. А чем же что нужнее, тем достать легче. Например, воздух есть необходимо нужен, без обувания же зимой можно жить с мучением.

Исавлее; лобзает, как друг, — продает, как Иуда. И смех и плач нам есть божия сия мартышка... «Внимай, небо, и заговорю!» Се клевета на господа вседержителя! Нужность с трудностью так не вмещается, как свет со тьмою. Нужно солнце — трудно же ли? Нужен огонь, а труден ли? Нужен воздух, но труден ли? Нужна земля и вода, и кто без нее? Видите нужность? Где же при боку ее трудность? Ах, исчезла! Нет ей места в чертогах непорочной и блаженной нужности! Дом ее есть дом мира, дом любви и сладости. Покажите же мне, где водворяется трудность? В аде ли? Верую, господи, там-то обитают труд и болезнь, печаль и вздыхание. Но там ли нужность? Ах, не бывала она там. Ее присутствием ад в мгновение преобразуется в рай. В аду все делается то, что не нужно, что лишнее, что не надобное, не приличное, противное, вредное, пакостное, гнусное, дурное, непригожее, скверное, мучительное, нечестивое, богомерзкое, проклятое, мирское, плотское, тленное, ветренное, дорогое, редкое, модное, заботное, разорительное, погибельное, адское... и прочий неусыпающий червь. Сия бесноватая и буйная дева — трудность именуется по-эллински 'Ατα¹³, сиречь пагуба, по-еврейски же Ада, Ламехова жена, сиречь блуднокрасующая и заботная, противная жене, именуемой Селла и Мирна. Сколь же разнится чистая наша дева — святая нужность! а Она не 'Ατα, но *Лита* и *Литургисса*; не *Ада*, но *Селла*; не *Фурия*, но *Анна*, но *Хария*, но *Грация*, разумей: возлюбленная, милостивая, даровитая¹⁴. С небесных кругов и от горних пределов возлюбленной сей царицы исчезла всякая горесть с трудом, а печаль с вздыханием. Оттуда сатана со всеми своими тьмами низвержен в ад. Какая сила низвергла? Та, что там жизнь не зависит от заботных сует и суетных забот. Там живет одно только нужное оное: «Едино нужно». Оно есть и сродное, и легкое, и благолепное, и преподобное, и веселое, и полезное, без серебра и без горестей стяжаемое, как написано: «Туне примете, туне дадите». Внуши, земля! Услышь, род человеческий! Напиши на ногте адамантовом, на вечных сердца своего скрижалях господню славу сию: «Благословен творящий нужное нетрудным, трудное ненужным».

а Не утерплю приписать тут пресладких Эпикуровых слов спх: *Χάρις τί μοχαρία φύσει: ἔτι τὰ ἀνάγκη ἐπιούσων ἐπιόρα τὰ δε δυσπίστα οὐκ ἀνάγκηα*¹⁵, то есть: «Благодарение богу, что нужное сотворил легкодостижимым, труднодостижимое же — ненужным».

Как только Уриил отрыгнул господствующую сию славу вышнего, поднялся от преисподних хульный шум, рык, вой, свист, стон... каков бывает от дубравных зверей, от ночных птиц, от болотных жаб во время землетрясения. Замялся, свиваясь и развиваясь в бесчисленные свертки, адский змий, пронзен изощренною сильного стрелою и жаром палящих углей осыпан, по оному: «Он устами произносит премудрость, жезлом бьет мужа бессердечного». На крыльях Урииловых виден был вид многоценного сапфира, превосходящий голубой свод благовидного неба. Сей божественный ум, пустивший из уст своих меч обоюдоострый, поразил Сатану в самое чрево его и убил блудодеяние. Варахиил же выстрелил праволучную стрелу молнии, пронзил дракона в самое око его и убил похоть очей по писанию: «Око, ругающееся отцу и досаждающее матери своей, да выколят оное вороны из дебрей». Прежде же всех умертвил копьем Михаил любодейственное сердце его. От того часа царство его и козни разорены.

АДСКОЕ ЦАРСТВО

На чем основано?

Простер же Рафаил яшмовидные крылья свои с Гавриилом и, перелетев, сел при боку Варахиилову. Потом, рассмеявшись, веселовидно изрек: «Возрадовался дух мой, как Уриил, как Финеес, во чрево, ты же, как Сисаре, в самое око его пробил ему голову его». Вид же Варахииловых крыльев, как вид углей, разожженных от одного угля: «Стрелы сильного изощренны с угольями поедающими». «Разожжено слово твое очень, и раб твой возлюбил его...» «Слово плотью было и вселилось в нас».

Тогда сей пламенеющий орел, служитель в молнии вышнему, божественный Варак распростер крылья свои и, помавав оными, возгласил: «Сия есть победа, победившая мир, плоть и дьявола — любовь наша. Крепка, как смерть, *любовь*. Жестока, как ад, ревность божия. Крылья ее — крылья огненные. Угли огненное воспламеняет ее. О угли! О возлюбленный наш анфракс оный!»^а

---

^а Анфракс есть слово эллинское, значит *уголь горящий*, означает же и драгоценный камень, его же вид есть, как уголь горящий. Все же драгоценные камни, как сапфир, фарсис и прочие, суть красотою своею и твердостью образы божией премудрости.

«Золото земли оной доброе, и там анфракс». Сей дражайший анфракс нас, серафимов, воспламеняет, творя ангелов своих духами и слуг своих пламенем огненным». Глас его оный... «Глас брата моего...» Сей один утешает и укрепляет нас. «Возвеселись, бесплодная!» Сей есть глас его. «Смиренная и колеблемая! Не имела ты утешения. Се я уготовляю тебе анфракс — камень твой — и на основание твое сапфир. И положу забрала твои, яшму и врата твои, камни кристалла и ограждение твое, камни избранные — и правдою вознаградишься... Всякое орудие, сделанное на тебя, и всякий голос, который на тебя встанет на бой, не благопоспешу. Одолеешь их всех. Все сыны твои научены богом, и во многих мирах дети твои. Сие есть научение служащим господу, и вы будете мне праведны», — говорит господь. Ныне желание наше исполнилось. Ныне услышана тричастная оная молитва Сирахова:

Господи, отче и боже живота моего!
Да не пожрет мя бездна мирская!
Возведя очи на прелесть его,
Да не поглотит мя пропасть чрева,
Угождающего, как богу. И да не свяжет мя
Стыждейство, ищущее сладости в мертвом блате.

На сей тричастности стоит все адское царство.
Ныне мудрость одолела злобу, и все воспели так:

О сын, рожден от девы,
Во бесстрастия глубине!
Тричастную злобу души
Потопи, молюсь.
Да как же во тимпане¹⁶,
В умерщвленном телесе
Воспою победную песнь.

— О язык трегубый! — возглашая возгласил Варак, разоривший города и превративший дома вельмож. — Блажен обладающий тобою. Се есть царствие божие! Нет его легче, как нет нужнее, и нет нужнее, как нет врожденнее его. И что есть бог, если не внутри нас пламенеющая, как искродышащий уголь, блаженная оная красота: «Без меня не можете творить ничего». Что же есть? Она носит горы, и воды, и весь труд наш. Она тонкоплотное небо и огонь десницею своею жмет и держит. Кто же присно-

блаженную и пренепорочную сию *матерь* пашу дерзает наречь трудною? Если сатана сатану изгонит? Так не трудностью труд уврачуется. Господи! Се труд воздают тебе! Ты же — веселие и радость, мир и успокоение. Правда твоя, как солнце. И се сатана помрачает! Мир же свидетельствует о лжи. Господи! Если возможно есть, да мимо идет от тебя горькая чаша сия. Если же не может сия ложь мимо идти от тебя, будет воля твоя ^а.

ПЛАЧУЩАЯ БЕСПЛОДНАЯ

Во оно время слышан был жалостный голос на небесах. Вдова, бродящая по земле, облаченная в темные ризы, должная родить сына, ищет места, но не обретает, гонима змием, пожерти плод чрева ее хотящим и в след ее изbleвающим потоп блевотин. Сего ради скитается, рыдающая и вопиющая песнь сию ^б:

Кто даст мне крылья ныне? Кто даст посребрэнны?
Кто даст мне плечи ныне? Кто даст восперэнны?

Да лечу сквозе присно о бозе,

От земного края даже до рая

И почию.

Се ехидн лютый бежит! Се мя достизает!

Се челюсть адску на мя люто разверзает!

Поглотить хочет, ядом клокочет,

Василиск дивый, аспид пытливый.

Ах, увы мне!

Вод горьких хляби стыдно изbleвает черныйй.

Се мрак! Се облак покрыл мя ныне вечернийй!

Увы мне ныне! Увы, едине!

Гонит всем адом меня со чадом.

Нет мне мира.

Увы мне! Горе! Увы! Что творити?

Кого на помощь дерзаю, бедна, молити?

---

^а При бозе, как при зерне и истине, неразлучно держится, как шелуха, ложь; но шелуху — свиньи, хлеб же едят дети.

^б Сия песнь взята из трагедокомедии, нареченной «Гонимая церковь» ¹⁷. Жена апокалпсная там, гонимая змием, поет песнь сию пли хор. Есть сие мпное творение Варлаама Лашевского, учпвшего в Клеве и богословию с еврейским и эллинским языками и бывшего предводителем в последнем исправлении Библии. Почил архимандритом Донским. Вечная память!

Увы мне ныне! Увы, едине!
Гонит всем адом меня со чадом.

Нет мне мира.

Боже! Ты призи на мя с высоты святя
И приклонися, странный, на слезы мне сия:

Дай крепость силы, бы не сдолелл
Твоей рабыни уста змиины.

Ах! О! Боже!

Кто даст мне крылья ныне? Кто даст голубины?
Да выпсрь парю от сей адской глублины...

Архангелы возлюбили прекрасную сию невесту божью, скитающуюся по земле и не имущую, где главы преклонить, милосердствуя о ней. Михаил же, разожжен ревностью, расширил посребренные крылья свои и устремился, как к страждущему своему птенцу орел, схватил жену и посадил ее на радуге. Тогда целомудренная сия Сусанна ^а не находится между смертными на земле, да не злоба изменит разум ее, или лезть прельстит душу ее. Непраздная мать воссела с сыном своим на благокруглой дуге облаков, и сама будучи прекратившая потоп радуга оная.

«Глянь-ка на дугу и благослови сотворившего ее. Прекрасна сиянием своим».

Досадители же ее суть сии: «Премудрость и наказание уничтожающей есть окаянный, и праздно упование их, и труды бесплодные, и ненужные дела их. Жены их безумны, и лукавые дети их, проклято рождение их, как блаженная есть бесплодная неоскверненная!»

Тогда из облака возгремел Михаил к живущим на земле сим голосом: «Сыновья человеческие! Зачем любите ложь, поедая землю во все дни жизни вашей? Так ли юродивые вы сыновья Израиля?» Не испытав, ни истины не уразумев, осудили вы дочь Пзраилеву. О обветшалые злыми днями вашими! Зачем судите суды неправедные и не слышите говорящего бога: «Неповинных и праведных не убивай». «Имеющий уши слышать да слышит!» После сего грома услышана была издали в горнем воинстве ангельском песня воспеваемая сия:

---

^а Сусанна — слово еврейское, по-эллински — *κρίσην*, по-римски — *lilium*, по-славянски — *крын*, по-малоросийски — *лилия*.

ПЕСНЬ

В конец сего: «Испустил змий за женою из уст своих воду, как реку, да ее в реке потопят».

Воньми, небо и земля! Ныне ужаснися.
Море безднами всеми согласно двигнися.
И ты, быстротекущий, возвратись, Иордан.
Прийди скоро крестить Христа, Иоанн.

Краснозрачные леса, стези отворите,
Предтечу Иоанна ко Христу пустите.
Земные же языцы, купно с нами все ликуйте,
Ангельские хоры все, в небе торжествуйте.

Сошел Спас во Иордан, стал в его глубине.
Се сошел и дух святой на него в виде голубине.
«Сей есть сын мой возлюблен», — отец из
облак вещаше.

Сей мессия обновит естество все ваше.

Освяти струи и нам. Змию сотри главу.
Духа твоего, Христос, росу дай и славу,
Да не потопит нас змий. И мы все от земна края
Да почить полетим до твоего рая.

ОБНОВЛЕНИЕ МИРА

Семь голов суть сатане, как одна; голова же — как заходящее солнце, мглою обезображенное. Вскоре потом лицо земли покрыл мрак вечерний. Бесчисленные же нетопыри и ночные птицы, летая во мраке, ненужную хулу и клевету па славу вышнего возвещали. Тогда явилось и ангельское многое воинство, как звезды небесные, но расслабленно сияющие. Архангелы, исполняя написанное: «Во время оно разумный умолкнет» и пленяясь краснейшей всех земных дочерей красотю небесной Сусанны, терпели и пребывали, молясь так: «Господи, боже наш! Правда твоя в свете твоём. Свет же в правде твоей. Истина твоя в солнце живет, солнце же стоит на истине твоей». Се сие знамение есть твое, от тебя и тебе у нас. От тебя глагол сей твой и о тебе. Ты один и сотворишь его. Се лестница семиступенная к тебе нам. И се сатана низверг ее! Он сотворил из нее врата ада, нарек нужное трудным, сладкое же горьким. И се врата ада одолевают людей твоих. Встань, господи! Встань, слава наша! Встань рано!.. Возлег, почил ты в тучной горе

твоей, как лев, многие лета спящий. Возбудишься, как Самсон. Сотвори величие неплодящей твоей, коснись гор твоих — и воздыматься, блесни молнию и разгони супостатов, да во свете твоём узрим новый свет. И обновишь лицо земли. Ты и вчера, и днесь, и вовеки: бывший, сущий, и будущий. Аминь!

Помолившись же, всерадостным воскликнули голосом: «Да будет новый свет!»

И был новый свет. Сразу проникло радостное утро. Воссияло солнышко, просветило небеса, проповедующие славу божию, и обновило лицо земли. И нарекли ангелы вчерашний день тьмою, днешний же день светом. И был ветхий, и был новый свет, но день один и мир один. Древне сотворил бог мир в семь дней для людей; в последние же века ради ангелов обновотворил его в один день, который есть, как тысяча лет. Да исполнится пророчество верховного Петра: «Покайтесь! Ибо да придут времена прохладные от лица господнего». «Придет же день господень, как тать в ночи, в он же небеса с шумом мимо пойдут...» «Новых же небес и новой земли чаем; в них правда живет». И Иоанново: «Дети! Последняя година есть, и мир переходит, и похоть его, творящий же волю божию пребывает вовеки». «Не взалчут к тому, и не вжаждут. Не должно же упасть на них солнце, ни всякий зной; как агнец, который посреди престола, упасет их, и наставит их на животные источники вод, и отнимет бог всякую слезу очей их...» А как только перешел и зашел ветхий мир, воссияло же вместе и Ноево, и новое время, и лето; тогда во мгновение ока в последней трубе все ночные птицы, все ядовитые гады, все лютые звери, всякий труд, и болезнь, и все злых духов легионы, все бесчисленные свитки, изблевающие хулу на вышнего, вихрем возметаемые от лица земли, исчезли. И се! Воспевая, воспели архангелы и все ангельское воинство в псалмах и пениях, и песнях духовных победную¹⁸.

ПЕСНЬ ПОБЕДНАЯ а

Пой и воспой, сколь благ бог твой!
Скор рукою за тобою
В день брани твоей стать

а И сия песнь из того же творения Лашевского. Хор поет: «Когда избавилась жена от змия». О пламень, поглотивший Киевскую библиотеку, такие и столькие манускрипты, какую гибель сотворил ты!¹⁹

Из подземной клетки явился цветы,
Морозом прежде побиенны.

Уже все райские птицы
Выпущены из темницы.
Повсюду летают, сладко воспевают,
Веселья исполненны.

Зеленые поля в травы
Шумящие, в лист дубравы
Встают, одеваясь, смотря, воссмеваясь.
Ах, сколь сладко там взирать! ²⁰

От днесь открылись в жаждущих полях и пустынях живой воды источники. Явились города и жилища оные. «Сколь красны дома твои, Ияков!» Неровные горы отворили пути свои, одеваясь цветами оными: «Я цвет полевой и крын удольный».

Дикий и бесстранноприимный неприступный Кавказ открыл гостиницы своим странникам. Море указало дорогу кораблям всем плывущим. Показались плодоносные острова, кефы, скалы, гавани и мысы Доброй Надежды. Отворились спасительные пристанища всем мореплавателям даже до древнего Фарсиса ^а и до Одигитрии ^б заблуждающим, до облачной огнедышащей горницы, взирающей на Александрию Фарийской пирамиды ^в.

---

^а Фарсис ²¹ есть драгоценный камень, и есть же и город, имеющий кораблям лоно.

^б Одигитрия ²² — слово эллиское, значит *путеводница, наставница*. Отсюда во акафисте: «Радуйся, столп, наставляя плавающих...» и прочее. Такие приморские башни при затмении звезд наставляют к берегу плавателей горящим на них огнем. В Библии нарицается столп облачный, спречь высокий, до облаков достигающий, например: «В столпе облачном говорил к ним». Образует сии столпом священная Библия. Она-то нас, обуреваемых в море мира сего, наставляет к гавани оной, где убогий Лазарь с Авраамом и вся церковь почивают. Сия гавань нарицается по-еврейски *кифа*, или *кефа*, по-эллиски — *петра*, сиречь *каменная гора, лоно и город*. Что же сия кифа и сей апокалипсый город знаменуют? Пир оный Лотов с дочерьми своими, о котором: «Блажен, кто съест обед в царствии небесном», «Радости вашей никто не возьмет от вас», «Веселие вечное над главою их». Глава наша есть сердце наше. Если оно не болит и вечно радуется, сие есть единое истинное блаженство — «мир, всяк ум превосходящий».

^в Фарийская пирамида ²³, или турня, недалеко от устья реки Нила, где град Александрия.

Увидели славное царство и святую землю оную: «Там родила тебя мать твоя». Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалека». Преупокоились на злчных местах и на блаженных удолях, по писанию: «Едите, ближние, и пейте, и упейтесь, братия...» От днесь воссияли над главами святых человекoв лучезарные венцы, окружающие в себе сию адамантову славу: *«Легко быть благим»*. Тогда и на мою главу возложен венец нетленный. Архангелы, песнь победную спев, взлетели в горнее и опять вселились в семи пирамидах, субботама великими нареченных, взирающих и соблюдающих премудрости дом семисубботний, славя отца и сына, и святого духа вчера, днесь и вовеки.

Сие видение я, старец Даниил Варсава, воистину видел. Написал же в просвещение невеждам блаженным оным: «Дай премудрому повод...»

К о н е ц

ПРЯ БЕСА СО ВАРСАВОЮ

Когда в обновлении мира сбылось на мне оное:

‘Ο στέφανος τῶν σοφῶν πλοῦτος ἐστὶ αὐτῶν. — «Венец премудрых — богатство их» (Притчи).

Яснее скажи: In corona sapientium divitiae eorum.

Тогда в пустыне явился мне бес от полчища оных: «Нечестивый, кляня сатану, сам клянет свою душу». Имя ему *Даймон*^а.

Д а й м о н. Слышь, Варсава, младенческий ум, сердце безобразное, душа, исполнена паучины! Не поучающая, но паучающая. Ты ли есть творящий странные догматы и новые славы?

В а р с а в а. Мы-то божиею милостию рабы господни и дерзаем благовестить божиею славу сию:

Как злость трудна и горька,
Благость же легка и сладка.

Д а й м о н. Что есть благость?

В а р с а в а. То же, что нужность.

Д а й м о н. Что есть нужность?

В а р с а в а. То, что не есть злость.

Д а й м о н. Что есть злость?

В а р с а в а. То, что не есть благость.

Д а й м о н. Откуда родится нужность?

В а р с а в а. Она есть ветвь благости и блаженства.

Д а й м о н. Благость же и блаженство откуда есть?

---

^а Даймон, или демон, у эллинов значит *ведящий*, или *ведьма*, *знарок* (δαιμόνιον), откуда δαιμόνιον — острое, трудное, но ненужное и непотребное ведение. У евангелистов сим словом именуется бесы.

В а р с а в а. Сия ветка от древа жизни.

Д а й м о н. Где есть древо жизни?

В а р с а в а. Посреди плоти нашей.

Д а й м о н. Что есть древо жизни?

В а р с а в а. Есть закон ума.

Д а й м о н. Что есть закон ума?

В а р с а в а. Свет тихий святой славы, бессмертного отца небесного... Образ ипостаси его, ему же слава во веки. Аминь.

Бес, несколько будучи смущен и водрузив очи в землю, помышляя в себе, негодуя на странности ответные. После же спросил: «Ныне ли узаконяешь? И подлагаешь в основание лживую твердь сию, нужность не трудна?»

В а р с а в а. Аминь говорю тебе: сколь что нужнее, столь удобнее.

Д а й м о н. Ты ли написал 30 притчей¹ и дарил оные Афанасию Панкову?

В а р с а в а. Воистину так есть. Сей есть друг Варсаве.

Д а й м о н. Помнишь ли едину из них, в которой беседует Буфон со Змиею, обновившею юность?

В а р с а в а. Помню. Я оную притчу увенчал толкованием таковым:

Чем большее добро,
Тем большим то трудом
Ограждено, как рвом².

Д а й м о н. А-а, новый архитектор^{3!} Ныне-то ты мне попал в силоч.

В а р с а в а. Исповедую согрешение мое.

Д а й м о н. Видишь ли, как брань на тебя твоя же воздвигает слава.

В а р с а в а. «Если говорим, что греха не имеем, себя прельщаем...»

Д а й м о н. Или же заколи новую твою славу ту: «Нужность не трудна».

В а р с а в а. Новое чудо боголепное — заколю ли?

Д а й м о н. Или если поборяешь по ней: преступника в себе обличаешь, разоряя созданную самим тобою прежнюю ограду, оградившую трудом дом (как великолепно написал ты), всякое благо.

В а р с а в а. Не я бог и согрешаю, не я опять-[таки] бес и каюсь.

Д а й м о н. Ох! Слова твои взбесили меня. Иди за мной, сатана! Не о покаянии слово мое. Но разумеешь ли, что грех нарицается по-эллински *ἀμαρτία*, гласит же: преступление, буйство, заблуждение, безумие...

В а р с а в а. Вельми разумею. Грех есть слепота душевная.

Д а й м о н. Почто же, слеп будучи, слепцов дерзашь, узаконивая странную и неслышанную славу?

В а р с а в а. Почто? Того ради, что каюсь.

Д а й м о н. О ворон ночной! Кайся, раскайся, окаивайся... но не будь творец догматов новых.

В а р с а в а. Кто же может каяться и прийти на иное, не поставив прежде новой судьбы и нового рока в основание? На чем станет? Ведомо, что дух покаяния стоит на каменном острове, поправ прежнюю злобу, облобызав же новую благодать. Сия благодать есть новый адамант, подлагаемый в основание новозиждемому граду святому. Она есть вечное зерно, откуда произрастает древо нетленных плодов и нового века. Сего ради всеу разделяешь нераздельное. Каяться — узреть берег новой славы, начать новую жизнь новым сердцем, новыми плодами — все сии ветви суть от единого древа и есть одно и то же. Как утро, свет, солнце, луч, день есть то же. Как же сказал ты мне: «Кайся, но не будь творец догматов новых»?

Д а й м о н. Перестань, говорю, высокобуйствовать! Оставь спор и облобызай слывущую искони в народах славу сию:

Δύσκολα τὰ καλὰ, εὐκόλα τὰ κακὰ.

Gravissima bonitas, levissima malitia ⁴.

В а р с а в а. Приложи, если хочешь, и сие:

Dulcissima mala, beatissima mala.

Amarissima bona, miserrima bona ⁵.

Однако смрада сего отнюдь не вмещает сердце мое. Если будет гортань моя гробом открытым? Если возвратятся мне Лиины очи? Вепрево обоняние? Уста Иудины? Тогда разве облобызаю сию ненужную славу.

Когда Израиль почтет крастелям ⁶ стерву, тогда и я предпочту вепря Минерве.

Д а й м о н. Так ли? На все академии, на все школы и на все их книги брань воздвигаешь?

В а р с а в а. Прости мне, друг и враг мой. Нужда мне надлежит и на тебя ополчаться. Во крещении клятвою заклался никого не слушать, кроме единой премудрости, в евангелии и во всех освященных библейского Иерусалима обителях почивающей. От того даже времени заплыван мной мир, плоть и дьявол со всеми своими советами. Иерей облил тело мое скотскою водою на тот конец, дабы после омыл я сердце мое водою духа из евангельского Силоама ⁷. Се тайна есть плотская вода, тайнообразующая воду премудрости, которую пьют из Библии во спасение. Инако же если никто не облит или не погружен, но не исполнивший тайны, любящий же пить гнилую мирских советов воду есть лицемер, чужд царствия божия, как водою только крещен, но не вместе и духом. Нужда ибо мне ополчаться на всех, да сохраню царю моему веру мою. Опять же... Сколько раз привязала меня к богу тайна евхаристии?⁸ Крошка хлеба и ложечка вина, не насыщающая тела... Не сей ли вид преобразуется в пищу премудрости его, укрепляющей и веселящей сердце? Не он ли, прильнув к невидимому, претворяется в тайнообразуемое первообразное? Сия пресущность вида совершается тогда, когда глеть та и сень тленными устами приемлется вместе, как удкою тайное вовлекается сердце во евангельские чертоги и вкушает от тайной оной вечери. «Блажен, кто съест обед в царствии небесном». Инако же нет евхаристии, сиречь благодарения, но лицемерность, но предательство, но неблагодарность, предающая сердце Христово за малочленные мирские советы. Се столь чудным союзом любви связанное сердце мое с сердцем божим не радостно ли встанет на всех супостатов его?

Открой мне в священной Библии хотя одно место, благословляющее твою славу, и довлеет мне. Инако же не наш ты, но от супостатов наших.

Д а й м о н. Ибо глух ты, не слышащий, что тесный есть путь, ведущий в царствие небесное? И как мало стадо спасающихся? Как многие захотят войти и не возмогут? Как восстанет владыка дома и затворит дверь?.. «Тут будет плач и скрежет зубов, когда узрите Авраама и Исаака» и проч. в царствии божием, вас же изгоняемых вон...

В а р с а в а. О клевета, смутившая и смесившая горних с преисподними...

Д а й м о н. Внемли же и сему: «Бдите, да некогда огрубеют сердца ваши...» «Восстань, спящий! Что стоите

ігразны?» «Поклоніцеся і воздвігніце галовы ваішні...»
«Трудящемуся делателю прежде...» И тьма иных мест. Сие же место: «Удобнее верблюду сквозь игольные уши пройти...» «Будут дни те скорбью большой, какой не было». Непреодолимую трудность к благу обличает.

В а р с а в а. Доколь меня ругал ты, терпя потерпел. Ныне же, нечестивый и козненный, бога моего благодать преобразуешь в скверну твою.

Д а й м о н. Почто, Варсава, беснуешься?

В а р с а в а. Путь божиих слов превращаешь в лукавую твою стезю.

Д а й м о н. Как сии могут быть?

В а р с а в а. Как может трудом устрашать тот, кто призывает, говоря: «Придите ко мне, все труждающиеся, и я успокою вас»? Не клевети же, день божий был скорбь, но твои дни и мои есть скорбь, и не до скорби, но от скорби сей отзывает обремененных. Твои же дни суть мерзость запустения, Даниилом высказанная. «И в твоих днях горе родящим и доящим». Сего ради говорит: «Молитесь, да не будет бегство ваше в зиму». Твой-то день есть зима, скрежет, плач, буря, море... Отсюда вызывает в кефу свою, в тихое пристанище, в доме прибежище. «Я успокою вас». «Отступите от меня все делатели неправды». «Мучайтесь, все возненавидевшие покой мой».

Д а й м о н. Не сказал ли, что беса имеешь? Внимай, о бешеный! Не говорю, что не благо есть царствие божие, но что жестоким трудом ограждено и что к нему путь тесен и приступ прискорбный.

В а р с а в а. Но не ты ли сказал, что сии места благословляют славу твою? Сам же понудив меня говорить о сих, ныне бешеным меня нарицаешь. Если беснуются, ты причина сего, если же добро сказал, зачем меня злословишь?

Д а й м о н. О лис! О змий! Мечешься, свиваясь, развиваясь в различный свиток. Однако аминь, говорю тебе, что узкий путь и тесные врата в царство небесное.

В а р с а в а. Тесные, верно, верблюду, но человеку довольно пространные.

Д а й м о н. Что есть верблюд?

В а р с а в а. Душа, мирским бременем отягченная.

Д а й м о н. Что есть время?

В а р с а в а. Богатство, пиры и сласти мира сего, которые суть удицы дьявольские. Несут нечестивые на плечах своих злой крест и мучащее их неудобноносимое иго,

тяготу же свою, в которой сами суть виновники, возвращают на царствие божие.

Д а й м о н. Ба! Ныне, не обынуясь, исповедал ты, как труден путь. Ура! Победил! Тесен, узкий, труден есть то же.

В а р с а в а. Воистину неудобен и труден злым мужам. Но они за самими собой влекут трудность. На пути же божием не обретут, и нет ее вовеки. Злоба благому во вред, яд, в труд и болезнь сама собою себе же превращает.

Д а й м о н. Что есть злость?

В а р с а в а. Почто меня искушаешь, лицемер? Сказал тебе уже, что злость есть то, что не есть благодать. Она есть дух губительный, все во всегубительство преображающий.

Д а й м о н. Как могут сии быть?

В а р с а в а. Ты, Даймон, и сих ли не знаешь? Жизнь наша не путь ли есть? Не сей ли путь самим богом есть положен? Не бог ли есть всехитрец, по-эллински — аристотехна? ⁹ Как же труден путь нам сотворил? Онемей, о язык лживый! Не клеветцы, злоба, благодати и премудрости. Ты сама сотворила путь божий трудным, сделав его беззаконным. Что есть беззаконие, если не растление? И что есть грех, если не жало смерти, все разоряющее?

Д а й м о н. Как могут сии быть?

В а р с а в а. Не искушай меня, пытливая злоба, не смущай сердца моего. Не в благодать, но в злость ревнуешь, знать.

Д а й м о н. Но подобает же тебя обличить, как злоба делает сладкое горьким, легкое же трудным.

В а р с а в а. О род развращенный! Доколе искушаешь? Аминь говорю тебе, ибо сколько что благо есть, столько и творить и знать удобно есть.

Д а й м о н. Куда идет слово твое, не знаю.

В а р с а в а. Куда? Печешься и молвишь ты о сей истине, как злоба делает легкое трудным, испытуешь, как бывает сие? Сия же истина блистает паче солнца в полудень, как все истинное, и легкое, и ясное есть.

Д а й м о н. Как же ясное, если я не вижу?

В а р с а в а. Нет удобнее, как удобно видеть солнце. Но сие труд и болезнь есть для нетопыря. Однако труд сей сам собою носит в очах своих, возлюбивших тьму паче света... Предложи сладкоздравую пищу болящему, но он с трудом вкушает. Возведи путника на гладкий путь,

но он слепым и хрым — соблазн и претыкание, развращенно же и превратно шествующим — горсть, труд и болезнь.

Д а й м о н. Кто развращенно ходит?

В а р с а в а. Тот, кто в дебри, в пропасти, в беспутные и коварные лужи от пути уклоняется.

Д а й м о н. Кто же превратно шествует?

В а р с а в а. Тот, кто на руках, превратив ноги свои вверх, или не лицом, но хребтом в прошлое грядет. С тем образом весь мир живет, как некто из благочестивых воспевает:

Кто хочет в мире жизнь блаженно править,
О, да советы мирские все отставит.
Мир есть превратный. Он грядет руками,
Пав ниц на землю, но горе ногами.
Слепой слепого вслед вода с собою,
Падут, ах! оба в ров глубок с бедою.

Видишь ли, как злость сама себе труд содевает? Не спрашивай, как могут сии быть.

Д а й м о н. Однако тесна дверь и мало входящих.

В а р с а в а. Злые просят и не приемлют. Не входят, как злые входят.

Д а й м о н. Как же злые?

В а р с а в а. С трусом колесниц, с шумом бичей, коней и конников, с тяжестями Маммоны ¹⁰, с тучными трапезами, со смрадом плоти кровей в безбрачных рубищах, в беспутных сапогах, с непокрытою головою и без жезла, не препоясаны руками и ногами не омыты. Се так злые.

Д а й м о н. Какие колесницы? Какие кони? Какое мне рубище говоришь? Не всяк ли ездит на колесницах фараонских? Чудо!

В а р с а в а. Ей, говорю тебе, всяк.

Д а й м о н. Не мучай меня, говори какие?

В а р с а в а. Воля твоя.

Д а й м о н. Се ныне разумея, как беса имеешь. Говоришь неистово.

В а р с а в а. Ей! Опять и опять говорю тебе, что всяк обожествивший волю свою враг есть божией воле и не может войти в царствие божие. Какое причастие жизни у смерти? Тьме же у света? Вы отца вашего дьявола похоти любите творить, сего ради и трудно вам и невозможно.

Д а й м о н. Как же колесницу нарицаешь волю?

В а р с а в а. Что же носит и бесит вас, если не непостоянные колеса воли вашей и не буйные крылья ветреных ваших похотей? Сию вы, возлюбив и воссев на ней, как на колеснице, везущей в блаженство, ищете ее, пьяны ею, в днях царствия божия и воли его, но не обретаєте и глаголете: увы! трудно есть царствие божие. Кто может обрести тьму в свете? Не обитает там ложная сласть, честь и сокровище ваше есть сия воля не его. Она, ей, глаголю! Она вам есть и узы, и замки, и лев поглотивший, и ад, и огонь, и червь, и плач, и скрежет. И не выйдете отсюда, пока не расторгнете узы и низвергнете иго воли вашей, как писано: «Раздерите сердца ваши». Во время оно явится Самсону по жестоком сладкое¹¹, по зиме — дуга и мир Ноев.

Д а й м о н. Кто же причина? Не воля ли дается человеку?

В а р с а в а. О злоба, не клевети на премудрость! Не одна, но две воли тебе даны. Ибо писано есть: «Предложил тебе огонь и воду». Две воли есть то, сугубо естественный путь — правый и левый. Но вы, возлюбив волю вашу паче воли божией, вечно сокрушаетесь на пути грешных. Не сам ли ты причина?

Д а й м о н. Почто же предложена зла воля человеку? Лучше бы не быть ей вовсе.

В а р с а в а. Почто беззаконникам предлагает мучительные орудия судья? Того ради, что, теми мучимые, привыкнут покоряться правде. Иначе же сколь бы удалялись от благодетельницы сей, если столь мучимые едва покоряются?

Д а й м о н. Откуда мне сие, ибо воля мне моя благоугодна есть и паче меда услаждает меня? Вопреки же божия воля полынь мне и алоэ есть, и раны...

В а р с а в а. О бедная злоба! Ныне сам исповедал ты окаянство свое. Не меня же, но сам себя о сем вопрошай. Не я, но ты страж и хранитель тебя. Провижу с ужасом разорение в душе твоей, причину же сего обличить ужаюсь.

Д а й м о н. Ха-ха-ха! Прельщаешь себя, Варсава, мной, ибо ищу суда от тебя. Но твой ум младенчествует. Писано же есть: «Бывайте младенцы в злобе, но не в уме». «Не пришел принять, но дать советы».

В а р с а в а. От всех ваших бранных советов, даже от юности моей, омылся уже в Силоаме. Господь даст мне око свое, и не постыжусь.

Д а й м о н. Чудное твое око, видящее то, что нигде не обретается. Где же сердце, подобное твоему? Возлюбил ты странность. Что же? Даже все ли общее и все слушающееся в мире, все ли то есть зло? Одна ли странность благая?

В а р с а в а. Не отвлекай меня татьски на кривую стезю. Путь слова моего есть о трудности, гнездящейся в аду, изгнанной же из Эдема. Хочешь ли о странности?

Д а й м о н. Сотворим единоборство и о сем: есть со мною научающий руки мои на ополчение. Предложи же мне хоть единое, бываемое на торжище мира сего, общедеемое у всех и везде, и всегда, не оно ли скверное, трудное и мучительное? Довлеет...

В а р с а в а. Фу! Предлагаю тебе у всех, везде, всегда деемое, и оно вельми благо есть. Не все ли наслаждаются пищей и питьем? Не везде ли и всегда? И сие есть благо, как писано: «Нет блага человеку, разве что ест и пьет...» И опять: «Приди и ешь в веселии хлеб твой и пей в благе сердца вино твое...» «Молюсь тебе, господь, избавь меня от Голиафа¹² сего, изострившего, как меч, язык свой...»

Где же больше богомерзостей, вражд, болезней, если не в общениях мирских, которых бог — чрево? На всех блудных вечерах и трапезах их как рука, названная Даниилом, на стене пишет, так гремит гром божий сей: «Не радоваться нечестивым». Сколь же малое стадо в сравнении с содомлянами дом Лотов¹³! Там пируют ангелы в веселии. Много ли в тысяче обретешь! Которые едят и пьют не во страдание, но во здравие по оному: «Если едите, если пьете...» и проч. все во славу божию... Как же говорить, как едят хлеб? Не паче ли землю со змием? Как же во веселии? Не паче ли в поте лица и в трудах едят неблагословенный хлеб свой сей: «Сладок человеку хлеб лжи». После же обращается ему в камни. Истинный же причастник вкушает с благодарением хлеб по Соломонову слову: «Лучше укрух хлеба с водою в мире» — и пьет вино свое в благе сердцем оном. «Любовь не завидует, не бесчинствует, не радуется о неправедном богатстве — все любит, все терпит» и проч.

Трапеза, дышащая коварством, убийством, граблением, — не сей ли есть хлеб лжи? Что ли есть безвкуснее

и скареднее паче неправды? Сия обветшавшая Ева есть общая, обычная и присная невеста миру, печалью и похотью очей сжигаемому. Мир есть пир беснующихся, торжище шатающихся, море волнующихся, ад мучащихся. Так ли в веселии? Лжешь! Иезекииль же истину благовестит: как истаивают едящие не оприснок, но мотылу^а в неправдах своих. Се твой хлеб. От сего твоего хлеба отрицается Петр, говоря: «Господи, никогда не ел скверного...»

Д а й м о н. А! а! Но, однако же, ел.

В а р с а в а. Ел же, но уже освященное. Если бы то негодно было богу, не вкусил бы. Не многоценность блуднит, но освящающая правда трапезу сладкую творит. «Приди и ешь во веселии хлеб твой» и проч... Но лукавая твоя кознь, показав хвост, утаил ты виновницу веселия, там же сущую, освящающую главу сию: «Как же угодны богу творения твои» (Екклезиаст). Знай же и сие, что нареченное Петром скверное лежит в римском: *commune*, сиречь общее; по-эллински *κοινόν*. Сие же эллинское знаменует у римлян болото (*соепит*). Какой же мне предлагаешь хлеб твой? Сам вкушай. Мирская община мерзка мне и тяжка. Сладка же и добра дева есть дивная странность, странная новость, новая дивность. Сию благочестивые возлюбив, устраняются мира, не мира, но скверного сердца его.

«Отойдите и к нечистоте их не прикасайтесь, отойдите от них», — говорит господь.

Д а й м о н. Будь здрав, как же говорил ты! Однако вера в Христа, исшедшая благовестием в концы Вселенной, не вселенское ли общение? И не благо ли есть?

В а р с а в а. Ах, оставь, молю! Мир суетное только лицо веры носит листвою проклятой смоковницы, имущей образ благочестия, плодов же его отвергшейся, наготу свою покрывая, лицемер или лицевер, суевер и повапленная гробница. Дух же веры и плоды его когда он имеет? Аминь. Никогда. Мнишь ли, как обретет сын человеческий на земле веру? Ни! Ни! Не здесь! Восстал. Что ищете живого и благоуханного в смрадном содомском и мертвом болоте его! Там, там его узрите. Где же там? Там, где нет смрада. Ах! В Сигоре. Там Лот! Там дух веры! Там благоухание наше не с обветшавшими Евами, но с богорож-

---

^а Мотыла есть имя славянское, древнее. По-эллински — *κόπρος*, по-римски — *excrementum*, *merda*.

денными от себя и чистыми девами. «Не бойся, малое стадо». Се там! О сладчайшая Галилея ¹⁴! Град и пир малых-малых! Блажен, кто съест обед твой. Что есть плоть? То, что мир. Что есть мир? Ад, яд, тля? Ах, око и свет, вера и бог есть то же. Мелкое око — светильник телу. Маленькая церковь — свет миру. О прекрасная, но малолюдная невеста невестная! Тебе подобает слышать единой сие: «Очи твои, как голубиные». «Изойди от них в Сигор, спасайся». «Изойдите, верные, в воскресение, и мало их есть...»

Д а й м о н. Действуй, действуй! Если все общее скверно есть, как же общее воскресение честно и свято, уверяемое Лазаревым воскресением?

В а р с а в а. Так, как общее верным, не миру, в болоте лежащему. Инако же все ему общее бесчестно. Внял ли ты?

Д а й м о н. Вельми внял, ибо ты мне ныне, как птица, в сеть взят.

В а р с а в а. Взят, но не удержан.

Д а й м о н. Не чувствуешь? И не устрашаешься?

В а р с а в а. «Праведник дерзает, как лев...»

ПРЕДЕЛ, ЧТО ВСЕ В МИРЕ — ПОХОТЬ ОЧЕЙ, ТРУД И ГОРЕСТЬ

Д а й м о н. Уготовь лицо твое, Варсава, на обличение.

В а р с а в а. Если хочешь, готовлю и на оплевание.

Д а й м о н. Знаю, что обличение — труд и горесть тебе.

В а р с а в а. Обличи грех мой во мне, молю, и будешь друг. Между ним и мною вечная вражда.

Д а й м о н. Не ты ли сказал, что мир есть бесчисленное сборище беззаконных? И что вопреки малолюдненькое стадо благочестивых?

В а р с а в а. Воистину, так есть.

Д а й м о н. Ибо не то же ли есть сказать — и сие беззаконие легкое, благочестие же трудно и тяжело? Как бо не трудно, если сие малое-малое, оно же всем достигаемое? Суди дерево без плодов.

В а р с а в а. Тьфу! Putabam te cognua habere^a.

---

^a Древняя притча на тех, кто вначале страшны, потом смешны. По-славянски: «полагал, что рога имеешь».

Д а й м о н. Что? «Начали говорить иными языками?»

В а р с а в а. Скажи мне, господи, истину твою.
Устрой сердце и язык мой по слову правды твоей.

Д а й м о н. Ба! Шепчешь? Се тебе ударение, Варсава!

В а р с а в а. Считаю, что избодешь рогами, и се удар младенческий. Дей! Приложим единоборство! Если благость трудна, бог виною есть страждущему миру. Ныне же вины не имеют о грехе своем, возлюбив горесть свою, паче сладости его! Дей! Воровать ли или не воровать? Что труднее? Однако весь мир полон татей и разбойников... Дей! Нужная ли или многоценная одежда и дом? Что ли труднее? Однако весь мир блудокрасием красуется в суетное любодаяние глаз. Что удобнее, как хлеб и вода! Однако весь мир обременен чревонеистовством^а. Чрево есть бог миру, пуп аду, челюсти, ключ и жерло, изблевающее из бездны сердечной всеродную скверну, неусыпных червей и клокочущих дрожжей и блевотин оных вод: «Исходящее от сердца есть сквернящее». Зависть, грабление, тяжбы, татьбы, убийства, хулы, клеветы, лицемерия, лихоимства, прелюбодаяния, стыдодаяния, суеверия... се всеродный потоп ноевский, верх, волос и голову мира подавляющий.

Однако мир все сие творить радуется. По успеху беззаконий своих и мудрость, и славу, и благородность, и сласть, и блаженство оценивает. Не право же судил ты, однако право сказал, что трудность есть вина греха ему. Се бо мир адскую дочь, сию трудность и горесть от всего сердца своего возлюбивший, возненавидел божию благодать, призывающую его: «Придите ко мне! Я успокою вас». «Сколько раз захотел собрать детей твоих, и не захотели». «Ходите в пламени огня вашего, за то его же сами себе разожгли». «Накажет тебя отступление твое и злоба твоя». Удивляйся, ныне и подобает удивляться, ибо погибающему миру не бог, открывший двери и объятия отчие, но сам он есть себе, и его воля виною.

Воля! О насытый ад!

Все тебе яд. Всем ты яд.

День-ночь челюстями зеваешь.

Всех без взгляда поглощаешь.

---

^а Чревонеистовство есть чревная мудрость, мудрствующая о том, какпе сладчайшие жертвы суть богу ее — чреву. Так толкует святой Нил ¹⁵ в книге о семи бесах.

Если змия сего заклать?
Се упряднен весь ад.

Сей вавилонской блудницы чашею упоен мир, прелюбодействует с нею, презрев чертог дев мудрых, и невестник нашего Лота.

Онемей же и молчи! Не клевети на бога! И не лай на открытые врата блаженства! Открытые врата не винны суть малости спасаемых. Ах, проклятая воля! Ей, ты единая миру, как лев из ограды своей, преграждаешь ему путь в блаженный *исход* жизни оный! «Изойдите и възграете, как тельцы, от уз разрешенные». Оправдалась же в пользу нам древняя притча. *Turdus ipse sibi malum casat* — «погибель дроздова изнутри его исходит»^а.

Д а й м о н. Кто же может сотворить путь в блаженный оный исход?

В а р с а в а. Всяк, если кто захочет: хочет же возлюбивший бога. Сия новая любовь заставляет исчезать ветхую. Ветхая же, исчезая, мало-помалу преобразуется в новую волю и в новое сердце взаимно: «Исчезло сердце мое и плоть моя». «Бог сердца моего!» То есть сердце мое в тебе, ты же взаимно в сердце мне преобразился. Ныне: «Что мне на небесах? И от тебя что захотел на земле? Ты единый довлеешь мне».

Д а й м о н. Как же? Там чрево, здесь же злую волю нарицаешь мирским богом. Или два миру суть боги?

В а р с а в а. Ба! Остр ты, блюстител моих преткновений. Ночь, тьма, мрак, мечты, призраки, страшилища — все сии адские озера союзны своей бездне. Воля плоти, сердце мира, дух ада, бог чрева и похоть его, сердце нечистое есть то же. Се есть архисатана, нечистая сердечная бездна, рождающая в мгновение ока бесчисленные легионы духов и тьмы мысленных мечтаний в мучение всем. «Им же мрак темный вовеки соблюдется». О мир, возлюбивший труд и горесть! Сколь скоро снисходишь в ад и не возвращаешься. Сатана ослепил око твое. Сия слепота есть мать житейских похотей и плотских сластей. Сии суть тебе червь неусыпающий и огонь неугасающий. Сии укрепили тебе запоры врат адовых, затворили же райские двери соблюдающему пяту божию, хранящему суетное и ложное,

---

^а Дроздики, или, по-польски, косики, ржащие, как кони, ловцами уловляются, увязая в свою дроздовскую мотылу.

едящему все дни жизни своей землю. Но увя мне! Се!
Плывя по морю мира сего, се вижу издалека землю святу!
О сладчайший, желанный край! Спаси меня от пакостника
плоти и от моря мира сего!

КРАЙ РАЙСКИЙ

Благословенно царство блаженного отца,
положившего потребное в удобности, не-
удобные же дела в непотребе.

Д а й м о н. Отрыгаешь некрасивую непотребность.
Воистину пьян ты.

В а р с а в а. Ей! Упился новым Лотовым вином.
Ты же ветхим, содомским.

Д а й м о н. Но чувствуешь ли, пьяная голова, исход?
В какую цель влучает стрела слов твоих?

В а р с а в а. Ей! Она в самый кон разит и в самую
исконную исту праволучно ударяет.

Д а й м о н. О праволучный стрелец! Стреляешь в
голову, а ударяешь в пяту.

В а р с а в а. Истину сказал ты, нехотящий. Пята бо
вам есть во главу угла во всех домах ваших. Праотец ваш
змей искони блюдет пяту. И вы, любя, любите и, блюдя,
блюдете пяту. Пята есть глава и начало всем, им же врата
адовы одолели, ложь мрака хранящим. Мы же, стреляя,
стреляем во лжеглаву вашу сию. Да воскреснет истина
наша, глава она: «Тот сотрет твою главу...» Не есть бо
наше стреляние на плоть и кровь, но на миродержцев и
владык омраченного века сего, на блюдущих пяту, злыхных
духов. Управляет же стрелами нашими научающий руки
наши на стреляние.

Д а й м о н. О глупый лоб, исполненный сетей паучи-
ных! Вижу ныне, что у тебя пять ячменных хлебов: честны
суть паче преддрагоценного адаманта. Зри безместный и
ненужный слов твоих исход! Удобнейшие ли пять хлебов?

В а р с а в а. Ей!

Д а й м о н. Как же честнейший?

В а р с а в а. Так ли? Аминь говорю тебе, ибо полхлеба
есть честнейший его.

Д а й м о н. Почему?

В а р с а в а. Не сказал ли уже тебе, что всякая удоб-
ность честна есть? Всякая же честность есть удобна? Но

всякая трудность есть бесчестна. И всякая бесчестность есть трудна.

Д а й м о н. Какие мне пленицы сплетаешь, нечестивый? Я — о стойкости, ты же говоришь о трудности. Зачем засмеялся ты? Скажи мне, о бешеный! Не мучь меня...

В а р с а в а. Ты сотворил сам смех мне, разделив честность от удобства, ценность же от трудности.

Д а й м о н. Ей! Уголь мне на голову возливаешь, нарицая меня невеждою. Даймон я — не глупый. Назови меня чем-либо, но сего не терплю... Говори же мне, чего ради адамант бесчестный?

В а р с а в а. Того ради, что неудобный.

Д а й м о н. Откуда неудобный?

В а р с а в а. Оттуда, что ненужный.

Д а й м о н. Как же ненужный?

В а р с а в а. Как не полезный.

Д а й м о н. Почему не полезный?

В а р с а в а. Потому, что драгоценный, трудный, неудобный, все то одно.

Д а й м о н. А-а! Вокруг нечестивые ходят? Опять на первое? *Lupus circa puteum errat*¹⁶, как есть притча.

В а р с а в а. Ибо благокругла есть истина, как дуга вечная.

Д а й м о н. Не прозрел ли ты, слепой слепец, что у эллинов слово *σιμος* знаменует и дорогой, и честный есть то же?

В а р с а в а. Из уст твоих сужу и твоим мечом колю тебя. Если у эллинов дорогой и честный есть то же, тогда и вопреки — честный и дорогой есть то же.

Д а й м о н. Что се изблевал ты? Ха-ха-хе! О глупый! Куда летит сия твоя криволучная стрела? Не провижу.

В а р с а в а. О господин галат! На твою голову.

Д а й м о н. Ох, бьешь меня, нарицая галатом. Не опалай меня, молю, сим семеричным огнем.

В а р с а в а. Внимай же! Ты ценность вогнал в честность. Я же честность твою изгоняю в ценность.

Д а й м о н. Сие в лице тебе, что ценность и честность то же есть.

В а р с а в а. Сие же на главу твою, что честность твоя и ценность есть то же...

Д а й м о н. Что же отсюда?..

В а р с а в а. То, что честность твоя пресуществилась и преобразилась в ценность.

Д а й м о н. Что же далее?

В а р с а в а. Что прочее? Не постигаешь? То, что честность твоя и ценность, ценность и трудность есть то же. Трудность же, злость и бесчестность то же опять есть, внял ли ты?

Д а й м о н. О, дьявол да станет справа от тебя! Столь помрачаешь мне ум.

В а р с а в а. «Нечестивый, кляня сатану, сам клянет свою душу».

Д а й м о н. Какой же бес сотворил ценность честностью?

В а р с а в а. Дух, возлюбивший труд и болезнь.

Д а й м о н. Какой сей дух есть?

В а р с а в а. Дух моря мирского, сердце плотское, отец лжи, сатана — сия есть троица нераздельная ваша и один бог ваш, всяких мук вина́ и всякой злости источник.

Д а й м о н. Ты же как мудрствуешь?

В а р с а в а. У нас польза с красотой, красота же с пользою нераздельная. Сия благодвоеобразна, и мать дева, и девствует и рождает единую дочь. Она нарицается по-еврейски Апна, по-римски — Флора¹⁷, по-славянски же — честь, цена, но бесценная, сиречь благодатная, дарная, даремная. Баба же ее нарицается по-эллински Ананка, прабаба же — Ева, сиречь жизнь, живой и вечно текущий источник¹⁸.

Се есть премудрость и промысл божий, наповоющий без цены и сребра тварь всякую всеми благами. Отец, сын и святой дух.

БЛАГОДАРНЫЙ ЕРОДИЙ

ГРИГОРИЙ ВАРСАВА ^а СКОВОРОДА
ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ
СЕМЕНУ НИКИФОРОВИЧУ ДЯТЛОВУ
ЖЕЛАЕТ МИРА БОЖИЕГО

Проживая дни жизни по оному Сираховскому типуку ¹: «Блажен муж, который в премудрости умрет и который в разуме своем поучается святыне, размышляя о путях ее в сердце своем, и в сокровенном ее уразумится», соплел я в сие 1787-е лето маленькую плетеницу, или корзинку, нареченную «Благодарный Еродий». Се тебе дар, друг! Прими его, Еродия, по-еродиеву, прими парящего и сам сущий парящий. Прими сердцем Еродиево сердце, птица птицу. «Душа наша, как птица». Да будет плетенка сия зеркалом тебе сердца моего и памяткою нашей дружбы в последние лета. Ты ведь отец и сам птенцов твоих воспитываешь. Я же друг твой, принесший плетенку сию. В ней для молодого ума твоих птенцов обретешь опреснок от оных хлебов: «Хлеб сердце человеку укрепит». Все в них зерно сие так: живет среди вас нечто дивное, чудное, странное и преславное, должное явиться в свое ему время. Вы же с благоговением ждите, как рабы, ожидающие господя своего... Ничто же бо есть бог, только сердце Вселенной; наше же сердце нам же есть господь и дух. Сие домашнее они свое благо со временем узнав и пленившись прекрасною его добротою, не станут безобразно и бесновато гоняться за мирскими суетами и во всех злоудачах смогут себя утешить сею Давидовою песенкою: «Возвратись, душа моя, в покой твой и пути свои посреди себя упокой с Исаиею». Ибо ничем бездна сия — сердце наше — не удовлетворяется, только само собою, и тогда-то

---

^а *Вар*, правдивее же *Бар*, есть слово еврейское, значит *сын*; *Сава* же есть слово сирское, значит *субботу, покой, праздник, мир*. Итак, Вар-Сава — сын Савин, спречь сын мира, так, как Вар-Иона есть сын голубицы.

в нем сияет вечная радости весна. Таковое сердце родив птенцам твоим, будешь им сугубый, сиречь истинный, отец; дети же твои будут истинные, благодарные, благочестивые и самодовольные еродии. Прочее же подобает нечто сказать о еродийской природе. Они подобны журавлям, но светлейшие перья и коралловый или светло-червлёный нос. Непримиримые враги змиям и буфонам, значит, ядовитым жабам. Имя сие (ἐρόδιος) есть эллинское, значит *боголюбный*, иначе зовется *пеларгос* и *ерогас*, по-римски — *кикония*, по-польски — *боцян*, по-малороссийски — *гай-стер*. Сия птица освятилась в богословские гадания ради своей благодарности, прозорливости и человеколюбия². Поминают ее Давид и Иеремия. Они кормят и носят родителей, паче же престарелых. Гнездятся на домах, на кирпичах, на их шпильях и на башнях, сиречь горницах, пирамидах, теремах, вольно, вольно. В Венгрии видел я на камнях. Гадание — по-эллинически *символон*. Первый символ составляет она сей: сидит в гнезде, на храме святом утвержденном. Под образом подпись таковая: «Господь утверждение мое». Второй символ: стоит один Еродий. Подпись сия: «Ничего нет сильнее благочестия». Третий символ: Еродий терзает змия. Подпись: «Не возвращусь, пока не скончаюся». Сии три символа да будут знамением, гербом и печатью книжицы сей. Она совершилась в первую квадрату³ первой луны осенней.

«Там птицы возгнездятся». «Еродиево жилище предводительствует ими» (Псалом). «Еродий познал время свое» (Иеремия).

ГЛАВИЗНА И ТВЕРДЬ КНИЖИЦЫ

«Придите, дети, послушайте меня, страху господнему научу вас» (Давид).

«Если сердце наше не осуждает нас, дерзновение имеем» (Иоанн).

«Сын! Храни сердце твое, люби душу твою» (Сирах).

«Разума праведник, себе друг будет» (Соломон).

«Человек в чести сущий не понимает...» (Давид).

«Всяк дух, который не исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедшего, не от бога» (Иоанн).

«Еродий познал время свое, Израиль же меня не познал» (Иеремия).

«Неблагодарного упование, как иней зимний, растает и изольется, как вода ненужная» (Соломон).

ПРИТЧА, НАРЕЧЕННАЯ «ЕРОДИЙ»

В ней разглагольствует обезьяна
с птенцом Еродиевым о воспитании

Обезьяна, по древней своей фамилии именуемая Пишек. Она в африканских горах па рясном и превознесенном дереве с двумя детей своих седмицами сидела. В то же время пролетал мимо молодой Еродий. Госпожа Пишек, узрев его: «Еродий, Еродий! — воззвала к нему, — друг мой Еродий, сын Пеларга! Радуйся! Мир тебе! Хаїре! Салам алейкум!..»^а

Е р о д и й. А-а! Всемилостивая государыня! Бонжур!^б Калі імэра! День добрый! Gehorsamer Diener!^в Дай бог радоваться! Salve!^г Спасайся в госпде!..

П и ш е к. Ай, друг ты мой! Радуюсь, что начал говорить многими языками. Видно, что ученый обучал тебя попугай. Куда бог несет?

Е р о д и й. Лечу за пищую для родителей.

П и ш е к. Вот беда! Ты ли родителей, а не они тебя кормят?

Е р о д и й. Сие не беда, но веселье и блаженство мое. Они кормили меня в молодости моей от молодых ногтей моих, а мне подобает кормить их при старости их. Сие у нас нарицается *ἀντιπелάργεϊν*, сиречь возблагодарять, или взаимно пеларгствовать, и эллинцы весь наших птиц род называют *пеларгос*. Но мы их не только кормим, но и носим за немощ и старость их.

П и ш е к. Чудо преестественное! Новость, редкость, раритет, необыкновенность, каприз, странная и дикая дичь... Сколько вас у отца и матери детей?

Е р о д и й. Я и меньший меня брат Ерогас и сестра Кикония.

П и ш е к. Где вы обучались в отроческие лета?

Е р о д и й. Нигде. Меня и брата научил отец, а мать — сестру.

П и ш е к. О, мой боже! Везде цветут славные училища, в которых всеязычные обучают попугаи. Для чего он вас не отдавал? Он не убог. Как быть без воспитания?

^а Хаїре есть поздравление эллинское *радуйся!* Салам — турецкое, по-славянски — *мир да будет тебе!*

^б Бонжур — французское *добрый день!* Калі імэра — греческое слово — то же.

^в Gehorsamer Diener — немецкое *покорный слуга.*

^г Salve (салуе) — римское *благоденствуй! Спасайся!*

Е р о д и й. Для того же то самого сами нас воспитали родители.

П и ш е к. Да его ли дело учить и воспитывать? Разве мало у нас везде учителей?

Е р о д и й. Он сам великий к сему охотник, а мать ему во всем последует. Он славословит, что две суть главные родительские должности сии: «Благо родить и благо научить». Если кто ни единой из сих двоих заповедей не соблюл, ни благо родил, ни благо научил, сей не отец дитю, но виновник вечной гибели. Если же родил видно благо, но не научил, таков, говорит, есть полуотец, как достойно есть полумать, чревородившая, но не млекопитавшая, даровавшая полматеринства своего доилице и погубившая половину детолюбия. Если-де место владыки сидением рабским бесчестится, как не безобразится отеческая должность, исправляемая рабом или наемником? Пусть же отец извиняется скудостью времени, прощается тогда, когда обретет лучшее дело. Но ничего нет лучше благого воспитания: ни чин, ни богатство, ни фамилия, ни милость вельмож, разве благое рождение. Оно единое есть лучше всего и сего, как семя счастья и зерно воспитанию.

П и ш е к. Благо родить разумеешь ли что?

Е р о д и й. Не знаю. Знаю же, что он сие поставляет известным для единых избранных божиих. Иногда-де в убогом домике, исполненном страха божиего, друг роду человеческому благо родится *человек*, не всегда же и в царских чертогах. Да разумеем, что не красота мира сего, ни тварь какая-либо, но единая благодать божия благому рождению виновна бывает и что благородство не летами к нам прицепляется, но рождается зерно его с нами. Знаю же и сие, что мой отец, разъярен из-за какого-либо негодяя, стреляет на него сими словами:

О quarta luna seminate!
О malo utero gestate!
О mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не привык никого.

П и ш е к. Протолкуй же мне сии уязвления.

Е р о д и й. Я силы их не знаю, а скажу один их звон:

О в четверту луну носеян!
О зло чревоношен матерью!
О злой ум и злая врода ⁴!

П и ш е к. Конечно, отец твой знает римский и эллинский языки?

Е р о д и й. Столько знает, сколько попугай по-французски.

П и ш е к. Что се? Не ругаешь ли отца твоего?

Е р о д и й. Сохрани меня, господи... Не так я рожден и воспитан. Я самую истину благочестиво сказал.

П и ш е к. Как же он, не научен по-римски, говорит по-римски?

Е р о д и й. Есть у него друг, нехудо знающий по-римски и маленькую часть по-эллинически. С ним он, часто беседуя, научился сказать несколько слов и несколько сентенций.

П и ш е к. Ах, мой боже! Как же он мог вас воспитать, невежда сущий?

Е р о д и й. О премудрая госпожа моя! Носится славная притча сия: «Не ходи в чужой монастырь с твоим уставом, а в чужую церковь с твоим типиком». У нас не как у вас, но совсем иной род воспитания в моде. У вас воспитание очень дорогое. У нас же вельми дешевое. Мы воспитываемся даром. Вы же великою ценою.

П и ш е к. Безделица! Сотницу рубликов с хвостиком потерять в год на мальчика, а чрез 5 лет вдруг он тебе и умница.

Е р о д и й. Госпожа! Деньги достают и за морем. Но где их взять? А воспитание и убогим нужно. И кошка блудлива^а не находит себе пристанища. Избавляют же от блуда нас не деньги, но молитва даром.

П и ш е к. Я говорю не о подлом, но о благородном воспитании.

Е р о д и й. А я размышляю не о богатом, но о спасительном воспитании.

П и ш е к. Полно же! Ты, вижу, старинных и странных дум придержишься. Однако скажи, как он вас воспитал? Чему научил? Арифметике ли и геометрии? Ученому ли какому или шляхетному языку?..

---

^а Блудливый, блудный есть то же, что невоздержный и роскошный или сластолюбный. Сей по-римски красиво зовется *discinctus*, (дисцинтус), то есть распоясан. Блуд — славянское слово — то же, что расточение, разливание, нещадение, мотовство, по-эллинически — *асотиа*, спречь нехранение. «О блуд! Разоритель царств, домов людей. Мать же его есть неблагодарность».

Е р о д и й. Да мне и сие неведомо: кто есть ученый, а кто-то шляхетный язык.

П и ш е к. Да ты же со мною привитался разными языками.

Е р о д и й. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

П и ш е к. По крайней мере танцевать или играть на лютне...

Е р о д и й. А бог с вами! Я и на балалайке, не только на цимбалах, не умею.

П и ш е к. Ха-ха-ха! Ему лютня и цимбалы все одно. И сего-то не знает. Но, друг мой! Музыка — великое врачество в скорби, утешение же в печали и забава в счастье. Да чего же он тебя научил? Скажи, пожалуй!

Е р о д и й. Ничего.

П и ш е к. Умора, ей-ей! Уморил ты меня смехом... Так, так-то у вас воспитывают?

Е р о д и й. Так!

П и ш е к. Может быть, достал тебе чинок?

Е р о д и й. Ни!

П и ш е к. Может быть, деньги вам великие собрал или имение?

Е р о д и й. Ни!

П и ш е к. Так что же? Рога золотые вам на голове вырастил, что ли?

Е р о д и й. Родил и возрастил нам посребренные крылья, ноги, попирающие головы змиев, нос, растерзывающий оных. Се наша и пища, и слава, и забава!

П и ш е к. Да у вас же крылья черные, по крайней мере смуглые.

Е р о д и й. Черные ведь, но летают путем посребренным.

П и ш е к. Чего же либо научил вас, однако нельзя не так. Конечно, есть что-то, на сердце вам напечатанное. Родители суть божий, дети же суть родительский список, изображение, копия. Как от яблони соки в ветви свои, так родительский дух и нрав переходит в детей, пока отлучатся и нововкоренятся.

Е р о д и й. Рожденного на добро нетрудно научить на добро, хоть научить, хоть навычить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть звычайный, хоть привычный есть то же. От природы, как матери, легонько успеваает наука собою. Сия есть всеродная и истинная учительница и единая.

Сокола вскоре научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновение навычишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Оленя легко направишь на Кавказские горы, привлечешь пить без труда из чистейших нагорных водотечей, но не верблюда и не вепря. Если всяческое строит премудрая и блаженная *натура*, тогда как не единая она и исцеляет и научает? Всякое дело преуспевает, если она путеводствует. Не мешай только ей, а если можешь, отвращай препятствия и будто дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершит. Клубок сам собою покатится из горы: отними только ему препятствующий претыкания камень. Не учи его катиться, а только помогай. Яблоню не учи родить яблоки: уже сама натура ее научила. Огради только ее от свиней, отрежь сорняки, очисти гусень, отврати устремляющуюся на корень ее мочу и прочее. Учитель и врач — не врач и учитель, а только служитель природы, единственной и истинной и врачевницы, и учительницы. Если кто чего хочет научиться, к сему подобает ему родиться. Ничто от людей, от бога же все возможно. Если же кто дерзает без бога научить или научиться, да помнит пословицу: «Волка в плуг, а он в луг». Доколь кольцо висит из ноздрей свиньи, дотоль не роет. Выйми же, опять безобразит землю ^а.

Сие не воспитание и не учение, но обуздание, от человеческой помощи происходящее, всех беззаконников управляющее. Воспитание же истекает от природы, вливающей в сердце семя благой воли, да мало-помалу, без препятствий возросши, самовольно и доброхотно делаем все то, что свято и угодно есть пред богом и людьми. Какое идолопоклонство воспитывать человеческим наукам и человеческим языкам, восприносить и воспричитать воспитание? Какая польза ангельский язык без доброй мысли? Какой плод тонкая наука без сердца благого? Разве что орудие злобы, бешенству меч и притчею сказать «крылья и рога свиньи». Воззрим, госпожа моя, на весь род человеческий! У них науки, как на торжищах купля, кипят и мнутся. Однако они хищнее суть птиц, невоздержнее скотов, злобнее зверей, лукавее гадов, беспокойнее рыб, невернее моря, опаснее африканских песков... Чего ради? Того ради,

---

^а Так обуздываются свиньи и ныне в Англии. Сей обычай был в древле, как видно из Соломоновых «Притчей»: «Как кольцо золотое в ноздрах свиньи» и прочее...

что зло родятся. Природа благая есть всему начало, и без нее ничто не было, что было благо. Благодарю же неизреченным образом богу в образе его святом в отце моем, что благо от него родиться удостоил меня. Вторая же икона божия нам есть мать наша. Сего ради главным божиим дарованием одарен через родителей моих; все прочее человеческое: чин, богатство, науки и все ветроносные их блонды и букли с кудрями^а — вменяю во хвост, без которого голова и живет, и читится, и веселится, но не хвост без головы.

П и ш е к. Что же есть благо родиться и благая природа что есть?

Е р о д и й. Благая природа и врода есть благое сердце.

П и ш е к. Что есть сердце благое?

Е р о д и й. Сердце благое есть то же, что приснотекущий источник, источающий чистые вечно струи, знай, мысли.

П и ш е к. Что суть мысли?

Е р о д и й. Семя благих дел.

П и ш е к. Дела же благие суть что ли?

Е р о д и й. Добрые плоды, приносимые богу, родителям, благодетелям в честь, славу и жертву.

П и ш е к. Зачем же мне сердце твое не видно?

Е р о д и й. Тем, что древесного корня не видишь.

П и ш е к. А ведь вся влага от корня?

Е р о д и й. От сердца же все советы.

П и ш е к. Какая же твоя природа или врода? К чему ты рожден или врожденное тебе что ли? Скажи, молю!

Е р о д и й. Благодарность — вот вам начало и конец моего рождения!

П и ш е к. Ах, мой боже! И ты на сем одном храмину счастья основал? Так ли?

Е р о д и й. Ей-ей! Трехтысячелетняя печь неопально соблюла притчу сию: «Много хитростей знает лис^б, а еж — одно великое».

---

^а Блонды, букли, кудри — спе значит внешнее украшение, которым мир сей, во зле лежащий, как блудница, украшается, презрев совет Христа: «Лицемер! Омой прежде внутренность стакана».

^б Эллинская пословица есть так: πολλὰ μὲν οἶδεν ἢ ἀλώπεξ, ἀλλ' ἔχιδνος ἐν μέγα, по-римски — multa novit vulpes, sed echinus unum magnum.

П и ш е к. Но может ли от дождевых безгодий спасти сия, так сказать, куртая и куцая куртинка?

Е р о д и й. Довлеет, как ковчег.

П и ш е к. Мне кажется, сия надежда есть паучинная одежда.

Е р о д и й. И мне видится малым червончик, но тайно там много сидит гривен.

П и ш е к. Сего же единого учит тебя твой отец?

Е р о д и й. Единого только сего. Он родил мне крылья, а я сам научился летать. Он родил мне благое сердце, я же самовольно навывкаю и глумлюсь, сиречь забавляюсь благодарностью. Он только часто отсекает мне сорняки, разумеи, поступки мои, не достойные благодарения, орошает беседу, оживляющею к благодарности. Все же беседы его, как магнитная стрела в северную точку, праволучно поражают в сей кон: неблагодарная воля — ключ адских мучений, благодарная же воля есть всех сладостей рай. Сын (часто вопиет на меня), сын мой! Ей, учись единой благодарности. Учись, сидя в доме, летя путем, и засыпая, и просыпаясь. Ты рожден благо, и сия наука есть дочь природы твоей. Да будет она тебе сладчайшим и вечерним, и ранним, и обедним куском! Знай, что все прочие науки суть рабыни сей царицы. Не будь буйным! Не хватайся за хвост, минув голову. Приемли и обращай все во благо. Да будет душа твоя желудком птиц, которые песок, черепашины и камушки обращают себе варением крепкого своего внутреннего жара в питательные свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть то же, что больной желудок, гнушающийся всякой пищи. Благодарность же есть твердость и здоровье сердца, приемлющего все во благо и укрепляющегося. Плоды блаженной жизни суть радость, веселие и удовольствие; корень же их и дерево благолиственное есть тишина сердечная, а корню зерном есть благодарность. Она есть дух чистый, тихий, благодушный, благовонный, весна и ведро светлого смысла. Не трещит там молния и гром. Вопреки же, все терния и сорняки рождаются от несытой пиявицы зависти, зависть же — от ропота, ропот же — от неблагодарной воли, наполнившей сердечное недра неусыпаемым червием, непрерывно денно и ночью душу грызущим. Ах! Дети мои, дети! Вот вам надежда и гавань! Евхаристия.

П и ш е к. А что ли сие слово значит *евхаристия*?

Е р о д и й. Эллины сим словом называют благодарение.

Пишек. И так сим-то образом вас учит ваш отец? Кому же вы сие благодарение ваше воздавать будете?

Еродиё. Богу, родителям и благодетелям. Оно богу жертва, родителям — честь, а благодетелям — воздаяние. Обладатели суть первые благодетели.

Пишек. Чудная форма воспитания. У нас бы осмели с ног до головы вас. Где сия мода? Разве на Луне или в дикой Америке?

Еродиё. Отец наш вельми странного сердца. Из тысячи сердец едва одно найти, согласное ему.

Пишек. Так что же прочее?

Еродиё. Так не удивляйтесь чудной форме.

Пишек. Как же так? Ведь не должно отставать от людей, а люди и мода — одно то.

Еродиё. О! О! Он от сей думы дальше, нежели китайская столица от португальской. Он нам часто-просто сию притчу поет:

По мосту, мосточку с народом ходи,

По разуму ж его себя не веди.

За жуком ползая, влезешь и сам в глинку.

Он всегда благовестит нам, что мода то же есть, что мир, мир же есть море потопляющихся, страна моровою язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плененных, торщиже блудников, удка сластолюбная, печь, распалая похоти, пир беснующихся, лик и хоровод пьяно-сумасбродных. И не отрезвятся, пока не устанут, кратко сказать, слепцы за слепцом в бездну грядущие. Блажен муж, который не идет на путь его. Вначале ведь ворота его красны и путь пространный, конец же его — непроходимая пропасть, нетеренная дедья, бездна глубокая. Ах, каковых он приемлет к себе? Каковыми же опять отпускает от себя юношей? Если бы ваше, дети мои, око прозирало так, как мое, показались бы и в ваших очах слезы. Но око ваше есть слепо, и злодей ваш хитер, сие источает мне слезы. О юноши! Когда помышлял о вас, в мир устремляющихся, нельзя, чтоб не пала мне в ум притча о волке, который, сожрав мать незлобных ягнят и надев кожу ее на себя, приблизился к стаду. Сын же, увидев мнимую мать свою, со всех сил устремился к ней, а за ним бесчисленные. Также-де мне приходят на память наши братья — птицы тетеревы, гоняющиеся за избытком пищи и ловляемые. Но чайки, соседки, и дятлы бережли-

вее их настолько, насколько олени и сайгаки — овец и волов. Послушайте, дети, отца вашего песенку сию:

Будь доволен малым. За многим не гонись.
Сетей, простертых на лов, вельми берегись.
Я вам предсказываю — роскошно не жить!
Па таковых-то всегда закидывают сети.
Триста пали в неволю по горячей страсти,
Шестьсот плачут в болезнях за временны сласти.
Кто благодарен богу, тот малым доволен,
А ропотник всем миром не сыт и не полон.
Благодарная душа избежит от сети;
Вместо же ее в сети попадет несытый.

Не правду ли я сказал, госпожа моя, что отец наш нравоучение всегда печатлеет благодарностью? В благодарности, говорит, так скрылось всякое благо, как огонь и свет утаился в кремешке. Верую и исповедую. Кто бо может возложить руки на чужое, если не прежде погубит благодарность, довольствующуюся собственным своим, посылаемым ей от бога? Из неблагодарности — уныние, тоска и жажда, из жажды — зависть, из зависти — лесть, хищение, татьба, кровопролитие и вся беззаконий бездна. В бездне же сей царствует вечная печаль, смущение, отчаяние и с неусыпным червием удка, увязная в сердце. Сим образом живет весь мир.

П и ш е к. Но, друг мой, поколь мир впадет в ров отчаяния, вы с вашею богинею, благодарностью, прежде погибнете от голода, не научившись сыскать место для пропитания.

Е р о д и й. Так ли? В сем-то ли блаженство живет? Иметь пропитание? Вижу же ныне, что по вашей желудковой и череватой философии блаженнейшая есть засаженная в тюрьму, нежели вольная свинья.

П и ш е к. Вот он! Черт знает что поет! Разве же голод то не мўка?

Е р о д и й. Сию мўку исцелит мукá.

П и ш е к. Да где же ее взять?

Е р о д и й. Когда свинья имеет, как нам не достать пищи? Да и где вы видите, что свинья или наш брат, тетерев, от голода умирает? Но от прожорства или умирает, или страдает. Может ли быть безумие безумнейшее и мерзостнейшая неблагодарность богу, помышляющему о нас, как бояться голода? Нужного ведь никто не лишается.

Зачем клеветете на владыку Вселенной, как бы он голодом погублял своих домочадцев? Пища насущная от небесного отца всем подается тварям. Будь только малым доволен. Не жажди ненужного и лишнего. Не за нужным, но за лишним за море плывут. От ненужного и лишнего — всякая трудность, всякая погибель. Всякая нужность ведь есть дешева и всякая лишность есть дорога. Для чего дорога и трудна? Для того, что не нужна, и напротив того. Мы аисты. Едим зелье, вкушаем зерно, поедаем змий, редко съедаем буфонов и пици никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О боже! Какая чародейка ослепила очи наши не видеть, что природная нужда малою малостью и мальским малым удовлетворяется и что необузданная похоть есть то же, что пытливая пиявица, рождающая в единый день тысячу дочерей, никогда не сказавших: «Довлеет!»

П и ш е к. Отрыгну слово эллинское *μάλα εἶ* (*мала эи*) или турецкое *пек эи*. — «Вельми добро». «Благо же!» Но пытливая пиявица разнообразно из околичностей может ведь мало-помалу насосать себе многого добраца, но уже сухая ваша, немазанная, по пословице, и немая благодарность, скажи, молю, какие вам принесет плоды? Чинок ли, или грунтик, или империалик, что ли? Скажи, милосердись!

Е р о д и й. Она нам не приносит многих плодов, но один великий.

П и ш е к. В одном не много ведь доброго найдешь.

Е р о д и й. Отец наш славословит, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, сплетающая множество, не есть блаженная; только блаженное есть едино *то*, что *единое* только есть. На сем *едином*, сего же ради и святом, птица обретет себе храмину и горлица гнездо себе; еродиево же жилище предводительствует ими. «Окаянен (говорит) всяк человек есть и всуе мятется, не обретший *единое*».

П и ш е к. Да подай же мне в руки оное твое единое!

Е р о д и й. Премудрая и целомудрая госпожа! Наше добро в огне не горит, в воде не тонет, тля не глит, тать не крадет. Как же вам показать? Я единосердечен отцу и в том, что счастья и несчастья нельзя видеть. Обое сие дух есть, проще сказать, мысль. Мысли в сердце, а сердце с нами, будто со своими крыльями. Но сердце невидимое. Вэдро ли в нем и весна, и брак или война, молния и гром,

не видно. Отсюда-то и прельщение, когда несчастных счастливыми, вопреки же, блаженных творим бедными.

Пи ш е к. Однако я ничему не верю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у меня из молодых лет мода.

Е р о д и й. Сия мода есть слепецкая. Он ничему не верит, поколь не ощупает лбом стены и падает в ров.

Пи ш е к. По крайней мере назови именем духовное твое оное едино. Что ли оно?

Е р о д и й. Не хочется говорить. Конечно, оно вам постылою кажется пустошью.

Пи ш е к. Сделай милость, открой! Не мучь.

Е р о д и й. Оно по-эллиньски именуется χάρις или εὐφροσύνη (эвфросина) ⁵.

Пи ш е к. Но протолкуй же, Христа ради, что значит сия твоя харя?

Е р о д и й. Будете ведь смеяться.

Пи ш е к. Что же тебе нужды? Смех сей есть приятельский.

Е р о д и й. Оно есть веселие и радость.

Пи ш е к. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради, дай мне отдохнуть... Уморишь смехом... Здравствуй же и радуйся, гол да весел! Ты мне сим смехом на три дня здоровья призапасил.

Е р о д и й. Для меня ведь лучше веселие без богатства, нежели богатство без веселия.

Пи ш е к. О мать божия, помилуй нас!.. Да откуда же тебе радость сия и веселие? Оттуда, что ты гол? Вот! В какую пустошь ваша вас приводит благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чем. Веселие так, как благовонное яблочко. Оно не бывает без яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но не тверда радость, ветрено веселие есть что? Пустая мечта — мечетная пустыня, сон встающего.

Е р о д и й. Воистину так есть. Всяк тем веселится, что обожает, обожает же то, на что надеется. Павлин надеется на красоту, сокол на быстроту, орел на величество, еродий же веселится тем, что гнездо его твердо на едіне. Порицаете во мне то, что я гол да весел. Но сие же то самое веселит меня, что моя надежная надежда не на богатстве. Надеющийся на богатство в кипящих морских волнах ищет гавани. Радуюсь и веселюсь, что гнездо наше не на сахарном ледке, не на золотом песке, не на буйном возке, но на облачном столпе возлюбленного

храма, красящего всю *кифу*, *кифу адамантову*, свято́го *Петра кифу*, которую врата адовы вовек не одолеют. Впрочем, в какую суету наша нас вводит благодарность? Не клеветайте на нее. Она никогда не низводит во врата адовы. Она избавляет от врат смертных. Благодарность входит во врата господни, неблагодарность — в адские, возлюбив суету мира сего паче бисера, который суть заповеди господни, и путь нечестивых, как свинья болото, предызбравшая паче пути, которым ходят блаженны непорочные. Что бо есть оный бог: «В них же бог мира сего ослепил разумь»? Бог сей есть неблагодарность. Все духом ее водимые, как стадо гергесенское⁶, потопляются в озере сует и увязают в болоте своих тленностей, едящие дни жизни своей и, не насыщаясь, жаждущие, ропотливые и день ото дня неблагодарны; пока не искусили божии заповеди иметь в разуме и презрели вкусить ангельского сего хлеба, улаждающего и насыщающего сердце; сего ради предаст их вышний во свиные мудрования искать сытости и сладости там, где ее не бывало, и бояться страха, где же не было страха, дабы из единой несытости 300 и из единой неблагодарности 600 родилось дочерей во истомление и мучение сердцам и телесам их и во исполнение Исаиных слов: «Сами себе разожгли огонь вожделений ваших, ходите же во пламени огня вашего и опаляйтесь». Не гордость ли низвергнула сатану в преисподнюю бездну? Она изгнала из рая Адама. Что же есть рай? Что есть благовидная светлость высоты небесной, если не заповеди господни, просвещающие очи? Что же опять есть гордость, если не бесовская мудрость, предпочитающая драгоценные одежды, сладные трапезы, светлые чертоги, позлащенные колесницы и как бы престол свой поставляющая выше скипетра и царствия божия, выше воли и заповедей его? Не только же, но и все служебные духи (разумей, науки мирские) возносятся и восседают выше царицы своей, выше божией премудрости. Кто есть мать сих блудливых и прозорливых бесиков? Гордость. Гордости же кто мать? Зависть. Зависти же кто? Похоть. Похоти же кто? Неблагодарность. Неблагодарности же кто? Никто! Тут корень и адское тут дно. Сия адская душка, жадная утроба, алчная бездна, рай заповедей господних презревшая, никогда же ничем не удовлетворяется, пока живет, пламенем и хворостом похотей опаляется, по смерти же, горя, жжется углем и жупелом своих вожделений. Что бо

есть сердце, если не печь, горящая и дымящая вечно? Что же опять есть смерть, если не из снов главный сон? Беззаконную бо душу, не спящую ведь во внутреннем судилище, зеркалом, тайно образующим живо беззакония, тайно уязвляет свежая память, во сне же горя ужасными мечтами, страшными приведений театрами и дикообразными страшилищами смущает и мучит та же вечности памятная книга, грозя достойною мезтью. Из неблагодарного сердца, как из горнила вавилонского, похотный огонь, пламенными крыльями развеаясь, насилем сердце восхищает, да, что ненавидит, то же и творит, и тем же мучится. Ибо ничто не есть вечная мѹка, только самому себя осуждать, быть достойным мести. Грех же достоинством, как жалом, уязвляет душу покрывающей тьме и находящему страху. Налетает же страх оттуда, как помыслы, не обретая помощи, как гавани, и не видя ни малого света надежды; помышляя, ужасаются, рассуждая, недоумевают, как бы улучшить исход злосключению... Отсюда раскаиваются без пользы, болят без отрады, желают без надежды. Вот сей есть исход сердцу неблагодарному!

П и ш е к. Ба! Как балалайку, наладил тебя твой отец. Бряцаешь не вовсе глупо. Для меня мило, что сердце есть то же, что печь.

Е р о д и й. Всякое сердце есть жертвенник, бгнице или каминок...

П и ш е к. Что же ты умолк?

Е р о д и й. Желание есть-то неугасаемый огонь, день и ночь горящий. Дрова суть то все, желаемое нами. Сие горнило и сия бездна — углие огненное, курение дыма, восходящее до небес и нисходящее до бездн, пламенные волны вечно изблевают сама сущь морских бездн и ширина небес всех. Тут-то прилично подобает сказать святого Исидора слово ⁷. «О человек! Почему удивляешься высотам звездным и морским глубинам? Войди в бездну сердца твоего! Тут-то удивись... если имеешь очи». О глубокое сердце человека, и кто познает его? О сердце и воля, беспредельный и бесконечный ад!

П и ш е к. Ведь же и твое сердце горит, и курит, и дымитя, кипит, клокочет, пенится. Так ли?

Е р о д и й. Содома ведь горит, курит и прочее, сиречь неблагодарное сердце. О всех бо неблагодарных пишется: «Горе им, ибо в путь Каинов пошли...» Но не все же суть

сердца Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благово-
нные, как кадило дым, возвевающие в обоняние господ
вседержителя. Не знаете ли, госпожа моя, что пеларгиян-
ский мы род, рождаемый к благодарности? Сего ради и
благочестивые из людей нашим именем знаменуются
(еродиос), ибо мы есть божие благоухание. Не воздаем
безумия богу, тщанием не ленивы, духом горя, господу
работая, упованием радуясь, скорби терпя, в молитвах
пребывая и всем благодаря, всегда радуясь.

П и ш е к. Разве же у вас благочестие и благодарность
есть то же?

Е р о д и й. Разве ж то не то же есть: благое чествовать
и благой дар за благо почитать? Благочестие чествует
тогда, когда благодарность почтет за благое. Благочест-
ность есть дочь благодарности. Благодарность есть дочь
духа веры. Тут верх... Вот вам Араратская гора!

П и ш е к. Признаюсь, друг, что сердце мое нудится
дивиться сердцу, неописанной (по слову твоему) бездне.
Оно мне час от часу удивительнее. Слово твое действует
во мне, будто жало, впущенное в сердце пчелою.

Е р о д и й. Сего ради ублажаю вас.

П и ш е к. О чем?

Е р о д и й. О том, что ваше желание, или аппетит,
начал остриться к единой сладчайшей и спасительнейшей
из всех пищ пище. Как денница солнце, так и сие знаме-
ние ведет за собою здравие. Недужной утробе мерзка
есть еда самая лучшая и яд для нее. Здоровое же и оновлен-
ное, как орлина юность, господом сердце преобразует
и яд в складкополезную еду. Какая спасительнее пища,
как беседа о боге? И все гнушаются. Что горестнее есть,
как пароксизмами мирских сует волноваться? И все ус-
лаждаются. Откуда сия превратность? Оттуда, что голова
у них болит. Больны, последы же мертвы, и нет Елисея,
чтоб сих умонедужных и сердобольных отроков воскре-
сить. Ибо что есть в человеке голова, если не сердце?
Корень дереву, солнце миру, царь народу, сердце же че-
ловеку есть корень, солнце, царь и голова. Мать же что
есть болящего сего отрока, если не перламутр, плоть тела
нашего, соблюдающая в утробе своей бисер оный: «Сын,
храни сердце твое!» «Сын, дай мне сердце твое!» «Сердце
чистое создай во мне, бог!» О блажен, сохранивший цело
цену сего маргарита! О благодарность, дочь господ Савао-
фа, здравье, жизнь и воскресение сердцу!

П и ш е к. Пожалуйста, еще что-либо поговори о сердце. Вельми люблю.

Е р о д и й. О любезная госпожа моя! Поверьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и беседовать о сердце не будет вам ни омерзения, ни сытости. Сей есть самый благородный глум. Любители же его названы «царское священие».

П и ш е к. Для чего?

Е р о д и й. Для того, что все прочие дела суть хвост, сие же есть глава и царь.

П и ш е к. Ба! А что значит глум? Я вовсе не разумею. Мню, что иностранное слово сие.

Е р о д и й. Никак. Оно есть старославянское, значит то же, что забава, по-эллински *διατριβή* (диатриба), сиречь прождение времени. Сей глум настолько велик, что нарочито бог возбуждает к нему: «Упразднитесь и уразумейте»; столько же славен, что Давид им, как царским, хвалится: «Поглумлюся в заповедях твоих». Древле един только Израиль сею забавою утешался и назван языком святым, прочие же языки, гонящие и хранящие суетное и ложное, — псами и свиньями. Сей царский театр и дивное зрелище всегда был постоянный и неразлучный всем любомудрым, благочестивым и блаженным людям. Всякое зрелище ведет за собою скуку и омерзение, кроме сего; паче же сказать: чем более зрится, тем живее рвется ревность и желание. Насколько внутреннее открывается, как только множайшие и сладчайшие чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайший и насытый сот вечности? Мир насытый есть, ибо не удовлетворяет. *Вечность* насыта, ибо не огорчает. Сего ради говорит: «Сын, храни сердце твое». Разжевав, скажите так: «Сын, отврати очи твои от сует мирских, перестань примечать враки его, обрати сердечное око твое в твое же сердце. Тут делай наблюдения, тут стань на страже с Аввакумом, тут тебе обсерваториум, тут-то узришь, чего никогда не видал, тут-то надивишься, насладишься и успокоишься».

П и ш е к. Но для чего, скажи мне, все сердце презирают?

Е р о д и й. Для того, что все его цены не видят. Сердце подобно царю, в убогой хижинке и в ризе живущему. Всяк его презирает. А кому явилось величие его, тот, упав ниц, раболепно ему поклоняется и сколь можно, все презрев, наслаждается его и лицом, и беседой. Слово сие:

«Сын, храни сердце твое» — сей толк и сок утаивает. Сын! не взирай на то, что твое телишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетенка и тканка простонародная, рубище подлое, слабое и нечистое. Не суди по лицу ничего, никого, ни себя. В хижинке той и под убогою тою одеждою найдешь там царя твоего, отца твоего, дом твой, ковчег его, кифу, гавань, скалу и спасение твое. Быстро только храни, блюда и примечай. А когда опять Давид говорит: «Поглумлюся в заповедях твоих», — не то же ли есть, что сказать так: «Наслажусь твоего лица, слов твоих, советов и повелений»? Самое ведь величество его неизреченно удивляет прозорливца. Не пустой ведь вопль сей: «Исповедуюсь тебе, ибо страшно удивил меня ты». В древние лета между любомудрыми восстал вопрос сей: «Что ли есть наибольшее?..» О сем все размышляли через долгое время, летом и зимою, ночью и днем. Породились о сем книги. Отдавалось от ученых гор по всей Вселенной многое многих ответов и разногласное эхо. Тогда-то смешались и слились языки. Встал язык на язык, голова на голову, разум на разум, сердце на сердце... В сем столпотворении нашелся муж некий, не ученый, но себя презревший. Сей, паче надежды, обезглавил Голиафа. Смутилась и вскипела вся музыка, поющая песни бездушному истукану, тленному сему миру, со златою его главою — солнцем. Злоба правде противилась, но о кифу вся разбилась. Восстали борющиеся волны, но победила славная сия слава: «Посреди (говорит) вас живет то, что превыше всего». О боже, сколь не красива музыка без святого духа твоего! И сколь смехотворна есть премудрость, не познавшая себя! Сего ради молю вас, любезная госпожа моя, не смейтесь и не хулите отца моего за то, что ничему нас не научил, кроме благодарности. Я стану плакать, убегу и полечу от вас.

П и ш е к. Постой, постой, любезный мой Еродий! Ныне не только не хую отца твоего, но и благословляю и хвалю его. Ныне начало мне, как утро зареть, так открываться, сколь великое дело есть *благодарность!* Сотвори милость, еще хоть мало побеседуй.

Е р о д и й. О добродетельница моя! Пора мне за моим делом лететь.

П и ш е к. Друг мой сердечный! Я знаю, что отец твой, милосердная и благочестивая душа, не разгневается за сие.

Е р о д и й. Чего ж вы желаете?

П и ш е к. Еще о сем же хоть мало побеседуем.

Е р о д и й. Станем же и мы ловить птицу тысячу лет.

П и ш е к. Что се ты сказал?

Е р о д и й. Вот что! Некий монах 1000 лет ловил прекраснейшую из всех птиц птицу.

П и ш е к. Знал ли он, что уловит?

Е р о д и й. Он знал, что ее вовеки не уловит.

П и ш е к. Для чего ж себя пусто трудил?

Е р о д и й. Как пусто, когда забавлялся? Люди забаву покупают. Забава есть врачевство и оживотворение сердца.

П и ш е к. Вот разве чудный твой глум и дивная диатриба!

Е р о д и й. Воистину чужда, дивная и прекраснейшая птица есть вечность.

П и ш е к. О! Когда вечность ловил, тогда не напрасно трудился. Верую, что она слаще меда. Посему великое дело есть сердце, если оно есть вечность.

Е р о д и й. О любезная мать! Истину ты сказала. Сего толикого дара и единого блага слепая неблагодарность, не чувствуя, за 1000 безделиц всякий день ропщет на промысл вечного и сим опалается. Обратись, окаянное сердце, и взгляни на себя самое — и вдруг оживотворишься. Почему ты забыло себя? Кто откроет око твое? Кто воскресит память твою, блаженная бездна? Как воля твоя низвергла тебя в мрачную сию бездну, преобразив свет твой во тьму? Любезная мать, разумеете ли, откуда родится радуга?

П и ш е к. А скажи, пожалуйста, откуда? Я не знаю.

Е р о д и й. Когда смотрит на себя в зеркале пречистых облачных вод солнце, тогда его лицо, являемое в облаках, есть радуга. Сердце человеческое, взирая на свою самую ипостась, воистину рождает предел обуреваний, который есть радостная она дуга Ноева:

Прошли облака,
Радостная дуга сияет.
Прошла вся тоска,
Свет наш блистает.

Веселие сердечное есть чистый свет ведра, когда миновал мрак и шум мирского ветра.

Дуга, прекрасна сиянием своим, как ты ныне отемнела? Денница пресветлая, как ныне с небес упала ты? Ау! Низвергла тебя гордость, дочь бесчувственной неблагодар-

ности, предпочтившая хобот паче головы, сень преходящую паче мамрийского дуба ⁸. Что бо кто обожает, в то себя преображает. Удивительно, как сердце из вечного и светлого преобразается в темное и сокрушенное, утвердившись на сокрушении плоти тела своего. Таков, если себе зол, кому добр будет? «Разума же праведник себе друг будет и стези свои посреди себя упокоит». Сие есть истинное, блаженное самолюбие — иметь дома, внутри себя, все свое неукраденное добро, не надеяться же на пустые одежды и на наружные околицы плоти своей, от самого сердца, как тень от своего дуба, и как ветви от корня, и как одежда от носящего ее, зависящие. Вот тогда-то уже рождается нам из благодарности матери подобная дочь, по-эллиински именуемая *αὐτάρχεια* (автаркия), сиречь самодовольность, быть самим собою и в себе довольным, похваляемая и превозносимая, как сладчайший истинного блаженства плод, в первом Павловом письме к Тимофею ⁹, в стихе 6-м так: «Есть приобретение великое благочестие с довольством». Вот вам два голубиных крыла! Вот вам две денницы! Две дочери благодарности — благочестность и самодовольность. «И полечу, и почию». Да запечатлеется же сия беседа славою отца моего сею: главизна воспитания есть: 1) благо родить; 2) сохранить птенцу молодое здоровье; 3) научить благодарности.

П и ш е к. Ба! На что ж ты поднял крылья?

Е р о д и й. Прощайте, мать. Полечу от вас. Сердце мое меня осуждает, что не лечу за делом.

П и ш е к. По крайней мере поздоровайся с дочерьми моими.

Е р о д и й. Сделайте милость! Избавьте меня от вашего этикета.

П и ш е к. Мартушка моя поиграет тебе на лютне. Вертушка запоет или потанцует. Они чрезвычайно благородно воспитаны и в моде у господ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они песенки слагают? И веришь ли, что они в моде при дворе у Мароккского владельца? Там сынок мой пажом. Недавно к своей родне прилетел оттуда здешний попугай и сказал, что государь жаловал золотую табакерку...

Е р о д и й. На что ему табакерка?

П и ш е к. Ха-ха-ха! На что? Наша ведь честь зависит, что никто удачнее не подражает людям, как наш род. Носи и имей, хоть не нюхай. Знаешь ли, как ему имя?

Е р о д и й. Не знаю.

П и ш е к. Имя ему Пешок. Весьма любезное дитя.

Е р о д и й. Бога ради, отпускайте меня!

П и ш е к. Куда забавен скакун! Как живое серебро, всеми суставами мает. Принц любит его, целые часы проводит с ним, забавляясь.

Е р о д и й. О сем его не убажжаю, не завидую. Прощайте!

П и ш е к. Постой, друг мой, постой! А о благом рождении не сказал ты мне ни слова? Так ли? О-о, полетел! Слушай, Вертушка! Что-то он, поднимаясь, кажется, сказал...

В е р т у ш к а. Он сказал, матушка сударыня, вот что: о благом рождении принесу вам карту.

П и ш е к. А когда же то будет?

Еродии не лгут. Он в следующем месяце мае опять посетил сию госпожу. Принес о благом рождении свиток, но не мог ничем ее утешить: столь лютая терзала ее печаль. Никогда более жестоко не свирепеет печаль, как в то время, когда сердце наше, основав надежду свою на лживом море мира сего и на лжекамнях его, узрит наконец опроверженное гнездо свое и разоряющийся город ложного блаженства. Господин Пешок, перескакивая из окна на окно, упал на двор из горних чертогов, сокрушил ноги и отставлен от двора. Сверх того, старшие дочери начали бесчинствовать и хамским досаждением досаждают матери. Вскоре она умерла, дом же стал пуст. Тогда, как железо на воде, всплыла наверх правда, что сильнее всего есть страх божий и что благочестивая и самодовольная благодарность превосходит небо и землю.

Еродий, отлетая, повесил на цветущем финике лист сей:

СВИТОК

о благом рождении детей ради благочестивых,
сосратных и здоровых родителей.

Сей в первую и вторую луну, сиречь в квадре,
Сей, выйдя из пиров и бесед священных.

Узрев мертвеца или страшное зрелище, не сей.

Зачавшей сверх, не сей. Не в меру пьян, не сей.

Зачавшая да носит в мыслях и в зрелищах святых,

И в беседах святых, чуждая страстных бурь,

В тихом бесстрастии во зрении святых.

Тогда сбудется: «И пройдет дух холода тонкого, и там бог» (Книга Царств).

По сем аист вознесся вверх, воспевал малороссийскую песенку сию:

Соловеечку, сватку, сватку!
Чи бывал же ты в садку, в садку?
Чи видал же ты, как сеют мак?
Вот так, так! Сеют мак.
А ты, шпачку, дурак...¹⁰

Сию песенку мальчишки, составив лик, сиречь хор, или хоровод, домашние его певчие во увеселение певали святому блаженному епископу Иоасафу Горленко¹¹.

УБОГИЙ ЖАВОРОНОК

ПРИТЧА

ПОСВЯЩЕНИЕ

ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ,
ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ДИСКОМУ,
ЖЕЛАЕТ ИСТИННОГО МИРА

Жизнь наша есть ведь путь непрерывный. Мир сей есть великое море всем нам плывущим. Он-то есть океан, о, вельми немногими счастливыми безбедно переплываемый. На пути сем встречаются каменные скалы и скалки, на островах сирены, в глубинах киты, по воздуху ветры, волнения повсюду; от камней — претывание, от сирен — прельщение, от китов — поглощение, от ветров — противление, от волн — погружение. Каменные ведь соблазны суть то неудачи; сирены суть то льстивые друзья; киты суть то запазущные страстей наших зми; ветры, разумей напасти, волнение, мода и суета житейская... Непременно поглотила бы рыба молодого Товию, если бы в пути его не был наставником Рафаил. *Рафа* по-еврейски значит медицину, *ил* или *эл* значит бога. Сего путеводника промыслил ему отец его, а сын нашел в нем божию медицину, врачующую не тело, но сердце, по сердцу же и тело, как от сердца зависящее.

Иоанн, отец твой, в седьмом десятке века сего (в 62-м году) в городе Купянске, первый раз взглянув на меня, возлюбил меня. Он никогда не видел меня. Услышав же имя, выскочил, и, догнав на улице, молча в лицо смотрел на меня и принимал, будто познавая меня, столь милым взором, что до днесь в зеркале моей памяти живо мне он зрится. Воистину прозрел дух его прежде рождества твоего, что я тебе, друг, буду полезным. Видишь, сколь далече прозирает симпатия. Се ныне пророчество его исполняется! Прими, друг, от меня маленькое сие наставление. Дарю тебе *Убогого* моего *Жаворонка*. Он тебе запоет и зимою, не в клетке, но в сердце твоём, и несколько по-

может спастись от ловца и хитреца, от лукавого мира сего. О бог! Какое число сей волк день и ночь незлобных жрет агнцов! Ах, блюди, друг, да безопасно ходишь. Не спит ловец. Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать несчастья. Впрочем, да не соблазнит тебя, друг, то, что тетерев назван Фридриком¹. Если же досадно, вспомни, что мы все таковы...

1787-го лета, в полнолуние последней луны осенней.

**ПРИТЧА,
НАРЕЧЕННАЯ «УБОГИЙ ЖАВОРОНОК»**

С ним разглагольствует тетерев о спокойствии

ОСНОВАНИЕ ПРИТЧИ

«Тот избавит тебя от сети ловчей...» (Псалом 90, ст. 3).

«Бдите и молитесь, да не войдете в напасть».

«Горе вам, богатолюбцы, ибо отстоите от утешения вашего».

«Блаженны нищие духом...»

«Обретете покой душам вашим...»

Тетерев, налетев на ловчую сеть, начал во весь опор жрать тучную еду. Нажравшись по уши, похаживал, надуваясь, вельми доволен сам собою, как буйный юноша, по моде одетый. Имя ему Фридрик. Родовое же, или фамильное, прозвание, или, как обычно в народе говорят, фамилия, — Салакон^а.

Во время оно пролетал Сабаш (имя жаворонку) прозвищем Сколярь. «Куда ты несешься, Сабаш?» — воскликнул, надувшись, тетерев.

С а б а ш. О возлюбленный Фридрик! Мир да будет тебе! Радуйся во господе!

С а л а к о н. Фе! Запахла школа.

С а б а ш. Сей дух для меня мил.

С а л а к о н. По губам салат, как поют притчу.

С а б а ш. Радуюсь, что обоняние ваше исцелилось.

Прежде вы жаловались на насморк.

---

^а Салакон есть эллиновское слово, значит нищего видом, но лицемерствующего богатством хвастуна. Сих лицемеров преисполнен мир. Всяк до единого из нас больше на лице кажет, нежели имеет; даже до сего сатанинское богатство нищету Христову преодолело, осквернив сим лицемерием и самые храмы божины и отсюда выгнав нищету Христову, и отовсюду; и нет человека, хвлящегося с Павлом нищетою Христовою.

С а л а к о н. Протершись, брат, меж людьми, ныне всячину разумею. Не уйдет от нас ничто.

С а б а ш. Тетерева ведь ум остр, а обоняние и того острее.

С а л а к о н. Потихе, друг ты мой. Ведь я ныне не без чинишка.

С а б а ш. Извините, ваше благородие! Ей, не знал. Посему-то ведь и хвост, и хохол ваш ныне новомодными буклями и кудрявыми раздуты завертасами.

С а л а к о н. Конечно. Благородный дух от моды не отстает. Прошу, голубчик, у меня откусать. Бог мне дал изобилие. Видишь, что я брожу по хлебу? Не милость ли божия?

С а б а ш^а. Хлеб да соль! Изволите на здоровье кушать, а мне некогда.

С а л а к о н. Как некогда? Что ты взбесился?

С а б а ш. Я послан за делом от отца.

С а л а к о н. Плюнь! Наевшись, справишься.

С а б а ш. Не отвлечет меня чрево от отчей воли, а сверх того боюсь чужого добра. Отец мой от молодых ногтей поет мне сие: «Чего не положил, не трожь».

С а л а к о н. О трусливая тварь!

С а б а ш. Есть пословица: «Боязливому сына мать не плачет!»

С а л а к о н. Ведь оно теперь мое. У нас поют так: «Ну, что бог дал, таскай ты все то в кошель».

С а б а ш. И у нас поют, но наша разнит песенка с вами. Вот она: «Все лишнее отсекай, то не будет кашель». Сверх же всего влюблен я в нищету святую.

С а л а к о н. Ха-ха-ха-хе! В нищету святую... Ну ее со святынею ее! Ступай же, брат! Влеку за собою на веревке и возлюбленную твою невесту. Дураку желаешь добра, а он все прочь. Гордую нищету ненавидит душа моя пуще врат адских.

С а б а ш. Прощайте, ваше благородие! Се отлетаю, а вам желаю: да будет конец благой!

С а л а к о н. Вот полетел! Не могу вдоволь надивиться разумам сим школярским. «Блаженны-де нищие...» Изрядное блаженство, когда нечего кусать! Правда, что и много

а Сабаш значит *праздный, спокойный*, от сирского слова *саба* или *сава*, сиречь мир, покой, тишина. Отсюда и у евреев *суббота* — сабаш, отсюда и сие имя *Варсавы*, то есть сын мира; бар — по-еврейски *сын*.

жрать, может быть, дурно, однако ж спокойнее, нежели терпеть голод. В селе Ровеньках^а прекрасную слышал я пословицу сию: «Не евши — легче, поевши — лучше». Но что же то есть лучше, если не то, что спокойнее? «Не тронь-де чужого...» Как не тронуть, когда само в глаза плывет? По пословице: «На ловца зверь бежит». Я ведь не в дураках. Черепок нашел — миную. Хлеб попался — никак не пропущу. Вот это лучше для спокойствия. Так думаю я. Да и не ошибаюсь. Не вчера я рожден, да и потерся меж людьми, слава богу. Мода и свет есть наилучший учитель и лучшая школа всякой школы. Правда, что было время, когда и нищих, но добродетельных почитали. Но ныне свет совсем не тот. Ныне, когда нищ, тогда и бедняк и дурак, хотя бы то был воистину израильтянин. в котором лести нет. Потерять же в свете доброе о себе мнение дурно. Куда ты тогда годишься? Будь ты, каков хочешь внутри, хотя десятка виселиц достоин, что в том нужды? Тайное бог знает. Только бы ты имел добрую славу в свете и был почетным в числе знаменитых людей, не бойся, дерзай, не подвигнешься вовек! Не тот прав, кто в существе прав, но тот, кто ведь не прав по исте, но казаться правым умеет и один только вид правоты имеет, хитро лицемерствуя и шествуя стезею спасительной оной притчи: концы в воду^б. Вот нынешнего света самая модная и спасительная премудрость! Кратко скажу: тот един счастлив, кто не прав ведь по совести, но прав по бумажке, как мудро говорят наши юристы^в. Сколько я видал дураков — все глупы. За богатством-де следует беспокойство. Ха-ха-ха! А что же есть беспокойство, если не труд? Труд же не всякому благу отец. Премудро ведь воспевают русские люди премудрую пословицу сию: «Покой воду пьет, а непокой — мед». Что же даст тебе пить виновница всех

---

^а Ровеньки² есть то же, что ровенник, сиречь по ровам живущие воры. «Да не сведет во мне ровенник уст своих» (Псалом).

^б Сколь прельщаются нечестивые притчею сею беззаконною своею: концы в воду. Ибо «нет тайны, которая не открывается».

^в Христос же вопреки говорит: «Славы от людей не хочу. Есть прославляющий меня отец мой. На пути откровений твоих наслаждался». Ах! Убойтесь, нечестивые, откровений божиих! Не убойтесь убивающих тело. Скажите с Давидом: «Проклянут те, и ты благословишь». Бумажка, о лицемер, человеческая оправдает тебя у людей, но не у бога. Се тебе колесница без колес, таково без бога всякое дело.

зол — праздность? Разве поднесет тебе на здравие воду,
не мутящую ума?

Кому меньше в жизни треба,
Тот ближе всех до неба.

А кто же сие поет? Архидурак некий древний, нарицае-
мый Сократ. А подпеваает ему весь хор дурацкий. О, о!
Весьма они разнятся от нашего хора. Мы вот как поем:

Жри все то, что пред очами,
А счастье за плечами.
Кто несмелый, тот страдает,
Хоть добыл, хоть пропадает.
Так премудрый Фридрик судит,
А ум его не заблудит.

Между тем как Фридрик мудрствует, прилетела сед-
мица тетеревов и три племянника его. Сие капральство
составило богатый и шумный пир. Он совершался неда-
леко от байрака, в котором дятел выстукивал себе носиком
пищу, по древней малороссийской притче: «Всякая птичка
своим носком жива».

Подвижный Сабашик пролетал немалое время. Продлил
путь свой чрез три часа.

Он послан был к родному дяде пригласить его на дру-
жескую беседу и на убогий обед к отцу. Возвращаясь
в дом, забавлялся песенкою, научен от отца своего из-
млада, сею:

Не то орел, что летает,
Но то, что легко седает.
Не то скуден, что убогой,
Но то, что желает много.
Сласть ловит рыбы и звери,
И птиц, вышедших из меры.
Лучше мне сухарь с водою,
Нежели сахар с бедою.

Летел Сабаш мимо байрака. «Помогай бог, дуб!» —
сие он сказал на ветер. Но нечаянно из-за дуба раздался
голос таков:

«Где не чаешь и не мыслишь, там тебе друг будет...»

«Ба-ба-ба! О любезный Немес! — воскликнул от ра-
дости Сабаш, узрев дятла, именуемого Немес. — Радуйся,
и опять твержу — радуйся!»

Н е м е с. Мир тебе, друже мой, мир нам всем! Благо-

словен господь бог Израилев, сохраняющий тебя доселе от сетования.

С а б а ш. Я сеть разумею, а, что значит сетование, не знаю.

Н е м е с. Наш брат птах, когда попадет в сеть, тогда сетует, сиречь печется, мечется и бьется об избавлении. Вот сетование.

С а б а ш. Избави, боже, Израиля от сих скорбей его!

Н е м е с. А я давеча из того крайнего дуба взирал на жалостное сие зрелище. Взгляни! Видишь ли сеть напяленную? Не прошел час, когда в ней и вокруг нее страшная совершалась будто Бендерская осада³. Гуляла в ней дюжина тетеревов. Но в самом шуме, и плясании, и козлогласовании, и прожорстве, как молния, пала на них сеть. Боже мой, какая молва, лопот, хлопот, стук, шум, страх и мятеж! Нечаянно выскочил ловец и всем им переломал шеи.

С а б а ш. Спасся ли кто из них?

Н е м е с. Два, а прочие все погибли. Знаешь ли Фридрика?

С а б а ш. Знаю. Он добрая птица.

Н е м е с. Воистину тетерев добрый. Он-то пролетел мимо меня из пира, теряя по воздуху перья. Насилу я мог узнать его: трепетен, растрепан, распущен, измят... как мышь, играемая котом: а за ним издалека племянник.

С а б а ш. Куда же он полетел?

Н е м е с. Во внутренний байрак оплакивать грехи.

С а б а ш. Мир же тебе, возлюбленный мой Немес! Пора мне домой.

Н е м е с. А где ты был?

С а б а ш. Звал дядю в гости.

Н е м е с. Я вчера с ним виделся и долго беседовал. Лети ж, друг мой, <и спасайся, да будет> господь на всех путях твоих, сохраняющий вхождения твои и исхождения твои. Возвести отцу и дяде мир мой.

Сия весть несказанно Сабаша устрасила. Сего ради он не признался Немесу, что беседовал с Фридриком пред самым его несчастьем. «Ну, — говорил сам себе, — научайся, Сабаш, чужою бедою. Для того-то бьют песика перед львом (как притча есть), чтоб лев был кроток. О боже! В очах мочх бьешь и ранишь других, достойнейших от меня, да устрасушь и трепещу беззаконной жизни и

сластей мира сего! О сласть! О удка и сеть ты дьявольская! Сколь ты сладка, что все тобою пленены! Сколь же погибельна, как мало спасаемых! Первое все видят, второе — избранные».

Таковым образом жестоко себя наказывала и сама себе налагала раны сия благочестивая врода ⁴ и, взирая на чужую бедность, больше пользовалась, нежели собственными своими язвами битые богом, жестокосердные беззаконники, и живет научалась из черной сей, мирские беды содержащей (бо черная книга, беды содержащая, есть то сам мир) книги, нежели нечестивая природа, тысячу книг перечитавшая разноязычных. О таковых ведъ написано: «Знает господь неповинных избавлять от напасти... Праведник от лова убежит, вместо же него попадет нечестивый».

В сих благочестивых мыслях прилетел Сабаш домой, а за ним вскоре с двумя своими сыновьями приспел дядя. Созваны были и соседи на сей убогий, но целомудренный пир и беспечный. В сей маленькой сторонке водворялась простота и царствовала дружба, творящая малое великим, дешевое — дорогим, а простое — приятным. Сия земля была часточка той земельки, где странствовавшая между людьми истина, убегаящая во зле лежащего мира сего, последние дни пребывания своего на земле проводила и последний отдых имела, пока взлетела из дольних в горные страны.

Сабаш, отдав отцу и дяде радость и мир от Немеса, тут же при гостях возвестил все приключившееся. Гостей был сбор немал с детьми своими, отроками, и юношами, и женами. Алауда^а — так нарицался отец Сабашев — был научен наукам мирским, но сердце его было — столица здравого разума. Всякое дело и слово мог совершенно раскусить, обрести в нем корку и зерно, яд и еду сладкую и обратиться во спасение.

Алауда в слух многих мужей, юношей и отроков научал сына так:

— Сын мой едиnorodный, приклони ухо твое. Услышь голос отца твоего и спасешься от сети, как серна от ловцов. Сын, если премудр будешь, чужая беда научит тебя, дерзкий же и бессердый сын уцеломудряется собственным искушением. И сие есть бедственное. Сын, да болит тебя ближнего беда! Любящий же свою беду и не болящий о чу-

^а Алауда — по-римски значит *жаворонок*, а lauda — хвалю, по-римски — laudo, лаудо; лаудон — *хвалящий*.

жой, сей есть достоин ее. Не забудь притчи, какую часто слышал ты от меня, сей: «Песика бьют, а левик боится».

Какая польза читать многие книги и быть беззаконником? Одну читай книгу, и достаточно. Воззри на мир сей. Взгляни на род человеческий. Он ведь есть книга, книга же черная, содержащая беды всякого рода, как волны, встающие непрестанно на море. Читай ее всегда и поучайся, вместе же будто из высокой гавани на беснующийся океан взирай и забавляйся. Не все ли читают сию книгу? Все. Все читают, но несмысленно. Пяту его блюдут, как написано, на ноги взирают, не на самый мир, сиречь не на голову и не на сердце его смотрят. Сего ради никогда его узнать не могут. Из подошвы человека, из хвоста птицы — так и мира сего: из ног его не узнаешь его, разве из головы его, разумей, из сердца его. Какую тайну закрывает в себе гадание сие?

Сын, все силы мои напрягу, чтоб развязать тебе узел сей. Ты же внимай крепко. Тетерев видит сеть и в сети еду или снѣдѣ. Он видит что? Он видит хвост, ноги и пяту сего дела, головы же и сердца сей твари, будто самой птицы, не видит. Где же сего дела голова? И есть она что то такое? Ловца сердце в теле его, утаенном за кустом. Итак, тетерев, видя едину пяту в деле сем, но не видя в нем головы его, видя, не видит: зрячий по телу, а слеп по сердцу. Тело телом, а сердце зрится сердцем. Се ведь оная евангельская слепота, мать всякой злости! Сим образом все безумные читают книгу мира сего. И не пользуются, но увязают в сети его. Источник рекам и морям есть глава. Бездна же сердечная есть глава и источник всем делам и всему миру. Ибо ничто же есть мир, только связь, или состав дел, или тварей. И ничто есть века сего бог, разве мирское сердце, источник и голова мира. Ты же, сын мой, читая книгу видимого и злого сего мира, возводи сердечное твое око во всяком деле на самую голову дела, на самое сердце его, на самый источник его, тогда, узнав начало и семя его, будешь правый судья всякому делу, видя голову дела и самую исту, истина же избавит тебя от всякой напасти. Ибо, если два рода тварей и дел суть, тогда и два сердца. Если же два сердца, тогда и два духа: благой и злой, истинный и лживый... По сим двум источникам суди всякое дело. Если семя и корень благой, тогда и ветви и плоды. Ныне, сын мой, будь судья и суди поступок

тетеревов. Если прав осудишь, тогда по сему образу первый судья будешь всему миру. Суди же так.

Напал тетерев на снесь. Видишь ли сие? Как не видеть? Сие и свинья видит. Но сие есть едина только тень, пята и хвост. Тень себя не оправдывает, не осуждает. Она зависит от своей главы и исты. Воззри на источник ее — на сердце, источившее и родившее ее. От избытка бо сердца, сиречь от бездны его, говорят уста, ходят ноги, смотрят очи, творят руки. Гляди! Если сердце тетерева благое, откуда родилось сие его дело, тогда и дело благое и благословенное. Но не видишь ли, что змиина глава есть у сего дела? Сие дело родилось от сердца неблагодарного, свою долю недовольного, алчущего и похищающего чужое...

Сие то есть истинное авраамское богословие — прозреть во всяком деле гнездящегося духа: благ ли он или зол? Не судить по лицу, как лицемеры. Часто под злобным лицом и под худою маскою божественное сияние и блаженное таится сердце, в лице же светлом, ангельском — сатана. Сего ради, видя неволю и плен тетерева, жертвующего себя в пользу чужую, не ленись работать для собственной твоей пользы и промышлять нужное, да будешь свободен. Если же не будешь для себя самого рабом, принужден будешь работать для других и, избегая легких трудов, попадешь в тяжкие и умноженные в сто раз.

Видишь ли чью-либо сияющую одежду, или славный чин, или красный дом, но внутри исполненный неусыпаемого червья, вспомни сам себе слова Христовы: «Горе вам, лицемеры! Горе вам, смеющимся ныне», разумей, снержи. Видишь ли нищего, или престарелого, или больного, но божественной надежды полного, воспой себе песенку сию соломоновскую: «Благая ярость паче смеха, ибо в злобном лице ублажается сердце». Видишь ли ослабленного параличом? Избегай печального, ревностного и яростного сердца. Убежишь, если не будешь завистлив. Сотрешь главу завистному змию, если будешь за малое благодарен и уповающий на бога живого. Видишь ли не дорогую, не сластную, но здоровую пищу, воспой: «Благая ярость паче смеха». Слышишь совет, словесным медом умащенный, но с утаенным внутри ядом: «Благая ярость паче смеха. Елей грешного да не помажет головы моей». Видишь ли убогий домик, но невинный, и спокойный, и беспечный, воспой: «Благая ярость паче смеха...» Сим

образом читай, сын, мирскую книгу и иметь будешь вместе утешение и спасение.

Блажен разумеющий причину всякого дела! Сердце человеческое изменяет лицо его на добро или на зло. О милые мои гости! Наскучил я вам моим многоречием. Простите мне! Се стол уже готов, прошу садиться безразборно. Прошу опять простить мне, что и трапеза моя нищая и созвал вас на убогий пир мой в день неспраздничный.

Гости все спели притчу оную, что «у друга вода есть слаще вражеского меда».

— Как же в день неспраздничный? — сказал Алаудин брат Адоний^а.

— Ах, добромu человеку всякий день — праздник, беззаконнику же — не велик день... Если всему миру главою и источником есть сердце, не корень ли и празднику? Празднику мать есть не время, но чистое сердце. Оно господин есть и суббота. О чистое сердце, ты воистину не боишься ни молнии, ни грома. Ты есть божие, а бог есть тебе твой. Ты ему, а он тебе есть друг. Оно тебе, боже мой, жертвою, ты же ему. Вы двое есть и есть едино. О сердце чистое! Ты новый век, вечная весна, благовидное небо, обетованная земля, рай умный, веселие, тишина, покой божий, суббота и великий день пасхи. Ты нас посетило с высоких обителей светлого востока, выйдя из солнца, как жених из чертога своего. Слава тебе, показавшему нам свет твой! Сей день господень: возрадуемся и возвеселимся, братия!

— О возлюбленный брат мой! — воскликнул Алауда. — Медом каплют уста твои. Воистину ничто не благо, только сердце чистое, зерно, прорастившее небеса и землю, зеркало, вмещающее в себе и живопишущее всю тварь вечными красками, твердь, утвердившая мудростью своею чюдные небеса, рука, содержащая горстию круг земной и прах нашей плоти. Что бо есть дивнее памяти, вечно весь мир образующей, семена всех тварей в недрах своих хранящей, вечно зрящей единым оком прошедшие и будущие дела, как настоящие? Скажите мне, гости мои, что есть память? Молчите? Я ж вам скажу. Не я же, но благодать божия во мне. Память есть недремлющее сердечное око, видящее всю тварь, незаходимое солнце, просвещающее Вселенную. О память утренняя, как нетленные крылья!

---

^а Адоний по-эллиски значит певца, ода—песня.

Тобою сердце взлетает в высоту, в глубину, в широту бесконечно, быстрее молнии в сто раз. «Возьму крылья мои рано с Давидом...» Что есть память? Есть беззабвение. Забвение эллинами называется *лифа*, беззабвение же — *алифия*; алифия же есть истина. Какая истина? Се сия истина господня: «Я путь, истина и жизнь». Христос господь бог наш, ему же слава вовеки, аминь!

По сем Алауда благодарственною молитвою благословил трапезу, и все воссели. При трапезе не была критика, осуждающая чуждую жизнь и проникающая в тайные закоулки людских беззаконий. Беседа была о дружбе, о чистоте и спокойствии сердечном, об истинном блаженстве, о твердой надежде, утешающей все житейские горести. В середине трапезы объяснял Адоний сие слово: «Блаженны нищие духом, ибо тех есть царство небесное».

— Не на лица, — говорил он, поедая со сладостью бобы, — зрит бог. Человек зрит на лица, а бог зрит на сердце... Не тот нищ есть, кто не имеет, но тот, кто по уши в богатстве ходит, но не прилагает к нему сердца, сиречь на оное не надеется; готов всегда, если господу угодно, лишиться с равнодушием. И сие-то значит «нищие духом». Сердце чистое и дух веры есть то же. Какая польза тебе в полных твоих закромах, если душа твоя алчет и жаждет? Наполни бездну; насыти прежде душу твою. Если же она алчет, то ты не блаженный оный евангельский нищий, хотя и богат ты у людей, но не у бога, хотя и нищий ты у людей, но не у бога. Без бога же и нищета и богатство есть окаянное. Нет же бедственнее, как нищета среди богатства, и нет блаженнее, как среди нищеты богатство. Если мир весь приобрел ты и еще алчешь, о, среди богатства страждешь нищету в пламени твоих хотений! Если ничего не имеешь в мире сем, кроме самонужных твоих, и благодарен ты господу твоему, уповая на него, не на сокровища твои, воспевая с Аввакумом: «Праведник от веры жив будет». О, воистину нищета твоя есть богатейшая царей. Нищета, обретшая нужное, презревшая лишнее, есть истинное богатство и блаженная оная среда, как мост между болотом и болотом, между скудостью и лишностью.

Что бо есть система мира сего, если не храм божий и дом его? В нем нищета живет и священствует, приносит милость мира, жертву хваления, довольствуется, как дитя, подаваемым себе от отца небесного, завися от промысла его и вселенской экономии. И сие-то значит: «Ибо тех

есть царство небесное». Сие есть — они знают — промысл божий, и на оный надеются. Сего ради нищета нарицается убожеством или же, как дитя, живет в доме у бога или того ради, что все свое имеет, не в своих руках, но у бога. Не так нечестивый, не так, но, как прах от вихря, так зависят от самих себя, обожают сокровища свои, уповают на собрания свои, пока постыдятся об идолах своих. Сего ради нарицаются богатые, что сами себе суть лживые боги.

— Возлюбленный друг и брат мой, — сказал тогда Алауда, — вкусно ты вкушал у нас бобы. Но не без вкуса разжевал ты нам и слово Христово. Насыщая тело, еще лучше мы насытили сердце. Если же оно голодное, суетна есть самая сладкая пища. Прошу же еще покушать репы после капусты и после бобов. Увенчает же трапезу нашу ячменная с маслом кутья.

В конце трапезы начал пироначальник прищучивать, а гости смеяться. Адоний, пособляя брату, забавно повествовал, каким образом древле божия дева — истина — первый раз пришла к ним в Украину: так называется страна их. Первыми-де встретили ее близ дома своего старик Маной и жена его Каска^б. Маной, узрев, спросил с суровым лицом:

— Какое имя твое, о жена?

— Имя мое есть Астрая^а, — отвечала дева.

— Кто ты, откуда и почто здесь пришла?

— Возненавидев злобу мирскую, пришла к вам водвориться, услышав, что в стране вашей царствует благочестие и дружба.

Дева же была в убогом одеянии, препоясана, волосы в пучке, а в руках жезл.

— А, а! Нет здесь пребывального города, — воскликнул с гневом старец, — сия страна не прибежище блудностям. Вид твой и одеяние обличают в тебе блудницу.

Дева сему смеялась, а старик возгорелся. Увидев же, что Каска вынесла навстречу чистый хлеб на деревянном блюде во знамение странноприимства, совсем взбесился:

— Что ты делаешь, безумная в женах? Не ведая, какого духа есть странница сия, спешись странноприятствовать. Возри на вид и на одеяние ее и проснись!

---

^а Астрая ^б — слово эллиновское, значит *звездная*, сие есть горная, лучезарная.

Каска рассмеялась и молчала. Дева же сказала: «Так не похвали человека в красоте его, и не будь тебе мерзок человек видением своим»^а. После сих божиих слов старик несколько усомнился. Нечаянно же узрев на главе ее венец лучезарный и божества светом воссиявшие очи, вельми удивился. Паче же ужаснулся тогда, когда дивный дух, превосходящий фимиамы, крыны^б и розы, вышедший из уст девичьих, коснулся обоняния его и усладил несказанно. Тогда Маной отскочил вспять, поклонился до земли и, лежа ниц, сказал: «Госпожа! Если обрел благодать пред тобою, не минуй меня, раба твоего...» Старица, оставив лежащего старца, повела деву в горницу, омыла ей по обычаю ноги и маслом голову помазала. Тогда вся горница божественного исполнилась благоухания. Маной, вскочив в горницу, лобызал ей руки. Хотел лобызать и ноги, но дева не допустила. «Единую имею гуску, — кричал старик, — и тую для тебя на обед зарезжу». Дева, смотря в окно, усмеялась, видя, что старина — господарь и господарка новою формою ловят гуску. Они бегали, шатались, падали и ссорились. Деве смешным показалось, что старик преткнулся о старуху и покатился.

— Что ты? Ты выстарел ум что ли?

— А у тебя его и не бывало, — сказал, вставая, старик.

Гостья, выскочив из горницы, сказала, что я прочь иду, если не оставите гуски в покое. На сем договоре вошли все в горницу. Вместо обещанной гуски в саду, в простой беседке, приняли и чествовали небесную гостью и божественную странницу яичницею и ячменною с маслом кутьею. От того времени, даже доселе, ячменная кутья в нашей стороне есть в обычае.

В сем месте встали из-за стола все гости. Алауда же благодарил бога так: «Очи всех на тебя уповают, и ты даешь им пищу в благое время. Богатая десница твоя в сытость и нас убогих твоих исполняет твоего благоволения, Христос-бог. Будь благословен с отцом твоим и святым духом вовеки!» Гости все восшумели: «Аминь!»

а Сие слово есть сираховское. Оно тот же имеет вкус с Христовым оным: «Не на лица глядя, судите». И с оным Самуила-пророка, пришедшего помазать на царство всех братьев своих меньшего Давида: «Человек зрит на лице, а бог зрит на сердце».

б Крын — слово эллинское, по-римски — лилия, крына; крыны сельные, то есть дикие, полевые.

Адоний продолжал повесть, что Астрая в стране их жила уединенно, Маноя и Каску паче прочих любила, посещала и шутила, пока переселилась в небесные обители. Алауда пить и петь побуждал. Он наполнил стакане крепкого меда. «Да царствует Астрая! Да процветает дружба! Да увядает вражда!» Сие возгласив, испразднил стакан. Прочие последовали. Они пили крепкий мед, хмельное пиво и питье, или сикеру^а, называемую в Малороссии головичник, дети же — воду и квас. Из гостей большая часть была сродна к пению. Адоний разделил певцов на два крыла, или хоры, — на хор вопросный и на хор ответный, придав к обоим по несколько свирельщиков. Они сперва раздельно, потом пели, хор совокупивши. Песнь была такова:

ПЕСНЬ РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ О НИЩЕТЕ ЕГО ⁷

Из Соломонова зерна: «Благая ярость паче смеха, ибо в злобе лица ублажится сердце» (Екклезиаст).

Из Христова: «Горе вам, смеющимся ныне», то есть снаружи.

Из Иеремиина: «Втайне восплачется душа ваша».

В о п р о с. Пастыри милы,
Где вы днесь были?
Где вы бывали,
Что вы видали?

О т в е т. Грядем днесь из Вифлеема,
Из града уничиженна,
Но днесь блаженна.

В о п р о с. Какое же оттуда несете чудо?
И нам прореките
Благовестите.

О т в е т. Видели мы вновь рожденно
Дитя свято, блаженно,
Владыку всем нам.

В о п р о с. Какие палаты
Имеет тое,

---

^а Сикера есть слово эллинское, значит всякое питье, опьяняющее, пьяное или хмельное, кроме единого гроздного вина, хлебное же (называемое) вино в том же всеродном имени заключается, сего ради пишется: «Вина и сикеры не должны пить».

- Ах, всеблаженно
Чадо царское?
- О т в е т. Вертеп выбит под скалою,
И то простою рукою.
Се чертог его!
- В о п р о с. Мягка постель ли?
В красном ли ложе
Сей почивает
Чудный сын божий?
- О т в е т. В яслях мать кладет траву,
Ту ж перину и под главу.
Се царская кровать!
- В о п р о с. Какие там слуги
Из домочадцев
Имеет то
Милое чадцо?
- О т в е т. Овцы и мулы с ослами,
Волаы и кони с козлами.
Се домочадцы!
- В о п р о с. Какую же тот дом
Вкушает пищу?
Разве имеет
Трапезу нищу?
- О т в е т. Пища в зелье,
В млеке, в зерне.
Се стол ранний и вечерний
В том чудном доме.
- В о п р о с. Музыка там ли
Модна и лестна
Увеселяет
Царя небесна?
- О т в е т. Пастырский сонм на свирелках
Хвалит его на сопелках
Препростым хором.
- В о п р о с. Какие же ризы?
Мню, златотканны
У сего сына
Марии-паннны.
- О т в е т. Баволна^а и лен, и шерсть;

---

^а *Баволна* значит от древа рожденная шерсть; это есть слово немецкое *баумволле*; *баум* — дерево, *волле* — шерсть.

Сим нищета предовольна
В наготе своей.

Хоры поют совокупно:

О нищета! Блаженна, святая!
Открой нам дверь твоего рая.
Какой бес сердце украл наше?
Какой нас мрак ослепил,
Даже чуждаться тебя?
О нищета! О дар небесный!
Любит тебя всяк муж свят и честный.
Кто с тобою раздружился,
Тот в ночи только родился,
Не сугубый муж.
Мир сей являет вид благолепный,
Но в нем таится червь неусыпный.
Се пещера убога
Таит блаженного бога
В блаженном сердце.
Ах, благая ярость есть паче смеха,
Как в лице злом тайна утеха,
Се бо нищета святая
Извне яра, внутри золотая
Во мирной душе.
Горе тебе, мир! Смех вне являешь,
Внутри же душою тайно рыдаешь,
Украсился ты углами,
Но облился ты слезами
Внутри день и ночь.
Зависть, печаль, страх, несыта жажда,
Ревность, мятеж, скорбь, тяжба и вражда
День и ночь тебя опаляют,
Как сионский град, пленяют
Душевный твой дом.
Возвеселимся, а не смутимся!
Днесь непрестанно все христиане!
Там, где бог наш нам родился
И пеленами повился,
Хвала день и ночь!

ДИАЛОГ.
ИМЯ ЕМУ — ПОТОП ЗМИИН

Беседует Душа и Нетленный Дух

1791 года, августа 16

Любезный друг Михаил! ¹

Древний монах Эриратус все свои забавные писульки приносил в дар другу и господину своему, патриарху Софронию ², а я приношу тебе.

Ты мне в друге господин, а в господине — друг.

Я сию книжечку написал в Бурлуке, забавляя праздность. Она украдена. Но я, напав на список, исправил, умножил и кончил.

Потоп змиин, Ноев, божий и Библия есть то же.

Если она море, как же не потоп? Взгляните на Назонову картину потопну ³.

Nat lupus inter oves... ⁴

Не в сем ли море обуреваются вся Вселенная?

Ей, в сем! Ей, вся! «Погрязли, как олово в воде...» Один мой Израиль, сию пучину перелетая, переходит. Один он уловляет жалостную ревность Варуха.

«Кто перейдет на ту сторону моря и обретет премудрость?»

Что есть Библия, если не мир? Что есть мир, если не идол деирский? ⁵ Что есть золотая глава ему, если не солнце? Что есть солнце, если не огненное море?

Не оно ли заступило нашу нам гавань ту:

«Се сей стоит за стеною нашею и говорит: «Лицемер! Почему усомнился ты?»»

Не все ли не переплывшие мучатся в огненной бездне? Не все ли блеют о пекле? И кто уразумел пекло? Не смешно ли, что все в пекле, а боятся, чтоб не попасть?

Вот точный сфинкс, мучающий не решивших гадания. «Возволняются и почить не смогут». «Ходите в пламени огня вашего».

А мой Ной радугу видит, и потоп прекращается. Что есть прекрасная радуга? Не радость ли есть радуга? ⁶

Не солнце ли видит свой образ в зеркале вод облачных?
Не солнце ли глядит на солнце, на второе свое солнце?
На образ образуемый, на радость и на мир твердый? Не
туда ли глядит сей вождь наш, не туда ли волхвов
ведет?

Останься ж, солнце и луна! Прощай, огненная бездна!
(Прости, западное солнце). Мы сотворим свет лучший.
Созидем день веселейший. Да будет свет! И се был свет.
Да станет солнце и луна! Да станет и утвердится! Да светит
во веки веков! И се стало солнце и луна! Новая луна
и солнце. От бога божественное.

Воспой же, о Исаия! Воспой нам песнь победную. Се
Израиль перейдет море!

Не зайдет бо солнце тебе,
И луна не оскудеет.
Будет господь тебе свет твой.
И совершатся дни твои,
Дни рыдания твоего.

Воспою ж и я с тобою, любезный мой Исаия: «Дугу мою
полагаю в облаках». Сие есть: мир утверждаю внутри
себя.

Солнце всю тварь презирает.
Взор дугою утешает.
Бездна — сердце, о проснись!
Будь себе друг и влюбись!

Весь тогда потоп исчезнет.
Радуга же вечна блеснет.
Враз отрешь твои все слезы.
Внутри все упокоишь стези.

Само будь себе дугою
И расстанешься с тугою.
Се тварь вся не насыщает!
Бездна бездну удовлетворяет.

Пустынник Григорий Варсавя Сковорода
(Д. Мейнгард)

Insuperabili loco stat animus, qui externa deseruit.
Nunquam major est, quam ubi aliena deposuit, et fecit sibi
pacem, nil timendo... (Seneca, Epistola, 79) ⁷.

Сие есть то же: «Разумный праведник себе друг будет»
(Притчи, гл. 12-я).

Глава 1-я
ПРИТЧА: СЛЕПОЙ И ЗРЯЧИЙ *

Два пришельца вошли в храм Соломона: один слепой, другой зрячий. Слепой без пользы возводил очи и водил веки свои по стенам храма. А зрячий, видя стену, представляющую человека, зверей, птиц, горы, реки, леса, поля, цветы, солнце, звезды и драгоценные камни, и приводя во всем безизменную меру, называемую живописцами *рисунком*, ненасытно забавлялся веселостью. Паче же любопытною зеницею прозирал он семилампный свечник и сень херувимов. «Я не вижу веселости в сем храме», — сказал слепой... «О бедный! — вскричал зрячий. — Пойди домой и вырой зеницы твои, погребенные в мехе твоём. Принеси оные сюда. В то время обновится тебе храм сей, и почувствуешь услаждающее тебя твоё блаженство».

Глава 2-я
ДИАЛОГ, ИЛИ РАЗГЛАГОЛ

Особы в разглаголе: Душа,
Нетленный Дух

[Душа]. Всякая невкусность даёт для меня питательный сок. Если только благоволишь, о нетленный дух, скажи мне, что значит: два пришельца?

Дух. Всяк рожденный есть в мире сем пришелец, слепой или просвещенный. Не прекрасный ли храм премудрого бога мир сей? Суть же три мира. Первый есть всеобщий и мир обительный, где все рожденное обитает. Сей составлен из бесчисленных мир-миров и есть великий мир. Другие два суть частные и малые миры. Первый — микрокосм, сиречь мирик, мирок, или человек. Второй мир символический, сиречь Библия. В обительном коемлибо мире солнце есть око его, и око сие есть солнце. А как солнце есть глава мира, тогда не дивно, что человек назван *микрокосм*, сиречь маленький мир. А Библия есть символический мир, затем что в ней собраны небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вечной природы, утаенной в тленной так, как рисунок в красках своих.

Душа. Что значит вырыть погребенные в мехе зеницы?

Д у х. Начало вѣчнаго чувства зависит оттуда, дабы прежде узнать самого себя, прозреть таящуюся в теле своем вечность и будто искру в пепле своем вырыть. Сия искра — прочие миры, и сия мысленная зеница провидит в них вечность.

Д у ш а. Разве вечность и бог есть то же?

Д у х. Конечно, вечность есть твердь, везде, всегда, во всем твердо стоящая, и всю тлень, как одежду носящая, всякого разделения и осязания чуждая. Она-то есть истина и нетление. Видишь, что свет премудрости тогда входит в душу, когда человек два естества познает: тленное и вечное. А о неразумеющих есть пословица: «Двоих насчитать не умеет».

Д у ш а. Но скажи мне, какая польза видеть везде два естества, а не одно? И какое в сем утешение?

Д у х. Сие изображу тебе подобием. Прехитрый живописец написал на стене оленя и павлина весьма живо. Сими образами сын его — младенец несказанно веселился. И старший сын взирал с удивлением. Живописец со временем стер краски, животные с виду исчезли. О сем мальчик рыдал неутешно, а старший смеялся... Теперь скажи мне причину смеха и рыдания?

Д у ш а. О, не могу сказать, но от тебя слышать жажду.

Д у х. Конечно, мальчик думает, что погибли животные, того ради плачет.

Д у ш а. Как же не погибли, если исчезли?

Д у х. Ах, не называй краску образом. Она есть одна только тень в образе, а сила и сердце есть рисунок, сиречь невещественная мысль и тайные начертания, к которым то пристает, то отстает краска так, как тень к яблоне своей, и краска есть как плоть, а рисунок — как кость в теле. Сего ради не разумеющий рисунка не приложит краски. Сие старший понимает и смеется. Самые точные образы еще прежде явления своего на стене всегда были в уме живописца. Они не родились и не погибли. А краски то, прильнув к оным, представляют оные в вещественном виде, то, отстав от них, уносят из виду вид их, но не уносят вѣчнаго бытия их так, как исчезающая тень от яблони не рушит яблоню. И тогда-то бывает прямая пиктура, когда она согласна с вѣчною сущих образов мерою, а со свойством их согласны суть краски.

Д у ш а. Верую, что слово твое не ложное, но для меня несколько темно.

Д у х. Внемли же второму подобию! Напиши циркуль, сделай из дерева или вылепи его из глины. Потом опять его затри, а прочие разори... Теперь скажи мне: погиб ли *циркуль*...

Д у ш а. Погиб писанный, деревянный и глиняный...

Д у х. Прав суд твой! Погиб, видно, видимый, но невещественный и сущий *циркуль* нетленен пребывает в сокровищах ума. Сей, как не создан, так и разориться не может. Вещественные же циркули суть, но, прямее сказать, ложная тень есть и одежда циркулю истинному.

Д у ш а. К чему же твоя речь течет?

Д у х. К тому, чтоб понять во всем два естества: божие и вещественное.

Д у ш а. А сие понятие куда выходит?

Д у х. Туда, что не может ничто погибнуть, а только тень свою теряет.

Д у ш а. Что же далее из сего следует?

Д у х. Ничего! Кроме неустрашимости, благодушия, упования, куража, веселья и благовидного ведра, того сердечного *мира*, который у Павла всяк ум превосходящим нарицается. Рассуждай о теле твоём то же, что о помянутых образах и циркуле. Считаю все мирское естество краскою. Но вечная мера и присносущные руки божии, как кости прильнувшую к ним плоть, всю стень поддерживают, пребывая во всем главою, а сверх непостоянной своей сени древом вечной жизни. Не на подлые, видно, кости и руки смотрит Библия словом сим: «Кость не сокрушится от него». «Не бойся, Иаков, се на руках моих написал стены твои!..» И догадался древний Платон⁹, когда сказал: Θεὸς γεωμετρεῖ — «бог землемерит». Не будь, душа моя, из числа тех, которые вещество за точность почитают. Они не исповедуют естества божиего. Отнимают силу и честь, бытие и славу невещественному и благому духу, а вместо его воздают мертвым и грубым стихиям. Сие-то значит: осудить и приговорить к смерти начальника вечной жизни и всеобщего всякой твари жизнедавца. Бога, видно, убить нельзя. Но нечестивую мысль их правда божия в дело ставит. Тогда отняли от бога жизнь и силу, как только присудили ее тлению. И тогда же отдали тленности жизнь, как только отняли ее от бога. Вот суд, воцаривший раба вместо господина, испросивший себе раз-

бойника Варавву¹⁰. Сии отцеубийцы и слепые стен осязатели называются у Платона подлостью, в мрачном рве и аду сидящую, одну темную тень видящую и ничего за сущую истину не почитающую, разве одно то, что ощупать и в кулак схватить могут. Сей есть источник безбожия и сердечному граду разорения. Ползущая сия и поедающая землю подлость, прилепившись к брению, стала и сама грязью и возметаемым от вихря прахом. Прилепившие же сердце свое господу суть единого с ним духа и хвалятся с Исаиею: «Божий я», «Путь благочестивых прав», «Не падем, но падут все живущие на земле». Все три мира состоят из двух едино составляющих естеств, называемых *материя* и *форма*. Сии формы у Платона называются *идеи*, сиречь *видения*, *виды*, *образы*. Они суть первородные миры нерукотворенные, тайные веревки, преходящую сень, или материю, содержащие. В великом и в малом мире вещественный вид дает знать об утаенных под ним формах, или вечных образах. Такое же и в символичном, или библейном, мире, собрание тварей составляет материю. Но божие естество, куда знамением своим ведет тварь, есть *форма*. Ибо и в сем мире есть *материя* и *форма*, сиречь плоть и дух, стена и истина, смерть и жизнь. Например, солнечная фигура есть материя, или стена. Но понеже она значит положившего в солнце селение свое, того ради вторая мысль есть форма и дух, будто второе в солнце солнце. Как из двоих цветов два духа, так из двоих естеств две мысли и два сердца: тленное и нетленное, чистое и нечистое, мертвое и живое!.. О душа моя! Можно ли нам в сем похвалиться и воспеть: «Христово благоухание мы...»?

Д у ш а. О дух мой! Блаженна та душа... По крайней же мере можем о нас сказать: «В благовоние мира твоего течем». Наконец, научи меня, что значит семилампадный светильник?

Д у х. Значит седмицу бытейскую, в которой весь символический мир создан.

Д у ш а. Что такое слышу? Ты мне наказывал чудное и безвестное.

Д у х. Уже сказано, что солнечная фигура есть материя и стена. Семь дней и семь солнц. В каждом же солнце есть зеница: второе прекрасное солнышко. Сии солнышки из своих стеней блистают вечности светом, так, как горящий елей сияет из лампад своих.

Д у ш а. О божественное, о любезное, о сладчайшее солнышко!.. Еще же мне скажи: что то есть херувимы?

Д у х. Седмица и херувимы, то есть колесницы и престолы — то же.

Д у ш а. О херувимах. Почему они престолы?

Д у х. Солнце есть храм и чертог вечного, а в горницах тут же стулья, где субботствует. Колесница тоже, есть она дом ходящий. Ведь солнце есть огненный шар и никогда не стоит, а шар состоит из многих циркулей, будто из колес. Ибо солнце не только есть чертог и вечно бродящая авраамская скиния, но и колесница, служащая нетленному нашему Илье, могущая возить вечное наше *солнышко*. Сии солнечные субботы, сиречь чертоги и покои *вечного*, называются тоже седмицею коров или юниц и седмицею пшеничных колосов, а у Захарии — седмицею очей. Слепые и гадательные сии очи сидящий на херувимах открывает тогда, когда из внутренностей их вечные зеницы, как из солнцев *солнышки*, нетленным воскресения светом блистать начинают.

Д у ш а. Прочее: херувимская сень, что ли она есть?

Д у х. Сень, тень, краска, абрис, одежда, маска, таящая за собою форму свою. Идею свою, рисунок свой, вечность свою — все то есть херувим и сень вместе, то есть мертвая внешность.

Д у ш а. На что Иезекииль приправил им всем крылья, дабы сверх орлов быки и коровы по поднебесной летали?

Д у х. На то, дабы возлетали к единому *началу*, сиречь к солнышку. Он не приправил, но провидел, что они все крылатые.

Д у ш а. Что значат крылья?

Д у х. Вторые и вечные мысли, перелетающие от смерти в жизнь, от материи к форме. Вот тебе пасха, сиречь переход. О душа моя! Можешь ли от мертвых тварей и от сени херувимской перебраться к господу твоему и к осуществляющей тебя форме твоей? «Крепка, как смерть, любовь». «Крылья ее — крылья огня».

Д у ш а. О отец мой! Трудно вырвать сердце из клейкой стихийной грязи... Ах, трудно! Я видела написанный образ крылатого юноши¹¹. Он пялится лететь в горнее, но нога, прикована цепью к земному шару, мешает. Сей образ — мой образ. Не могу, а только желаю. «Кто даст мне крылья?..» Для облегчения, отец мой небесный, го-

рести мои услаждающего, продолжай беседу. Открой мне: для чего Давид желает крыльев сих? Ведь ты сказал, что одни только солнца есть херувимы.

Д у х. Солнце есть архитипос^а, сиречь первоначальная и главная фигура, а копии ее и вице-фигуры суть бесчисленные, всю Библию исполнившие. Такая фигура называлась антитипос (прообраз, вице-образ), сиречь вместо главной фигуры поставлена иная. Но все они, как к своему источнику, стекаются к солнцу. Такие вице-фигуры суть, например: темница и Иосиф, коробочка и Мойсей, ров и Даниил^б, Далила и Самсон, сиречь солнышко, кожа и Иов, ясли и младенец, гроб и воскресший, вериги и Петр, кошница и Павел, жена и семья, Голиаф и Давид, Ева и Адам...¹² Все сие то же есть, что солнце и солнышко — змий и бог. Краснейшая всех и мать прочим есть фигура солнечная. Она первая благословляется и освящается в покой богу. «Благословил бог день седьмой». По сей причине прочих тварей вице-фигуры, в силе ее поставляемые, все бытие свое приемлют в днях светлой седмицы, как в ней вся тварь рождается; сама же прежде всех созидается.

«Да будет свет!» И был свет. Свет, утро, день всегда около лучей, а лучи при солнце. И так не дивно, что Давид, находясь херувимскою копию, желает крыльев, имея ту же силу и мысли с седмицею. «Помыслил-де дни первые и лета вечные помянул и поучался».

Всем тварям дает толк и свет светлая седмица. «Семь их очей господних суть, взирающих на всю землю». Когда они слепы, тогда вся Библия есть тьма и Содом. От нее и Давид учится. Там семь солнцев, а у Давида очи. Солнце почивающего в солнце на себе возит. И Давид то же: «Терпя-де, потерпел», «Поднимая, поднял», «Вознесу тебя, господи, как поднял меня ты». Солнце есть заходящая стена, но сила и бытие его в солнышке своем. И Давидовы очи есть исчезающий прах, но тень их востекает туда, дабы, исчезая, преобразиться в вечную зеницу, во второй разум и в животворящее слово божие: «Исчезли очи мои в слово твое».

Херувим есть и Захария. И сей взирает на седмицу и то же, что она, мыслит: «Лета вечные помянул...» «Ви-

^а Архитипос — архипрообраз.

^б Аврамова сень и гости, ковчег и Ной, колода и Иеремья, море и Израиль, Далила и Самсон.

дел, — вопиет Захария, — и се свечник золотой весь!» Куда кто смотрит, туда и идет. К летам вечным! Туда ему путь! К светлой седмице летит, орлиными крыльями парит. А где его крылья? «Вот они! Говорит ко мне ангел, говорящий во мне». Во внутренности крылья его. Сердце его пернатое. «Крепка, как смерть, любовь». «Крылья ее — крылья огня...»

Херувим есть и предтеча. «Был свечник горящий и светящий». Был значит не то, что был, но то, что сделан и создан светильником. Звезды прелестные и лжеденницы: горят, но не светят. Иоанн же истинная есть денница.

Д у ш а. Пожалуйста, отец небесный, скажи, что есть, что значит лжеденница? Горю и воспаляюсь знать.

Д у х. Лжеденницы суть то же, что лжехерувимы.

Д у ш а. Да где же они таковы? Я их вовсе не понимаю. Открой!

Д у х. Любезный мой друг! Иуда-апостол, тот тебе да откроет. Вот тебе лжехерувимы, вот и лжеденницы! «Ангелы, не соблюдавшие своего начала»; «звезды прелестные»; «телесные, то есть душевные или скотские, нетленного духа не имущие». Кратко сказать: заблудившие от светлой седмицы, которая есть гавань всем. И сие-то значит: «Не соблюдавшие начала». Бог, начало, вечность, свет есть то же. Сей свет освятил есть селение свое в седмице; седмица же есть то главизна книжная. «Во главизне книжной писано есть о мне», — говорит Христос. Начало и главизна то же. Сюда-то мой Иуда блистает словом сим: «Ангелы, не соблюдавшие своего начала». «Звезды прелестные: им же мрак тьмы вовеки блюдется». Вот ниспадшие с небесной седмицы лучиферы! Денница — по-римски *лучифер*, то есть *светоносец*, или день за собою ведущий. Денница бо есть солнцу предтеча и предвестник дню. Взгляни! Се прекрасная тебе денница! «В утро видел Иоанн Иисуса, грядущего к себе, и сказал: «Се агнец божий!»» Где же твой *день* нам, любезная наша денница? Дай нам! Ведь ты не прелестная, во мрак влюбившаяся звезда. Уже нам ночь мерзкая омерзела.

«Сей есть! По мне грядет муж, который предо мною был...» И так сын Захарии есть светильник, или лампада, горящая и озаряющая, елей вмещающая, и сотворен, как око, внутри зеницу свою заключающее. У древних свечою, лампадою и оком Вселенной называлось солнце. «Не был тот свет, по да свидетельствует о свете». Вот тебе

истинный, дочь моя, херувим! И сего-то ради в храмах видишь образ его крылатый.

Д у ш а. О дражайший мой херувим Иоанн! Благодарю тебя, отец небесный, за него. А Лука и Клеопа не херувимы ли? Я вчера в храме слушала их путешествие и вельми услаждалась. Если же херувимы — почем знать, что херувимы? Я бы очень рада...

Д у х. Потому что идут путем субботним. Видно же, что сим путникам на уме светлая суббота седмица. Суббота им голодным раздробляет хлеб их, открывает помраченные очи, правдивее же сказать, субботствующий в солнце и исходящий от чертога своего. «Оным открылися очи». Сей жених воскрылил их оными крыльями: «Крылья ее — крылья огня». Дал сим невкусным болванам пищу и вкус, но на пути и на разуме субботнем основанный. А мои пешеходцы, надев крылья и сотворившись из ползущих и землю поедающих змиев пернатыми орлами, по исаиевскому слову сему — «терпящие господя обновят силу, окрылают, как орлы» — всерадостно воскликнули: «Не сердце ли наше горящее было в нас, когда говорил нам на пути?» — сиречь не воспламенил ли он нас лететь в горнее от смерти к жизни, вдунув нам вкус и свет светлой седмицы?..

Д у ш а. Ныне я уразумела. Солнышко, как от пресветлейшего своего чертога, от гроба воссиявшее, воскрылило их и открыло им очи их, дабы сень херувимская не почивала на пути грешных, но, минуя всю тлень, возвышалась бы к единой своей [невидимой] форме. «И тот невидим был им».

Д у х. О душа моя! Не одному Клеопе сия милость. Светлая седмица есть-то гора божия, где благоволил жить. Сюда идет со тщанием Мариам¹³, целует и дружится с Елисаветою. Туда восходят все фамилии и колена израильские. «Там взошли...» Сюда бегут слепые, хромые, немые. Тут дружбу и компанию заводят волки с агнцами, рыси с козленкамп, львы с телянками, аспиды с отроками и созидаются зрячими крылатыми по своей всяк сени херувимами, возлетающими к *началу*, которое *одно* только есть, да царя — всех подымут; да будет бог всяческое во всех... Трудно только сим горам зыграть, вскочить вверх, ископать сладость, вздымиться и породить, как тучным юницам, *единого* своего юнца. «Придите — взойдем на гору господню...»

Д у ш а. Я читала некогда, что оленицы и горные козы не могут рождать, разве на сих горах.

Д у х. Сие, душа моя, в одном рассуждении о бже возможное, а в натуре тварей недостаточное. В символическом мире, которым является Библия, где о едином бже слово, так водится, но сие в нашем великом мире есть небыль. В бже и от бга — все возможное, не от тварей, ни в тварях. Фигурные сии горы суть солнца. Они прибежище таким оленям, каков есть Давид и о которых слово сие: «Тогда вскочит хромой, как олень».

На сих горах отбрасывает Давид ветхие свои рога, а растут ему новые. «Там взращу рог Давиду...» Сюда вскакивает исцеленный Петром хромой, и возбуждена словом, от него исшедшим, Тавифа, сиречь горящая коза. По сим холмам скачет и перескакивает молодой олень, брат и жених соломоновской невесты. Сюда же течет к брату и она: «Яви мне вид твой, где почиваешь?» Ответ: «В полудне, в солнце». Все воинство ангельское тоже воспевае, что во вышних сих и горных горах вечные мысли и одна слава божия жительствует. «Слава во вышних бгу! — и тогда всей обетованной библейской земле мир, покой и вечная дружба! Как пишется в книге Навина: «Почила земля от брани», «Сюда спешат и пастыри», «Перейдем к Вифлеему!», «Там родила тебя мать твоя».

Сюда за звездою путешествуют и волхвы. «Видели (вопиют с Захариєю: видел и се свечник...), видели-де звезду его на востоке». Востока без солнца нигде нет. «Стал вверху, где было дитя».

Не только оленям, но и звездам нет отдыха, кроме сей горы. Вся тварь вздыхает, в жилище небесное облечься желая и вопя: «Сей покой мой!» Магдалина тоже, ища радости и утешения своего, очень рано приходит на гроб. Нельзя, чтоб сей гроб не был тот камень, где почивал Иаков и видел лестницу. Внимай и примечай, дочь моя, что при Магдалине вспоминается рассвет и глубокое утро, а при Иакове солнце. Чувствуешь ли, что сей камень, будто бы утро, чуть-чуть проникающее из мрака: темно-вато начертывает каменную гору божью и пресветлый чертог его — солнце? Весьма ошибаешься, голубочка моя, когда не думаешь, что гроб оный не иное что-либо есть, как только пещера, в недрах каменной горы высеченная, где почилa премудрость.

Ныне же научись и веруй, и знай, что господня земля и все исполнение ее идут к горе божией, в недрах своих рай сладостный и вечную жизнь скрывающей дотоле: «Пока дышит день и движутся (херувимские) сени». Оный свет и день! «Дунув говорит: примите дух святой...» Тогда все через сию Божию гору, как по лестнице, восходит к богу. «Не сие! Но дом божий и сии врата небесные».

Д у ш а. Енох не обретен в живущих, Илия взят вихрем, восхищен за волосы ангелом пророк Аввакум и апостол Филипп, Павлов человек до третьего неба восхищен — все сие казалось мне жестким и голодным. Ныне же в сей жесткости обрела я с Самсоном нежную и сладостную пищу. Усладила мне все сие твоя херувимская речь и гора чудная. Не о сей ли горе чудотворной, не только Илию, но и быков, и горы скачущие, и холмы воскрыляющей, и деревья, не о сей ли матери нашей сионской и не ей ли песенка сия Исаина: «Покой даст бог на горе сей, изопьют вино, изопьют радость на горе сей, помажутся миром на горе сей»?

Д у х. Угадала ты (с Самсоном...) гадание его! Сия-то есть столица Сион, которая есть мать всем нам, вопиющая ко всем нам: «Там дам тебе сосцы мои...» Посмотри ж теперь, сестрица моя! Куда идут 12 учеников? Не на гору ли Галилею ведет их брат и друг, прекрасный Иосиф, исшедший, как из светлых палат, из темницы? На горе с братиею своею веселится, возносится, благословляет и утешает надежду хотящего их утешить святого духа. В сей зале — таинствами и благоуханием бессмертия дышущая вечера и Фомино уверение¹⁴. В сей горнице сделался ветер и шум из крыльев Параклитовых¹⁵. В сем храме излияние странных языков и надежды совершение. «Дети Сиона, радуйтесь, ибо дал вам пищу в правде...» А Стефан? Не херувим ли? Не в горы ли взирает? «Се вижу небеса открыты!» А Павел? Не с Даниилом ли возводит очи в горы? «Возвел очи мои в горы и видел: и се муж!.. Тело его, как фарсис...» А Павел не то же ли. «Знаю человека». «О горнем мудрствуйте». «Как вознесется великолепие его». Вот тебе малое число херувимов, окружающих господя славы. А не дышит ли в уши твои, любезная моя, ветер и шум орлиных крыльев, несущих апокалипсическую жену с прекрасным ее сыном? Посребренные крылья ее высоко парят! И она желает в горах святых укрыться от гонящего змия. «И полечу, и почию». О цело-

мудрая мать, невеста невестная, нет тебе на земле мира! Спешу, молю тебя, с любезным чадом к горным вечного субботам. На том семихолмии, верно, сыщешь покойное место, как Ноева голубка или как ласточка, убегающая от зимней стужи, перелетающая от северных стран через Черный понт¹⁶ к полудню, воспевая песенку сию: «Нет здесь для меня покоя». «Кто перейдет на оную сторону моря и обретет премудрость?» «Единая я, пока перейду».

Светлая седмица есть день господень, спокойный полудень, весна цветоносная, вечное лето, время благое, всем воскресение, просвещение и освящение. «Очи всех на тебя уповают, и ты даешь им пищу во благовремя». «Примите дух святой!»

Глава 3-я ИСПЫТУЕТСЯ БОЖИЯ СИЛА В НЕКИИХ МЕСТАХ БИБЛЕЙНЫХ

Д у ш а. Светлая седмица и сень херувимская из памяти моей не выходят, о любезный отец! Свет, теплоту, прохладную тень, пищу, насыщающую вечности сотом, живую забаву, твердое надежды утешение — все сие нахожу для себя в светлых чертогах и на прекрасных горах ее. Люблю Израиля, что сосет камень горы сей. А не сие ли есть поучаться святыне?.. Но милое для меня и жалостное зрелище сие: жена с прекрасным своим младенцем, по воздуху парящая, убегает от гонящего ее змия... О богомерзкий! На след божественной невесты вод горьких блевотины свои изблевает скверный... Скажи мне, отец мой, какая польза дракону в том, чтоб потопить младенца?

Д у х. Польза та, что, потопив сию невесту с младенцем, легко тогда может всю покрыть землю потопом, а бог от вод очищает.

Д у ш а. Откуда же ему сия злоба и упрямство к вышнему?

Д у х. На что о сем спрашивать? Плоть по природе враждебна духу.

Д у ш а. Неужели сей сатана отрыгает потоп, бывший в днях Ноевых?

Д у х. Без сомнения, бывший при Ное.

Д у ш а. Почему сия дева облечена в солнце?

Д у х. Можно догадаться, что она стоит на месте фигуры солнечной и есть копия ее.

Д у ш а. Конечно, сей змий есть тот же, что нашептал Еве, будто у смертного дерева добрый плод.

Д у х. Сей есть оный самый. Тогда ж то он задавил семя жене и потопил *наследника* обетований оных: «Тебе дам оную землю и семени твоему». Потом легко уже с нагрузом своим введена земля под клятву и покрылась горьких его вод, а проще с Давидом сказать, потопных его глаголов и льстивого языка блевотинами. Тогда везде настало злое время, чуждая тьма, гниль и растление плодов его смертных, одному только ему вкусных. Не видна же была ни в облаках прекрасно сияющая радуга, ни веселого воздуха благовидность, ни приятность вечного лета благовременного, о котором беседует безвестная невеста.

«Зима прошла, дождь отошел, цветы явились на земле, время обрезания гроздей приспело».

Д у ш а. Желала бы я знать, отец наш небесный, и прошу открыть, не обинуясь, что значит прямо и точно сей змий? Ежели в фигуральном библейном сем мире всякое дыхание и вся тварь собрана для составляющих систему его фигур находится, посему и он должен быть фигурою, значащею нечто точное. Да и написано в сем священном мире, что с прочими тварями и гады гóспода хвалят. Хвалить же его как может тварь бессловесна? Разве только может болванеть фигурою и гадательным молчанием, как помаванием, давать знать о боге. Не иначе бо немые небеса поведуют славу Божию, только молча. Однако, как трубою, премилосердный его промысл, в мирах его закрывшийся, проповедуют. Научи же меня, владыка святой, что значит змий сей? При сем и то мне непонятный вздор, чтоб почитать за одно оба потопа: драконов и божий... Не вмещает сердце...

Д у х. Ну, душа моя, дей! Станем учить и вместе тут же учиться. Что слаще, как, по Сирахову совету, поучаться святыне в разуме своем? «Блажен-де муж, который в премудрости умрет и который в разуме своем поучается святыне...» Не спеши только, моя любезная. Не будь нагла и не считай недостаточным то, что для тебя непонятно. Помни, что фигуральный мир сей есть-то из гаданий сплетена, а запечатлена тайнами книга. Забавляй в сем умном рае мысли твои. Но нигде не суди нагло... Слыхала ль ты когда, что самые предревние вечности испытатели создали змия фигурою ее? Змий же был и хитрой о боге науки иконою.

Д у ш а. Слышала. Он пишется и ползущим, и в коло свитым, свой же хвост в устах держащим. А почему он такую фигурую сделан?

Д у х. Потому, что хитер и вьется в кольца так, что не видно, куда думает, если не приметить голову его. Так и вечность везде есть, и нигде ее нет, тем что невидна, закрывая свою ипостась. Подобна же ей и наука о ней. Притом свертки и кольца ее суть иконы вечности и свитков таинственных науки божественной. Кроме сего, имеет он преострый взор, как видно из его имени. Эллинское слово сие *дерко* значит *зрю*, *дракон* — значит *узрю*, *дракон* — *могущий впредь узреть*, сиречь *прозорливый*. Нет труднее, как прозреть вечность грязью засоренному оку. Если ты разжевала и вкус почувствовала в сем: «Слово было к богу, и бог был слово», тогда понимай, что Библия, все свое фигурное слово во видение вечного простирая, сделалась и сама богом. «И бог был слово» — так, как на золотую монету вексель и сам стал золотом... Теперь, уже не обинуясь, скажу, что Библия есть и бог, и змий.

Д у ш а. Ах, отец!.. Странное и нечаянное слышу.

Д у х. Глава его есть седмица. Вот тебе семглавый дракон Даниилов!.. Перестань же дивиться помянутым потокам и не говори: не вмещает сердце...

Д у ш а. Ибо и солнце есть змий?

Д у х. Конечно, голова змиина, а лицо божье.

Д у ш а. И все прочие вице-фигуры суть змии?

Д у х. Без сомнения, они суть туловище и хвост его, а божии ноги и подножие. Престол же его — небо и солнце.

Д у ш а. Куда теперь много я вижу змиев!

Д у х. У бога 1000 лет, как день один, и 1000 вице-фигур в однодневной солнечной, а она единая за 1000 их стоит. Как же змий часто вьется, перевиваясь в разные свитки на том же месте, а по виду кажет перемену, так и Библия представляет разнообразные повести и речения, но все сие на том же пункте, как колесо на своем центре, обращается. «Змий же был мудрейший». Сделана же змиина фигура мудрее всех звериных, как приличнее живописущая книгу вечности и силу божию. «Змий сей, его же создал ты ругаться ему».

Д у ш а. Как же так? Библия есть вместе и бог, и змий?

Д у х. Как же так? Она ведь плоть и дух, буйство и мудрость, море и гавань, потоп и ковчег... Не будь несмышленна и косна! Умствуй проворнее... Ведь ты уже

слыхала, что все миры состоят из двоих естеств: злого и доброго. Почему ж тебе сей змий чересчур страшен? Он не всегда вредит и юродствует, но бывает и вкусный и полезный. Если нашептал Еве по-сатанински, может и Марии возблаговестить по-архангельски.

Д у ш а. Почему ж сему змию во всех веках и народах ругаются, плюют и презирают?

Д у х. Не дивно. Он их потопом мучит. Он на поругание создан и того достоин.

Д у ш а. Ах, он того достоин?

Д у х. Потому что во многих местах бесстыдно и вредно, без всякого вкуса лжет. Также нелепые враки и срамные, и небыль шепчет.

Д у ш а. Где ж он лжет? Покажи мне хоть одно место.

Д у х. Покажу. А что б всю его ложь исчислить к сему, чуть ли довлеет полгода. Вот он тебе зараз, на самом пороге, лжет: «Вначале сотворил бог небо и землю».

Д у ш а. Боже мой! Неужели сие ложь есть?

Д у х. Самая главная критская и сиканская ложь¹⁷. Поколь яблоня, потоль с нею и тень ее. Тень значит местечко, яблонею от солнца заступаемое. Но древо вечности всегда зеленеет. И тень же ее ни временем, ни местом есть не ограничена. Мир сей и все миры, если они бесчисленны, есть-то тень божия. Она исчезает из виду по части, не стоит постоянно и в различные формы преобразуется ведь, однако же никогда не отлучаясь от своего живого древа; и давно уже просвещенные сказали вещь сию: *matēria aeterna* — «вещество вечно есть», сиречь все места и времена наполнила. Един только младенческий разум сказать может, будто мира, великого сего Идола и Голиафа, когда-то не бывало или не будет. Сею младенческою ложью во исходе десятого после Христа века христианскую Вселенную столь поколебал, что мирокрушения так все трепетали, как мореходцы в чрезвычайную бурю кораблекрушения^а.

Представь же себе, душа моя, тогдашнее душ христианских от сего змия мучение! Оно ведь не семь дней, как на море, продолжалось, но... и ввергнуло Христову философию в крайнее презрение и поругание, когда наконец уже открылось, что все язычники достойно и пра-

---

^а Вот слово, потрясшее тогда Вселенную: «Связал сатану на тысячу лет». Боялся, чтоб не развязался губитель.

ведпо христианскую бесность сию осмеивали и ныне осмеивают¹⁸. А как в самых дверях и, по пословице, на первом поскоке лжет, так и в самый первый день непостоянен: «Да будет свет!»

Откуда же свет сей, когда все небесные светила показались в четвертый день? И как день быть может без солнца? Блаженная натура постоянна. Все что то ли днесь, то всегда не есть достаточное. Таким вздором через всю седмицу рыгает, будто был зрителем вселенского сего чудотворного театра и будто нужна знать, прежде ли цвет или родился гриб? Наконец, всю Божию фабрику сию самым грубым юродством запечатлел: «Почил от всех дел своих»¹⁹.

Будто истомлен, ничего создать не мог уже больше. А если бы не сие помешало было, непременно у нас ныне показались бы бесхвостые львы, крылатые черепахи и кобылы, хвостатые зайцы, единорогие волы, гладкогласные перепелы, пухо-собольи ежи, четыреokie и четыреухие судьи, правдолюбные ябедники и клеветники, премудрые (сказать по-тевтонски) шпицбубы, по-малороссийски — умные дураки и прочие чудовища и уроды, а за ними бы вслед, как елисейское железо, вынырнуло бы (сказать по-римски) *mobile regretum* и философский все болото европейское преобразующий в золото камень... Ныне же все сие засело в Божией бездне²⁰. Послушай, душа моя! От сего ведь лживых вод потоп извлекающего источника убежал Иаков, как пишется: «Пошел Иаков от источника проклятого и вошел в Харрань», там, где воссела и судит вечная дружба и правда. А как Божию богу отнял неутомимость, так сам себе чужое и песьное усвоил, сиречь человеческий язык: «Говорит змий жене».

Д у ш а. Начала и я чувствовать вздор в сих словах: «Почил», «Был свет». Сие значит светлое и солнечное время. Потом, как беспамятен, повествует о солнце, будто оно не бывало, а создается новое. Если же первого дня ведро и светлость созданы без солнца, какая нужда созидать солнце? Не складно лжет.

Д у х. О душа моя! Знай, что Библию читать и ложь его считать есть то же. «Насадил господь бог рай в Эдеме на востоке». Вот болтун! Сад насадил в саду. Еврейское слово *Эдем* есть то же, что сад. Откуда же на сей (так сказать) садовый сад глядеть, чтоб он казался на востоке? Но и видно, что у него, как солнце, так не один и восток.

«Познал Каин жену свою». О бесстыдный буюслов! Забыл, что, по его ж сказке, не было в мире, кроме четырех чело-век. Где ж он взял жену себе, кроме матери?

Д у ш а. Мне и то вздор кажется: «Бога ходящего в раю...» Как переменяет место вездесущий?

Д у х. Но сей клеветник нашепчет тебе, голубица моя, что бог плачет, ярится, спит, раскаивается. «Помыслил бог... и размыслил, как сотворить человека». Потом на-скажет, что люди преобразуются в соляные столпы, воз-носятся к планетам, ездят колясками по морскому дну и по воздуху, солнце, будто карета, останавливается и на-зад подается, железо плавает, реки возвращаются, от го-лоса трубного разваливаются городские стены, горы, как бараны, скачут, реки плещут руками, дубравы и поля радуются, волки с овцами дружат, встают мертвые кости, падают из яблонь небесные светила, а из облаков крупяна каша с перепелками, из воды делается вино, а немые, на-пившись, беседуют и прекрасно поют и проч., и проч.²¹ «Рысь почит с козлицем». «И вол и медведь вместе». Ах! «Не знаю змия, ползущего по камню!» — вопиет Соломон. Видишь, что змий по лжи ползет, ложь жрет, ложью ры-гает. Не знай и ты его, о душа моя! Какая твердость в сле-дующих его речах? «Всякого жира и всякой крови да не ест». Потом, забыв сказанное, говорит: «Напитал их от тука». «Пейте из нее все, сия есть кровь моя...» Много же ли вкуса в таких словах: «Да отымет жрец от жертвы память ее», «Да возложит жрец память ее на алтарь», «Всяк дар жертвы вашей солью да осолится»? Какая же прият-ность и в сих не осоленных словах?

«Взбивай молоко, и будет масло!» «Если ноздри чешешь, изойдет кровь». «Дадите ей от плодов уст ее, и да хвалим будет во вратах муж ее...» Что тощее, худее и невкуснее, как сие: «Из потока на пути пьет: сего ради вознесет го-лову»? Что срамнее и вреднее, как Лотово в пещере об-хождение? А сие уже паче всякой лжи лживее: «Все по-корил ты под ноги его». Кроме зверей и гадов, сколько ты-сяч крошечных, летающих и ползущих зверечков сосут кровь человечью и поедают кровопотные труды его! На-конец, взгляни душа моя! Сжался и поболее о бесчис-ленных, венца лишенных, мучениках — о тех несчастных страдальцах, которые лестью сего мучителя прельщены, выкололи себе соблазняющие очи, вырезали для царствия небесного свои ятра и скопили самоизвольно или вдрут

в великом числе сожгли сами себя. Бог верою, он же суеверием втайне ловит. Суеверие раздражило премилосердного кесаря Тита: будто бы Библия не велела смиряться перед царями. А сие же то самое с полом земным сравнило иерусалимские стены²². Взгляни, пожалуйста, на весь сей земной шар и на весь бедный род человеческий. Видишь ли, сколь мучительным и бедственным ересей, раздоров, суеверий, многоверий и разноверий потопом волнуется, обуревается, потопляется! А сей же ведь весь потоп не свыше нам дан, но адская змиина челюсть, отрывая, отрыгнула, изbleывая, изbleвала, ибо же пишется: «Глаголы потопаные, язык льстив». «Сохрани меня, господи, от човека лукавого...» Скажи же теперь, душечка моя, не достоин ли сей змий за такие блеваки, вздоры, язвы, муки всемирного смеха, омерзения и ругани?

«...Создал ты, чтоб ругаться ему».

Глава 4-я

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СУД НАД ЗМНЕМ

Д у ш а. Когда сей змий подвержен всемирному суду, тогда можем быть и мы над ним судьями. Не он ли есть оный Даниилов болван, философским, скажу лучше, израильским *камнем стертый*?.. Недавно я смеялась тому, что он до Авраама привел число троих гостей, а в Содом отправил только двоицу, а третий где? Из воза, по словице, убился?.. Конечно, гости стояли на горе. «Трое мужей стояли над ним». Однако ж не сказал: явился ему бог у горы, но у дуба. Смешно и то: «Не минуй меня, раба твоего». Потом: «И омоются ноги ваши». Итак, у Авраама трое, двое и один гость есть то же. Не сие ли есть по-германски шпичбуб, по-гречески — химера, химера, а у нас то же, что мара?..

Д у х. Цыс-сыс-сыс!.. Тише, потише, голубка моя! Оглядайся, как притча учит, на задние колеса. Не спеши! Ах, да не пожрет себя дракон и потоп! Рыдает мать, родившая дерзкого сына. О, дабы не рыдала и тебе! Невенчаных оных страдальцев погубил кто? Суд наглый. Вселенский всеродных бед вечно обуревающий все роды и все века и людей наводит потоп кто? Суд наглый. Спасительную оную от потопа пирамиду совершить в столпотворении помешал кто? Языки слиял и речи замешал, источившие всех раздоров и разноверий ереси, кто? Суд наглый. Кто ли пресладчайший музыкальный богу орган, сиречь

Библию, дурногласною и бессогласною сотворил и расстроил? Кто научил сию Еву петь песни не богу Иакова, но бездушному деирскому идолу, миру сему? Суд наглый. Поют в костелах в день святого духа: «Согласно восшумела пищальская песнь» и проч.

Но лучше было так петь: «Несогласно восшумела...» Сего ради изгнан из рая Адам, с расстроенною своею псалтырюю и с некрасивыми своими гусями. Эй, душа моя! Избегай суда наглого, опасно суди суд божий. Знаешь ли, Библия есть что? Ведь она-то есть древний оный *σφιγξ* (сфинкс), лев-дева, или льводева. Вместе лев и дева. Се встречает тебя, обходя Вселенную, ищущий, как лев, дабы кого поглотить, а кто-то встречает? Давидов оный проказник, мор и бес полуденный. Вот тебе сфинкс! А ты дремлешь и играешь! Не слышишь ли Соломона: «Любящий беду достоин ее». Разумеешь ли, как ныне встречает и ожидает тебя или преблаженная победа, или совершенная беда? Если решишь гадание себе, если достанешь острогорный оный город, град Давир, город премудрости и грамоты ее премудрой, город оный апокалипсный, город драгоценнокаменный, единый, возлюбленный Давиду город оный, «кто введет меня в город утвержденный? — Се мир тебе и милость во все дни жизни твоей!..»

Знаю. Тебя ведь соблазнили Авраамовы гости. Прошу не уничижать и не ругаться им. Видно, что сие не дурь и не вздор, когда сказывают, что еврейская Библия сим же стилем начинается: «*Вначале* сотворил бог сие небо и сию землю». Разжуй! Сотворил? Сие значит один. Боги? Сие значит не один. Подобно пишется и о странниках оных: «Сойдя же, — странник говорит, — узрю». Потом: «Мы погубляем, — говорит тот же странник, — место сие». Я и мы? Видишь, что здесь значит то же. Если кто с Пифагором раскусил *фигурный треугол*, образующий истину, тот видит, что в нем 3, 2 и 1 есть то же²³.

Троица в единице и единица в троице быть не может, кроме единицы. Но кто же *един*, только *един* бог. Вся тварь есть то плоть — разумеи: сплетенная сетка, склеенный песок, слепленный прах, разделяющийся в свою бесконечность, разделением своим и сечением ответствуя противостоящему естеству божию, единицею своею в нераздельную бесконечность и в бесконечную нераздельность простертому, ибо вся тварь есть-то секомая натура. Нет ей причастия со всеблаженною оною *единицею*: «*Едино*

есть на потребу». И опять со *святою троицею* нет части твари. Сия Агарь²⁴ есть многая бедность и бедная оная многость. «Марфа! Марфа! Печешься и молвишь о многости...» Едино начало, а начальная *единость* всю тварь предваряет: се угол! Создавшая плоть, и вселившаяся в ней: се угол! Исчезнувшей плоти пребывающая же: се угол! Вот тебе, горлица моя, египетский треугол! Вот для чего влюбился в него мудрец самосский!²⁵ Не знающие себя и бога сим соблазняются и ругаются. Светлые же ангелы озаряют смыслы, веселясь, яко с нами бог. Треугол, квадрат, коло, солнце, просфорный хлеб с вырезанным среди него и вынутым через иерея квадратом или треуголом преломлен, просто сказать, растолкован Луке и Клеопе²⁶, все сие единость образует.

Д у ш а. «Радуйся, ковчег, духом позлащенный!» Ныне слышу! Ныне вижу! Ты мать и дом... Се! Вижу духа божиего, носящегося вверху потопных вод. Вижу одно, а то есть трое. Вижу трое, а то есть одно... Но как двое и одно?.. Недоумеваает ум... Накажи меня, господи, и накажусь. Обличи меня, и возлюблю тебя.

Д у х. О несмышленна и косна! От лика буйных дев, дева! И сего ли не постигаешь? Положи во едино конец и начало. Эй! Будь мне прозорлива, как Ноева голубица, да не причтешься к несчастному оному хору и не погибнешь потопом. «Оскудели добрые девы». «Погрызали, как олово в водах».

Будь же и ты судьбою, но смотри: праведен суд суди. Не на лицо одно взирай и не цени по углам горницы, а по позлащенной скорлупе ореха. Знаешь ведь, что змий есть, знай же, что он же и бог есть. Лжив, но и истинен. Юрод, но и премудр. Зол, но он же и благ. «Сколь благ бог Израилев к правым и мудрым девам!» Буде, в нем станешь видеть одну злость и плоть, не перестанет тебя уязвлять и питать оною, как пишется: «Приложи им зла, господи, приложи». Кому? «Славным земли». Как может земля, плоть, гной славиться в доме божием? Весьма не советует Мойсею взирать на лицо свое бог. Сие значит видеть в Библии землю и тьму, а вкушать яд. Содомляне сплошь — юноши и старцы их — перед сном в вечер бродят около дома божиего, но алчут, как пес всегда.

Д у ш а. Я рада очень, чтоб он не был язвительным. Тогда бы я не ругалась ему и не боялась бы смертного жала его. Но что с ним делать?

Д у х. Произвести праведный суд ему — вот что! И точно узнать силу дела его. Тогда малое дитя поведет его.

Д у ш а. Как же сие делать?

Д у х. Вознести и поднять его от земли вверх. Тогда явится спасительная сила его, как сам он признается: «Когда-де вознесете сына человеческого, тогда уразумеете, что я есмь». Правдиво сказать: что ли я значу? И что ли то есть? Ныне же сидите на седалище губителей моих и незлобиву мою невинность убиваете. Сия же то, наконец, есть не ложная печать веры, чтоб поднять змия чудного сего, как пишется: «Знамения верующим; языками возглаголют новыми; змия возьмут, вознесут...»

Д у ш а. Кто же может его поднять?.. А подняв, где его девать? Разве на шею повесить?

Д у х. Горы преносит и змия поднимает кто? Вера. Подними прежде не змино, но твое самого сердце, куда? К вечному, а змий во след твой самовольно вознесется в гору и повиснет на дереве, а тебе на шее.

Д у ш а. Вот беда! Загрызет...

Д у х. О, дура! Не беда, но спасение... Он только тогда вреден, когда по земле ползает.

Д у ш а. Скажи, отец, пояснее, как повиснет на дереве? Мы дерево разумеем то, что крест, вислица...

Д у х. Скажи лучше так: мы ползаем по земле, как младенцы, а за нами ползет и змий. И кто вас восставит? Да не выходит из памяти тебе пресветлая (слышь, дочь) божиих гор седмица! Они суть семь райских яблонь, семь же, как одна, рождающих плод вечной жизни. Теперь почувствуй сладкий сей глас невесты: «Как яблоня посреди деревьев летних, так брат мой посреди сыновей». «Положите меня в яблоках; под яблоню возбудил тебя». «Там родила тебя мать твоя». Видишь ли, куда в гору возносится и на каком дереве вешается? Так же Исаия через райское древо жизни разумеет седмицу: «Как дни древа жизни, будут дни людей моих».

На сем насажденном при источниках вод дереве повешен, из нечестивого мужа блаженным, из ползущего божественным, из ядовитого делается спасительным, из мертвого живым... Послушай, как Исаия о всех Ноевых, или библейных, скотах, зверях и о самом змие благовестит: «Не повредят и не погубят?» Но внемли, где не повредят? «На горе-де святой моей». «Волки и агнцы должны

пастись вкупе». «Лев, как вол, съест солому, а змея — землю».

Если же мне скажешь: он и без горы кушал землю и за то от бога проклят, затем же то он проклят, что жрал не на горе, но без горы, не на горах святых. Не за то, что ел землю. Вся система мира сего есть земля и прах, вода текущая и сень псам преходящая. Подобало ему есть и пить с Клеопою, а где? На пути субботнем, пли с Петром на с небес ниспущенном ковре или скатерти, или с Павлом у стола семистолпного дома, или в горнице с ноги умывающими апостолами, то есть с Израилем. А где же? Там, пред богом. В то время был бы он благополучен, как написано: «От потока на пути пьет: сего ради вознесет главу», «Вознесу тебя, господи, как поднял меня ты».

Вознесши же главу свою, мог бы тогда приподнять и все свое туловище, как сам признается: «Если я вознесен буду от земли, тогда все привлеку к себе».

Д у ш а. Почему светлая седмица есть путь и поток?

Д у х. Потому что она есть лестница, все возводящая к богу. Он один благ и один высок. А поток потому, что наповает всю библейную землю, устраивая к плодоприношению всю неплодную фигуральных тварей тьмы тьму. Для того пишется: «Источник исходил из земли и напоил все лицо земли». Лицо есть то же, что фигура, эмблемат, образ: «Лицо мое да не явится тебе». «Просвети лицо твое, и спасемся».

Д у ш а. Скажи же мне: когда просвещается лицо божие? Ведь солнце и день есть сам собою светел.

Д у х. Никак! Всякая стихия есть то тьма. А просвещается лицо божие тогда, когда в сердце солнечной *фигуры* является слава божия. Во время оно светает в солнце свет не вечерний, а во дне его мрачном зареет дневное утро не заходящего века. И сие-то есть: «Во свете твоём узрим свет».

Из седмицы дней семь проповедей выводит Давид богу. Так мудрствовать и прочим советует: «Благовестите-де день ото дня». Иоиль же: «Вострубите трубою в Споне», «Проповедуйте в горе моей святой». А что проповедовать? Вот что: «И приходит день господень», «И близок день тьмы и бури, день облака и мглы».

Тьфу! Как же не близко? Он закрылся в нашем мрачном и бурном дне. Так он нашим днем пожерт, как Иона китом²⁷. И будто закрыт стеною: «Се сей стоит за стеною

нашею». Но стены двинутся прочь, а злой день изблюет благого: «День дню отрыгает глагол», сиречь мудрому из мрачного дня выходит разум вечного дня. Во время оно фигура, таящая в утробе своей одевающегося светом, как ризою, как роза и крын, дышит благовонные духи: «Пока дышит день, и двинутся сени». «Смирна, и стакта, и касия от риз твоих».

Д у ш а. А я не угадаю ли? Наш темный день и солнце есть-то горестная гора. А день божий есть-то из горы мамрийский дуб. Знать-то он высок, когда авраамский пир под ним...

Д у х. Вот тогда ж то просвещается лицо божие, сиречь солнце, когда из него проросло древо премудрости. Тут-то пир: «Как в сени его (то есть солнца) мудрость, как же скиния посребренная и источник разума премудрости, исходящий от нее, оживляет». В то время обновляется вся земля. «Далась мне всякая власть...» «Дунул и говорит им: примите дух святой». «Пока дышит день...»

Д у ш а. Боже мой! Сколь я усладилась фигурою сею! Она мне мила. О благолепный образ! Прекрасное лицо вечного! Пресветлейшее око! Взирающее и озаряющее всю землю! Кто в сытость насладится тебя! О позлащенная вечностью скиния и ковчег божий, спасающий от потопа всемирного! Ты солнце, храм тайному солнцу и селение богу Иакова. Пой и воспой возлюбленному твоему, о прекрасная в женах! День и вечер пой! Ночь и утро пой! Вся тварь спит. Ты же и прекрасная сестра твоя луна не дремлете, поюще сию песнь: «Брат мой мне, и я ему...» Мило мне дивиться, что к верховной сей *фигуре* все прочие стекаются. А сия царица ведет к брату своему бесчисленное дивец стадо. «Отроковицы возлюбили тебя». «В благовоние мира твоего течем». «Приведутся царю девы во след ее».

Сии суть царицы и чистые наложницы царя небесного: «Возрадуемся и возвеселимся о тебе».

Д у х. Хвалю твое мудрование, любезная моя голубица. Изнемогающий в вера да вкушает оное зелье и траву: «Всяка плоть — то сено». Но твоего возраста зубам стыдно сосать молоко. Раскусывай и ищи в скорлупах зерно вечности. Дом божий не всуе наречен орешник, разумей: сад орешный. В нем-то Авраам и Иаков созидают жертвенник и при трапезе оной беседуют с богом. Иной в светлой седмице через день разумеет просто день. А иной жует

каждый ее день, дабы почувствовать вкус животворящей правды и дня господнего, по-оному: «Соблуди нас в твоей святине весь день поучаться правде твоей». И сие-то есть: «Один же рассуждает день через день, другой же судит на всяк день». Да пребывает ибо вкус и премудрость у совершенных, каков есть оный: «Господи! Очи твои зрят на веру». Если же семисолнечные очи седмицы смотрят на веру, а вера обличает невидимую и новую тварь, тогда видно, что Иеремия, сказавший сие, не был из числа сих: «Тот рассуждает день через день».

Д у ш а. Но где мои дочери иерусалимские? Я соскучилась без них. Где крынов краснейшая, сих девич наставница? Куда она спешит? То желает прохладиться. Под сень-де его возжелала. То просит: «Введите меня в дом вина». То хвалится: «Пойду себе к горе Смирнинской», «Утвердите меня в мирах». Зачем ей в трактир ходить? Захотелось вина и благовонных помад?

Д у х. Она прямо идет в горнее к отцу своему. Запалила се любовь. Желанием желает с ним повеселиться и напиться присного и свежего, нововыдавленного вина, называемого по-римски *муст*. Погулять ей хочется. Она идет к Лоту.

Д у ш а. Да где же девался возлюбленный ее? Разве уже не наскучило ей с ним? Зачем ей к Лоту?

Д у х. Хочет поспать с батюшкою. Так, как девочки с Давидом, а Давид с вечным покоем. «И полечу, и почию». Первее его беспокоили девочки. «Поспал-де смущен». Жалеется, будто ожелчен. Потом радостно вопиет: «Сей покой мой!..» Вино и покой влекут старейшую дочь Лотову, а она и юнейших стадо сестер влечет сюда же. Но не почитай же чистую сию голубицу блудницею. Ее отец, и брат, и друг, и жених, и господин есть то же.

Д у ш а. Что значит пещера Лотова?

Д у х. Она есть солнечный чертог того: «Я цвет полевой и крын удольный». Лот, по-эллински — стакти, есть жир и клей из ароматных деревьев. Вспомни древо жизни. «Запах мира твоего паче всех аромат». «Возрадуемся и возвеселимся о тебе». «Вы друзья мои». «Пили же и упились с ним». «Не должны пить из плода лозы, пока пью новое...»

Чувствуй, душа моя, что Иисус не пьет вина, но ожидает некоего дня Навинова, каков ни был, не будет другой вовеки. В оный *един день* желает как пасху кушать,

так и пить муст, сиречь нехмельное, но сладкое и новогроздное вино, пресному приличное.

Д у ш а. Вспомнила я ложь змиину, будто муст мог сделать пьяным Лота. Но где было взять старого вина беглецам? А диких гроздей довольно найти можно.

Д у х. Пожалуй, оставь ветхое и новое вино с опресноками и пасхою! Да исчезнет, как дым, вся тлень от блистания сладчайшей истины! Царствие божие не пища и питье. Все тлень и ложь, кроме единой вечности. Она есть истина божия. Все жуй, вари и преобразуй в центр и в конец библейный: разумеи, в сок твоего сердца. Вот как! Печаль сего мира подобна пьяному вину. Печальный, будто пьяный, бывает расслаблен, томный и унылый. Вот вино умиления! «Напоил ты нас вином умиления». Но вечная истина есть-то сладчайший муст и нектар, не во грусть, но в кураж и в крепость приводящий. Вот что значит: «Пока пью новое» и проч. Пьяны и слабы суть все *фигуры* без вечности. «Укрепитесь, руки расслабленные». «Се бог наш суд воздает». «Тогда вскочит хромой, как олень...» Вспомни семистолпный дом премудрости. Как ты понимаешь *фигуру* дома сего?

Д у ш а. Я доселе понимала, что сей дом на столпах облокотился или утвержден на них.

Д у х. Не прельщайся же и знай, что здесь столп значит не то, что у римлян *columna*, но то, что у них *turgis*, а у эллинов — *πύργος*, сиречь возвышенное здание по образу круглого или квадратного столпа. У нас называется *башня*, *бойница* (*prorignaculum*), или *терем*, как видно из малороссийской песни:

По-над морем глубоким
Стоит терем высокий ²⁸.

Таков был столп древний, называемый *Фѳрос* при устье реки Нила, над морем. Голова его дышала пламенем, в ночи из великой дальности видимым, путеведущим мореходцев к гавани. При сем столпе 70 толковников претолковали по-эллински Библию ²⁹. Тут праздновалась ежегодно память столь великого дела. Чудо от семи древних чудес сей превыше облаков столп. Вот тебе твердые, утверждающие дом вечного столпы: семь дней, семь солнц, но едино, и семь очей, но едино, и семь огней, но один огонь, и семь столпов и один столп. «Столп крепости от лица вражьего». Сии семь теремов, главы свои выше облаков

возносящие, суть пресветлые чертоги вышнего, от бесчисленных горниц избранные горницы, весь премудрого нашего Соломона храм, чудо Вселенной, просвещающей и защищающей. «Семь сих очи господние суть...»

Благословил бог день седьмой. «В тот почил от всех дел своих». «О Израиль! Сколь велик дом божий! Велик и не имеет конца». Но не солнце ли есть нерукотворенный храм ему? «Какой дом созиждете мне?» — говорит господь. В сем столпе, снизойдя, сделал смешение, а подув в сей же горнице благоуханною своею бурю, произвел разделение языков во всей сей земле. В сей куше наверху шел росоносный огонь и огненный холод духа святого на апостолов. Тут-то пьяны стали апостолы. «Пиля же и упились с ним». Напились они не на то, чтоб увянуть, падать, ползать и спать на земле. В плоть взбешены не были. Дух вечного согрел сердце их. Отсюда кураж, новые мысли, странные речи, чудная сила, ясен язык их... Вот род пьянства или вид его. А как учитель их не пьет вина, не дождав некоего дня, новому сему питью виновного: «До дня того, когда» и проч. и не ест пасхи без горницы некоего человека, так и ученики пьяными показались народу вот когда: «Ибо есть час третий дня». Третий час, третий день есть то воскресения вечность и царствие.

Д у ш а. Скажи же, отец мой, для чего там же кроме некоего дня великого и кроме дома некоего поминается и о царствии божием? «Не должен есть, пока скончаются в царствии божием».

Д у х. Почему дремлешь? Не слышишь ли, что третий день и царствие есть то же. Не забывай, что светлая седмица есть столп, град, дом и престол митропольский. Тут сидит, судит и начальствует племенам земным тот: «Ты кто? И говорит им Иисус: *начаток*». Солнце есть день, столп — горница. Тут царствие божие, сиречь правление, власть и начало. «Даст ему господь бог престол Давида, отца его». «Се бог наш суд воздает!»

Д у ш а. Я слыхала, будто лучше читать: «Говорил, что мустом наполнены суть», нежели так: «Что вином наполнены суть».

Д у х. Как хочешь, читай, но мудрствуй о боге. Ведь о вине можно сказать то же, что о воде: «Сие же говорит о духе».

Д у ш а. Не сей ли есть оный столп облачный и огненный, ночью и днем ведущий Израиля?

Д у х. Сей есть оный самый.

Д у ш а. Для чего же в римской Библии читают: *in columna nubis*, сиречь в столпе облачном, а не читают: *in turri nubis*?

Д у х. Преткнулся толковник. Правда и приличность вопиет, да будет столп столповидным жилищем. Равно претрыкаются иконописцы, вмещающие Симеона Столпника³⁰ на колонне, не на виноградной горничке с балконом, как видно из притчи: «Создал точило и столп», сиречь горничку в винограде. Чему ты усмехнулась?..

Д у ш а. Знаешь, господи, и тайны мои. В кафедральном Софийском храме главная икона, образующая дом премудрости, выставила семь колонн, поддерживающих стену. Ныне вижу их обман. Сверх того смех мне сотворили книжники безминервные³¹. Они Диогена³² загнали в бочку. Одно неразжеванное слово рождает смешные вздоры. Как можно жить в бочке или на колонне?

Д у х. Но не вельми будь любопытна в ветошах и в рубищах. Термин, или слово, есть рубище! Путь израильский не к ним, но через них. Забудь столпы твои. Спеши к оным нерукотворенным: «Обилие в столпостенах твоих». Там пир, трапеза, хлеб, вино, и невестник, и невеста. «Ведите меня в дом вина». «Пойду себе к горе Смирниской». Там Иерусалим. Там мне мир. «Возвеселился о сказавших мне: в дом господень пойдем». «Там сели престолы на суд». Из сей горы Девора изнесла суд на Сисару. Из сей кущи Иаиль, вырвав кол, пробила ему сквозь око голову. Из сего града Иудифь вышла и отняла голову Олоферну. Из сего столпа жена жерновым уломком сокрушила Авимелеху темя. Из сего дома принесла хлебы и вино, мясо и смоквы и муку чистую прекрасная Авигея Давиду возлюбленному³³. Видишь, душа моя, в какой дом желает невеста?

«Ведите меня в дом вина!»

Д у ш а. Хотелось бы мне знать жену, сокрушившую темя Авимелеху. Вот героиня!

Д у х. Она ведь есть невеста нашего Соломона. «Свернет-де жена одна улом жернова». А не слышишь Соломона? «Едина есть голубица-то моя». Смотри, куда сия голубица ведет хор дочерей иерусалимских? К воротам их, куда и Давид кочет прилепиться. «В воротах дочери Сиона». Тут игумен сидит и кушает хлеб свой. Тут праздник и торжество. Но где? Слышь! В полудне, в солнце. «Тот

есть бог наш. Тот упасет нас вовеки». «Войди в сад мой, сестра моя». «Ешьте, ближние, и пейте и упейтесь, братья!»

Г л а в а 5-я
О ЗЛОБЕ ЗМИИНОЙ

ПЕСНЬ 34

Кто даст мне посребренны крылья голубины?
Кто даст рамена орла великого ныне?
Да лечу сквозз присно о бозе
От земна края даже до рая
И почию.

Се ехидн лютый бежит, се меня достизает!
Се челюсть адску на меня люто разверзает!
Поглотить хочет. Ядом клокочет.
Василиск дивый, аспид пытливый.
Ах, мне горе!

Вод горьких хляби студно изблеваает черный.
Се мрак! Се облак покрыл меня ныне вечерний!
Увы, мне ныне! Увы, едине
Гонит всем адом меня со чадом.
Нет мне мира...

Д у х. Что ты, душа моя, думаешь в уединении? Зачем ты печальна?

Д у ш а. Амурюсь, пою и плачу в пустыне с возлюбленною дочерью израильского князя Иеффая единородною и с подругами ее на горах святых. Плачу с Иеремиею над Иерусалимом. Стражду и болезную с непраздною, облеченною в солнце женою, рождающею сына...

Д у х. Плачь! Но разумей и различай время слез и время смеха. Знай: есть ведь время, но есть же опять сверх того и время времен, сиречь полувремя и блаженное оное время: «Очи всех на тебя уповают, и ты даешь им пищу во благо время». Плачь в притворе и в дверях, да возрадуешься внутри алтаря. Княжеская дочь по горам святым плачет на то, да будет богу радостна жертва. Плач ведет к смеху, а смех в плаче кроется. Приличный плач есть то же, что благовременный смех. Сии две половины составляют одно: так, как пищу — голод и сытость, зима и лето — плоды, тьма и свет — день, смерть и жизнь — всякую тварь, добро и зло — нищету и богат-

ство, господь сотворил и слепил во едино. Но какая речь тебя побудила к слезам?

Д у ш а. Жалость меня съедает о прекрасных дочерях иерусалимских. Отвержение от жениха, уничтожение праздников, пременение в плач торжества и в пепел превращение ликов... Боюсь, да и меня с ними не пожрет водная буря и потоп...

Д у х. Не бойся же! Глянь в гору! Что то над тобою?

Д у ш а. Ах, боже мой! Вижу две птицы.

Д у х. Не бойся! Они прямо над тобою. К тебе ниспускаются.

Д у ш а. И боюсь, и радуюсь.

Д у х. Не бойся! Се тебе небо посылает вестников со знаменьями, что потоп, погубляющий Вселенную, не должен тебе повредить. Вместо голубицы с масличною ветвью, се тебе дневной ворон несет яблоко, прозорливый же еродий — гроздь виноградную.

Д у ш а. О, мать божия!

Д у х. Не касайся их отнюдь... А только прими от них плоды. Если коснешься, вовеки их не увидишь. Ныне же над головою твоею, летая и увеселяя, пребудут до скончания века. Аминь.

Inveni portum. Satana, carno, munde valete!

Sat me jactastis. Nunc mihi certa quies —

Се мне гавань! Прочь беги, сатана, плоть, мир!

Полно мне волноваться. Здравствуй, святой мир!

Г л а в а 6-я О ПРЕОБРАЖЕНИИ

Излей на меня, боже, с небес росу.

Да красный плод тебе принесу, как розу,

Яблоко райское

Из сада преображенского.

«Пробудившиеся видели славу его».

Весь мир спит... Да еще не так спит, как о праведнике сказано: «Если падет, не разобьется». Спит глубоко, протянувшись, будто убитый о землю. А наставники, пасущие Израиля, не только не пробуживают, но еще поглаживают: «Спи, не бойся! Место хорошее. Чего опасаться?..» Говоря: *мир*, а его не бывало... О блаженный Петр с товарищами своими! Сам господь пробуждает их: «Встаньте и не бойтесь!» «Петр же и сущие с ним были отягчены сном».

«Встаньте, — говорит им, — поднимитесь от земли! Тогда уже не бойтесь!» Колотит сих погребенных и Павел. «Встань, спящий! Встань-де, о мертвец! Воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос. Дотоле землю будешь и не преобразишься во Христа, доколе не увидишь светлого небесного человека». И о нем-то речь следует: *«Пробудившиеся видели славу его»*.

Фамарь, невестка Иуды, сына Иакового, показалась ему блудницею. Не познал ее затем, что закрыла лицо свое. Но по справке узнал и сказал: «Оправдалася Фамарь паче меня». Таким же образом и сыны Израилевы не могли смотреть на блистающее славою лицо Моисея, человека божиего. А на что же такое они смотрели? На покрывало только одно, затемняющее светлость очей его. Какой же ты, Израиль? Худ воистину! Обрезан ты по плоти, да не обрезан ты по сердцу. Тьма твоим очам сносна, а на истину смотреть не терпишь. Лежишь на земле. Качаешься с твоею сею блудницею и довольствуешься ею. Отвращаешь око твое от отца твоего — око, ругающееся отцу и досаждающее старости матери. А не видно орлих птенцов, чтоб по Соломонову желанию выклевали тебе несчастное твое око... Так и нынешняя подлость христианская и таким точно оком смотрит на своего вождя Христа! Где он родился? От каких родителей? Сколько жил на свете? Как дано? Две ли уже тысячи лет или не будет?.. О христианин! Окрещен ты по плоти, да не омыт по смыслу. Зачем ты вперил твое любопытство в этикие сплетни? Для чего выше не поднимаешься? Здесь думаешь и заснуть? Тут шалаш построить с Петром? Не зная, что говоришь... Не слышишь ли, что такое и твой Моисей говорит: «Покрыла срамота лицо мое, вот для чего не могут меня братья мои видеть!» «Чужд был сынам матери моей...» До сих пор ли ты не смыслишь, что это все плоть, и сплетни, и тень, покрывающая высочайшую премудрости гору? Ведь сия завеса в свое время должна вся разодраться. Не сие ли есть лицемерие, лицо небес рассуждающее? Вот род лукавый и прелюбодейный, плотского знаменья ищущий. Вот квас учения фарисейского ³⁵!

Но послушаем! Так ли учит Христос наедине любезных своих учеников? Как познавать? Что есть истинный человек? «За кого меня принимают люди?» Слушай, Петр! Скажи мне: как подлость думает: что есть человек? Знаю, что ошибаются. А ты как думаешь? «Ты Христос, сын

бога живого». Хорошо Петр попал. Видно, что он сквозь пустую плотскую (завесу) проникал голубиным оком подалее. Для того ж ему и истинный человеческий сын говорит: «Блажен ты, Симон, с твоим оком! Оно не смотрит на плоть и кровь, как подлое понятие, но, минуя плоть и кровь, находит другой род, род истинный, род израильский, род отца моего, который не от крови, не от похоти плотской». Слушай, христианин! Слушай с твоим языческим сердцем! Долго ли тебе лежать на земле? Будешь ли ты когда-то человеком? Не будешь! Почему? Потому что на плотскую завесу засмотрелся. А на лицо истинного человека божиего смотреть никак твоему оку нетерпеливо. Не преобразишься, друг мой, из земного в небесного потопь, поколь не увидишь Христа. Поколь не узнаешь, что то есть истинный человек? Не протрешь глаз потопь, поколь плоть и кровь будут держать твое сердце. Но долго ли будет держаться? Поколь признаешься, что твоя плоть и кровь есть то прах и ничтожность. Сюда завело тебя твое собственное мнение. Так ли? Так точно: «От славы своей низриновенны были».

Лишены славы божией, научились мы судить братию нашу но плоти. Таким образом и на самого Христа смотрим. Одни только пустозвонства на нем примечаем. А на самого его и на славу его не взираем. Правда, что Павел сказывает: «Преобразит-де тело смирения нашего, во что быть ему сообразным телу плоти его». Не спорю. Но так ли ты смотришь на Христа, как Павел? Он хвалится: «Не знаю по плоти Христа. Знаю-де человека, прошедшего небеса, созданного по богу в правде и преподобии истины». Сего же то он человека и ефёсянам поручает и похваляет. Истиною не бывала плоть никогда. Плоть и ложь — одно то ж. А любящий сего идола есть и сам таков же. А когда плоть есть ложь и пустошь, тогда она не есть человек. Слыхал ли ты книгу родства истинного человека, сына Давидова, сына Авраамова?

Иаков родил Иуду, Иуда родил Фареса от Фамари и проч. Знай же, что сия книга есть книга вечная, книга божия, книга небесная и не содержит никого в себе, кроме израильского рода.

«Не соберу соборов их от крови и не помяну имен их». Сего же то рода и наш Христос есть. Впрочем, что род израильский не умирает, слушай Иоиля: «Как утро, разольются по горам люди крепкие и многие. Подобных

им не было от века. И по ним не приложится до лет в род и род».

Если бы можно до их лет приложить что-либо, тогда бы они имели конец, но теперь они всему-на-всему сами суть конец. Не конец то, после чего нечто еще следует, но сей род всему сам есть конец. Остаток не в язычниках пребывает и не хребет в тварях. Хребет божий, а останок есть Израилев. И един только останок спасается. А прочее все мимо течет. «Уничтожаются язычники, как вода мимотекущая». «Останцы нечестивых употребятся».

А что Иоиль точно о роде израильском сие воспевает, слушай Мойсея, человека божия, Христу сродника и с Христом на Фаворе об исходе его, сиречь об останке, бедующего: «Блажен ты, Израиль». «Кто подобен тебе, род спасаемый от господя?» «Защити помощник твой. И меч — хвала твоя». «И солгут тебе враги твои (то есть ошибутся и не узнают). «И ты на шею их наступишь...»

Видишь, что судящий Израиля по плоти, зрящий на одну внешность смирения Христова, не разумеющий, как в смирении его суд его вознесся (поднялся высоко, высоко), есть враг Христов из числа оных, кого Павел называет врагами креста Христова, в Моисеевых словах мечом наименованного. «Меч — хвала твоя», который у Иеремию всю плоть так, как крест, сечет, убивает, умерщвляет.

Продерем же, о мертвая и бессущная тень, глаза наши и привыкшее к плотской тьме око наше, возводя потихоньку в горнее, обучим смотреть на Израиля, то есть на истинного человека, минуя покрывало плоти. Вот нас, спящих на земле, пробуждает Павел: «Вышних ищите! О горнем мудрствуйте! Зачем о стихиях печетесь? Когда же Христос явится, жизнь ваша, истинный живой человек, тогда и вы явитесь во славе...» «Пробуждает и Иеремия вот как: «Почему мы сидим? Совокупитесь и войдем в грады твердые и повергнемся там пред господом, сотворившим нас... Там, а не здесь, в стихиях, ждал мира и не был благим...»

О истинный, нетленный израильский боже! Блесни светом твоим на нас столько, сколько может по крайней мере око наше стерпеть. Да пойдя в свете лица твоего и нечувствительно в новое преображаясь, достигнем во всерадостное и самого последнего волоса нашего *воскресение*.

Тебе слава, с твоим человеком и со святым твоим духом.
Аминь!

«Пробудившиеся видели славу его».

Вот так-то ворон, над головою покаркав, поднялся в гору, но не разлучился, исполняя написанное: «Где труп, там соберутся орлы», «Птицы да умножатся на земле!»

Г л а в а 7-я О ВОСКРЕСЕНИИ

Излей на меня, боже, с небес росу,
Да красную гроздь тебе принесу, как розу.
Гроздь райскую
Из сада воскресенского.
«Да лобзает меня от лобзаний уст своих!»

Любезные ученики, не бойтесь! Поднимайтесь дерзновенно к тому, на которого лицо не могли вы из-за ужаса смотреть па Фаворе. Слушайте, что говорит: «Дерзайте! Мир вам! Радуйтесь!»

Тогда вам несносен был сам взор его, а ныне и слов его сладчайших послушаете, и лобзанием утвердит с вами вечную дружбу! Умейте только приближаться к нему. Не забывайте никогда наставляющего вас, просвещенного ангела слов: «Нет здесь! Восстал». Сии слова простенько вас доведут к славному истинному человеку. Сей есть воскресение и жизнь ваша. *«Да лобзает меня от лобзаний уст своих!»*

Состарился Авраамов сын. Захотелось ему умереть. Да и не дивно. Уже его очи притупились: исчезли очи его, как Давидовы, во слово божие. Не мог ничего видеть здесь, в мире нашем суетном, приготавлиаясь к блаженной оной смерти: «Блаженны мертвые, умирающие отныне во господе». Пожелал пищи. Удовлетворил душе его второй сын его. «Благодарствую, сын! Приблизься ко мне, — говорит ему, — и облобызай меня». И, приблизившись, лобызал его. Счастлив Исаак! Он под Исавом нашел Иакова. А мы, напротив того, под пеленами израильского младенца, под плащаницею Христовою часто находим неприятеля Израилева — Исава. Сей-то с нами здороваается и лобызается! Что за причина? Не смыслим, как искать... Бессмысленно ищем... Многие ищут его в единоначальствах кесаря Августа, во временах Тибериевых, во владениях Пилатовых³⁶ и прочее. Но все-то ищут. Где? Здесь!

В мире сем! Между мертвыми... Пожалуй, поищи поискуснее. «Нет здесь!» Многие волочатся по Иерусалимам, по Иорданам, по Вифлеемам, по горам Кармильским, по Фаворам, по холмам Синайским и Афинским; нюхают между Евфратами и Тиграми реками. Тут-то он, конечно, думают: «Вот-вот! Здесь Христос! Здесь! Вот он!» Кричат и другим: «Здесь Христос!» «Знаю, — кричит ангел, — Иисуса распятого ищите». «Нет здесь! Нет!» Многие ищут его по высоким мирским частям, по великолепным домам, по церемониальным столам и проч. Многие ищут, зевая, по всему голубому звездоносному своду, по Солнцу, по Луне, по всем Коперниковым мирам... «Нет здесь!» Ищут в долгих молениях, в постах, в священных обрядах... Ищут в деньгах, в столетнем здравье, в плотском воскресении, в плотском очисцении... «Нет здесь!» Что за беда? Да где ж он? Конечно ж, тут он, если витийствовать в проповедях, знать пророческие тайны, переставлять горы, воскрешать мертвых, раздать имение, мучить свое тело стужею и... Но молниевидный ангел одно им кричит: «Нет здесь!» Конечно ж, его нигде нет, когда и тут нет. Тьфу! Конечно, друг мой, нет его для тебя. Затем, что его не знаешь и не видишь его... Сними же сапог твой с Мойсеем. Брось дурное твое «здесь». Ей! Именем тебе ангельским говорю: во мгновение ока сыщешь. Что ж теперь осталось делать?

Пасха! «Восстань, господи, да рассыплются враги твои и да бегут все ненавидящие тебя!»...

После победы Аморрейской³⁷ поднялись сыны Израилевы против запада. Не мило стало то царю Валаку. «Вот, — говорит, — какие-то новые и дивные люди из Египта вышли и, по горам разливаясь, выше гор поднялись. Что за чудо?» Посылает послов к волшебнику Валааму, чтоб истребить род божий. Пришли послы. Объявили цареву волю. «Хорошо! — сказал Валаам. — Передохните же здесь ночь сию».

Не напрасно, друг мой, не велит тебе ангел искать здесь. Видишь, что в сем гнезде почивают враги рода божиего.

Пасха! Пришли к Мойсею потомки Рувимовы и Гадовы. Просят, дабы он их не переводил на ту сторону Иордана для поселения. Весьма-де по сию сторону земля скотопитательна, а у нас-де ведь скот... Закричал на них Мойсей: «Братья ваши пойдут на брань. И вы ли сядете

тут? И зачем развращаете сердце сынов Израилевых, чтоб не перешли они на землю, которую дает господь им?» За сие, что они хотели остаться здесь, так разъярился господь, что заклился, дабы им не войти в землю, обещанную Израилю, кроме Халева да Иисуса Навина, называя здесь остающихся людьми, знающими *добро* и *зло*, каков, видно, был Адам, изгоняемый из рая. Вот что наделало проклятое гнездо сие: «Здесь».

Пасха! «Если введет тебя, — говорит божий Мойсей, — господь твой в находящуюся там, за Иорданом, за путем западным, землю, которая совсем разнится от египетской, потому что она нагорная и ровная, а, что еще лучше всего, очи господя бога твоего на ней от начала лета и до конца лета, то пожалуй! Пожалуй, пагубою погубите все языческое и тленное, даже до последнего волоса, кроме начатков и первенцев, от волов и овец ваших». «Да не сотворите, — говорит, — там все, что вы творите здесь днесь, каждый угодное пред собою. Не придете бо донныне в покой...» Так, пожалуй же, друг мой, послушай Мойсея: не ищи здесь, сиречь в пагубном языческом тлении, возлюбленного человека, истинного мужа, друга, брата и ближнего твоего. Ищи его там, по ту сторону Иордана, за западным, за вечерним путем: не здесь, не днесь, не ныне... Там-то он! Там сей начаток умершим и всему тлению. А иначе обლობызаешься с каким-то язычником.

Пасха! Безумный книжник Сомнас искал человека по сию сторону Иордана. Что же ему ангел господень Исаия говорит? Вот что: «Что ты здесь? И что тебе здесь? И истесал ты здесь гроб и сотворил себе на высоте гроб... Се ныне господь Саваоф извергнет, и сотрет мужа, и отнимет утварь твою и венец твой славный, и повергнет тебя в страну велику и безмерну, и там умрешь...» Несчастный книжник! Читал пророков, искал человека, да попал на мертвеца и сам с ним пропал. Конечно же, он искал меж посланниками царя Валака, на седалище губителей и физических волшебников, все во плоть и кровь обращающих. Посему-то вот что на таких говорит блаженный муж Иов: «Говорят господу: отступи от нас. Путей твоих знать не хотим... Будут же как полова перед ветром или как прах... Да узрят очи его свое убиение... И тот во гроб отнесен был и на гробах побдел. Усладились ему мелкие камни потока». Кричит на таковых и другой ангел, Михей: «Востань и пойдди. Ибо нет тебе здесь покоя, нечистоты ради.

Истлеете тлением...» «Видишь ли ты, — говорит третьему ангелу, Иезекиилю, господь, — видел ли ты, что сии творят? Беззакония великие дом Израилев творит здесь, удаляясь от святых моих...» О незаконное, ты *здесь?* Чего ты наделало? Отвело ты нас от живого человека к мертвецам. От святого мужа к тленным болванам и чучелам. «Беззаконие, — жалобно говорит он, — пяты моей обойдет меня». Ах! Подало ты нам пяту его проклятую, а не прекрасную его главу, да облобызает нас. Пяту мы одну видим, порождение змиино, блюдущее пяту.

«Вселятся, — говорит человек, — и скроют...» Да скажи же, кто тебя скроет, сокровище наше? Ах! Разве ты, отвечает, не видишь, сколько их в доме Израилевом? В Священном писании? И что они творят? Сами здесь, в гробах, сидят и меня с собою туда же оттаскивают, а я мертвецом никогда не бывал, кроме пяты моей. «Многие борющиеся меня с высоты». «Попрали меня враги мои». «Те пяту мою сохраняют. Вселятся (здесь) и скроют воскресение мое».

Пасха! «Встань! Встань, Иерусалим! Я есть! Я есть, утешающий тебя! Разумей, кто есть *сущий*».

«Идите воротами моими, и путь сотворите людям моим, и камни, которые на пути, разметаите...» «И се трус был велик! Ангел бо господень, сойдя с небес, приступил, отвалил камень...»

«Зачем вы тут? Ищете человека?.. *Нет здесь! Восстал!*» «Скажи ж, умилосердись, где он?» Ответ: «Нет его в царстве сих мертвецов! Он всегда жив. Там его ищите, в царстве живых! И ныне что здесь вы?»

Пасха! «Восстань! Восстань! Воскресни, Иерусалим!» «И был, когда был Иисус у Иерихона, возрев очами своими, видел человека, стоящего перед ним...»

Вот видишь! Не напрасно ангел говорит: «Там его узрите!» Да где ж там? По ту сторону (слышь) Иордана, на святом уже месте, не на тленном. На земле нагорней, высокой, обетованной... Туда-то он возрев, увидел *человека*. Познал и поклонился ему, владыке своему.

Пасха! «Восстань! Восстань, Сион!» «Отряхни пыль...» Возрев Авраам очами своими, увидел место издалика и говорит детям своим: «Сидите здесь с осленком. Я же и дитя пойдем туда...» Видишь, что и Авраам, бросив все здешнее, нашел истинного человека на горе. То же, что там: и, увидев день его, возрадовался. Нельзя иметь

очей лучших, как Авраамовы. Они одни видят барана, держимого рогами в саду Савек.

Пасха! Рогами привязан к саду Савек. Что значит Савек? Савек значит *хворост*. Но может ли хворостье стоять по обе стороны Иордана, перед лицом господним? Он один сжигается всеожжением. И ничто же, а человек Исаак цел, жив. Да и как ему не быть целым, когда сам бог защищает его? «...Да не сотворишь ему что...»

Видно ж, что он не есть хворост, за плечами оставшийся, о котором Исаия: «Се все, как хворост, огнем погорят».

А о противных сим хворостянам людям тот же вот что: «Как, говорит, небо новое и земля новая, которых я творю, пребывают предо мною, так станет семя ваше и имя ваше...»

Сего же человека и Навин видел, стоящего, не падающего, но вечно перед лицом господним пребывающего. Пасха! «Восстань, восстань, Иерусалим!» Дал господь чудотворный жезл Мойсею. Посылает его на освобождение братии своей из Египта. Велит Аарону встретить Мойсея. Где ж он встречается? Вот где: «Где и встретил его в горе божией». «И целовались оба».

По освобождении из Египта братии израильской желает видеть Мойсея тесть его, Иофор. Взял дочь свою, супругу Мойсееву, с двумя сыновьями, поехал в пустыню. Приехал. Донесли Мойсею.

О род, благословенный богом вышним! Прямо подались на гору Хорив.

«Вышел же Мойсей навстречу тестю своему, и поклонился ему, и целовал его, и приветствовали друг друга, и ввел их Мойсей в кущу». Пасха! Запрещает наистрожайше Мойсей, дабы мы, идущие от *здесь там*, ничего из хворосту не заносили, называя все такое проклятием, идолом и преткновением на царском сем пути. «Внимай крепче, кричит, чтобы не есть крови!.. Да не съешь ее! Пусть благо тебе будет и сынам твоим по тебе вовеки».

Однако ж несмышленный как древний, так и нынешний Израиль часто ропщет на господя.

«И слышал господь, и разгневался гневом, разгорелся в нем огонь...» Начали желать египетских мяс. «Добро нам, — говорят, — было в Египте...» «Что вы это путаете? Разве у господя кроме языческих не сыщется мяс?» И говорит господь Мойсею: «Когда рука господня не довольна будет? Ныне уразумеешь, если постигнет тебя слово мое или нет».

Часто и наша бессмысленная жесткость в сердце говорит и ропщет на господина. Тьфу! Можно ли, чтоб был человек без плоти, крови и костей? Тьфу! Что се? Вот гордый и нечувствительный хворост!..

Встань, пробудись, Сион! Что ты плетешь! Кто твою землю трогает? Пусть она так будет, как есть! Дай только господь тебе благословенное свое благословение, как Исаия говорит: «А земля твоя вместе с новою населится» (гл. 62)³⁸. Одно только то знай, что ты ложь, и суета, и пустота с одною твою землю, не приняв в основание земли божией. Для того там же говорится сие: «Не вам подобен, если исправишь и сотворишь, Иерусалим, радование на земле». Ты только старайся, чтоб из твоей лживой земли блеснула правда божия. Молись, чтоб постиг тебя блаженный оный третий пресветлейшего воскресения день, в котором земля богом износит былые травное. Разве думаешь, что твоя только земля одна, а другая в ней быть не может? Так оставайся ж здесь при твоей! Кушай ее со змием проклятым, жери все дни жизни твоей, без жизни божией, без жизни вечной, если мнишь и говоришь в сердце твоём, что у господина нет своей ни земли, ни плоти, ни крови, ни кости, ничего... Не услышишь же всеблаженного голоса сего: «Се ныне кость от костей моих»!

«Встань! Встань, Иерусалим!» Слушай ухом другим о другой плоти! Слышишь ли: «И процветет плоть моя»? Слышишь ли о других костях: «Возрадуются кости смиренные»? «Не утаится кость моя от тебя, ее сотворил ты тайне». Слушай Соломона: «Исцеление костям твоим». В еврейской Библии: «Приложение, разумей, новых к старым». Слушай Исаии! «Кости твои прозябнут, как трава, и разбоготеют, и наследят роды родов...» Видишь ли? Кости сии не те суть, что рассыпаются при аде. Они перед лицом Божиим суть. И сие-то есть там.

«И был голос, — кричит Иезекииль, — когда мне пророчествовать. И се трус! И совокуплялись кости: кость к кости, каждая к составу своему. И видел, и се были им жилы, и плоть растянули». Читай следующее в главе 37-й³⁹. Ба! Что се за новый род по горам твоим? По ветхим конечностям твоим и членам? Сверх горестной тленности твоей? Не сие ли есть приложение? Не приложение ли жизни к мертвенности твоей? А ко гробу твоему воскресения? Не новое ли сотворение оное? «Сотворю, и кто превратит?»

Не утверждение ли оное? «Се я уготовляю тебе анфракс, камень твой, и на основание твое сапфир... и правдою вознаградишься...»

Слушай же и разумей ныне, что не вздор тебе плетет Иоиль, но благовестит тебе сей Орфей ⁴⁰. Воскресение, вот: «Как утро, разольются по горам люди многие и крепкие. Подобных им не было от века...» «Как рай сладости, земля перед лицом его. А которая сзади, та поле пагубы...» «Как вид конский, вид их...» «Как голос колесниц, на верхи гор востекут...» «Как борцы, потекут и, как мужи храбрые, взойдут на ограды... И каждый от брата своего не отступит». «Града берутся, и на забрала востекут, и на храмины влезут, и оконцами войдут, как воры...» «Вострубите трубою! Проповедуйте лекарство...» А ты боишься лекарства? Так пусти ж их на твою землю, сей божий род. Не будь Валаком! Пожалуйста, не опасайся! Они всяк у своего брата займут квартиру половинную, без всякой обиды. «Дух господень на мне!» Дать плачущим славу Сиона на место пепла. Что ж се за обида? Прими, бедный, славу вместо грязи!

«И созиждут сыновья инородные стены твои...» «И на место меди принесу тебе золото». «И на место железа принесу тебе серебро». «И на место деревьев принесу тебе медь. И на место камней — железо». «Открою гробы ваши и изведу вас...» «Так землю свою вторицею наследят, и веселие вечное над главою их».

«Светися, светися, Иерусалим! Се тьма покрыла землю, и мрак на язычниках! На тебя же явился господь, и слава его на тебе видима».

«Да лобзает меня от лобзаний уст своих!»

Еродий, воскресную весну возблаговестив, поднялся, и, совокупившись с вороном, не перестали петь сию песнь: «Се я с вами во все дни! До скончания века!».

Прочь ступай, прочь!
Печальная ночь!
Солнце всходит,
Свет вводит,
Свет вводит,
Радость родит.
Прочь ступай, прочь!
Потопная ночь! ⁴¹

К о н е ц .

ПИСЬМА

К М. П. КОВАЛИНСКОМУ ¹

1

[26 (27?) мая 1762 г.]

*Здравствуй, юноша, сладчайший из всех,
мой драгоценный Михаил!*

Лишь только мы разошлись после собрания, мою душою вдруг овладело удивительное сожаление о тебе и поразительное желание тебя видеть, и я сам себя ἐπέληξα ², что не пригласил тебя в мой музей, дабы ты был в общении с другими, особенно ввиду того что ты, очевидно, был несколько расстроен как по другим причинам, так и из-за превосходнейшего твоего дядюшки, что я объясняю чувствами исключительного почтения, с какими ты относишься к своим родственникам. Но я не удивлюсь, что ты, юноша, воздерживаешься от посещения меня; иногда — боязнь, а всегда — застенчивость. Что я, старый, иногда побаиваюсь — за это я себя совершенно не одобряю, называя и ругая себя ленивым и слабым. Поверь мне, душа моя, что и сегодня я поддался ребяческому страху, не осмелившись пригласить тебя. О, если бы ты мог заглянуть в мое сердце! Но когда мне удастся убедить тебя, что ради тебя я готов всем пренебречь, все победить и снести, тогда то обстоятельство, что иногда я проявляю слабость, мы возместим мужеством. Но вот тебе, мой дорогой, слова о дне св. духа, ему же принадлежащие: πάντες ἦσαν προσχαρτεροῦντες ἐμοδιαδὸν τῆ προσευχῆ καὶ τῆ δεήσει ³ (Деяния ⁴, гл. 2, 1).

Будь здоров, моя душа!

Твой Григорий Сковорода

2

[9 июля 1762 г.]

Желаннейший друг Михаил!

Ты уже покидаешь нас. Итак, отправляйся, куда тебя призывают благочестие и польза; иди под покровом Христа и под его же водительством возвращайся. Да устроит

Иисус так, чтобы ты нашел обоих твоих дражайших родителей дома здоровыми и благополучными; пусть не будет у них никаких тревог и да пребудет все в мире! Да блюдет стопы твои и твоего милого братца тот высокий страж Израиля, дабы в пути не произошло никакого несчастья! Дома ты отдыхай, но избегай и чрезмерной праздности, ибо ἐν πάσι μέτρον ἄριστον — во всем всего лучше умеренность.

От излишества рождается пресыщение, от пресыщения — скука, от скуки — душевное огорчение, а кто этим страдает, того нельзя назвать здоровым. Нет времени, которое бы не было удобно для занятий полезными науками, и, кто умеренно, но непрестанно изучает предметы, полезные как в этой, так и в будущей жизни, тому ученье не труд, а удовольствие. Кто думает о науке, тот любит ее, а кто любит ее, тот никогда не перестает учиться, хотя бы внешне и казался праздным. Кто подлинно что-либо любит, тот, пока любимый предмет с ним, испытывает, кажется, лишь умеренное удовольствие; но стоит ему разлучиться с любимым предметом, как уже испытывает жесточайшие муки любви. Почему это так? Потому, что если не любить всей душой полезных наук, то всякий труд будет напрасен; напротив, любовь даже в бездействии исследует и размышляет и, чем больше отвлекается от занятий, тем сильнее к ним стремится. Мне достаточно известно, как ты любишь научные занятия, и я отнюдь не хочу сказать, что ты нуждаешься в понуждении, так как по собственной охоте ты более чем достаточно проявляешь рвение на научном поприще. Особенно такое принуждение неуместно в настоящее, каникулярное, время. Я об этом пишу только для того, чтобы ты знал, что я чувствую, а я такой человек, который никогда не может насытиться болтовней с друзьями. Подумай и о том, что людям, любящим благочестие, особенно приятны чистые душою юноши и отроки, от природы одаренные счастливыми задатками. Исократ⁵ их обычно называет детьми богов. Поэтому я шлю благодарность твоему превосходному дядюшке, протоиерею, почтеннейшему отцу Петру⁶, за то, что он доставил мне случай завязать с тобою дружбу, которую я считаю для себя счастьем. А чтобы в разлуке с нами ты ни в чем не имел недостатка, я решил написать для тебя несколько благочестивых греческих изречений, или некоторую памятку. Как только у тебя явится желание пого-

ворить со мной, взгляни на эти изречения и тебе будет казаться, будто ты беседуешь со мной; вспоминай при этом, какие речи любит друг твой.

Итак, первое изречение пусть будет такое:

1) Κάλλιστον ἐφ' ὅδιον ἐν τῷ γήρατι ἢ σοφία — это значит: лучший путеводитель в старости — это σοφία ⁷, или παιδεία ⁸, т. е. наука, так как человека в старости оставляет все, кроме науки.

2) Σεμνὸς ἔρως ἀρετῆς — прекрасна и величественна любовь к добродетели, ибо не могут относиться иначе как с почтением к тому, в ком видят вместилище добродетели; ведь, где любовь к добродетели, там подобает быть и величию.

3) Φίλους ἔχων νόμιζε θησαυροὺς ἔχειν — имея друзей, считай, что ты владеешь сокровищем. Ничто, говорит Сенека ⁹, так не радует, как верная дружба.

4) Χαλεπὰ τὰ καλὰ — трудно прекрасное.

5) Ὀλίγη πρὸς κακότητα ἑδὸς — краток путь ко злу ¹⁰. Но прими одно изречение из Священного писания. Павел в послании к своему Тимофею (гл. I, конец) пишет: Ἐστὶ δὲ πορὶς μὸς μέγας ἢ εὐσέβεια μετὰ αὐταρχίας — великое приобретение — благочестие с самоудовлетворением. Благочестию свойственно чтить бога и любить ближнего: αὐτάρχεια ¹¹. По-латыни выражается как душевное спокойствие, которое состоит в довольстве своей судьбой. Это будет тебе нашей памяткой; будь доволен. Будь здоров, мой желаннейший, мой Михаил, с твоим прекрасным братцем Гришей! Да содействует Христос всегда лучшим преуспеваниям в добродетели!

Твой новый друг Григорий Сковорода

Июля 9, 1762

3

[Конец августа — начало сентября 1762 г.]

Мой Михаил, радуйся в госпoде!

Если тебе не разрешено официально изучать греческий язык не столько в силу чрезмерности труда, сколько вследствие неблагоприятного вмешательства некоторых лиц, из-за этого тебе не следует еще, как говорят, бросать щит. По-немногу ты в частном порядке можешь изучать и во всяком

случае изучай, если меня любишь. Имей в виду, что наиболее ясным доказательством твоей любви ко мне будет, если ты будешь любить греческих муз; и если тебе дорога наша любовь, то знай, что она будет продолжаться до тех пор, пока ты будешь чтить добродетель и *καὶ ἐλληνικὴν γράμματά* ¹². Итак, подражай пальме, которая, чем сильнее сдавливается скалой, тем быстрее и прекраснее поднимается вверх. Это то дерево, которое дается в руки мученикам-победителям, как это можно видеть на иконах. Улучай часы и ежедневно понемногу, но в обязательном порядке, и именно ежедневно подбрасывая в душу, как в желудок, слово или изречение, и, как огню пищу, понемногу добавляй, дабы питалась и росла душа, а не подавлялась. Чем медленнее будешь изучать, тем плодотворнее учение. Медленная непрерывность накапливает большую массу, чем можно было предполагать. Помощь руководителя, если в ней будет нужда, обеспечена. Среди товарищей у тебя имеются такие, которые подскажут тебе, если в чем сомневаешься. Если же ты захочешь пользоваться моей помощью, то для меня не будет ничего приятнее. Если бы к этому меня не обязывала заслуга и благосклонность твоего дядюшки, преподобного отца Петра, то самая наша дружба будет для того достаточным побуждением.

Твой друг Григорий Скворода

Если тебе нужно будет занять некоторую сумму денег, как это случается, не ищи себе других кредиторов, помимо меня, если ты не думаешь, что в этом деле кто-нибудь другой будет в отношении тебя деликатнее, чем я. Я знаю, что ты чрезвычайно застенчив, и предпочитаю, чтобы ты грешил в эту сторону, а не в противоположную, однако иногда следует отбросить застенчивость, разумеется, в делах частных, особенно когда этого требует необходимость. И глупо было бы терпеть то, чего можно избежать. Неужели ты боишься, что я буду считать тебя бедняком или происходящим из бедной семьи, если придешь просить взаймы? О, я не таков; я уже ранее восхвалял бедность. Я оказываю услуги другим, почему же не тебе и твоим? Если ты сам стесняешься, то пошли нашего Алешу ¹³, ты быстро устроишь дело. Впрочем, если случайно будет письмоносец (в Ольшанку), сообщи мне через того же Алешу. Я совершенно...

[Начало сентября 1762 г.]

*Здравствуй, моя единственная радость,
Михаил сладчайший!*

Не могу сказать, как мне приятно, что ты такую ангельскую любовью любишь псалмы Давида. Такими и столь великими свойствами твоей души ты ежедневно зажигаешь во мне огоньки все новой любви к тебе, которые, как рожденные из добродетели, будут, я уповаю, вечными. Ничего теперь не скажу о стиле твоего письма. Поверь, мне казалось, я слышу нашего Эразма: настолько твое письмо дышит латинским духом. Будь здоров, моя душа! Стихи, насколько это возможно, превосходны. В непродолжительном времени их тебе возвращу в несколько подправленном виде, чтобы сделать их более пригодными для декламации. Ты продолжай быть таким, каков ты теперь.

Твой Григорий

Сам я буду учить с органом детей, тем временем распорядись несколько подготовить к нотному пению нашего Максимочку¹⁴. Напиши, когда я должен к тебе прийти.

[Середина сентября 1762 г.]

*Здравствуй, самое дорогое мне ζῶον¹⁵,
Михаил сладчайший!*

Когда я в обычное время выходил из школы и стал думать о том, что мне нужно делать, вдруг моим глазам предстал молодой человек, которого, я полагаю, ты знаешь. Как его зовут? Зовут его Михаилом. Ты, говорю, стал вдруг являться моей душе. Когда я встречаюсь со своими музами, то никогда не бывает так, чтобы я тебя мысленно не видел и мне не казалось бы, что мы вместе наслаждаемся очарованием муз и вместе ходим καὶ τὸν Ἐλικῶνα¹⁶. Я думаю о том, как мы вместе наслаждаемся одними и теми же предметами, одними и теми же прелестями Камен (муз). И подлинно, для совершенной и истинной дружбы, которая одна всего более смягчает тяготы жизни и даже оживляет, требуется не одна только прекрасная добродетель

и сходство не одних только душ, но и занятий. Ибо люди различных занятий плохо подходят друг к другу. И по этой именно причине настоящими моими друзьями не могут быть многие, ибо они не изучали наук или же если изучали, то такие науки, которые чужды моим умственным склонностям, хотя во всем прочем и являются со мной схожими. Признаюсь тебе в моей к тебе привязанности; я тебя любил бы, даже если бы ты совсем был ἀναλφάβητος¹⁷, любил бы именно за ясность твоей души и за твое стремление ко всему честному, не говоря уже о всем прочем; любил бы тебя, хотя бы ты был совсем необразован и прост. Теперь же, когда я вижу, что ты вместе со мною увлекаешься писаниями греков (в какой степени я их ценю, мне не нужно тебе говорить) и той гуманистической литературой, которая, если оставить в стороне сицилийские войны, как говорится, вдохновляет на все прекрасное и полезное, то в моей душе утверждается такая день ото дня возрастающая любовь к тебе, что для меня нет в жизни ничего приятнее, как болтать с тобою и тебе подобными. Но меня зовут. Будь здоров, Михаил! Сложи для меня три или четыре стишка и перешли их мне. «Какие?» — спросишь ты. Какие угодно, ибо твои всякие нравятся. Ты поступаешь хорошо и благочестиво, моя душа, что Максимушку поставил сторожем к больному братцу. Однако не слушай неосмотрительно случайных людей, рекомендующих то или другое лекарство. Ни по одной отрасли в народе нет такого большого числа знатоков, как по медицине, и ничто, однако, народу не известно так мало, как лечение болезней. За исключением распространенных простых лекарств, отвергай все. Вскрытия вены или слабительных (проносных) избегай, как ядовитой змеи. И если хочешь, зайди ко мне, и мы с тобой об этом сегодня побеседуем.

Весьма любящий тебя Григорий Саввич

6

[Середина — вторая половина сентября 1762 г.]

*Здравствуй, сила занятий моих,
Михаил сладчайший!*

Обратно посылаю тебе твои священные стихи, слегка подправленные — не со стороны смысла, а со стороны звучания. Мне все твое так нравится, что неудивительно, если эти стихи я несколько раз целовал.

//Спаси меня, господи! Яко
 Преподобный оскуде.
 Говорит ложная всякой,
 И нет истины нигде.
 Злость во всех живет сердцах,
 Само тож и во устах.
 Потреби ты устне лъстивы
 И язык велеречивый.
 Кой так в себе размышляет:
 Язык возвеличим свой.
 От нас он; так рассуждает:
 Кто господь нам и бог кой?
 Но для бедствий нищих всех
 И воздыхание тех.
 Встану от сна, рече спаситель,
 Буду ваш скор защититель.
 Господне слово правдиво,
 Чистое, как светлый глаз,
 Или, как серебро, нелживо,
 Очищенное семь раз.
 Ты нас, боже, сохрани
 Во бесконечные дни
 И человек нечестивых // .

Будь здоров, *παρθενία τοῦ Χριστοῦ διαδοχή*¹⁸ и превыше
 всего наслаждайся священными песнями в честь жениха
 своего!

Твой Григорий

7

[Вторая половина сентября —
 начало октября 1762 г.]

*Ἐράσμιε Μιχαήλ!*¹⁹

Подобно тому как купцы принимают меры предосторожности, чтобы под видом хороших им не были сбыты дурные, порченные товары, так и нам надо самым тщательным образом следить за тем, чтобы, выбирая в них неоценимое сокровище, по нерадению не попасть на нечто поддельное и мнимое, что зовется лъстецом, и не получить по пословице: *ἀντὶ γνησίον χρυσοῦ ὑπόχαλκον*²⁰ — или вместо клада — уголья. Первый отличительный признак лъстеца — изменчивость и непостоянство: он не может долго следовать одному и тому же и держаться одного и

того же правила, но подобно обезьяне подражает другим до тех пор, пока не получит того, чего он домогается. Но приведем слова самого Плутарха: «С самого начала следует иметь в виду постоянство и последовательность (истинного друга): постоянно ли он тому же радуется, то же одобряет, и направляет ли он жизнь свою по одному образцу, как это свойственно подлинному любителю дружбы и общения, основанного на одинаковых нравах и привычках; ибо таков друг. Лъстец же, не имея никакой прочной основы для своего поведения, не имея привязанности к определенному образу жизни, который бы нравился ему, а не другому, подражая другому и к нему приспособляясь, не прост и не одинаков, но переменчив и разнообразен, из одного вида вдруг переходя в другой». Так говорит автор.

Мой Михаил, скажи мне искренне и откровенно, сердисься ли ты на меня или нет? Неужели ты потому не прислал мне ни одного письма, что я признал твои стихи несколько неотделанными? Наоборот, тем чаще их присылай. Ибо кто же рождается артистом? Упражнение через ошибки ведет нас к изяществу стиля. Твои стихи, если их сравнить с безукоризненными стихами, действительно могут показаться такими (как я их оценил), но, если принять во внимание твой возраст и твои успехи в науке, они в достаточной степени заслуживают похвалы. Верь мне, моя душа, когда я был в том возрасте, в каком ты теперь, я не был в состоянии сочинить и самого плохого стихотворения. Итак, прогони мое сомнение с самого начала. Если верно то, что я подозреваю, то смело делай сколько тебе угодно ошибок. Ах, ты не знаешь, насколько ты превосходишь других в стиле. Отметь также, нравятся ли тебе эти цветочки из Плутарха; если нет, то изменим стиль письма и вместо них будем посылать тебе короткие, но мудрые изречения — греческие или латинские, или те и другие. Кроме того, я не знаю, как твое здоровье, особенно душевное. Если есть что-нибудь отягчающее твое сердце, признайся другу. Если не делом, то советом в крайнем случае страдающим поможем. Об этих трех предметах мне сообщи в самых коротких словах. Я знаю о недостатке у тебя свободного времени. Будь здоров, мой любитель муз! Тем временем с великим нетерпением жду твоего письма.

Твой Григорий Саввич

Εἰ χρεῖαν ἔχεις χρημάτων, γράφε πρὸς τῆμάς ²¹.

[Вторая половина сентября —
начало октября 1762 г.]

Мой дражайший Михаил, здравствуй!

Посылаю тебе образец разговора души, молчаливо беседующей с самою собою, как бы игрою забавляющей самое себя и подобно крылатым летающей по высоким и обширным пространствам неба и как бы сражающейся. Невероятно, до какой степени это приятно, когда душа, свободная и отрешенная от всего подобно дельфину *φέρται*²² в опасном, но не безумном движении. Это есть нечто великое и свойственное единственно величайшим мужам и мудрецам. В этом основание того, что святые люди и пророки не только выносили скуку полнейшего уединения, но и, безусловно, наслаждались *τῆ ἐρήμῳ*²³, выносить которое до того трудно, что Аристотель сказал: «Одинокий человек — пли дикий зверь, или бог». Это значит, что для посредственных людей уединение — смерть, но наслаждение для тех, которые или крайне глупы, или являются выдающимися мудрецами. Первым *ἐρεμῶν*²⁴ приятно своей неподвижностью; божественных же ум последних, обрета божественное, им всецело занимается и давно наслаждается тем, что для обыкновенных умов *ἄδου-ά*²⁵, поэтому простой народ чтит таких и называет их меланхоликами; а они как бы наслаждаются непрерывным пиром, создавая без нарушения своего покоя дворцы, атрии²⁶, дома («сколь возлюбленны») и прочее, даже горы, реки, леса, поля, ночь, зверей, людей и все прочее («И веселие вечное над головой их»). Если ты хочешь быть внуком этой Авраамовой семьи и быть наследником невидимых и неотъемлемых благ, то их почитай, им подражай, им следуй и показывай уже теперь в нежном возрасте, что ты имеешь вид детеныша не свиньи, но льва, птенца голубиноного или орлиного, а не совы, не сына *τῆς Ἀγάρης*²⁷, служанки и рабыни, но Сарры, рождающей свободных, короче говоря, чтобы ты не был ни мирским человеком, ни простецом, ни тем обычным, который известен подслеповатым и брадобреям, *ὡ τὸ κοινόν*²⁸, но чтобы тебя признавали человеком выдающимся, редким, заботящимся и думающим о новом и небесном. Следуй не пустым *τῶν σοφιστῶν πλοκάς*²⁹, не раздвоенным копытам свиней³⁰,

но вкушай от тех книг, в которых налагаются такие предметы или подобные им: «Что есть философия? Ответ: пребывать с самим собою, с собою уметь разговаривать». Далее: когда Кратес увидел кого-то, разговаривающего с самим собою в уединении, то сказал: «Несомненно не с дурным человеком ты разговариваешь» и прочее, соответствующее этому. Именно такими книгами душа готовится к чтению Священного писания, которое является ὁ παράδεισος³¹ благочестивых и ангельских умов, на которое всегда взирают, но которым никогда не насыщаются. Взирай на тех людей, чьи слова, дела, глаз, походка, движения, еда, питье, короче говоря, вся жизнь εἰς τὸ ἑνὸς φέρεται³², как те следы, о которых говорится у Плутарха, обращены внутрь, то есть они не следуют за летающими существами за облака, но заняты единственно своей душой и καὶ προσέχουσι ἑαυτοῖς³³, пока не приготовят себя как достойную обитель бога. И когда бог вселится в их души, когда воцарится в них, тогда то, что толпе представляется как нечто невыносимое, ужасное, бесплодное, для них будет божественным нектаром и амброзией, короче говоря («вселение вечное») и прочее.

Будь здоров, дражайшая душа!

Твой Григорий Саввич

9

[Вторая половина сентября —
начало октября 1762 г.]

*Здравствуй, φιλέλλητ³⁴ Михаил, φιλόμουσε!*³⁵

Ты меня вчера спрашивал, когда мы выходили из храма, почему я засмеялся и как бы смехом тебя приветствовал; хотя я лишь слегка усмехнулся, что греки называют μεῖδω³⁶. Я показался тебе более смеющимся, чем смеялся на самом деле. Ты спрашивал, а я не сказал тебе причины, да и теперь не скажу; скажу только то, что смеяться было позволительно тогда, позволительно и теперь: со смехом я писал это письмо, и ты, я полагаю, со смехом его читаешь; и когда ты меня увидишь, я боюсь, что ты не удержишься от смеха. Но ты, ὦ σοφῆ³⁷, спрашиваешь о причине. Однако скажи мне: тебе нравятся, так сказать,

тебе улыбается один цвет более, чем другой, одна рыбка более, чем другая, один покрой одежды улыбается, другой — нет или улыбается менее другого? И я тебе объясню причину вчерашнего смеха. Ведь смех (ты не смейся в тот момент, когда я болтаю о смехе!) есть родной брат радости настолько, что часто подменяет ее; таков, если не ошибаюсь, известный смех Сарры: («Смех мне сотворил господь»). Ибо Исаак по-еврейски означает *засмеется*, это слово заменяет также и смех. Поэтому, когда ты спрашиваешь, почему я смеюсь, ты как будто спрашиваешь, почему я радуюсь. Следовательно, и причину радости в свою очередь тебе надо указать? О, бесстыдное требование! Ну и что ж! Возьмемся и за это дело с помощью муз. Если не хватит для этого времени, отложим на завтра. Но ты, по-видимому, настаиваешь на причине, как жадный заимодавец требует от должника его долг. Итак, ты спрашиваешь, почему я был весел вчера? Слушай же: потому что я увидел твои радостные τὰ ὄμματα ³⁸, я, радостный, приветствовал радующегося радостью. Если тебе эта причина радости покажется норвежского происхождения, я прибегну к другому (ἄσολον ³⁹). Я тебя поражу твоим же мечом и спрашиваю: почему третьего дня ἐν τῷ ναῶ ⁴⁰ ты первый меня приветствовал смехом? Почему ты мне улыбнулся? Скажи, σοφέ ⁴¹, я от тебя не отстану, помнишь ли ты? До сих пор, дражайший, мы шутили, пользуясь шутками, отнюдь не противными чистейшим музам. Ведь плачем ли мы или смеемся, занимаемся ли мы серьезными делами или забавляемся, мы все делаем для нашего господя, для которого мы умираем и живем и прочее. Его же я молю, да сохранит тебя в целомудрии и трезвости! Так как я верю, что этот дар у тебя имеется, то я, видя тебя в самом прятном обществе, всегда буду радоваться, часто буду смеяться. Ибо какой чурбан не посмотрит с радостью μακάριον ἄνθρωπον καὶ τοῦτον τὸν φίλον; ἔρρωσο! ⁴²

Будь здоров!

Твой Григорий Сковорода

Как раз кончил о смехе, а вот тебе наш τρισπόδητος Γετηωρίσχος ⁴³, которого я охотно обнял.

Αἴνεσις παύλας ⁴⁴

О бедность, дело полезное и священное!
 О родная и любезная мужам мать!
 О гавань, наилучшая для несчастных, потерпевших
 кораблекрушение!

Пристань безопасная и спокойная!
 Счастлив, кто может острым умом проникнуть
 В блага, которые ты обычно предоставляешь
 Всякому человеку, почитающему тебя в простоте души
 И почитающему не временно, а постоянно.
 Счастлив, кто мог заключить союз
 С тобой, кто вошел к тебе в доверие,
 Кого ты удостоила пиров своего стола, —
 И поселила их в убогую хижину.
 От твоих селений далеко отстоит болезнь,
 И, как пчела бежит от дыма, так убегают
 От мест жительства водянка и подагра, камни
 и желтуха,

Лихорадки и эпилепсия.
 Нет обжорства и неумеренности в напитках,
 Откуда возникает множество безыменных болезней.
 Здесь нет роскоши, этой смерти благочестивой
 (Фемиды ⁴⁵)^а

И несчастной матери забот.
 Далеко отстоит от твоих пенатов серая забота.
 Далеки шум и деловая суета,
 Далеко остаются тщеславие и честолюбие
 И безумные страсти.
 Ты не боишься ударов огненной молнии,
 Не боишься яростных волн бушующего моря,
 Возделывая влажные и тихие долины
 И пересекая челноком мелководе.
 Там нет заразных болезней надежды, страха и хитрости.
 Этот дом ненавидят боги Тартара ⁴⁶,
 Которые, стоит им проникнуть в любой дом,
 Немедленно превращают его в ад.
 Но здесь надежное отдохновение, хорошее здоровье,

^а θεμία, ἰδοῖ — богиня справедливости.

И приятный покой здорового ума,
 И тело, привыкшее к благочестивым трудам.
 С малым достатком хорошо можно жить.
 Здесь разумное спокойствие души ^а и приятная
 ἀπραξία — праздность ^б,
 Свобода, приправленная солью веселости,
 Осмеивающая путь глупой толпы, —
 Таковы спутники бедности.
 Но я здесь не хвалю тех нищих,
 Которых позорно убивает проклятая жажда золота.
 Они нищие, но сердцем стремятся к богатству.
 Всюду они хватают, что им попадетсЯ.
 Сердцем пожирают золото, хотя кошелек их пуст,
 Безумными глазами подобострастно взирая на богатых.
 Если жаждешь золота, то хотя б ты был самим Иром ⁴⁷,
 Ты для меня не будешь бедняком.
 Бедным был Христос, который ничего не искал;
 Бедным был Павел, который ничего не хотел;
 Бедным делает не денежный ящик, а душа,
 Взлетающая высоко к небу.

11

[Октябрь (?) 1762 г.]

Ты спрашиваешь: если счастье в нас, почему людская
 толпа
 Так редко и столь немногие его достигают?
 О, потому что им трудно управлять своей душой
 И потому что не научились обуздывать ὄρμας ⁴⁸.
 Извилистыми тропами холмистой местностью через
 глубокие рвы
 Несется безумный всадник, не умеющий управлять
 конем.
 По морям, по землям, сквозь железо и огонь несется тот,
 Кто неразумную душу не направляет разумом.
 Итак, что же остается? Читать блаженные книги,
 Которые очищают душу и учат сердце уступать.
 Мало внутренней работы, нужно выразить ее делами.
 Теперь ты новобранец: упражняйся, станешь воином.

^а Ἀδύρκατα — самодовольство; по-латыни — aequitas animi.

^б Свобода от мирских хлопот, которым противопоставляются шум, кипение, суета дел.

Из этих воинов происходит тот дивный царь,
Каким был Христос и его ученики.

Дражайший Михаил!

Хорошо ли я использовал время, начав сегодня беседу
с тобою такими речами? Полагаю — неплохо.

Твой Григорий Саввич

Узнай, что называется блаженной жизнью.
Все отложи и туда обрати свое сердце.
Всем сердцем следуй правилу, следуй таким божим
словам:

О сын, сын мой! Отдай мне свое сердце!
Отдай мне все свое сердце; если ты отдашь
Часть своего сердца миру, я не возьму твоего сердца.
Счастлив тот, кто способен достичь счастливой жизни.
Но счастливее тот, кто в состоянии ею пользоваться.
Недостаточно найти здоровую пищу и питье,
Если вкус твой поврежден болезнью;
Недостаточно сияния света дневного солнца,
Если свет головы твоей испорчен.
Деятельное бездействие увеличивает наши силы:
На кораблях и колесницах мы стремимся к лучшей
жизни.

Но то, к чему ты стремишься, с тобой,
Оно, мой друг, находится внутри тебя.
Если ты доволен судьбою, ты останешься в покое.
Не тот счастлив, кто жаждет лучшего,
А тот, кто доволен тем, чем обладает.
Если тебе...

12

[Октябрь 1762 г.]

Желаннейший мой Михаил!

Я было потерял твои стихи, неблагоприятно извлекая
их из кошелька, но скоро, засветив свечу, нашел их на полу.
Хотя они мало обработаны, однако, так как они твои, они
сильно мне нравятся: в них, как в каком-нибудь чистейшем
источнике, я очень ясно вижу твою мне весьма дорогую
душу, добродетель, добрые науки и, наконец, себя, твоего
друга. Ты просишь меня известить, если, роюсь в книгах

хороших авторов, я найду какое-нибудь золото. Что может быть мне приятнее и сладостнее этой твоей просьбы? Прекрасно ты назвал золотом мудрость, которая и в Священном писании именуется то женою, то жемчугом, то золотом. Хорошо, что я теперь один, без проживающих со мною коллег, хочется вволю с тобой поболтать. Но я решил послать тебе некоторые прекраснейшие и наиболее изящные изречения из нашего Плутарха, особенно касающиеся отличия льстеца ἀπὸ γυναικίου φίλου ⁴⁹, это как бы цветочки, собранные от разных времен. Я не хочу, чтобы ты оставался в неведении относительно этих изящных рассуждений, которые мне доставляют громаднейшее удовольствие, а я знаю, что ты, как это свойственно дружбе, разделяешь мои вкусы и потому примешь в дар тот или другой душистый цветок и сможешь с него подобно пчелке взять частицу меда и сложить в душе тот полезнейший для здоровья сок, дабы, делая это часто, ты вырос со временем в совершенного мужа, в меру, как говорит Павел, полноты Христа, и дабы питать не только нашего земного Адама, то есть тело, но и тем более Адама невидимого. Но откуда у меня эта болтливость?

Уже давно должен говорить с тобою не я, а Плутарх. Навостри уши! «Но я не осел», — скажешь ты. Однако не одни ослы имеют длинные уши, но и олени. О, болтун! Мой Михаил! Поверь мне, я достаточно над этим потешался и будучи один. Но заключим мир!

«Я полагаю, не было необходимости обличать в лести Мелантия, прихлебателя Александра Ферейского ⁵⁰, который на вопрос, как погиб Александр, сказал: будучи перенесен в мое чрево. Кто теснится вокруг обильного стола, тех от него не удержит ни огонь, ни медь, ни железо». Чуть дальше: «Итак, кого же следует остерегаться? Того, кто не производит впечатления и не признается, что он льстит; того, кто не встречается тебе около кухни; который не меряет тень, чтобы узнать время обеда, но по большей части трезв, ведет себя заботливо и хочет быть союзником в делах и участником тайн. Подобно тому как, по словам Платона, высшая несправедливость состоит в том, чтобы казаться справедливым и не быть им, так и в данном случае следует признать опасной такую лесть, которая обманывает, а не ту, которая действует открыто, и ту, которая действует серьезно, а не ту, которая принимает форму шутки». Но остановись, мой Плутарх! Ах!

мой Михаил! Замечаешь ли ты, что Плутарх различает между льстецом и льстецом? А именно: один открытый, а другой — скрытый. Один шатается у стола богатых, мелет вздор, шутит, льстит, смеется. А другой, прикрывшись маской серьезного мужа и мудреца, выдает себя за надежного мудрого советника, достойного всякой почести. Первый стремится к тому, чтобы по-нищенски выпросить пищу и напитать чрево чужими обедами, другой, наподобие змеи вкрадываясь в доверие, выведывая тайны, стремится к тому, чтобы причинить вред простому и неосмотрительному человеку и даже совсем погубить его. О, подлинно адская змея. Это ἄγγελοι⁵¹ сатаны, прикрытые человеческим образом. Я сам испытал шесть или семь ударов со стороны этой ядовитой чумы. Какой злой гений направляет их на простые сердца? Что у них общего с людьми искренними, не знающими и не располагающими никакими хитростями? Что общего, спрашиваю я, у рака со змеей? Диаметрально, как говорится, противоположные они такого рода натурам и, однако, являются к ним, несомненно, ради выгоды наподобие волков. Из этих духов выходят лживые друзья, ложные апостолы, еретические ученые, тираны, то есть дурные цари, которые, проникнув в недра государства, в лоно церкви, путем хитростей проникая, наконец, в самые небеса, смешивают небо с землей, часто весь мир сотрясают смутами. Но кто достаточно ярко изобразит этих демонов? Я ради беседы так многословен. Но я не жалею потраченных слов как ввиду необходимости дела, так ради такого друга, как ты. Будь здоров, весьма дорогая мне голова, сочетай змеиную мудрость с голубиной простотой.

Твой Григорий Саввич

В воскресенье, около полуночи

13

[Октябрь 1762 г.]

Здравствуй, дражайший друг, мой Михаил!

Вчерашняя моя грубая шутка о свиньях и ослах, боюсь, показалась тебе оскорбительной (в этом возрасте мы все легкомысленны); она была слишком крепко приправлена уксусом, а тебе, серьезно погруженному теперь в эти великолепные пустики, нет ни времени, ни охоты слушать

шутки. Это тревожит меня из-за любви. Почему я так грубо пошутил, отнеси к тому отвращению, которое я обычно в сильной степени чувствую к этим людям, к этим, так сказать, кипрским быкам (см. эту пословицу⁵²). Подобно так родители, видя, что ребенок, ползая по земле и играя, неосторожно попал в нечистоты и в них движется и возится, обыкновенно со смехом ему делают замечания и, чтобы легче указать ему на нечистоты и отозвать от того места, говорят, на кого он теперь похож с руками, ногами и ртом, обмазанными этими желтыми нечистотами, а он, слыша насмешки и считая недостойным поступком, что те, для кого он должен быть всего дороже, обращают его в посмешище, плачет до тех пор, пока родитель, не вынося плача, поспешно подойдя, не освободит его от грязи и, обтерев тело, не осушит его слезы, — так и душа друга, видя, что душа твоя имеет дело с этими грязными и достойными свиней пустяками, и зная, что ты нашим общим родителем — богом создан для чистого и небесного, смеется и шутит не над тобою, но над местом, где ты находишься, тебя же самого любит более, чем родного ἀδελφόν⁵³. Ты нам пришли три слова, если для четырех нет времени. Ибо я κατ' ὄναρ⁵⁴ видел, что получил от тебя присланные мне стихи, двустопные или анакреонтовские — не помню: все, что пришлешь, будет для меня нектаром. Будь здоров, мой дорогой!

Будь дома в первом часу дня.

Σὸς ὁ Σάββιν⁵⁵

14

[Октябрь 1762 г.]

Φίλτατε φιλότατων βροτέ,
 Κῆδος τε τερπαλή τε μοῦ,
 Ἐφῆβε τῶν μουσῶν φίλε!⁵⁶

*Здравствуй, товарищ, более дорогой,
 чем самые дорогие,
 Михаил, друг из Аттики!*⁵⁷

Ты действительно расточителен: вместо трех слов, ты мне подарил в десять раз больше; я просил три, а получил тридцать. Ты подражаешь Юпитеру, а ὁ Ζεὺς ἄλλοκα μὲν

πέλει ἄθριος ἄλλοχα δ' ὕει ⁵⁸. Часто в один день он проливает столько дождя, сколько было бы достаточно для орошения земли в течение целого месяца, делая землю τῶν βροτῶν ⁵⁹ то слишком сухою, то слишком влажною, очень похожую на губку, погруженную в воду. Я знаю портного, который в течение двух или трех месяцев свято хранил правило не касаться τῆν σειβούχην ⁶⁰, но по истечении времени поста, в один день столько поглощал τοῦ νέκταρος ⁶¹ «артемовского», сколько три пребольших мула или три аркадских осла, мучимые жаждой, выпивали воды. Ты говоришь, моя сила в осуждении. Правильно! Ибо если... Но я, κατὰ τῆν παροιμίαν ⁶² оставляю тебя наподобие вороны с открытым ртом и иду в греческую школу

Ἐρῶσο, φίλτατε!

Σὸς Γρηγόριος ὁ Σαββίν ⁶³

Перед наступлением сумерек, ожидая нас дома, веди себя, как улитка: никогда не выползай... По-видимому, я не учел особенностей твоего возраста.

15

[Конец октября — начало ноября 1762 г.]

Ἐράσμιε φίλε Μιχαήλ! ⁶⁴

Я не могу удержаться от того, чтобы, наконец, не сообщить тебе небольшую частицу того, чем меня вскоре после твоего ухода не терзал, как это обыкновенно делают софистические тернии, а исключительно радовал наш Плутарх. Бессмертный боже! Как он рисует дружбу! Как ярко он описывает ворону, украшенную чужими перьями, как лукавейшего льстеца, принимающего личину друга, которого греки называют ὁ κόλαξ ⁶⁵. Но приведу тебе подлинные слова нашего Плутарха:

«Как монету, так и друга следует испытывать ранее, чем в нем будет нужда, чтобы узнать его не после того, как мы пострадали, а иметь опыт в распознавании льстеца, дабы не подвергнуться неприятностям. Иначе мы окажемся в положении тех, кто, испробовав наконец яд, почувствовали, что он смертелен».

Ибо мы не одобряем как этих, так и тех, которые полагают, что самим делом разоблачают себя те льстецы, которые ведут себя ласково и приятно. Ибо друг не должен быть

неприятен или груб, серьезность и строгость дружбы не состоит в резкости поведения, но самая ее эта красота и серьезность должны быть приятны и милы... Не только тому, кто несчастен, приятно видеть лицо благожелательного человека.

Но дружба, соучествуя жизни, прибавляет удовольствие и прелесть ее светлым сторонам не меньше, чем отнимает страдания у ее отрицательных сторон. И бог, примешав к жизни дружбу, сделал так, чтобы все было радостно, приятно и мило другу, находящемуся здесь же и совместно наслаждающемуся. И как бы льстец ни строил козни, используя удовольствие и приятность, нужно знать, что он ничего радостного не вносит в дружбу (до сих пор).

Уже довольно, мой Михаил! Так как дружба — такая божественная, такая приятная вещь, что кажется, будто она солнце жизни, то следует всего более заботиться о том, чтобы не заключить нам в объятия волка вместо овцы, скорпиона вместо рака, змею вместо ящерицы. Нет ничего опаснее, чем коварный враг, но нет ничего ядовитее, чем притворный друг.

Разве я тебе не говорил уже ранее, что таких всего более надо остерегаться? Ни один дьявол никогда не навредит больше, чем такие мнимые друзья. Бесспорно, я говорил тебе о них, чтобы умудрить тебя своим опытом. Я, дражайший, от многих таких пострадал! В зеленеющей траве я находил змею. О, если бы у меня тогда был советчик! О книги, лучшие советчики! Вернейшие друзья! И в последующее время, мой Михаил, ожидай от меня таких же предостережений, как друг от друга. Будь здоров и к нам, если можешь, зайди!

Твой Григорий Саввич

16

Χαῖρε, τρίς φίλε! ⁶⁶

Этот день посвящен верховному στρατηγῷ ⁶⁷ Михаилу;
Он — вождь вождей и над ангелами ангел.

Если ты, о Михаил, родственен ему по имени,
То прошу тебя: по-ангельски отпразднуй этот день.

Ангел бога тот, кто презрел земное;

Кто взлетает к небесам, тот ангел божий;

Ангел божий тот, кто разрывает оковы плоти;

Кто чист от пороков, тот ангел божий.
О, если бы я увидел то время, когда бы ты сказал так:
«Что мне до земли? В ней нет ничего хорошего».

Σὸς γνήσιος φίλος
Γρηγόριος ὁ Σάββιν⁶⁸

8 ноября 1762

17

[13 ноября 1762 г.]

Григорий Саввич

Молит о радости в госпoде для своего Михаила

Как сладостен путь жизни, когда совесть чиста!
Аттический мед, превосходящий нектар и амброзию!
Отсюда веселое лицо и живая надежда отражается на
челе.

Отсюда у благочестивых постоянно столько радостей!
Надежда их не оставляет в болезни и в самой смерти.
Даже у почивших лицо радостно.

О! Михаил, Михаил! Научись смолоду избегать греха,
Если хочешь быть дорог богу.

О, не ищи вне самого себя величайших благ:
Христос учит, что σκῆπτρα⁶⁹ божий внутри нас.

Случай к написанию этого стихотворения дал сегодняш-
ний день τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν⁷⁰ Иоанна Златоуста,
настоящее его золотое изречение посылаю тебе в подаро-
чек: Οὐδὲν ἡμᾶς ὀπταῶς εὐφραίνει·ν οἶσθηεν ὡς τὸ συνειδὸς κλαρὸν
καὶ ἐλπίδες ἀγαθαῖ!⁷¹.

Прощай, дражайший!

18

[1762 г.]

Михаил!

Брат во Христе желаннейший!

Если ты здоров, радуюсь; если ты также весел, еще
более радуюсь: ибо веселье есть здоровье хорошо органи-
зованной души; но душа не может быть радостной, если
она проникнута каким-либо пороком. Знаю, как скользок
путь юности, как неумеренно вчера веселился простой
христианский люд. Очень боюсь, уж не присоединился ли

ты вчера к какой-нибудь компании и не попал ли в непристойное общество. Если нет ничего предосудительного, то радуюсь твоему великому счастью. Если же не так, то не сокрушайся напрасно; достаточно, если ты ненавидишь порок. Христос уже простил, лишь только у нас явится решение не грешить впредь. Я знаю, что тебе тяжело слышать такие слова. Мне известен нрав юношей; но не все то яд, что неприятно на вкус. Одно только скажу: если эти мои опасения ты не истолкуешь как выражение моей высшей любви к тебе, ты будешь глубоко несправедлив ко мне. Да сохранил наилучшим образом Христос твой возраст в безопасности от всяких пороков и да направит тебя ко всему лучшему!

*Весьма любящий тебя
Григорий Саввич*

На рассвете, ноября 15.

То, о чем ты просишь в своем последнем письме, все будет, лишь бы Христу было угодно и ты сам был тверд в начатом деле. Пиши мне покороче, ибо я знаю, что у тебя не хватает времени, и здоровье береги, как глаза.

19

[1762 г.]

Здравствуй, друг!

Ты спрашиваешь мое мнение о планах твоей жизни, твоего будущего положения, особенно о том, с какими друзьями поддерживать тебе общение. Ты благоразумно поступаешь, заблаговременно заботясь о своем будущем. Но о твоём положении в жизни поговорим в другое время, когда внушит Христос. Теперь же немного об общении. С кем тебе поддерживать отношения, спрашиваешь ты. Фи! С хорошими, отвечаю я кратко. А из хороших лишь с теми, к кому в тайниках сердца ты по натуре склонен. Ибо это лучшая норма дружбы. Пицца хороша, но что поделаешь, если она не нравится твоему желудку?.. Неудивительно, что она вредит. Однако, если бы у нас, мой Михаил, было так много хороших людей, как хороших яств! Но этого можно только желать, иметь же — другое дело. Истинно добрый человек, то есть христианин, реже белого ворона. Чтобы найти такого человека, тебе потребуется много фонарей Диогена ⁷². Что же делать? Следует

поддерживать общение с теми, которые менее дурны, чем другие, которые обычно считаются просто добрыми. Выбирать следует спокойных, постоянных и простых. О спокойной душе говорится, что она совершенно лишена зависти, или недоброжелательства, то есть злобы. Простые — не глупые, но открытые, не лживые, не притворщики и пустые, ибо этот род людей я пуще Тартара ненавижу. О, если бы у нас было таких поменьше! Но что делать, если этот мир, то есть большинство людей, состоит из таких?

«Мир — клетка глупцов и лавочка пороков», как поет наш Палингений ⁷³. Поэтому всего правильнее я считаю приобретать друзей мертвых, то есть священные книги. В числе живых имеются до того хитрые, ловкие и бесчестные пройдохи, что юношу явно обманывают, вливая свой яд невинной простоте и особенно нападая на простых, потому что около них у этих змей имеется надежда на добычу. Ибо и собака не ест собачины. О, берегись таких! Какой ущерб в добрых нравах я сам потерпел, обманут этими посланцами дьявола. Как хитро они вкрадываются в доверие, так что только по истечении пятилетия ты это почувствуешь. Ах! Воспользуйся хоть моим опытом! Я тот моряк, который, будучи выброшен на берег кораблекрушением, других своих братьев, готовящихся сделать тот же путь, робким голосом предупреждает, каких сирен, каких чудовищ им следует остерегаться и куда держать путь. Ибо другие потонули и отошли в вечность. «Но, — скажешь ты, — я могу и сам стать благоразумным под ударами судьбы». О мой дражайший друг! Разве ты не знаешь, что многие терпят кораблекрушение, спасаются же очень немногие — трое из ста. Можешь ли ты поручиться, что ты спасешься? Если у тебя есть лекарство, то неужели ты по собственной воле должен принять яд? Достаточно бедь, если ты по неосторожности его попробуешь.

Но колокол зовет меня в греческий класс. Поэтому если будет тебе угодно в другое время поговорить о той же материи, ты мне вскоре напиши. Так мы будем вести беседу о святых предметах, а тем временем и стиль будет выработываться. Будь здоров!

*Безмерно тебя любящий
Григорий Саввич*

23 ноября, из музея

[29 ноября 1762 г.]

Φίλτατε φιλάτων, Μιχαήλ
γλόχιστε! ⁷⁴

Почему не был ты ἐν ταῖς ἐσπεριναῖς ⁷⁵. Читалась прекрасная στιχηρὰ о святом — Ἀχακίφ ⁷⁶, из которой ἔλαβον ⁷⁷ следующее: «Дух не смущен и ум чист» — Ὁ ἀτάραχος θυμὸς καὶ νόος καθάρος. О, более счастлив, чем само счастье, тот, кто обеспечил себе это! Что сладостнее души, не тревожимой нечистотами и низменными желаниями? Что блаженнее, чем ум, очищенный от земных помышлений и видящий самого бога? Твоего болтуна Палингения я без труда для тебя получил. Читай его, терпи, выжимай и насыщайся. Питай божественной и приятнейшей пищей твоего малютку Яшу, чтобы и он когда-нибудь овладел скипетром. Радуйся в боге, пой под музыку, гуляй, как я делаю («Житейское море»), и прочее. Ἐγὼ προσώψω μὲν ἀπὼν, τῇ δὲ καρδίᾳ ⁷⁸ всегда с тобою. Будь здоров и весел.

*Более всего любящий тебя
Григорий Саввич*

Записки твои мне очень неприятны, поэтому не пиши ничего.

21

[1 декабря 1762 г.]

Ἰμῶν δὲ μακάριοι οἱ ὀφθαλμοὶ ὅτι βλέπουσι καὶ τὰ ὦτα ἰμῶν ὅτι ἀκούει (Ματθαῖ, гл. 13) ⁷⁹.

Всякий рожденный, который всем сердцем ищет, несомненно, найдет и увидит то, что увидеть могут глаза не каких угодно людей, а лишь блаженных. Это значит: божественную истину всего труднее найти, но зато узревшим ее она всего приятнее. Увидеть истину — завершение всего // «разве бо сего (духа святого) ни деяние, ни слово» //, как сегодня говорится в антифонах, сегодня ни начинается, ни завершается. Так искал Авраам, оставив свою землю; этим путем пошел Исаак, которому землю указал господь. Иаков и его сыновья сделали то же самое. Иметь в себе святой дух есть не что иное, как видеть истину Божию, которая является единственной истиной. Если ее видели и Аристотель и его последователи, они блаженны; если нет,

они μωρόσοφοι ⁸⁰. Если мы οἱ ἀπόγονοι τοῦ Ἀβραάμ ⁸¹, если мы того же с ним духа, мы это подтвердим подобными же делами; ибо откуда, если не из плодов наших, станет известно, что в нас имеется дух τῶν προγόνων ⁸². Что прочие делают, к чему стремятся, они и сами увидят; я же точно знаю, что я всецело посвятил себя одной только божественной истине. Я не успею в этом? Однако же в конце концов успех будет. Сегодня я слышал в евангелии: //«Очи бо ею держались, да его не познают»//. И они его, однако, познали, хотя глаза их и плохо им служили. Какой честный труд не победит? И какая работа не будет приятной, когда мы рождены для этого, когда мы проникнуты духом Авраама? Ибо естественное движение со временем становится стремительнее. Поэтому хочется кричать с Павлом: «Буду стремиться, может, достигну» (гл. 3, К филиппийцам) ⁸³. //«Гоню же, если и постигну, то есть особенно постигну»//. Братья и проч. Если во мне ничего нет, кроме жара сердца, или, говоря словами евангелиста, ἡ καρδία ἡμῶν κλιόμενῃ ⁸⁴, то я доволен этим, ибо τὸ παντελῶς θελεῖν ⁸⁵, исходит от св. духа, который как начал, так, наверное, и завершит, дабы мы могли сказать: //«Мы же открытым лицом взираем на славу божию»//. В этом живу, в этом хочется действовать дни и ночи, в нем я решил, мой драгоценнейший Михаил, умереть, хотя я уже ранее умер для мира, чтобы когда-нибудь подняться во славу со Христом. Тебя же я считаю Авраамовым потомком и стремлюсь и желаю, чтобы ты был моим союзником и спутником в жизни, так избегаемой всеми. Если у тебя ἡ καρδία ἡ κλιόμενῃ ⁸⁶, а оно, несомненно, должно гореть, если ты тот, кем я тебя считаю, извергни из груди всякую смертную заботу, вымой нечистоту из сердца. Нечистота — это то, что земное, а что видимое, то земное. Если огонь в твоей груди подлинный и истинный, то сгорит все, что в ней есть земного, чтобы ты когда-либо стал чистый сердцем и узрел бога, τὸν θεὸν καὶ τὴν ἀλήθειαν ⁸⁷, делающую блаженными те очи, которые ее видят. Кто хорошо загорелся, тот хорошо начал, а хорошо начать — это наполовину завершить. Приучи себя к тому, чтобы ежедневно через чувства зрения и слуха попадало в твою душу не только что-нибудь из Священного писания и других книг, но и то, что увидишь и услышишь из текущих событий, пережевывай, размалывай и, насколько можешь, превращай в питательный и спасительный сок, как животное, которое

должно быть принесено в жертву богу. У тех, кто душою низки, самое лучшее из написанного и сказанного переходит в самое худое и сам Христос есть нечто неприятное. Но те, кто проникнут Авраамовым духом, для тех бог даже из бесплодных скал производит божественную и прекраснейшую поросль. Если мимо тебя, например, проходит пьяный, ты так мысли: бог представил тебе зрелище, дабы ты на чужом опыте узнал, какое великое зло — пьянство, — беги от него. Проходишь мимо лежащего нищего, у которого ноги сгнили или нос с труповидным лицом внушает ужас зрителю, ты так рассуждай: этот или эта, несомненно, вели развратную жизнь, это плоды разврата. О, счастливы те, кто может быть свободен от этого зла; о, как велико значение здоровья и целомудрия! Как висока добродетель! Как немногим опа свойственна! Ты стоишь в храме, слышишь, как воздают почести поясу блаженнейшей девы, слышишь, что ее опоясанию придается божественная сила, блаженнейшим называется город, в котором был положен этот пояс, защищающий от всех несчастий, то так об этом думай: здесь должна быть какая-то тайна. Если плоть не приносит никакой пользы, то как же помогает пояс, служащий плоти? Манна? ⁸⁸ Что такое? Толпа это воспринимает, как осел звуки лиры. Но ты, если хочешь по-авраамски слушать и воспринимать, копай здесь с отроками Исаака и, может быть, удалив землю, найдешь некоторую живую воду. Или так: родила, однако, дева? Должна быть и здесь некоторая тайна. Итак, рождают и девы. Фи! И притом в большом количестве. В человеческих делах это невозможно. Но удали, говорю я, землю. Ибо и дух имеет свое рождение, и где так царит дух, как не там, где ему противостоит плоть, эта опоясанная поясом девственной чистоты (возвеселися, неплодная, нерождающая), и проч.

Будь здоров, потомок Исаака!

Σὸς Γρηγόριος ὁ Σάββιϋ ⁸⁹

22

[Октябрь — декабрь (?) 1762 г.]

Ода Горация (книга II, XVI)
«О спокойствии души» (лат.)

Купец покоя сладка бога просит,
Когда по морю его вихор бросит,

Как луну облак и звезды преясны
Скрыл преужасный,

Просит покоя в войне турчин бешен
И красным луком китаец обвешен,
Но ни же, друг мой, драгая порфира
Даст нам внутрь мира,

Не бо царска власть или злата полный
Сундук умирят души бедной волны,
Не приутишит живущие вздохи
В красном пороге.

Сладка покоя нищета есть мать,
Где лишних в доме вещей не видать,
Где не мешает ни страх сна сладка,
Ни похоть гадка.

Почто столь много, сей червь, замышляешь?
Зачем на воздух чужой поспешаешь?
Что пользы бросить природные страны?
Брось нрав твой странный.

Печаль глупа и на корабли восходит,
И проникает на дальние походы,
Оленей легких она всех быстрее,
Ветров скорее.

Будь сыт тем, что есть, не печись на утро,
Потешай смехом твою горесть мудро,
Знай, что ничто не совсем есть блаженно,
Но со злым смешенно.

Знай, что преславны пошли в прах герои
И, сто лет живши, лежат в смертном гное,
И, может, то твое, что слывется,
Мне доведется.

Волов изрядных у тебя заводы
И чужестранных лошадей природы,
А на одежду тебе для прибора
Сукна из-за моря.

А мне судьбина дала грунт убогой
И от муз чистых греческих немного
Духа напиток и пренебрегати
Мир сей проклятый ⁹⁰.

*Драгоценнейший друг!
Здравствуй, мой Михаил!*

Это я перевел почти экспромтом, очень быстро, следя только за тем, чтобы, насколько это было для меня возможно, выразить дух автора, не заботясь о красотах стиля. Ты можешь, если тебе угодно, изменить и начать другими словами. Что касается перевода выражения: *quod ultra est, oderit curare* — словами «не печись на утро», то остерегись порицать его слишком поспешно, хотя я и знаю, что ты чужд предрассудков. Ибо если кто-либо, как говорят, подобно нильской собаке⁹¹ отведал творения святых отцов, тот поймет, что «завтрашнее» я воспринял в смысле последующей жизни. Ибо если наша жизнь повсюду в Священном писании уподобляется дню, первая же часть дня есть ночь, а вторая — свет, то весьма правильно ранний возраст, то есть юность, называть глупым, жизнью в настоящем, еще не освещенной солнцем истины. Другая часть жизни, уподобляемая свету, называется *жизнь*... так как оставляются дела тьмы. Итак, когда автор говорит: «Не заботься о завтрашнем дне», — он хочет сказать: не следует заботиться о том, что ты будешь есть или во что оденешься в старости. Ищи в настоящей жизни только царствия божия, заботься и беспокойся только о добродетели и мудрости. Ибо если ты хорошо посеешь в настоящем, то хорошо пожнешь в будущем и никто из тех, чьи нравы святы, не будет лишен в старости пропитания. К этим словам имеет отношение изречение Платона, которое мне недавно встретилось и которое поэтому я не ленюсь тебе сообщить. Это изречение таково: *ἐμοὶ μὲν οὐδὲν ἐστὶ πρὸςβύτερον τοῦ ὡς ὅτι βέλτιστον ἐμὲ γένησθαι*⁹². Смотри, о чем заботились высокие мужи — не о богатстве и т. д. Не удивительно поэтому, что они хорошо завершили жизнь. Как каждый сеет в юности, так пожинает в старости. Хочешь быть легким и здоровым старцем? Соблюдай в юности трезвость и целомудрие! Подумай об этом!

Будь здоров, мой превосходнейший φίλόμουσε!⁹³

Твой Григорий Саввич

Итак, несчастны, о, трижды, четырежды несчастны те,
Чье потомство родилось под звездой Фараона!

А если чувствуешь в себе плоды Βαβυλῶνος ⁹⁴,
О, разбивай их во всякое время о камень!
Люцифер — это σατανᾶς ⁹⁵, если он блистает, не верь!
Ночное растение с восходом солнца вянет.
Под несчастливой звездой пусть ничего не рождается.
Вот день господень недалеко, вот он близко.

Дражайший Михаил!

Поистине мое уединение открыло мне небо. Задав мальчишкам упражнение, я ушел в музей, где в связи с объяснением слова ἀστρολόγος ⁹⁶, видишь, к каким мыслям я пришел. От рассматривания видимого неба я перешел к вопросам духовным. Первое небо прекрасно, но гораздо более достойно божественного созерцания второе. Теперь ты подумай о том, находятся ли в небе те, которые (хотя телом они и на земле) уклоняются от дел мертвой толпы для ἐν τοῖς οὐρανοῖς ⁹⁷. Разве не превосходно с Иеронимом ⁹⁸ умственно прохаживаться по раю? Но я могу насытиться беседами с тобой. Одно только мне близко, воскликну я: ὦ σχολίον, ὦ βιβλίον ⁹⁹. Будь здоров, дражайшая душа, и старайся подниматься в эти небеса!

Твой σύμμαχος ¹⁰⁰ Григорий

«Если око твое лукаво» и проч.

Под несчастной звездой, если времена луны плохи,
Рождается, как говорят астрологи, не все хорошее,
С землей сожительствоуют ἀστρα ¹⁰¹.

Γαῖα μὲν ἐστὶ γυνή, οὐρανός ἐστιν ἀνὴρ ¹⁰².

Но ты оставь земное, зрирай на τ' αἶλα ¹⁰³

И из видимого познавай невидимое.

И в небе нашего ума

Есть свои звезды, денницы, а также солнце и луна.

Если светит дурная звезда, верь, родится все
дурное.

О несчастный род, родившийся под такой звездой!

Слышишь ли, Михаил, о чем говорят священные книги?

И понимаешь ли, что во чреве могут быть два рода?

О красное небо, в котором блистает слава Христа!

Звезда, которая указывала путь святым волхвам!

Ибо тогда рождаются дети — священная поросль, —

Τὸν γ' Ἑρώδτην καὶ Φαραῶνα ¹⁰⁴.

О несчастные!

[Начало января]

*Здравствуй, приятнейший юноша
и мне наиболее милый Михаил!*

Вот начался новый год, поэтому пишу тебе по-гречески и считаю это хорошим предзнаменованием. Христос сказал в евангелии следующее: «Дух господень на мне» и проч. — да благословит тебя венец года этого и да храпит тебя в добром здравии и благополучии вместе с самыми дорогими тебе!

Об этом молится твой преданный друг

Григорий Сковорода. 1763 г.

25

[23—26 января 1763 г.]

Дражайший Михаил!

Иные, говорит Сократ ¹⁰⁶, живут, чтобы есть и пить, а я — напротив. Далее, большинство совсем не знает, что значит жить, и хотя желает пользоваться питанием, чтобы поддерживать жизнь, однако не может жить, ибо самое великое и потому самое трудное искусство из всех — это научиться жить так, как этому искусству учит и его дает один Христос. Пока я буду знать, что ты жадно читаешь мои письма, я не перестану тебе писать и говорить подобно этому:

«Молчи, молчи: λεπτόν ἔχου» ¹⁰⁷.

Войди теперь на возвышенную башню и раскрой в своей душе то, что волнует чернь. Ты увидишь, что один страдает чесоткой, другой — лихорадкой, третий — подагрой, четвертый — эпилепсией, пятый — водянкой; у одного гниют зубы, у другого — внутренности; некоторые до того жалки, что кажется, будто они носят не тело, а живой труп. Я уже не буду говорить о более легком: о кашле, изнурении, зловонном дыхании и подобном. Из таких-то и состоит мир, то есть из прокаженных членов. Ибо если ты и видишь среди них людей со здоровым телом, то эти последние принадлежат к тем, которые, будучи недавно пойманы в сети, еще не дошли до того, о чем выше было сказано, однако к этому стремятся, даже бегут, подготовляемые фуриями к столь славным наградам. А мы этих больных избегаем и правильно делаем: чтобы они и нас не заразили своим

прикосновением; однако мы охотно продолжаем общение с теми, которые до сих пор здоровы, но умы которых повреждены и напитаны ядовитыми учениями. Но мы не заболели бы телом, если бы не заболели ранее душой. Что пользы удалиться от нечистого и зловонного блудника, если общаешься с теми, кто *ὀμίλεις πνεύμα πορνείας ἔχοντι* ¹⁰⁸. От первого становится худо телу, от второго заражается душа. Ты избегаешь того, который от пьянства становится *μνήχῳ* ¹⁰⁹, и не остерегаешься чревоугодника, призывающего тебя своим примером к несвоевременному и неумеренному мясоедению и винопитию. Зачем же ты избегаешь реки, а к источнику приближаешься? Боишься пожара, а ищешь огня? Проклинаешь уголья и ходишь по искрам и горячей золе? Боишься прикосновения к ране, а ходишь среди мечей и скорпионов? Избегаешь водянки, подагры, галльской болезни ¹¹⁰ и не удаляешься от невоздержания, матери всех этих бедствий? Но Сократ среди чумы остался невредим, привыкнув к святейшему образу жизни, к простой и умеренной пище. Послушай Плутарха, приписывающего причину всех болезней избытку влаги в теле: под влиянием внешних причин и условий избыток влажных материй в теле как бы замещает субстанцию и тело. Без упомянутого избытка эти причины не вызывают ничего дурного, а остаются без последствий. Но где и когда есть избыток влажных материй, там как бы возникает некоторая грязная нечистота... Огонь ищет только то место, где он чувствует присутствие нефти: так болезнь, всякая зараза и воспаление не могут пристать, когда тело прохладно, лишено слизи и наподобие пробки легко. Большинство людей до безумия нагружается мясом, всякого рода напитками. И удивительно ли, если за причиной следуют действия? Именно от этой «бесподобной» материи произошли все ранее упомянутые несчастья. «Молчи, молчи: тонкий след». Избегай мирского *ἀνθρωπόκοτον* ¹¹¹ духа, избегай этих скорпионов, не вреди, не разрушай своего тела (чтобы не погрешить в чем-либо), но утончай его, сокращая неумеренную пищу и избегая огня, вызываемого вином; отсюда все пороки души, а из последних в свою очередь — все болезни тела. Не тот убивает коня, кто питает его простым кормом, а тот, кто дает много овса и не соблюдает умеренности в езде. Мы отягчаемся пищей и вином и подолгу останавливаемся на каком-нибудь тревожном размышлении. Отсюда преждевременная старость,

если не еще что-либо. Я потому останавливаюсь на этом довольно подробно, что, как я вижу, весьма многие, даже облеченные властью, не удовлетворяются тем, что соблазном примеров и приманкою слов и красноречия портят юношей и побуждают их πρὸς τὴν γαστριμαργίαν ¹¹², но пользуются при этом местами, взятыми из Священного писания. Если ты желаешь послушать нас немного, то будешь уверен в том, что, пока ты соблюдаешь трезвость, у тебя сохраняются и здоровье, и стыдливость, и репутация — ценнейшие θησαυροὺς ¹¹³. Подстрекают к невоздержанности? Но ты отбрось порочный стыд, не осмеливающийся ответить отказом, теперь уже приучи себя к этому святому упорству и скажи: мне это не полезно, хотя вы и говорите, что для чистых все чисто. И если Павел говорит, что ему непозволительно есть мясо из-за любви к другим, то разве я не могу из-за любви к самому себе хранить пост или выбирать пищу? Так устраняй ты желчь и яд их слов, подслащенных медом. Скука влечет тебя к роскоши? Возьми святую книгу, пой священные гимны, молись; если это окажется недостаточным, позови порядочного товарища, займись веселым и хорошим разговором, приди к нам или нас к себе пригласи. Чего тебе бояться? Если постыдно судишь, остерегайся делать; если же этого нет, победи дурной стыд и страх, отвлекающие от порядочных дел... О, если бы мы были так стыдливы и робки в постыдных делах, как часто мы бывали боязливы и превратно стыдливы в осуществлении порядочных поступков! Христос да сохранит столь великий твой дар незапятнанным от мирской заразы и да приготовит тебя для своей обители! Будь здоров, дражайший!

*К тебе безмерно расположенный
Григорий Саввич*

26

[1763 г.]

Плутарх говорит: «Как поддельные предметы, выдаваемые за золотые, подражают блеску и сиянию золота, так и льстец, подражая приятности и прелести друга, всегда представляется веселым и сияющим ^а, никогда не оказывая сопротивления, никогда ни в чем не отказывая». Поэтому не тотчас мы должны подозревать в лести тех, кто

^а Блестящий — то же, что и спящий.

хвалит: своевременная похвала прилична другу не менее, чем порицание. Тем более угрюмость и склонность все порицать есть нечто чуждое дружбе и приятельским отношениям. Кто же, доброжелательно к нам относясь, свободно и решительно отзывается с похвалою о том, что достойно похвалы, — от этого человека мы легко переносим и принимаем и порицание, полагая, что тот, кто свободно высказывает похвалу, выражает порицание лишь под давлением необходимости (чем ты блистаешь, то и отражаешь).

Дражайший мой Михаил!

Так как в настоящее время мне нечего тебе сказать, то через мое посредство с тобою будет беседовать наш Плутарх — муж, исполненный веры и очарования, и глава тех, которые посвятили себя *γυμνάσις ταῖς Μούσαις* ¹¹⁴, этим очаровательным Каменам и небесному Геликону ¹¹⁵. Но неужели тебе не кажется *παράδοξον* ¹¹⁶ даже *παράδοξότητον* ¹¹⁷ то, что у меня, друга, не хватает слов, в особенности для тебя? Что касается меня, то такого человека я считаю *κενώτερον* ¹¹⁸, чем самую философскую пустоту. Но разумеется, когда я принимаюсь писать тебе, я стараюсь держать себя в рамках, а не стремлюсь к многословию. Я принадлежу к тем, которые настолько ценят друга, что ставят его превыше всего и признают друзей, как говорит твоя Лелий ¹¹⁹, лучшим украшением жизни.

Каждого влечет свое пристрастие.

Я презираю Крезов, но завидую Юлиам, равнодушен к Демосфенам ¹²⁰, жалею богатых: пусть приобретают себе, что хотят! Я же, если у меня имеются друзья, чувствую себя не только счастливым, но и счастливейшим. Что же поэтому удивительного в том, что для меня нет ничего сладожнее, как болтать с другом? Лишь бы бог укрепил меня в своей добродетели, лишь бы он сделал меня достойным человеком, себе дружественным, ибо добрые люди являются друзьями богами и только среди таких хранится высший дар, разумею — истинная дружба. Ко всему прочему мне *οὐδαίς κατὰ παρομίαν λόγος* ¹²¹.

Будь здоров, дражайший, и люби источник всякой сладости — добродетель вместе с добрыми науками, и воздавай нам любовью за нашу любовь!

Твой Григорий Саввич

В праздник Иоанна Златоуста, января 27

Ἐπίγραμμα ¹²²

Когда Венера, сопровождаемая своим Купидоном,
 Встретилась однажды с девятью музами,
 Она обратилась к ним с такими словами:
 «Меня чтите, о музы: я первая из всех богов,
 Мою власть признают все боги и люди».
 Так сказала Венера. А музы: «Но над нами ты
 не властна.

Музы чтут святилище Геликона, а не твое царство» ¹²³.

Дражайший мой Михаил!

Χόρευε ἐν τῷ κυρίῳ! ¹²⁴

Встав за два часа проанастас τῶν ὀρθρινῶν εὐχῶν ¹²⁵
 и сам с собою ὁμιλῶν ¹²⁶ между прочими благочестивыми
 размышлениями, составил я ἐπίγραμμα ¹²⁷. Помню, среди
 греческих ἐπιγράμματα ¹²⁸ я читал такую, когда находился
 в монастыре св. Сергия. Будучи не в силах ее припомнить,
 я своими словами выразил тот же смысл. Мне кажется, она
 прекрасно и возвышенно говорит ο τὸ ἄδουτον ¹²⁹ муз и до-
 стойна быть спетой сегодня, когда мы чтим память τῶν
 τρειῶν τῶν μεγάλων τῆς οἰκουμένης διδασκάλων ¹³⁰. О если
 бы и нам, мой Михаил, удалось достигнуть такой же вер-
 шины добродетели!

Таῦτα εὐχεται σοι σος Γρηγόριος ¹³¹

Января 30

Если в греческих словах, как они здесь написаны, я до-
 пустил ошибку, исправь и сообщи мне. Οὐδὲν τούτου
 φιλοτέρον ¹³² и знай это: χεῖρ χεῖρα νίπτει ¹³³. 1763, в день
 трех святых: Василия, Григория, Иоанна.

[1763 г.]

Из тысяч пословиц Эразма ¹³⁴.
 Аристотель, Большая Этика, гл. 2 ¹³⁵.

Ὅταν βουλόμεθα σφόδρα φίλον εἰπεῖν, μία φαμέν ψυχὴ ἢ
 ἐμὴ καὶ ἡ τούτου — когда мы хотим выразить высшую сте-
 пень дружбы, мы говорим, что моя душа и его душа —

одно. То же говорится в другом месте той же книги: Ἔστι γὰρ, ὡς φαμέν, φίλος ἕτερος ἐγώ — друг, как мы говорим, — наше второе я.

Но послушай и из Плутарха ¹³⁶. Рассказывают, что обезьяны, пытаясь подражать людям, перенимают их движения и воспроизводят их пляски. Лыстец же, подражая другим, их обманывает, прельщает, но не всех одинаково. С одними он пляшет и поет, к другим присоединяется в качестве товарища по палестре ¹³⁷ и по физическим упражнениям. Если он имеет дело с юношей, преданным литературным и научным занятиям, он весь в книгах, отпускает бороду (философскую) до самых пят, носит плащ, оставляет развлечение, на устах у него числа и прямоугольники да треугольники Платона ¹³⁸.

Желаннейший Михаил!

Так как из всех потерь потеря времени наитягчайшая, то даже одно мгновение из этих ангельских дней так ценно, что превышает все, что мы имеем, даже самое себя, настолько, насколько время превышает другие владения. Теперь наконец наш внутренний человек, не отягченный плотью, как бы освободившись от оков или получив новые крылья, поднимается высоко наподобие τοῦ ἀετοῦ ¹³⁹, парит, носится и летает в неизмеримых небесных просторах, как по равнине открытых полей, стремясь проникнуть и достигнуть πρὸς τὸ κάλλος τὸ θεῖον ¹⁴⁰, где ангелы непрерывно взирают на τὸ πρόσωπον τοῦ πατρὸς ¹⁴¹, радуясь человеческому жребию. О, эти дни приятные, нектарные, никаким делом не нарушающие ценность всего, даже и ценность дней! О трудный первый и суровый пост, куда ты нас ведешь? Так всякая добродетель и всякое благо вначале представляются горькими, а под конец услаждаются. О мой дражайший Михаил! Остерегайся эти деньки расходовать на пустое! Познай сокровища, познай удел свой, который намного лучше удела персидских царей. Чего нам бояться, если мы здесь отдыхаем? Временем покупается небо, даже сам бог. Я никогда не перестану убеждать тебя, чтобы ты посвятил себя не вульгарным музам, а прекрасным делам, презираемым толпою, тем книгам, которых, как говорит Мюре ¹⁴², «редкая касается рука». Не могу не воспользоваться, как шпорой, следующими словами нашего Эразма: «Помышляй о том, что нет ничего более проходящего, чем

юность». Пусть также всегда присутствует в твоей душе следующее изречение Плиния ¹⁴³: «Потеряно то время, которое ты не употребишь на занятия». Если бы я должен был побуждать тебя, то я скорее умер бы в эти часы более охотно, чем перестал бы это делать, независимо от того, благоприятно ли это или нет. Придет время, отягченные пищею и питьем, мы склонимся к земле, не имея силы поднять вверх прекраснейшие очи души. Теперь же, когда этот, как говорит Марон ¹⁴⁴, огонь простого дуновения свободен и деятелен, зачем перестанем мы залетать εἰς οὐρανόν ¹⁴⁵? Зачем не будем мы упражнять его крыльев, чтобы когда-нибудь достигнуть нам того утоляющего всякую жажду предела и цели, о которых наша дражайшая родительница — церковь поет: //«Желаний край — верных утверждение»// и проч.

Не хочется кончать, однако кончаю. Будь здоров, моя душа!

Твой Григорий Саввич

7 февраля

29

[Январь — февраль 1763 г.]

//«Да не будет бегство ваше в зиме»//

Пока свирепствует зима, моряк не отвязывает кораблей,
Но ожидает приятных времен тихой весны.

Ждите и вы дня господнего, когда святой дух

Своим пламенем все расплавит.

Если дерзнешь вдруг вверить себя мирскому морю,
То какне волны тебе терпеть?

Итак, избегай плавать в тумане,

Чтобы ты безрассудно не выбрал жизненного пути.

Держись гавани, пока Χριστός σε διδάξει ¹⁴⁶.

Дорога ночью ненадежна, ненадежно и море зимою.

Увы! Христос немногих спасает из морских волн.

Увы! Скольких поглощает морская волна!

Если ты не испытал, как опасно море,

То заимствуй опыт из несчастий других.

Сатана увлекает в волны даже осторожные сердца.

Что же происходит с теми, кто лишен осторожности?

А ты, находясь в гавани, спокойно чти святых муз.

О, счастлив ты, если обладаешь своими благами!

Дражайший Михаил!

“Ἦδου ἐν τῷ κυρίῳ! ¹⁴⁷

Если оставить в стороне книгу, то что для меня сла-
достнее, чем болтать со своими друзьями, из которых
χορυφῇ εἶ ¹⁴⁸. Боюсь только, что не вовремя тебе надоедаю,
когда тебя, может быть, занимают более важные заботы.
Ибо подзреваю, *τὴς διατριβᾶς, τὴς, σχολαστικᾶς* ¹⁴⁹. Кратко
мне об этом напиши.

Будь здоров, дражайший.

Твой Григорий

30

[15 февраля 1763 г.]

Здравствуй, благороднейший Михаил!

Итак, *τοῦ κυρίου ἐπιποθεῖς* ¹⁵⁰. Поэтому эти твои письма
для меня слаще, чем нектар. А еще больше — твоя душа
благороднейшая *καὶ ὄντως δῖον!* ¹⁵¹ Теперь только я поз-
нал, что ты не из рода коршунов, но от крови *τῶν ὑψηλῶν*
ἀετῶν ¹⁵², которые стремятся к высшему и, презирая нето-
пырей с их сумраком, жаждут солнца. О, если бы этот го-
лос я чаще от тебя слышал! Я бы не желал никакой амбро-
зии. По-видимому, ты уже имеешь то, к чему стремишься:
ты так просишь, так молишь. О юноша, наиболее достой-
ный Христа, ты почти исторг у меня слезы, ибо редкая,
исключительная радость обычно сопровождается слезами.
Господь не ошибается. Кто всем сердцем просит, тот уже
имеет. Ты так желаешь господя. Но остановись немного,
моя душа, немного остановись. Ведь когда ты получишь,
ты скажешь, что самое коротенькое время было слишком
продолжительным. Позади тебя стоит Христос. И трепещет
от желания дать, но еще не...

Держись и терпи. Этот труд когда-нибудь тебе принесет
пользу, по крайней мере в течение восьми лет.

Будь здоров, моя радость!

Более всего любящий одного тебя

Григорий

[Начало второй половины февраля 1763 г.]

Здравствуй, дражайший любитель муз Михаил!

Я знаю, что и тебе, Михаил, не будет неприятно,
 Если тот же малыш принесет тебе мое письмо,
 Письмо того, кто любит тебя больше своих глаз,
 Кто горит огнем благочестия, пламенеет любовью к тебе.
 Любит, горит, обожает тебя всем сердцем, товарищ,
 Тобой наслаждается, тебя любит, пылает, тобой
 очарован.

Не так мне сладостен аромат цветка или мед Аттики ¹⁵³,
 Как сладостна твоя душа своей ко мне любовью.
 Пиши мне, если есть что приятное и дружественное
 И продолжай, пока живешь, отвечать мне любовью
 за любовь.

А меня от любви к тебе не отвлечет никакая старость.
 Хотя б достиг я возраста Тифона или Нестора... ¹⁵⁴

Что отвратительнее любви вульгарной, то есть ложной,
 и, наоборот, что божественнее любви христианской, то
 есть истинной? Что такое христианская религия, как не
 истинная и совершенная дружба? Разве Христос не уста-
 новил как свою *ὑγραχτήρα* ¹⁵⁵ взаимную любовь? Разве не
 любовь все скрепляет, строит, создает, подобно тому как
 вражда разрушает? Разве бог не называется *ἀγάπη* ¹⁵⁶ у
 любимейшего его ученика Иоанна? Разве не мертва душа,
 лишенная истинной любви, то есть бога? Разве все дары,
 даже сами ангельские речи, не ничто без любви? Что дает
 основание? Любовь. Что творит? Любовь. Что сохраняет?
 Любовь, любовь. Что услаждает? Любовь, любовь, начало,
 середина и конец *α καὶ ω* ¹⁵⁷.

Заключу кратко: от тебя начало, у тебя же и конец.
 Но зовет греческий колокол. Будь здоров, дражайший Ми-
 хаил! Твой грек мною очень любезно принят.

Твой Григорий Саввич

[Вторая половина февраля 1763 г.]

///«И, сев, учил на берегу»// и т. д. «с корабля».
 Плавает в гавани тот, чья жизнь лишена суеты,
 Кто далек от забот и честолюбия.

Кто осторожно вверяет себя волнам этого мира,
Тот плавает в гавани, и челн его в безопасности.
Но тот, кто обращает паруса в глубокое море, —
Какой страх сжимает дыхание! Какое волнение
бросает его!

Четырежды счастлив, никогда не выходявший
в открытое море,

Если тебе нравится ученый покой, спокойная муза.
О божественный покой! О еще не познанные
божественные

Дары! Твою ценность посредством разума узнают.

О, держись гавани, презирай дары толпы!

Отдавшись морю, перестанешь принадлежать себе.

Что тебе до забот? Заботы — жесткие терния.

Они заглушают священные слова божии.

И не сеет их Христос, и не проповедует в море.

Он плавает в гавани: здесь, здесь он учит своих.

Дражайший Михаил!

Я долго размышлял, какие стихи тебе послать. Однако последние показали несколько лучшими не по какой-то другой причине, а потому, что легче вылились. Но что мне сказать о твоём письме, более сладостном, чем сама амброзия¹⁵⁸. Пусть бы меня так любил бог... Однако я боюсь в глаза тебя хвалить. Будь здоров, дражайшая душа, и почитай добродетель.

Твой Григорий

33

[Конец февраля — начало марта 1763 г.]

Мир тебе, мой брат!

Я написал это вчера в расстроенном и рассеянном состоянии, и притом очень быстро. Не удивительно, что написанное тебя не удовлетворило, особенно если принять во внимание значительную трудность твоего *πρόβλημα*¹⁵⁹. Я признаю твои дарования и твое усердие в науках, а также добродетель и очень радуюсь. Ну, попробуем, не можем ли мы решить вопрос, если Христос ниспшлет нам вдохновение.

Однако в большом деле достаточно и желать.

Неужели, говоримъ ты, и в добродетели сохраняется умеренность? Если это не так, то в старании мера не является необходимой. Если так, то почему один превосходит другого в добродетели? Таковы твои мысли. Но прежде всего следует знать, что существует два класса ревнителей добродетели: один класс совершенных, другой — новичков, или, как Павел говорит, младенцев.

Отсюда можно сделать вывод, что существует два рода добродетелей: один род, охватывающий то, что называется добродетелями в собственном смысле, к которым, как к цели, относятся другие добродетели. Эти последние и составляют второй род. Но совершенные, или мужи — *virī* — отсюда добродетель получает свое название *virtus* — занимают самый замок, или твердыню, добродетели; там нет никакой меры, так как нет и насыщения; отсюда получается, что один имеет преимущество перед другим, ибо и в замке имеются степени восхождения, и, чем больше кто-либо превосходит другого, тем больше пользы он приносит человеческому роду и становится более подобным богу, которого благость не имеет ни конца, ни меры, ни числа.

Отсюда у Павла, если не ошибаюсь, насчитывается пять классов избранных, а именно в отношении заслуг. Ведь чем кто более чужд всему земному, тем ближе он к небесному и к самому источнику света. Сюда относится тот Давидов стих, который я часто пою: //«Как по высоте небесной от земли утвердил»// и проч. Добродетели в собственном смысле — это те, господином которых является сам *ὁ ὢν*¹⁶⁰ или *θεός*¹⁶¹. Таковы: вера, надежда и величайшая из всех и конца не имеющая любовь. Ибо *αὐτός ἔστι ὁ θεός*¹⁶² называется *ἁγάπη*¹⁶³. Все они бесконечно созидают. Свойство веры — замечать или понимать, а чем более кто замечает, тем более надеется, а чем более надеется, тем пламеннее любит; в радости творит добро насколько возможно широко, без какого-либо предела и меры. О, если бы ты, моя душа, могла когда-нибудь достигнуть этого кремля! О, сколь малому числу удастся приблизиться к этому Коринфу¹⁶⁴! Хочешь ли достигнуть? Для этого нужны основания, которые вы называете средствами. Какие же средства? Они следующие: знание греческой и римской литературы, которое дается ночными занятиями (я называю тебе уже средство средства), бегство от толпы и мирских дел, пре-

зрение богатства, пост и воздержание, короче, пренебрежение к плоти, дабы приобрести дух. Таковы же, наконец, и обычные добродетели, присущие даже непорядочным людям. В них следует соблюдать меру, дабы достигнуть тех, в которых не соблюдается никакой меры. Иначе, если ты в одну ночь из-за неумеренных бдений повредишь глаза и легкие, как ты после этого будешь в состоянии читать или беседовать со святыми? Каким путем ты от них узнаешь о боге? Вера видит бога и сама божественна; чтобы ее достигнуть, сохраняй меру в бдениях и трудах и, приобретая духовное, берегись, как бы не убить плотское, когда это плотское может тебя привести к лучшему. Разве не глупо поступает тот, кто, начиная долгий путь, в ходьбе не соблюдает меры? Несомненно, этот не дойдет до Иерусалима: болезнь или даже смерть прервет его путешествие. Поэтому смотри, чтобы твое рвение, не знающее меры, не ввергло тебя в беду. Ах, не хочется предвещать дурное. Ты, мой Михаил, заслуживаешь самой благоприятной судьбы. Ты избегаешь толпы? Сохраняй меру и в этом. Разве не глупец тот, кто избегает людей так, что совершенно ни с кем никогда не говорит? Безумец такой человек, а не святой. Смотри, с кем ты говоришь и общаешься. Ты постишься? Разве не покажется тебе поврежденным в уме тот, кто совсем ничего не уделяет телу или представляет ему лишь что-либо ядовитое? Сокращай излишнюю пищу, дабы не проявлял своей необузданности осленок, то есть плоть; с другой стороны, не убивай его голодом, дабы он мог нести седока. Таковы те прекрасные вещи, которые без меры становятся весьма дурными. В таком возрасте, как твой, бывают такие, которые чрезмерно предаются вину, и такие, которые чрезмерно увлекаются лошадьми и собаками или роскошным образом жизни. Бывают, напротив, такие, которые ведут слишком суровую жизнь. Отсюда это прекраснейшее и божественное правило: $\mu\tau\delta\epsilon\nu \acute{\alpha}\gamma\tau\upsilon$ ¹⁶⁵. Напиши в ответном письме, каково твое мнение, чтобы я знал, нравится ли тебе это. О, если бы Христос, который обещал присутствовать всюду, где двое соберутся во имя его, удостоил принять участие в нашей $\delta\mu\lambda\iota\alpha$ ¹⁶⁶. В противном случае, без него, все напрасно.

Будь здоров, мой Михаил!

Весь твой в госпoде Григорий Саввич

[Конец февраля — начало марта 1763 г.]

*Здравствуй, мой сладчайший любитель муз,
Михаил!*

Радость гони,
Гони страх,
Надежду обращай в бегство;
Скорби да не будет.
Ум огуманен
И связан узами,
Где они господствуют.

Это, если не ошибаюсь, стихи Боэция¹⁶⁷, некоего римского философа. Аффект — это болезнь души, по-гречески τὸ πάθος¹⁶⁸. Болезнь, как я полагаю, есть некоторое расстройство, образующееся из плохо согласованных между собою элементов, именно когда огонь или земля преобладает, или то и другое. Отсюда возникает обострение, по-гречески ὁ παροξυσμός¹⁶⁹. Ибо, когда συμμετρία¹⁷⁰ элементов правильная, тогда все спокойно и мирно движется, как в тех исправных, искусно устроенных часах, которые греки называют αὐτόματου¹⁷¹. Ибо κλεψύδραι¹⁷² и солнечные часы, какие мы видим в зале нашего коллегия, не называются αὐτόματα¹⁷³. От этих физических предметов перейдем к метафизическим, то есть невидимым, или духовным, иначе — божественным. Совершенно тем же способом аффект действует на нашу душу и приводит ее в движение. Отсюда у римлян гнев, страх, желание и прочие аффекты часто называются движениями¹⁷⁴. Счастлив тот, кто свободен от этих движений. Ибо такой человек обладает спокойствием, или покоем души, который ὁ κύριος¹⁷⁵ дарует своим дражайшим ученикам: εἰρήνην τῇ ἐμῇ διδωμι ὑμῖν¹⁷⁶. В первую очередь этот мир упорно борется с аффектами и, как диких коней, сдерживает их уздою разума. Ты радуешься, что ты богат? Ты болен. Радуешься, что ты благороден? Ты нездоров. Боишься смерти? Дурной славы из-за хороших поступков? Ты недостаточно здоров душой. Надеешься лучше жить завтра? Ты недомогаешь. Ибо, где надежда, там же и страх, болезнь и проч. Итак, скажешь ты, я требую вместе со стойками, чтобы мудрец был совершенно ἀπαθεία¹⁷⁷. Напротив, он в этом случае был бы столбом, а не человеком. Остается, следовательно, что блаженство там, где обуздание страстей, а не их отсут-

ствии. Разве Павел не имеет свою τὸν σκῆλοπα ¹⁷⁸, вредящую ему? И бог проходит перед Илиею в дуновении ветерка, то есть в виде легкого движения. Это ты прими; заботы же, страхи и прочее в том же роде должны относиться к господу. Они также μαχαρίζουσι τὸν ἄνθρωπον ¹⁷⁹.

Будь здоров, мой дорогой, и разговор этот прими к сведению!

Твой весь в госпде Григорий Саввич

35

[Конец февраля — начало марта 1763 г.]

*Здравствуй, мой Михаил, более богатый,
чем цари Вселенной!
О свободнейший, чем сатрапы,
беспечнейший, чем покой!*

Ты вызвал у меня невероятную тоску по тебе, не явившись сегодня в школу. О, если бы не оправдалось то, что я подозреваю! Боюсь, уж не заболел ли ты в эти нездоровые времена, чего да не будет по милости Христа! Поэтому ты βραχέως ¹⁸⁰ нас извести, что с тобою.

Наш Яша уже смеется и играет, точно χελιδόνα ¹⁸¹, возвещающая весну. Но он не начнет снова ходить в школу, пока не будет ему сшита хорошая обувь. Ибо его τὸν πορετόν ¹⁸², между прочим, вызвана тем, что он до сих пор пользовался дурными ὑποδήμασι ¹⁸³. Мы с большою охотою предоставим ему эту возможность ради тех, кого мы любим и должны любить. Если ты здоров, осчастливь меня, о мой дражайший.

Твой Григорий Скворода

Кто пашет поле и здоров, счастливее больного царя.
Нет, он лучше даже и здорового царя!

36

[Первая половина марта 1763 г.]

*Здравствуй, храбрейший новобранец Христова
воинства!
Возлюбленнейший Михаил!*

Прочитав с большим удовольствием и не без смеха твое письмецо, я много про себя размышлял, вернее, с тобою безмолвно беседовал, а затем, приготовившись ко сну,

много о том же думал. И вдруг мне показалось, что слышу такой внутренний голос: жизнь наша — военная служба... Поэтому *ὁ διάβολος*¹⁸⁴, после того как он не мог обольстить тебя ни скупостью, ни удовольствиями и тем повредить твоей душе, может быть, решил вредить твоему здоровью? Это, несомненно, так, и действительно мудро сказано: из двух зол нужно выбирать меньшее. Знает этот старый пройдоха, что некоторые самые лучшие умы очень склонны *πρὸς κενόδοξίαν*¹⁸⁵, особенно в таком возрасте, как твой, и этим часто ускоряли час безвременной кончины или неизлечимо повреждали какую-либо благородную часть тела, например, глаза или грудь. Итак, не успев первым способом, он пытается действовать другим путем. Ты же эти нелепые и пустые, но в то же время очень тяжелые труды исполняй так, чтобы не терять из виду интересов твоего драгоценнейшего здоровья. Лучше пожертвовать своим тщеславием. Это получится, если будешь трудиться и напрягаться в такой мере, в какой это достаточно для посредственного ученика и для твоей дисциплинированности, без присущего тебе горячего рвения. Но я обращаюсь к нашему почтенному префекту, господину и другу. Ты же, дражайший, пребывай под крыльями твоего вождя Христа. Будь здоров в нем!

Твой Григорий Саввич

37

[Первая половина марта 1763 г.]

Мир тебе, дражайший Михаил!

Наступает юность года! Новое видно повсюду.
Теперь вот приятно земледельцам предаваться труду.
Предвидя, что весна придет, крестьянская забота
Очищает сады, устраивает хорошие стоки для вод.
Счастлив крестьянин, но еще счастливее тот,
Кто с радостью очищает каналы своего сердца.
И у глухих имеются телесные преимущества.
Однако глупая старость не может быть счастливой.
Осмотри владения души — какая в них растет
трава?
Удали тотчас, если появляется плохая трава.
Скорее удали, если поднимаются терновник и
ежевика.
Богатство заглушает святые слова божии.

Если лук и дикая капуста разрастаются, вырви
и выбрось:

Ибо грязная похоть не может видеть бога.

Если стал расти кедр, скорее подруби его секирой:

Ибо богу неуютно гордое сердце.

Часто у прекрасных деревьев

Начинают вдруг произвольно расти уродливые
сучья:

Отсеки их ножом и выбрось прочь!

Ибо, когда кто-либо занят чтением священных книг,

У того от занятий часто рождается тщеславие.

И наоборот: прекрасные цветы охраняй и лелей.

Прежде всего расти цвет целомудрия.

О, какой прекрасный и сильный аромат от него!

Христос очень любит этот аромат.

Чтобы не терять времени напрасно, я решил лучше беседовать с тобою пусть плохими стихами, чем заниматься бесполезными пустяками. Ибо обычно я лечу скуку преимущественно этим лекарством. Однако не всегда имеется нужное для этого настроение.

Будь здоров, мой дорогой!

Григорий Сковорода

38

[Первая половина марта 1763 г.]

Εὐθύμει¹⁸⁶, мой Михаил!

Δῆμος ὁ χριστιανὸς δαπανᾷ σῶμα καὶ αἷμα
Χριστοῦ, ἀλλὰ αἰεὶ ἐστὶ καχοστόμαχος¹⁸⁷.

Народ, почитающий Христа, ест тело богочеловека,
Упивается кровью, но худо переваривает, неразумный.

Τὰ λοιπὰ ἀναβάλλομαι εἰς ὕστερον χρόνον...¹⁸⁸

Григорий Саввич

39

[Первая половина марта 1763 г.]

*Здравствуй, христианская любовь,
любимейший Михаил!*

Тщетно вкушает плоть тот, кто заключен во плоти,
Кто вкушает не для того, чтобы дойти до смысла.

Нечестивая толпа может коснуться тела Христова,
Но дурная толпа не способна постичь промысл
божий.

Есть тело животное, но есть и духовное тело:
Первое не приносит пользы, второе спасительно.
Первое не помогает, если им ограничиваешься;
Если ж не ограничиваешься, помогает достичь
разума.

Зачем сажаешь маслину, которая не принесет
плодов?

Зачем садишь в землю, когда не даст нового
побега?

Зачем вкушаешь Христово тело, оставаясь
тем же?

Зачем принимаешь семя, когда у тебя нет плода?

Если семя, брошенное в землю, от тепла сгниет,

То новый дух породит от него новые плоды.

Если животное тепло не будет у тебя взято смертью,

То ты не будешь иметь духовного и нового.

Оставь старого человека с его дурным учением,

Прими новые мнения и новые дела божи.

Зачем принимаешь тело, отвергая его разум?

Разве душа не лучше тела и не больше значит?

Телом твоим ты касаешься тела,

Но сердцем ты избегаешь сердца.

Скажи мне, это дружба?

Ты целуешь уста, но являешься врагом его
нравов.

Тебе неприятен тот дух, с которым важно общаться.

Христос — простота, ты же роскошествуешь в
одежде, жилье и пище.

Чем же поможет тебе святое тело?

Христос — девственность, я же взираю в лицо
блудницы.

Чем мне поможет святое тело? Прими, дорогой
мой,

Вместе с плотию дух Христов,

Тогда с господом будешь один дух.

Будь здоров, мой любимейший!

Твой во госпoде Григорий Сковорода

*Здравствуй, утешение в заботах моих,
Михаил сладчайший!*

Я хочу, чтобы в эти весенние дни ты пользовался менее продолжительным сном и более холодной пищей. Учтывай жар своей юности, теплоту весны, сидячий образ жизни и свое чрезвычайное прилежание. Недавно (вчера) мы случайно прочитали у Мюре, что Гален¹⁸⁰, второй, после Гиппократ¹⁸⁰, отец врачей, рассуждая περὶ ὑγίαιων¹⁸¹, выразил мнение, что мальчикам и юношам подходит более холодная, а старикам — более теплая пища. Несомненно, достоин доверия такой автор. Ибо из горячей пищи развивается излишняя влага, а отсюда ὁ κατάρρος¹⁸², который все врачи признают отцом всех болезней. Катар — это насморк (нежидь), а насморк — не что иное, как гной, уплотненный очень большим жаром, развившимся из чрезмерной и горячей пищи, или влага, сгущенная жаром, откуда у греков даже жар в теле, или гной, называется φλέγμα¹⁸³. Поэтому лечение состоит в том, чтобы быть веселым и бодрым. Но мать этого есть трезвость, которая состоит не только в умеренном и холодном питье, но и в такой же пище. Не будет трезвым тот, кто перегружается пищей, хотя бы он и ἄλοχος¹⁸⁴. О, как я был глуп, нанеся урон своему здоровью, поддавшись в молодом возрасте влиянию весьма испорченных товарищей: а ты должен ненавидеть и избегать их пуще ядовитой змеи и бешеной собаки. Но что же я? Как будто не знаю твоей свободной и целомудренной натуры. Прощай, дражайший.

Твой Григорий Сковорода

Κήδιστέ μου ὦ Μιχαήλ,
Χάρην εὐχομαί σοι ἐν τῷ κυρίῳ ἡμῶν!¹⁸⁵

Дни и ночи, оставив все, будем стремиться направлять всякое рассуждение, мой дорогой, к тому превышающему всякий ум миру, который есть //«мир, всяк ум преимущий»//; что представляет собою перевод греческих слов:

τὴν εἰρήνην ὑπερέχουσαν πάντα νόον¹⁹⁶. Чем более стихает жар низменных страстей, тем ближе подходим мы к этому божественному оплоту. Обрати внимание на море сердца твоего, твоих помышлений и взвесь, какой ветер поднимает волнение, подвергающее опасности кораблик души твоей. Не ветер ли честолюбия?.. Старайся умолить, чтобы поспешил тебе на помощь тот, // «которого ветры послушают» // . Что это такое, чем злой дух нас привлекает к подкрашенным красотам мира сего? Блеск дворцов, или πορφύρας¹⁹⁷. Ах, ты не видишь, сколько зла скрывается внутри, под красивой внешностью: змея таится в траве. Δίβαφος τὴν χοιράδα χροπτεῖ¹⁹⁸. Прекрасно ты это понимаешь, душа моя, а чтобы в совершенстве понял и познал, это совершит Христос, если ты будешь тверд в любви к нему (Христу) и правильно употребишь данный тебе талант; пока мы свободны, постарайся, дражайший, чтобы мы чаще и успешно беседовали лицом к лицу ἐν τῇ λέσχῃ¹⁹⁹, письменную беседу отложим на то время, когда будет невозможно и не будет времени непосредственно лично ὁμιλεῖν²⁰⁰, а это время уже скоро наступит. А ежедневно посылай ко мне по утрам нашего Максимочку, чтобы и ему я мог сказать что-нибудь доброе и тебе дать что-нибудь мое, не входящее в круг обыденного. Будь здоров, ὦ κήδιστε, καὶ ἡμᾶς ἀντιφίλει.

Σὸς Ἰρηγήριος ὁ Σαββῖν²⁰¹

42

[1763 г.]

Желаннейший товарищ, мой Михаил!

Сегодня я поднялся так рано, что на целый час с третью предупредил восход солнца. Бессмертный боже, как весела, бодра, свободна, подвижнее молнии и быстрее Эвра²⁰² та наша часть, которая именуется божественной и которая у Марона названа огнем простого дуновения! Итак, по пословице «где у кого болит, там он и руку держит» скупой непрерывно думает о деньгах, купец — о товарах, пахарь — о быках, воин — об оружии, короче, где у кого болит или имеется источник удовольствия, там каждый рад иметь и ум, и язык. Мое же сердце, лишь только я пробудился, устремляется к собственному сокровищу. Я начал размышлять с самим собою так: мы, глупые и несчастные, пего-

дуем, если кто из нас по обычному представлению живет в бедности или скромно, не имея никакой должности, тогда как одна добродетель делает счастливым и сохраняет счастье. Что же, достиг ли ты наконец добродетели? Достиг ли наконец того, что и к тебе могут иметь отношение слова: *ὁμῖν δέδοται γνῶμαι τὰ μυστήρια τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν* ²⁰³? Если нет, то где цена затраченного времени? Обращаясь к самому себе с подобными речами, я начал подводить итог времени: когда, для скольких, на какие пустые предметы я расходовал вещь, превосходящую все по цене. Как и теперь, я не умею пользоваться временем, но то, что имеется в настоящем и что единственно находится в нашем распоряжении, идет на пустяки или, что еще хуже, на сожалеания, или, что хуже всего, на грехи. На будущее мы надеемся, настоящее презираем: мы стремимся к тому, чего нет, пренебрегаем тем, что имеется, как будто может текущее вернуться вспять или будущее наверняка будет достигнуто. Когда я об этом раздумывал, припомнилось греческое двустиише, которое я перевел на латинский и заучил, когда был в лавре святого Сергия ²⁰⁴. Так как это двустиише не лишено изящества, мы приведем его здесь:

Τῆς ὥρας ἀπόλαυε, διέρχεται πάντα τάχιστα;
Ἐν θέρος ἐξ ἐρίφου τραχὺν ἔθηκε τράχυν —

Пользуйся временем, ибо все быстро старится;
Одно лето превращает козленка в косматого козла ²⁰⁵.

О, если бы, мой Михаил, мы так пользовались временем, чтобы, смущенные духом, потом не молили напрасно о том, о чем глупцы обычно тщетно вопят: о, если бы Юпитер вернул мне прошедшие годы!

Счастливо использовал время тот, кто познал, чего нужно избегать и чего домогаться. Ибо невозможно (мы читали сегодня с одним приятелем в руководстве), как говорит Платон в своей книге о государстве, «постоянно следовать добродетели тому, у кого нет твердых убеждений в том, к чему следует стремиться и чего избегать; ибо, кто полезное считает бесполезным и наоборот, тот белое считает черным». «И горе таким!» — восклицает пророк.

Напиши самым кратким образом, в трех словах, как твое здоровье, особенно душевное. Прыщ, появившийся на лице, умоляю, не трогай и не ковырай. Вчера я пришел

У них появляется новое зрение, сердца и ноги
новые.
Так дерево, мертвое зимой, лишь только весеннее
Солнце с высоты его согреет, вскоре оживает.
Посмотри теперь на языки, руки и ноги глупой
толпы.

Чего она хочет? Что делает и о чем говорит?
Всюду говорится о честолюбии, о скупости.
Думаешь, это новые речи? Это старый язык.
Всюду царят преступление, роскошь и грязная
похоть.

Ты думаешь, это новые дела? Нет, это старые дела.
Люди стремятся лишь угождать чреву и тленной
плоти.

Думаешь, это новые сердца? Это старые сердца.
О, сжался надо мною, милостивый заступник!
Приди!

Дай мне новое сердце, слова новые и руку новую!
Освободи меня из пещеры, где находится эта
жалкая толпа!

Прибщи меня к небожителям, которым сияет новая
земля!

Дражайший Михаил!

Эти стихи мне показались не лишними приятности. Когда я в этот священный день, который является целью и *σκοπός*²⁰⁹ всех праздников, размышлял о священных предметах, относящихся к *φιλαυτίαν*²¹⁰ или к благочестивым изречениям, эти стихи на меня повлияли, то есть побудили душу к благочестию. Поэтому я решил их сообщить и тебе, моему другу и ревнителю науки, а еще более — благочестия, которое одно делает человека счастливым. Если моряк своими морскими речами обменивается с моряком, купец — с купцом, солдат — с солдатом охотно *ἐμιλίαις*²¹¹, то неужели тот, кто отдается благочестию и полезным наукам, будет нем с тем, кто занимается тем же и является его другом? О, так не может быть! Однако обрати внимание не на изящество слов, почти ничтожное, а на то, мыслим ли мы достаточно благочестиво, на силу высказанных мыслей, — определяй вкус не по скорлупе, а по ядру. *Ἀγιώτατος ὁ παράκλητος*²¹² совершит в свое время то, что, отвергнув древнее и глубокое, оставшись с

одним молоком благочестия, будешь стремиться к повой пище, достойной христианского мужа, дабы к тебе могло быть применено пророчество об Иуде: зубы его белее молока.

*К тебе весьма расположенный
Григорий Саввич*

44

[Вторая половина мая —
начало июня 1763 г.]

Более всех любимый друг Михаил!

После вечерней молитвы я имею большое желание возобновить вчерашнюю прогулку. По выходе из храма направлюсь ко мне или следуй прямо вчерашней живописной долиной по тем изменным местам, по каким мы вчера возвращались, идя так медленно, чтобы я мог за тобою следовать. Я приведу с собою и большую часть хора, то есть моих певчих — мальчиков. Возьму и того автора, дарование которого мне доставляет величайшее удовольствие. Действительно, он так мудр и вдобавок так остроумно срывает маску с этой прелестнейшей и презреннейшей блудницы, то есть этого мира. Но допустим, что он, [мир] такой, за которого его обычно принимают. Однако мудрец должен и из навоза выбирать золото. Разве Христос для грешных //падение//, а не *ἀνάστασις*²¹³? Разве чистым не все чисто? Но что я его тебе хвалю? Не будем походить на того напыщенного и напитанного глупой философией схоласта, который смеялся над *ἐπίγραμμα*²¹⁴, известной надписью... Я скажу только вот что: никто остроумнее, полнее и полезнее не показывал скрытую от глаз нечистоту мира. Таких, как ты, сов он наделяет зрением: //«Дажд премудрому вину»// и проч. Следующие слова Теренция, по-видимому, на то же указывают: извлекай из опыта друзей то, что тебе будет полезно. Против воли кончаю. Об этих предметах следует рассуждать ночью и днем. Написал стихи и для Николая: в них мы достаточно показываем обманчивые прелести мира.

Будь здоров, дражайший!

Твой Григорий Саввич

Тезис: Мудрец скромен

Если кто-либо, будучи допущен к святыням изящных муз, не вполне к ним приобщился, но лишь, как говорится, краями губ вкусил от этой подлинной мудрости, такой человек, по крайней мере по моему мнению, не может не быть скромен.

И это не удивительно. Как глупость есть мать всех пороков, в том числе и высокомерия, которому свойственно домогаться и бремени сверх силы, и почести сверх достоинства, и славы сверх заслуги, так мудрость есть подлинная родительница как прочих добродетелей, так и скромности, которая, меряя себя, как говорится, своей собственной меркой скорее спускается вниз, чем возносится вверх.

Прекрасно у Плутарха в его правоучительных сочинениях ²¹⁵ наряду со многим другим написано следующее: «Земледельцы, — говорит он, — с удовольствием видят колосья, наклоненные к земле; те же колосья, которые по своей легкости поднимаются вверх, считают пустыми и вымолоченными. Ибо подобно тому как пшеничные колосья без зерен легко поднимаются среди других, полные же и тяжелые, прячась, опускаются вниз, — так и среди людей, кто наиболее пуст и лишен серьезности, тот более всего стремится к почестям и отличается дерзостью, имеет лицо и походку, исполненную надменности и презрения, не щадящего никого».

Ввиду этого я никак не могу допустить, будто благоразумен тот, кто лишен скромности, и что не обладает добрым и здравым разумом тот, спутницей которого является эта любезная и приятная добродетель.

Счастливейший φιλόλογε ²¹⁶

Μιχαήλ, здравствуй!

Итак, целых три дня мы молчали. Но возместим молчание. Экзаменуя юношей, я вынужден был сам омолодиться и писать по правилам то, что называют τὴν χρῆσιν ²¹⁷. Посылаю ее тебе в качестве лидийского камня. Если не понравится, то прими во внимание, что я никогда не занимался правилами ῥητόρων ²¹⁸, если же ты ее найдешь не

совсем нелепой, то отнеси это на счет старых книг, которые, как ты знаешь, я усердно изучаю. Что касается твоей поговорки: //«абы ся курыло»//, то она меня замучила: почти все три дня я ею занимаюсь. Но прежде всего прими во внимание следующее: не обязательно у греков или римлян вошло в поговорку то, что вошло у нас. Поэтому не в форме поговорки, я полагаю, ты так вполне удовлетворительно можешь сказать по-латыни: *mihi umbra suffiat* — мне довольно тени, названия и подобия. Греки *παρομιχαστί*²¹⁹ выражают словом *ὡς τύφω*²²⁰. Наша поговорка в данном случае говорит, что достаточно дыма, хотя бы до пламени дело не дошло. Таким образом, и здесь тень вместо тела, знак вместо вещи. Но вот тебе и поговорка: *dicis gratia*, как ты сказал бы: *dicationis gratia*, как говорится, для виду, когда что-нибудь делается на скорую руку, — способ выражения у плохих исполнителей религиозных обрядов, которые часто в храме жертвуют богу не то, что его достойно, но лишь бы иметь знак, что они пожертвовали. Переводи так: //«абы то для славы»// и подобное. По-латыни можно сказать: *crasso filo* — «грубою нитью». Несомненно, есть поговорка: *tenui filo* — «тонкою нитью».

Будь здоров, мой дорогой!

Твой Григорий Саввич

46

[Конец июня 1763 г.]

Драгоценнейший друг мой Михаил!

Кто такой был этот Демонакс²²¹, для меня еще не ясно. Предполагаю только, что он был спартанец, каковой род людей не столько отличался красноречием, сколько остроумием и преданностью добродетели. Но что он был за человек, я вижу уже по его изречению, которое мне очень нравится. Вот оно: *Ἐν ἀλλοτρίοις παραδείγμασι παιδεύε σκαυτὸν καὶ ἀπαθῆς τῶν κακῶν ἔσῃ*²²². Это изречение ради учебных целей мы дословно передадим так: «На чужих примерах учи самого себя и будешь не чувствителен к бедам», то есть не потерпишь бедствий. Ибо первое его изречение, я полагаю, ты знаешь: в нем он порицает *τοὺς πολυπραγμονέοντας μὲν περὶ τοῦ κόσμου, περὶ δὲ τῆς ἑαυτῶν ἀκοσμίαις οὐ φροντίζοντας*²²³. Что касается ранее приведенного изречения (о последнем мы будем говорить в другом

месте), то поразительно, как все мы против него грешим. Ибо если бы мы, как говорит Теренций ²²¹, учились на опыте других, извлекая из него нам полезное, и если бы мы всматривались в жизнь других, как в зеркало, то гораздо менее к нам было бы применимо изречение: «опыт — наставник глупцов». Такое поведение, помимо того что оно очень полезно, доставляет нам также чрезвычайно приятное зрелище и составляет значительную долю умозрения тех мудрых людей, которые, как говорится, плавая в гавани, используя чужие несчастья, подобны гомеровским богам, которые *ὀφραὶδὲν* ²²⁵ радуются не тому, что с другими что-либо произошло, а тому, что видят себя непричастными к этим бедствиям, находящимися в безопасности. Ибо к чему нам эти великолепные *θέατρα* ²²⁶ язычников? Разве мир и народ не лучшее зрелище, к тому же бесплатное наподобие известного Пифагоровского торжества ²²⁷. Ты увидишь, как один стонет под тяжестью долгов, другой мучается честолюбием, третий — скупостью, четвертый — нездоровым желанием изучить вздорные вещи. И кто их всех перечислит? Объясни понятие души, и ты убедишься. Я тем охотнее об этом сказал, что приближаются и скоро наступят каникулы, подстерегает скука. Если против нее ты не вооружишься, то берегись, чтобы эта скотина не столкнула тебя не с моста, как говорят, а с добродетели.

Будь здоров, дражайший! Теперь мы очень легко будем друг с другом видеться и при случае поговорим.

47

Драгоценнейший друг Михаил!

Чем занят теперь твой быстрый ум?

Где он у тебя блуждает?

Чего он желает, к чему стремится, чего избегает?

Действует ли он уверенно или колеблется?

Если он действует уверенно и свято, ты блажен.

Если колеблется, то и ты колеблешься.

Где сердце вздымается колебаниями,

Там царят отвращение и скука.

Моряк не поет, но, теряя спокойствие, боится,

Когда беснуются морские волны,

Когда бешеный Австр ²²⁸ вздымает Адриатику,

И моряк теряет управление кораблем.
Наш ум никогда не остается праздным;
Он всегда любит чем-нибудь заниматься.
Если не найдет хорошего занятия,
Он обратится к дурному.
Снабжай его тем, чтоб он мог славно потрудиться,
Но прекрасным
И не слишком многим.
Так ты можешь избежать злейшей тоски
И достичь сладкой жизни.

Прекращаю писать стихи, ибо мне кажется, будто я из камня выжимаю воду. Лучше прозой что-нибудь.

Ты же нам пиши, если сам не придешь. Прежде чем я отправлюсь, имею намерение использовать время для беседы с тобою. Ты свободен, я тоже. Ты занимаешься наукой, я до некоторой степени тоже. Ты с удовольствием меня слушаешь, я охотно говорю. В чем же дело? Если ты не придаешь значения месту, где бы мы могли обычным образом болтать, пошли мальчика к нам — если он свободен — договориться. Ибо не всегда будет лето...

Будь здоров, мой дорогой!

Твой Григорий Саввич

Толпа пьянствует, а мы не поговорим о порядочных предметах? Как это так?

1763 года, июля 7-го дня

48

[1763 г.]

Здравствуй, желание мое,

Κἦδος τε τερπολῆ τε τῆς ψυχῆς ἐμοῦ²²⁹,

Михаил драгоценнейший!

Подобно тому как τὸ μουσικὸν ὄργανον²³⁰, если мы его слушаем издали, кажется для нашего слуха приятнее, так беседа с отсутствующим другом обыкновенно бывает намного приятнее, чем с присутствующим. Особенно с тобой у меня получается так, что я тогда более люблю тебя и стремлюсь к твоей τῆν ἡδυστην προσηγορίαν²³¹, когда отсутствую и когда без участия тела душа с душою безмолвно и ἄσωματῶ ὁμιλεῖ τε καὶ συνδιὰτρίβει²³². Тогда никакое расстояние и никакое пресыщение не уменьшают сладости, а, напротив, ее увеличивают, наслаждение все более и более воз-

растает, ибо совсем иное положение и состояние невидимого, чем телесного и тленного. Эти соображения не последнее место занимают среди тех, которыми я обычно смягчаю житейские невзгоды. Ибо что приятнее, слаще и живительнее, чем любовь? Разве мне не представляются подлинно лишенными солнца и даже мертвыми те, кто лишен любви, и я нисколько не удивляюсь, если $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma\ \epsilon\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\acute{\eta}$,²³³. Далее, хорошая любовь та, которая является истинной, прочной и вечной. Любовь никоим образом не может быть вечной и прочной, если рождается из тленных предметов, то есть из богатства и прочего в том же роде. Прочная и вечная любовь возникает из родства вечных душ, укрепляемых их добродетелью и не подверженных разрушению. Ибо, как гнилое дерево не склеивается с другим гнилым деревом, так и между негодными людьми не возникает дружбы. Поэтому если наша любовь тебе дорога, то не бойся, что она прекратится. Ибо, поколь ты считаешь добродетель, дотоль и любовь растет, подобно тому как дерево незаметно с годами растет и само становится сильнее, чем смерть. Постоянно находишься перед глазами души моей, и, о чем бы хорошем я ни думал и чем бы я ни занимался, мне кажется, тебя я вижу лицом к лицу. Ты мне являешься, когда я удаляюсь в уединение; ты мой спутник и товарищ, когда я нахожусь в толпе. Когда я скорблю, ты тотчас же берешь на себя часть скорби; если я чему-нибудь радуюсь, ты тоже являешься участником радости, так что я не могу умереть без того, чтобы образ твоей души я не унес с собою, так тень уносит тень, если только это разделение может произвести смерть, которая разрушает тело, душу же делает еще более свободной. Так, свободный от тела, я буду с тобою в памяти, в мысли, в молчаливой беседе: до такой степени любовь сильнее самой смерти. Эта наша любовь к тебе, постоянно помышляющая о твоём благе, пусть теперь также скажет тебе о чем-либо таком, что послужило бы на пользу твоей душе и твоему телу. Но что же мне сказать тебе? Рассказывают, когда знаменитый мудрец Катон²³⁴ понял, что временно подавленный Карфаген снова помышляет о войне против Рима, то советовал римлянам начать новую войну против карфагенян; когда же римляне его совету не последовали, он, однако, не переставал советовать. И когда в сенате ему нужно было высказать какое-нибудь мнение, он говорил: «Я думаю так», — (прибавлял): — «Все-таки нужно начать войну»

против Карфагена». И он так поступал до тех пор, пока не убедил римлян, и Карфаген был сравнен с землей; таким образом Рим был освобожден от страха. О дражайший! Избегай общества дурных людей! Избегай их! Беги от них далеко! Помни это! Освободи меня от страха! Ах, как я боюсь! Удали от меня, если меня любишь, страх и заботу, которые меня терзают, которые меня теперь жгут и преследуют, скопившись в моем сердце.

Я не успокоюсь, пока не услышу, что ты избегаешь их (злых людей) более, чем ядовитых змей. Помни, что ты храм божий. Сохрани тело в чистоте! А прежде всего сохрани душу! Сохрани не для мира, а для Христа, лучшего господа твоего и моего. Ты сохранишь, если будешь бодрствовать. Будешь бодрствовать, если будешь трезв. Будешь трезв, если будешь молиться, лить слезы и избегать праздности. Пусть не трогают тебя дворцы, замки и храмы рукотворные, но, преклонив колени, возноси постоянные мольбы к единственному телу и душу хранящему, нерукотворному Соломонову храму. // «Да будут очи твои открыты на храм сей... день и ночь» // и проч. О, если бы можно было писать так же много, как мыслить! 'Ο Χριστός²³⁵, да просветит своим светом эти лучшие твои задатки, и руками чистоты, непреодолимыми для дьявола и его слуг, да сохранит твое тело в добром здравии, аминь!

*Весьма тебе преданный
Григорий Савви*

12 июля //из Белгорода //

Желаннейших твоих писем жду. Напиши, что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал. Ты получишь от меня все, что в твою пользу и в моей возможности. Но и ты желаешь только самого лучшего, да и я, кажется, свободен для всего святого. Об этом письме, кроме твоего хозяина, почтеннейшего о. Бориса²³⁶, никому не сообщай. Ибо ты знаешь, как безмерно завистлива и лжива человеческая чернь. Прощай! Будь здоров!

49

[1763 г.]

Желаннейший Мизаил — радуйся в госпoде!

Уже три дня, как готова ода, обещанная мною. Что касается меня, то я не проводил бы ни одного дня без беседы с тобою. Никогда не спит этот лев — дьявол, поэтому нам

всегда надо бодрствовать. Как неожиданным ударом поражает тело враг, так и этот духовный враг никогда не перестает бросать в нашу душу огненные стрелы страстей и ими поражать. Ты погасишь их, если подумаешь о том, что у тебя есть все, в силу чего ты можешь сделаться великим, т. е. святым, мужем. Из-за чего ты мог бы мучиться, страдать? Из-за того, что ты не участвуешь в попойках с обжорами? Что в дворцах князей не играешь в кости? Что ты не танцуешь? Что не находишься на военной службе? Если все эти жалкие вещи составляют предмет твоего восхищения, то ты еще не мудр и являешься одним из многих. Ты еще не блажен, если вне себя ищешь какие-то блага. Собирай внутри себя свои мысли и в себе самом ищи истинные блага. Копай внутри себя колодец той воды, которая орошит и твой дом, и дома соседей. Внутри тебя находится то основание, как говорит Плутарх, источник спокойствия; старайся этот источник очистить, черпая не из свиных луж, а из священных книг святых людей. Пусть не увлекает тебя толпа, гоняющаяся по морям и сушам за непостоянным, но, пребывая в своем доме, смотри, что делается худо или хорошо. Что тебе поможет скипетр, или дворец, или золото, если ты потеряешь и убьешь ценнейшую душу свою, то есть самого себя? Разве не из болезней души рождаются и телесные болезни? Лишь только греховная страсть воспламенит твою душу, знай, что она поражена и даже мертва. Почему не заботишься ты о том, чтобы извергнуть страсть — смерть драгоценнейшей части самого тебя? Зачем ты блуждаешь умом? Зачем возделеешь, когда внутри себя имеешь все блага, если будешь благоразумен? Зачем стремишься к пирам и к толпе, к собраниям недостойных? Что видишь там доброго? Подави и обуздай τῆς φρενῆς ²³⁷ души своей и уже теперь привыкай быть царем. О, если бы у меня был ἡ τοῦ πνεύματος μάχη ²³⁸! Я бы отрубил у тебя скупость и уничтожил бы роскошь и дух нетрезвости, поразил бы честолюбие, сокрушил бы κενοδοξίαν ²³⁹, пронзил бы страх смерти и бедности. О святейшая трезвость! О благая бедность! О спокойствие душевное! Как мало людей вас знает! Если ты еще не видишь, что в грехе заключаются все виды зла, ты еще не мудр, не обладаешь богословскою верою. Однако верь, не видя. Если ты еще не видишь, что весь рай заключается в твердом сохранении и соблюдении заповедей божиих, ты еще не имеешь божией благодати; верь, однако, и возглашай

с Давидом: // «Открой очи мои и уразумею»// и проч., пока, уразумев несказанную, заложенную в них пользу, ты не скажешь: // «Наследовал откровения твои век за воздаяния»// Это ищи, это... призывает Вергилий. Если ты это будешь всем сердцем искать, найдешь... Постарайся? Какая это неправда? Не вводи себя в заблуждение. Христос господь да убережет душу твою и тело твое от ядовитых сотоварищей, от всякой нечистоты, от огненных стрел! Будь здоров, дражайший, и нам пиши! Жажду знать, как ты поживаешь.

*Твой христианский друг
Григорий Саввич*

Июля 18, из Белгорода

50

[29 августа 1763 г.]

Μείζων ἐν γενητοῖς ἑταίρων προφήτης Ἰωάννου
τοῦ Βαπτιστοῦ οὐδεὶς ἐστὶν (Лука, 7)²⁴⁰

Сегодня мы празднуем кончину того, кто, как говорит Христос, был самым великим из всех рожденных женами. Остановим же очи ума и поразмыслим немного, каков он был, что творил, пока был в живых, и за что был богом признан столь великим. Он был пророк божий, воспевал божественное, исправлял грешников, возвращал их на правильный путь, всем говорил, кто такой Христос, что вот уже близко и должно наступить пришествие Христа; пусть украсят себя, дабы он, как жених, нашел их готовыми, иначе говоря, секира извлечена и готова. Итак, великое дело быть ученым евангельским? Да, мой дражайший Михаил, не только великое, но и величайшее. Нечестивейший человек был Ирод, до последней степени испорченный по своим нравам и воспитанию, привыкший к роскоши в такой же мере, в какой мы видим теперь большинство магнатов, однако и он // «в сладость послушал его»//; в такой степени верно то, что сказал Платон: «Нет ничего приятнее для слуха, чем истина». Я не высоко чту и не отношусь с благоговением к таким царям, каким был Ирод; у меня нет этих чувств даже и к хорошим царям; но я чту небесного ученого, пророка, жреца. Если великое дело повелевать телами, то еще большее дело управлять душами. Великое дело одарить золотом, что цари обычно делают, но разве не великое дело привести к золоту мудрости? Какую индийскую жемчужину можно сравнить с таким дра-

гоценным камешком, как похвальное целомудрие? Если великое дело лечить тело, то не величайшее ли дело вместе с телом сохранять и душу человека целой, здоровой, невредимой? Но это бывает, когда кому-нибудь предлагается и внушается умеренность, мать целомудрия. Эти две добродетели делают то, что глаза человека становятся чрезвычайно острыми и совсем орлиными, ноги — исключительно легкими и оленьими, память — крепкой и ангельской, суждение — божественным, а не человеческим, все тело, наконец, — чистым и свободным, достойным τῆ ἐκδοῦτῃ ²⁴¹ божественной мудрости, которая избегает порочного тела, как пчела дыма. А что мне сказать о невидимых благах души? Это знает только тот, у кого есть опыт. Иначе [это] не проникнет в сердце. Такие и столь великие блага дарил Ἰωάννης ²⁴² покорным, давая им науку о Христе. Не справедливо ли Христос называет его величайшим среди рожденных женами? Но обрати внимание, какими путями он достиг этого, какими παρασκευαίς ²⁴³. Он не искал дворцов, не уходил, будучи юношей, в многолюдные и роскошные города, не предавался чревоугодию, но ушел в пустыню, ища единственно царствия божия, не заботясь ни об одежде, ни о пище, зная, что их не будут лишены рабы божии, зная, что роскошь есть главный враг целомудрия, которое единственно любит Христос и без которого никто не допускается к таинствам царствия божия. Поэтому он был опоясан τῆ ζωνῆ ²⁴⁴ кожаным, строго исправляя распушенность плоти. Так укрепленный, он был таким великим ученым в столь великом дворце божием. О дражайший, будем подражать таким мужам! Возьмем вершину, дабы наверное овладеть серединой. Прочти δημίαν ²⁴⁵ нашего Гедеона, которую он имел в день его Иоанна кончины. Под конец последняя или предпоследняя страница так начинается: //«Голос слова...»// — какой, не знаю. Прощай, дражайший.

Твой Григорий Скворода

51

[Сентябрь — октябрь 1763 г.]

Здравствуй, моя радость, дражайший Михаил!

Когда я читал τὰ μοναχικά ²⁴⁶ Евагрия ²⁴⁷, мне больше всего понравились следующие места, о которых сообщаю и тебе, счастливейшему кандидату христианской филосо-

фин. Ты ведь знаешь, дражайший, что я часто восхвалял τὴν σχολὴν καὶ τὴν ἡσυχίαν, τὴν τοῦ Χριστοῦ σοφία ἐνδιατρίβουσαν²⁴⁸ и называл самого Христа главою схоластов.

Но послушай совет нашего Евагрия:

Βουλὴ τοιγαροῦν ἀγαπῆτὲ τὸν μονηρῆ βίον ὡς ἐστὶν ἀναλαβεῖν καὶ ἐπὶ τὰ τῆς ἡσυχίας ἀποτρέχειν τρόπαια ἄφες ἐκεῖ τοῦ κόσμου τὰς φροντίδας — τουτέστι αὐλος ἔσο, ἀπαθής, — ἵνα τῆς ἐκ τούτων περιστάσεως ἀλλότριος γενόμενος δυνήθῃ] ἡσυχᾶσαι καλῶς²⁴⁹.

И немного далее: Μὴ ἀγαπήσεις οὐκῆσαι μετὰ ἀνθρώπων ὑλικῶν — ἢ μονοσοῖκει, ἢ μετὰ ἀδελφῶν τῶν αὐλῶν καὶ ὁμοφρόνων σοῦ²⁵⁰.

Но ты мне скажешь: мои мысли не лежат к монашеству и потому, к чему мне это? Пусть так, но почему не послушать ангельских слов? Тем более, что простой христианский народ плохо понимает τὸν μοναχόν²⁵¹. К тому же существует древнее изречение: «Бери вершину и будешь иметь середину». Что касается меня, то я считаю монаха высшим учеником Христа, во всем совершенно подобным своему наставнику. Ты скажешь: но апостол выше монаха. Согласен, но сам апостол становится таковым лишь из монаха; пока он управляет самим собой, он монах, когда же он начинает управлять и другими, тогда становится апостолом. Христос, когда он был в пустыне μοναχὸς ἦν²⁵², то есть совершенно нематериальным, или, как говорят греки, αὐλος (невещественным). Этим объясняется, почему монахи называются ангелами; это не потому, что они вне тела, а потому, что они во всем простились с телом, даже почки выжгли, как повелевает Мойсей, потому, что их уделом (ὁ κληρὸς) является только господь (в его лице причину видят). Однако это происходит лишь после смерти, то есть тогда, когда кто-либо, совершенно оставив все земное, умирает, так чтобы о нем можно было сказать: // «Енох же не обретется среди живых»// и проч. Но будь здоров, сладчайший, // «и ревнуй духом высшим!»//

Твой συμπαθῆτης Γρηγόριος Σ[κουροδά]²⁵³

52

[Сентябрь — октябрь 1763 г.]

Здравствуй, сокровище софистических жемчужин!

Духовное оружие куда превосходнее телесного, и ты, прекрасно с головы до пят вооруженный философией, этим πανοπλία²⁵⁴ немало других приводишь в трепет и

обращаешь в бегство. Я же, будучи твоим другом, никогда даже, как говорится, капли не пролил в море, то есть никогда ничем не содействовал твоему вооружению и, в то время как другие в этом принимали большое участие, сам я был тебе ἀσώμβολος²⁵⁵. Поэтому я решил попытаться, не могу ли я, разбирающийся в этом, как осел в лире, хоть немного в этом отношении служить и содействовать тебе. Поэтому прими от меня одну схему рассуждения, называемую у софистов ἀνζυμέντι²⁵⁶. Она гласит: «Если кто взял деньги взаймы, то другой не должен за него платить». Я взял у тебя деньги, будучи безбородым; теперь, через пять лет, я сделался другим, так как у меня борода; следовательно... Если, как ты, может быть, скажешь, борода не меняет сущности дела, то возьми рассуждение в таком виде: будучи иудеем, я взял золото взаймы, следовательно, сделавшись христианином, я не должен платить. Строю такой силлогизм: с переменной сущности одно становится другим по своему бытию; но так как сущность невидима и поэтому духовна, по духу же христианин совершенно меняется и становится другим, следовательно, тот, кто взял деньги взаймы, будучи иудеем, не должен платить, став почитателем Христа. Но мне кажется, ты выступаешь против меня с сотнею сотен твоих парнокопытных; поэтому, подражая Теренциевскому Тразону²⁵⁷, я приму меры предосторожности и не под конец, как он, а с самого начала подобно трусливому Полонию²⁵⁸ заберусь в угол и издали в тебя пушу свою стрелу.

Привет тебе α τῶν σοφιστῶν!²⁵⁹

Осел среди софистов Григорий

53

[Сентябрь — октябрь 1763 г.]

Мой Михаил, хвала тебе!

Трех врагов видит перед собою воин Христа,
С какими ему постоянно приходится вести войну.
Первый враг его — это нарумяненная обезьяна; ты, мир,
Который наш вождь называет разукрашенным гробом.
Второй враг — соблазнительное тело женщины,
Которое никогда не перестает влечь мужчину ко злу.

Третий и последний враг, еще более опасный,—злой
демон,

Отец глупости, от которой происходит всякое зло.

Ну, молодой воин Христов! Куй себе меч!

Помни, что наша жизнь — непрерывная борьба.

*Твой старый сотоварищ по военной службе
Григорий Саввич*

54

[Сентябрь — октябрь 1763 г.]

Здравствуй, благожелательнейший мой Михаил!

Я нашел гавань, прощайте, надежда и счастье!

Достаточно вы мною играли, играйте теперь другими.

Это исключительно изящное двустушие заимствовано у того ученейшего автора, который, кто бы он ни был, весьма красноречиво и подробно описал гомеровским стихом „Жилблазовы: похождения“²⁶⁰; я не сомневаюсь, что оно и тебе понравится. Ради упражнения мы передали его ямбическими стихами так:

Я уже касаюсь гавани, прощай, надежда и счастье;

Вы довольно играли мною, играйте теперь другими.

Попробуем теперь передать также стихами двойного размера, если это будет угодно музам:

Гавань приняла меня в свое лоно,

Надежда и счастье, прощай!

Перестаньте играть мною;

Теперь уж играйте другими!

Но попытаемся также дать это чередующимися стихами: ты, любитель муз, призови их на помощь, может быть, они посоделят тебе:

Меня уже согревает в своем лоне спокойная гавань:

О надежда и счастье, прощайте!

Не хочу быть больше вашею игрушкой, довольно.

Теперь уже играйте другим!

Я боюсь, что наделал ошибок. Но самая настоящая ошибка — это та, которую допускают при учении. Часто зло является добром. Почему? Думаешь ли ты, что я достаточно испустил вину? «Какую вину?» — спросишь ты.

А ту, что я вчера не был, как обещал, хотя п условно, как будто я наперед знал, когда давал обещание. Ибо я был у священника Григория (Доментеевского)²⁶¹, человека, ко мне весьма расположенного, характер которого я очень люблю, не говоря уже о его дарованиях и образованности. Следовательно, то, о чем мы вчера имели в виду говорить лицом к лицу, придется заменить другими темами, чтобы некоторым образом компенсировать эту ἀπροσῆγορίαν²⁶² и бодрым, веселым посещением возместить и покрыть то, что я не пришел. Далее, что касается того, чтобы поговорить секретно с нашим Николаем о вашей ссоре, то подожди немного. Обещаю вас помирить. Что сладостнее любви и согласия? Я знаю твой очень простой и безобидный характер, однако ошибки друзей мы должны искусно исправлять или переносить, если они не серьезны.

Твой Григорий Саввич

55

[Сентябрь — октябрь 1763 г.]

*Здравствуй, воспитанник божественных муз,
Михаил дражайший!*

Счастлив тот, кто бежит от дел,
Как древние христиане!
Кто свое сердце совершенствует добродетелями
И очищает чтением священных книг!
Горькая забота такое сердце не влечет,
И никакой страх его не тревожит.
Крепкими зубами его не снедает черная зависть^а
И не поедает^б скверная похоть.
Приятное время дарит нам покой
В мире с небесными...

Но достаточно! Вернувшись из школы, я твердо решил с тобой основательно поговорить о подонках черни, сразу написал эти стихи, заглядывая в экземпляр на-

^а Livor (снижий) вместо invidia (зависть); livida, т. е. синяя, ибо завистливые по большей части бледны, а бледность есть смесь белого и голубого цвета.

^б Est (есть) вместо edit (ест). Так и Гораций: «Siquid est animum, differt curandi tempus» — «Если что-нибудь грызет душу, ты откладываешь время забот» (лат.) проч.

шего Флакка ²⁶³. Что поделаешь? Такой я человек: нет мне ничего приятнее, чем эти пустяки. И если я сталкиваюсь с человеком, увлекающимся теми же пустяками, я еле еле не касаюсь головою звезд. Понимаешь ли, куда клонят эти напыщенные речи, как он же говорит.

Скажу тебе: я намекаю на тебя, ибо я люблю тебя, а ты наравне со мною большой охотник к этим пустякам. Ибо моряк, как говорят, хорош для моряка, осел для осла, а свинья для свиньи.

Будь здоров, мой дражайший любитель муз!

*Твой сопитомец муз
Григорий Саввич*

Вчера я встретил нашего Николая ²⁶⁴, и мы зашли в мой музей, если я не ошибаюсь, в первом часу ночи. Отбросив все околичности, я говорю: «Почему ты сердиться на нашего Михаила? Или почему ты мне не сообщил, если он сделал такое, что даст тебе справедливое основание для неудовольствия?» Он отрицал, что был на тебя сердит, хотя и имел для этого справедливое основание; он был сердит, но перестал сердиться. Спрашиваю, что же он такое сделал? Во-первых, сказал он, ты когда-то ему несколько раз писал в ответ на его письма надменно и дерзко, отвергая его дружбу и заявляя, что ты не желаешь иметь таких друзей и чтобы он искал друзей среди себе подобных, ибо ты боялся, что такие друзья вовлекут тебя в опасную компанию, результатом чего будет дурное поведение. Затем он рассказал, что ты избегал разговоров с ним, хотя он сам и желал бы поболтать с тобою. Словом, он не очень домогается твоей дружбы, раз ты в ней отказываешь. Он сказал о тебе почти все то, что ты сказал о нем третьего дня. Я ему по поводу этого говорю: «Как бы то ни было, ты, товарищ, перестань сердиться». Он поклялся, что никакой обиды на тебя не имеет. Так мы и разошлись. Я выразил догадку, Михаил, что он тебя заподозрил в том, будто ты в разговорах со мною плохо о нем отзывался. Он в этом признался. Комическое заблуждение! Мой Михаил, оставь все это! Что касается меня, то я признаю тебя ни в чем не виноватым; тем не менее мы часто неблагоприятно грешим в отношении друзей. Все это пустяки. Будь здоров!

Χαῖρε, ἐράσμιέ μου τέττιξ, καὶ φίλτατε μύρμηξ!
Μιχαήλ φιλόμουσε! ²⁶⁵

Говорят, что кузнечики питаются росой ²⁶⁶. Поэтому очень уместно человека, преданного музам, назвать кузнечиком, так как святилищем муз называется то гора *δρσοφόρος* ²⁶⁷, то чистейший источник. Более того, и в наших священных книгах часто упоминается роса, например //роса аермонская// и проч., и очень часто говорится о дожде и источниках, как, например: «Сошел как дождь на руно...// и //«ополчились сыновья израильские при 12 источниках». Это есть та роса и вода, которая наполняет и восстанавливает жаждущие души. Когда любимейший ученик Христа Иоанн упоминает об этих водах в Евангелии, он прибавляет следующее: //«Сие же сказал о духе»// и проч. Подобно тому как роса, по-гречески *δρόσος*, падающая сверху, совершенно не содержит в себе пыли, а есть как бы беспримесная и чистейшая слеза спокойного воздуха, так и учение И. Христа совершенно непричастно к земле и все в своем полном составе духовно, дух же вполне *ἀσώματος* ²⁶⁸, нематериален и поэтому совершенно тайно скрывается в недоступных областях, как вода в жилах земли, избегая непосвященных глаз, пока не вырвется в виде ключа или каскада из расселины скалы. Но, увы! Как мало кузнечиков, хотя всюду полно ослов, которые любят мутную воду и не пьют, как говорит твой Аристотель, прежде чем не замутят воду. А сколько свиных стад, которые по природе своей ненавидят источники, ищут *κοινόν* ²⁶⁹ и грязь, любят низкие и болотистые места, тогда как олени бегут к источникам... Чрезвычайно соответствует также имя муравья человеку, стремящемуся к истинной мудрости, иметь ли в виду наших муравьев, таскающих пшеничные зерна, или известных золотоносных муравьев Северной Индии, названных так потому, что они таскали золото из горных пещер ²⁷⁰. Имея их в виду, божественный Василий у нашего Эразма так говорит своим внукам: «Делать то, что не вызывается необходимостью, будет ли то лидийская глыба ²⁷¹ или дело золотоносных муравьев, тем более не следует, чем менее это нужно». Ты слышишь

из Священного писания, как Иисус перемалывает то ячменные, то пшеничные хлебы — один раз для народа, другой раз для учеников. Ты слышишь, как мудрость называется то жемчужиной, то золотом. Она, как пшеничное зерно из колоса, вымолачивается волами, какой был Лука ²⁷². Опять, как золото, скрывает ее бог в глубочайших тайниках земли, дабы не попирали ее свиньи; своим же повелевает исследовать. Такие и столь великие твои дарования да возведет Христос с течением времени на более высокую ступень к своей славе, недоступной свинским душам. Будь здоров, дражайший товарищ!

Твой Григорий Саввич

57

[Сентябрь — октябрь 1763 г.]

*Здравствуй, мой дражайший φιλόχριστε ²⁷³
Михаил сладчайший!*

Если твой дух творит божественное, создает
достойное себя;
Он не может проводить свое время прекраснее.
Он не действует неуверенно, но уверенным оком
видит,

Как пустая толпа чит жалкое чрево.

Чаще поступай так: что святее такого θεάτρο ²⁷⁴.

Так живут вышние, так поступает всякий σοφός ²⁷⁵.

Чаще поднимайся на дозорную башню, откуда видно,
Что в мире творят человеческие подонки.

О, как я доволен, что в юности способен ты на это;
Останусь доволен, когда достигнешь зрелых лет!

Прими те слова, какими всегда оканчивается письмо:
желаю тебе здоровья, чего не лишен тот, кто тебе посылает
это письмо.

Будь здоров!

Твой Григорий Саввич

58

[28 (29?) октября 1763 г.]

Дражайший Михаил!

Едва кончилась вечерняя молитва, как я был вызван и сделался свидетелем зрелища — и зрелища печального, хоть смешного и постыдного. Откуда, скажешь, у тебя

получилось смешное, когда был общий плач? Разве это не странно? Замолчи, дражайший, и немного меня послушай. Я не свирепее Циклопа ²⁷⁶. Напротив, сознаю, что мне присуща некая особая гуманность и *τὴν φιλανθρώπων* ²⁷⁷, но, поверь, мне было совестно видеть, как некоторые почти по-женски вопили. Если бы, господи прости, при самой гибели Трои ²⁷⁸ я увидел, что люди в такой степени предаются женскому плачу, я бы, несомненно, подумал, что у них недостаточно мужества. Поэтому я убежал из храма, будучи не в состоянии вынести такой позор, видя громко плачущими тех, которым бы следовало других удерживать от плача. Где благочестие? Где прежняя мудрость? Такими слезами оплакивать телесную смерть, которой вовсе не следует избегать и которую всякий, у кого есть хоть немного здравого смысла, должен признать единственным и надежнейшим выходом из всех опасностей и бед? Откуда у них такое мнение? Ты скажешь — из Священного писания. Но где такое место? Что смерть духовная есть несчастье, это можно видеть более чем достаточно из Священного писания, но, что телесную смерть следует оплакивать, я не помню, чтобы когда-либо об этом читал в Священном писании, а равно и в книгах философов. Если бы ты сам присутствовал, то, конечно, не удержался бы от слез. Но это ты сделал бы под влиянием примера других, а не из соображений существа дела. Так юношество всегда у нас портится примерами исключительно неразумных мужей и старцев. О времена! О нравы! Игумен умер, народ суетится, плача; я смеюсь и вместе с тем плачу в душе. Смеюсь над человеческой глупостью, ее же оплакиваю. Будь здоров, мой дражайший, и, насколько можешь, старайся удаляться от страшно развращенной толпы ²⁷⁹.

Твой соученик Григорий Сковорода

59

Дражайший мой юноша Михаил, εἶ πρόαττε! ²⁸⁰

Начальник стражи ближе всех к царю и первый
зрит лицо царя.

Так и твой вождь князь Михаил ближе всех к тому,
Кто есть бог Иакова,

Он стоит около него и созерцает его лицо.

Но кто же еще видит божественный лик?

Услышь, что говорит возлюбленный ученик Христа:

Πᾶς ὁ ἁμαρτάνων οὐ μήποτε ὄρακεν

Αὐτοῦ, οὐδ' ἔγνω αὐτόν... 281

Чем больше, убегая от земли, ты избегаешь грехов,
Тем ближе ты сможешь наслаждаться ликом божества.

Τὰς μὲν βιοτικὰς ἐξω ἔχβαλλε μέριμνας.

Ἔστιον ἐστ' ὄντως γαῖαν ὁ καταφρονῶν 282.

Да здравствует новая добродетель божия! Так
устремимся к звездам.

Что тебе до земли? У нее нет ничего хорошего.

Отвергнув заботы — увлечения пустой толпы,

Ты, Михаил, — истинный соперник ангелов,

Но, Михаил, жаждешь ли ты наивысших даров
божиих?

Поэтому, чтобы ты мог беспредельно презирать
толпу,

Ἄκουε τὰ ἀπὸ καρδίας 283.

Но прими, как говорят, это не краями губ.

Ангел пребывает в теле, однако — дух,

В теле скрывается Христос, но он бог.

Презирай наслаждения и будешь великим
Аполлоном;

Даже более того — будешь этим главным στρατηγός 284;

Но верь, хотя и не понимаешь: или после назовешь
меня

Лжецом, или я стану для тебя великим Аполлоном.

Будь здоров, дорогой, и ангельский день проводи
по-ангельски!

Σὸς συμπαθητῆς Γρηγόριος ὁ Σαββίν 285

1763, ноября 8

Первое стихотворение я πεποίηχα 286 вчера, второе —
сегодня утром.

60

Дражайшему Михаилу мир в господи!

Некогда в такую ночь мать родила меня на свет.

В такую ночь проявились первые признаки моей
жизни.

Другая ночь была, когда, Христос бог мой,

Во мне родился этот дух твой,

Ибо напрасно бы меня родила моя родительница,

Если б ты не возродил меня, о свет мой, жизнь моя!

Возвратившись в свой музей и вспомнив о дне моего рождения, о котором мне напомнили один друг и собственная память, я начал думать о том, как исполнена бедствий жизнь смертных. Мне показалось отнюдь не нелепою чья-то догадка, будто только что родившийся ребенок потому тотчас же начинает плакать, что уже тогда как бы предчувствует, каким бедствиям придется ему когда-то в жизни подвергнуться. Размышляя об этом один, я решил, что неприлично мудрецу ту ночь, в которую он, некогда родившись, начал плакать, ознаменовать бокалами или подобного рода пустяками; напротив, я и теперь готов был разразиться слезами, вдумываясь в то, каким несчастным животным является человек, которому в этом киммерийском мраке ²⁸⁷ мирской глупости не блеснула искра света Христова. Ταῦτα ἐννοῶν ²⁸⁸, я сложил эти стихи и решил послать их тебе, моему превосходному другу, отчасти потому, что мы уже давно не беседовали между собою, как у нас заведено, и стали почти ἀπροσῆγοροι ²⁸⁹, хотя душою я тебя ежедневно созерцаю, отчасти потому, что я имел в виду самым дружественным образом напомнить о том, что мы должны, оставив всякие обычные низменные пустяки, тем пламенной стремиться к тому, в ком заключены все сокровища мудрости и который один только, сделавшись нашим другом, может усладить все огорчения этой жизни, говоря: ἐγὼ εἶμι μεθ' ὑμῶν, καὶ οὐδεὶς καθ' ὑμῶν ²⁹⁰.

Будь здоров самый дорогой из всех!

Твой соученик Григорий Сковорода

Ноября 22, 1763 г.

61

[Конец ноября 1763 г.]

*Здравствуй, моя радость,
сладчайший Михаил!*

Как говорят, рай настолько прекрасен,
Что в нем приятно живется в одиночестве.
Некто на вопрос, что такое истинная мудрость,
Сказал: быть себе союзником и себе равным.
Так для мудреца раем будет любой берег,
Любой город, любая земля и любой дом.

Это, мой дорогой, я написал за завтраком, страдая не от чего другого, как от скуки, одиночества, чего я никогда бы не допустил, если бы пришел на известный τῶν σοφῶν συμπόσιον ²⁹¹. Чистосердечно тебе признаюсь, что человеку откровенному ничто так не тягостно, как мир порядочных людей, особенно когда первые места занимают μωρόσοφοι ²⁹². Теперь я счастлив и, посмеявшись в конце концов над этим, написал тебе, которого я будто вижу перед собою и с которым будто говорю.

Будь здоров, моя душа!

Твой συμπαθῆτης Γρηγόριος ὁ Σαββίτιν ²⁹³

62

[Конец ноября 1763 г.]

Здравствуй, юноша, безмерно дорогой моей душе

Μιχαὴλ εὐγενέστατε! ²⁹⁴

Если не обманывает меня моя душа, чувствую, что снова поднимается против меня зависть, как вследствие моей к тебе исключительной дружбы, так ввиду некоторых слов, какие обычно говорю на уроках греческого языка ²⁹⁵. Это значит: мир таков, что, если сам что-нибудь сделать не может, другим завидует. Но будет уместно сказать: πειθαρχεῖν δεῖ θεῷ μᾶλλον, ἢ ἀνθρώποις ²⁹⁶. Мы не ищем от них славы, но заботимся τὰ τοῦ θεοῦ ²⁹⁷, и для меня τὸ ζῆν ὁ Χριστός ἢ ἀποθανεῖν ²⁹⁸. Я победил и буду побеждать страх прп содействии отца и его сына. Неужели я не перенесу ненависти, когда наши Авраамовы предки говорили когда-то следующее: οὐ δυνάμεθα γὰρ ἡμεῖς, ἃ εἶδομεν καὶ ἠκούσαμεν, οὐ λαλεῖν ²⁹⁹. Кто не рад во имя Христа ἀντιμαρτύνηται ³⁰⁰, тот недостойн его царства. Пусть терпит, кто хочет, во имя скупости или честолюбия, я же если ради благочестивой жизни не снесу этой безделицы, то буду слабым и глупым. И каким образом мы получим ту ценнейшую вещь, какой является дружба, если будем избегать того, из чего она рождается? Где когда-либо была дружба между скупыми? Или между честолюбивыми? Где ты найдешь жар, если весь огонь добродетелей угас? Где хороший запах в мертвечине? Жив должен быть тот, кто желает благоухать: жизнь наша — бог, который нас согревает для добродетели, привлекательнее и величественнее которой ничего нет. Нужно терпеть, нужно

молиться, и никогда зло не возьмет верх над мудростью. Чем больше мы терпим ради Христа, тем ближе он стоит к нам, дабы сделать дивной в нас свою добродетель. Тогда и к нам ближайшим образом относятся те слова пророка, с которыми ὁ θεός³⁰¹ обращался к борцу, то есть своему Иакову, из которых я запомнил только следующее: //«Все ненавидящие тебя погибнут...»// Поэтому пусть обрекают себя, если хотят, на вечную смерть, а нас — на вечную жизнь. Что же касается меня, то я вижу особенную и величайшую ко мне милость — любовь божию в том, что меня, не дремлющего, не раз бросает в эти бури. После перенесенных испытаний я в скором времени сокрушу всего дьявола с его слугами не железом, но оружием мудрости, невинности, чистоты и терпения. Ὁ θεός τῆς εἰρήνης³⁰² да будет с тобою, ὦ στέφανέ μου!³⁰³

Твой Григорий Саввич

63

[Конец ноября 1763 г.]

Здравствуй, Михаил, мой дражайший друг!

И мне уже ὁ σκορπίος³⁰⁴ готовит жало и замышляет нападение. Но чего я не вынесу с радостью, только бы быть полезным тебе и подобным тебе, побуждая вас посвятить себя изящным музам? И природа прекрасного такова, что, чем больше у него встречается препятствий, тем больше к нему влечет, наподобие того благороднейшего и твердейшего μετάλλου³⁰⁵, который, чем более трется наложенной на него землей, тем прекраснее он блестит. Неправда теснит и противодействует, но тем сильнее мое влечение. Далее, знаешь ли ты, каким φαρμάκῳ³⁰⁶ пользуются ужаленные скорпионом? Тем же скорпионом натирают рану и очень действенно и быстро излечиваются. Отсюда в Индии, где постели полны скорпионов, как у нас клопов, говорят, на столе постоянно стоит наготове сосуд, в котором скорпионы плавают в масле и служат для излечения на случай укусов. Об этом я слышал еще 10 лет тому назад. Впрочем, я открыто скажу, в какую часть он меня собирается ужалить, ибо мы не всюду доступны жалю, будучи защищены крепчайшим щитом невинности и под ним укрываясь. В какую же часть он жалит? В ту же, что и собака, кусающая палку и не имею-

щая силы нанести вред путнику. Ты посмеешься, когда я тебе расскажу о том, что я слышал дома после всеобщей. Итак, мне с этими чудовищами, пока я живу, придется сражаться? Это так, мой дорогой. Наша христианская жизнь есть военная служба. Но если сам я не Геркулес, то Христос является для нас образцом многих героев. Под его знаменами мы сражаемся. Будь здоров, мой дорогой *καὶ γραικας μούσας μετὰ τῆς ἀρετῆς φίλει!* ³⁰⁷

Τοῦ γνήσιος Γρηγόριος ὁ Σαββίτιν ³⁰⁸

Выслушай, мой милый, что я вчера узнал в разговоре от нашего почтеннейшего и ученейшего наместника ³⁰⁹, когда речь зашла о коварстве неправедных. Есть *δίστιχον τοῦτο* ³¹⁰:

*Μῆτε δόλους ῥάπτειν, μῆτε αἵματι χεῖρα μιαίνειν
Ψεύδεα μὴ βάζειν, καὶ ἐτήτυμα πάντα λέγεσθαι.*

Стихами мы это переводим так:

Не строй хитростей, не оскверняй десницы кровью,
Избегай говорить ложь; говори только истину.

64

[Конец ноября — начало декабря 1763 г.]

Дражайший Михаил, будь мужественным!

Твоего *δῆλιον* ³¹¹ пловца едва понял с помощью словаря. Таким образом, ты на равное ответил равным, то есть *ἀντὶ αἰνίγματος* ³¹², ты побил меня загадкой. Однако одна подробность мне непонятна, или поэт так же ясен, как *ὁ πιθηκος* ³¹³, когда она рассказывает; впрочем, кое-что относящееся к тебе и ко мне я понял. Сказал почтеннейшему отцу наместнику. Он довольно много смеялся. Ну а как ты? Неужели упал духом? Я же очень доволен, что не нравлюсь таким *κακίστοις* ³¹⁴.

Поверь мне: похвально не нравиться дурным. Злословят ли они или негодуют, ты упорно продолжай идти по пути добра, а прочему не придавай никакого значения и презирай их, как болотных лягушек. Если самих себя они ненавидят и ежедневно убивают, то как же станешь ты от них требовать, чтобы они другим делали добро? Нет ничего более жалкого, чем они; и ты счастлив, что их злобу *ὁ θεὸς* ³¹⁵ употребляет в твою пользу. Может быть,

мы не так охотно относились бы дружественно друг к другу, если бы не встречали противодействия со стороны такого сорта людей. Чем более ты останавливаешь природу, тем больше ее возбуждаешь.

Будь здоров и ἀνδραγάθεε! ³¹⁶

Σὸς Γρηγόριος ὁ Σαββίτιν ³¹⁷

Когда придешь, загадку тотчас разгадаю... Да, береги здоровье, зачем от стола сразу бежишь к...

65

[Конец ноября — начало декабря 1763 г.]

Дражайший Михаил, здравствуй!

Наши ἐμιλίαι καὶ συνουσία ³¹⁸ возложили на тебя бремя невыносимой зависти, которое ты несешь с таким мужеством, что ему многие удивляются. Я ведь вижу твою искреннюю ко мне любовь; ты предпочитаешь лучше терпеть зависть и ненависть черни, чем лишиться нашей совместной жизни и наших бесед. Поэтому, хотя я и знаю, τὸ κάκιστόν θηρίον ³¹⁹ обычно всегда следует за благородными поступками, как дым следует за огнем, мне, однако, жаль тебя, который заслужил того, чтобы ему тройне отвечали любовью. Впрочем, в дальнейшем придется отложить в сторону перо и не писать тебе писем. Я решил уступить толпе, чтобы как-нибудь по неосторожности не повредить тому, к кому можно применить слова: «верный друг познается на неверном деле».

Ты также прекрати слать мне твои очаровательные письма, пока успокоится это смятение и спадет пламя ненависти. Это тяжело, но чего не может перенести любовь? Я предпочитаю, чтобы мне было хуже, лишь бы тебе было лучше. Таким образом, как отсутствующий с отсутствующим будем молча беседовать. Ты же тем временем перечитай те мои письма, которые были тебе написаны в течение года, если ты этого хочешь и если что-либо там сказанное хотя бы немного способно содействовать полезным знаниям или добродетели, памятуя при этом, что τὸν Δία ³²⁰ не всегда посылает дождь. Θαρσεῖν χρή, φίλε Βάττε' ταχ' αὔριον ἔσσειε' ἄμεινον ³²¹.

Желаю тебе здоровья, дражайший!

Твой душою ἐμιλητῆς Γρηγόριος ὁ Σαββίτιν ³²².

[Конец января — начало февраля 1764 г.]

Χαῖρε, φιλότατων φίλτάτε, τιμιώτατε
 μου Μιχαήλ! ³²³

Посылаю тебе новогодний подарок, хватай шапку; объявляю тебя свободным, взяв за руку. Почему же, скажешь ты, новогодний подарок, когда Нового года нет? И разве без шапки был Михаил? Да, Новый год прошел, послушай меня. «После ряда дней наступил один ясный день». Для меня и для тебя — Новый год, так как ново и Сатурново время ³²⁴, так как сегодня мы живем Κρόνου τὸν βίον ³²⁵, разве не подобает послать подарок? А ты разве не получил шапки? Призываю тебя к шапке ³²⁶, т. е. к ἐλευθερίαν ³²⁷. Но ты не только надень шапку, повяжи поясом чресла свои. И возьми τὴν ῥάβδον ³²⁸, или жезл, или скипетр, как это сделал Израиль, выходя из Египта, и вкушай не ягненка, а этот сыр, оставив проклятую Барбаянскую землю, и будь свободен в новой земле. Радуйся, дражайший, и нам пиши как можно скорее. Жажду писем твоих более чем сладчайших, писем, которых до сих пор я был лишен. Ты с Захарией ³²⁹ нарушишь τὴν σιωπὴν ³³⁰.

*Беспредельно тебя любящий
 Григорий Саввич*

Подарок я завернул в грамоту Александра Великого ³³¹, грамоту, насколько этому можно верить, некогда данную в обеспечение свободы славянского народа, что является лучшим предзнаменованием. Будь здоров! Будь благополучен!

67

[Февраль — май 1764 г.]

Здравствуй, θήσαυρέ μου ³³²
 драгоценнейший Михаил!

Расскажу тебе кое о чем, если не о полезном, то и не о постыдном. Да удалится от нас все постыдное! Вчера после святой λειτουργίαν ³³³ я приглашен был по дороге неким монахом, не из числа тех, которые в распущенности превосходят мирян, а человеком угрюмым, любителем уединения и трезвости, καὶ φιλοβίβλῳ ³³⁴. Он с радостью меня

ἐκδεξάμενος ³³⁵, стал жаловаться на болезнь, которой он и сам не знал, так как она внутренняя и появилась недавно. Объясняя, что это за болезнь, он рассказывает, что у него когда-то была женушка и дети, затем, к своему крайнему огорчению, всего лишился. С этого времени он стал всегда искать уединения; толпа для него была невыносима. Ибо он не помнит, чтобы когда-либо после их смерти он чувствовал радость. Чтобы не рассказывать далее, я понял, что его в сильнейшей степени мучает демон τῆς λύπης ³³⁶, которого обычно называют бесом меланхолии: «Я тем печальнее становлюсь, говорит он, чем больше думаю, что и меня постигнет та же судьба». «Каким образом?» — спрашиваю я. «Бес в присутствии моем и моей тещи поверг на землю мою жену и лишил ее жизни». И далее указал причину, почему напал бес. «Оба мы, — сказал он, — были очень напуганы пожаром в доме. Отсюда в нее и вселился демон страха, по-народному — переполох». Давая советы человеку, я сам едва не погиб. Я начал его утешать, пригласил к себе, предлагал вино — он отказался. В поисках темы для разговора я стал жаловаться на доuku от мышей: они прогрызли верхний пол и проникли в мою комнату. «О, это очень плохое προγνώστικόν ³³⁷», — сказал он. Словом, своим разговором он передал мне большую часть своего демона. Ибо, как τὸ πνεῦμα τῆς πορνείας ἔχων ³³⁸ своими нечистыми и похотливыми разговорами легко передает этот дух своему ближнему, так и мне он сообщил этот дух. Очень важное значение имеет, с кем ежедневно общаешься и кого слушаешь. В словах любого человека таится добрый или дурной дух. Пока мы их слушаем, мы этот дух в себя впитываем. Таким образом, τὸ οὖν δαιμόνιον τῆς λύπης ³³⁹ стал поразительно меня мучить то страхом смерти, то страхом предстоящих несчастий. Я прямо стал гадать таким образом: переяславские мыши были причиной того, что я был выброшен с большими неприятностями из семинарии, следовательно, и т. д. Так было в доме того-то и того-то (он представил бесчисленное множество примеров), и незадолго тот и тот умер. Таким образом, очаровательнейший Михаил, весь день этот софист-демон меня мучил, и я на это намекал тебе вчера, сказав: мне немного печально было. Ты спросил как? «Было, — ответил я, — немного». После того как вы вчера разошлись, когда я лег спать, во сне меня стал преследовать бесенок. Я убе-

гаю, он нападает на тебя; пока я помогаю тебе, опять подвергаюсь его нападению, увертываюсь и едва спасаюсь. Снился мне и другой сон, несомненно более успокоительный и более, как я думаю, здравый, свидетельствующий о том, что ум возвращается в прежнее состояние. Мне снилось, что я с ценнейшим и художественно выполненным серебряным копьём уверенно иду к некоему великолепному дворцу, причем в карауле повсюду стоят телохранители, наблюдающие за тем, чтобы мне никто не осмелился воспрепятствовать. Когда я дошел до прекрасной двери дворца, меня некоторые начали просить перевести и прокомментировать несколько стихов поэта (не помню какого), служащих для рассеяния скуки. Я начал и пролил великое множество слез, восклицая: // «Кто мне даст море слез?» // Какое, говорил я, безумие требовать этого от поэтов, минуя бога! Если бог повсюду, если он присутствует и в этом черепке (при этом я поднял черепок с земли), если он всегда есть (если в нем живем) и проч., то зачем ты ищешь утешения в других местах, а не в себе самом? Ведь ты являешься самым лучшим из всех творений. Здесь, проснувшись, я сразу запел: // «Водного зверя в утробе» // и проч. Затем мне стало очень весело. И не кажется ли тебе, что я был во чреве морского зверя, если ἀποκαλυπτικός³⁴⁰ [зверь] есть дьявол. А дьяволом я между другими состояниями духа признаю τὴν λύπην³⁴¹. Я полагаю, что с этими духами я прекрасно и с увлечением сражаюсь. Будь здоров, дражайший, и будь моим товарищем по борьбе! Напиши три слова, когда я увижу тебя.

Твой Григорий Сковорода

68

[Вторая половина июня 1764 г.]

Дражайший Михаил!

Подумай, не согласишься ли ты во время каникул наблюдать за занятиями сына судьи и других. Если нет, то можешь бросить жребий и отвратить дворцовую жизнь. Приняв это предложение, будешь иметь много выгод. Во-первых, приятнее будет жить в следующем году, занимаясь в разных школах; ибо обыкновенно становится скучно, если долго оставаться на одном и том же месте.

Затем прими во внимание и денежную сторону. Наконец, прибавь к этому и то, что дашь удовлетворение этим упрямым сердцам. Однако это при том условии, чтобы у тебя была возможность своевременно вернуться, дабы заняться богословием и греческой литературой. В противном случае, какое безумие — телесное золото предпочитать золоту добрых наук и христовой мудрости! Если они примут это условие, то я не буду противиться твоим взглядам, которые всюду следует предпочитать моим, иначе я не буду твоим истинным другом. Между тем у нас будет возможность хотя бы редко беседовать письменно. Поезжай и вооружись не столько против скуки, сколько против мира, блюди девственность твоей души. Ведь ты попадаешь из дыма в огонь. До сих пор ты только слышал о мире, теперь ты его увидишь. Если ты будешь (в Бурлуках ³⁴²), то я смогу без труда тебя навестить и с тобою, весьма дорогим мне, лицом к лицу вести приятнейшую беседу. Побольше подумай и тогда решай. *Σπεῦδε βραδέως* ³⁴³. Научись быть сильным. О, если бы я мог дать тебе спасительный совет! Однако в некоторых случаях мудрому надлежит сообразоваться с необходимостью.

Будь здоров, мой дорогой!

*Весьма преданный тебе
Григорий Саввич*

Если ты желаешь, чтобы я что-нибудь сделал для тебя или сказал преподобному отцу наместнику или... напиши в кратчайший срок!

69

Χαῖρε σφόδρα, θύγατερ Σιών, κήρυσσε, θύγατερ Ἱερουσαλήμ! —
Ликуй сильно, дочь Сиона; возвести слово божие, дочь Иерусалима!

Ведь господь твой, хотя и *παλαιὸς κατὰ ἡμέρας* ³⁴⁴, однако в то же время новый, так как он обитает в очень немногих и очень редких. Это не какие-нибудь души, которыми управляет этот твой царь. Эти души и сами новые, не связанные с нечистыми и рабскими страстями, как те души, которыми правит не твой *καλούμενος ὁ ὧν* ³⁴⁵, а другой, не новый, обычный — *Χριστός* ³⁴⁶ и никому не общий, хотя бы он управлял почти всем миром и всеми отбросами человечества. Но пусть молчат те, которые родом из Едома и Идумеи ³⁴⁷: ибо из дурного *θησαύρφ* ³⁴⁸

они получают дурное и издают запах мертвечины. Но ту дочь, которую родила мать Σιών³⁴⁹ (я отвергаю рожденных из озера зол и из грязи), красивейшую и издающую запах новых благовоний, ее я жажду услышать и увидеть, ее, которая вся издает запах θυμάματα³⁵⁰, ибо она свежая и новым жаром дышит от того духа, который всегда жив и, однако, древен днями. Тебя любит всякая подобная тебе душа и следует твоим стопам, ибо она и сама дочь той же матери Иерусалима. А дочь Едома хотя негодует, однако делает это молча, то есть по-рабски, хорошо чувствуя, что ты госпожа, и тем самым показывая себя рабюю. Ибо она видит из необычного пристекающие необычные и удивительные дары, видит новую и необычную славу, так как и сам царь изумителен, ибо он справедлив и кроток. Что касается меня, то хотя мною многое сказано неясно, однако я всегда с тобою мысленно беседую и всегда тебя созерцаю. Если мы как будто немного были друг другом недовольны, то теперь еще больше пылаем любовью. Но я решил сегодня приветствовать тебя

γυνήσιος; ὃ φιλάττηψυχή μου τρισπόθητε Μιχαήλ, χαῖρε!³⁵¹

Твой Григорий Скворода

1764, ноября 8

70

[Ноябрь 1764 г.]

Дражайший Михаил!

Посылаю тебе две, которых называют — я ошибся: три — στροφάς ποιητικὰς³⁵², подобранные к мелодии, которой мы научились от известного тебе монашеского выродка Καλλιστράτφ³⁵³. Я их сложил, чтобы иметь возможность петь с тем или другим мальчиком, а не только исполнять эту мелодию, играя на флейте. Затем, имея в виду, чтобы слова не были совсем бессодержательными, я ввел сюда некоторое религиозное содержание в стиле, как говорится, простонародной мудрости, которая нас всегда многократно учит принимать во внимание крайность. Ибо это прежде всего пришло мне в голову, когда я подыскивал нужные слова. И по-моему, нельзя признать осторожным, благоразумным того, кто не поступает таким же образом. Это практиковали и древние мудрецы, и, если не ошибаюсь, по этой причине Апполон представ-

лялся *τέσσαρα ὄτα ἔχων*³⁵⁴, а римский Янус — *διπρόσωπος*³⁵⁵. А если ты гнушаешься языческим богословием, то обрати внимание, не сюда ли также относятся некоторые зеркала Аввакума³⁵⁶ и высота и долготы Павла³⁵⁷. Но будь здоров, дражайший, и прими благосклонно в господа, как это ты обыкновенно делаешь, наши мелочи! Когда и в какое время дня прикажешь прийти к тебе, приду; сообщи через мальчика.

Твой Григорий Сковорода

71

[1766 г.]

*Здравствуй, бесконечно дорогая мне душа,
мой Михаил!*

Вчера ты жаловался на одного [человека], дурно к тебе расположенного. Что делать? Такова человеческая чернь: честолюбивая, раздражительная, самолюбивая и, что всего хуже, лживая и завистливая. Ты не можешь получить одного-единственного друга, не приобретя вместе с ним двух-трех врагов; как весьма правильно сказано, что тот, кто не имеет врагов, тот не будет обладать и другом. Торговля обыкновенными вещами, если она удачна, вызывает зависть; то же нужно сказать об удачно приобретенном друге. Но безмерно глупый человеческий род желает покупать друзей и не заботится о том, чтобы иметь для этого деньги. Что это за деньги, при помощи которых приобретаются друзья, ты знаешь из Плутарха. Божественный дар представляют собою задатки добродетели и прочие прекраснейшие дарования, располагающие к любви; их никто не может приобрести: они суть милость бога. Когда люди их лишены, им остается только завидовать, прибавляя к природному несчастью новое, созданное самим человеком, то есть порочность души, образующуюся под действием привычки. Таким образом, недостойными любви делаются люди не столько по несправедливости природы, сколько потому, что полученные ими от бога скромные дарования они извращают, недовольные своим жребием, завистливые и ропщущие. Таковы те, которые на тебя гnevаются и тебя ненавидят, склочные, завистливые, хвастливые, чтобы не показать своей нищеты, которую они тайно сознают и которой тер-

заятся. Их ты избегай, не дружи с ними. Приветствуй их, говоря вежливо, и, если требуется, помогай им, но как обыкновенным знакомым, а не как верным друзьям. Если ты меня кое о ком спросишь, то мне кажется, я убедился, что Яков ³⁵⁸ //Правицкий// — юноша хороший, независтливый, простой, весьма жаждущий истинной науки, довольный своими дарованиями, от природы подлинно порядочный, мягкий, человечный. Таковы качества, которые побудили меня полюбить его. Такого же склада, как мне кажется, и Василий Билозер ³⁵⁹. Пока я их буду считать такими, до тех пор буду их любить. Прощай, сладчайший! И воздай нам любовью за нашу любовь.

*Весьма любящий тебя
Григорий Саввич*

72

[Июль 1766 г.]

Из Плутарха. «О спокойствии души»

«Я полагал, Фаний, что богатые не стонут ночью и сладко спят». Далее: «Итак, с жизнью кровно связана тягость. Она присуща изнеженной жизни, присуща и славной жизни и до старости сопутствует жизни бедняка» (Менандр ³⁶⁰).

Но подобно тому как люди робкие, заболев во время плаванья морской болезнью, полагают, что они будут себя чувствовать лучше, если с большого корабля пересядут в небольшое судно, а оттуда снова перебираются в трирему ³⁶¹, ничего этим не достигая, так как вместе с собою переносят желчь и страх, так и жизненные перемены не устраняют из души того, что приносит огорчения и беспокоит. Такое же значение имеют неопытность в делах, слабость и бессилие суждения, а также неумение правильно пользоваться настоящим положением. Без сомнения, от этого страдают богатые и бедные, холостые и женатые, и по этой причине люди подвергают себя хлопотам, по этой же причине тягостна праздность; по этой причине хотят получить доступ во дворцы, а, получив, тотчас бывают недовольны. «По недостатку (суждения) печальны те, кому худо»; больным и жена в тягость, и врача они винят, и постель им не нравится, а что каса-

ется друзей, то тягостен им приходящий, а уходящий вызывает недовольство.

Когда же болезнь прошла и наступило другое состояние, тот, кто вчера отвергал крахмал, яйца, хлеб из просеянной муки, сегодня с аппетитом и удовольствием ест простой хлеб с тмином. Таким же образом здравый разум делает легким любой образ жизни, какую угодно перемену.

Примеры: Александр желал других миров, а Кратес³⁶², снаряженный сумою и плащом, проводил жизнь, как некий праздник, среди шуток и смеха.

Таким образом, как башмак и ступня не обращены в разные стороны, так и склонность души создает соответствующую себе жизнь. Ибо не привычка, как кто-то сказал, делает жизнь приятной, но благоразумие создает наилучший образ жизни. Поэтому станем очищать и хранить заложенный в нас источник спокойствия души для того, чтобы постороннее принималось без неудовольствия как нечто нам свойственное.

Не следует с раздражением относиться к обстоятельствам. Твое раздражение против них не поможет; хорошо будет тому, кто правильно пользуется существующим положением вещей.

Поэтому в первую очередь путем упражнения следует усвоить это правило, чтобы, подобно тому как бросивший камень в собаку и попавший в мачеху при этом сказал: «Однако камень упал не совсем плохо», — так и мы умели бы по-иному истолковать то, что вопреки нашей воле нам послала судьба. Не худо обернулось то, что Диоген³⁶³ был отправлен в ссылку: он начал заниматься философией. Зенон Китиенский³⁶⁴, услышав, что единственный оставшийся у него груженный корабль был опрокинут волнами и вместе с товарами затонул, сказал: «Хвалю твое дело, о судьба, направляющая нас к плащу и портику»³⁶⁵.

Что мешает тебе подражать этому? Приняв общественную должность, потерпел неудачу? Зато после будешь жить в деревне, занимаясь своими делами. Добиваясь благосклонности государя, был отвергнут? Будешь жить свободным от опасностей и дел. Из-за клеветы или зависти возникает какая-либо неприятность или неудача? Можно при попутном ветре приплыть к музам и в академию, что сделал Платон после крушения его дружбы с Дионисием³⁶⁶. И несомненно, приобретению спокой-

ствия души много содействует знакомство с жизнью знаменитых мужей, которые спокойно переносили одинаковую с нами судьбу. Враги тревожат глупцов: за их враждебные действия ты им не отомстишь, а расположением духа ты себя утетишь. Безумцу свойственно жалеть о потерянном и не радоваться тому, что осталось. Что у нас есть? Жизнь, здоровье, солнце, досуг, возможность говорить, молчать и проч.

О тех доводах, которые служат средством против душевных тревог, следует размышлять раньше, чем тревоги эти нас постигли, чтобы, заблаговременно приготовленные, эти доводы имели больше силы. Что касается тех, которые полагают, что существует один какой-нибудь образ жизни, свободный от неприятностей, то Менаандр в вышеприведенных стихах убеждает в том, что они ошибаются.

73

[Июль — август 1767 г.]

*Здравствуй, мое сокровище,
драгоценнейший Михаил!*

Может быть, и тебе также, дражайший, за эти несколько дней я был неприятен и тягостен; тогда я и сам собой тяготился. Ибо, когда я тоскую, когда я печален и раздражен, я не могу ни смотреть на тебя, ни относиться к тебе обычным нашим дружественнейшим образом, так что неудивительно, если тебе почудилось в нас нечто неблагоприятное. Но приходилось скорбеть, мой друг, после того как отторгнут был тот, который был одной из главных моих радостей и одним из моих утешений. Никто больше меня не наслаждается дружбой: это моя единственная радость и сокровище; что же удивительного в том, что, предаваясь печали, я не соблюдал меры? Мы извиняем того, кто плачет, потеряв ценного коня, или предается печали после пожара. Надо извинить и меня, ибо я не вижу того и опасуюсь за то, что мне всего ближе. Тем более, что человеческая душа и друг, вне всякого сомнения, ценнее всех вещей. Если бы он был в более безопасном месте, я меньше беспокоился бы; теперь же дворец — вертеп обманов и преступлений. Человек в твоём юном возрасте неискнушен, легко поддается об-

ману и влиянию нечестных нравов; я сам имею опыт и тем более беспокоюсь — беспокоюсь и имею право беспокоиться. Ибо что мне делать в жизни, чем занять свой дух, о чем заботиться? Ни о чем не заботиться, ни о чем не беспокоиться — значит не жить, а быть мертвым: ведь забота — движение души, а жизнь состоит в движении. Одни заботятся об одном, другие — о другом; мне же надлежит заботиться о расположенных ко мне и дружественных мне душах отроков и юношей. Где труд, там и отдохновение. Где забота, там и радость. Скупец заботится о золоте, страдает из-за золота, но иногда и наслаждается золотом, и, чтобы наслаждаться, предается заботам, и радуется, снедаемый заботами. Подобно этому и я люблю тревожиться душой за благополучие друзей, чтобы когда-нибудь испытать также удовольствие и радость, хотя я их испытываю уже теперь. Ибо что может быть сладостнее, чем быть любимым, чем быть предметом влечения доброй души? Что может быть приятнее, чем любовь друга? Любое, самое ничтожное, дело мне неприятно, если оно не связано с любовью и благожелательностью. Для меня нет ничего дороже или сладостнее, чем любящая меня душа, хотя бы все прочее отсутствовало. А моя забота, и радость, и слава, и, я бы сказал, жизнь, притом вечная жизнь, — что это такое? Дружественная душа; душа, меня любящая; душа, обо мне помнящая. Ее я предпочитаю пирамидам, мавзолеям и другим царским памятникам. А что благороднее благородной души и что более вечное? Я беспокоюсь поэтому о моем дражайшем Яше и забочусь о нем, чтобы когда-нибудь и он меня любил, хотя он и теперь уже любит. Ведь любовь вызывается любовью, и, желая быть любимым, я прежде сам люблю. А кто не любил бы душу этого мальчика? Представь себе, насколько сильнее я беспокоился бы, если бы с тобой, хотя ты и не мальчик, а взрослый, случилось что-нибудь дурное. Ведь ради тебя, откровенно говоря, ради тебя одного я оставил мой приятнейший покой, вверился бурям, в течение двух лет я испытал столько вражды, подвергался такой клевете, такой ненависти. Иначе никакой настоятель, никакой архимандрит не отвлек бы меня от сладчайшего покоя во вред моей репутации и здоровью, если бы значительно раньше их настояний и требований я не увидел тебя, если бы с первого же взгляда ты не полюбился так моей душе. Я думаю, ты

помнишь, как я негодовал, когда тебя отвлекли от занятий греческим языком и особенно когда тебя приглашали во дворец, когда ты чуть не сделался преподавателем немецкого языка, — как тогда, говорю, я негодовал? Так бывает, когда у львицы отнимают ее детенышей или у чадолюбивой женщины отнимают ее ребенка. И я испытывал эти чувства, потому что видел, как недалеко ты был от гибели, сделавшись педагогом во дворце или официальным преподавателем иностранного языка. Все удивлялись, подозревали, а мои враги надо мной смеялись: в чем дело, почему я забочусь больше, чем о своем родственнике? Поэтому если меня так озабочивает судьба моего Якова, полюбить которого ты мне доставил случай и повод, и если другие воспользовались моими плодами, то все они этим обязаны тебе, который один только вытащил меня из убежища, или, скорее, любовь моя к тебе вытащила меня, который тебя так полюбил, что, сделайся ты моим врагом, я не мог бы тебя ненавидеть и отказать тебе в чем-либо для тебя полезном. Как вижу, я от природы таков, что, находясь в состоянии настоящего гнева, в отношении даже самых подлинных врагов я сразу смягчаюсь, лишь только замечаю хотя бы незначительное проявление доброго ко мне расположения. Как только я замечаю, что кто-то меня любит, я готов отдать ему половину дней жизни моей, если бы это было возможно и дозволено; впрочем, кто добровольно ради друга подвергает себя опасностям, тот некоторым образом как бы расходует свою жизнь для него. Иногда может показаться, что я гневаюсь на самых дорогих мне людей: ах, это не гнев, а чрезмерная горячность, вызываемая любовью, и прозорливость, потому что я более вас вижу, чего нужно избегать и к чему стремиться. Итак, пока я сознаю самого себя, пока душа управляет телом, я буду заботиться только о том, чтобы всеми способами вызывать в себе любовь к благородным душам. Это мое сокровище, и радость, и жизнь, и слава. Любовь же вызывается любовью, которую производят благосклонность и благоволение в соединении с добродетелью. Но ты мне всех дороже, и я не пожалею о своем одиночестве, хотя и стал слабее здоровьем, если ты остаешься моим другом.

Будь здоров, дражайший мой друг!

Твой Григорий Сковорода

Мой любимый друг Михайло Иваныч!
Веселись во господе!

Молчание должно наградить. Посылаю вам новую мою песню. А вот она:

БЕЗДНА БЕЗДНУ ПРИЗЫВАЕТ

1

Нельзя бездны океана
Горстью персты забросать,
Нельзя огненного стана ^а
Скудной капле прохладать.
Возможет ли в темной яскине ^б гулять орел,
Так, как в поднебесный край вылетит он
отсель,
Так не будет сыт плотским дух.

2

Бездна дух есть в человеке
Вод всех ширший и небес,
Не насытишь тем вовеки,
Что пленяет зрак очес.
Отсюда-то скука внутри скрежет, тоска,
печаль,
Отсюда несытость, и с капли жар паче встал.
Знай: не будет сыт плотским дух.

3

О род плотский! Невежды!
Доколе ты тяжкосерд? ^в
Возведи сердечны вежды!
Взглянь вверх на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется
бог?
Чему не толчешь, чтоб увидеть его ты мог?
Бездну бездна удолит вдруг.

^а Castra, sedes, ora.

^б Hoc potest dici ὁ ἄβυσσος — locus subterraneus obscurus angustus.

^в Recordare vocabule ³⁰⁷ χαμαιζήλος — униженный.

Эта песня не какой-то крупный камень, но очень маленький камешек, однако бесполезный для воспитания благочестия. Внутри он, несомненно, имеет искорку и не лишен острия для рассечения плотских страстей и несколько похож на те кремни, при помощи которых у иудеев когда-то производилось обрезание. Мы привязаны к миру, погружены в плоть, окутаны τῶς σοφίσμασι τοῦ διαβόλου³⁶⁸. Однако если мы почаще будем делать попытки, то есть надежда, что мы когда-нибудь освободимся и поднимемся вверх (для насыщения)...

75

[27 июня 1767 г.]

Вселюбезнейший друг Михайло Иванович!

Об истинной Вашей ко мне любви не сомневаюсь, что она желает о нынешнем моем знать обращении. Моя теперь rústicatio³⁶⁹ в Куряже. In solitudine non solus, in otio negotiosus, in absentia praesens, in jactura integer, in tristitia pacatus³⁷⁰. Вы все понимаете, разве было бы во вред; то есть я растерялся; поверьте, столь нечаянный вихрь выхватил меня с Купянских степей³⁷¹, что, кроме ютки да бурки киреиной³⁷², ничего не взял. Об этой буре после поговорим. А negotiositas³⁷³ моя вся состоит... да ведь вы же знаете... в борьбе со скукою. Если б кто посторонний сие начитал, без сомнения, сказал бы: черт тебе виноват, если добровольно всех дел избегаешь.

Смешные мне, душа моя, эти умишки! Они не рассуждают, что без скуки подобен да и есть он внутренний вихрь, который тем бурнее порывает, чем легче перо или очеретину схватит и чем далее за легкость свою поддается ему, тем беспокойнее станет, в то время как натиск, порыв за порывом стремительнее рождается, рассекая, как прах, и обращая без конца, как листву, вожделения души, волнующейся и неутвержденной. Что ж это за лекарство? Да и, кроме того, они только в тех местах разумеют скуку, пока она нас принуждает mutare terras alio sole calentus³⁷⁴, и, желая уврачевать, советуют, ut Horatius tuus ait: multa jaculari brevi aevo. Atque istud ipsum est torquiere hoc daemone³⁷⁵. И что есть скука, разве неудовольствие? Сколь же она везде по всем разлилась! Non satisfacit tibi tua doctrina? habes

hunc daemona. Male me habet, quod parum sum musicus? quod parum laudor? patior plagas et colaphizor? Quod jam sum senex? Quassor, ni boni consulo. Irascor propter improbitatem inimicorum et obtrectatorum? Non illi, sed daemon me inquietat idem? Quid mors, paupertas, morbi? Quid quod ludibria omnibus sumus? Quod spes evanescit in posterum? His ombibus an non misere anima tanquam venti labro quodam sublata ac turbine exagitata quassatur³⁷⁶.

Вот, душа моя, как я разумею скуку, а не только что вселюбных моих разговоров не наслаждаюсь. И что блаженнее, как в таковой достигнуть душевного мира, что уподобиться шару, каков все одинаков, куда ни покати. Я тебе, друг мой, говорю, что нет сего божественнее и премудрее рассуждения, и вопию с твоим тезкой, сей шар держащим: «Кто как бог?»

*Ваш вседоброжелательный
Григорий Сковорода*

25 июня 1767

Любезному Нинолаю поклон.

76³⁷⁷

[1787 г. — начало августа 1788 г.]

Любезная душа моя!

Радуйся, веселись, дерзай, мир тебе да будет вовек! Благодарю благому сердцу за огнедухновенное от тебя письмо твое, а без него вся мне Вселенная, в дар приносимая, не только твоя юфть³⁷⁸ не мила. Внял ли ты сему Павлову слову: «Вас ищу, не ваших мнений». Хвалит тебя благой во мне дух мой, что, постоянствуя в любви и к нищему моему странничеству, обличил, что ты... то есть краугольного камня, вижу, что и сам ты не искал во мне, ни моих ни плоти и крови, но того единого, о котором писано: «Слышь, Израиль, господь бог твой посреди тебя». Держися же сего царствующего в нас краугольного камня и кифы, сей среди нас камень есть прибежище для всех, да ищет мир инде себе помощи и утешения, да волнуется во всем мирном потоке, се бо есть вся тварь, есть лед и вода непостоянная, но она есть основание и надежда людям бессердечным и по писаному:

«Река текущая — основание их». Ты же, о человек божий, избегай сих, держись любви. Все проходит, любовь же никогда, все тебя оставит, кроме любезного, внутри тебя сущего. Се: сей стоит за стеною нашею, в тюрьме нашей он свет. Если возволнуется море, если зыграет плоть и кровь, если взвеют смертного страха волны, не беги искать помощи по улицам и по чужим домам. Войди внутрь тебя, мимо иди, плоть и кровь твою пройди, всю тлень и дрянь — вот тебе спасительная пасха. Оставь всю гибель, поколь даже дойдешь туда, пришедши, стал вверху, где же было дитя; и было в мире место его; он дитя тем, что не стареется, но после крепости есть ветхий днями Самсон. Кричи, вопи, стучи, буди — он честолюбив, хочет, чтобы мы его просили, и будто спит, да научит нас наша беда, горе, где искать его. Сей-то прогонит тебе твоих филистимов, запретив мор и ветрам. Докажем, надеясь на сию гавань, что ты правдивый сын... который есть... или Варсава, то есть сын мира, нашедший в смерти моей истину, вовеки пребывавшую, и на ней с Ноевою голубицею упокоющийся беспечно. Да исполнится слово Исаино: «Прозовешься создателем оград и пути твои посреди упокоишь».

Друг твой Варсава

77

Из Ольшанской Ивановки,
1790 года, сентября 26

Возлюбленный паче всех человек, Михаил!

Мир тебе, муж божественных желаний!

Мать моя, Малороссия, и тетка моя, Украина, посылают тебе в дар малорослую мою дочь — Авигею «Икону Алкивиадскую». Прими ее и, как Давид, наслаждайся ею. Она не лицом, но сердцем красавица, и вся слава ее внутри ее. С нею беседуя, беседуешь со мною. Сердце мое в ней, а ее во мне. Она породит тебе единого только сына, который есть истинное начало.

Род сей лицемерный и сластоочесный, ругаясь, нарицает бесною и буйною. Я же тебя, прежде юношу, ныне же обрел тебя, мужа, по сердцу моему. Вся моя душа твоя есть и твоя — моя. Вот единость! Любость! Дружба!..

Письмо сокращу. Не удерживаю от беседы с девою Евою. Только припишу воспетую мною в Харькове Харькову песенку в августе:

ORATIO AD DEUM IN URBEM ZACHARPOLIM

Ex hoc Zachariae prophetae grano: «7-m sunt oculi domini...»

Zacharias oculos septem tibi praedicat esse.
Septimus est oculus, Zachariana polis.
His oculis septem tu solus, Christe, pupilla.
Caeci sunt oculi, quando pupilla latet.
O reclude in eam, miseratus, ocellos!
Sic sol verus erit, Zachariana polis ³⁷⁹.

Сии очи откроет Авигея в Захариевском свечнике.
Tu versos facies slavonicos ³⁸⁰.

Яков мой к сей моей «Дщери» простудился ³⁸¹. Замарал в ней и мое, и кому поднесена имя. Откуда сие? Не знаю. Сего ради пересылаю к тебе, другу, сей для него списанный список. Уживай лучше его себе сию твоего лиценциата душу. Если бог помощь, во след Авигеи еще два моих сыночка расправляют крыльца и думают к вам лететь: «Древний мир» ³⁸² (пишу ы, ut differat ab illo ³⁸³ мир) и «Михаил, побеждающий Сатану» ³⁸⁴. Они рождены для тебя и посвящены от самых пелен святому твоему духу. Скажет пролог. Будь же им отец и покров вовеки! Но потерпим. Снимаются копии. Оригинал ли прислать? Увижу. До «Дщери» случайно привязалась «Ода» Сидрония-иезуита ³⁸⁵. Благо же! На ловца зверь, по словнице. После годовой болезни перевел я ее в Харькове, отлетая к матери моей пустыне. Люблю сию девочку. Ей! Достояна быть в числе согревающих блаженную Давидову и Лотову старость, оных: «приведут царю дев». Прилагаю тут же, как хвостик, и закосневшее мое к Вам письмишко гусинковское. Ныне скитаюсь у моего Андрея Ивановича Ковалевского ³⁸⁶. Имею моему монашеству полное упокоение, лучше Бурлука. Земелька его есть нагорняя. Лесами, садами, холмами, источниками распещрена. На таком месте я родился возле Лубен. Но ничто мне не нужно, как спокойна келья, да наслаждаюсь моею невестою оною: «Сию возлюбил от юности моей...» О сладчайший орган! Единая голубица моя, Библия! О, дабы

сбылося на мне оное: «Давид мелодийно наигрывает дивно. На все струны ударяет. Бога восхваляет». На сие я родился. Для сего ем и пью, да с нею поживу и умру с нею, аминь!

*Твой друг и брат, слуга и раб,
Григорий Варсава Скворода —
Танши Мейнгард*

Число моих творений ³⁸⁷

Лучшее значат звездочки

1. Наркисс. Узнай себя ***. Первородный плод
2. Симфония библейных слов сему: «Рек: сохраню пути мои»
3. Симфония «Аще не увеси самую тебя...» и прочая***
4. Неграмотный Марко. У Як. Правицкого
5. Алфавит мира (о природе) ***
6. Разговор «Кольцо»*
7. Древний мыр
8. Жена Лотова *
9. Брань Михайлова со Сатаною **
10. Икона Алкивиадская ***
11. Беседа 1-я: нареченная «Сион»
12. Беседа 2-я: «Сион»
13. Беседа 3-я: нареченная «Двое»***
14. Диалог: «Душа и Негленный Дух». У Правицкого
15. Притча, нареченная «Убогий Жаворонок». У Диского

П е р е в о д ы

Из Цицерона

1. О старости. Поднесена Степану Ивановичу Тевяшову, полковнику

Из Плутарха

2. О смерти
3. О божием правосудии *
4. О хранении от долгов. Дарена Алекс[ею] Юр-[ьевичу] Сошальскому
5. О спокойствии душевном. Подн[есена] Яков[у] Мих[айловичу] Захаржевскому
6. О вожделении богатства. Завезена в Крым без списка

7. Езуита Сидрония «Ода о уединении»

У друга нашего, бабайского иерея Як[ова] Правицкого, все мои творения хранятся. При мне бы они давно пропали. Я удивился, увидев у него моего «Наркисса» и «Симфон[ию]: «Аще не увеси³⁸⁸...» Я ее, ожелчившись, спалил в Острогжске, а о «Наркиссе» навеки было забыл. Просите у него. А я не только апографы, но и автографы раздал, раздарил, расточил.

Non prodest messis, nisi servit, cura fidelis
Fons fundit largas, festa reservat aquas³⁸⁹.

При «Авигее» примите и «Алфавита сына». Так дух велел.

78

[2 апреля 1794 г.]

Желаннейший Михаил, мир тебе и твоим!

Старость моя страдает, но страдает брренное тело, а не душа. //«Жену Лотову», уже совершенную, пришлю, если бог захочет, через Андрея Ивановича. Пришлю и «Потоп Змийн»//, и ты увидишь и, может быть, будешь удивлен. Ведь обе книги посвящены твоему имени. Обе начинаются прологом. Я сделал пролог и к «Наркиссу», т. е. к книге «Познай себя самого», но этот пролог придет в свое время. Однако что же это такое? Когда я увижу домик твоего тела, домик, в котором мой Михаил живет? От ожидания я изнемог. В остальном всегда с тобою... //«Плоть — ничто же...»// Будь здоров, дражайший!

*Твой слуга и друг
Григорий Даниил Мейнгард*

К Я. ПРАВИЦКОМУ

80

Из Гусинского леса,
1782 года, октября 3-го дня¹

Honorande mihi in Christo pater!
Pax tibi in Domino nostro!
Lateo in cremo, duco ostam pie.
Dominus mens mihi est καὶ ἡ πέτρα,
ἡ ἐλπίς καὶ ὁ ἔρως².

Он меня не оставляет во время старости, когда оскудевать немощам моим; он меня защищает от отчаяния; укрепляет к целомудрию; ограждает неборимую стеною против всех прилогов дьявольских. Я никому не завидую; никого не ненавижу; всем друг, и для моего сердца нет неприятеля во Вселенной! Не сие ли есть оный исаиевский мир и веселие? «На горе сей изопьют радость, изопьют вино...» «Всякая плоть есть юдоль и плачь и ложь...» Что же есть твердое? «Посреди вас стоит...» Стоит, сиречь незыблемая гавань. Сей един свят. Тот есть твердь, кифа, петра, адамантова гавань, материя, земля, твердь и град апокалиптический. Не сие ли есть оная земля, посреди воды поставленная божиим словом? Не сей ли есть новый мир, рай? Не здесь ли почивает Израиль, перешедший море? Ей, там взошли все колена. Не на сей ли петре и скале-то водворяется Ноева голубица? «Полечу и почию...» Очи твои, как голубиные? Не на сей ли кифе утверждается вся церковь, презревшая с голубицей плоть свою и кровь и прозревшая оную гавань? «Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалека». Не сия ли земля и царь глаголет: «МалOVER, зачем усомнился ты? Блажен ты, Симон, сын голубицы Ноевой». Не то же ли есть кровь, плоть, вода, непостоянность, ложь, и огонь, и погибель? Не то же ли есть ад и смерть? Не царствие ли внутри непо-

стоянности нашей стоит? Не сне ли истина и кифа? Не кифа ли гора она, на которой со Израилем пьет радость оную: «Радости вашей никто не отнимет от вас». И вино оно: «Пока пью я новое вино в царствии небесном?» А кто пьет? Твой сын, Григорий Сковорода, упивается от тука дома божия, найдя внутри себя с Соломоном сот вечности, и услаждается с отцом своим Лотом оным: «Нард мой даст благовоние свое». «Сердце мое есть сердце твое». «Да и те в нас единых будут». Услаждается и вас поминает, пребывающая вам всенижайшим вовеки слугою

Григорий Сковорода

81

Из Маначиновки, 1785 года,
октября 3-го дня

Возлюбленный во Христе брат Яков!

Да будет с тобой мир, который выше всякого
разума!

Прости, если я чем-то обидел тебя, пребывая среди вас. Ты знаешь, что я вспыльчивый, но ты также знаешь, что я от природы склонен к гуманности и незлобности, которые единственные утверждают человека. Хороший, то есть истинный, человек всегда выносит доброе из доброго сердечного сокровища. И все же большинство моих друзей такие, что норовят со своей стороны раздражать меня, когда я стремлюсь предупредить какие-нибудь их неразумные поступки; при этом они не принимают во внимание, что я, делая это, руководился доброжелательством. Ибо действительно человеческое сердце и разум никак не могут желать зла людям. И я тоже, когда рассержен или в плохом настроении, поступаю так, не желая зла. Но те, кто считает, что мне несвойственна кротость души, ошибаются или противоречат истине. Ибо, как лекарство не всегда приятно, так и истина часто бывает неприятной. И нет таких [людей], которые бы всегда полезное сочетали с приятным. Но забудем взаимные обиды и вернемся к всепрощению. // Друг друга тяготы нося...

Письmodателя сего примите благоутробно, несмотря что мелочный, но друг и человек. Если что имевте передать ко мне, можете через него верно. Что? Не пишет ничего Ми-

хайло ко мне? Нет ли очков, или письма ко мне, или чего?.. О словаре не тужите. Письмо мое к Василию Павловичу при поклоне моем отцу Сильвестру дает знать, что словарь у меня жив есть. Я тебя уволил от обязанности, которую ты дал мне относительно словаря, чтобы не примножать твоих забот.

Отцу Василию, отцу Евстафию, отцу Гуслисте от меня лобызание искреннее. О Наеман, Наеман! И тебя, друг мой, тут же духом истины лобызаю. Да утешит всех нас господь бог наш миром и любовью, да пребудете вы мне и я вам вовеки искренним почитателем и другом. //

Григ. Скворода

Все проходит, а любовь после всего остается.

Все проходит, но не бог и не любовь.

Все — вода, зачем на воду возлагать надежду,
друзья?

Все — вода, но будет дружеская гавань.

На этом камне основана вся церковь Христа.

Это нам и кефа, петра и скала.

Григорий Скворода

Написано после.

Это письмо задержалось. Почтальон подвел. Теперь, надеюсь, оно надежно дойдет к тебе через нашего Алешу. Если ты уже описал мои новые книги, то пришли мне оригиналы. Пришли и тот мой диалог, который ты перед всеми обычно восхваляешь; пришли его вместе с оригиналами. После того как он будет переписан, я верну его тебе, если богу будет угодно. Пусть будет назван этот диалог «Марко Препростый»³. Почему умолк наш Михаил? Он не пишет, не шлет очки или «скрипочку». Очевидно, он теперь захлебывается огромными придворными волнами, страдая от жары. О мир, самое несчастливое море! Счастлив тот, кто спасается от волн подобно Петру⁴. Будем бежать от мира, пребывая в гавани и презирая обманы мира. Мир — это скупость, честолюбие, плотские наслаждения. «Сии ввергают во всегубительство». Я желаю и молюсь, да освободит нас всех от этого десница божия.

Ваш общий брат во Христе

Господину моему отцу Якову Правицкому в Бабаях

Дух велит мало с тобою побеседовать, дав к сему случай и время. Обещался ты меня посетить, но и письменно не воззвал ко мне и не раздражил к отзыву. Скажи мне, друг, здрав ли ты? Не вопрошаю о теле. Не потерял ли ты доселе самого себя, т. е. мыслей твоих и сердца твоего? Мысли и сердце со мною ныне, отвечаешь мне, верю. Сии же то и бедствие есть. Не могу разлучиться от того, что всегда мучит и жжет и в сем ли есть горький источник и присно-текущий вечных мучений. Не сия ли есть истинная гибель? Погубить самого себя, убежать, потеряв себя. Так и не избегнуть бед, ибо бедствие, как удица, внутри сердца увязло, сердце же всегда с человеком, и оно-то есть человек, се есть едино истинное несчастье, смерть лютая и ад; не помышляйте, что несчастье вне. В вас и в нас входящее извне не сквернит человека. Для чего же равно обратно не сказать — приходящее извне не обессчастливит? Где же и откуда? Исходящее от сердца. Те суть сквернящие. Видишь, что внутри нас счастье и несчастье, какое же есть знамение спокойного и блаженного сердца? То же, что здравия телесного. Вкуси пищу, вкушаешь сладко, спишь и обращаешься везде весело. Вот Павел означает здравие сердца: «Радуйтесь непрестанно, о сей радости молитесь, о всем благодарите». Если такое сердце ты, тогда ты не ветхий человек и не гроб повапленный, но целый, нетленный и новый; радуйся, ибо в новый год желает тебе твой друг

Григорий Сковорода

Маначиновка, марта 6-го дня

Из Маначиновки,
1786, марта 20-го дня

Друг Яков, радуйся во госпoде!

Слышу, что нечто мне прислано от нашего Михайла. Если так и оно в твоей руке, то передай, друг, через сего письмоносца ко мне. Если госпoду моему угодно, помышляю посетить вас весною. Пришли, друг, также «Разговор, нареченный «Марко Препростый»». Он возвратится опять к тебе. Прочие же, как тебе угодно, или ныне, или возъ-

мутся тогда, когда к вам приду. Наеману Петровичу мир и благословение и всем собратиям нашим переям. Целуйте также духовную мать мою, игуменью Марфу. Писать обленился к ней. Бог мира да будет со всеми нами! Аминь!

*Тебе и всем вам истинный
и неязыколюбивый друг
Григорий Сковорода*

Пришли, друг, лимончиков пару: да прохладится болезнь моя, или соку черносмородинного, или журавличного-ядного, или какого-либо для чаю. Остатки горячки мучат меня. Два месяца лихорадка свирепствовала во мне. Начало и отец ее — проклятых московских печей чад. Quid est чад сей? Jocosum nonnihil: est pestis septemtrionalis. Constantinopolitana pestis necat triduo. At illa tribus horis. Quidquid agit vulgus? Nihil est, nisi pestis et huleus⁵.

Господину моему иерею Якову Правцкому в Бабах

84

Из пустыни Маначиновской,
1786 года, апреля 25

Христос воскрес!

Любезный друг и брат во Христе, Яков!

Да будет мир божий в сердце твоём и в теле!

Сей есть центр наш, и твердь, и кефа, и край, и конец, и остаток младенцам, сиречь дурачкам евангельским. Земля и пристанище среди водного тления нашего, силою и десницею вечного основанное оное: «Ею же поставил небо и основал землю», — говорит господь-вседержитель у Исаии.

Qui Christum noscit, nihil est, si cetera nescit.

Qui Christum nescit, nihil est, si cetera noscit⁶.

О сем нам нелепо ли есть похвалиться? Ей, не безумно. Omnes in se ipsis mortem vident. Nos autem — τῆν ἀνάστασιν⁷. Ибо и мы воистину воскресли и живы. Аминь! Обрадовало душу мою любезное письмо твое, дышащее любовью и миром Христовым. Сей есть союз совершенства.

Старость моя обленилась посетить вас. После приду, если господь благоволит. Не печпись о «Разговоре Марке». Он всегда ваш и возвратится в твою книгохранку.

«Лотову жену» хочется закончить. Однако принесу с собою, да написанное выпишете. Что бо мне любезнее на небесах или на земле, только поучаться святыне. В сей единой да живу и умираю! Помалу-малу отходим от глени плотской, которая есть всеблаженная и вседневная смерть, и приближаемся к господу, который есть святыня, кефа и воскресение наше. Что же есть блаженнее жизни нашей? На ней же сбывается оное: «Превращу трудное для них в гладкое...» «Окрылатеют, как орлы, потекут и не утрудятся...» Гляди диатрибу мою, друг! Διατριβή по-эллински нарицается то, чем кто главно жизнь свою забавляет. Вот диатриба Давидова: «Поглумлюся в заповедях твоих...» Вот Павлова: «Мне бо что жить: Христос...» Вот Луки и Клеопы: «Как говорят, он был жив?..» О воскресение! О оное воскресение, миру не веруемое! Сколь услаждаешь сердце мое! Блажен узревший с наперсником красоту твою! Поедающий тебя еще взалчет... Сие глаголю того ради, что, доканчивая «Жену Лотову», наслаждаться должен нового вина с новым моим Лотом — Христом Иисусом, имея обручение с ним в вере божией.

Христос воскресе! Друг Наеман! Да вкусишь и ты сота воскресения и все ангелы его! Все! Жихорайский с Бабаевским и с Воскресенским со всем клиром своим. Желая, любезный друг Яков!

*Тебе и всем твоим брат
и друг Григорий Скворода*

Господину моему
перею Якову Правицкому в Бабаях

85

Из Гусивки,
1787 года, января 18-го дня

*Вселюбезный отец, друг и брат
во Христе, Яков!*

Радуйся, держай и возмогай во господе нашем!

Ни старческая леность, ни мрак, ни холод зимний, ни неисправное перо с чернилом не могли меня удержать, чтоб не ублажить gratulor, saluto, graese — μαχαριζω⁸ тебя в новый сей год! Радуйся в Новый год! Да радуется

и весь дом твой, и все, что твое! Да радуется и Евстафий, Иоанн с Наеманом! Да возвеселятся Бабаи со всеми своими отраслями, селами! Да возрадуются и горы ваши, и реки да восплещут руками! Да обновляется и вся тварь, окружающая вас! Молюся, когда же будут сии! Тогда, когда ублажит господь благословением своим Сиона. Как? Тогда, когда в человеках будет благоволение и посреди нас. А что ли есть благая воля? Вот что: «Дух прав обновил в утробе моей». Если кто не имеет нового сердца, тому весь мир есть ветхая ветошь. Если чья душа тужит, тому весь мир плачет. Если чье сердце мучится и страждет, тому весь год без праздника. Если чей дух отчаянием оледенел, тому весь год без весны. Если чей смысл мертвый, тому весь век без жизни.

О любезный мой друг Яков! Избюем ветхий квас мирской. Найдем новое сердце. Облечемся в одежду новой нетленной надежды в утробу братолюбия. Тогда нам вся тварь просветится, весь мир зыграет и восскачет. Будет нам всяк день велик день, не зайдет солнце нам, и луна не оскудеет нам. Мы же наречемся язык святой, люди обновления. Благое сердце, любовь, бог, правды солнце, всю тварь весноновотворящее, есть то же.

*Ваш искренний любитель, почитатель,
брат и нижайший слуга
Григорий Сковорода*

Прости, любезный, что солгал я прислать вам «Жену Лотову». Весною хочу вас посетить, если богу угодно, и привезу. Если же, — дайте знать, — тотчас перешлю. В зимних трясках может она потеряться, тем не даю через Григория Юрьевича. Не печальтесь. Она всегда у вас. Другое то, что весною в пустыне можно подумать об окончании ее, а зима безгодная. Я и сие с нуждою пишу. Михайло мой доселе молчит. Нимало не удивляюсь. Блаженны мы, Израиль, ибо бог нам дал по уши покоя и времени.

Deus nobis haec otia fecit. Tum demum praetium temporis cognoscitur, cum id amissum est ⁹.

Пришли, друг, барыльце пива бабайского, и то, если не трудно. Я всем доволен, слава богу!

Господину и отцу моему иерею Якову Правицкому в Бабах

Из Гусинки,
1787 года, марта 6-го дня

Любезный во Христе отец, и брат, и друг Яков!
Веселися во господе!

Пришлите мне «Симфонию: «Аще не увеси самую тебя...»¹⁰. Переписав, опять отошлю к вам. Посылаю к вам «Жену Лотову». Побеседуйте во Христе с нею. Она чистая чистым, и сей кумир есть плодоносный верным божим. На ней-то исполняется из камня воздвигнуть детей Аврааму... Она не доведена до конца. Но кто дождетса конца в вечнотекущем источнике? А что я сказал, обещая окончание, сие касается книжечки, начатой мною; не «Жены». Сия книжечка учит, как читать подобает священное письмо. Если одно слово божие уразумеется, тогда весь храм Соломонов есть светел. В пример сему взял я сие: «Поминайте жену Лотову». И, толкуя сие слово, возмутил всю Священного писания купель. Да уразумеют спящие на Библии или с Павлом сказать: почивающие на законе, ибо не многотчение делает нас мудрыми, но многожвание принудило сказать сие: «Как сей знать, книги не учился?» И да познают: как один день в тысяче, и, вопреки, тысяча слов божиих в одном слове скрывается. Ныне же с женою кровоточивою многое жерут для единой дизентерии; и нет человека, могущего приложить им вкус плюновения, жвания и преломления оного: «Зубы его паче молока». «Познается ими в преломлении...» Все дает вкус свой: и звезды в сокровищах своих блеснут, если мы из числа оных: «Израиль толоч манну в ступах».

Во блаженное число сих людей да впишет Христос всех нас! Желаю, Ваш всеискренний брат и нижайший слуга

Григорий Сковорода

Postea scripsi¹¹. Да наречетса же сия книжечка «Женою Лотовою!» Предисловием же да будет сие мое к тебе письмо, о возлюбленный друг! Тебе сию невесту, безвестную и чистую голубицу, в дар привожу первому и тебя обручаю именем господа нашего Иисуса Христа.

Прочее, при переписке повелевай наблюдать орфографию. Паче же все ее листы хранить от нечистоты. Целуй

любезного Наемана Петровича ¹² и всю нашу братию. Мир во днях наших! Аминь!

Господину моему иерею Якову Правицкому в Бабах

87 ¹³

[Из с. Гусинки, 1787 г.]
Марта 21

Отец, и брат, и друг!

Вот так на сем свете жив будь, весел будь, а про себя богу молись, еще ж и правду кое-когда треба сказать: хм! хм!

Молюсь. Помилуй меня, господи! Подай мне в сердце братолюбие! Да не быть мне как разъяренный тур, да быть мне как овца безбронная.

Молитва и терпение, терпение да молитва — сия суть мне граница, и щит, и мощь, и надежда, и утешение, и покой. Мне? Нет. Не только мне, всем.

Не пишу более: сердце болит. Иван Максимович доскажет Вам, чего не пишу.

*Ваш сын, и брат, и друг
Григорий Сковорода*

88

[В с. Бабап]
Из Гусинки, 7 октября 1787

Любезный отец, и друг, и брат Яков!

Радуйся со всею нашею братиею!

Всепокорно благодарю за вино. Мы с братом Василием сразу открыли и, желая Вам и всему Вашему дому с любовью Христиною здравия, потянули в собственное наше здравие хорошо-хорошо. Еще ожидаю из Харькова... Чудно мне! Вы, снится мне, переписали «Михайлову борьбу» ¹⁴ и опять требуете? Однако посылаю. Да обретете, чего ваша перепись не образует. Не медлите же много. Однако через неверные руки — не! не! не!..

/// Считаю, будет лучше, если она погибнет у вас, чем ходить ей по нечестивым рукам.

Теперь я готов и родить на свет нечто хоть и не большое, но благочестивое, предназначенное для кого-то из друзей.

Потому я пишу немногословно, имея в виду благовременно произвести на свет, пока есть время. Ибо близка, даже стоит у дверей, враждебная музам зима. Тогда уже нужно будет не писать, а греть руки. Далее, в отношении того, что я готов сотворить и что близкое к рождению, об этом ты уже знаешь.

Будь здоров.

Твой слуга и брат

Сыр нашего Михаила где-то застрял. Очки мне мало подходят, я подарил их Иосифу. Он обещает в обоих письмах большую и прямую флейту. Когда будет, мне неизвестно. О, если бы, кроме всего прочего, он сам вернулся к нам. Легкий путь в Аверн¹⁵. О несчастный человек! Потерял единого семилетнего сына. Он умер в великую пятницу. Вот, как мир, сначала утешит, а потом наконец мучит и терзает, как тигр. Мирской путь...// мнится человеку благим быть. Конец же его есть ад. О блаженны люди, для которых господь — бог их! Спи наживутся у батька. Аминь!

89

Из Гусинской Скрыпницкой пустыни,
1788 года, августа 4-го

Возлюбленный в духе святом друг Яков!

Дерзай во господе!

Если уже встала из ложа любезная наша Христина, радуюсь всех нас ради. Если же воскрылилась в мир первородный, отнюдь же придет в нижний, радуюсь ее ради: нас же ради возмущаюсь, ибо оставляет нас в сей плачевной юдоли.

Жизнь сия есть нам темница,
Верный же друг есть денница.

Благодарю Вас и Христину за вино. Питейный и ядейный монумент есть живее памятки очей. Юлия Цезаря только единожды в июле поминаем, а нашего истинного кесаря Христа ежедневно хлеб и вино, как зеркало нам, но и самого духа сердечного его вид и сень, пожертвая истиною и животом, бывает, и есть, и будет. Впрочем, вот Вам по желанию Вашему херувимской песни paraphrasis¹⁶:

дев оприснок вечности, с гергесинскими вепрями едят человечьи отбросы, сболтав чистое с нечистым, но не отболтав нездорового от здравости. Мы же, о друг, дети Саррины, дети премудрости божией, в утро избывая и изгоняя из храма все бесчестующее дом божий, как Христос веревкою оною: «Веревка червленая — уста твои...» «Се муж, и в руке его веревка землемерная». Сия веревка невредных сохранила шпионов Навиновых в Иерихоне. Что есть сия веревка? «Дал мне господь язык...» «Дух животворит...» Слышь, сын человеческий, дерзай и очищай храм господень! Сие-то есть жить в доме господнем. «Одно просил тот господа...» Мир тебе! Землемерить, рассудить (у Павла говорится: дух разделения) — вывести честное от недостойного и возмутить воду, болтая бурю духа святого оною: «Был шум...»

Сия есть должность ангелов божиих, написанных не на земле, но на небесах. В сем числе и нам быть желаю. Аминь! Любезный друг!

Твой друг...

Любезному другу Наеману Петровичу низжайший мой поклон и мир божий. Также отцу Василию²², другу и брату во госпде.

///Телом далек я от вас, но сердцем близок.

Сердце в нас — голубица Ноева.

Ничто так не дивно, как бездна святого сердца.

Тогда свято, когда лишь себя возвеличивает

Все — трава и лузга, все — прах и тень.

Все преходит; сердцем человек вечен.

Чистое сердце пребывает в любви, но любовь
остается в нем же.

А эта любовь — бог, значит, человек вечен.

О люди! Зачем удивляетесь океану, зачем
удивляетесь звездам?

Идите, вернитесь домой! Узнайте себя!

Этого будет достаточно.

Аминь.

Божественная голубица поет:

Все происходит из бездны глубокого сердца.

После смерти все начинается опять.

Так зерно дает ростки, так оно прячется вглубь.
Что же ты смерти боишься? Вот тебе ее
подобие.

Так же, что пустое в твоей жизни, относит божественный вихрь. Ангел... вздымает пустой хаос... Так... когда пройдет тяжелое волнение, то... вот священный ковчег!

II тут Ноева голубица:

Я нашел скалу. Сатана, плоть, мир, прощайте!
Вдоволь вы меня волновали. Теперь я обрел
священный покой.

Аминь.

№3. Замок обозначает то же, что и ковчег. Ковчег, скала над потоком, кефа, гавань есть то же, что и святое начало. // «Кто влазил вначале, здоров бывал».

Господину моему иерею Якову Правицкому в селе Бабаях.

90

[В с. Бабаи]
Из Бурлука, 1788 года,
в последний день

Dilecte in domino frater Jacobe!
Pax et gaudium tibi a domino deo! ²³

Зимую в Бурлуке. Если господь восхочет и не возьмет... его от меня, меня же от тела, помышляю посетить Вас... Где и когда умереть? Не боится тот, о котором Аввакум: «Праведник от веры жив будет». «Примечай-де незлобие и гляди правоту...» А я сладчайший... мой остаток во мне (посреди вас стоит...) давно уже вижу. А что? Получили ли Вы от меня письмо и в нем херувимский от меня пересказ? Не знаю. С письмом к Василию Павловичу послал я к Вам также через его ученика из Бурлука. Если не получили? Гневаюся, но крошку. Много там доброго. Сие пишу в беспокойстве. Не ожидайте ибо беседы, разве... притчи сухие, немазаные. Целуйте от меня всех... Наума Петровича и отца Василия с Евстафием и весь клир...

Христос воскрес!
Возлюбленный друг Яков!
 Радуйся во господе!

Вас не поздравляю с праздником, а поздравляю любезную нашу Христину с детьми и младенцев же во Христе. Совершенные же мудрствуют со Златоустом: «Празднику не время творец, но ведренная совесть». У Исаии же сей истинный праздник нарицается: «Веселие вечное над главою их». Главою человеку есть сердце его, господствующее телесным мириком. И если сия глава не болит, как у Елисеевой вдовицы сына, оживленного Елисеем²⁴, и тогда исполняется на нас высокая притча она: «Святому человеку каждый день — праздник». И в сию-то цель улучшает Исаина стрелочка сия: «Веселие вечное», сиречь непрерывное, на всяк день творящее пасхи велик день. Се таков же есть и сираховский праздник: «Веселие сердца — живот человеку». Вот истинный праздник Давидов! «Мир многолюбящим закон твой». Какая польза, если на воздухе — не в сердце — ведро и весна? В сердце же сие: «Взволнуются нечестивые...» А я ежеденно пою песенку сию: «Христос — моя сила...», от смысла чистого во господе празднуя. О смысл чистый! Сколь немногим ты друг! О нем-то притча сия: «Чистое небо не боится молнии и грома». О бог мой! Сколь мир сие презирает! Сколь же опять оно великое! А трудно ли сие доказать или обличить! Се пентекостия²⁵ через три дня! Се предложение, обещание! Се надежды совершение и венец празднику пасхи! А что то совершилось? Вот что: «Сердце чисто создай, великий боже...» О смысл (опять говорю) чистый! О сердце! Сколь немногим ты друг! Заключу с Соломоном: «Кто похвалится, что сердце имеет чистое?»

Вот с каким праздником, друг мой, тебя поздравляю или говорю по-эллински *μικρή ζω* — ублажаю. Сей праздник от твоих улиц не отнялся, как грозит Исаия. Ты ему, а он тебе есть друг.

Сорадуйся же и мне. Ибо и я милостию вышнего сего небесного торжества и шума празднующих сопричастником быть сподобился. Сей мой един есть и жребий, и наследие, и премудрость: конец, цвет и плод жизни и трудов

моих упокоение; и все благое мне — сердце чистое. О! Тогда бы то исполнилось на нас сие: «Клялся во гневе моем». «Если войдут в покой мой?» Сиречь бедами и трудами поразил я их. Не доберутся ли ныне до моего праздника? Прости, любезный! От избытка сердечного наболтал много.

*Ваш соторжественник и друг
Григорий Варсава Скворода*

Через детей Захаржевских ²⁶ имею письмо от Михаила ²⁷. Боже мой! Сколь жаждет к нам! Да страждет (оставь его) клятву гнева божия, если как достигнет в покой нашего праздника. Любящие бога ему единому согрешают на то, и да оправдятся перед ними во словах своих, и тем удобнее препобедит их на свою сторону.

Получил на светлой седмице. Если уже празднует, перешлите «Михаило-сатано-махию». Но сие предаю воле вашей. Любезному Наеману Бар-Петру радость и мир божий от меня со всем его гнездом и со птенцом Ильею. Так же отцу Василию, и отцу Евстафию, и бедненькому моему Любачину, слепенькому ²⁸, и всему вашему клиру благосердное мое поклонение. Аминь!

Сие пишу через Алексея Юрьевича ²⁹. Он при мне жаловался, е musca elephantem faciens ³⁰, что не мог у Вас (у друга!) выпросить безделки — несколько розовых кустов. Сие он с великою трагедиею повествовал. Почто Вы столь скупы и горды? Даже в мимоезде не обещался к Вам заехать. Посетите его и мир сотворите.

Господину моему отцу Якову Правицкому в селе Бабаях.

92

1792 года, января 5,
из Гусинки

Возлюбленный друг и брат во Христе Яков!

Радуйся с любезною Христиною и с детьми в новый сей год!

О боже! Ей! Мне давно скучно, что с вами не беседую. Если в сию зиму или весну не совлеку моего телесного брэнного линовища, поспешу видеть вас и насладиться беседою во Христе, который меня знает и я его... Ныне же голубиными любви крыльями вас посещаю. Прости, лю-

безный, что на твое и на твоего сына письмо не ответствовал. Сердце воистину желает, но старость и леность есть холоднокровна. Пишу ведь к вам, однако болен. Благословен бог мой! Когда немоществую, тогда силен я с Павлом. Болезнь моя есть старость, ток кровный и лихорадка не столь из невоздержной, как из несродной пищи. Левая часть моя угрызает меня, а часть благая в боках дома моего. Сарра моя, поглаждает меня... *O discors concordia genus!* ³¹

Удивился разум твой от меня. Пришли, друг, Златоустого речь ³² о том, что человек есть всей Библии конец, и центр, и гавань. Он жертва, алтарь, фимиам и все прочее...

Ныне вас поручаю с возлюбленною Христиною и с детьми богу Авраама и пребываю

*любезный друг
вам всеусердным,
старчик Григорий Сковорода*

Любезному во Христе отцу, его преподобию господину Якову Правицкому в Бабаях

К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

93

К Иоилу¹

«БОИТСЯ НАРОД...»

Блажен, о блажен,
Кто с самых пелен
Посвятил себя Христове,
День, ночь мыслит в его слове,
Взял иго благое
И бремя легкое,
К сему обвык,
К сему навык,
О жребий сей святой!
Кто сей отвещал сласти,
Век в мирское не может пасти, ни!
В наготах, в бедах не скучит,
Ни огонь, ни меч не разлучит;
Вся сладость разводит,
На сердце не всходит
Кроме тому,
Если кому
Дал знать искус драгой.
Христос, жизнь моя,
Умерший за меня!
Должен был тебе начатки
Лет моих, даю остатки.
Сотри сердца камень,
Зажги в нем твой пламень,
Да мертв грехам, страстям
И плотским сластям,
Живу тебе, мой свет.
А как от грехов воскресну,
Как одену плоть небесну,
Ты в меня, я в тебя вселюся,
Сладости той насыщуся,

С тобою в беседе,
С тобою в совете,
Как дня заход,
Как утра восход.
О! се златых век лет!

Τὸ νέον ἔστιν ἔτος, καὶ νέα, πατερ ἄγιε, χαῖρε!
Ἔστι νέον τὸ ἔτος καλῶς!
Τὰ ὑγαίνε νέα τὰ νέα πρᾶττε, φίλε!
Ταῦτα μὲν εὐχεται ὁ Γρηγόριος, ᾧ φίλ' Ἰωήλ.
Φιλέλλην ὁ νέος, σος παλαιός δὲ φίλος²

94

*Достопочтеннейшему во Христе отцу Гервасию³
Григорий Сковорода желает доброго здоровья!*

Ты уже готов к отъезду. Нам кажется, что ты уже отлетаешь. Поэтому в знак сыновней нашей любви к тебе и почтения прими от нас стихотворение, называемое по-гречески *апобатерион*. Апобатерион происходит от греческого слова ἀποβαίνειν, что значит *уходить, отъезжать*. В нем отъезжающие напутствуются всякими пожеланиями и добрыми предзнаменованиями. Правда, наше стихотворение почти деревенское и простое и написано простонародной речью, но я смело заявляю, что при своей простонародности и примитивности оно искреннее, чистое и непосредственное. Царей и тиранов мы часто против нашей воли восхваляем, но с друзьями положение совершенно другое. Что здесь сказано, внушено не силою, не страхом, но благорасположением. От лести мое сердце не менее далекое, чем Китай от Португалии. Но чего я оправдываюсь? Разве меня кто обвиняет? Как будто я не знаю твоего сердца или своей души! Я знаю, что ты его с удовольствием примешь не потому, что это стихотворение, не потому, что оно обращено к тебе, а потому, что оно исходит от меня, которого ты не ненавидишь, чтобы не сказать — любишь. Мы в настоящей нашей тоске по тебе утешаемся этой песенкой, распеваемой под звуки кифары или лиры. И в дальнейшем, когда эта тоска возрастет от разлуки с тобой, будем смягчать ее тем же способом, пока...

Боги, может быть, дадут возможность увидеться с тобою.

Если же вышним будет угодно другое, мы, однако, верно будем хранить память о тебе.

Прими то, чем всегда оканчивается письмо, чего не лишён и тот, кто тебе его посылает: здоровья!

1758 г., августа 22, из деревни Кавраи

REVERENDISSIMO SACRO SANCTO IN CHRISTO
PATRE GERVASIO CARMEN АРОВАТЕРИОН⁴,

ИЛИ

ОТХОДНАЯ ПЕСНЬ

Едешь, хочешь нас оставить?
Едь же весел, целый, здоровый,
Будь тебе ветры погодны,
Тихи, жарки, не холодны;
    Счастливый твой путь
    Везде отсель будь!

Путние исчезните страхи,
Лягте, подорожны прахи,
Скоропослушные кони
Да несут, как по долони,
    Счастливым следом,
    Как гладеньким льдом!

Облака, пройдите вы, неверны!
Не сольете дождей чрезмерных!
Жар не обожги полуденный,
Светом луны озаренный;
    Счастливо сей путь
    Повсюду в ночь будь!

Тот твой управит ноги,
Кто дал землю и дороги,
Бодро сидяще высоко,
Путь твой хранящее око.
    Счастит сей отход
    Благословит вход!

Здравствуй сторона счастлива!
Примешь мужа добротлива.
Брось завистливые нравы!
Верен есть познавий.
    Счастлив на степенъ,
    Конец на блажен!

К Кириллу ⁵

Γυήσιε ⁶ друг, очаровательный Кирилл!

Как? Ты не можешь поверить, чтобы у меня для тебя недоставало слов? Недостает. Однако я решил немного поболтать с Кириллом. Мы послали тебе одно вслед за другим три письма, в которых не было, как говорится, ничего священного, кроме обычных пустяков, кроме ничтожных безделиц. Чего иного должен ты ожидать от того, кто всего себя навсегда посвятил музам, как не то, что имеет отношение исключительно к совершенству души? Ты говоришь, что я обещаю чудесное. Так оно и есть, мой друг, если ты посмотришь на мою душу и желания, хотя не всегда желаемое осуществляется. Что касается меня, то пусть другие заботятся о золоте, о почестях, о сарданапаловых пирах ⁷ и низменных наслаждениях; пусть ищут они народного расположения, славы, благоволения вельмож; пусть получают они эти, как они думают, сокровища, я им не завидую, лишь бы у меня были духовные богатства, и тот хлеб духовный, и та одежда, без которой нельзя войти в весьма украшенный чертог жениха. Все мои силы, всю свою волю я сюда направляю: да удалится всякая плоть! Павел возглашает: τὰ πάντα ἐζημιώθην, καὶ ἡγοῦμαι Σκύβαλα εἶναι, ἵνα Χριστὸν κερδήσω ⁸. Я также кричу: διώκω δὲ εἰ καὶ καταλάβω ⁹.

Однако в великом достаточно и желать.

Но ты желаешь, чтоб я яснее показал свою душу? Изволь: я все оставляю и оставил, имея в виду в течение всей своей жизни делать только одно: понять, что такое смерть Христа, что означает воскресение. Ибо никто не может воскреснуть с Христом, если прежде не умрет с ним. Ты скажешь: подлинно ты медлителен, если ты до сих пор не знаешь, что такое воскресение и смерть господина, тогда как это известно женщинам, детям, всем и каждому. Конечно, это так, мой Кирилл: я медлителен и вял вместе с Павлом, который поет: τὰ πάντα ἐζημιώθην τοῦ γινῶναι αὐτὸν καὶ τὴν δύναμιν τῆς ἀναστάσεως αὐτοῦ καὶ τὴν κοινωνίαν τῶν παθημάτων αὐτοῦ ¹⁰. Какое это имеет значение? Взвесь, о чем он говорит. Что значит γινῶναι αὐτόν, καὶ τὴν δύναμιν τῆς ἀναστάσεως αὐτοῦ ¹¹? Если не познать Христа и силу воскресения его? О, жалкая тупость наша!

Мы воображаем, что находимся в крепости Священного писания, и, может быть, не знаем, что такое быть крещеным, что значит вкушать от священной трапезы. Если это по своему буквальному смыслу, как обычно думают, понятно, то к чему было говорить о таинствах? Разве не глупо непонятным и тайным называть то, что всем ясно, даже простецу? Древние фарисеи и книжники обольщали себя тем, что понимают закон Моисея, и, однако, были названы Христом слепыми. *Τίς γάρ ἔγνω τοῦν κυρίου?* ¹² Это действительно говорит Павел о Священном писании, в котором разум божий скрывается, закрыт, недоступен, запечатлен. И кто же снимет печать?

Вот ты слышишь, мой дражайший Кирилл, что имеет в виду, к чему стремится и чего желает моя душа, чтобы тебе не спрашивать о том, чем я занимаюсь. Но узнай о том, что меня особенно поразило в Сенеке, навостри уши. Ты делаешь самое лучшее и для тебя спасительное дело, если, как ты пишешь, твердо идешь по пути здравого разума: как глупо выпрашивать то, чего можешь сам достигнуть. Не требуется воздевать к небу руки, не нужно упрашивать стража храма допустить нас до ушей статуи, дабы нас могли лучше слышать. Бог подле тебя с тобою есть, в тебе есть. «Я так говорю, Люцилий; внутри нас находится священный дух, наблюдатель и страж наших зол и благ: как мы с ним обращаемся, так и он обращается с нами. Добрый муж без бога — никто» ¹³. О Кирилл! Не кажется ли тебе это громом с третьего неба? Не из того ли это числа, что людям, то есть преданным плоти и миру, нельзя общаться? Вот моя беседа. Будь здоров и воздай мне любовью за мою любовь!

Июля 19, в Старице

96

К Ф. А. Жебокрицкому ¹⁴

Дражайший юноша, мой Федор!

Сегодня ты напрасно бы стал ждать от меня чего-либо другого, кроме пустяков. Во-первых, я занят, и, затем, ум мой не так настроен. К тому же, пока я это спокойно пишу, один болтун мелет мне в ухо всякий вздор, несмотря на мое негодование и мою занятость, и нет Аполлона, который бы меня от него защитил, как он защитил Гора-

ция¹⁵. Поздно вечером Гриша возвестил, что есть сообщение — на следующий день рано утром он должен отправиться. Вопреки моему каждодневному обыкновению я при свете лампы приготовил два письма. Ибо и ночь теперь коротка, и глазами я страдаю, и имею обыкновение, и вынужден вставать рано. Почему ты до сих пор молчишь? Что касается меня, то я ранее писал тебе, если случ... Если ты болеешь телом, люди тебя назовут несчастным, но не я. Если ты твердо идешь путем, которым начал идти, то, по нашему расчету, ты блажен. Иди, следуй, смотри по сторонам, смотри вперед, ищи, стучись, настаивай, но упорно и настойчиво: царство небесное, как девственность, любит, чтобы его брали силой. Кто-нибудь ослабевает? — Ты укрепляйся. Кто-нибудь оскорбляется? — Сноси обиду. Кто-нибудь приходит в отчаяние? — Твердо держись за якорь. О, счастлив тот, кто вступил на путь τοῦ κυρίου¹⁶. Но трижды, четырежды блажен тот, кто упорно по нему следует. Одна ἡ ὑπομονή¹⁷ примет награду венца. Одна, но, увы, почти никто подлинно и серьезно не следует по этой направляющей линии. Ни один философ, ни один художник так не одинок, так не предоставлен самому себе, как тот, который учит о вечной жизни. Появление такого τῆροϋς¹⁸ мир осмеивает, мудрецы называют глупым, монахи под маской благочестия преследуют, еретики, хитро перетолковывая, опровергают, юноши избегают, старики гнушаются, цари притесняют, бедные презирают; и не кажется ли он тебе каким-то шутовским царем? Но он знает своих и знает, для кого он воскресает. Какой бесчестный человек не видит его живым? Но кто, кроме избранных, видит его воскресшим? /О глубина и проч.//, и проч. Но будь здоров, мой дражайший!

Твой во госпде Григорий Сковорода

22 апреля, из Харькова

97

К Василию Максимовичу¹⁹

Любезный друг Василий Максимович!

Слава человеку неочененное есть сокровище. Справедливо мы делаем, что богатство, честно собранное, сохраняем или похищенное выискываем. Та же справедливость требует от нас, дабы мы честными делами наживали и сох-

раняли себе славу, а похищенную клеветничьими когтями опять возвратить себе старались. Вы, друг мой, думаю, поверите, сколь злобных я имею оглагольников. Если бы они обычные мне беззакония приписывали, сносно бы было. Но сии немилосердники столь неограниченным дышат на меня языковредием, что кроме чрезвычайной моих нравов порчи, от них проповедуемой, делают меня душегубителем, или еретиком, и по сей причине запрещают подкомандным своим слушать мои разговоры. Сего я не терпя, сделал краткое очищение, которое Вам, другу моему, посылаю. Оно хотя лаятельных их челюстей заградить не может, однако, думаю, понесколько сделает косноязычными, дабы незлобивые и правые сердца меньше от сего соблазнов претерпевали.

Друг Ваш Григорий Сковорода

Во-первых, говоря, будто я некоторым молодцам внушал, что сия или другая какая человеческой жизни стать вредна и неблагополучна и, напротив того, некоторым статьям существенное приписывал блаженство. Но можно ли мне быть столь безумного и вредного мнения? Которые внутренне меня спознали, те довольно уверены, что я о сем имею мнение с Максимом Святым²⁰. Он говорит, что нет нигде злости, ни в чем, никогда. Как же так, если видим, что почти везде одна злость? Он учит, что злость не что иное, только те ж от бога созданные благие вещи, приведенные кем-то в беспорядок. Вот, например, наложил кто на голову сапог, а на ноги шапку. Беспорядок зол подлинно, но, чтоб шапка или сапоги жизни человеческой не полезны были, кто скажет? А сколько я приметил, то сей беспорядок по большей части зависит от рассуждения времени, места, меры и персоны. Например, в горячий летний полдень без достойного резона шубу таскать; заснул ли кто безвременно и безмерно или не на месте, хулы достойна непорядочность, но не сон или гнев; все бо есть благое. И разве я не понимаю, что мудрые люди житие человеческое уподобили комедиальным играм? Можно сказать, что ты этой персоны по природе удачно представить в театре не можешь. Но можно ли сказать, что та или другая персона комедии вредна, если благоразумной сочинитель ее определил? И великие персоны, и подлые маски в важной сей жития нашего комедии премудрый творец определил. Рассуждая свойство чьей природы, могу я сказать,

что ты, например, гадлив, жалостлив, робок; лекарем или поваром тебе быть неудачно. Но когда я кому говорил, что лечебная наука и поваренное мастерство вредные? Многократно я говаривал, что тебе или тому быть священником или монахом не по природе, но, чтоб сказал, что священство или монашество — стать вредна, никогда сего не было. Кто по натуре своей хлопотлив и ретив, такому можно сказать, чтоб быть градоначальником берегся, где беспрестанные оказии ко гневу и ко вздорам. Но могу ли помыслить, чтоб своевольству людскому командиры надобны не были? Помилуйте меня! Не столь я подлого родился понятия, чтоб испуститься в толикие сумасброды. Многие меня называют разумным человеком, но такие рассуждения не могут прийти, разве в бешеную голову.

Если ж я правдоподобные и незлобивые сердца уверить возмогу в сем, что мне какую-либо стать жития существенно называть вредною никогда на ум не всходило и что я учил всегда осматриваться на свою природу, кратко сказать, познать себя самого, к чему он рожден, ибо никого бог не обидел. Теперь я тем же истину любящим умам на рассуждение оставляю — за сие я хулы или хвалы достоин? Только покорнейше прошу сие взять в рассуждение, откуда меж народом такие непорядки, смятения и беспокойства? Не оттуда ли, что многие, по пословице, не родились к священству, да повлезали в ризы и, не будучи грибами, повлезали в кузов? По сей то причине делается, что иных священство ублажило, а многих окаянными поделало. Отсюда делается, что и самая подлая стать бывает человеку причиною счастья, если она ему природна. Если право и хорошо всяк свою персону представляет, откуда толикое смятение в театре? Оттуда, без сомнения, что неудачно, а неудачно беспрекословие от того, что природе его несогласно, ему вредно и обществу непрочно. Многие изрядные были бы купцы или пахари, если б не принялись за противную их природе стать. Иные были бы искусныестряпчие, если бы в монашество не встряли, в котором один с природою борющийся больше наделает соблазнов, нежели пять честных могут загладить, как обыкновенно бывает в комедиях. Вот мое мнение и намерение, для чего я всегда наставлял советоваться молодым людям со своею природою, чтоб они на театре жизни нашей могли наблюдать благопристойность, искусным актерам приличную. А если кто по случаю надел маску, не совсем его натуре

приличную, дабы, сколь возможно удачно, в оной и без соблазнов поступал и чтоб хотя по некоторой части жалобы меж народом и роптания перед богом о состоянии своем уменьшились. Я бы сам сегодня же бросил мое состояние и вступил бы в иное, если б не чувствовал, что хлопотливая моя и меланхоличная природа к самой подлой приватной и уединенной маске способна, в которой если не могу ни в чем любезному отечеству услужить, то по крайней мере всеми силами стараться стану не быть никому ни в чем вредным.

Есть еще одна клевета, важнейшая прочих поговоров, а именно: говорят, будто я оуждаю употребление мяса и вина. И сия есть точно ересь манихейская, давно уж проклята от святых соборов²¹. Иные приписывают мне и то, будто золото, серебро, дорогие одежды и прочее сим подобное сами по себе вредными и негодными называю. Се слыша, смеются те, которые сердце мое знают. Правда, что было время и теперь бывает, что я для внутренней моей экономии воздерживаюсь в дозволенные дни иногда от мясожества и от вина. Но потому ли лекарь оуждает, например, чеснок, когда велит поудержаться, если жар кому вредный вступил в глаза? Ибо то известно, что все благосотворенные от всецедрого творца вещи не всем и не всегда бывают по случившимся обстоятельствам полезны. Правда, что я некоторым советовал, чтоб они с опаской поступали с вином и мясом, а иногда совсем их от того отводил, рассуждая горячую их молодость, но, когда отец у младолетнего сынишки вырывает из рук нож и не дает ему употреблять оружейного пороху, сам между тем сими пользуясь, не ясно ли показывает, что они еще не доросли до того, чтоб могли обладать сими вещами и обращать в свою пользу, к которой они и изобретены? Вот откуда меня почли за Манихеева ученика.

Подлинно всякий род пищи и пития полезен и добр есть, но рассуждать надобно время, место, меру и персону. И не бедствие ли было бы, смешанное со смехом, если бы кто в колыбели лежащему младенцу налил сосать острого уксусу, а восьмилетнему мальчику рюмку крепкой водки налил, но вернувшемуся с охоты кавалеру или озябшему от многолетствия старику поднес сладкого молока? А как неправильно почли меня за Манихея, так и не по заслуге моей и за богатствоненавистника и человеконенавистника, то есть избегающего людского сообщества, почитают.

Когда бог определил мне в подлой маске обращаться в театре, то уже должно и в уборе, и в обращении с достойными людьми наблюдать благопристойность и всегда помнить свою перед другими ничтожность. Сие я сам наблюдать стараясь, и прочим то ж делать советовал и отсюда попал в оклеветания, от которых если помощью благоразумных и милосердных сердец, хотя по некоей части, освобожден буду, то невинность моя, безопаснейшею от сих немилосердных угрызателей сделавшись, латвее исполнить возможет заповедь господню: «Любите врагов ваших» и проч.

98

К Пову [Базилевичу] ²²

В письме Вашего высокопреподобия к отцу Иосифу приписанный и мне поклон уничтожил мое о Вашем ко мне сердце сомнение. И я не почитаю Вас из числа тех, кои устами своими благословят, а сердцем клянут.

И подлинно благородной душе знать свойственно, хоть ненавидеть кого, да явно, а не прикрывать благосклонным лицом своего неблаговоления, что природное рабским сердцам, на лицемерие и ложь родившимся.

Поздравляю ж Вас с не совсем еще минувшим праздником, а паче с пожеланным отсутствием его высокопреподобия достойнопочтенного нового святогорского игумена отца Кордета ²³.

Думаю, что всяк честный ученик поболит сердцем о лишении такого и толикого члена. Но что делать? Сего требовали мужа сего толикие заслуги.

...Непрестанно в школах, храмах проповедовал, наставлял непросвещенную и мирскими мнениями ослепленную юность студенческую словом и житием и, будучи роднехонький ученик любви насадителя Христа, везде и всегда, как гром, гремел о согласии и конкордии, наипаче в компаниях.

Что меня касается, то я сего чистосердечного мужа уподобил бы святому пророку Ионе, какой извержен в демонстроительные волны, целому училищному кораблю благотишие, а его рулевому породил облегчение. Ибо он, кроме того, есть весьма *ὁ οἰκονομικὸς ἀνὴρ* ²⁴, при том смылит арифметику *καὶ τὰ γεωγραφικά* ²⁵, кратко сказать, *καὶ ταῖς μούσαις καὶ ἀμα πολυπραγμοσύναις πεφυκῶς* ²⁶ к войне и к покою, к богу и к миру.

Рассеявая на все стороны пользу, как солнце лучи, был он и мне ὁ βέλωνος²⁷ к распознаванию некоторых людей, которых бы мне никогда не узнать, каковы они, если б не его с ними дружба; ὁμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει ὁ θεός²⁸.

О философских его сублимностях, даже до четвертого неба проникающих, нет чего уже и говорить.

Но кто-то еще дерзнет в достойное привести окончание господина Барбая? Должен такой быть неотменного того же склада.

Итак, остается Вам молиться, дабы Аполлис, зачавший образ Венеры, сам и дописал.

Впрочем, что надлежит до персоны, у которой веселую речь я мою распростер, то есть до Вас, всегда был и есть почитатель, а доброжелатель и всяким лицам.

*Вашего высокопреподобия почитатель и слуга,
студент Григорий Скворода*

Апреля 18, 1766, из Должка.

Его высокопреподобию господину отцу архимандриту и ректору Иову, в Харькове, всепочтенно

99²⁹

[К В. С. Томаре]

Не поеду к Вам, потому что меня любите: луна издали светлее, музыка вкуснее, а приятель приятнее. Все то, что вблизи, не столько мило, милее младость, когда миновала, а приблизившаяся старость менее желательна. Что, если есть в нас самих подлая часть, заключаемая теснотою места и времени, разделяемая реками и веками, то, напротив того, есть тут же часть и стихия, нам же подвержена, но владеющая ими. Катон³⁰ в Цицероновой старости говорит, что тело трудом делается костнее и ленивее, а дух быстропарнее, чем более и далее движимый; для чего ж нельзя по сей же форме вылить, что, чем и по брэнному телишку удаленнее от друга, тем ближе сердцем? Сердце его вижу и соединяюся теснее: а Иеремия учит, что точный в человеке человек есть сердце, а не тело стихийное (гл. 17, с. 9). И совершенно человека видит тот, кто видит, и сердце его любит, кто любит мысли его; любить, и вместе быть, и в единстве жить — все то одно. Сие есть истинное собрание и дружество, а не то, чтоб в одних стенах собраться по телесным чучелам, сердцами же разбрестись, желания-

ми и советами поразниться, как небо от земли; единство ни в телесном подобии, ни в той же статье, ни в сообществе покрова, ни в количестве лет или в ровесничестве, ни в землячестве или одноземстве, ни на небесах, ни на земле, но в сердцах, союзом Христовой философии связанных: «Была в них одна душа» (Деяния). И из-за гор, и из-за рек Вас вижу, люблю и почитаю, но вижу душою и люблю ею же. Если любите евангелие — а, конечно, любите, — если любите духа божия, среди сокровеннейших сердца вашего тайностей живущего, сему Вас и Вам подобных поручая, пребываю.

100³¹

[К Я. И. Долганскому]

[Из Харькова в г. Острогжск,
1772 г.]

Скажите мне, что значит Ваше сие: «Сильно Вы меня [принудили]». Также и то: «Дюже для меня эти вести неприятны?» Разве Вы противитесь, чтоб Вас [принудить]? Я не диспутант, а вы не супостаты. Или разве Павел то должен говорить, что нашим застарелым мнениям любо, а не то, что правде божией угодно. Мне кажется, что вы говорили сии слова не как любители, но как рабы, непослушные правде библейской. Разве по преодолению? Если так, выбросьте сие изнутри рабство, а возлюбите ее, как сын. Догадуюсь нечто: чуть ли не внутренний тайный шепотник и тут присовокупился тот, о ком написано: «Предстали ангелы...» И по пению птичку узнать можно; справьтесь с тайностями сердечными; не вкрался ли сей змий к тем мыслям, которые, ища истины господней, вышнему столу присутствуют? Я с Августином говорю, что он везде сети поставил, даже при самом небесном столе, внутри самого чертога, где пируют жаждущие правды; он-то — причина сему плачевному случаю, друг, как вошел ты. Можно ли веселым быть при том столе без одеяния брачного? Может ли с охотою кушать, кто говорит это весьма для меня неприятно. Разве принудите кушать? У меня позова нет. Познавайте сами, что это за дух, душок, душа, день, днесь — осмотритесь горазденно — дома. Враги человеку — домашние его. Я его в Вас ужасно не люблю затем, что Вас люблю. Он хочет от Вас желание присудить сему кушанью, вырастить и, кажется, так шепчет: к чему

тебе сии высокости? Да ты ж их и понять не в силах, а, может быть, и не родился; тем тебе вреднее. Будь доволен тем, что умеешь, а сие все утверждает священными словами, чтоб от священных книг отвлечь, подобен змию, который собранные из тех же цветов, из каких пчелы сладчайший сот собирают, божии соки по природному яду в яд обращает. Он нас всех искушает; во спасителе нашем, находящемся в нас, а нас — в нем: никому сей змий мешать не устыдился; скажи, говорит, да каменем хлебы будут, на что-де по духу тосковать, довольно по плоти одной. Вот еще: «Но Христос наш говорит, что один хлеб для насыщения не доволен; два рождения, два чело века и две жизни». Сколько злой змий силится, чтобы ввергнулся долой спас наш, но сей благой человек все в горнее до господа, до духа, до бога — и так оставил его; не мог от небес к земле приклонить. Дух божий до духа божия поднимается, а злой к долу влечется. Я теперь говорю и давно говорил, что Священное писание должно читать со страхом божиим, оставив все свои подлые светские плотские поверья так, как Авраам осла с рабами, восходя с Исааком на гору божью. В то время не будешь говорить: сие мне неприятно, то моему мнению противно, к оному меня [принуждает] и, кажется, не так бы надобно, да не могу оспорить. Не искушал ли бог Авраама, то есть не мучил ли словом истины своей святой? Как можно, кажется, чтоб благой дух божий требовал смерти едиnorodного сына его? Но, боже мой! Что за преданное сердце в незлобной той душе было тотчас: «Се я изволь: ах, или поспорю, будто не знаю, что ты там еще мудрее, где кажешься неприличен». Я сего не понимаю, ибо умишек мал. Но можно ли, чтоб я худо о тебе и о слове твоём подумал? Изволь: один мне наследник, и того для тебя зарежу; сноснее мне всего в свете лишиться, нежели твоей дружбы; она состоит в согласии мнений, а ты мне вождь. Скажи, пожалуй, как такому сердцу не откроет бог? О, бедные мы с нашими рабами и ослами! Туда ж, на гору, педнимся, то есть силуемся, но там имущим не дают... Брось мнения, омой болото и спери одежду, оставь всю твою подлость, тогда восходи: поколь твое несешь, потоль хвалишь, а, хваля твое, хулишь божие. Да будут же ризы твои белы. Что за риза? Слушай Исаии: «Одеждою веселья оденьте». Что за веселье? Слушай Сираха: «Страх господен возвеселит сердце». Сей есть жезл, разделяющий море, да не пог-

рязнем, как олово, сей есть ключ, открывающий и открывает, и кто затворит, и кто откроет. «Страх господень — дар от господя; любление господя — преславная премудрость». «Премудрость и наказание — страх господень». Им же является (не все его знают), разделяет себя в видение его (Сирах, гл. 1).

101³²

К Я. П. Долганскому

Любезный приятель Яков Иванович!

Получил я письмо Ваше. В нем просите, чтоб побеседовать с Вами внятнее, нежели в то время, когда в отсутствие приятель приятелю живо, будто беседующий тайно, умному взору представляется.

Самая правда! В отсутствии находящийся друг хотя часто во внутренних наших очах обращается, но, если не пишет и не говорит, тогда он подобен присутствующему другу, однако немому.

Разговор есть сообщение мыслей и будто взаимное сердце лобызание; соль и свет компаний — союз совершенства. Но как невозможно плодоносному саду сообщить другу без зерен или ветвей, так нельзя мыслей в душу приятельскую занести, и перевести, и размножить, разве чрез зерно или говоримого, или на бумаге начертаемого слова. И как зерно по своей внешности малое и презренное, но 1000 садов в нем скрывается с сокровенным источником плодоносного божиего духа, так и слово по ударению воздуха и по начертанию своему есть ничтожное, но по силе утаенного внутри духа сеемое на сердце и плодоприносящее новую тварь и новые дела есть важное. Злое лукавого мира зерно износит терние, мучащее душу: «Глеют беседы благие, обычаи злые...», и сеющий смерть пожнет истление души. Но, напротив, доброго слова зерно прозябает в сердце: «Любовь, радость, мир, долготерпение».

Нет иного и горчайшего несчастья, как когда душа болит. Она болит тогда, когда болят мысли. А мысли болят, когда рождается в сердце сие: «Когда какой есть в вас корень, (вверх) горе прорастающий в желчи и горести?» (Второзаконие, гл. 29, ст. 18).

Не таковые разговоры слушал Исаия, что говорит: «Господи, во чреве принял, и поболел, и родил дух спасения твоего...» Не падем, но падут все живущие на земле.

Живут на земле ничего не помышляющие, кроме обогатиться, наесться, напиться, одеться. Избегайте разговоров сих хотящих обогатиться. В сердце их худое семя, плодоносящее желчь, и змиин яд, убивающий душу.

А если пало (и нельзя без того, всяк беседник есть сеятель), смотрите, чтоб проклятый сей идолопоклонства корень вверх не поднялся. Совет есть начало дела, семя и голова. Молитесь тому, о ком написано: «Тот сотрет твою главу». Доброе семя есть Священное писание. «Выйдет сеющий сеять». Злое семя есть манер... змииным семям, и между семенем жены вражду положу между тобою... А что се за жена — евангельская премудрость и вся Библия. Слушай Сираха: «Встретит его, как мать, и, как жена девства примет, и ухлебит его хлебом разума, и водою премудрости напоит его» (гл. 15). Прочтите и 14-ю главу. Конечно, се та жена: «Придите, ешьте мой хлеб и пейте...» Ей, добре течем, да будем сыны той, которая есть мать всем нам.

А я, как был, так и ныне есть спутник, сотрудник и покорнейший слуга.

Григорий Сковорода

1773, февраля 25, из Бабаев

Милостивому государю Якову Ивановичу, живописцу, господину Долганскому, в Острогжске

102

[В г. Острогжск]

К В. С. Тевяшову ³³

Милостивый государь!

Письмо сие таково, как пробегающий почтою мимо приятеля вместе кричит: «Здравствуй!» и «Прости!..»

Я больше не в Бабаях, я живу в Липцах, у Алексия Ивановича Авксентиева. Словом сказать: «Господь пасет меня...» Тут пишу набело «Разговор»³⁴. Пожалуйста, потерпите к Новому году, и все Вам воздам. Сам себя обязал и сам себя разрешу от самообетованного обета.

Высокомилостивому государю дражайшему Вашему батюшке принесите низжайшее от меня почтение. Также милостивому государю Ивану Петровичу.

И Мирон Семенович да возвеселится во днях своих, как в день жатвы.

В заключение, желая лицеизрительное мое всем поздравление принести, пребуду, милостивый государь,

*Вашего благородия нижайший слуга
Григорий Скворода*

Из Липец, 28 ноября 1774

103³⁵

[К Д. А. Норову]

Простите мне ту дерзость, с которою осмеливаюсь я утрудить Вас немного важнейшею вещью, какая Вам только омерзение ко мне в сердце Вашем почтется. Но когда бы дозволено было мне от Вас изъяснить яснее весь тот предмет, который пробудил меня предстать теперь пред Ваше лицеизрение, то, я думаю, великое затруднение было б дать мне на оный милосердное решение. А сверх бы того увидели, что немного важнейшие вещи иногда бывают не без полезной приятности. А при том поистине признаюсь я, что не осмелился бы я более прибегнуть под Ваше покровительство затем, что вы меня в первый раз изволили перед собою видеть, потому что Ваш обыкновенно кроткий дух, мудрость и правосудие рождает во мне некоторую боязнь в те самые минуты, когда подумаю я пред Вами предстать, и не знаю, от радости ли сие происходит, что Вы мне милосердное решение пожалуете, или от того, что лишусь навеки моей надежды делать моему отечеству пользу, сверх меру превосходящую.

104

К Ивану Григорьевичу [Дискому] ³⁶

От 20 ноября 1778 года,
Изюмской провинции, из Бурлука

Милостивый государь Иван Григорьевич!

Вспомнив Ваше человеколюбное сердце и старинную Вашу любовь ко мне, вздумал поклониться и кланяюсь Вам и всему Вашему дому. Если Вы доселе в живых, тогда Вас ублажаю. Смерть мужу — покой. Я доселе скитаюсь, обнося мертвенное тело; окруженная броня моя есть благонравная невинность, а се утешение мое есть любовь к богу и к премудрости его. Живу, как ничто не имущий, а все содержащий, малым сим быть научился. И будто

мореходец плыву, выглядывая, не видать ли сладчайшего от всех бед пристанища — смерти... Надежда моя — господь мой — внутри меня есть; его крыльями я приосе- няюсь и, Вас и весь дом Ваш ему же поручая, пребываю,
милостивый государь, Вашим верным слугою
Григорий Сковорода

105

К Артему Дорофеевичу [Карпову] ³⁷

Из Гусинской пúстыни,
Полтавской губернии,
Прилупского уезда,
1779, февраля 19

Любезный государь Артем Дорофеевич!

Радуйтесь и веселитесь!

Ангел мой хранитель ныне со мною веселится пусты- нею. Я к ней рожден. Старость, нищета, смирение, бес- печность, незлобие суть мои в ней сожительницы. Я их люблю, и они меня. А что ли делаю в пúстыни? Не спра- шивайте. Недавно некто обо мне спрашивал: «Скажите мне, что он там делает?» Если бы я в пустыни от телес- ных болезней лечился, или оберегал пчел, или портня- жил, или ловил зверей, тогда бы Сковорода казался им занят делом. А без сего думают, что я празден, и не без причины удивляются.

Правда, что праздность тяжелее гор Кавказских. Так только ли разве всего дела для человека: продавать, поку- пать, жениться, посягать, воевать, тягаться, портняжить, строить, ловить зверя?.. Здесь ли наше сердце неисходно всегда?.. Так вот же сей час видна бедности нашей при- чина: что мы, погрузив все наше сердце в приобретение мира и в море телесных надобностей, не имеем времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тела нашего, душу нашу. Забыли мы сами себя, за исключением раба нашего, неверного телишка, день и ночь о нем одном пекась. Похожи на щеголя, пекуще- гося о сапоге, не о ноге, о красных углах, не о пирогах, о золотых кошельках, не о деньгах... Какая ж нам отсюда тщета и трата? Не всем ли мы изобильны? Точно всем и всяким добром телесным. Совсем телега, по пословице, кроме колес. Одной только души нашей не имеем. Есть,

правда, в нас и душа, но таковая, каковая у шкарбутика или подагрика ноги, или матросский, алтына не стоящий козырек. Она в нас расслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничем не довольна, сама на себя гневна, тощая, бледная, точно такая, как пациент из лазарета. Такая душа, если в бархат оделась, не гроб ли ей бархатный? Если весь мир ее превозносит портретами и песнями, сиречь одами величает, не жалобные ли для нее оные пророческие сонаты: «Втайне восплачется душа ваша» (Иеремия), «Взволнуются... и почить не возмогут» (Исаия).

Если самая тайна, сиречь самый центр души, гниет и болит, кто или что увеселит его? Ах, государь мой и любезный приятель! Плывите по морю и возводите очи к гавани. Не забудьте себя среди изобилий Ваших. Один у Вас хлеб уже довольный есть, а второго много ли? Раб Ваш сыт, а Ревекка довольна ли? Сие-то есть: «Не о едином хлебе жив будет человек...» О сем последнем ангельском хлебе день и ночь печется Скворода. Он любит сей род хлеба паче всего. Дал бы по одному хлебцу (блину) и всему Израилю, если б был Давидом, как пишется в «Книгах Царств», но и для себя скудно.

Вот что он делает, во пúстыни пребывая.

Любезный государь! Вам всегда покорнейшим слугою... И любезному нашему Степану Никитичу господину Курдюмову³⁸.

Отцу Борису и его сыну поклон, если можно, и Ивану Акимовичу.

Милостивому государю г-ну Артему Дорофеевичу в Харькове.

106

К В. М. Земборскому³⁹

Из Гусинской пúстыни,
февраля 21-го дня 1779 года

Милостивый государь!

Польская притча: не вдруг выстроен Краков. Мало-помалу оправляйтесь от болезни. Пускай болит тело. Лед на то родился, чтоб таять. Но спасайте Вас самих, сиречь душу. Яснее сказать, мысли и сердце Ваше, владеющее телом Вашим так, как тело, носимое одеждою.

Нет беднее и в самом аду, как болеть в самых внутренностях, а самые темные внутренности есть то бездна дум наших, вод всех шире и небес. Самое ж внутреннейшее внутри нашей мысленной бури и самый центр, и гавань, и мир есть наш то, о пресладчайшее имя Христос — бог наш.

«Внемли себе». Не потому он в самой внутренней нашей точке почивает, будто упрел от работы и для того субботствует. Оставьте сию думку для младенцев и изуверов, и не потому, будто он очень мал, как маковое зерно, и столь низкий, чтоб не мог распространиться по нашим рукам, ногам, волосам, побежать по горничным стенам, по дворовым плетням, по лесам, полям, по небесам и по всем Коперниковским миров системам. Оставьте и сие для сумасбродов и страждущих лихорадкой. Но вот почему внутренний и мал, что невидимый есть и неприступен; посылает же потому, что ни одна гибель и порча его не достает и не беспокоит, но всегда и бодр, и жив, и лета его не оскудевают. Не имеет ни высоты, ни глубины, ни широты, везде сущий и всегда. А зерном и семенем образуется потому, что, как зерно 1000 садов, так он всю тварь от себя изводит наружу и опять в себе скрывает.

«Внемли себе». Теперь мы нашли на бедственном житии нашего моря спасительную гавань; радуйся со мною, друг мой! Видишь ли и веруешь ли, что мы нашли в пепле телесного домишка нашего темнейшее сокровище... Ей, обрел: чего ты плачешь, а плачешь в тайностах сердца твоего: не сие ли огонь, и червь, и скрежет? Пускай сучья рук и ног наших дряхлеют и исчезают! Не бойся: оно скроется в семени своем, откуда вышло. Ведь видишь, что мы нашли авраамское семя, о надежда и утеха наша! И всех верующих о тебе и в тебе, сладчайший.

Видишь правду сказано Аврааму, что семя его — вечное. Хочешь ли быть от рода Авраамова, — веруй в семя его, не его, но божие. Авраам же и мы прах есть. Сие-то Авраам видел и возрадовался, и мы веруем, радуемся и хвалимся: «Знаю человека», «Возвратись в дом твой», «Внемли себе».

Тут плачь и проси лекарства. Внутри тебя божий человек, не за морем. Близ господа человек; не проси у раба от плоти твоей, спречь у тела. Плоть — ничто же, она есть прах, и смерть, и тьма, и одежда, и гниль... Еще ли во околичнейшие наружности уклонились, там-то самая кро-

мешная тьма, чем далее от чертога царя нашего, тем наружнейшее зло... Вот тебе, самарянин, и трактир, и рай, и гавань! Се там маловерного из бури Петра привлек он. Тут ковчег блаженного Ноя успокоился.

«Там очень высоко взошли все с Давидом». «И полечу и почию».

Не бойся! Недалеко! Одень только мысли твои в крылья веры и любви божией. А я приношу его давно уже с Мариєю, доволен благою для меня частью, чересчур пребывая, любезный друг, Вам покорнейшим слугою

Григорий Сковорода

Василию Михайловичу Земборскому, в Харькове

107

К В. М. Земборскому ⁴⁰

[В Харьков] Из Гусинской пύстыни
от 10 мая 1779 года

Любезный благодетель Василий Михайлович!

Христос воскрес!

Давай мало побеседуем!.. Болишь, Лазарь!.. Боли, друг мой, пожалуйста, боли и поболи... Но боли, слышь, телом, а души да не коснется рука вражия! Душа наша в руке божией да будет! Тело на то родилось, чтоб болеть и исчезать, как луна. А душа есть чаша, наполняемая вечною радостью. Смотри, да не наполнишься сия чаша дрождем грешным. Можно ли сие сделать? Очень можно. Взгляните на множество сидящих в темнице разбойников! Они крепчайшие зверей и скотов по телу, а сердце их немощнее воробья, гнилее молью съеденной тряпки. Взгляньте ж опять на гноище Иовлево! Тело его, как орешная скорлупа, от струпа сгнило, а душа, пли мысли, в нем, как благовонное зерно кориандрово ⁴¹; будто смирна издает благоухание блаженного веселия оного: «Радости вашей никто не возьмет от вас», «Не дал Иов безумия богу», «О господе похвалится душа моя». Если скорлупа быть может здорова с гнилым зерном, то и голова может радоваться при гнилом своем хвосте. Не обещал нам бог нерушимого телесного здравия во спасение нигде; и как не может сего сделать, так и неизреченная сила его в том утаилась, чтобы ему не мочь сделать ничего

из тварей твердым, кроме самого себя, дабы мы, минув его, не похитили во основание нашего какого-либо идола или тварь. Презри, пожалуйста, мех твой телесный. Вот тебе здравие, кушай на здоровье! «Веселие сердца — жизнь человеку, и радование мужа — долгоденствие» (Сирах).

Веселым бог сердце наше сделать может, а стерво⁴² твое нетленным сделать не может и безболезненным. Для чего? Он еще поражает стерво и всяку молью подверженную гниль нашу. Для чего? Будто пастырь, поражая жезлом скотину, от болота отводит. Для чего? Резону не скажу. Для чего? Не может никто сказать: ни ангел, ни человек. Для чего? А вот для чего: бог есть высшая всех причин причина и резон. Ему все отдают причину, а он — никому. Если бы он отдавал отчет, имел бы зависимость, посему имел бы сверху себя начало и потерял бы божество. Не может он потерять божества. Правда ли? Весьма правда! Не может же и стерво наше получить божества, когда он не может потерять. Нет труднее, как глупый и ненадобный резон давать. Для того не может его ни ангел, ни человек сказать. Если б надобно, тогда можно б. Если спрашивать, для чего бог стерва сделать не может нетленным, равно значит спросить, для чего бог не может божества потерять. Нетленным быть и богом быть есть то же. Уже есть бог, как же можно желать, чтоб и плоть была богом? Два кота в меху скорее, нежели два начала, поместятся в мире. Когда желать сего — есть то чепуха, как же не безместный вздор спрашивать о сем и давать резон?

О боже мой! Сколь трудное все то, что ненадобное и глупое! Сколь легкое и сладкое все, что истинное и нужное. На что ж нам желать, чтоб плоть вечная была? Есть без нее вечный. Да исчезнет, как дым, всяка плоть, присный сей враг божий и наш! А мы еще обожить ее хотим. Уже червонец есть (бог — драхма⁴³), на что желать, чтоб кошелек был червонным? Довлеет один. Но неверие наше не видит в мехе нашем драхмы. «Сей же стоит за стеною нашею» (Песнь песней).

О открой, господи, очи наши! Да воскреснет и блеснет нам внутренний наш человек! Да узрим живого! Да не обожаем дьявола! Да услышим от небесного: «Мир вам!» Чего вы боитесь? Пусть дрянь исчезает! Человек есть сердце. Мир сердцу!

Григорий, сын Саввы, Сковорода

К Осипу Юрьевичу [Сошальскому] ⁴⁴

[Из с. Гусинки в с. Маначиновку
или наоборот, 1781 г.]

Любезный государь Осип Юрьевич!

Нынешняя поездка Алексеева привела мне на сердце сии павловские слова: корень всем злым есть сребролюбие, отсюда выросли тяжбы, войны, отравы, убийства, воровские монеты, затеи, вражда, неудачи, печали, отчаяния, страстные пьянства, саморучные убийства... а сам сей скверный, премногих (вот что значит вверх прорастающий, толкуемый о табаке) осквернивший корень родился от отступления от веры, сиречь от безбожия, уничтожающего промысл о нас, сидящего на высоких отца нашего и от попрания преддрагоценного маргарита ⁴⁵, сиречь третье из десятословия заповеди: «Не приемли имени господа бога твоего всуе», как бог чрез нас ту же заповедь в нашем законучении, или катехемате ⁴⁶, истолковал, которое и ныне пред вашими лежит очами.

Из сих мыслей возлетело сердце мое в дальнейшие думы, что таковые, презрев незыблемый счастья камень сей: «Да будет воля твоя...», уповают на себя, на свою волю и на свои хитрости и запутываются наконец в неизбежных погибельных лабиринтах.

Во время оно теряют они всего света дражайшее сокровище сие: «Мир мой даю вам», «Веселие сердца — жизнь человеку» (Сирах), «Сын, храни сердце твое!» (Притчи).

По крайней мере, может быть, спокойно искали погубели своей. Вот как спокойно: «Ходил в пути непроходные...» Вот как спокойно: «Как олень, устрелен в ятра...»

Рассудите, не се ли те бесноватые, что бродят по гробовищам, калужам, по околицам, как есть в евангелии.

Сим бешеным кажется шутка и вздор сие слово: «Кто убьет душу свою, тот спасет ее».

Христос всем бесноватым и скаженным говорит почти одно сие: «Возвратись в дом твой»; то же, что: сын, храни сердце твое. Проще сказать: Алексей! Старайся не о корване ⁴⁷, но о спокойствии сердца. Убей душу, отрежь прихоти твоей кладовые. Что ж то за зелье, которое обрезать, и что то за душа, которую убить нужно и пренужно. А вот она: не разумеете ли, ибо се ну... годящее в человеке не может осквернить его. А вот оно: прелюбодеяния,

любодеяния, убийства, воровство, лихоимство (вот и сребролюбие).

Сие-то есть благородное убийство и истинное обрезание, ему же похвала не от людей, но от бога. Сии-то змиины семена называет Павел началами, властями и духами злобы. «Не наша брань» и прочее.

Если кто прямой Христов солдат и поборол оных духов, тогда исполняется на нем: когда сердце веселится, цветет лицо. Вот что значит убить душу! Сие же значит и крещение. «Измоемся... отнимите лук от душ ваших».

Сие же и елеосвещение есть — помазание, веселие плачущим. Если же кто не вернется домой, не заглянет в сердце свое и не убьет проклятых оных душ, правдивее сказать, полка бесовского, тогда сердце отдается сим бурным ветрам, как лодочка, и исполняется: «Взволнуются и почить не возмогут...», «Втайне восплачется душа ваша», «О горе им, ибо в путь Каинов пошли». И не дивно, что, не убив злых, убили невинную душу, по пословице: «Daemon in daemona non suadet, lupus lupinam non est»⁴⁸.

109

[К С. Н. Курдюмову]⁴⁹

[Любовь] есть родник всей жизни... к делу всякую тварь, и не напрасно написано: «Бог любви есть». «Бог наш огонь есть, и параклит значит того, кто заохочивает и куражит. Сие-то есть утешать, а уныние всегда в лености есть. Сей параклит, то есть дух-утешитель, и меня возжег претер...

...Пожалуйте, пришлите по милости своей одни коты⁵⁰, что с красными завязками, изрядное дело для снегу. Григорий Иванов в начале зимы имеет ехать в Питер через Харьков из Катерпнослава.

Артему Дорофеевичу нижайший поклон.

Виноват, что не писал. О леность! О параклите!⁵¹

110

К С. Н. Курдюмову

Изюм, 1784 года, января 5-го дня

Любезный благодетель Стефан Никитич!

Радуйтесь в Новый год!

Cum tota tua domo et familia, in domino Jesu Christo⁵².

Ныне скитаюсь в Изюме. Скоро чаю возвратиться в мои присные степи, если-де господь благоволит. Уже

прошла половина зимы, а тулупчик Ваш коснит. Если угодно богу и Вам, пришлите чрез Трофима Михайловича, если же нет, господня воля да будет! По крайней мере пришлите маленький внутренний замочек, каковы бывают в гуслях. Артемию Дорофеевичу низжайший поклон. Поклонитесь и Якову Борисовичу. *Mittat mihi primam et ultimam chordam in violam, ut vocant, saltem ultimam* ⁵³.

А сыну Вашему вот что:

*In stadio currunt multi et victoria paucis.
Paucis musa favet, plurima turba studet.
Navigat ille miser, qui portum tangere nescit.
Navigat ille bonus, si cui kepha - deus* ⁵⁴.

Кефа, или кифа, еврейское имя Петру-апостолу дано. По звону значит каменную гору и гавань. По силе же своей значит истинной премудрости ключи и вход оный: «Исходы мои — исходы жизни...», «И войдет, и взойдет, и пажить обретет», «На камень вознес меня ты». Кефа же по-гречески гласит *петра*, по-польски — *скала*. В силу сию Павел: «Так гоните, да постигнете». Тут почил Ноева голубица оная: «Кто даст мне крылья...» Сие-то есть новая земля не мертвых, но живых людей. Я, ублажая Вас Новым годом, желаю отцу с сыном достигнуть сей блаженной страны с оными поселениями: «Блаженны кроткие, ибо те наследят землю». Я, издали взирая на сию землю, гавань, гарец, или герец, очами веры, как зрительною трубою, что на обсерваториях астрономских, все мои обуревания и горести сим зрелищем услаждаю, воспевая песнь Аввакумову: «На страже моей стану и взойду на камень», «На Сион-гору взойдет, благоветствуя» (Иеремия). И пребывая Вас, любезного моего благодетеля, искренним слугою,

Григорий Скворода

Стефану Никитичу Курдюмову, в Харькове

111

К Ивану Васильевичу [Земборскому] ⁵⁵

Из Гусняки, 1787 года, января 23-го дня

*Любезный друг Иван Васильевич!
Дерзай и возмогай!*

Что ты, друг? Зашел в тесные непроходности. Но кто возвестил тебе, что наг ты. Конечно, вкусил уже ты от

мирской мудрости? Требуешь от нас утешения? Правильно творишь. Мир уязвлять только нас может, исцелять не может. То ли тебя мучит, что столь горько уязвиться тебя допустил бог со иерихонским странником ровно? Но знай, что человек всех скотов и зверей упрямее и что, не наложив на него тяжких ран, не может иначе к себе обратиться от мира бог и не загремеет страшным оным тайным громом: «Саул! Саул! Что меня гонишь? Адам! Адам! Где ты? Куда тебя черт занес?..»

Таковы-то, друг, все мы: «Сгнили раны мои от лица безумия моего». Вот какое бывает начало спасения нашего! После ран милость блудному сыну и примирение. А без того вечно бы он за мирскою с Эзоповым псом⁵⁶ гонялся суетою, оставив...

Ублажаю ж вправду и поздравляю тебя с Новым годом! Знай, что после сих ран уродится в тебе новое сердце, а прежнее твое сердце никуда не годится: буйное, ветхое, пепельное, а вместо сего дается тебе и уже начинается сердце чистое, истинное и новое. Вот второе наше рождение! А если правдиво сказать, то мы прежде второго рождения никакого сердца не имеем; и безумные нарицаются у Соломона бессердыми. Удивительно, что самое нужное в человеке коснее и позднее создается, ибо сердце есть существо человеческое, а без него он чучело и пень есть. Но чему же дивлюсь? Не прежде ли корабль, потом кормило и компас, которые есть сердце кораблю? Куда положишь новое сердце, не создав прежде телесного меха? В сию силу Павел: «Primum carnale, deinde spiritale»⁵⁷.

Возри на орех! Первее скорлупа с наполняющим оную молочком, потом зерно, какое, распространяясь, так уничтожает молочную пустоту, как Данилов камень, несеченный от горы отвален, всю мира сего суету один сам исполнил. Без зерна орех ничто же есть, а без сердца — человек. Когда слышишь сие: «Создал бог человека», разумей так: сердце чистое создал ты во мне, боже... а без него был доселе я мертвая и не сущая тварь. Когда слышишь: «Иазарь, долго ли тебе страдать в земленностях мирских?», разумей сие: «Дунув, примите дух свят!», «Восстань, спящий». Разумей сие: долго ли тебе валяться в болоте мирских скверностей: прими дух святой, сиречь новое сердце. Да будет свет! Сиречь светозарное и светлое сердце.

Видишь, что последовавшее счастье всегда предваряемо было тяжчайшими бедами, и, как не бывает весна прежде прошествия стужи, так день спасения не является человеку, если не предыдет гнев бога нашего. Зло стражди же и потерпи. Се избавление твое при дверях! Проси у бога не плотской жизни, но светозарное сердце. Тогда будет Самсон. Как? Так: лев, сиречь смерть, весь род человеческий мучит и раздирает, а ты сего аспида одною рукою поведешь. А разодрав, не мучительный в нем страх сыщешь, но мед. Да уразумеешь, сколь храбра и сильна премудрость божия, и сколь младенческая есть слабость мирской буйной премудрости, и сколь истинна есть истина сия: «Змия возьмут».

Вам искренний друг и нижайший слуга

Григорий Сковорода

112

К Я. М. Донцу-Захаржевскому ⁵⁸

[В с. Бурлук, 7 декабря]

Liberalissime here! ⁵⁹

Вся «Катехеза» моя состоит из 12 четвертей сверх предисловия. Самая же ее эссенция, сог ⁶⁰, то есть толк десятословия, занимает две только четверти. Посылаю ведь Вам дочь мою по плоти, но по духу божию, катехезу ⁶¹, но с таким наказом, дабы от Вас отнюдь никуда на сторону не пошла и не окаляла бы внешней своей одежды, разумейте, бумагу и оправку. Она есть не копия, но самый родник и оригинал, начертанный отца рукою. Бродила она даже до Кавказских гор, и бог ее сохранил, да сохранится ж и у Вас! Впрочем, болен, не еду к Вам и спешу совершить маленький свиток или книжочку, да не явлюся лжив во обещании друзьям моим.

Пишите Михаилу и от меня целуйте его и ее. Я все от него посланное получил. Единого его (по-человечески говорю) не получаю. Всех подарков милее дружеских сам друг тому, который взаимный есть друг. Получил я и от Вас 4 дара. Rependat tibi deus, qui est omnium pauperum nutritor. Amen!

Tuus servus Gr. Sartago

Decembri, Die Ambrosii sancti ⁶², 1787, из Гусинки

К С. И. Тевяшову ⁶³

[В г. Острогжск]

Милостивый господин!

Пишу к Вам про некоего ближнего. Сей ветхозаконник Аверкий ⁶⁴ ищет хлеба, а слух доброй Вашей славы к Вам его направил. Если правда благословит и сила довлеет, помогите ему ради него. Если не достоин, помогите ему ради Вас самих. Вы ведь родились на то, дабы дождить на злое и на благое.

*Вашего имени и всего благословенного
Вашего рода учитель,
старец Григорий Скворода*

1788 года, из села Гусинки, июня 10

К Гр. И. Ковалинскому ⁶⁵

Из Великого Бурлука,
1788 года, сентября 23-го дня

//Желаннейший для меня Григорий!

Радость и мир тебе от господа бога!

Алеша пишет, что ты болен. Если ты болен телом, это ничего. Если одновременно и духом, и по твоей собственной причине, то я тоже переживаю. Ибо это худшая болезнь — болеть духом. Да оздоровит Христос твою болезнь, особенно дух. Учись медленно отходить от мира. Таким образом ты уменьшишь заботы, а также боль духа и тела. Разве ты не знаешь, что в человеке есть две природы: господин и слуга, дух и плоть, сердце и тело? Зачем я это говорю? Чтобы ты понял, что телу надо уступить настолько, насколько этого требует необходимость, а не настолько, насколько этого хочет слуга плоти — желание! Если же ты, вместо того чтобы уступать только необходимости плоти, будешь угождать ее похотям, то ты никогда не будешь жить весело. Почему? Ибо когда ты что-нибудь лишнее уступаешь плоти, ты унижаешь ее господина. Тогда гневается на тебя твой брат, господин

плоти. Кто он? Дух. Далее, никто никогда не жил приятно, кто разорвал это братское соглашение. Ибо пользоваться этим братним миром или согласием — это быть довольным собой, то есть иметь это блаженнейшее самодовление, которое так настойчиво рекомендует Тимофею апостол Павел (гл. 6, ст. 6). Очевидно, это и есть то: «Если сердце наше не осуждает нас, дерзновение имеем у бога» (I Иоанна, гл. 3). По-гречески: его посредством познавать.

Желаю тебе, дражайший, того единого и блаженного мира. Поручаю тебя и всю твою семью Христу: «Который есть мир наш, аминь!»

Один из тех, кто желает тебе добра,

старец Григорий Сковорода//

Приклони мало ухо твое и воньми прощению моему. Призри письмодавицу сию оком благоутробным, обещающим хотя малую помощь житейским ее немощам. Знаю тебя, рожденного дождить на злых и благих.

Милостивому государю Григорию Ивановичу Ковалинскому, в Таганроге

115

К Алексею [Базилевичу] ⁶⁶

[В г. Таганрог,
23 сентября 1788 г.]

//Милый мой Алексей!

Мир тебе!

Пишу тебе кратко, ибо жду тебя. Ты забросал меня своими письмами, а я тебя осыпаю благодарением. Но когда ты прибудешь? На греческие календы ⁶⁷? Но у греков нет календ. Бурлук от Гусинки приблизительно... верст. Тут я теперь пребываю. Ты не удивляйся, что я ἀστατέω ⁶⁸. Что это значит, спроси у Григория. Он же грек, поющий себе под носом: «παι, ὁ οὐ ἕλλην, βάρβαρος ἐστί» ⁶⁹.

Будьте здоровы, дражайшие мне во господе лица, и радуйтесь!

Даниил Мейнгард//

К Е. Е. Урюпину ⁷⁰Из Великого Бурлука [в Харьков],
1790 года, июня 10-го дня*Возлюбленный друг Георгий Георгиевич!*

Мир сердцу твоему и дому!

Благодарю богу и тебе, друже, за твое мне странно-примство. Седмицу у тебя почил старец Скворода, как в мäterнем доме. Да воздаст же тебе тот, кто на свой счет приемлет все даваемое нищим! Я Вашим вином не только в дороге, но и дома пользовался!

Прошу покорнейше отдать низенький поклон господину Петру Федоровичу, аптекарю, и показать на обороте Вашего письма мои строки латинские! Артему Дорофеевичу и Рошину с товарищем усердное мое почтение! Также и Стефану Никитичу Курдюмову, и всему его дому, а я пребуду, возлюбленный друг, Вам искренним другом и покорнейшим слугою.

*Старец Григорий Варсава Скворода*К П. Ф. Пискуновскому ⁷¹[Из с. Бурлук в Харьков,
10 июня 1790 г.]*Дражайший друг Петро!*

Если бы я не знал искренности и простоты твоего духа, я никогда бы не обратился к тебе и не беспокоил бы тебя! Теперь же вместе с Сократом выскажу эту старую пословицу: «Я знаю Симона, и Симон меня».

Пришли мне, пожалуйста, хоть один пучок тысячелюстника или чертополоха. Настоим его на вине или сикере. Если пришлешь, сделаешь нам очень большую услугу. Прощай! Благодарный за твою дружбу и второстепенный среди твоих друзей

старец Григорий Варсава Скворода

Из Великого Бурлука [в Харькове],
1790 года, июля 2-го дня

Любезный друг Георгий Георгиевич!
Да будет мир тебе и дому твоему!

Не забывай, друг, что ныне течет первая четверть небесной луны августа. Разумей, что говорю: «Дай мудрому повод, и премудрейший будет». Слушай римскую сию пословицу: «Боязливого сына мать не рыдает!» Не дремли! Жизнь наша есть море. Блюдите, как опасно ходите! Господь да хранит правые течения твои! Так плыви, да достигнешь в гавани благоумощенной старости оной! Венец хвалы — старость!.. А какое-то есть масло, умащающее счастливую старость!.. Какой венец! Послушай! Помазал нас бог духом... Елеем радости помазал ты его. Веселие вечное над головами святых! Ах, что лучше возможет усладить старость, как божие сие масло? Вот тебе масло! Добрая слава (пословица) лучше мягкого пирога!

Не думай же, друг, что добрые слова есть то же, что пустозвонкая мирская газета, гремящая по улицам о телесной твоей премудрости, о силе и богатстве. Да не хвалится премудрый премудростию своею... От сего елея убегают Давид! Елей же грешного да не намастит головы моей. Сим елеем мажутся нечестивые! Они украшают стены и телеса, а не сердца свои. А вон они суть! О лицемер! Омой прежде внутренность твоей скляницы. На, вот же тебе и истинный сердца украшающий елей и питающий. Назнаменался, напечатлелся на сердце нашем свет лица твоего. Дал ты веселие в сердце моем. От плода, пшена, вина и елея и прочее. Сиречь разбогатели-де мы в богатстве, украшающем и питающем сердце. Умей же различать ложную славу от истинной, как воровскую монету, и будешь блаженный оный, Христом похваляемый купец. Он всему своему имению предпочел дражайший некий жемчуг, хоть тратю всего, только бы достать оный. А какой тот столь странный и чудный жемчуг?

Вот он! Заповедь господня светлая... Страх господень чист!.. Вот он! На пути откровений твоих наслаждался, как во всяком богатстве. Вот он! Открой очи мои и

уразумею цену его! Вот он! Пришелец я на земле. Вот он! Слава добрая утучняет кости... Вот он! Слава велия последовать богу... Прильнет сердце к тебе... Вовеки не забуду оправданий твоих. Ей! Лучше голый, да правый, нежели богатый беззаконник. Не убоюсь обнажающих тело, души же обнажить не могущих.

Любезный друг!

*Ваш истинного добра желатель
и всепокорнейший слуга,
старец Григорий Варсава Сковорода*

Пришлите мне ножик с печаткою. Великою печатью некстати и не люблю моих писем печатать. Люблю печататься оленем. Уворован мой олень тогда, когда я у Вас в Харькове пировал и буянил. Достойно! Бочоночки оба отсылаются: Ваш и Дубравина. И сей двоице отдайте от меня низесенький поклон, и господину Прокопию Семеновичу.

119

К И. И. Ермолову ⁷³

[Из Гусинского монастыря в Харьков,
вторая половина сентября 1791 г.]

Милостивый государь Иван Иванович!

Бога ради, постарайтесь о шубке ярославской. Зима идет, а старость давно уже пришла. Надобно для нее теплее и легче, да сия ж купля и по нищенскому моему капиталу. О деньгах не опасайтесь. Будь Вам свидетель сия записка. Если ж умру, тогда приятели не допустят бранить меня, мертвеца, заплатив за меня должок, который один только и есть. Не можно ль Вам к покрову в Харьков?

Боже мой! Какой я дурак, забочусь о шубенке, будто бы обитает в ней со вшами блаженство! Довольно было напомнать. Так-то мы, любезный приятель; малодушны, в телесных надобностях попечительны и проворны. Но не счастливее ли примирившаяся с господом совесть в худенькой для зимы шубке, неж беззаконниково сердце, хотя б его тело одеваемо было соболями? Нет мучительнее, как болеть мыслями, мучиться сердцем, зябнуть душою от холодного скрежета и бескуражного отчаяния. О, когда б мы сего морозу хоть впол боялись! Внутреннее утешение,

рождаемое от совести мирной, столь сильное, что, среди тяжких досад телесных не угасая, доказывает истину слова сего: «Не убойтесь убивающих тело...» Все то убивает, что вредит и досаждаёт. Я думаю, что, если кто весел, тот и в болезни здоров. Не всяк, кто по телу здоров, весело живет. Так видно, что иное дело — здоровье и другая речь — веселие души. Если ж здоровый иногда живет без веселия, то для чего нельзя жить душевному веселию без крепости тела?

Ах, не сольем же самих нас в одно тождество! Одно в нас—тело, а душа — другое дело. Пусть бренное тело, как родилось на то, так и болит, но душа да радуется, что по оному телу мы тлеем, но по душе обновляемся. Телом мы ничто, но душою чтось-нечтось, да еще и великое. Она вовеки с нами, и мы с нею и в ней.

Видишь... в чем пока пустынный... и люби его...

Милостивому государю Ивану Ивановичу Ермолову

120

**Высокомилостивому государю Якову Михайловичу
его высокоблагородию Донцу-Захаржевскому ⁷⁴**

Высокомилостивый государь!

Примите милостиво от человека, осыпанного Вашими милостями и ласками, маленький сей, аки лепту, дарик, маленькое зеркальце благодарности.

Уклонившись от Библии к Плутарху, перевел я книжонку его «О спокойствии душевном» ⁷⁵, истолковав не наружную словозвонкость, но самую силу и эссенцию, будто грозди в точиле выдавил. И в такую одежду девочку сию одел, дабы она и внутрь и вне не языческою, но Христовою была и являлась девою. Не поминаются здесь ни Дий, ни Венера, ни Меркурий ⁷⁶, но в новые мехи и вино новое влито. Плутарх был из числа тех, которые во след Христов не ходили, но именем его бесов изгоняли. Не браните ж его! Да изгонит и нам! Премудрость не умирает. Он был и друг и наставник доброму Траяну-кесарю ⁷⁷. Да будет же и нам. Премудрость не умирает. Траян был столь доброго сердца, что римляне, после него избрав кесаря, так прославляли: «Будь счастлив, как Август ⁷⁸, а добрый, как Траян!» Он, взойдя на вселенский

престол, как всемирное светило, щедротами всех озарил. Воистину легко было Плутарху воспламенить к правде, к милосердию и мужеству столь благородное сердце.

Все — суета. Все преходит. Бог же мира с нами вовеки: «Один его день, — сказал Марк Аврелий ⁷⁹, — всех мирских сокровищ лучший». Если сия книжечка, хотя и несколько минут, послужит Вам противу беса скуки, и тем я доволен. Если же напоит, хотя маленькою чашечкою, спасения мира божиего, — вот мне и труд, и плод, и награда! Кто как бог? Что как мир? Воскликну с Григорием Богословом ⁸⁰: «О мир, ты божий, а бог твой!» И в сем желании вовек пребуду.

Высокомилостивый государь, Вашего высокоблагородия всенижайший слуга, любитель и сын мира

Григорий Варсава Скворода

1790 года, апреля 13

121

Его высокородно милостивому государю
Степану Ивановичу
господину полковнику Тевяшову ⁸¹

Милостивый государь!

Как только стану читать книжечку Цицеронову «О старости» ⁸², вдруг открывается мне театр древнейших римских времен, а на нем представляются, например, Камиллус, Корунканиус, Куриус ⁸³ и прочие таковые. Признаюся, что зрелищем сих добротой сияющих сердец пленяется мое душевное око, и прихожу в понятие, что нет ничего ни любезнее, ни приманчивее, как добродушие. Не могу довольно надивиться, каким образом они могли быть просты, но поважны; грубы, но дружелюбны; вспыльчивы, но незлобивы; ласковы, но нелукавы; сильны, но справедливы; победительны, но милосердны; властительны, но бескорыстолюбны; немного учены, но благоразумны; разумны, но бесковарны; великолепны, но щедры; хвастуны, но не лгуны; стяжательны, но не обидливы; спорники, но не правдоненавистники; склонны к заблуждению, но не желатели его; защитники греха, но поколе лести его не узнали; честолюбцы и славолубцы, но беспритворны и не мартышки; изобильны, но не сластолюбцы

и не нежные трудолюбцы; не христиане, но любители бессмертия. Не могу себя уверить, чтоб не касалось их следующее слово Христово: «Кто не на вас, тот по вас есть...» Принужден сказать с Павлом: «Или иудеев только бог, а не и язычников?» Ей, и язычников. Скажу то же, что о капитане Корнилии⁸⁴ сказал Петр: «Поистине разумеваю, что не на лица зрит бог, но во всяком языке боящийся его и делающий правду приятен ему есть...» Се-то те овцы, находящиеся не от двора сего Христова: «И мужи, пророчествовавшие не при скинии откровения». Однако ж пишется: «И предпочил на них дух, и сии были от вписанных, и пророчествовали». Не запрещает им Мойсей, хотя о нем просит его Навин, и Христос говорит: «Не браните». А хотя каждый народ и фамилия, будто пшеница, час от часу делается отродком от своих предков, однако помянутые апостолы, многим народам благовестившие слово истины и испытывшие качества сердец их, временную жизнь свою кончить благоволили в Риме. Видно, что они и в свои времена, конечно, нечто еще застали в сердцах римских древнего от предков их праждушия.

Впрочем, когда сим театрам веселюся, нельзя, чтоб не вошел мне на мысль некий муж нашего века, не по крови и плоти, но по сердцу вышепомянутым сроден. Я его по телесной внешности не видал. Но сердце его может ли укрыться от душевного зрительей ока и в самые древнейшие времена проникающего? Внутреннему на внутреннюю бестелесность смотрящему взору ни время, ни реки, ни горы препятствовать не могут. Сей муж есть покойный Вашего высокородия родитель. И сия-то причина заохотила меня поднести сию книжечку, протолкованную здешним наречием, в то время как пользовался я спокойным уединением в доме Вашем. А переведены не слова ее, но мысли. Она сделана разговором. Старик Катон ведет разговор, находясь в нем главною персоною. Он говорит просто, но твердо. Его речь дышит высокими мыслями, хотя не накрашена блудословием. И не челюстями, и не наружными устами^a воздух бьет, как афиняне, но сердцем и грудью говорит римлянин, поражая острием духа в самую душевную точку и оставляя в ней язвитель-

^a Устами, Alluditur ad id quod Athenis dictum est de Catone. Dictum autem est tale: athenienses faucibus, romanos pectore loqui idem, sed oravit graece $\sigma\epsilon\mu\upsilon\sigma$ ⁸⁵.

ное чувство, будто пчела — жало. Знать-то такова речь, какова жизнь, а жизнь такова, каково сердце⁸⁶. Жизнь есть плодоносное дерево, от доброго сердечного зерна рождающееся. А речь есть зеркало сердца. Ни один источник в чистоте своей не покажет телесной фигуры столь живо, сколь ясно душевное лицо изображается в откровенных водах речи. Сердце же человеческое есть точным в человеке человеком, находясь главою и существом его, как свидетельствует Библия. И совершенно человека видит тот, кто видит сердце его. Примите же, Ваше высокородие, речь Катонову, как портрет, высокие сердца представляющий. Подношу оный отцу в сыне его. Бессчетное различие имеет брненное тело. Что же надлежит до сердец: «Нет иудеев, ни эллинов... Все вы едины во Христе».

*Вашего высокородия,
милостивого государя усерднейший слуга,
студент Григорий Скворода*

К НЕИЗВЕСТНЫМ ЛИЦАМ

122¹

Хорошо, несем вместе и поставим, будто картину возле картины, страх божий и веру во Христа, чтоб усмотреть, велика ли меж ними рознь. Страх божий — бояться бога, вера во Христа верует в него же. Страх, боясь бога, любит его, и вера, веруя, надеется и любит.

Страх боится вездесущего, вера верует в творца, всеисполняющего. Страх боится невидимого, вера, не видя, видит того же. Страх божий уповает на бога, вера уповает на Христа. «Страх божий — дар от господа» (Сирах, гл. 1, ст. 131). «Вера есть дар божий» (К ефесеянам, гл. 2, ст. 8). «Страх божий в боге, как на камени, вера во Христе: камнем есть он же» (К коринфянам, гл. 10, ст. 4). «Страх божий есть верх и цвет счастья; вера спасает счастье и спасение» (то же, гл. 11, ст. 6). Страх божий есть венец мудрости, вера есть символ, лозунг и печать христиан. «Страх божий ведет в землю обетованную, верую перешли Черное море^{1а}» (К евреям, гл. 11, ст. 29). «Страх господен прилагает дни» (Притчи, гл. 16, ст. 27). «Вера векови стоять будет» (Сирах, гл. 40, ст. 12). «Страх господень — источник жизни» (Притчи, гл. 14, ст. 26). «Верую праведник жив будет» (Аввакум, гл. 2, ст. 4). «Страх господень отгоняет грехи» (Сирах, гл. 1, ст. 21). «Вера исполняет заповеди» (Иоанн, гл. 3, ст. 23). «Страх господень, боясь господа, верует в него: вера, веруя господу, боится его. Страх господень возвещает мир» (Сирах, гл. 1). Верую оправдавшись, мир имеем к богу.

Как можешь веровать богу, не боясь его? Как можешь бояться, не веруя? Бог и Христос есть одно, воля божия и заповедь Христова есть одно.

Видно ж, что вера и страх божий есть то ж одно. Страх божий есть то дух божий в человеке: «Исполнит его дух

страха божия» (Исаия, гл. 11, ст. 3). Вера Христова есть тоже внутри дух господень: «Имея тот же дух веры» (К коринфянам, гл. 9, ст. 13). Богом боимся бога и духом духа видим. Отец нас влечет к сыну, сын — к отцу. Но отец в сыне и сын в отце. Страх божий в вере, а вера — в страхе. Страх божий есть внутреннее свидетельство о сыне его. Вера Христова есть наружное перед людьми доказательство. Отец его — лежащий, как камень, монумент откровения. Если кто верует, камень откровения, конечно, имеет страх божий внутри, а уничтоживший внутреннее свидетельство лживым сына божия почитает. «Верующий, говорит наперсник, в сына божия, имеет свидетельство в себе, а не верующий богу, ложью сотворил его» (гл. 5, ст. 10).

Если бы кто меня спросил, каким образом наследовать страх божий, я бы ему отвечал с Сираховым сыном: «Возжелав премудрости, соблюди заповеди, и господь подаст тебе». Премудрость и страх божий — одно. А если опять спросишь, каким путем достигнуть веры, невидимое величество божие видящей, или (как Павел говорит) обличающей, то есть пред лицо ставящей, скажу тебе с Иоанном: «Всяк согрешающий не видел его, не познал его». Спроси ж теперь меня, каким способом получить наследие дражайших заповедей. Отвечаю с Давидом: «Блажен муж, боящийся господа, в заповедях его восхо-чет зело». Видишь, что к помянутым двоим присовокупляется, а сие третье суть едино страх божий, и вера Христова, и животворящие заповеди. Страх божий и вера побуждают к заповедям, а дух заповедей вершит двоицу. Страх божий — глава и начало, вера Христова — нива и зерно, а сладчайшие заповеди суть животворящий плод райского дерева, которое плод свой дает во время свое.

Мы при свидетельстве камня Библии страх божий и веру Христову в одно поставили, а Давид страх божий вместе с заповедями ставит. Страх господень чист, судьбы господни истинны. Кто дерзнет от божественной двоицы нераздельной отделить бессмертного божества сокровище — заповеди божии? Они — плод, совершение и окончание всему, конца не имеющее, а конец и начало — все одно. Бог — всему начало, бог — средство, бог и конец всему, ничто не может от бога родиться лучше, как он сам, тем-то он и бог, что лучший всего. Что ж ты мне сыщешь лучшее заповедей? Где, на небесах или на земле?

Когда, в сей век или будущий? Право, я и сам бы их оставил, если б что лучшее от них отыскал, но не могу затем, что не хочу, не хочу затем, что не могу. Сей есть бог мой, рай и живот вечный. «На пути откровений твоих наслаждался, как о всяком богатстве». «Наследовал откровения твои вовек, ибо радование сердца моего суть». «Скорби и нужды обрели меня, однако заповеди твои — поучение мое есть». Боящиеся тебя узрят меня и возвеселятся, как на слова: «Мир мног любящим закон твой», «Вовек не забуду оправданий твоих, как вразумил меня, и поучусь».

Есть же и другого рода страх божий. Он не веселит, но мучит, не ублажает, но погубляет, не жизнь душе, но смерть лютая. Он называется безбожничий и рабский, а живет в двух сортах людей. О первом жребии говорит Давид: «Говорит безумный в сердце своем». О втором — сын его, Христос: «Всяк согрешающий раб есть греха». Первый сорт, не признавая за господина, войну ведет против божиего стана; второй признает, но боится, как мучителя, не как отца. Противясь воле его, а живущие по слепоте своей, — вот страх их. «Бегают нечестивый, когда никто не гонит» (Притчи). Неправедные же волнуются, и почить не возмогут, и там убоялись страха, где все житие нечестивого в попечении. «Страх же его в ушах его» (приметь: то его, не божий страх), жало же смерти — грех. Один боится, чтобы не протлела тлень, другой печется грехом, оба мучатся. Сей страх можно назвать адским, не божиим, а как страх есть погибельный, так и вера есть суетная, лицемерная, бесовская, рабская. Она, конечно, верует, что есть бог, но делами, как Павел учит, отменется и теми плодами, которые есть свидетельством о вере во Христа сокровенной, как зерно в сердце. Говорит устами: «Господи, господи!» — и не творит воли его. «Покажи мне веру твою по делам твоим!» — кричит апостол Иаков. Иное дело есть верить в то, что бог есть, а иное — верить в бога, любить, положиться на него и жить по богу. Бесы веруют, что есть точно бог, и трепещут. Видишь в бесах веру, видишь в них и страх, но не веруют в бога и не идут по нему, как путем счастья. Веруют разбойники, что есть суд гражданский, и боятся его, но не живут по законам его, а сим самим не уверяются ему, избрав собственный путь к мнимому своему счастью. Не тот есть богатый, кто верует о том, что золото нахо-

дится в недрах земли, но кто погнался за ним, влюбясь в оное, и, собрав, обогатился оным и укрепил дом свой, вверяясь на оное. Так верный христианин не тот, кто верует о том, что находится в свете бог, но кто последует ему, влюбясь в него, и основал дом счастья на любви божий, утвердив оный соблюдением воли его блаженной, вверяясь, как на твердейший адамант, что дом его не подвижится вовеки, обогащен сим сокровищем; благ мне закон уст твоих. Вот в чем есть обручение веры с господом по слову Осии: «Обручатся себе в правде, и в судьбе, и в милости, и в щедротах, и обручатся себе в вере, и узнаешь господя» (гл. 2, ст. 19). Видишь, вера не разделяется от правды, суда, милости и щедрот. Что есть правда? Слушай Давида: «Правда твоя — правда вовек, и закон твой — истина». Что есть суд? «Сотворил суд и правду. От судебных твоих убоялся». Что есть милость? «По милости твоей и по судьбе твоей живи меня». Что есть щедроты? «Щедроты твои многие, господи?» «По судьбе твоей живи меня, верующий в меня имеет жизнь вечную». Что ж есть жизнь? Слушай отца: «Вовеки не забуду, что в них оживил меня ты». Вот тебе жизнь, вот чем оживляются мертвые жалом греховным. Но долго ли нам не верить жизни сей, долго ли тяжек нам будет свет и мир повелений его? О ослепленные сердца и несчастные умы! Заповедь его есть печать дружбы. «Вы друзья мои, если творите, что я заповедал вам».

123³

Так вы сего не разумеете: «Отделяя себя от единства веры». Куда вы несмышленны; разве уже вытекло то, что там же сказано: «По своим похотям ходя и нечестиях», сия вся речь об одних и тех же людях. Сии несчастливцы, основавшие блаженство сие на внешних церемониях, ведут жизнь свою по своим похотям. Что то за похоть, слушай Павла: «Явлены же суть дела плотские», то есть прелюбодеяние, блуд, нечистота, стыдодееание, идолослужение, чародееание, вражда, рвение, завиди, ярости, разжжения, распри, соблазны, ереси, зависти и убийства, пьянство, бесчинство, кличи и подобное сим; всякая церемония называется плотью, [не] ведущая ни к чему тайному, будто букварь к чтению, а чтение к понятию силы. Но сии сивые голубчики, оставив самую силу, и конец церемонии, и души их, поставили дом свой на песке, как

на льду, уповая на сие песчаное свое основание, не на камень твердый и сделный, о котором Давид: «И сперва познал из откровений твоих, что вовеки основал их ты». О таких Павел вопиет: «Имуще образ благочестия силы же его отверглись». Се Иуда говорит: «Отделяющий от единости веры». То же, что и Павел, и пророки называют камнем, или твердостью, а богослов — любовью, или единством. Любовь и единство то же. То же самое наш Иуда называет единостию: сие значит камень заповедей господних: «На камне меня веры утвердив» — и по сей причине зовет телесными, плотскими и песчаными, то есть ничего твердости не имеющими, о которых бог у Исаии: «Узнай, — говорит, — как пепел, сердце их, и прельщаются». Помните созидающего храмину на песке; песок есть нечто не одно, но из разностей смешенное; но камень есть нечто одно и затем твердое. Таковых людей на обряды упования можно назвать верою затем, что на них положились, но не твердою и плотскою. И посему-то тут же сплошь наш Иуда говорит: «Вы же возлюбленные самую вашу верою», то есть не песчаную, сами себе в любви божией соблюдайте; истинная вера ведет к концу. Что ж есть конец? Слушай Павла: «Конец же завещание есть». Что такое любовь от чистого сердца и совести благой и веры нелицемерной (К римлянам, гл. 13), говорит и к Тимофею (гл. 15): «Ни единому ничем не должны бывайте, только чтобы любить друг друга, ибо любящий друга закон исполняет».

124³

Захотелось мне несколько с Вами из отсутствия поговорить. Приметили ль Вы, что отсутствующая дружеская персона похожа на музыкальный инструмент: он издали бренчит приятнее. Дай бог, чтоб мы могли взаимным бренчанием веселить наши внутренние уши, согласным следующей симфонии: «Хвалите господа, ибо сей благ!» (Псалом). И что ж лучше, как почаще бренчать о том: «Зиждущий Иерусалим господь», исцеляющий сокрушенных сердцем и обязующий сокрушения их. Посылаю Вам один и другой гостинец: один — слон, другой — солнце; если их сложить, то сделают символ, то есть складку, и заключат прекрасную силу. Слон с удовольствием на солнце, светом облившееся, взирает, подняв хобот будто для объятия руки своей. Взирайте на сей

символ почаше, он вам не меньше будет полезен, как израильтянам змий повешенный. Не забывайте того: в чем мир ваш, исцеляющий сокрушение сердечное. Если ж хотите, подпишите книзу сие: «Совість чистая богу угодна». Сколь изрядно сим узлом не знаменуются сыны дня и противные тем, о которых Давид: «И в ложах своих лягут». Плиниус ⁴ пишет, что слоны вместе собираются всякий день, чтобы поздравить восходящее солнце. Видно, что они его любят. Пишут тож, что из больших зверей нет разумнее слона. Случилось и в Библии читать, что весь Израиль рано пред господом предстает. Но о противных вот что поет Давид: «И не пребудут беззаконники перед очами твоими». И сам о себе: «Завтра, — говорит, — предстану тебе», и далее: «Слова мои внуши». Не кажется ли вам, Давид [со] слонем, солнце поздравляющим, — весьма сходное зрелище. Счастливы, кто рано, в первый час дня, с веселием взирают на внутреннее свое правды светило. Таковые-то действительно прочитывают правило первого часа. Следующий и весело светящий день есть плод вчерашнего, в страхе божием проведенного дня так, как добрая старость есть награждение доброй юности.

125^b

«Зане от дел закона» и проч. Конечно, под делами закона разумеются действия, церемонии. Они всегда находятся божией истины или духа святого немым начертанием и слабым образом, яснее сказать — действия церемониальные суть комплименты и жеманные наружности, обещающие усердие к богу и дружбу, которая печатлеется исполнением священнейшего закона его, до которого они находятся некою кладочною [частью] или с мостичною и будто с алфавитом букваря. Законом оно названо для того, что узаконено было; всякому не миновать тех действий, могущих со временем вперить в присущное сердце понятие и просвещение высочайшей пользы и счастья истинного человека. Например: едение пасхи есть то: [1] внешнее действие; 2) обрезание; 3) неедение свиного мяса; 4) омытие внешних членов стихийною водою и прочее бесчисленное. Названо оно еще для того законом, что, закрывая или назнаменуя тайный божий закон, находится его коркою, и шелухою, и будто половию, зерно царства божия закрывающею, и надеющиеся на сию

корону называются шелуханами, то есть суеверами. Вся сия шелуха законная ведет сердце наше к святому духу. Он есть воссияние блаженных и чистейших мыслей, называется дух веры, дух премудрости, дух страха божия. Дух божий и начало всего того плода, о котором Павел говорит: «Плод же духовный» и проч. Если к сему концу кто приспел, так оправдан духом веры и исполнив церемонии, через окончание может сказать с Павлом: «Закон ли разоряю верою?» Никак. Но закон утверждаю, а если кто и без церемонии добрым сделался, пускай с Павлом же вопиет: «Един бог, который оправдал обрезанцев да от веры необрезанцев. Да все ж, однако, верою, не вырезанием; ни обрезание, что может, ни необрезание, но новая тварь» (К галатам, гл. 2, ст. 15).

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ
РАБОТЫ**

EXCERPTA PHILOLOGICA

Vertendi quomodo auctores in vernaculam

Si singula verba latina iisdem germanicis exprimeres, ineptus fueris. Aliter enim latinus, aliter germanus de una eademque re loquitur. Exempli gratia apud Terentium aut *equos alere*, aut canes ad venandum. Hic si equos alere convertere velis *Pferde nähren*, redderes quidem significationem verbi *alere*, sed a germanica loquendi ratione et consuetudine propria recederes; germani dicunt non *ein Pferd nähren*, sed *ein Pferd halten*. Itaque cum ex latino interpretamur aliquid, semper ad usum et proprietatem linguae respiciendum est, non latina vocabula tantum et verba, quod notent aut significant, consideranda (Buchnerus, partis 2, epistola 28).

Literae ad theologiam aut aliud genus sapientiae prosunt. Quo majores profectus in literarum feceris studio, eo felicius olim in theologia aut alio sapientiae genere te processurum (idem, ibidem).

Autores non multi, sed optimi legendi ac relegendi. Sed ordo, sed delectus habendus; neque tam multa, quam optima et multum legere oportet. Nisi conficias dentibus cibum, parum alimenti conferet, integer enim transmittetur; ita nisi premas autores, eorumque lectioni inhaereas et immoreris, nunquam in succum vertes et sanguinem.

Autores, qui primum legendi

Ipsi Latini etiam, imo Romani, optimum omnium dicendi magistrum Tullium habuerunt. In eo praecipue nunc commendo tibi dialogos de amicitia et senectute, item de officiis libros, tum orationes pro Archio, Marcello, Ligario, Deiotaro, tum quas in Catilinam scripsit. Ex illis enim puram illam et incontaminatam latini sermonis facilitatem et

elegantiam hauries, quae fundamentum sinceri styli ac incorrupti. Quo etiam faciet Terentii, Plauti, Nepotis et Caesari assidua lectio, unde omnis lascivia orationis atque inanis granditas abest (idem, ibidem).

Paulo post: sepone illum (Persium) igitur, atque hanc operam Virgilii, Horatii, Ovidii. E quorum numero nec excludendus Claudianus est, disertissimi oris suavissimique poëta, ex cujus carminibus plurimum sane ad omne scriptio- nis atque materiae genus proficies. Hunc igitur in sinu, in oculis, quin animo potius atque memoria ferre memineris, et quantum potest, ad ejus rationem te penitus fingere.

Excerpendum esse legentibus

Post cibum saepe, quem interdiu levem et facilem veterum more sumebat, aestate, siguid otii, jacebat in sole: liber legebatur, adnotabat, excerpebat; nihil enim unquam legit, quod non excerperet (Plinius minor de avunculo, liber epistolarum, lib. 3, ep. 5, paragraphus 10).

Excerpendi modus

Tres aio faciendas classes, et suum cuique indicem assignandum, quicquid enim notatu dignum videtur, aut in lem- mata aut *adversaria* aut in *historica excerptum*.

1. Prima classis l e m m a t a. Huc spectat, quicquid historia non est, et fuse non exscribitur, sed annotatur tantum auctor liber, caput et cetera additis subinde voculis seu clausulis: hic *breviter*, iste *fuse*, ille *optime*. Huc praecipue spectant virtutes, vitia, omniaque alia, quae in familiarem sermonem adduci solent. Exempli gratia coelum, sidera, meteora; item beatitudo, elementa, animantes, arbores, montes, horologia, musica.

2. A d v e r s a r i a. Huc enotandum quicquid historia non est, sed tamen (nota discrimen a priore) paulo fusius exscribitur. Huc referuntur potissimum ritus prisci, epitaphia, descriptiones insigniores, sententiae vel dicta uberius explicata, rara, admiranda, nova, vetera. Si tamen haec, ut dixi, non sint historiae, et plusculis verbis excerptantur.

3. H i s t o r i c a. Huc congeres, quicquid historia est, vel (ut pueri loquuntur) exemplum, sive id fusius exscribatur, sive non. Tribus his classibus triplex accommodandus est index in libro separato.

Lemmata, qui sint facienda

Duo sint quaterniones chartae complicatae in quarto, ut bibliopolarum officinae loquuntur, sibimet inserti, habeantque latiores paulo margines; his praefige titulum lemmata. Ubi duos quaterniones illos impleveris, alios illis atque alios appone, prout multum excerpteris. Ita haec res in infinitum potest crescere sine ullo chartae dispendio. Titulos lemmatum nulla ordinis ratione habita subjunge, exempli gratia:

Lacrimae et quidquid ad illas. De his Caesar Baronius, tom. 2, an. 253, numero 8 et anno 254, num. 55: Thamuz idoli concavi oculis infusum plumbum et accensus intus ignis, ut idolum flere videretur. De lacrimis Chrisostomi homilia I in epiphan domini. Eleganter dictum: nimium risus pretium est, si cum probitatis impendio constat. Juliana virgo martyr rogum lacrimis extinxit. Marcellus expugnantis Syracusis flevit (Valerius, 5, 1). Iulius Caesar illacrumavit capiti Pompei hostis (ibidem). Lacrimae oratio sunt efficacissima (Maldonatus in cap. 2); Ioan de Xerxis lacrimis (Valerius, lib. 9, cap. 13). Lacrimae viduarum ex oculis in coelum subsiliunt (Ecclesiastus, cap. 35, ver. 17, illustris locus). Homo cum primum plorat, vigilat; cum primum in cunis ridet, dormit (Cardanus, lib. 8, De rerum varietate, cap. 43, prope finem).

A d v e r s a r i o r u m e x e m p l u m. Descriptio fusior luscinae apud Tullium aviculae platanae (De natura deorum). Verbo montium, fluminum, operum omnium et c. prolixior excriptio, epitaphiorum. A lemmatibus eo differunt, quod in adversaria referantur res illae, quae paulo fusiorem secum explicationem trahunt, uti esse ritus priscos, epitaphia, virtutes, vitia, conscientia.

H i s t o r i c a. Quicquid ad historiam sacram, profanam, veterem, novam, latinam, graecam, barbaram huc spectat. Ut titulus: «Fortunae ludibrium». Alvarus Luna ab humili fortuna ad summum pervenit; in praeceptis eum ambitio dedit, nil ei ad regnum praeter nomen deerat. Tandem bona ejus omnia occupata, ipse majestatis damnatus mula ad supplicii locum vectus est. In medio foro theatrum, in eo crux alta, et geminae faces, tapete substrato. Luna conscendes locum, crucem veneratus, annulum signatorium et galerum puero amanuensi dedit; proximae felicitatis cum praesenti fortuna comparatio inimicis etiam lacrimas

excusserat. Erat uncus ferreus sublimi ligno confixus. Rogat carnificem, quem in usum paratus esset? ille, ut sejunctum a trunco caput imponatur. Subdit Alvarus: post mortem de corpore facito quod lubet; viro forti mors turpis esse non potest, nec immatura. Simul diloricatis tunicis intrepide caput securi subjecit anno 1453.

Triginta annos ita in aula dominatus est, ut nihil nec majoris nec minoris rei, nisi eo arbitro gereretur; ita ut nec Ioannes III, Rex Castelae, vestem mutaret eo non conscio.

Truncus in theatro relictus, pelvi juxta posita ad colligendam stipem, qua sepeliretur homo paulo ante regibus potentia exaequandus. Sic res humanae variant. Alvarus prioribus annis consuluit vatem: praedictum est Cadahasmum exitio fore; est oppidum hujus nominis in Hispania quod semper vitavit Luna, et significat etiam ferale theatrum, quod vitare non potuit (Ieremias Drexellius in aurifodina sua, pars 2, caput 8).

L e m m a. Lemma dicitur aliquando apophtegma, h. e. breviter et argute dictum. Musarum vox originatione haebraicum.

Quibus (musis) et originatione accedit, quae non aliunde, quam ab ipsis haebreis petenda est. Quibus disciplina ac doctrina quaelibet, peculiariter autem ethica, musar, appellatur (Aug. Buchnerus, in oratione festa 3, sub finem).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫПИСКИ

Как переводить авторов на родной язык

Если отдельные латинские слова ты выразишь теми же немецкими, получится нелепость. Ибо об одном и том же предмете римлянин говорит так, а немец иначе. Например, у Теренция¹ говорится: лошадей или собак кормить (*alere*) для охоты. Если ты в данном случае захочешь *equos alere* (кормить коней) перевести через *Pferde nähren* (кормить коней), то ты передашь значение глагола *alere*, но отступишь от правила и традиций немецкой речи: немцы говорят не *ein Pferd nähren* (кормить коня), а *ein Pferd halten* (содержать коня). Таким образом, когда мы что-либо переводим с латинского, всегда следует учитывать обычаи и свойства языка, не ограничиваясь одной передачей смысла и значения слов (Бухнер, ч. II, письмо 28)².

Литература полезна для богословия и для другого вида занятий. Чем больше успехов достигнешь в изучении наук, тем больше впоследствии будешь успевать в богословии или в другой науке (Он же, там же).

Читать и перечитывать следует не многих авторов, а лучших. Следует также соблюдать порядок и выбор: следует читать не столько многое, сколько лучшее и значительное. Если не пережуеть пищи зубами, будет использована лишь небольшая часть пищи, ибо она поступит в непереработанном виде; таким же образом, если не будешь нажимать на авторов и не будешь усердно и много их читать, то никогда их не превратишь в сок и кровь.

Авторы, которых нужно читать в первую очередь

Самым лучшим мастером слова у самих латинян, или римлян, считался Туллий (Цицерон). Из его произведений особенно рекомендую тебе диалоги о дружбе и старости, а также книги об обязанностях, затем речи за Архия, Марцелла, Лигария, Дейотара, а также речи, написанные

им против Катплины ³. Из них ты почерпнешь ту чистую и незапятнанную легкость и изящество латинской речи, которая составляет основу ясного и правильного стиля. Тому же будет способствовать и усердное чтение Теренция, Плавта, Непота и Цезаря ⁴, у которых отсутствует всякое излишество речи и напыщенность (То же, там же).

Немного далее: выдели его (Персия) и произведения Вергилия, Горация, Овидия ⁵. Из их числа нельзя исключить и Клавдиана ⁶, красноречивейшего и приятнейшего поэта, из стихотворений которого ты, несомненно, извлечешь большую пользу для всех родов литературы и для всякого другого предмета. Поэтому не забудь хранить его в сердце, в глазах, а еще лучше в душе и памяти и, насколько возможно, следовать его примеру.

При чтении надлежит делать выписки

«После обеда, который у него, по обычаю предков, был умеренно легким, он летом, отдыхая, лежал на солнце; при этом читалась книга, а он делал замечания, делал выписки, ибо он никогда ничего не читал, не делая выписок» (Плиний Младший о своем дяде. Книга писем. Книга 3, письмо 5, параграф 10) ⁷.

Способ, как следует делать выписки

Существует три вида выписок, из которых каждому присваивается особое название: все, что заслуживает быть отмеченным, должно найти себе место в выписках, называемых: *краткие выдержки (lemmata)*; *заметки (adversaria)*; *исторические выписки (historica)*.

1. Первый класс составляют к р а т к и е в ы д е р ж к и. Сюда относится то, что не носит характера истории, не выписывается подробно, но отмечается только автор, книга, глава и проч. с добавлением вслед за тем словечек и заключений, как: *кратко, подробно, очень хорошо*. Сюда преимущественно относятся добродетели, пророки и все прочее, что встречается в обыденной речи, например небо, звезды, воздушные явления, а также блаженство, стихии, животные, деревья, горы, часы, музыка.

2. З а м е т к и. Здесь следует отмечать все, что не относится к истории, однако (заметь различие от предыдущего вида) выписывается немного подробнее. Сюда относятся преимущественно обычаи прежнего времени,

эпитафий, замечательные описания, изречения, или высказывания, объясняемые более подробно, редкое, замечательное, новое, древнее. Однако, как я сказал, это не относится к истории и выписывается несколько подробнее.

3. **Исторические выписки.** Сюда следует относить все, что представляет собою историю, или, как говорят дети, пример, — выписывается ли эта история довольно подробно или нет. К этим трем классам должен быть составлен тройной указатель в виде отдельной книги.

Как делать краткие выдержки?

Берутся две четвертинки бумаги, сложенной, как говорят книготорговцы, в четвертую долю листа, вкладываются одна в другую; они должны иметь несколько более широкие поля. Вначале сделай заглавие: «Краткие выдержки». Когда две такие четвертинки заполнишь, присоединяй к ним все новые в зависимости от того, сколько ты будешь делать выписок. Так это дело может продолжаться без конца без лишнего расхода бумаги. Заглавие выдержек следует одно за другим без соблюдения какого-либо порядка, например:

Слезы и все, что к ним относится. О них Цезарь Бароний, том II, от 253 г. № 8 и от 254 г. № 55⁸. «В глаза полого идола Тамуза залит свинец и внутри огонь, так что казалось, будто идол плачет». О слезах первая беседа Златоуста⁹ в праздник богоявления. Изысканно сказано: «Слишком дорого стоит смех, если он связан с потерей чести». Дева-мученица Юлиана слезами погасила костер. Марцелл, взяв с бою Сиракузы, заплакал (Валерий, 5, 1...) ¹⁰. Юлий Цезарь пролил слезы над головою своего врага Помпея (там же). Слезы — самая действенная речь (Мальдонат, в гл. 11) ¹¹. Иоанн о слезах Ксеркса (Валерий, книга 9, гл. 13). Слезы вдов из глаз поднимаются к небесам (Экклезиаст, гл. 35, стих 17, знаменитое место). Человек, когда впервые плачет, бодрствует, а когда впервые в колыбели смеется, спит (Кардан, кн. 8, «О разнообразии вещей», гл. 43, близко к концу) ¹².

Примеры замечаний. Довольно подробное описание соловья у Туллия: птичка платановых рощ («О природе богов») ¹³. Более менее подробное описание гор, рек, всяких дел и проч., подробные извлечения из эпитафий. От кратких выдержек отличаются тем, что в замечаниях сообщается о таких предметах, которые пред-

лагают более подробное их объяснение, каковы старые обычаи, эпитафии, добродетели, пороки, совесть.

Исторически е выписки. Что касается истории — священной, гражданской, древней, новой, латинской, греческой, варварской, то относится сюда, например, заглавие: «Насмешки судьбы». Альвар Луна¹⁴, из низшего состояния, достиг самого высокого положения: честолюбие стремительно вознесло его на вершину счастья; для королевской власти у него было все, кроме имени. Но под конец все его имения были конфискованы, и самого его, осужденного за преступление против величества, везли на муле к месту казни. Посредине площади эшафот, на нем высокий крест, двойные факелы, разостлан ковер. Луна, взойдя на место, поклонившись кресту, отдал писцу-мальчику кольцо с печатью и шапку; сравнение недавнего счастья с настоящей судьбой даже у врагов исторгло слезы. На высоком столбе был прикреплен железный крюк. Спрашивает палач: «Для чего крюк приготовлен?» «Чтобы водрузить на него отделенную от туловища голову», — отвечает он. Альвар замечает: «По смерти делай с телом что угодно: мужественному человеку смерть не может быть постыдной или преждевременной». С этими словами, разорвав тунику, бесстрашно положил голову под топор в 1453 году.

В течение тридцати лет он во дворце имел такую власть, что ничего — ни большого, ни малого — не делалось без его решения, так что Иоанн III, король Кастилии, даже одежды не менял без его ведома. Обезглавленное тело было оставлено на эшафоте, подле был поставлен таз для сбора подаяний на погребение человека, который незадолго перед тем признавался по могуществу равным королям. Так меняются судьбы человеческие. Ранее Альвар обращался к прорицателю: было предсказано, что местом его смерти будет Кадагазм (есть в Испании город с таким названием): этого города постоянно избегал Луна, это слово означало и эшафот, которого избежать он не смог (Иеремия Дрекслий в своем «Золотом прииске», часть 2, гл. 8)¹⁵.

Л е м м а. Леммой иногда называется краткое и сильное изречение. Слово *музы* еврейского происхождения. Далее идет речь об их (муз) происхождении, которое надо искать у самих евреев. У них всякое учение, или наука, особенно нравственная, называется *музар* (Август Бухнер в 3-й торжественной речи, под конец).

[СОН]

В полночь, ноября 24, 1758 года,
в Каврае

Казалось, будто различные охоты жития человеческого по разным местам рассматриваю. В одном месте был, где палаты царские, уборы, танцы, музыканты, где любящиеся то попевали, то в зеркала смотрели, вбежавши из зала в комнату и снявши маску, приложились богатых постелей и проч.

Откуда сила меня повела к тому народу, где такие ж дела, но отличным убором и церемониею творились. И я увидел: ибо они шли улицею с пляшками ¹ в руках, шумя, веселясь, валяясь, как обыкновенно в простой черни бывает; так же и амурные дела сродным себе образом — как-то в ряд один поставивши женский, а в другой мужской пол; кто хорош, кто на кого похож и кому достоин быть мужем или женою, — со сладостию отправляли.

Отсюда вошел в постоялые дома, где лошади, хомут, сено, расплаты, споры и проч. слышал.

На остаток сила ввела в храм обширный очень и красивый, каков у богатых мещан бывает, прихожан, где будто в день зеленый святого духа отправлял я с дьяконом литургию и помню точно сие, что говорил: «Яко свят еси, боже наш во веки веков», и в обоих хорах пето «Святой боже» пространно. Сам же я с дьяконом, пред престолом до земли кланяясь, чувствовал внутри сладость, которой изобразить не могу. Однако и там человеческими пороками посквернено. Сребролюбие с корванкою ² бродит и, самого иерея не минуя, почти вырывает складки.

От мясных обедов, которые в союзных почти храму комнатах торжествовались и в которые с алтаря многие двери были, к самой святой трапезе дух шибался во время литургии. Там я престрашное дело следующее видел. Некоторым птичьих и звериных не доставало мяс к яствию, то они одетого в черную свиту ³ до колен человека с голыми голеньями и в убогих сандалиях, будучи уже убитого,

в руках держа при огне, колена и голени жарили и, с истекающим жиром мясо отрезая, то отгрызая, жрали.

Такого смрада и скверного свирепства я, не терпя, с ужасом отвращая очи, отошел. И сие делали будто служители некоторые.

Сей дивный сон не меньше меня устрасил, как усладил. А пробудившись, не преминул со сладостью в самой вещи пропеть: «Святой боже...»

ТОЛКОВАНИЕ ИЗ ПЛУТАРХА О ТИШИНЕ СЕРДЦА

Любезный мой Ириней!

Поздно получил я письмо от тебя, в котором ты просишь меня написать несколько для тебя сентенций, могущих успокоить волнующееся сердце. Под самое сие время припала нужда ехать в Рим с поспешением другу нашему Купидону. Сим своим поспешением помешал моему намерению, однако мне не захотелось, чтоб он отъехал к тебе с пустыми от меня руками. Ведая же, что ревнуешь быть любителем не блудоукрашенной, но благоодушевленной речи, без порядка из собственных моих заметок наврал много речей, дышущих врачеванием и упокоением сердцу. Ублажаю тебя, друг, ибо ты и милость у вельмож, и громкую, паче прочих, славу в народе приобрел. Не так ходишь, как некий, поминаемый в трагедиях, гордый Нерон... <надувшись тем>, что глупый народ во все свои трубы и колокола блаженным его проповедует. Сие презрение мирского тщеславия родилось в твоём сердце от того зерна, которое в душе твоей часто я насаждал. Сиречь: ни алмазные пряжки от подагры, ни драгоценный перстень от хирагры, ни монарший венец не может избавить от обморока. Как же может или богатство, или слава человеческая, или скипетр подать сердцу бесстрашие и великодушные, если не будет в нем дух премудрости и дух крепости, равно утверждающий сердце во всяком состоянии, дабы и гордость житейская не соблазнила и нищета человека не привела в отчаяние? Что же есть сей дух разума и дух крепости, если не царствие божие, обуздывающее и управляющее скотские наши прихоти, дабы, повинувшись духу и шествуя царственным, сиречь средним, путем, не расточали столы свои по пагубным крайностям и превратностям. Сего ради по совету Ксенофонтову живя в счастливом состоянии, да памятуем о боге и да чествуем его, если хотим,

да и он нас в бедности не забудет, как имеющих к нему любовь и упование. Слово в слово и муж сердечный поколе еще находится в мирном сердце, как на тихом море, печется предуготовить советы и думы, могущие спасти его от обуреваний. Дабы, чем они благовременнее и знакомее, тем действительнее стали против супостатов его. Пес яростный никоим словом уласкаться не может, кроме тем именем, чем его называют. И сердечные волнения знакомым и постоянным врачевством легко укрощаются ^a.

Прочее, тот, кто советует, дабы и желающий успокоить сердце не погружался во многие ни публичные, ни превратные дела, ошибся. Первая ошибка в том, что дорогою ценою купить нам припадает наше спокойствие. Сиречь доставать оное праздностью и будто всем нам оную воспевать из трагедии эврипидской песенку:

Лежи, окаянный, с покоем на ложе твоём.

Какая же есть медицина в праздности? Она насморка отогнать не может, не только скуки и тоски от сердца. Не большая же помощь от праздности и друзьям нашим, и отечеству, и присным нашим или <домашним>.

Вот коль дорого нам станет сердечный мир, если покупать его праздностью. Сверх сего прельщается, кто думает, будто люди, избегшие многоделия, живут спокойно. По сему образу жены, дома в праздности сидящие, суть благодущнее паче мужей своих. Но не так оно есть. Ибо хотя нежные девы и праздные госпожи в ложницах своих северную стужю не беспокоятся, но вместо же того скукою, тоскою, амурными горестями, завистными ревнивостями, суеверными ворожбами, затайными и гордыми мечтаниями посреди спокойных горниц обуреваются. И отец царя Уликса через 20 лет, проживая в своей мызе с единою старухой, стол для него уготовляющею, хотя дом и должность царскую с трудами ее оставил, скорбь же и печаль всегда неразлучну имел в своем уединении. Неких же сама собою праздность ввергнула

---

^a Сими словами бодает философа Сенеку. Но зря. Сенека, пишущи о спокойствии сердца, не влечет человека в праздность, но много затевать не советует. А сим самым отвлекает и от праздности, ибо праздным быть и суеты затевать суть разные крайности и равное безумие. Посреди же сих разбойников Христос — божия сила и царственный оный путь: «Я есмь путь, истина и жизнь». К римлянину грек сей пишущий не дерзает именову хулить славного римлянина, учителя кесарского, хотя сам вице-герой и друг кесаря Трояна.

в расслабление душевное. Сие пишет Гомер об Ахиллесе^а. Сей-де, сидя на морском бреге, распаял кипящей желчью ярость своего гнева. Не ходил в какую-либо компанию. Не выходил и на сражение, а только мучил сердце, горящее в битве, взирая на ненавистный для себя воинский театр. Но и сам себя, жестоко огорчен, бодает следующим словом: «Лежу празден в гавани негодной и только брег обременяю». Отсюда даже сам празднолюбец Эпикур советует честолюбцам, дабы последовали своей природе и принимались за гражданские дела. Не получат-де спокойствия в праздности, если не улучат туда, куда родила их мать — натура. Ни вздор ведь плетет, приглашая к чинам не чина достойных, но не терпящих праздности^б. Воистину бо и многоделие и праздность есть суета, но красота сердца есть страна и град спокойствия; скверная же душа есть море мучений. И сказал я и еще сказать хочу, что и уклониться от блага, и сотворить зло есть равная мука. Мирская мода привязала спокойствие к одной какой-то жизни, например сельской, безженной, царской, но ложь сия на театре Менапдровом¹ следующими обличается словами: «О друг, я думал, что богатые не вздыхают и что бессонница их не ворочает на постели мягкой...» Потом, заглянув в волнующееся их сердце, так мудрствует: отсюда видно, что в свете жить без беды бог никому не написал, хоть он богат, хоть высок, хоть низок и нищ. Теперь не могут извинить своего безумия те,

---

^а Ахиллес был первый храбростию из всех греческих воинов, разоривших древний град Трои. Он убил Гектора, храбрейшего всех троян. От сего народа произошел род римский и отсюда имя кесарю Траяну — Предтеча. Гомер был первый пророк древних греков: сей есть главный творец истории троянской. У эллинов поэт назывался тот, кто у евреев пророком. Пророческие писания назывались у евреев песнями и творениями, а у эллинов — *музы, пииты*, сиречь *песни, творения, сотворения*. И сюда-то навестки дают слова оные: «В творениях рук твоих поучался». А за Давидом Исаия: «Воспою возлюбленному песнь».

^б Язвит Эпикура. Ненавистью помрачен, не хотел раскусить сладости, сокровенной в сем эпикурском слове. Нет святые сего слова: природе последовать, мочь нести чин, найти в праздности сладость есть то же с богом делать, дело делать сладко есть то же достоинство в силе; сила в природе, природа в боге, как дуб в зерне, пребывает вовеки. Хулит философа за сердечную сладость, потом и сам сказывает, что красота сердечная есть град спокойствия. Будто же не то же есть сладость, сладость и красота в сердце, если оно живет вот где: «Душа моя в руках твоих всегда. Десница твоя восприяет мне. Красота (сиречь сладость) в деснице твоей в конец».

кто, путь своей жизни оставив, берутся за другой, дабы тем избежать беспокойства. Они подобны не приобывшим к мореплаванию. Сии боязливцы хотя из корабля опустились в шлюпку, однак равно тоскою и блеванием мучатся, занеся с собою и туда страх смертный в сердце и в утробе своей желчь. Так и безумная душа, своим состоянием наслаждаться не наученная, хотя из жизни в жизнь переходит, но везде грустит и мятется, носящая внутри источник огорчений — растленное сердце. Сим образом богатые и нищие, женатые и безженные и все прочие беспокоятся. Чрез сие бегают из должностей, но паки праздность скучна. Чрез сие рвутся показаться при дворе, а показавшись, досадуют. Больному телу, слабому уму угодить трудно. Больной и на супругу, и на лекаря желчен. Скучен ему пришедший посетитель, а отшедший — досажен. Мягчайшее ложе жестко ему. Смотри же, как только воссияло здравия ведро, тогда превкусною пищею мерзевший самую простую вкушает со сладостию... «Какая причина источила Вашему величеству слезы?» — вопрошают министры Александра Македонского. «Как же не плакать, братцы? В сию минуту слышу от философа, что в мире не один мир есть, но и числа им нет. Ах! А мы доселе и один мир не вовсе покорили». Но душа любомудрая, древний Кратес ², кроткими замыслами кроткого духа легко и сладко проплыл своего жития пучину. Коль горестно страдал перво-воевода греческих войск под Троею! А Диоген, живущий в плени ³, проживал дни во веселии сердца. Сократ в темнице беседует здраво с другими любящими премудрость. Гордый же Фаетон ⁴ в небесных странах рыдает, для чего не дают ему засесть на царской отца его колеснице. Сапог ноге, а сердцу жизнь сообразуется. Некто мудрец сказал: обычай сделает жизнь сладкою. А я сказываю: сердце чисто зиждет жизнь веселу ^а. Сего ради потщимся очистить

---

^а Уколел Пифагора, но не заколол. Пифагор правее его. Он хвалит сердце чисто, а Пифагор перстом, как Предтеча Христа, показывает, где оно. Буйи знает, что блаженство всякому нужно есть, а мудрый видит, где оно. Вот пифагорский догмат, за которого хвостик он ухватился: «Optima id est cognatam vitae rationem elige. Hanc dulcem faciet consuetudo». Сиречь: избери самую лучшую, разумей, природную жизнь. Сладкою ее сделает обычай. Обычай без природы мертв, но с природою все может, он есть сын ее. Чувствуй, что сердце чистое живет в одной сродной жизни, а когда жизнь природная наша встречает нас не славно, но подло, тогда обычай, сделав ее сладкою, сделает и славною. Ничто же не славно,

источник сердца да все горести, извне нападающие, воз-
можем обратить во спасительные соки. Скорбь ли, или тес-
нота, или гонение, или глад и все прочее? Жизнь наша,
будто тавленная игра ⁵, наполненная удач и неудач, но
здоровое сердце все сие переварит во благо. Все ему по-
спешествует во благое. Потерявшие же сердце и в удачах
мира сего беснуются от жира своего и в неудачах отчаи-
ваются; подобны недужным, ни стужи, ни жары не терпя-
щим. Безбожник Феодор говаривал: «Я-де правою рукою
подаю мои советы, а слушатели берут оные левою». Так
бессердые люди правый дар божий приемлют оный
левицею во зло. А мужи сердечные и от самых горьких
своих горестей, как от терния, умеют собирать полезные
плоды, собирая там, где не расточали, и жнут с богом своим
и там, где не сеяли, подобны пчелам, из нечистоты и жест-
ких и колких трав мед собирающим. Итак, прежде всего
нужно научиться тому, чтоб мочь все горькое обращать
в сладость, дабы мы во всех неудачах могли похвалиться
так, как мальчик тот: «Ба, слава-де богу. Не пропал мой
замах. Я бросил камень в собаку, а попал в мою мачеху». На-
пример, изгнали Диогена из его отчизны, а он тем попал
в философию. Последнее судно с товаром потопила буря,
а мудрый Зенон: «Слава тебе, господи! Переводишь-де
меня из богатства в нищету. Ныне могу мудрствовать
о спасении душевном, а не о телесном богатстве».

Почему ж и ты не подражаешь мудрым? Лишен ты,
например, гражданской ли должности? Чего же тужишь?
Теперь станешь жить, сам для себя трудясь. Лишился ли
ты милости у вельможи? Так освободишься опасных комис-
сий ^а. Утрудился ли уже, отправляя оные? Возвеселись же
награде. Какой? Добрая, по пословице, слава лучше мяг-
кого пирога. Житейские ли твои интересы расстроила
клеветливая зависть? Отвергни же житейскую печаль,
а начни пектись о господе. Многие воистину утешение
сердцу — взирать на великих мужей, равно с нами постра-
давших, но ведь равнодушно. Досадно ли тебе, что твоя
жена неплодна? Взгляни же на царей римских. Ни один

и сладко, и чисто без природы, без кося и обычай и все мертво;
ее единую нарицает Епикур блаженною. Пифагор же, показав,
где живет чистое сердце, показал купно, где сладость Епикурова,
и чрез сие больше и лучше сказал в двух строках, нежели Плутарх
в целой книжице.

^а По-римски — *commissio*, поручение дела.

из них не имел наследником сына. Досадна ли нищета? Кому же лучше подражать из римлян, как Фабрицию, нищеты любителю⁶? Или главе всех своих земляков Эпаминонде?⁷ Не верна ли тебе твоя супруга? Создатель Дельфийского храма, царь Акид⁸, тоже пострадал. И сие света славы его не помрачило. Так же философа [Стильпона] нецеломудрая его дочь не помешала отцовскому спокойствию⁹. А порицателям своим отвечал, что зло сие отца не касается. Кто-де око потерял, тот же сам и слеп. Чей грех есть, тому и несчастье, а не другому. А прочие не только своих любезных несчастьем, но и злобою своих врагов беспокоятся. Ведь зависть, ненависть, клевета, памятьозлобие сами себя жгут и съедают. И на сих самоубийц не негодует, но сожалеет благоразумный, а безразумный мучится. Не только же соседние свары, но и служительская неисправность беспокоит его. Друг, всем и тебе велит меня обличить дружба. Ты подобен врачам, они горькое горьким, а ты грех грехом врачуешь. Беснуюю на служительские погрешности. Сие разуму не есть согласно. Нигде вы не увидите, дабы к добрым служителям не были примешаны и злые; а на все их погрешности разгорятся: и должности вашей неприлично, и спокойствию вредно. В поправке погрешностей будь подобен медикам. Они больному вырывают зуб без дальнего возмущения. Исправляйте их с равнодушием. Тогда их неисправность душу вашу не возмутит. И песий обычай на все лаять в сердце твое не войдет. Самых мелочных ошибок не оставляя без наказания и гнева, приведешь сердце твое в такой обычай, что оно делается смердящею лужею, всякую стечь, всякие досады в себя приемлющею.

Философия и в собственном и в чужом несчастии не жалостью съедать себя, но врачевать советует. Как же не противно разуму беситься и мучиться тем, что не все те добрые и вежливы, с коими нам жить довелось? Любезный мой Ириней, горазд внемли! Не ревность ли и самолюбие гнездятся в сердце нашем, на чужие грехи беснованием завешанные. Ибо из самолюбия рождается горячность в делах, из горячности — нравность и вспыльчивость, ярящаяся на самую малую неисправность. Будто чрез нее дурное случилось или нечто доброе не досталось. Добросердый же человек все равнодушно приемлет, без огорчения и кротчайше со всеми обходится. Итак, разжевать сие надобно хорошенько. Вот как! Лихорадке

всякая пища противна, а здоровому все приятно. Не видишь ли, что не виновато дело, но тело? Так точно и болящее сердце тем возмущается, что благодушному бывает забавою. Впрочем, много спокойствию помогает, кто отвращает мысль от того, что беспокоит, а обращает к тому, что увеселяет, так как отвращает взор наш на зеленые луга, если его солнечное сияние беспокоит.

А кто погружает сердечное око в случившееся ему несчастье, тот подобен ведьме, которая все в чужом доме видит, а в своем слепа. Подобен и цирюльничьим банкам, самую дурную кровь из тела высасывающим. Подобен и трактирщику, распродавшему доброе вино, а сам испытывает дрожжи. «Скажи, что делает твой господин?» — спросили раба его. А раб отвечал: «Посреди добра за бедою гонится». Общий есть обычай в людях: минув забаву, в печали погружаются. Не таков был Аристипп¹⁰. Он потерял грунтик, земелькою утешал себя остальною и некоему лицемерно сожалеющему сказал: «Если сожалешь, сожалею о себе — не обо мне. Ибо у тебя един только есть грунтик, а у меня еще три осталось». Отнять у мальчика игрушку — плачет, бесится и все прочие игрушки бросает. Так и сердце неразумное, в одном чем-либо соблазнившись, все свои прочие утехы отвергает. Да чем же нам в печали и в скорбях утешиться? Отвечаю: слава тебе господи, а чего же у нас нет? Одному дал бог чин, другому — дом, третьему — жену, иному дал доброго друга... Некий мудрец, умирая, благодарил бога за все его в жизни благодеяния, не забыл же и малого сего, что он из Киликийской страны благополучно морем приехал в Афины¹¹. Коико способность спокойствию благодарность! Должно же чувствовать с радостью и самые простые сии божии благодеяния, а именно: что мы живы, что здоровы, что солнце нас освещает, что мирное, а не военное время, что не слышно нигде бунтов, что земледельцы спокойно пашут, что купечеству пути земной и морской открыты, что, наконец, волю имеем говорить, молчать, дела делать, покоиться...

Сим благоденствием наслаждаться можем с благодарностью, если почаще взирать станем на людей, лишенных одного.

Например, коль вожделенное здравие недужным? Коль пожеланный мир странам, обремененным войною? А глупость в то уже время познает добра своего цену, когда теряет, (доставая, страдает), имея, не наслаждается,

а потерял — мучится. Будто оно в то время драгоценным стало, когда из рук их упало. Но все почти мы, на чужое засмотревшись счастье, будто на красавицу, в собственной жизни нашей, многими выгодами одаренной, слепотствуем купно, и своим не наслаждаясь, и завистью съедаюсь. Вельми же пособляем сердцу нашему тогда, когда на выгоды собственной нашей жизни взираем. По крайней мере да не равняем нас с превосшедшими нас. Сим-то пороком весь мир страждет. А вот страдания цепь: колодник завидует испущенному из темницы; испущенный — тому, кто некрестьянин¹², некрестьянин же — гражданину; гражданин — богачу; богачи — вельможам; вельможи — царям; цари — Вселенною владеющему богу, почти молнию и гром себе из рук его вырвать жаждущие. Вот мудрый глас:

Хотя пастушком слыву,
В вольных мыслях век живу,
Жизнь столь сладко провождаю,
Лучше в свете не желаю.
Ни на скипетр, ни злат венец
[Не] променяю сих овец...

А несмысленный галат, находясь в чести у своих граждан, неусыпаемым снедается червием о том, что он не сенатор, а хотя сенатор, но не из первых; хотя же из первых, но не председатель; пусть и председатель, но не так славен, как прежний. Не сие ли есть умышленно разжигать ропот на бога? И самоизвольно адским пламенем жечь свое сердце и мучить? Не делает сего здравия и мирная душа. Она высшим себе не завидует, но хвалится и благодарит бога за состояние своей жизни, в которой бесчисленное множество людей рады бы жить, если бы дано было им свыше. Не борись с сильнейшим тебя и не равняйся с высшим тебя. Борись со слабейшими тебя и оглянись, коль многое множество ниже тебя и ревнуют твоему счастью! Смотри ж теперь, как только зазеваешься на вельможу, сидящего в карете или в портшезе^a. Тогда ж опусти маленько взор твой и на везущих или на несущих его, а когда горний монарший престол блаженным тебе

---

^a Портшез есть слово (думаю) французское, по-римски — *lectica*, есть род кареты, не конями возимой, но руками рабскими или наемничьими носимой.

мечтается, тогда ж обрати око твое и на бессчетное множество рабов каторжных и вспомни, коль бы они от бога желали иметь счастья твоего хотя половину. Куда! «Все дорого в Афинах!» — сказал друг Сократов. А Сократ: «Дорого-де подлинно для роскошно живущих, но, слава богу, для воздержных все дешево. Хлеб, маслины, простая одежда — все сие недорого». Подобно и мы, если кто нас порицает нищетою и подлостью, в ответ скажем следующее: «Слава тебе, господи, довольно мы богаты, когда не бродим по миру и когда хлеб наш едим не в каторжном поте». Прочее, понеже столь мы растлили сердце наше, что не можем не ревновать и не завидовать чужому счастью. Того ради, зевая на высихх тебя, не потопляй очей твоих во едину украшенную их маску и благообразную завесу, но проничай сердечным тут же оком твоим во внутренность завесы: проводишь, что сии их повапленные — ширма и червь, и моль, и многие закрывают горести за собою. Афинский штатгальтер Питтакос¹³ мудростью, правдою, храбростью — ей! царственный муж, но сварливой и упрямой супруге своей был рабом. Бесчисленные досады и грусти под позлащенными крышами и в красных углах кроются, а слеп народ не проводит и посему-то завидует. Коль завидна для него царская блистательная руга! Ибо зрит на лицо, а не зрит на сердце. Вот такие-то размышления умерщвляют змиину зависть и рождают свет находить удовольствие в собственной нашей жизни.

Дражайшей от всего мира тишине сердечной не мал вред и от самолюбия. Оно затевает дела не по силе своей. А неудачный конец есть-то терновый венец. Тогда не безумну волю, но обвиняем фортуна. Бес самолюбной воли даже до того бесится, дабы все дарования заграбить, и мучится, если не только садами, зверинцами, оранжереями, но и лошадьми, и псами, и птицами, и рыбами не превысил своих ревнителей. Таков был Дионисий, царь Сицилийский. Не довлек ему царский скипетр. Распаялся превысить Платона любомудрием, а Филоксена — стихословием. Отсюда родились горестные плоды: Филоксену — каторга, Платону — кабала, а царю — червь и моль. Таков не был Александр Македонский. Он чужим дарованиям не завидовал, довольствуясь венцом самодержца. Безумный же народ все качества в едино место слить и похитить рвется, дабы быть купно и градоначальником и военачальником, богословом и философом, и мирским и монахом;

пиктором и поваром, птицею и зверем; теплым и студеным... А ведь и самим святцам не все даются дарования. Одному дано врачевать зубы, а другому — очи. И как можно в едино место совокупить огонь и воду? Сиречь: быть купно придворным царским и быть философом? Ибо философия требует увольнения от всех дел, а царедворец в делах или забавах потопляется. Царедворская пища помрачает любомудрое око. Искание чести и грунта отнимает дражайшее время, служащее любомудрию. Отсюда ясно видно, что всякая всячина, мир сей наполняющая, одному нужна, а другому не потребна. Что же оно такое? И кому нужно? Вспомни пословицу: «Всяк Еремей, про себя разумей».

Всяк должен узнать себя, сиречь свою природу, чего она ищет, куда ведет, и ей последовать без всякого отнюдь насилия, но и с глубочайшим покорением. Конь ли ты? — Носи седока. Вол ли ты? — Носи ярем. Пес ли борзый? — Лови зайцев. Дацкой ¹⁴ ли? — Дави медведя. А если кто соблазняется и желчится за то, что не дал ему бог вместе быть и львом, и постельною собачкою, сей есть несмысленный галат. Не лучший же его и тот, кто желает купно и философствовать, и на богатой жениться, и пировать с господами, быть кавалером и быть богатым.

Будь все тем, что бог дал, ради,
Разбивай всяк грусть шутя.
Полно нас червям снедати!
Ведь есть свое всем людям.

Всяк жребием своим да будет доволен! Царь — владычеством, богослов — зрением воскресения, мудрец — обретением истины, благочестивый — житием добродетельным, богатый — богатством. Всяк имеет свое зло и добро, и каждому свое дано. А ныне все-на-все рвемся для одних нас заграбить и, будто гроздие от терния, обирать пялимся, возненавидев чрез неблагодарность собственную жизнь нашу, как бедну и недостаточну. Не сияет ли сия истина и во всемирной экономии? Посмотри на бессловесные животины. Иная кормится зерном, иная — кровью, иная — кореньем. По сему ж образу иная пища пастуху, иная — земледелу; иная — мореходцу и птицелову. Скудельник скудельнику в ремесле завидует, но в житейских статях ревновать не подобает. Бог каждое состояние ограничил с достаточным довольством по мере его. Срамно слышать,

что самые благородные люди, не только ученым, богатым, юристам, но и придворным комедиантам ревную и ублажая жизнь их, наводят сердцу своему сильную мятежность. Впрочем, разные пристрастности людские дают знать, что в сердце нашем два живут источника приснотекущие: из сего течет беспокойство, а из второго — спокойство. Тайну сию предревные богословы приосенили гаданием вот сим:

Там у бога у порога две бочки стоят:
Одна с добром, друга со злом.

Тайна сия сбывается во глубине сердца. Смотри же, не так ли оно есть? Фома в худшей жизни весел, а Козьма в лучшей омерзел. Не видишь ли, что в сем сердце горестные, а в том животные струи? Тот и тем, что было, веселится, а сей, имея в руках, смутится. Погребен и засорен животный источник в том сердце, в коем отворился ключ мертвых вод и фонтан денно и ночью изблевает горькие струи. Такие люди и за прошедшее добро не благодарят богу, и настоящим не довольны, и, на будущее зазевавшись, жаждою тают. Жизнь их, неключима и вздорна, на части порвана, не имеющая постоянной и союзной сплоченности, будто метла развязана. Она подобна мученику, плетущему веревку в аде идолопоклонническом. Сколько бедняк соплел, то все то осел съел. Все то, что миновало, будто из воза пало. Они всегда постель удобряют, но всегда на утро спать отлагают. Немалый вред спокойствию и тогда, когда кто, вспоминая прошедшую жизнь, одни досадные припадки в зеркале своей памяти видит. Сей подобен мухам, не могущим сидеть на зеркальной гладкости, а отпадающим на места жесткие. Живописец светлыми красками одобряет темные. А мы, если коей горести из памяти выскоблить не можем, воображением прошедших и нынешних приятностей да растворяем. Музыкальные органы то напрягаются, то отпускаются. Так мир сей и жизнь наша то темнеют, то светятся и без примеси нигде и ни в чем не бывают. Музыканты из высоких и низких гласов составляют прекрасную и сладкую симфонию, а муж мудрый из удачных и неудачных припадков тклет жизни своей постав¹⁵, и не красное в нем поле взорочными цветами украшает, дабы из горьких и сладких случаев красиво составить жизнь себе, как составляется день господень из вечера и утра, из тьмы и света. Добрый и злой

ангелы приставляются в рождении каждому человеку. От них-то в сердце противные себе пристрастности, или аффекты: радость и печаль; безопасность и страх; милость и злоба; правота и преступление; законность и беззаконие; удовольствие и досада. И сии-то суть противные оные противных себе двоих оных источников сердечных вечно источаемые струи, творящие жизнь нашу не равнотекущую, но замешательства исполненною. И воистину здравая и мирная душа благие пристрастности любит, обычно притом по врожденной преклонности и падает, но так кораблик свой парусит, дабы из пути не совратиться в излишнюю крайность и не заехать в безмерность, вредную и самим добродетелям. Вот Епикурово слово: «Кто-де бешено не влюбится во тленную сию жизнь, тот всерадостно встречается с завтрашним днем». Не будем бешено падки и жадны к богатству и чести, тогда она будет сладчайшая и трата ее не беспокоит нас. Ибо жаркая жадность рождает жестокий страх, а страх, раздувая пламень жадности, дабы не потерять, мешает наслаждаться. А тот, кто утвердил сердце свое духом премудрости и разума, дерзновенно богу скажет: «Боже мой, даруешь ли что мне? Благодарю. Отнимаешь ли? Не рыдаю». Таков один посылаемым от бога даром сладко наслаждается. Мудрый Анаксагор, потеряв сына, сказал: «Он на то родился, чтобы умереть». Не удивляйся только, но купно и подражай. Отнят ли чин? Скажи так: «Я на то брал, чтоб возвратно отдать». Лишен ли богатства? Скажи: «Знаю, что оно протекающее». Не верна ли жена? Скажи: «Она добра, однако же жена». Изменил ли друг? Скажи: «Человек, как трава: днесь цветет, утром сохнет». Не говори: «Не ожидал я сего, не чаял, что последует». От нечаяния все страшные удары вырываются.

Царь Персей не чаял, что потеряет Македонское царство, тем и сам с царством пропал. Чем пропал? От печали. Для чего? Не чаял сего. А победивший его Павел Емелиан, скинувши чин, нимало не печалился. Он взял на себя, зная, что опять его отложить должно. Нечаянность самую безделкою и мудрого Уликса¹⁶ поколеблет.

Бывает же и то, что сама собою вещь не страшна, а мнится быть страшна и сие пусто тревожит. Не почитай же страшною, и не вменияй комара во льва, тогда не повредит тебе. Оно не вредит ни душе, ни телу. А если что случилось прямо тяжелое, утешай себя тем, что сие вообще всех

беспокоит. Например, зима, смерть и прочее. Царь Димитрий, доставши город, спросил мудрого Стильпона¹⁷: «Не потерял ли ты, друг мой, чего-либо твоего при взятии вашего города?» — «Ничего, ваше величество, я не видал, чтоб кто взял мое что-либо». Боже мой! Коль не разумеют люди, что внутри нас тайно живет истинное добро, которое ни тля не глит, ни тать не подкапывает! Зачем же ты, человек, боишься фортуны? Видишь ли, что она у тебя отнять может то единое, что пустое, а над истинным добром твоим не имеет власти? Оно при тебе веками, во вечной твоей власти. Сердце твое, мысли твои, дух твой и разум, они есть корень и начало твоей фортуны, подверженные плоти, разумеешь ли? Коликая его цена и величество? Ах, узнай себя, человек! Тогда дерзостно до фортуны то же, что сказал Сократ, скажешь: «Клеветники мои могут тело мое убить, но не сердце».

«Тело ты, о фортуна, озлобить и отнять можешь, но дух благочестия, дух премудрости и разума, дух истины со мною пребывает веками». Корабельный кормчий не имеет власти над волнами. Хитростью с ними борется, а не могущий победить уклоняется и со страхом ищет безопасности. Но царство и сила, воцарившиеся в сердце мудрого, премудрости божией легко от всех бед избавляют. А когда неизбежная волна потопить устремляется и течь кораблю грозит погибелью, тогда дух мудрого выскакивает из тела, как из потопляемых лодок, на берег и кефу^а. Ибо безумный трепещет смерти и посему боится от тела разрешиться. Не потому, будто бы нравилась ему жизнь, которая всяк день тирански его мучит. Он подобен держащему за уши волка. Держать мучительно и пустить опасно. Чистое же и, как весна, светоносное сердце не только не мучится приближающеюся, как гаванью, смертью, но почитает ее отверзающимся и приемлющим его небом и вмещающею в свое недра матерью. Такое утвержденное духом премудрости сердце. Скажи, пожалуй, чем можешь взбунтоваться? Хвалится некто так: «Ушел я от тебя, о фортуна, и все приступы ко мне преградил».

Конечно, он не стенами оградился, но мудростью. Не должно же и нам отчаиваться, но, любя такие слова, и самим сему соображаться и приобучаться. Лисица смертно боялась льва, но, несколько раз узревши, дерзнула

---

^а Кефа — по-еврейски *гавань, кифа*.

с ним и беседовать. Почаще помышлять о смерти должно и о прочих горестях. Тогда уразумеем, что многие мы от слепого сего мира ядовитые и лживые испили мнения, которые, если разжевать, тогда из горьких сделаются сладкими. Не можешь подлинно сказать, что не встретится с тобой то или то, но сие заподлинно можешь о себе сказать: «Не пойду путем беззаконных и не поревную лукавствующим». Сие в нашей силе, и сия есть едина дверь, во храм ведущая спокойного сердца. Всеми силами печись не раздражать внутреннего судию твоего, совесть твою: от ее единой гнева рождается в душе червие и чирие, денно и ночью ярящееся и лишаящее душу бесценного мира. Раскаяние есть само себя опаляющий пламень. Внутренний жар и хлад горшее наводит пристрастие, нежели нашедший, так и внешнее страстие, нежели нашедшее, так и внешняя трата менее наводит досады, нежели внутренняя. Если же кто в тайностях сердечных тайным громом и молниею поражается от совести и видит внутри, в зеркале вечной правды, что сам он есть вина разоренного своего душевного града, таковому сердцу вся тварь, весь мир и все его дарования утешений дать не довлеют. Ни великолепный дом, ни царственный род, ни высочайший чин, ни тысячи золота и серебра, ни учение, ни ангельский язык, но только едина дружественная и милосердая совесть. Она-то есть внутри нас источник всех чистых и честных наших дел, рождающая святую некую кичливость и бесстрашие, отверзающая сердечному оку вечное сладчайшее памяти зеркало, в коем видим нашу твердую надежду, умащающую нас и питающую во время старости. Ветви розмариновы хотя отрезаны от своего древа и давно уже лежат мертвы, однако духом дышат благовонным. То же и в добрых делах. Хотя давно совершились и время их прошло, но издалека милолюбною памятью, как сладчайшим фимиама благоуханием, услаждают душу, родившую честные чада. Вот чем благочестивый, процветая, цветет муж! Он смеется всем хулящим жизнь сию и оплакивающим, будто плачевную юдоль и плень вавилонскую. Воистину премудрая сия в Диогене мысль! Он, будучи на квартире, спрашивает хозяина: «Куда ты с такою ревностию прибираешься и красишься?» — «Как куда? У нас-де сегодня праздник». — «О друг мой! — сказал Диоген. — Доброму человеку всякий день — праздник». Ей, целомудренному праздник, да еще светлый. Ибо мир сей

и голубой свод его не божий ли есть, святейший всех храмов храм его? В сей храм от чрева матернего вводится человек — зритель не мертвых и рукотворенных человеческим орудием образов, но тех, кои само собою умное божество, вечные свои подобия, утвердило на тверди небесной. Вот иконы невидимости его. Солнце, луна, звезды, реки, непрерывно воду источающие, земля, плантам (растениям) пищу подающая. А когда во храме сей, и в таинства его входить началом и виною нам есть жизнь наша. Воистину достойно и праведно есть, да будет исполнена веселия, радости и мира! Не подражайте слепому народу. Он отлагает свое веселие на учрежденные человеком праздники, дабы не сегодня, но в то время наемным поутешиться смехом, зевая на мздоимных театрах^а. Что за вздор? На комедиях, на праздниках, человеком уставленных, и торжествах опрятны, одеты, тихи, спокойны, веселы; нет тогда плача и смущения, а всеобщий наш праздник богом узаконенный. Торжества виновницу, жизнь нашу, безобразно оскверняем в рыданиях, в слезах, в жалобах, в горестях, ропотах, почти всю ее истощаем. Чудо воистину! Сладкогласие в музыкальных орудиях любят. Собственную же свою жизнь без всякой сладости, веселия и утешения оставляют горчайшими пристрастиями, заботами и печальми, конца не имущими, изнуряемую. И не только сами себя уврачевать не пекутся, но и премудрыми друзей своих словами соблазняются. Сие когда бы не мешало, тогда бы и настоящая жизнь бессоблазненна, и прошедшая сладкопоминаема, и впредь благою надеждою утверждена была бы.

К о н е ц

---

^а Вот мысль Иоанна Златоустого: праздник-де — не время творить, но чистый помысл. Сердце есть море неограниченное, а помыслы суть волны. Если помыслы тихи, тогда спокойное сердце и не разит его страшное сие учреждение божие: «Возволвуются нечестивые и почить не возмогут... восходят (волны) до небес и нпсходят до бездн. Душа их — в злом таянне».

ОДА

(IESUITAE SIDRONII NOSII)

ОСНОВАНИЕ ОДЫ

Живет и среди молвы уединение

Друг мой Георгий! ^a Когда любишь жить в уединенных и спокойных мыслях, то нет тебе нужды забродить в дремучие леса и крыться от гостей в пустых и диких удолях.

Не угадал тот, кто верит, будто печаль не найдет нас в горах и пропастях земных. Ах! Пустыня не довлеет сама собою преградить путь в душу нашу мыслям беспокойным.

Вот! Тот один сам себе живет и сам с собою прямо дружит и пользуется, кого не мучит страх и прихоть, а восшедшей в горнее со тщанием души его ни подлая грусть, ни рабская несытость застрелить не может.

Таков и среди городской молвы сыщет тишину безмолвную, находясь всегда сам своим обладателем. Он, всегда городских и домашних мятежей убегая, и сам своего затейного сердца удалил.

Пушкой он проживает среди кипящих житейских волн и среди лютых военных громов! Пушкой шатаются вблизи ярость и гнев с кровожадными мечами!

Но он беспристрастно взирает на грозные солдатские лица с бряцанием их и, видя в своих околичностях оружейные молнии, шум падения государств слышит безбоязненно.

Не завидует победам, от востока до запада власть простирающим, ведая, что обладатель, сделавшись слугою для множайших, бывает рабом сердечных своих подлостей.

---

^a Georgius iste fuit quispiam episcopus amicus Sidronio. Vixit uterque praeterito saeculo. Ferrum graece Σίδηρον. Audi jocum! Ergo sartagini cognatus... est ¹.

Земное царство есть держать скипетр, пасущий свирепеющие народы, и блистать на престоле в драгоценном венце пред покоряющимися язычниками.

А царство небесное есть взойти на Сион и жить превосходнее и выше подлости мятежных прихотей. Сия есть божественная победа, дивное торжество, прямой мир и уединение для всех.

Одна вышняя премудрость обладает неукротимыми зверьми, плотской воли стремлениями. Она дарует душе тишину, не получаемую и всемирными лаврами.

Сего сокровища не ищи вне себя. Уединение — внутри тебя, покой — в сердце твоём: отрежь и убей, попри волю твою буйную, иначе, хоть покори всю Вселенную, не сыщешь.

Сей прямой и блаженный покой живет и в городских жилищах. Он ни от случая, ни от места не зависит. Не заключен в мызах ², ни в веселительных садах, не привязан к прекрасным веселых рек берегам, ни к райским поморским холмам.

Горняя мудрость есть в мыслях наших то, что солнце. Телесное око наше ночным мраком и пасмурными стужами затмевается. Но сие недремлющее Вселенной око и неугасающая лампада при своем есть всегда сиянии.

Скажи мне, страждет ли солнце тогда, когда море восходит и бесится, когда чернеет тучами и ярится бурями наш воздух, когда ревут громы, а молнии трясут землю?

Пушай юг клокочет и изблеваает тучи! Пушай север стреляет лебяною дробью! А прекрасное лицо солнца превознесено там, где чин чистых звезд блистает.

Не беспокоят света его ни снега, ни грады. Смеется бурным вихрям и воздушным бешенствам, сияя на присносветлом эфире выше всех туч и духов поднебесных.

Так-то пустынею и человек просвещенный наслаждается. Он всегда имеет случай жить при одном себе и при боге в покое. А когда молчит, тогда сам с собою беседует, возвысившись сердцем выше всей тлени и своей.

Τέλος ³

СПРЕЧЬ ПРОТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ОДЫ:

Живет и среди уединения молва

Что пользы бежать от городской молвы в отдаленные леса за житием уединенным? Знай, что, поколь не сыщешь покоя в пещерах сердца твоего, не найдешь его в лесах.

Ведай, что всякие места имеют свои беспокойности. Туда же вслед за хозяином поволочется толпа едких и грустных дум, червь мучительных мыслей, хоть изволит он сухим путем, хоть морским шествовать.

Сии крылатые злые духи постигнут тебя в самом недре африканских и на лоне азиатских удолий, не спрячешься от них с горскими татарами на высотах гор Кавказских и Персидских.

Не уйдешь от ловких когтей их ни аглицкими бегунами, ни манежным лошаком, ни почтовою коляскою, ни многокрылатым пакетботом.

Славный учитель Иероним⁵ скрылся от Рима в пещере Вифлеемской. Но как сам себя в совести боялся, казалось, будто и здесь шумят в ушах его римские карнавалы и дамские танцы.

«Прощай, Рим! Я прочь от тебя бегу, — садясь в корабль, говорит, — здравствуйте, святые горы Сирские!» Но немилосердный Рим за сим богословом со всеми страстями вслед погнался.

Наконец привел его бог к глухой его и немой пещере. «Радуйся, вертеп вифлеемский! — вскричал богослов. — Здравствуй, о пристанище, о верная гавань плавания моего!»

«Прими меня, странного, волнующегося бурю и истомленного сухопутством, распрости тихое и безмолвное недро твое кораблю моему, будь обуреванию моему венец и шабаш!»

Здесь я бросил надежный якорь. Не вырвет его ни одна ярость морская и не оторвет канатов кипящая бурей пучина, при сей гавани судно мое обуздывающих.

О вертеп! Сладкое жилище мира и спокойствия, вместилище целомудрия и страха божия! Сии спутницы мои, сии добродетели разве не могут меня сделать спокойным?

Будь ты, о пещера, моей тишины столица! В тебе я стану жить, сам себе господин и повелитель. В тебе я найду, чего найти нельзя в царских чертогах и позлащенных палатах».

Такою надеждою несчастный тщетно ласкал себя, обещая спокойствие. Душа его страстью, как рыбка удкою, назад в Рим поволочена и ввержена во внутренний городской мятеж.

Что делать? Повергся телом ниц на жесткий и студеный пол в пещере, обливаясь слезами, что молитва его не дошла к престолу высшего и что желание уничтожено его.

Рыданиями и воплями жалостными весь вертеп наполнился, орошен молящегося слезами. Но мечтаний римских, будто увязшей в душу удки, ни слезы, ни жалобы не могут исторгнуть.

Схватя уломок каменный, бьется в обнаженную грудь, выгнать из оной едкую грусть стараясь, обвесил, как в вавилонской плени, на сучьях червленую свою мантию.

Кровью краснеет, ах, поранена частыми ударами грудь! Но Рим, хоть отдаленный, влечет тысячу раз сердце его в средину своих пирований и дамских плясаний.

Беглые взоры, нежные глаза женские, шуточные улыбки, щегольные башмачки, розовые чулки часто поневоле сердечным его очам представляются в темной ящине.

Бедная пища была его лесные плоды, дикие фрукты, суровые ягоды, терпкие овощи, что только могло попадаться ему в жестких кустарниках, в терновниках и в стропотных пропастях.

Запустелые волосы, бледное лицо, впавшие под лоб

очи — все сие изображало иссохшую и измученную харю, с одних костей и кожи состоящую, словом, мумия или скелет ^а.

Но при всем том Рим не отвязался от него. Нахально день и ночь плачущего воображениями беспокоит. Врезанный в сердце портрет Рима столько же, как и сам город, уязвлял его.

К о н е ц

---

^а Σκέλετον — *cadaver sine carne. Sic nobis pingi mortis imago solet. Hanc odam non transtuli, sed sum interpretatus. Translator verbum verbo tanquam dentem pro dente, reponit, at interpres veluti gratiosa nutrix, commansum cibum et elicitedum sententiae succum in os inserit alumno suo. Exemplum: Sese major et orbe — «Вознесся выше всей тлени и своей». Fugere se ipsum — «убегти страстей», «попрать волю свою» ^б.*

Exemplum 3-tium: Parturiunt montes... — «Славны бубны за горами, а вблизи лукошко». Или: «Стучит, гремит, что ли то кобылья мертвая голова бежит». Или: «Высоко летела, да недалеко села». Или: «Пшик! То есть начал ковать лемеш, наконец только загартовался: пшик! пшик!»

Latine ita habet:

Sic sua gaudet sapiens quicite,
Seque tranquillus fruitur deoque
Et silens dicit sibi multa sese
Major et orbe ^в.

Seque tranquillus... sic poterat verti melius: «Он всегда имел случай наслаждаться собою и богом».

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. И. КОВАЛИНСКИЙ
ЖИЗНЬ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Написанная 1794 года в древнем вкусе

Non omnis moriar
(Horatius)¹.

Во всем существующем есть нечто главное и всеобщее: в нечленовных ископаемых — земля; в растительных — вода; в животных — огонь; в человеке — разум и так далее.

Каждое бытие составляет особый круг, или мир свой, с различиями, делимостями, раздроблениями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность, сих кругов имеет над собою и в себе главнейшее, всемирное, верховное, единое начало: все тем были.

Сие, распространяясь, разделяясь в способности, силе, свойствах, постепенности, осуществляет невидимые бытия разнообразно и, в снисхождении своем сгущаясь, составляет в человеке мысленность, в животных — чувство, в растительных — движение, в нечленовных ископаемых — существование.

Человек, то есть воплощенная способность мыслящая, в сем начале живет, движется и есть.

Сия всеглавнейшая, всемирная, невидимая сила едина — ум, жизнь, движение, существование, — изливаясь из непостижимости в явление, из вечности — во всеобширность времени, из единства исключительного — до беспредельной множественности, образуя круг человечества, уделяет оному от главности своей благороднейшее преимущество — свободную волю.

На сей главизне, корне, начале основывается власть правительств, держава владык, сила царей, любовь ро-

дителей, честь мудрых, слава добродетельных, память праведных.

Множественность вносит различие, а сие предполагает неравенство и несовершенство; свободная воля предполагает выбор; сей же — нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство, любить оное и искать предпочтительно. Отсюда происходит подвиг искания, и подвижник истины называется мудрый, а дело его — добродетель.

Парфянин и мидянин, иудей и эллин, раб и свободный равно участвуют в сем преимуществе всемирного, верховного, единого начала.

Подвиг, то есть правильное употребление свободной воли, делает разделения; и сей подвиг в выборе истинного, доброго, совершенного есть правда, воздающая всякому свое: полная — полным и тщетная — тщетным. Почему мудрый и праведный есть то же.

Поставленный между вечностью и временем, светом и тьмою, истиною и ложью, добром и злом, имеющий преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящий то в исполнение на самом деле, во всяком месте, бытии, состоянии, звании, степени есть мудрый, есть праведный.

Таков есть муж, о котором здесь предлежит слово.

Григорий, сын Саввы, Скворода родился в Малой России, Киевского наместничества, Лубенской округи, в селе Чернухах, в 1722 году². Родители его были из простолюдуства: отец — казак, мать — такого же рода. Они имели состояние мещанское, посредственно достаточное, но честностью, правдивостью, странноприимством, набожеством, миролюбивым соседством отличались в своем кругу.

Сей сын их, Григорий, по седьмому году от рождения приметен был склонностью к богочтению, дарованием к музыке, охотою к наукам и твердостью духа. В церкви ходил он самоохотно на клирос и певал отменно, приятно. Любимое же и всегда почти твердое им пение его было сей Иоанна Дамаскина стих: «Образу златому, на поле Деире служиму, трие твои отроцы не брегоса безбожного веления» и проч.

По охоте его отец отдал его в Киевское училище, славившееся тогда науками³. Григорий скоро превзошел сверстников своих успехами и похвалами. Митрополит

Киевский Самуил Миславский, человек отличной остроты разума и редких способностей к наукам, будучи тогда соучеником его, оставался во всем ниже его при величайшем соревновании своем.

Тогда царствовала императрица Елизавета, любительница музыки и Малороссии. Дарования Сквороды к музыке и отменно приятный голос его подали случай быть ему выбранным ко двору в певческую музыку, куда и отправлен был он при вступлении на престол государыни ⁴.

Он не долго находился там. Императрица скоро приняла путешествие в Киев и с нею весь круг двора. Скворода, прибыв туда, при возвратном отбытии двора в С.-Петербург, получив увольнение с чином придворного уставщика, остался в Киеве и опять начал учиться.

Круг наук, преподаваемых в Киеве, показался ему недостаточным. Он возжелал видеть чужие края. Скоро представился повод к сему, и он воспользовался им всеохотно.

От двора отправлен был в Венгрию к Токайским садам генерал-майор Вишнеvский, который для находившейся там греко-российской церкви хотел иметь церковников, способных к службе и пению. Скворода, известен знанием музыки, голосом, желанием быть в чужих краях, разумением некоторых языков, представлен был Вишнеvскому одобрительно и взят им в покровительство ⁵.

Путешествуя с генералом сим, имел он случай с позволения его и с помощью его поехать из Венгрии в Вену, Офен, Пресбург и прочие окольные места, где, любознательствуя по охоте своей, старался знакомиться наипаче с людьми, ученостью и знаниями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и немецким языком, довольно разумел эллинский, почему и способствовался сими доставить себе знакомство и приязнь ученых, а с ними новые познания, каковых не имел и не мог иметь в своем отечестве.

Возвратясь из чужих краев, наполнен ученостью, сведениями, знаниями, но с пустым карманом, в крайнем недостатке всего нужнейшего, проживал он у своих прежних приятелей и знакомых. Как и сих состояние не весьма зажиточно было, то искали они случая, как бы употребиться ему с пользою его и общественною. Скоро откры-

лось место учителя поэзии в Переяславе, куда он и отправился по приглашению тамошнего епископа.

Сковорода, имея основательные и обширные знания в науках, нежели каковые тогда были в училищах провинциальных, написал рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной так новым образом, что епископу показалось странным и несообразным прежнему старинному обычаю. Епископ приказал переменить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу учения. Сковорода, уверен будучи в знании своем и точности дела сего, не согласился переменить и отставить написанные им правила для поэзии, которые были проще и вразумительнее для учащихся, да и совсем новое и точное понятие давали об оной. Епископ требовал от него письменного ответа образом судебным через консисторию, для чего он не выполнил повеления. Сковорода ответствен, что он полагается на суд всех знатоков в том, что рассуждение его о поэзии и руководство, написанное им, есть правильное и основанное на природе сего искусства. При том в объяснении прибавил латинскую пословицу: «*Alia res scerptum, alia plectrum*», то есть: иное дело пастырский жезл, а иное пастушья свирель.

Епископ, обратив незнание свое в непослушание его и самомнение о учености своей в гордость и высокоумие его, дал своеручное повеление на докладе консистории следующее: «Да не живет в доме моем творящий гордыню». По сему Сковорода выгнан был из училища переяславского не с честью⁶. Сей был первый опыт твердости духа его.

Недостатки стесняли его крайне, по нелюбостыжательный нрав его поддерживал в нем веселость его.

Он перешел из училища жить к приятелю своему, который знал цену достоинств его, но не знал стеснения нужд его. Сковорода не смел просить помощи, а приятель не вздумал спросить его о надобности. И так переносил он нужды скромно, молчаливо, терпеливо, безропотно, не имея тогда, как только две худые рубашки, один камлотный кафтан, одни башмаки, одни черные гарусные чулки. Нужда обрабатывала в нем сердце полезнейше и насеяла в нем семена терпения такие, которых плодами украсясь жизнь его сделала его мудрым и счастливым.

Не в далеком расстоянии имел жительство малороссийский знаменитый дворянин Стефан Томара, которому потребен был учитель для сына его. Сковорода одобрен

был ему от знакомых и приглашен им в деревню Каврай, где и поручен был ему сын в смотрение и науку⁷.

Старик Томара от природы имел великий разум, и по службе обращаясь с иноземцами, приобрел нарочитые знания, однако придерживался много застарелых предубеждений, свойственных грубого воспитания людям, которые смотрят с презрением на все то, что не одето гербами и не расписано родословиями.

Сковорода начал больше возделывать сердце молодого воспитанника своего и, рассматривая природные склонности его, помогать только природе вращении направлением легким, нежным, нечувствительным, а не безвременно обременять разум его науками — и воспитанник привязался к нему внутреннею любовью.

Целый год продолжалось обращение его с сыном, но отец никогда не удаивал учителя ни одним словом разговора, хотя всякий день за столом он с воспитанником бывал у него. Чувствительно было такое унижение человеку, имевшему в низкой простоте благородное сердце. Но Сковорода сносил все то и, несмотря на презрение, на унижение его, исправлял должность свою по совестной обязанности. Договор был сделан на год, и он хотел сдержать слово свое.

В одно время, разговаривая он с воспитанником своим и видя любовь его к себе, а посему и обращаясь с ним откровенно и просто, спросил его, как он мыслит о том, что говорили. Воспитанник на тот случай отвечал неприлично. Сковорода возразил ему, что он мыслит о сем, как свиная голова. Служители тотчас донесли госпоже, что учитель называет шляхетского сына их свиною головою. Мать раздосадовала, разжаловалась супругу, требовала мщения за таковую дерзость. Старик Томара, зная внутренне цену учителя, но уступая настоянию жены, отказал ему от дому и должности и при отпуске его, в первый раз заговоря с ним, сказал ему: «Прости, государь мой! Мне жаль тебя!»

Тогда уже судьба начинала приготавливать сердце его к несправедливостям людским, которые имел он испытать в продолжение жизни. Сковорода остался без места, без пропитания, без одежды, но не без надежды.

Убог, скуден, нужен приехал он к приятелю своему, одному сотнику переяславскому, человеку добродушному и страннoлюбивому. Тут нечаянно представился ему слу-

чай ехать в Москву с Калиграфом, отправлявшимся в Московскую академию проповедником, с которым он, как приятель его, и поехал, а оттуда в Троице-Сергиеву лавру, где был тогда наместником многоученный Кирилл, бывший после епископом черниговским. Сей, увидя Сковороду, которого знал уже по слуху, и нашедши в нем человека отличных дарований и учености, старался уговорить его остаться в лавре для пользы училища, но любовь его к отечественному краю отвлекала его в Малороссию. Он возвратился опять в Переяслав, оставя по себе в лавре имя ученого и дружбу Кирилла ⁸.

Дух его отдалял его от всяких привязанностей и, делая его пришельцем, пресельником, странником, выделял в нем сердце гражданина всемирного, который, не имея родства, стяжаний, угла, где главу приклонить, сторицею больше вкушает удовольствий природы, удовольствий простых, невинных, беззаботных, истинных, почерпаемых умом чистым и духом несмущенным в сокровищах вечного.

Не успел приехать он в Переяслав, как разумный Томара поручил знакомым своим уговаривать его, чтоб опять к сыну определился он учителем. Сковорода не соглашался, зная предрассудки его, а паче домашних его, но приятель его, будучи упрощен от Томары, обманом привез его в деревню к нему ночью спящего.

Старик Томара не был уже тот гербовый вельможа, но ласковый дворянин, который хотел ценить людей по внутреннему достоинству их. Он обласкал его дружески, просил быть сыну его другом и руководствовать его в науках. Любовь и откровенное обхождение сильнее всего действовали всегда на Сковороду. Он остался у Томары с сердечным желанием быть полезным, без договора, без условий ⁹.

Уединение руководствует к размышлениям. Сковорода, поселясь в деревне, подчиня доуку нужд необходимых попечению любимого и возлюбившего его господина, обеспечив себя искренностью его, предался любомудрию, то есть исканию истины.

Часто в свободные часы от должности своей удалялся в ноля, рощи, сады для размышления. Рано поутру заря спутница ему бывала в прогулках его и дубравы — собеседники глумлений его. Лета, дарования душевные, склонности природные, нужды житейские звали его попеременно к принятию какого-либо состояния жизни. Суетность и

многозаботливость светская представлялась ему морем, обуреваемыми беспрестанно волнами житейскими и никогда плывущему к пристани душевного спокойствия не доставляющими. В монастыре, удалившемся от начала своего, видел он мрачное гнездо спершихся страстей, за неимением исхода себе задушающих бытие смертоносно и жалостно. Брачное состояние, сколько ни одобрительно природе, но не приятствовало беспечному его нраву.

Не реша себя ни на какое состояние, положил он твердо на сердце своем снабдить свою жизнь воздержанием, малодовольством, целомудрием, смирением, трудолюбием, терпением, благодушеством, простотою нравов, чистосердечием, оставить все искательства суетные, все попечения любостязания, все трудности излишества. Такое самоотвержение сближало его благоуспешно с любомудрием.

Душа человеческая, повергаясь в состояния низших себя степеней, погружаясь в зверские страсти, предаваясь чувственности, собственной скотам, принимает на себя свойства и качества их: злобу, ярость, несытость, зависть, хитрость, гордость и проч.; возвышаясь же подвигом доброй воли выше скотских влечений, зверских побуждений и бессловесных стремлений, восходит на высоту чистоты умов, которых стихия есть свет, разум, мир, гармония, любовь, блаженство, и от оных заимствует некоторую силу величественности, светлости, разумения высшего, пространнейшего, далечайшего, яснейшего и превосходнейшей святости в чувствия, которыми, преисполняясь внутренне ^а, являет ^б в воображении ^в состояние

---

^а Премудрости Соломона, гл. 18, ст. 17 и 19.

^б Тацит, философ, политик, ученый, писатель, описывая обстоятельства Цинны с Армениумом, не пропустил упомянуть виденного Цинной сна. Читай о сем летопись Тацита (гл. I, 45, арт. и гл. II, арт. о Германикусе).

^в Сократу часто снился один сон; оный казался ему в различных видах, но всегда приказывал одно: «Сократ, прилагайся к музыке и упражняйся к оной!» Как совершеннейшая музыка есть философия, то Сократ, последую сновидению, больше и больше побуждался прилежать к оной, обращая всю любовь и ревность к мудрости. Так он толковал сон свой. Критон, друг Сократов, пришел объявить ему, что завтра по приговору суда должен он умереть. Сократ сказал ему: «Так и быть сему, но не завтра. Мне снился сон в сне же утро, что женщина необыкновенной красоты явилась мне в длинных ризах и, назвав меня по имени, говорила: «Через три дня прибудешь ты в плодоносную твою Пифию»».

бытия человеческого иногда одобрительно, иногда наказательно, увещательно, предварительно и указательно.

Сковорода видел опыт сего порядка и силы природы в себе самом и описывает сие в оставшихся по нем записках своих так:

«В полночь, ноября 24 числа, 1758 года, в селе Кавраи казалось во сне, будто я рассматриваю различные охоты жития человеческого по разным местам. В одном месте я был, где царские чертоги, наряды, музыки, плясания; где любящиеся то пели, то в зеркала смотрелись, то бегали из покоя в покой, снимали маски, садились на богатые постели и проч. Оттуда повела меня сила к простому народу, где такие же действия, но особенным образом и порядком производились. Люди шли по улице со склянницами в руках, шумя, веселясь, шатаясь, как обыкновенно в черном народе бывает; так же и любовные дела сродным себе образом происходили у них. Тут, поставя в один ряд мужской, а в другой женский пол, рассматривали, кто хорош, кто на кого похож и кому достоин быть парюю. Отсюда вошел я в постоялые дома, где лошади, упряжь, сено, расплаты, споры и проч. слышал. Наконец, сила ввела меня в храм некий обширный и прекрасный: тут якобы в день сошествия святого духа служил я литургию с дьяконом и помню точно, что возглашал сие громко: «Ибо свят ты, боже наш» и проч. до конца. При сем по обоим хорам пето было протяжно: «Святый боже...» Сам же я, с дьяконом пред престолом до земли кланяясь, чувствовал внутренне сладчайшее удовольствие, которого изобразить не могу. Однако и тут человеческими пороками осквернено. Сребролюбие с кошельным таскается и, самого священника не минуя, почти вырывает в складку. От мясных обедов, которые в союзных почти храму комнатах отправляемы были, в которых из алтаря многие двери находились, во время литургии дух шибал до самой святой трапезы. Тут я видел следующее ужасное зрелище. Как некоторым не доставало к еде птичьих и звериных мяс, то они одетого в черную ризу человека, имевшего голые колена и убогие сандалии, убитого, в руках держа при огне, колена и икры жарили и мясо с истекающим жиром отрезая и отгрызая, жрали; и сие делали как бы некие служители. Я, не стерпя смрада и свирепства сего, отвратил очи и вышел. Сей сон не меньше усладил меня, как и устрасил».

Я пишу жизнь человека сего в христианском веке, стране, народе и исповедании. Да прочтут книгу христианства — Святое писание и увидят, что человек столько же способен быть прозорливцем, во плоти ангелом, богочеловеком, как и зверем, неразумливый да не разумеет!

Сковорода начал чувствовать вкус в свободе от суетностей и пристрастий житейских в убогом, но беспечальном состоянии, в уединении, но без расстройки с самим собою. Лжемудрствующее самолюбие, сия приукрашенная дочь внешнего разума, не могло обаять сердце его. Величественное свойство мыслящего бытия — волю углубил он со всем умствованием ее и желаниями в ничтожность свою и поверг себя в волю творца, предавшись всецело жизни и любви божией, дабы промысл его располагал им, как орудием своим, куда хочет и как хочет.

Когда человек исходит из круга сомнения, самопроизволения, самолюбия своего, почитая все то землю пустою, непроходною и безводною, тогда чистый дух святой занимает все чувства его и восстанавливает царские истины, то есть возжигает в нем способности внутреннего чувства огнем любви своей. Тогда высокое познание и разумение по мере расположения внутреннего и внешнего возникает из средоточия всех вещей, как тончайший, пронизательнейший огонь, с неизъяснимым удовольствием поглощаясь бездною света. В таком состоянии чувство человека взирает на дух вседержителя с радостью и поклонением, и сим-то образом смиренное самоотвержение человеческое может созерцать то, что есть в вечности и во времени, ибо все близ его, все окрест его, все в нем есть.

Григорий, наполняясь живыми чувствами истины, изображал то пером в сочинениях простых, но сильных. Между прочими написал он стихи ^а: «Оставь, о дух мой вскоре!..» Старик Томара, прочтя оные и узнав от него, что то была забава его, сказал ему: «Друг мой! Бог благословил тебя дарованием духа и слова».

Все время бытности его у Томары проходило в обучении сына его словесным наукам и языку, а себя — благочестию и самодовольству.

Наконец молодому воспитаннику его надлежало поступить в другой круг упражнений, пристойных по свету

---

^а Сии стихи и многие другие находятся у друга его.

и по роду, а Сковороде судьба предуготовила звание издалече.

В Белгород прибыл на епископский престол Иоасаф Миткевич — муж, исполненный благосердия, добродетелей, учения. Сему архиерею был известен по законоискусству и по старой приязни игумен Гервасий Якубович, находившийся тогда в Переяславе. Иоасаф пригласил Гервасия разделить с ним епархиальные труды и дружественную жизнь. Гервасий приехал в Белгород и, видя ревность Иоасафа к наукам, представил ему о Сковороде одобрительнейше. Епископ вызвал его к себе через Гервасия. Сковорода немедленно прибыл и по воле Иоасафа принял должность учителя поэзии в Харьковском училище в 1759 году.

Отличный образ его мыслей, учения, жизни скоро обратил к нему внимание всего общества тамошнего. Он одевался пристойно, но просто; пищу имел, состоящую из зелий, плодов и молочных приправ, употреблял оную ввечеру, по захождении солнца; мяса и рыбы не вкушал не по суеверию, но по внутреннему своему расположению; для сна отделял он времени своего не более четырех часов в сутки; вставал до зари и, когда позволяла погода, всегда ходил пешком за город прогуливаться на чистый воздух и в сады; всегда весел, бодр, легок, подвижен, воздержан, целомудр, всем доволен, благодушествующ, унижен пред всеми, словоохотен, где не принужден говорить, из всего выводящий нравоучение, почтителен ко всякому состоянию людей, посещал больных, утешал печальных, разделял последнее с неимущими, выбирал и любил друзей по сердцу их, имел набожество без суеверия, ученость без кичения, обхождение без лести.

Год протек, и он, оконча срочное время, приехал к Иоасафу для препровождения обыкновенного в училищах времени отдохновения. Епископ, желая удержать его более при училище, поручил Гервасию, как приятелю его, уговаривать его, чтоб принял он монашеское состояние, обещая довести его скоро до сана высокого духовенства. Гервасий начал советовать Сковороде, предлагая желание архиерея, благовидность пользы его, предстоящую ему в сем поприще честь, славу, изобилие всего, почтение и, по его мнению, счастливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побуждения для сердца Сковороды. Он, выслушав сие, возрев-

новал по истине и сказал Гervasию: «Разве вы хотите, чтобы и я умножил число фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте! А Скворода полагает монашество в жизни нестяжательной, малодовольстве, воздержности, в лишении всего ненужного, дабы приобрести всенужнейшее, в отвержении всех прихотей, дабы сохранить себя самого в целости, во обуздании самолюбия, дабы удобнее выполнить заповедь любви к ближнему, в искании славы божией, а не славы человеческой». Гervasий убеждал его мплостию архиерея, дружбою своею, пользою церкви, но Скворода, тверд духом и правилами, возразил ему в ответ: «Благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушание мое к вам при сем случае». Гervasий, зная недостатки его и думая, что он, нуждаясь содержанием и знакомством в чужой стороне, должен будет согласиться на предложение его, оказал ему остуду. Григорий, приметя сие, решился скоро. На третий же день, дождавшись в передней выхода его, подошел сказать ему всемирнейше: «Прошу вашего высокопреподобия на путь мне благословения». Гervasий, не глядя на него, благословил его с досадою, а Скворода, с миром отойдя, тотчас отправился к новому приятелю своему в деревню Старицу, в окрестности Белгорода.

Старица было место, изобильное лесами, водотечами, удолями, благоприятствующими глубокому уединению. Скворода, поселясь там, паче всего прилежал к познанию себя и упражнялся в сочинениях, относительных к сему. В лишениях своих, призывая в помощь веру, не полагал оной в наружных обрядах одних, но во умерщвлении самопроизволения духа, то есть побуждений, от себялюбия происходящих; в заключение всех желаний своих в волю всеблагого и всемогущего творца по всем предприятиям, намерениям и делам. Он единственно занимался повелевать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать над порядком промысла божия, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отец Гervasий донес епископу об отзыве Сквороды на предложения его и об отбытии его. Добродушный Иоасаф не подосадовал, но только пожалел о нем. Между тем Григорий продолжал пустынножителство в Старице.

Нигде столь не обозревает себя человек, как в уединении, и не напрасно сказано древним мудрецом ^а: уединенный должен быть или царь, или зверь. Перебороть скуку, проклятое исчадие недовольства, занять ум и сердце упражнениями достаточными, ублажить их есть дело не иное, как мудрого, обладающего собою царя уединенного, священника божиего, понимающего вездесущее и всеисполнение духа господнего и поклоняющегося ему духом.

Сковорода, провожая там дни свои в бодрости духа, веселости, беспечалии, благонадежности, часто говаривал при посещающих его: «ὦ σχολίω! ὦ βιβλίω!» — «О свобода! О наука!»

Слух о необыкновенной жизни его и назидательном собеседовании привлек многих искателей знакомства его. Он, посещая некоторых по деревням, вздумал навестить Харьков. Некто из познакомившихся с ним, сделавшись приятелем его, просил, чтоб, будучи в Харькове, познакомился он с племянником его, молодым человеком, находившимся там для наук, и не оставил бы его добрым словом.

Сковорода приехал в Харьков, жил у знакомых своих несколько уже недель. В одно время, пришедши посетить училище и видя тут некоторых незнаемых им, спросил, не находится ли тут такой-то, племянник NN. Молодой тот человек случился на сие время быть там, и знакомые Сковороде сказали, что он самый тот есть. Сковорода, посмотря на него, возлюбил его и возлюбил до самой смерти. После увидел сей молодой человек, что случай таковой был устроен для него перстом божиим издалече.

Добрый пастырь Иоасаф, не теряя из виду Сковороды, желал всячески привлечь его опять в Харьковское училище и извлечь из дарований его пользу, которую он чувствовал во всей цене ее. Зная, что он не любит принужденности, пригласил его дружески и предложил ему должность учителя, какую хочет. Довольно было убедить Сковороду, чтоб дать только ему на выбор дело — то или другое. Он, имея в виду пользу, намереваемую для молодого нового друга своего, которого в сердце почитал уже та-

---

^а Надобно иметь великое основание разума или совсем одного лишненным быть, чтоб содержать себя долгое время в уединенной жизни. Свести себя, ужитья самому с собою, смотреть на себя спокойными глазами, быть довольным сердцем своим, не искать себя вне себя есть ключ истинного блаженства.

ковым, как после сам о сем изъяснялся, рад был призыву епископа и взял предложение его всеохотно, с тем чтоб преподавать ему класс, ниже прежнего, синтаксический. Сверх того, взялся обучать эллинскому языку.

Прибыв из Белгорода в Харьков и вступая в должность, нашел он любимого своего молодого человека, который, однако, не знал и не смел мыслить, чтоб мог быть достойным дружбы его, хотя любил и удивлялся философской жизни его и внутренне почитал его¹⁰.

Григорий часто начал посещать его и, по склонности молодого человека, занимать его музыкой и чтением книг, служивших поводом к разговорам и нравоучению. Открыв в молодом человеке сердце, какового желал он, и способности природные, каковые любил он, обратил внимание свое на удобрение разума его и духа.

Молодой сей человек, будучи воспитываем до сего полуучеными школьными учителями, частью монахами, в руках которых тогда святилища наук находились, которые и положили ему в голову мнения о вещах странные, часто слыша от Сковороды противное тому и не могли согласить в понятии своем новых правил со старыми, видя же на самом деле жизнь его добродетельную, целомудрую, примерную, сомневался сам в себе и сожалел душевно, что такой добродетельный муж имел несогласные с учеными мнения и правила, особливо же до нравоучения и духовных знаний относительно, а посему и в заблуждениях находился.

Все книгочии-наставники его, да и весь свет, словом и делом внушали ему, что счастье человеческое состоит в том, чтобы иметь всего много: много чего есть, много чего пить, много во что одеваться и в утехах праздно веселиться. Сковорода один начал говорить ему: чтоб быть истинно счастливым, то все оное не нужно; что ограничение желаний, отвержение излишеств, обуздание прихотствующей воли, трудолюбие, исправление должности, в которую промысл божий поставил кого, не за страх, но за совесть, суть пути к счастью. Сковорода говорил сие и жил так.

Велемудрые учили его, что добродетель гражданская одна есть ничто пред верховным существом, что Марк Аврелий, Тит, Сократ, Платон и прочие славные в древности великими делами и сердцем люди должны быть несчастливы, потому что не имели исторического звания

о вещах, случившихся после них. Сковорода утверждал, что во всех оных мужах действовал дух вышний, а посему и недостойны они осуждения, но почтения и подражания в любви к истине. И если бог есть истина, то они были верные служители его.

Философы, учившие молодого человека, толковали ему, что к такому, например, жизни состоянию больше и особенно привязано благословение божие, а к иному меньше или же и проклятие, что ведение таинств и выполнение обрядов тайноводства есть совершенство и высота человека. Сковорода учил, что все состояния суть добры и бог, разделяя членов общества, никого не обидел; проклятия же налагает он только на сынов противления, которые, не вняв себе и не последуя званию природы, вступают в состояния по страстям, по обманчивым видам, по прихотям. И понеже не испытали они в себе склонности врожденной, то и предал их верховный раздаятель дарований в неискусен ум, да творят неподобное и будут прокляты, то есть несчастливы. Сковорода учил, что совершенство человека состоит в делании истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно к слову, а царствие божие есть в силе или в деле.

Молодой человек, напоен будучи измлада предубверениями, слушая Сковороду, восчувствовал в себе возбужденную борьбу мыслей и не знал, чем разрешить оную. Прочие учителя его внушали ему отвращение к Сковороде, запрещали иметь знакомство с ним, слушать разговоров его и даже видеться с ним. Он любил сердце его, но дичился разума его; почитал жизнь, но не вмещал в ум рассуждений его; уважал добродетели, но устранился мнений его; видел чистоту нравов, но не узнавал истины разума его; желал бы быть другом, но не учеником его.

Трудно изгладить первые впечатления.

Сковорода продолжал преподавать синтаксис и эллинский язык общественно, а любимого своего молодого человека обучал особенно греческому языку и чтению древних книг, из которых любимейшие им были следующие писатели: Плутарх, Филон Иудейнин, Цицерон, Гораций, Лукиан, Климент Александрийский, Ориген, Нил, Дионисий Ареопагитский, Максим Исповедник, а из новых относительно к сим; глава же всем — Библия. Сила, содержание и конец учебного их упражнения было сердце, то есть основание блаженной жизни.

Предприняв перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлений истины, писал он к нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его к ответственности, хотя кратко, на оные, приучить его мыслить, рассуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предрассудки, возбуждаемые различием мнений, не позволяли сомнениям в юноше искорениться. Странное происшествие истребило оные до основания, и сие так описано в поденных записках сего молодого человека:

«1763 года, будучи я занят размышлениями о правилах, внушаемых мне Сковородою и находя в уме моем оные несогласными с образом мыслей прочих, желал сердечно, чтоб кто-либо просветил меня в истине. В таком расположении находясь и поставя себя в возможную чистоту сердца, видел я следующий сон ^а.

Казалось, что на небе, от одного края до другого, по всему пространству оною, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо было голубого цвета, и золотые слова оные казались не столько снаружи блестящими, но больше внутри сияли прозрачно светом и не совокупно написаны по лицу небесного пространства, но складами, по слогам и содержали следующее и точно таким образом: па-мять — свя-тых — му-че-ник — А-на-ни-я — А-за-ри-я — Ми-са-и-ла. Из сих золотых слов сыпались огненные искры, подобно как в кузнице из раздуваемых сильно мехами угольев, и падали стремительно на Григория С. Сковороду. Он стоял на земле, подняв вверх прямо правую руку и левую ногу, в виде проповедующего Иоанна Крестителя, которого живописцы некоторые в изображениях представляют в таком расположении тела и каковым Сковорода тут же мне вообразился. Я стоял близ его, и некоторые искры из падающих на него, отскакивая, падали на меня и производили во мне некую легкость, развязанность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согревание и непзъясняемое удовольствие духа. Я в исполнении сладчайшего чувствования проснулся.

Попутру, встав рано, пересказал я сие видение странное почтенному и добродетельному старику троицкому свя-

---

^а Зри Филона Иудейнина книгу о снах, от духа бываемых, в сочинениях его о святом Писании Ветхого завета и К коринфянам, II послание св. апостола Павла (гл. 12, ст. 1), и Иова, (гл. 33, ст. 15, 16, проч.)

щеннику Борису¹¹, у которого я имел квартиру. Старик, подумав, сказал мне с умилением: «Ах, молодой человек! Слушайте вы сего мужа: он послан вам от бога быть ангелом-руководителем и наставником»^а. С того часа молодой сей человек предался вседушно дружбе Григория, и с сего времени я в продолжение писания сего буду называть его *другом* по превосходству.

Представившиеся в великолепном виде написанные на небесах имена трех отроков были тех самых, которых история изображена в том любимом Сковородоу Дамаскиновом стихе, который певал он при всяком случае в молодости своей по некоему машинальному побуждению, как о сем упомянуто в начале сего. Ни Сковорода о любимом сем стихе, ни друг его о виденном им никогда друг другу не рассказывали и не знали. По прошествии тридцати одного года, за два месяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга сего в деревне и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянул о том стихе Дамаскиновом, что он всегда почти имел в устах его и, сам не зная почему, любил его паче прочих пений. Друг, сие услыша тогда и приведя на память виденное им во сне за тридесять один год назад, в молчании удивлялся гармонии чудесной, которая в различные лета, в разных местах то одному в уста, что другому после в воображение полагала, в возбуждение сердец их к выполнению и явлению разума и силы истории оной на самом деле, в жизни их. Впрочем, друг его никогда ему о сем виденном не говорил и после.

Ежели по духовному разуму истории образ златой, на поле Деире служимый, есть мир сей, поле Деирово¹² — время, печь огненная — плоть наша, разжигаемая желаниями, похотениями, суестрастиями, пламенями, жгущими дух наш; если трое отроков, не послужившие твари и не бегшие поклониться идолу златому, суть три главнейшие способности человеческие: ум, воля и деяние, не покоряющиеся духу мира сего, во зле лежащего, и не повреждены огнем любострастной плоти, но, прохладяясь свыше духом святым, песнословно изображают деву-богоматерь, девственное сердце, непорочность души человеческой; то огонь, падающий изобильными струями на Григория Ско-

^а Где душа наша не обретает никакого основания подлинности, там должна она вверяться мнениям, успокаивающим и возвышающим бытие его, ибо сии мысли ведут нас ясным небом через волны жизни сей.

вороду из златовидных имен, написанных на небесах, трех отроков израильских, есть тайнообразовательное свидетельство почивающего на нем духа божиего.

Друг его начал давать место в мыслях и в сердце своем мнениям и правилам его и нечувствительно увидел себя на пути светлом чистого ума и несмущенного духа.

Сковорода, захотев возбудить мыслящую силу друга своего поучаться не в книгах одних, но паче в самом себе, откуда все книги родятся, часто в беседах с ним разделял человека надвое: на внутреннего и внешнего, называя одного вечным, а другого — временным; того — небесным, сего — земным; того — духовным, сего — душевным; одного — творческим, сего — тварным. По сему разделению в одном и том же человеке усматривал он два ума, две воли, два закона, две жизни. Первого по божественному роду его именовал он царем, господом, началом; другого же по земному бытию его — рабом, орудием, подножием, тварью. И как первому по преимуществу его принадлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовал повиноваться, служить, последовать воле одного, то в надлежащее соблюдение порядка сего святейшей природы приучал он себя во всех деяньях жизни придерживаться тайного гласа внутреннего, невидимого и неизъяснимого мановения духа, которое есть глас воли божией и которое люди, чувствуя втайне и последуя движению его, ублажаются, не повинуюсь же побудителю сему и не памятуя одного, окаяются. Он, испытав на самом деле святость тайного руководства сего, возбуждал внимание в друге своем и в прочих к сему святилищу внутренней силы божией и часто приглашал прислушиваться к изречениям сего прорицалища нетленного духа, которого голос раздается в сердцах непорочных, как друга, в развращенных, как судьи, в непокорных, как мстителя. Он называл его тем первобытным законом человеков, о котором говорит Святое писание: «Нетленный дух твой есть во всех; тем же заблуждающих помалу обличаешь, и в них же согрешают, вспоминая, учишь, да, пренившись от злобы, веруют в тебя, господа!» Он утверждал, что сей был тот самый гений ^а, которому, следуя во всем, добродушный Сократ,

---

^а Древние под названием гения разумели то, что разумеем мы под именем ангела-хранителя. Сократ называл сего гения

как наставнику своему, достиг степени мудрого, то есть счастливого.

Он говаривал с сильным убеждением истины: «Посмотри на человека и узнай его! Кому подобен истинный человек, господствующий во плоти? Подобен доброму и полному колосу пшеничному. Рассуди же: не стебель с ветвями есть колос, не солома его, не полова, не наружная кожица, одевающая зерно, и не тело зерна, но колос есть самая сила, образующая стебель, солому, тело зерна и проч., в которой силе все оное заключается невидимо. Она производит все то в явление весною, когда вся внешность на зерне согнила, дабы не причтено было плододейство мертвой земле, то есть гниющей внешности, но вся бы слава отдана была невидимому богу, тайною своею десницею вседействующему, дабы он един был во всем глава, вся же внешность прочая — пята. От колоса поступи к человеку. В колосе видел ты солому, полову, кожицу, но не там бог. Где же? В невидимой силе растительной господь бог произрастил нам колос невидимую силою. Посмотри же на телесность человека: не там сила божия! Она в невидимости его закрылась. Подними же от земной плоти мысли твои и уразумей человека в себе, от бога рожденного, не сотворенного в последнее жития время! Сила растительная зерна глава тела всего есть, тайная действительность невидимого бога: познай в себе силу разумную, глагол божий, слово вечное, десницу Божию, закон, власть, царство, невидимость, образ отца небесного! Раскрой сердце твое для принятия веры и для обнятия того человека, который отцу своему небесному вместо силы его и вместо десницы его есть во веки веков. Сие семя твое, зерно твое есть пространнее небес и земных кругов, видимое сие небо и земля сия в нем сокрываются и тебе ли сие семя сохранить не сможет? Ах! Будь уверен, что и самый нечувствительный волос головы твоей, потеряв наличность свою, в нем без всякого вреда закроется, сохранится, улажится! О семя благословенное, человек истинный, божий! Вся видимость есть подножие его. Сам

демоном, ибо демон на эллинском языке значит *разумеющий*, то есть разумная сила внутренняя человека, а не значит злого духа. Некоторые через гения разумеют изощренное чувствование добра и зла; другие — сильное нравственное чувство. Зри о гении Сократовом сочинение Плутарха особое.

он в себе носит царство, онебеся всякого просвещаемого им и восполняя своим всеисполнением, воссев на месте отца небесного вовеки».

Сим немногим известным правилом водясь, он принимал на себя должности, располагал упражнения свои и забавы, переменял нечаянно местопребывания, делал знакомства, вступал в приязни, принимал в дружбу свою и не прежде решался делать что-либо зависящее от единственного выбора воли его, как посоветуясь с внутренним духом, которого он называл иногда Минервою. Ибо, как Минерва, по баснословию, рождена из мозга Юпитерова, так дух наш происходит от бога.

Как бог дает дарования духа не в одну меру, но различно, по различию отраслей всецелого, то людей, вступающих в состояние жизни не по врожденной способности, называл Скворода людьми без Минервы. Так часто, видя робкого военачальника, грабителя судью, гордого богослова и проч., с досадою говаривал: «Вот люди без Минервы!» Взглянув на изображение царствующей в веке его Екатерины II, находившееся у друга его в гостинном покое, сказал он с движением: «Вот голова с Минервою!»¹³.

Он мыслил, что счастье человека состоит в том, чтоб, узнав собственную в себе способность, по оной употребить себя в жизни. Так, многие богословы были бы, может быть, лучшими стряпчими по делам, многие ученые — разносчиками, многие судьи — пахарями, военачальники — пастухами, монахи — целовальниками и проч.

Отсюда, заключал он, происходит, что одно и то же самое состояние жизни одного убожает, а другого окаянтствует; одного воинский сан прославляет, а другого посармляет; одного царский венец приукрашает благословением, славою, бессмертием, а другого низвергает во тьму кромешную с проклятием имени его; одного богословие делает светильником мира, обладателем над сердцами, славным без славы, почетным без почестей, а другого — обманщиком, лицемером, лжецом высокоумдрствующим; одного учение возвысило до небес, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодетеля, а другому — разбойника; одному начальство в похвалу и честь, а другому — в хулу и поношение; одного монашество осветило, а другого очернило и погубило вовеки...

Такое правдивое, но для многих колкое изъяснение скоро навлекло ему брань. Ложь и порок вооружили на него орудия свои в лицах многих. Но рука господня была с ним, и он превозмогал ею все наветы глупых и злых человеков.

Занимаясь много другом своим, возводя ум его выше обыкновенных познаний, наведывался он искоренить в нем предубеждения, напечатленные от невежд и бабьих басней. Приметя, что страх смерти и боязнь мертвых обладали мучительно воображением его, предлагал он ему важные чтения, разрушающие сие ужасное мнение; беседовал часто о начале и раснащении существ каждого в свое основание, говоря, что венцу подобен век: начало и конец в единой точке заключаются. От зерна колос в зерно возвращается, от семени в семя яблоня закрывается^а, земля в путь земли идет и дух к духу. «Какое, — так рассуждал он, — есть основание первоначальное тварей?» Ничто. Воля вечная, возжелав облечь совершенство свои в явление видимости, из ничего произвела все то, что существует мысленно и телесно. Сии желания воли вечной оделись в мысленности, и мысленности — в виды, виды — в вещественные образы^б. Назначено поприще или круг каждому существу по образу вечного явить силы свои, то есть изливание невидимого во временной видимости, и опять вступить в свое начало, то есть в свое ничто. Край первый и край последний есть едино, и сие едино есть бог. Все твари, вся природа суть приятелище, риза, орудие; все сие обветшает, совется, изменится; один дух божий, исполняющий Вселенную, пребывает вовеки. Богочеловек наш, говорил он, есть венец наш: не умираем, но изменяемся от смерти в жизнь, от тления в нетление. Умирают и умерли уже, им же бог — чрево их, и слава их — в стыде их. Грядет час и ныне есть, когда мертвые услышат голос сына божиего и, услышав, оживут. Если же и ныне час есть, то почто на утро, на тысячу лет, на несколько веков

---

^а Стих, наполненный превысокого понятия, — «святой боже, святой крепкий, святой бессмертный» — утверждает сию истину. Первая точка — святой боже — знаменует начало, предваряющее всю тварь; вторая — святой крепкий — знаменует начало, создавшее плоть и вселившееся в ней; третья — святой бессмертный — знаменует начало, пребывающее исчезнувшей плоти; зри о сем сочинение его «Потоп зминив», гл. 4.

^б Читай о сем книгу: «De l'origine; usages et abus de la raison et de la foi», t. 1, p. 328.

и кругообращений планет откладываем жизнь, смерть, воскресение, суд, голос сына божиего. Нося уже в себе огонь неугасаемый мучительных желаний и чувствий и червь неусыпаемый угрызений совести, можем ли сказать, что мы еще не осуждены, что голос сына божиего не слышится в нас еще, что труба божия не извела еще к нам судию страшного, праведного, судящего и слышит он сердце наше?

Не довольствуясь беседою о сем, приглашал он друга своего в летнее время прогуливаться поздно вечером за город и нечувствительно доводил его до кладбища городского. Тут, ходя в полночь между могил и видимых на песчаном месте от ветра разрытых гробов, разговаривал о безрасудной страшливости людской, возбуждаемой в воображении их от усопших тел. Иногда шел там что-либо приличное благодуществу; иногда же, удалясь в близлежащую рощу, играл на флейтравере, оставя друга молодого между гробов одного, якобы для того, чтоб издали ему приятнее было слушать музыку. Сей, неприметно освобождаясь от пустых впечатлений, мечтательных страхов, в спокойствии сердечном внутренне воссылал благодарение промыслу божью за ниспослание ему мудрого друга и наставника.

В 1764 году друг его вознамерился поехать в Киев для любопытства. Сковорода решился сопутствовать ему, куда и отправились они в августе месяце.

По приезде туда, при обозревании древностей тамошних, Сковорода был ему истолкователем истории места, нравов и древних обычаев и побудителем к подражанию духовного благочестия почивающих там усопших святых, но не жизни живого монашества.

Многие из соучеников его бывших, из знакомых, из родственников, будучи тогда монахами в Печерской лавре, напали на него неотступно, говоря кругом:

— Полно бродить по свету! Пора пристать к гавани, нам известны твои таланты, святая лавра примет тебя, как мать свое дитя, ты будешь столб церкви и украшение обители.

— Ах, преподобные! — возразил он с горячностью. — Я столботворения умножать собою не хочу, довольно и вас, столбов неотесанных, во храме божием.

За сим приветствием старцы замолчали, а Сковорода, смотря на них, продолжал: «Риза, риза! Сколь немногих

ты опреподобила! Сколь многих окаяниствовала, очаровала. Мир ловит людей разными сетями, накрывая оные богатствами, почестями, славою, друзьями, знакомствами, покровительством, выгодами, утехами и святынею, но всех несчастнее сеть последняя. Блажен, кто святость сердца, то есть счастье свое, не сокрыл в ризу, но в волю господню!»

Монахи-старцы переменялись в лице, слушая сие; но звон позвал их, и они поспешили на молитву. Один из них просил Сквороду с другом его на завтра прогуляться за обитель. Согласясь, пошли все трое и сели на горе над Днепром. Отец Каллистрат (так назывался он), обняв тут Сквороду, сказал: «О мудрый муж! Я и сам так мыслю, как ты вчера говорил пред нашею братиею, но не смел никогда следовать мыслям моим. Я чувствую, что я не рожден к сему черному наряду и введен в оный одним видом благочестия, и мучу жизнь мою. Могу ли я?..» Скворода отвечивал: «От человека не возможно, от бога же все возможно».

По прошествии нескольких дней надлежало другу его возвращаться восвояси. Скворода, будучи упрощен родственником своим, соборным печерским типографом Пустиним¹⁴, остался в Киеве.

Не прошло двух месяцев, как он приехал из Киева опять в Харьков. Украину предпочитал он Малороссии за воздух и воды. Реки почти все цветут в Малороссии, отчего и воздух имеет гнилость. Он обыкновенно называл Малороссию матерью потому, что родился там, а Украину — теткою по жительству его в оной и по любви к ней.

В Харькове был губернатором Евдоким Алексеевич Щербинин — человек, не имевший учебного воспитания, но одаренный природным здравым разумом, любитель наук, талантов, музыки, в которой и сам он был весьма искусен и знающ. Наслышась о Сквороде, призвал он его к себе и, поговоря с ним, сказал ему:

— Честный человек! Для чего не возьмешь ты себе никакого известного состояния?

— Милостивый государь, — отвечивал Скворода. — Свет подобен театру: чтоб представить на театре игру с успехом и похвалою, то берут роли по способностям. Действующее лицо на театре не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго рассуждал

о сем п по многом испытании себя увидел, что не могу представить на театре света никакого лица удачно, кроме низкого, простого, беспечного, уединенного: я сию роль выбрал, взял и доволен.

Губернатор, посмотря на него с удовольствием, полюбил его и сказал предстоящим:

— Вот умный человек! Он прямо счастлив; меньше было бы на свете дурачеств и неудовольствий, если бы люди так мыслили.

— Но, друг мой! — продолжал Щербинин, отведя его особенно из круга. — Может быть, ты имеешь способности к другим состояниям, в общежитии полезным, да привычка, мнение, предупреждение...

— Если бы я почувствовал сего дня, — прервал речь Скворода, — что могу без робости рубить турков, то с сего же дня привязал бы я гусарскую саблю и, надев кивер, пошел бы служить в войско. Труд при врожденной склонности есть удовольствие. Пес бережет стадо день и ночь по врожденной любви и терзает волка по врожденной склонности, несмотря на то что и сам подвергается опасности быть растерзанным хищниками. Ни конь, ни свинья не сделают сего, понеже не имеют природы к тому. Склонность, охота, удовольствие, природа, сила божия, бог есть то же. Есть склонности, есть природы злые, и сии суть явление гнева божиего. Человек есть орудие, свободно и вольно подчиняющее себя действию или любви божией, то есть жизни, или гнева божиего, то есть суда, добра или зла, света или тьмы. Сие напечатлено ощутительно на кругообращении дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти, вечности и времени. Бог есть бог жизни, или любви, и бог суда, или гнева^а. Все твари суть грубые служебные органы свойств сих верховного существа; один человек есть благороднейшее орудие его, имеющее преимущество свободы и полную волю избрания, а потому и цену и отчет за употребление права сего в себе держащее. Отсюда, естественно, происходит понятие о правосудии, милосердии и благодати в творце. А когда в творце, то и в тварях, наипаче же приближенных к нему даром разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества,

---

^а Мир сей п человек суть пзъявление чудес, которые дух бога невидимого производит вещественно. Сей дух чудес свидетельствует в явлении своем о внутреннем состоянии бытй в любви или во гневе, в добре или во зле.

состояния, отсюда родители, цари, начальники, воины, судьи, господа, рабы; но один бог во всех и все в нем.

Щербинин в сладость послушал его и убеждал его ходить к нему чаще.

Сковорода, держась приличия того лица, которое избрал он представлять на театре жизни, всегда удалялся от знатных особ, великих обществ и чиновных знакомств: любил быть в малом кругу непринужденного обращения с людьми открытыми; предпочитал чистосердечное обхождение паче всяких ласкательных приемов, в собраниях занимал всегда последнее место, ниже всех и неохотно входил в беседу с незнакомыми, кроме простолюдинов.

Любимое, но не главное упражнение его была музыка, которою он занимался для забавы и препровождал праздное время. Он сочинил духовные концерты, положи некоторые псалмы на музыку, так же и стихи, певаемые во время литургии, которых музыка преисполнена гармонии простой, но важной, проникающей, пленяющей, умиляющей. Он имел особую склонность и вкус к акроматическому роду музыки¹⁵. Сверх церковной, он сочинил многие песни в стихах и сам играл на скрипке, флейтравере, бандуре и гусях приятно и со вкусом.

В 1766 году по повелению благополучно царствующей Екатерины II к харьковским училищам по предстательству Щербинина прибавлены некоторые науки под названием прибавочных классов. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравия. Начальство признало способнейшим к сему Сковороде и пригласило его. Он охотнейше принял сие предложение и не захотел брать определенного за класс сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствие, которое находит он быть в сем случае полезным по склонности своей, заменяет ему всякую мзду. По сему поводу написал он в то время сочинение, известное под сим именем: «Начальная дверь к христианскому добронравию для молодого шляхетства Харьковской губернии»¹⁶.

Сочинение сие содержало в себе простые истины, краткие коренные познания должностей, относительных до общежития. Все просвещенные люди признавали в оном чистые понятия, справедливые мысли, основательные рассуждения, чувствительные побуждения, благородные правила, движущие сердце к подобному себе концу высокому.

Но как все то основывалось на познании бога и достойном почтении оного, то епископ белгородский, бывший тогда епархиальным, почитая такое рассуждение в устах светского человека за похищение власти и преимуществ своих, вознегодовал на него с гонением; требовал книжицу на рассмотрение; нашел некоторые неясности для него и сомнения в речах и образ учения, не соответствующий обыкновенному правилу, почему и препоручил своим спросить Сковороду, для чего он преподавал наставления христианского благонравия различным образом от обыкновенного. Сковорода отвечивал: «Дворянство различествует одеянием от черни народной и монахов. Для чего же не иметь оному и понятий различных о том, что нужно знать ему в жизни? Так ли, — продолжал он в ответ, — государя понимает и почитает пастух и земледелец, как министр его, военачальник, градоначальник? Подобно и дворянству такие ли прилично иметь мысли о верховном существе, какие в монастырских уставах и школьных уроках?» По сем ответе все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духом, удалился в глубокое уединение. Близ Харькова есть место, называемое Гужвинское, принадлежащее помещикам Земборским, которых любил он за добродушие их. Оное покрыто угрюмым лесом, в середине которого находился пчельник с одною хижиною. Тут поселился Григорий, укрываясь от молвы житейской и злословий духовенства.

Предавшись на свободе размышлениям и ограда спокойствие духа безмолвием, бесстрашием, бессуетностью, написал он тут первое сочинение свое в образе книги, названное им «Наркисс, или о том: познай себя». Прежние его, до того написанные малые сочинения были только отрывочные, в стихах и прозе.

Продолжая там же свое пустынножительство, написал он другое сочинение, под именем: «Книга Асхань, о познании себя самого», которое приписал другу своему.

Лжемудрое высокоумие, не в силах будучи вредить ему злословием, употребило другое орудие — клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода охуждает употребление мяса и вина и сам чуждается оных. А как известно, что такое учение есть ересь манихейская, проклята от святых соборов, то законословы и дали ему прилагательное имя манихейского ученика. Сверх того, доказывали, что он называет вредными сами по себе золото, серебро,

драгоценные вещи, одежды и проч. Как же бог ничего вредного не сотворил, а все те вещи им созданы, то и заключали, что он богохульник.

Притом поскольку Сковорода удаляется от людей, чуждается обществ и избегает состояния в общежитии, скрывается в леса, то и выводили естественным последствием, что он не имеет любви к ближнему, а потому и называли его мизантропом, то есть человеконенавистником.

Сковорода, узнав о сем и не желая, чтоб добрые и простодушные сердца соблазнились о нем сими разглашениями клеветы, явился в город и, найдя в одном собрании приличный случай к объяснению правил своих, говорил так ^а:

— Было время и теперь бывает, что для внутренней моей экономии воздерживаюсь я от мяса и вина. Но потому ли лекарь оуждает, например, чеснок, когда велит поудержаться от употребления одного тому, у кого вредный жар вступил в глаза? Все благосотворено от всещедрого творца, но не всем всегда бывает полезно. Правда, что я советовал некоторым, дабы они осторожно поступали с вином и мясом, а иногда и совсем от того отводил их, рассуждая горячую молодость их. Но когда отец младолетнему сыну вырывает из рук нож и не дает ему употребления оружейного пороха, сам, однако же, пользуясь оными, то не ясно ли видно, что сын еще не может владеть правильно теми вещами и обращать их в пользу, ради которой они изобретены? Вот почему приняли меня за манихейского ученика. Не ложно то, что всякий род пищи и питья есть полезен и добр; но надлежит брать в рассуждение время, место, меру, особу. Не бедственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крепкой водки? Или не смешно ли работавшему в поте лица весь день на стуже дровосеку подать стакан молока в подкрепление сил его? Как же несправедливо почли меня за манихея, так и недостойно за человеконенавистника и ругателя даров божиих.

Когда бог определил мне в низком лице быть на театре света сего, то должно уже мне и в наряде, в одеянии, в пос-

---

^а Сие самое объяснение он описывает в письме к некоторому другу своему.

тупках и в обращении со степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми соблюдать благопристойность, уважение и всегда помнить мою ничтожность пред ними. Сие сам я стараясь сохранить и прочим советовал делать так же, отчего и попал я в оклеветание. Оглагольники мои, если бы приписывали мне обыкновенные слабости или пороки, то сносно было бы мне; но сии языковредные, представляя меня развращающим нравы, делают меня еще душегубителем, то есть еретиком, и под сим видом запрещают, отговаривают, отсоветывают вступать со мною в знакомство, в беседу, в обращение. Я говаривал молодым людям советоватьса со своею природою, чтоб они на зрелище жизни могли сохранить благопристойность, приличную искусным действующим лицам; а если кто взял роль, не совсем сродную ему, то старался бы как можно удачнее оную представить и поступать без соблазнов, дабы хотя несколько жалобы между людьми и роптания пред богом на состояния свои уменьшились¹⁷.

Слушавшие тут друг на друга взглядывали, и никто ни слова не сказал ему на сие. Сковорода, поклонясь всем, отправился тогда же в уединение.

В Изюмском округе, Харьковской губернии, имели жительство дворяне Сошальские, которых брат меньший просил тут же Сковороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребывание в деревне его, где все по вкусу и охоте своей он мог найти, как и самого хозяина, ищущего любви его. Сковорода поехал с ним в деревню его Гусинку, полюбил место и хозяев и поселился в недалеком расстоянии от деревни, в пасеке их. Тишина, безмятежие, свобода возбудили в нем все чувства тех драгоценных удовольствий, которые опытом известны одним мудрым и целомудрым. «Многие говорят (так писал он к другу своему): что делает в жизни Сковорода? Чем забавляется? Я же во господе возрадуюсь, возвеселюсь о боге, спасе моем! Радование есть цвет человеческой жизни, — продолжал он, — оно есть главная точка всех подвигов; все дела каждой жизни сюда текут. Суть некие, как без главной точки живущие, без цели, без пристани плывущие. Но о развращенных я не говорю: свое всякому радование мило. Я же поглумлюсь, позабавлюсь в заповедях вечного. Все исходит в скуку и омерзение, кроме сей забавы, и пути ее — пути вечные¹⁸.

Между сим круг жизни друга его доходил до той точки, на которой означается ^а двупутие Геркулесово ¹⁹. Он вознамерился ехать в столицу для службы: в 1769 году отправился туда и прибыл в ноябре ²⁰.

Свет представился ему во всей великости своих прелестей. Потоп мыслей покрыл разум его, и бездна желаний отверзлась пред сердцем его. Но, прпучась от наставника своего — Сквороды относиться во всех своих предприятиях к мановению внутреннего духа, силою его пробудился от обаятельного удивления и, три года проживя в столице, всегда хранил под державою его, соблюл душевное спокойствие. Блажен, если бы неуклонно во все текущие лета последовал сему великому совету ангелу!

В 1770 году Скворода, согласясь, с Сошальским поехал в Киев. Родственник его, Иустин, был начальником Кптаевской пұстыни, что подле Киева. Скворода поселился у него в монастыре и три месяца провел тут с удовольствием. Но вдруг заметил в себе внутреннее движение духа непонятное ^б, побуждающее его ехать из Киева: следуя сему по своему обыкновению, просит он Иустина, чтоб отпустил его в Харьков. Сей уговаривает его остаться. Григорий непреклонно настаивает, чтоб отправить его. Иустин заклинает его всею святынею не оставлять его. Сей, видя нерасположение Иустина к отпуску его, пошел в Киев к приятелям попросить, чтоб отправили его в Украину. Те удерживают его, он отговаривается, что ему дух настоятельно велит удалиться из Киева. Между сим пошел он на Подол, нижний город в Киеве. Прийдя на гору, откуда сходят на Подол, вдруг, остановясь, почувствовал он обонянием такой сильный запах мертвых трупов, что перенестъ не мог, и тотчас поворотился домой ^в.

---

^а Геркулесу предстали Минерва и роскошь и звали его каждая в свой путь: сне называется двупутие Геркулесово.

^б Душа мужа возвещать некогда более может, нежели семь блюстителей высоких, сидящих на страже (Книга премудрости, Спрах, гл. 37, ст. 18).

^в Ксенофонт и Платон описывают различные происшествия, где Сократов дух, так называемый гений, предсказывал такие вещи, которых не можно истолковать из обыкновенных известных естественных сил души. Когда его осудили на смерть и друзья его советовали, чтобы он написал оправдательную речь, — «Я несколько раз принимался писать оную, — сказал Сократ, — но гений всегда мне в том препятствовал. Может быть, угодно богу, чтобы я умер ныне легкою смертью, пока не приду в старость, многоболезненную и немощную уже».

Дух убедительнее погнал его из города, и он с неудовольствием отца Иустина, но с благоволением духа отправился в путь на другой же день.

Приехав через две недели в Ахтырку-город, остановился он в монастыре у приятеля своего — архимандрита Венедикта. Прекрасное местоположение и приязнь добродушного монаха сего успокоили его. Тут вдруг получили известие, что в Киеве оказалась моровая язва, о которой в бытность его и не слышно было, и что город заперт уже ²¹.

Сердце его дотоле почитало бога, как раб; оттоле возлюбил его, как друг. И о сем он рассказывал другу своему так: «Имея разожженные мысли и чувства души моею благоговением и благодарностию к богу, встав рано, пошел я в сад прогуляться. Первое ощущение, которое осязал я сердцем моим, была некая развязанность, свобода, бодрость, надежда с исполнением. Введя в сие расположение духа всю волю и все желания мои, почувствовал я внутри себя чрезвычайное движение, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изливание некое сладчайшее наполнило душу мою, от которого все внутреннее мое возгорелось огнем, и, казалось, что в жилах моих пламенное течение кругообращалось. Я начал не ходить, но бегать, как бы носим неким восхищением, не чувствуя в себе ни рук, ни ног, но будто бы весь я состоял из огненного состава, носимого в пространстве кругообращения. Весь мир исчез предо мною; одно чувство любви, благонадежности, спокойствия, вечности оживляло существование мое. Слезы полились из очей моих ручьями и разлили некую умиленную гармонию во весь состав мой. Я проник в себя, ощутил как сыновнее любви уверение и с того часа посвятил себя на сыновнее повиновение духу божиему».

По прошествии двадцати четырех лет пересказывал он сие другу своему с особенным чувствованием, давая знать, сколь близ нас есть бог, сколько промышляет о нас, хранит нас, как наседка птенцов своих, под крылья свои собрав, если мы только не удаляемся от него во мрачные желания воли нашей растленной.

Поживя несколько у отца Венедикта, отправился он опять в Гусинку к Сошальским, где и занялся упражнениями сочинений.

В 1772 году, в феврале месяце, друг его поехал в чужие края, и, быв во Франции в разных городах, прибыл в 1773 году в Швейцарию, в город Лозанну.

Между многими умными и учеными людьми, каковых в Лозанне нашел он, находился там некто Даниил Мейнгард, человек отменного разума природного, имевший дар слова, ученость редкую, обширные познания, благонравие философское. Он столько похож был чертами лица, обращением, образом мыслей, даром слова на Сковороду, что можно бы почесть его ближайшим родственником его. Друг Сковороды познакомился с ним, и они друг друга столько полюбили, что Мейнгард, имея у себя подле Лозанны прекрасный загородный дом, сад и величайшую библиотеку, просил его располагать оным всем в свое удовольствие, и сей пользовался всегда, как и многими сведениями от него.

Возвратясь из чужих краев и увидясь со Сковородою в 1775 году, рассказал ему друг его ту удивительную встречу, по которой он нашел в Лозанне похожего человека на него чертами лица, свойствами, образом мыслей и дружбою к нему. Сковорода возлюбил его заочно и с того времени начал подписывать на письмах и сочинениях своих имя свое так: Григорий вар (евр. сын) Савва Сковорода, Даниил Мейнгард²².

И добрая и худая слава распространилась о нем во всей Украине, Малороссии и далее. Многие хулили его, некоторые хвалили, все хотели видеть его, может быть, за одну странность и необыкновенный образ жизни его, немногие же знали его таковым, каков он в самой точности был внутренне.

По разным обстоятельствам живал он у многих: иногда местоположение по вкусу его, иногда же люди по Минерве его привлекали его проживать некоторое время; непременно же жилища не имел он нигде, почитая себя пришельцем на земле во всем разуме слова сего.

Полюбя Тевяшова²³, воронежского помещика, жил у него в деревне и написал у него сочинение «Икона Алкивиадская», которое и приписал ему в память признательности своей к дому сему. Потом имел пребывание в Бурлуках у Захаржевского, ради приятных положений природы жительствовавал у Щербинина в Бабаях, в Ивановке у Ковалевского, у друга своего в Хотетове, в монастырях Старо-Харьковском, Харьковском училищном, Ахтырском,

Сумском, Святогорском, Сеняньском и проч. по несколько времени. Иногда жил у кого-либо из сих и у других, совершенно не любя их пороков, но для того только, дабы чрез продолжение времени, обращаясь с ними, беседуя, рассуждая, нечувствительно привлечь их в познание себя, в любовь к истине, в отвращение от зла и примером жизни заставить любить добродетель. Впрочем, во всех местах, где жил он, избирал всегда уединенный угол, жил просто, один, без услуги.

Харьков любил он и часто посещал его. Новый тамошний начальник, услышав о нем, желал видеть его²⁴. Сковорода пришел к нему по приглашению его. Губернатор, увидя его в первый раз и посмотря на него пристально, спросил его:

— Господин Сковорода! О чем учит Библия?

— О человеческом сердце, — отвечивал он. — Поваренные ваши книги учат, как удовольствовать желудок; псовые — как зверей давить; модные — как наряжаться; Библия учит, как облагородствовать человеческое сердце.

Некто из ученых спросил его тут же, что есть философия.

— Главная цель жизни человеческой, — отвечал Сковорода. — Глава дел человеческих есть дух его, мысли, сердце. Всяк имеет цель в жизни, но не всяк главную цель, то есть не всяк занимается главою жизни. Иной занимается чревом жизни, то есть все дела свои направляет, чтобы дать жизнь чреву; иной — очам, иной — волосам, иной — ногам и другим членам тела; иной же — одеждам и прочим бездушным вещам; философия, или любомудрие, устремляет весь круг дел своих на тот конец, чтоб дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям, как главе всего. Когда дух в человеке весел, мысли спокойны, сердце мирно, то все светло, счастливо, блаженно. Сие есть философия.

Из Харькова опять отправился он в Гусинку, любимое свое пустынножителство.

Любомудрие, поселясь в сердце Сковороды, доставляло ему благосостояние, возможное земнородному. Свободен от уз всякого принуждения, суетности, искательств, попечений, находил он все свои желания исполненными ^а

---

^а Между всеми упражнениями есть наихудшее — желать; оно есть противность премудрости (*Юнг. Ночь* ²⁵, IV).

в ничтожестве оных. Занимаясь сокращением нужд естественных, а не распространением, вкушал он удовольствий, не сравненных ни с какими счастливыми. Когда солнце, возжегши бесчисленные свечи на смарагдо-тканной плащанице, предлагало щедрою рукою чувствам его трапезу, тогда он, принимая чашу забав, не растворенных никакими печальми житейскими, никакими воздыханиями страстными, никакими рассеянною суетными, и вкушая радования высоким умом, в полном упокоении благодушества говаривал: «Благодарение всеблаженному богу, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным!»

Когда усталость в размышлениях заставляла его переменить упражнения свои, тогда он приходил к престарелому пчельнику, недалеко жительствовавшему в пчельнике, брал с собою в сотоварищество любимого пса своего, и трое, составя общество, разделяли между собою вечерю.

Ночь была ему местом упокоения от напряжений мысленных, нечувствительно изнуряющих силы телесные, а легкий и тихий сон для воображения его был зрелищем зрелищ, гармониею природы представляемых.

Полуночное время имел он обычай всегда посвящать на молитву, которая в тишине глубокого молчания чувств и природы сопровождалась богомыслием^а. Тогда он, собрав все чувства и помышления в один круг внутри себя и обзрев оком суда мрачное жилище своего земного человека, так возывал оные к началу божиему: «Восстаньте, ленивые и всегда книзу поникшие ума моего помыслы! Поднимитесь и возвыситесь на гору вечности!» Тут мгновенно брань открывалась, и сердце его делалось полем рати: самолюбие, вооружась с миродержителем века, светским разумом, собственными бренности человеческого слабостями и всеми тварями, нападало сильнее на волю его, дабы пленить ее, воссесть на престоле свободы ее и быть подобным вышнему. Богомыслие, вопреки, приглашало волю его к вечному, единому, истинному благу его, вездесущему, всеисполняющему, и заставляло его облачиться во все оружие божие, дабы возмог стать противу козней лжемудрия. Какое борение! Сколько подвигов! Восшумели и смутились: надлежало бодрствовать, стоять,

---

^а Достойнейшее молитвоприсяжание богу есть искание истины чистым сердцем: в сем состоит богомыслие.

мужаться. Небо п ад борется в сердце мудрого, и может ли он быть празден, без дела, без подвига, без пользы человечеству? Так за полуночные часы проводил он в бранном ополчении против сил мрачного мира.

Воссиявшее утро облекало его во свет победы, и в торжестве духа выходил он в поле разделять^а славословие свое со всею природою.

Сей был образ жизни его! «Не орю же, не сею, не покупаю, не воинствую, — так писал он к другу своему из пúстыни, — отвергаю же всякую житейскую печаль. Что же делаю? Се, что, всегда благослова господи, поем воскресение его. Учусь, друг мой, благодарности: се мое дело! Учусь быть довольным о всем том, что от промысла бо-жия в жизни мне дано. Неблагодарная воля есть ключ адских мучений; благодарное же сердце есть рай сладостей. Ах, друг мой! Поучайся в благодарности, сидя в доме, идя путем, засыпая и просыпаясь; приемли и обращай все во благо: доволен сущими; о всем приключаемом тебе не воздавай безумия богу; всегда радуйся, о всем благодаря, молись».

Можно было жизнь Сквороды назвать жизнью. Не так-о было тогда состояние друга его.

Обращение в великом свете, удаля его мало-помалу от его самого, заведя в лестные внешности, усыпя в нем доверие ко внутреннему голосу духа, простудя жар истинного любомудрия, возжгло в нем разум светский и возбудило свойства, собственные сему кругу бытия.

Свет облагоприятствовал его своими дарами, наложив на него усыпление, дал ему жену, друзей, приятелей, благодетелей, преданных знакомых, житейские связи и выгоды. Но дары сии напоены были соком корня их и свойствами начала их. Он увидел в счастье превращение, в друзьях — измену, в надеждах — обман, в утехах — пустоту, в союзах — самовидность, в ближних — остуду, в своих — лицепрятие.

Таковы были последствия светского круга, в который попал он, вставя сам себя.

Удручен, изможден, истощен волнениями света, обратился он в себя самого, собрал рассеянные по свету мысли в малый круг желаний и, заключа оные в природное свое

---

^а Веселие мудрому мужу должностно есть: безбожно бо богобоязливому печалиться (Юнг. Ночь, IV).

добродушие, прибыл из столицы в деревню, надеясь там найти берег и пристань житейскому своему обуреванию.

Свет и там искажил все. В глубоком уединении остался он один, без семейства, без друзей, без знакомых, в болезни, в печалях, в беспокойствах, без всякого участия, совета, помощи, соболезнования. Тогда он, возведя очи свои на зрелище света, на круг обстоятельств своих, на заблуждения свои, которых он сделался жертвою, и видя, что не на камне основан был храм житейского счастья его, в сердечном чувстве сожаления, ободрясь добродушием своим, воспел оную преисполненную истины песнь:

«О Иерихон проклятый, как ты меня обманул!» и проч.

Промысл божий возрел на него в развалинах бытия его, воздвигнул дух мудрого, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлетний, по девятнадцатилетнем несвидании, одержим болезнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращение к краю сему, приехал в деревню к другу своему, село Хотетово, в двадцати пяти верстах от Орла, один разделить с ним ничтожество его²⁶.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая беседа, свободное сердце от всякого рабства света, суетности, пристрастия, торжество благодушия, утвержденное на семидесятилетних столбах жизни и увенчиваемое при исходах века спокойствием вечности, возбудили в друге его усыпленные силы разума, восперили чувства его, возвысили желания, устроили волю к воле вседержителя.

Сковорода привез к нему сочинения свои, из которых многие приписал ему; читывал оные сам с ним ежедневно и между чтением занимал его рассуждениями, правилами, понятиями, каковых ожидать должно от человека, искавшего истины во всю жизнь не умствованием, но делом и возлюбившего добродетель ради собственной красоты ее.

Речь доходила тут до разных толков или сект. Всякая секта, говорил он, пахнет собственностью, а где собственно-мудрие, тут нет главной цели или главной мудрости. Я не знаю мартынистов, продолжал он, ни разума, ни учения их; ежели они особничают в правилах и обрядах, чтобы казаться мудрыми^а, то я не хочу знать их; если же они мудрствуют в простоте сердца, чтоб быть полезными

---

^а Читай о сем сочинение его «Потоц змшнв», главу третью, в конце.

гражданами обществу, то я почитаю их; но ради сего не для чего бы им особничествовать. Любовь к ближнему не имеет никакой секты: на ней весь закон и пороки висят. Закон природы, как самонужнейший для блага человеческого, есть всеобщий и напечатлен на сердце каждого, дан всякому существу, даже последней песчинке. Благодарение всеблаженному богу, что трудное сделал ненужным, а нужное нетрудным!

Искание философского камня или превращение всех вещей в золото и соделание состава из одного, дабы продлить человеческую жизнь до нескольких тысяч лет, есть остаток египетского плотолюбия, которое, не могли продлить жизни телесной, при всех мудрованиях своих нашло способ продолжать существование трупов человеческих, известных у нас под именем мумий. Сия секта, говорил он, меряя жизнь аршином лет, а не дел, несообразна тем правилам мудрого, о котором пишется: «Пожив мало, исполнил лета долгие». Сверх того, она ласкательствует соблазнительно суетности человеческой, похотоугодиям, гордости, зависти, любостыжанию; дает в мыслях перевес тленности, в сердце повод к саддукейству²⁷.

Друг его доводил беседу до истории святого Писания^а. «Многие, — сказал Сковорода, — не разумея меня или не хотя разуместь, клеветуют, якобы я отвергаю историю Ветхого и Нового завета, потому что признаю и исповедую в оной духовный разум, чувствую богописанный закон и усматриваю сущее сквозь буквальный смысл. Я пополняю сим историю, а не разоряю, ибо, как тело без духа мертво, так и святое Писание без веры; вера же есть невидимых извещение. Когда я хвалю доблесть воина, не устрашимость, мужество, храбрость его, то сим не уничтожаю нарядов его, ни оружия его. Наряд, убранство, оружие воина есть история, а разум и слава сей истории есть дух воина, дело его. Когда я, смотря на прекрасный храм, превозношу похвалами симметрию, пропорцию, великолепиие, то, относя сие к искусству создателя, к красоте целого, отвергаю ли, исключая ли кирпич, известь, железо, песок, воду, каменщиков, ваятелей и проч., как будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тем не отметаю наружности одного.

---

^а Читай о сем сочинение его под именем «Жена Лотова», примечание 4-е.

Читая святое Писание в намерении научиться в нем богопочитанию, богобоязливости, любви ближнего, повиновению начальству, покорности ко властям предлежащим, усовершению сердца во всех отношениях его, когда я найду, например, историю, что Аарон-первосвященник золотого тельца иудейского, сделанного ими в небытность его и поклоняемого от них, бросил в огонь и растопил, то я не останавливаюсь тут на химической работе, помня всегда, что Библия не есть наука химии, но книга священная, поучающая святости нравов человека, способного внимать учению ее. Я научаюсь из сей истории, что сердце человеческое не может быть без упражнения и что когда удаляется от оного мысль священная, понятие истины, дух разума, то оное мгновенно повергается в занятия подлые, неприличные высокому роду его, и чтит, величает, боготворит презренное, ничтожное, суетное. Сей разум истории назидает меня много больше и споспешествует внутреннему моему усовершению, нежели как если бы я, узнав, как золото переделывать мгновенно изо всего и все претворять в оное, занялся хотением или упражнением богатиться или химичесествовать.

Я верю и знаю, что все то, что существует в великом мире, существует и в малом и, что возможно в малом мире, то возможно и в великом по соответствию оных и по единству всеисполнение исполняющего духа. Но для сего не добиваюсь я знать, как и когда Мойсей разделил море железом в великом сем мире, в истории, а поучаюсь, как бы мне в малом моем мире, в сердце, разделить смесь склонностей, природы непорочной и растленной, и провести волю мою непотопленно по пути житейского бытия, дабы доставить себе в свое время свободу мыслей, то есть веселие духа, или так называемое счастье в жизни.

Не туда ли взывают нас оные слова, часто провозглашаемые в храмах наших: «Премудрость прости»? Что бо есть простое, если не дух? Что сложное, что смесь, состав, соткание, если не плоть, история, обряд, наружность? Сими словами высокими побуждаемся к возвышению мыслей наших выше видимого обряда служения, выше буквального смысла, выше исторического богопочитания. Распространи разумение слов сих по всему кругу Вселенной, по всему лицу бытия твоего и увидишь невидимого, силу божию, дух господень, воскресение. Что бо есть вос-

кресение, если не простота, очищенная от тленного состава, от множественности, от разделимостей.

Но сии исторические христиане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человеки, духа не имея, хулят то, чего не разумеют».

Иногда разговор его с другом касался смерти. Страх смерти, говорил он, нападает на человека всего сильнее в старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооружением против врага сего, не умствованиями — они суть не действительны, — но мирным расположением воли своей к воле творца. Такой душевный мир приготавливается издали, тихо в тайне сердца растет и усиливается чувством сделанного добра по способностям и отношениям бытия нашего к кругу, занимаемому нами. Сие чувство есть венец жизни и дверь бессмертия. Впрочем, преходит образ мира сего и, как сон встающего, уничтожается.

Имел ли ты когда, продолжал он, приятные или страшные сновидения? Чувствования сих мечтательных удовольствий или страха не продолжались ли только до пробуждения твоего? Со сном все кончилось. Пробуждение уничтожило все радости и страхи сонной грезы. Так всякий человек по смерти. Жизнь временная есть ^а сон мыслящей силы нашей. В продолжение сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются в мечтании чувства нашего. Придет час, сон кончится, мыслящая сила пробудится, и все временные радости, удовольствия, печали и страхи временности сей исчезнут. В иной круг бытия поступит дух наш, и все временное, как сон встающего, уничтожится. Жена когда родит, младенец вступает в новый порядок вещей, новое поприще бытия, новую связь существ вместо той, в какой находился он в бытность свою во чреве матери. И какое тут различие? ^б Чрево матери — и великий мир сей! По вступлении младенца из того в сей все предшедшее, теснота, мрак, нечистоты отрешаются от бытия его и уничтожаются.

---

^а Для сего святой Павел разбуживает, говоря: «Восстань, спящий, и воскресни от мертвых», и пробудившиеся видели славу его.

^б Если бы младенец мог мыслить во утробе матери своей, то можно ли бы уверить его, что он, отделившись от корня своего, на вольном воздухе приятнейшим светом солнца наслаждаться будет? Не мог ли бы он тогда думать напротив и из настоящих обстоятельств его доказать невозможность такого состояния? Столько же кажется невозможной жизнь по смерти заключенным в жизнь временн сего.

Знаю, что многих умы ищут равновесия в награждениях и наказаниях, полагая на свои весы меру и число дела человеческие и суд божий. Друг мой! Величайшее наказание за зло есть делать зло, как и величайшее воздаяние за добро есть делать добро. Любовь добродетели подобна свету огня. Зажги огонь — тотчас свет осяет глаза твои; возлюби, восчувствуй охоту к добродетели — тотчас сердце твое осветится веселием. Исполни, произведи в дело добродетели любовь, то корень сердца твоего напоишь туком блаженства. И каких благословенных плодов можешь ожидать от сего! Любовь к порокам подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчас тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нет тебе различия вещей; мир не существует для тебя лучшею и величайшею частью: се наказание уже постигло тебя с самым действием. Да не соблазняют тебя казистые удовольствия развратных! Загляни внутрь их ^a: тут огонь мучений не угасает и червь угрызений не усыпает. Если бог везде, то может ли беззаконник быть без него? Нет! Ах, нет! Бог есть в нем, судия его, мститель, терние его, огонь и жупел, дух бурен, часть чаши их. Дух и вечность есть то же. Посему разумей жизнь вечную и муку вечную.

Говорили иногда о превратностях света. Они суть то, чем быть должны, сказал он тут: тут весна, лето, осень, зима суть свойства, не отделяемые от круга света, подобно как утро и вечер от круга дневного. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, переменное: не разумен, не счастлив, кто ищет, кто требует постоянства и вечности в нем! Когда же нет постоянства в нем, то и любовь к нему должна иметь конец; отсюда печали, вздыхания, слезы отчаяния. Не говори мне о высоких чувствительных душах! Слезы их суть изливание природы, а не пристрастий ^b и есть некое утешение плакать в свой час.

Вечность, ах вечность едина, есть беспечалие, постоянство, надежда. Положим сердца наши в силу ее и уделим себе от сокровищ ее в брэнной сей временности телесного бытия^c. Вечность и время един состав суть, но не едино:

^a Угрызения совести суть духи черные мучения и уязвляющие змеи, молнии, провицающие ясные истины, суть ад. Сия истина вверена на сохранение последнему часу человека (*Юнг. Ночь, IV*).

^b Est quaedam flere voluptas ²⁸.

^c Две сии половинны составляют одно: голод и сытость — пищу; зима и лето — плоды; тьма и свет — день; смерть и жизнь — всякую тварь («Потоп змиин», гл. 5).

одно — свет, другое — тьма; одно — добро, другое — зло; одно — глава, другое — хвост.

Услыша в окрестности места о прибытии Сквороды к другу своему, многие желали видеть его, и для того некоторые приехали туда в село Хотетово.

Из начальства правления орловского молодой человек, подойдя к нему, приветственно сказал:

— Г. С.! Прощу полюбить меня.

— Могу ли полюбить вас, — отвечал Скворода, — я еще не знаю.

Другой из числа таких же, желая свести с ним знакомство, говорил ему:

— Я давно знаю вас по сочинениям вашим; прошу доставить мне и личное знакомство ваше.

Скворода спросил его:

— Как зовут вас?

— Я называюсь так, именем и прозванием NN, — отвечал сей.

Скворода, остановясь и подумав, сказал ему:

— Имя ваше не скоро ложится на моем сердце.

Простота жизни, высота познаний, величайший и долгодлительный подвиг Сквороды в любомудрии опытным раздирали ризу лицемерия высокоумудрствующих и обнажали пустоту их. Они, прикрывая зависть свою и наготу сердца листвием сожаления, говорили другим: «Жаль, что Скворода ходит около истины и не находит ее!» В то время, когда сей увенчиваем уже был знаменами истины, они, обвешаны знаменами соблазнов, гордо и бесстыдно являлись в личине истины.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили расстройку в здоровье его, усилили кашель и расслабление. Он, проживя у друга своего около трех недель, просил отпустить его в любимую им Украину, где он жил до того и желал умереть, что и сбылось. Друг упрашивал остаться у него, зиму провести и век свой скончать со временем у него в доме. Но он сказал, что дух его велит ему ехать, и друг отправил его немедленно.

Напутствуя его всем потребным, дав ему полную волю по нраву его выбрать, как хочет он, куда, с кем, в чем ехать ему, представил ему для дороги в случае надобности нужный запас, говоря:

— Возьмите сне; может быть, в пути болезнь усилится и заставит где остановиться, то нужно будет заплатить...

— Ах, друг мой! — сказал он. — Неужели я не приобрел еще доверия к богу, что промысл его верно печется о нас и дает все потребное во благовременность?

Друг его замолчал с приношением своим.

1794 года, августа 26 числа, отправился он в путь из Хотетова села в Украину. При расставании, обнимая друга, сказал: «Может быть, больше я уже не увижу тебя. Прости! Помни всегда во всех приключениях твоих в жизни то, что мы часто говорили: свет и тьма, глава и хвост, добро и зло, вечность и время. Дух мой признал тебя способнейшим принять истину и любить ее».

Приехав в Курск, пристал он к тамошнему архимандриту Амвросию, мужу благочестивому. Проживя несколько тут из-за непрерывных дождей и улуча вѣдро, отправился он далее, но не туда, куда намеривал. В конце пути своего почувствовал он побуждение ехать в то же место, откуда поехал к другу, хотя совершенно не расположен был. Слобода Ивановка помещика Ковалевского было то местопребывание, где несколько времени жил он прежде и куда прибыл скончать течение свое.

Болезни старостью, погодою, усталостью от пути приблизили его к концу его. Проживя тут больше месяца, всегда почти на ногах еще, часто говаривал с благодушием: «Дух бодр, но тело немощно». Помещик, видя изнеможение его крайнее, предложил ему некоторые обряды для приуготовления к смерти. Он, как Павел-апостол^а, почитая обряды обрезания ненужными для истинно верующих, отвечив, подобно как Павел же иудеям обрядствующим. Но, представя себе совесть слабых, немощь верующих и любовь христианскую, исполнил все по уставу обрядному^б и скончался октября 29 числа, поутру, на рассвете, 1794 года. Перед кончиною завещал предать его погребению на возвышенном месте близ рощи и гумна и следующую сделанную им себе надпись написать:

Мир ловил меня, но не поймал^б.

---

^а К римлянам, гл. 3, ст. 28.

^б Высокомудрствующие не оставили преследовать его зловием даже и во гроб, проповедуя в сонмищах и везде, что Скворода оставил надпись сию по себе из гордости и кичения. Много потребно иметь дерзости, чтобы осмелиться уверять о сем! Чтобы более сказать к нему и ввести его в презрение и возвышение себя, то они стараются важно утверждать и изыскивают способы уверять,

Имеются многие сочинения его, из которых лучшие доставил он, писанные все рукою своею, другу своему и о всех приложил список своеручный при письме к другу следующего содержания:

Ч и с л о т в о р е н и й м о и х :

1. Наркисс, узнай себя.
2. Симфония: рек — сохранию пути моя.
3. Симфония: аще не увеси.
4. Неграмотный Марко.
5. Алфавит мира: о природе.
6. Разговор «Кольцо».
7. Древний мир.
8. Жена Лотова.
9. Брань архангела Михаила с Сатаною.
10. Икона Алкпвиадская.
11. Беседа I. Сион.
12. Беседа II. Сион.
13. Беседа III. Двое.
14. Диалог: Душа и Нетленный Дух.
15. Благодарный Еродий.
- 15^а. Убогий Жаворонок.
16. О христианском добронравии, пли катехизис.
17. Асхань, о познании себя.

П е р е в о д ы :

1. О старости (Цицерона).
  2. О божием правосудии.
  3. О смерти.
  4. О хранении от долгов.
  5. О спокойствии душевном.
  6. О вожделении богатств.
- } (Плутарховы сочинения)

что Сковорода был способен к порокам. Дабы пред очами людей заменить добродетельную жизнь мнимовысокими своими знаниями таинств и правил, то они разгласили, якобы Сковорода при кончине своей увидел заблуждения свои, состоявшие в непоследовании толку их, признал оные, просил прощения через одного из братства и раскаивался. Но как известная святость жизни Сковороды и честные правила его, имеющие целью любовь истинны и добродетели, а концом красоту и совершенство духа, были, так сказать, спицею в око лицемерам сим, то и неудивительно, что они пускают всякого рода ядовитые стрелы в память его; однако сим самым в чувствах простых и правдолюбивых сердец душа его приобретает вящую красоту страждущей невинности и, сквозь мрак смерти и клевету злобных душ сияя внутренним спокойствием, представляется в умах богорожденных достигающим совершенства мудрого мужем.

7. О уединении... (Сидрония) ³⁰.

Кроме сочинений и переводов сих, многие на российском, латинском, эллинском языке, находятся письма его весьма поучительные, писанные к другу и прочим; многие стихословия и другие сочинения, которых собрание частью хранится у друга его.

Как он писал для своей стороны, то и употреблял иногда малороссийские наречия и правописание, употребляемое в произношении малороссийском: он любил всегда природный язык свой и редко принуждал себя изъясняться на иностранном; эллинский предпочитал всем иностранным.

Друг его написал сие на память добродетелей его, в благодарность сердцу его, в честь отечества, в славу бога.

1795 г., февраля 9, в селе Хотетове.

Надгробная надпись:

Григорию Саввичу Сковороде,
в боге скончавшемуся
1794 года,
октября 29-го дня.

Ревнитель истины, духовный богочтец,
И словом, и умом, и жизнью мудрец;
Любитель простоты и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всем всегда,
Достиг на верх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример, Сковорода.

М. К.

**ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ
СЛОВАРЬ**

П Р И М Е Ч А Н И Я *

Книжечка, называемая *Silenus Alcibiadis*, спречь Икона Алкивиадская (Израильский Змий)

Этот трактат известен в двух редакциях, носящих разные названия. Первая редакция 1776 г. под названием «Икона Алкивиадская...» принадлежит отделу рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 7). В ней имеются следы позднейших исправлений и дополнений, а также примечания, которые сделаны значительно позднее. В 1870 г. Сковорода переписал и заново отредактировал свой трактат. Этот второй автограф также сохранился в Харьковском филиале Центрального архива МВД УССР. Рукопись содержит дарственную надпись А. П. Ковалевскому на латинском языке. Помимо двух автографов известно семь рукописных копий произведения.

Впервые отрывки трактата были опубликованы в 1894 г. Д. И. Багалеем под названием «Израильский Змий» по второму автографу. Полностью трактат был опубликован впервые в 1912 г. В. Д. Бонч-Бруевичем по тому же автографу. В издании АН УССР 1961 г. в основу публикации положен первый автограф, который содержит позднейшие исправления и примечания, сделанные после 1785 г., т. е. уже после того, как была сделана вторая редакция. За основу настоящего издания взята публикация 1961 г.

¹ *Silenus Alcibiadis* (Икона Алкивиадская) — название трактата происходит от так называемых алкивиадовых силенов. Алкивиад (прибл. 450—404 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец, ученик и друг Сократа, личность, о которой много писали в античности. В частности, в диалоге Платона «Пир» Алкивиад предстает одним из собеседников; он сравнивает Сократа с силеном, внутри которого спрятаны изображения богов. Вообще же силенами называли безобразные скульптурные фигурки, полые внутри, в которых обычно хранились прекрасные изваяния. Образ силенов пользовался большой популярностью в средние века и

---

* Примечания составлены И. В. Иваново.

в эпоху гуманизма. Так, Эразм Роттердамский в XXIX гл. своей «Похвалы глупости» пишет о том, что каждая вещь имеет два лица, подобно алкивиадовым силенам, и эти лица совсем не похожи друг на друга (см. *Эразм Роттердамский. Похвала глупости.* М., 1960, стр. 35—36). Примерно в подобном же смысле употребляет названный образ и Сковорода, подчеркивая различие внутреннего (невидимого) и внешнего образа вещей.

Это произведение занимает очень важное место в философской эволюции Сковороды. В нем Сковорода формулирует свою концепцию двух натур (видимой и невидимой, тленной и вечной) и трех миров (макрокосма — природы, микрокосма — человека и мира символов). Этим самым он подводит философскую базу под свое учение о сродности и человеческого счастье. Рассматривая вопрос о материи и форме, Сковорода приходит к выводу о вечности материи и взаимопереходе вещей из одного состояния в другое. С этих позиций он критикует библейские легенды и мифы о сотворении мира, указывает на них как на источник суеверия и вражды между людьми. С точки зрения формы это произведение характеризуется переходом от диалога к трактату, где мысли излагаются уже непосредственно от лица самого автора. — 7.

² Название второй редакции «*Израильский Змий*» имеет своим источником библейский образ, который, как и образ силенов, весьма часто использовался Сковородой в различных произведениях, но примерно в одном и том же смысле. При этом обращает на себя внимание тот факт, что мыслитель пользуется этим образом в собирательном смысле, обобщая различные библейские легенды и выделяя два аспекта аллегорического истолкования образа: 1) пресмыкающийся, искушающий Еву, преследующий жену, которая должна родить дитя, и т. п. апокалиптический змий (дракон) символизирует низменные страсти, произвол плоти; 2) другое истолкование образа змия, в противоположном смысле, имеет источником библейскую легенду о наказании евреев за непослушание богу. Сначала они подверглись нападению смертоносных змеев, а затем перед ними с целью излечения и как напоминание о боге был подвешен отлитый Моисеем медный змий. Символом вечности считается змий, свитый в кольцо. — 7.

³ К этим словам, приписываемым Сократу, Сковорода обращался неоднократно, тем самым подчеркивая близость собственного жизненного принципа с практической этикой Сократа, с его пониманием призывов к самопознанию, умеренности и самоусовершенствованию. — 7.

⁴ Эти мысли Эпикура изложены в известном письме его Менекею. См. т. 1, стр. 469, прим. 28. — 7.

⁵ Этот призыв весьма характерен для римского поэта Горация, последователя эпикурейской этики, автора призыва «*Care diem*». Скворода высоко ценил Горация как поэта и как мыслителя, называя его пророком. — 7.

⁶ *Луций Анней Сенека* (род. между 6—3 гг. до н. э. — ум. 65 г. н. э.) — римский философ-стоик, писатель. Стоические идеи Сенеки были использованы идеологами раннего христианства. Он призывал к добродетели, сдержанности, нравственному совершенствованию, хотя в жизни своей стремился к богатству и славе. Сенека не был последователем Эпикура. И тот факт, что Скворода говорит о нем в связи с Эпикуром и Горацием, свидетельствует только о равных симпатиях мыслителя к эпикуреизму и стоицизму. — 7.

⁷ «Слишком поздно жить завтра» (лат.). — 7.

⁸ Речь идет о нападках на Эпикура как мыслителя, который якобы призывал к безнравственности, невоздержанию и распутству. В особенности эти нападки характерны для христианской аскетической философии. Скворода отвергает подобное понимание этики Эпикура. Он полемизирует с Плутархом относительно эпикуровского понимания счастливой жизни (См. *Григорий Скворода*. Твори в двох томах, т. 2. К., 1961, стр. 194). — 7.

⁹ «Свинья со стада Эпикура» (лат.) — так шутливо называл себя Гораций в некоторых своих произведениях (см. Послания, 1, 4, 16). — 7.

¹⁰ Называя Платона «боговидцем», Скворода желает подчеркнуть, что греческий философ не останавливается на зримой, видимой стороне явлений, а проникает в сущность вещей. — 8.

¹¹ О понимании Сквородой этой идеи Пифагора см. т. 1, стр. 488, прим. 10. — 8.

¹² Имеется в виду жизнь Солона (прибл. 638 г. — прибл. 559 г. до н. э.) — политического деятеля древних Афин, поэта и философа, признанного одним из семи древнегреческих мудрецов. — 8.

¹³ *Катон Старший* — см. т. 1, стр. 474, прим. 35. Цицероновым назван потому, что Цицерон посвятил ему свое произведение «*De senectute*», из которого Скворода и берет приводимые им сведения. — 8.

¹⁴ Здесь Скворода, выступая против суеверия, порождаемого неверным, буквальным пониманием библейских текстов, показывает, к каким пагубным последствиям оно приводило в истории. В частности, его он считает причиной разрушения Иерусалима римским императором Титом Флавием Веспасианом во время восстания в Иудее в 66—73 гг. Как установил Л. Махновец, одним из источников подобной оценки Тита являются представления о личности им-

ператора, почерпнутые из оперы «Милосердие Титово» (см. т. 1, стр. 471, прим. 11). Философ говорит также о разорении Царьграда (Константинополя) в 1453 г. турками и резне в Париже 24 августа 1572 г. между гугенотами и католиками, которая вошла в историю под названием «Варфоломеевская ночь». — 10.

¹⁵ «Бог нам подарил этот покой» (лат.) — эти слова взяты из первой эклоги книги «Буколики» выдающегося римского поэта Вергилия Публия Марона (70—19 гг. до н. э.). В «Буколиках» Вергилий изображает вольную и спокойную жизнь земледельцев и пастухов, которой глубоко симпатизировал и Сковорода. — 12.

¹⁶ Этот рассказ является своеобразной обработкой апокрифической легенды, встречающейся, например, в известном переводном сборнике легендарных рассказов «Великое зеркало», сложенном в 1605 г. на основе средневековых сборников. Данный рассказ известен по Сокальской рукописи XVIII в. из рукописного собрания И. Франко в библиотеке Научного общества им. Т. Шевченко во Львове (см. «Хрестоматія давньої української літератури». К., 1967, стр. 748—749). Сковорода пересказывает этот сюжет, переосмысливая его в духе собственного понимания «начала» и «вечности». — 13.

¹⁷ Здесь Сковорода, пренебрегая различием между названными категориями людей, подчеркивает свойственное всем им стремление к познанию «невидимого начала». *Маги* — первоначально персидские и халдейские жрецы (и поэтому их называли также халдеями); *волхвы* — в Библии пророки, возвестившие рождение Христа; *гимнософисты* — древнеиндийские мудрецы. Одним из источников сведений о гимнософистах была переводная повесть «Александрия» (см. «Хрестоматія давньої української літератури», стр. 705). — 14.

¹⁸ *Иерофанты* — верховные жрецы в Древней Греции. — 14.

¹⁹ Здесь Сковорода указывает на связь своей концепции двух натур и понимания вечности материи с учением Платона об идеях — духовных сущностях, выражающих «истинное бытие» вещей. — 16.

²⁰ «Материя вечна» (лат.). — 17.

²¹ *Зороастр* (Заратустра) — см. т. 1, стр. 494, прим. 31. Солнце в учении Заратустры символизирует мудрость божества, его дремлющего ока. Древние персы поклонялись солнцу и день отдыха называли днем солнца. — 17.

²² *Империял* — см. т. 1, стр. 482, прим. 12. — 18.

²³ Исходя из того, что Библия представляет собой мир тайных, символических образов, Сковорода подвергает критике идею сотворения мира, описанную в книге «Бытие», так как считает «обитель-

ный мир» вечным во времени и бесконечным в пространстве. В связи с этим он указывает на противоречия в редакциях соответствующих мест в еврейской и христианской Библиях. — 19.

²⁴ Петух. — 19.

²⁵ «Что такое поэтическое искусство? — Делать из плохого (злого) хорошее (доброе). Кто добр? Плоть — ничто...» (лат.). — 20.

²⁶ «Местечко драгоценного камешка или глазок перстенька» (лат.). — 23.

²⁷ *Малое коло*, т. е. малый круг. — 24.

²⁸ *Херувимы* — в библейских сказаниях небесные духи, покровители пророков и праведников. — 25.

²⁹ Имеется в виду эпизод из жизни библейского Иосифа. Иосиф истолковал сны фараона, предвещавшие сначала семь лет изобилия, а затем семь лет голода (Ветхий завет. Бытие, гл. 41). — 26.

³⁰ См. т. 1, стр. 485, прим. 10. — 27.

^{30а} «Прибавим... Я тень и фигура, больше ничего. Солнце — пасха, но я солнце солнца, тень тени, или антипасха, т. е. замена тени, замена фигуры, замена образа» (лат.). — 28.

³¹ Показательно, что в число апостолов, разгадывающих тайны фигур Библии, постигающих смысл бытия, Сковорода включает и себя под псевдонимом Даниил Мейнгард. — 30.

³² Имеется в виду древнегреческий миф о дочери критского царя Миноса Ариадне, которая помогла герою Тесею выбраться из лабиринта с помощью клубка ниток. Сковорода соединяет этот миф с библейской легендой о Раове, которая спасла в Иерихоне лазутчиков Иисуса Навина и тем самым сохранила жизнь себе и своей семье. — 30.

³³ *Катавасия* — объединение разных голосов в общий хор при богослужении. Здесь — резюме, вывод. — 33.

³⁴ Рассматривая Библию как творение, т. е. искусственно созданный мир образов, вымысел, имеющий целью воплотить невидимое при помощи видимого и осязаемого, Сковорода соответственно относится и к авторам библейских книг как к писателям, произведения которых требуют «испытания», т. е. критического к ним отношения. — 33.

Книжечка о чтении Священного писания, нареченная Жена Лотова

Как свидетельствует переписка Сковороды, этот трактат писался им с перерывами на протяжении нескольких лет. В сопроводительном письме, относящемся, по-видимому, к концу 80-х годов, Сковорода сообщает, что написал этот трактат «в самом открытии

Харьковского наместничества» (последнее открыто 29 сентября 1780 г.). Однако есть все основания думать, что в 1780 г. произведение не было окончено. Об этом свидетельствуют, во-первых, анализ правописания автографа и, во-вторых, письма Сковороды Я. Праввицкому. Автограф трактата, дошедший до нас в собрании М. Ковалинского (хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 86, № 6), имеет различное правописание и выполнен на разной бумаге. Первые пять разделов написаны по правописанию, которым Сковорода пользовался до 1785 г., а водяные цифровые флиграны на бумаге относятся к 1779—1780 гг. Два последних раздела и сопроводительное письмо написаны по новому правописанию, а бумага имеет цифровую флигрань «1788». В переписке Сковороды с Я. Праввицким 1785—1787 гг. неоднократно ведется речь об окончании этого трактата. Содержание этих писем позволяет указать время написания произведения: 1780—1788 гг. Кроме автографа в различных книгохранилищах страны сохранилось пять известных списков (копий) произведения.

Произведение впервые опубликовано В. Д. Бонч-Бруевичем в издании 1912 г.

Этот трактат посвящен проблеме аллегорического истолкования Библии, образы и фигуры которой, по мнению автора, образуют особенный символический мир. С их помощью, как полагает он, можно обнаружить и познать вечное начало в макрокосме. В этом и состоит важное моральное, поучительное значение аллегорически истолкованных образов Библии, например соляного столба, в который якобы превратилась жена Лота, пощаженного царя Содомы и Гоморры. В образе содомского человека Сковорода критикует моральные и социальные пороки своих современников, охваченных жадной обогащения и честолюбием. Сковорода противопоставляет им утопический образ духовного человека, обретшего полную свободу и совершенство. В трактате раскрываются пагубные последствия буквального понимания Библии. Произведение исполнено глубокого субъективного пафоса и даже лиризма.

¹ *Жена Лотова* — см. т. 1, стр. 479, прим. 3; стр. 481, прим. 28. Призыв «Вспоминайте жену Лотову», звучащий как рефрен в этом трактате, имеет своим источником слова евангелиста Луки (Новый завет. Евангелие от Луки, гл. 17, ст. 32). — 34.

² Письмо адресовано М. И. Ковалинскому и, по-видимому, написано в конце 80-х — начале 90-х годов. — 34.

³ О понимании и истолковании Наркисса как символа духовного самопознания см. т. 1, стр. 477. — 34.

⁴ *Сигор* — согласно Библии, моавитский город, в который бежал из Содомы Лот (см. т. 1, стр. 479, прим. 3). — 36.

⁵ *Купидон* — в римской мифологии бог любви, посланец Венеры. — 36.

⁶ Сковорода называет здесь выдающихся представителей патристики, известных писателей и ораторов, произведения которых ему были хорошо известны и которые оказали на него определенное влияние. — 37.

⁷ Слово, разум (греч.). Отождествление бога с логосом, трактовка его как духовного первичного начала всего сущего находится в связи с учением Платона. — 37.

⁸ *Павел* — один из основных библейских создателей христианской морали. — 37.

⁹ *Августин* — см. т. 1, стр. 469, прим. 27. — 38.

¹⁰ *Голиаф* — согласно библейским легендам, великан, который вызвал на единоборство Давида и был побежден последним. — 39.

¹¹ *Пифагор* и его ученики считали принцип числа одним из важнейших принципов объяснения мира, понимая число, коэффициент, пропорцию, симметрию как выражение божественного начала. Отсюда связь числа с религиозными представлениями. Сковорода считает треугольник символом тройного выражения вечного начала. — 39.

¹² Речь идет о библейской легенде, согласно которой египетскому фараону приснился вещий сон, растолкованный находившимся в темнице сыном Иакова Иосифом (см. прим. 29 к «Иконе Алквивадской»). — 41.

¹³ *Хвалынское море* — древнерусское название Каспийского моря. — 42.

¹⁴ *Кана Галилейская* — город, где, согласно Библии, Иисус совершил одно из своих чудес: превратил воду в вино (Евангелие от Иоанна, гл. 2). — 45.

¹⁵ *Цитерия* (Цитера, Киферея) — культовое прозвище Афродиты — богини красоты и любви. — 47.

¹⁶ Имеется в виду библейский рассказ о том, как жена царедворца Потифара пыталась соблазнить Иосифа и, отобрав у него одежду, оклеветала его перед своим мужем (Ветхий завет. Бытие, гл. 39). — 48.

¹⁷ *Зубы Агарины, очи Лиины* — речь идет о библейских персонажах: рабыня Сарры египтянка *Агарь* — олицетворение всего рабского, низкого; дочь Лавана *Лиля* — см. т. 1, стр. 486, прим. 13. — 50.

¹⁸ *Идол Деирского поля* — см. т. 1, стр. 478, прим. 7. — 55.

¹⁹ «Восходить, подниматься на гору» (лат.). — 55.

²⁰ Речь идет о Колоссе Родосском, одном из «семи чудес света», 37-метровой статуе бога солнца Гелиоса, которая стояла у входа

в Родосский порт. Разрушена во время землетрясения в 224 г. до н. э. — 59.

²¹ Остров Родос в Эгейском море славился в древности своими роскошными садами. — 60.

²² *Морфей* — в греческой мифологии бог сновидений. — 61.

²³ Симон-волхв (см. т. 1, стр. 499, прим. 36). — 61.

Брань архистратига Михаила со Сатаню

Это произведение Сковорода датирует 1783 г. Сохранился автограф в рукописном собрании М. Ковалинского, который сейчас находится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 6). Бумага автографа относится к 1780 г. В тексте обнаруживаются следы позднейших исправлений автора, в частности примечания сделаны по правописанию, которому автор следовал после 1785 г. В 1788 г. автор снабдил диалог сопроводительным письмом М. И. Ковалинскому, дал ему название «Брань архистратига Михаила со Сатаню» (автограф 1783 г. называется «Борьба и пря о том: претрудно быть злым, легко быть благим»), снабдив «главизной творения». Все эти исправления и дополнения позволяют считать, что автограф был вновь отредактирован автором. Известны также две рукописные копии произведения. Диалог впервые опубликован в 1839 г. в Москве попечительным комитетом «Человеколюбивого общества» с некоторыми цензурными сокращениями.

В этом диалоге Сковорода уже не ищет ответа на обсуждаемые вопросы, а защищает правильность ответов, полученных им в своих прежних произведениях. Сковорода объясняет, что, по его убеждению, является источником зла на земле и почему люди несчастны чаще, чем счастливы. Ответ на этот вопрос философ дает, исходя из собственного понимания двух натур, или двух начал, в каждом человеке, которые ведут между собой борьбу. Победа злой воли ведет человека на путь зла и несчастья, и, наоборот, добрая воля открывает человеку путь к добродетели и счастью. В диалоге содержится резкая критика притворного благочестия духовенства. Сковорода зло высмеивает такие пороки, как честолюбие и стремление любой ценой обогатиться за счет унижения и порабощения людей. Диалог характеризуется высокими литературными достоинствами, изложение в нем исполнено драматического пафоса.

Согласно библейским легендам, архангел Михаил считается главой ангелов (архистратигом), так же как и сатана — главой дьявольских сил. Тема борьбы небесных сил с силами ада является одной из наиболее популярных тем древней письменности, в част-

ности житийной литературы. Сковорода, как выразитель концепции двух натур, использует эту традиционную форму для защиты дорогих ему убеждений. — 64.

¹ Богоматерь. — 64.

Перун — в восточнославянской языческой мифологии бог грома и молний. — 65.

³ *Иоанн Златоуст* (345—407) — один из наиболее значительных представителей византийской литературы, считается одним из отцов церкви; пользовался популярностью еще в Киевской Руси. — 66.

⁴ *Гавриил, Рафаил, Уриил, Вархиил* — библейско-мифологические образы ангелов, спутников архангела Михаила. — 68.

⁵ Здесь — «...не скалить зубы, не улыбаться ртом, а смеяться сердцем» (лат.). — 70.

⁶ Библейские персонажи — последователи христианских апостолов. *Лука* — один из последователей мифического апостола Павла (Новый завет. Послания св. апостола Павла). *Клеона* — упоминается Лукой и Иоанном (Новый завет. Евангелие от Луки, гл. 24; Евангелие от Иоанна, гл. 19). — 75.

⁷ Рассказ этот, приводимый и в других произведениях (см., напр., т. 1, стр. 303—305), взят из Библии (Новый завет. Деяния св. апостолов, гл. 8). — 75.

⁸ *Эврипид* (прибл. 485—406 гг. до н. э.) — один из наиболее знаменитых греческих драматургов. Эти строки взяты из драмы «Пропитательницы», до сих пор не переведенной полностью ни на русский, ни на украинский языки. Интересно, что отрывок, приведенный Сковородой, был позднее переведен И. Франко на основе немецких изданий (см. *Иван Франко. Литературна спадщина*. К., 1961, т. 2, стр. 190). — 76.

⁹ *Парохиальный колокол* — колокол приходской церкви. — 78.

¹⁰ Эта песня составлена Сковородой по образцу весьма распространенных на Украине в XVII—XVIII столетиях пародий на молитвы, сочинявшихся студентами. — 78.

¹¹ *Архитектон* — архитектор, строитель (от греч. *ἀρχιτέκτων*). — 80.

¹² Эта песня представляет собой пародийное произведение. — 81.

¹³ Здесь Сковорода аллегорически переосмысливает мифологические и библейские образы и представления. *Ата (Ате)* — в греческой мифологии воплощение мгновенного безумства, богиня, помрачавшая разум людей и богов, была сброшена с Олимпа. Сковорода сопоставляет ее с библейской *Адой* — одной из жен Ламеха, отца Ноя. — 82.

¹⁴ *Лита*, *Литургисса* — слова, образованные от древнегреческих слов, означающих служение богу и преданность ему; *Селла* — слово, образованное от древнегреческого слова, означающего кресло, кафедру, здесь олицетворяет сидящую спокойно и мирно; *Фурия* (букв. бешеная) — в греческой мифологии демоическое божество мести и мук совести; *Анна* (от евр. Ханна) означает «богом данная», в Библии — мать пророка Самуила, услышанная богом; *Хария* — радость, любовь (греч.); *Грация* — любовь и ласка (лат.). — 82.

¹⁵ Приведенные слова Эпикура взяты из уже упоминавшегося неоднократного послания его Менекею (см. т. 1, стр. 469, прим. 28). — 82.

¹⁶ *Тімпан* — старинное наименование бубна, литавр, барабана. — 84.

¹⁷ *«Гонимая церковь»* — потерянная трагикомедия преподавателя Киево-Могилянской академии Варлаама Лашевского. Сохранилась его «Трагедокомедия о награждении в сем свете приисковых дел и мзды в будущей жизни вечной» (см. *Н. Тихонравов*. Летописи русской литературы и древности, 1859, т. 1, стр. 5—16). — 85.

¹⁸ *«Победная песнь, или Епипикион»* Ф. Прокоповича написана в честь победы русских войск под Полтавой в 1709 г. Сковорода, цитируя строки произведений Прокоповича, делает небольшие редакционные изменения (см. *Феофан Прокопович*. Сочинения. М. — Л., 1961, стр. 209). — 88.

¹⁹ Очевидно, речь идет о пожаре 1780 г., во время которого сгорела библиотека Киево-Могилянской академии, где хранилась и рукопись названной драмы В. Лашевского. — 88.

²⁰ Запись этой песни обнаружена в рукописном сборнике середины XVIII в., опись которого осуществил в свое время В. Перетц (см. *В. Н. Перетц*. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900, т. I, ч. II, стр. 90). — 90.

²¹ *Фарсис* — порт и город, много раз упоминаемый в Библии; очевидно, *Фасис* — порт колхов, остатки которого обнаружены вблизи г. Потн. — 90.

²² *Одигитрия* — путеводительница. Очевидно, одна из чудотворных икон на горе Афон. — 90.

²³ Маяк на острове Фарос, недалеко от г. Александрия. — 90.

Пря беса со Варсавою

Это произведение датируется тем же годом, что и предыдущее (1783). До сих пор диалог был известен только в одной копии. Недавно в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина среди неописанных материалов библиотеки Арсеньева И. А. Табачниковым

был обнаружен автограф произведения (ф. 14, № 1365). Листы бумаги, на которых находится автограф, имеют цифровые филигранны 1781 г.

Впервые диалог со значительными купюрами был опубликован И. Т. Лысенковым в издании 1861 г. Целиком по копии произведения впервые опубликовано В. Бонч-Бруевичем в издании 1912 г. В издании 1961 г. диалог также опубликован по копии.

Перевод осуществлен на основе автографа Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Основной вопрос, вокруг которого сосредоточен спор, заключается в том, трудно ли то, что является самым нужным для человека. Сковорода, взгляды которого здесь представляет Варсава, с большой убежденностью доказывает, что для человека наиболее нужными являются добродетель и счастье, достижение которых доступно всем без исключения людям. Этот счастливый исход легок для всех, ибо природа одарила человека возможностью выбора собственного пути. Трудным и недоступным счастье является только для тех, кто желает удовлетворения неприродных потребностей. Стремление к природному благу ведет к счастью и спокойствию.

¹ Речь идет о сборнике «Басни Харьковские», который был подарен А. Ф. Панкову. — 93.

² Имеется в виду 15-я басня сборника — «Змея и Буфон» (см. т. 1, стр. 87), которой заканчивается первая половина басен, созданных до 1770 г. — 93.

³ См. прим. 11 к «Брани архистратига Михаила со Сатанюю». — 93.

⁴ «Труднейшая доброта», «легчайшее зло» (греч., лат.). — 94.

⁵ Приятнее всего зло, неприятнее всего добро,

Блаженнее всего зло, жалче всего добро (лат.). — 94.

⁶ *Кростель* — коростель, птица. — 94.

Силоам — см. т. 1, стр. 483, прим. 18. — 95.

⁸ *Тайна евхаристии* — одно из главнейших таинств христианского вероучения. — 95.

⁹ *Аристотелна* — наибольший мастер (от греч. *αριστοτεχνος*). — 97.

¹⁰ *Маммона* — в сирийской мифологии бог богатства и наживы, символ поклонения богатству и корыстолюбию. — 98.

¹¹ См. т. 1, стр. 495, прим. 41. Впоследствии сила возвратилась к Самсону. — 99.

¹² *Голиаф* — см. прим. 10 к «Книжечке... нареченной Жена Лотова». — 100.

¹³ *Дом Лотов* — здесь автор употребляет выражение аллегорически, говоря о тех, кто остался на пути праведников. — 100.

¹⁴ *Галилея* — область древней Иудеи, где, согласно евангельским легендам, совершал чудеса Христос. — 102.

¹⁵ *Святой Нил* — Нил Синайский, один из «святых отцов», который приблизительно в 390 г. пошел в Синайскую пустыню спасаться от грехов. Нил является автором многих произведений на религиозные темы, в том числе и названной Сквородой книги о семи бесах. — 103.

¹⁶ «Волк бродит вокруг колодца» (лат.). — 106.

¹⁷ *Флора* — в римской мифологии богиня весны и цветения. — 107.

¹⁸ *Ананка*, Ананке — в древнегреческой мифологии богиня, олицетворяющая неизбежность; в народных представлениях божество смерти. *Ева* — жизнь (древнеевр.). — 107.

Благодарный Еродий

Притча написана в 1787 г., посвящена и подарена Сквородой С. Н. Дятлову. По-видимому, до последнего рукопись не дошла и оказалась вместе с дарственным письмом в собрании М. Ковалинского. Ныне автограф хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 7). Цифровые филигранные бумаги автографа относятся к 1785 г.

Сохранилась одна рукописная копия притчи, относящаяся к XIX столетию. Произведение впервые опубликовано по автографу Д. И. Багалеем в издании 1894 г. на стр. 217—235.

В этой притче критикуется система воспитания, которая преследует цель привить человеку светские манеры, придать ему внешний лоск. Ей противопоставляется воспитание истинного человека в соответствии с его природными данными. Среди других качеств особенное значение имеет воспитание благодарности как одного из важнейших условий достижения счастья.

По своей форме этот диалог-притча представляет собой не что иное, как развернутую басню в том смысле, как ее понимает Скворода.

Еродий — слово, образованное Сквородой от греческого *ερόδιος*, которое значит «боголюбивый». Скворода употребляет это слово как одно из названий аиста, журавля, с поведением которых связывались представления о благородстве и благодарности. Подобные представления имеют место в Библии и мифологии. Позднее оно нашло воплощение в рассказах известного сборника «Физиолог» и в различных сборниках эмблем и символов (см., например, об этом в кн.: *Ф. Буслаяв. Исторические очерки*. СПб., 1887, стр. 462). У Сквороды это представление встречается почти во всех произведениях.

¹ Т. е. по уставу, по словам Иисуса — сына Спрахова. — 108.

² Скворода имеет в виду то, что аиста (или журавля) считали символом различных высоких понятий, например стойкости и мужества (изображался в гнезде на храме), благочестия (изображался стоя, в одиночестве), последовательности (изображался во время пожирания змея) и т. п. — 102.

³ Четверть (лат.). — 109.

⁴ Врода — красота (укр.). — 111.

⁵ Радость, веселье (греч.). — 120.

⁶ Стадо гергесинское — см. т. 1, стр. 468, прим. 17. — 121.

⁷ Очевидно, имеются в виду произведения *Исидора Пелусиотского* (370 — прил. 448) — ученика Иоанна Златоуста, провозглашенного святым. Ему принадлежат многочисленные послания, много раз издававшиеся начиная с XVI в. — 122.

⁸ Мамрийский дуб — см. т. 1, стр. 481, прим. 29. — 127.

⁹ Имеется в виду «Первое послание к Тимофею св. апостола Павла». — 127.

¹⁰ Эти строки взяты из народной песни-игры «Мак», известной в нескольких вариантах. Скворода, по-видимому, использовал вариант, позднее записанный на Харьковщине П. Ивановым (см. «Игры крестьянских детей в Купянском уезде». Собрал П. Иванов. — «Сборник Харьковского историко-филологического общества», 1900, т. 2, стр. 798а). — 129.

¹¹ Имеется в виду Аким (Иоасаф) Горленко (1705—1754) — украинский церковный и литературный деятель (см. «Описание жизни преосв. Иоасафа Горленко». СПб., 1854). — 129.

Убогий Жаворонок

Это произведение, как свидетельствует дарственное письмо, адресованное Ф. П. Дискому, написано осенью 1787 г. В авторском списке произведений притча названа последней.

К сожалению, до сих пор автограф притчи не обнаружен. На сегодняшний день не сохранилось даже копии, по которой произведение было впервые напечатано в 1839 г. Московским попечительным комитетом «Человеколюбивого общества» с предисловием М. Макарова и И. Решетникова. Неизвестно, на основе чего воспроизведен текст в издании 1861 г. Все остальные издатели пользовались имеющимися публикациями.

Заключительная песня в отличие от притчи сохранилась в двух рукописных копиях, одна из которых хранится среди рукописей Сквороды в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 1), а вторая обнаружена в Государствен-

ном Историческом музее с нотной записью (см. *М. Боровик, И. Иванько. Новознайденний музичний твір на слова Григорія Сковороди. — «Народна творчість та етнографія», 1971, № 2, стр. 67—70.*

Эта притча во многом созвучна с предыдущей. В ней также речь идет прежде всего о самовоспитании и о спокойствии души. Раскрывая два противоположных взгляда на богатство, Сковорода показывает, что условием достижения надежной и спокойной жизни является умеренность и умение пользоваться тем, чем человек владеет от природы. А стремление к овладению богатством противопоказано и добродетели и счастью. Важное место в этой притче занимают рассказ об утопической эпохе всеобщей справедливости и заключительная песня «О нищете Христовой».

¹ Вероятно, имеется в виду созвучность имен Фридрих и Федор. — *131.*

Очевидно, речь идет о селе Ровеньки, основанном в 30-х годах XVIII в. (ныне г. Ровеньки в Ворошиловградской области). — *133.*

³ Осада русскими войсками г. Бендеры в Молдавии в сентябре 1770 г. во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — *135.*

⁴ Красота. — *136.*

⁵ Этот рассказ представляет собой своеобразную обработку мифа об Астрае и о золотом веке человечества. Любопытно, что имя Маноя упоминается в Ветхом завете (Книга судей, гл. 13): жене Маноя, которая была бесплодной, явился ангел и предсказал, что она родит сына. Сковорода сближает мифический сюжет с библейским, своеобразно переосмысливая его в соответствии с собственными философскими проблемами. — *141.*

⁶ *Астрия* (Астрея) — в древнегреческой мифологии богиня добра и справедливости. Легенда о ней связана с идеей золотого века человечества. Легенда гласит, что Астрия последней из богов оставила землю, когда на ней воцарились зло, несправедливость и войны. — *141.*

⁷ Эта песня является обработкой популярного на Украине польского рождественского стихотворения, известного в нескольких вариантах. — *143.*

Диалог. Имя ему — Потоп Змиин

Это последнее оригинальное произведение Сковороды. Время его написания точно установить трудно. В авторском списке произведений, составленном в 1790 г., произведение уже числится под названием «Диалог. Душа и Нетленный дух», рукопись которого хранится у Я. Правецкого. В дарственном письме М. Ковалинскому

от 16 августа 1791 г. Сковорода сообщает, что он восстановил произведение по списку. Этот автограф и сохранился в рукописном собрании М. Ковалинского. Ныне хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 9). Бумага автографа разная по времени изготовления. Все это позволяет сделать вывод, что произведение было написано в конце 80-х годов. Что касается двух последних разделов, то они являются не чем иным, как двумя проповедями к лекциям по «христианскому добронравию». Ранние автографы проповедей под названием «Убужд-шеся, видеша славу его» (первая проповедь), «Да лобжет мя от лобзаний уст своих!» (вторая проповедь) сохранились в коллекции И. И. Срезневского, хранящейся в Архиве АН СССР в Ленинграде (ф. 216, оп. 3, папка № 227). По-видимому, эти произведения были включены в диалог «Потоп Змиин» в 90-х годах. Помимо автографа известно шесть рукописных копий, хранящихся в различных архивных учреждениях страны.

Произведение впервые опубликовано В. Д. Бонч-Бруевичем в издании 1912 г. на стр. 493—529.

В диалоге Сковорода своеобразно резюмирует свои главнейшие философские идеи как в области онтологии и гносеологии, так и в области этики. Философ здесь четко формулирует развивавшуюся им во всех предыдущих произведениях концепцию двух натур вещей и трех миров, вместе с тем указывая на те философские традиции, на которые он опирается как философ. Аллегорически истолковывая Библию, Сковорода резко критикует библейские легенды, отрицает их жизненную достоверность и вскрывает их несоответствие вечным законам природы. В связи с этим здесь важное место занимает критика суеверия и лицемерия, культивируемого церковниками на основе Библии. Два последних раздела произведения почти полностью повторяют два трактата, сохранившиеся в архиве И. Срезневского (Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 216, оп. 3).

Долгое время эти трактаты считались вступлением к лекциям «христианского добронравия», прочитанным философом в дополнительных классах при Харьковском коллегии в 60-х годах.

В основе названия произведения лежит библейский рассказ о змии — драконе, содержащийся в «Апокалипсисе» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 12). Согласно этому рассказу, змий — дракон, преследующий женщину, которая должна родить ребенка, выпустил из своей пасти воду, чтобы потопить ее и младенца. Сковорода многократно обращается к образу «апокалиптического змия», дополняя его иными библейскими и мифологическими представлениями, истолковывая этот образ аллегорически как проявление грубых, низменных стремлений человека.

¹ Письмо адресовано М. И. Ковалевскому. — 146.

² *Софроний* (591—644) — перусалимский патриарх, догматик-богослов, автор многочисленных религиозных и литературных произведений. — 146.

³ Речь идет о картине всемирного потопа, нарисованной в пятом стихотворении — «Потоп. Декалон и Пирра» — в первой книге «Метаморфоз» Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.), римского поэта. — 146.

⁴ «Плавают волк среди овец» (лат.) — это трехсотая строка из названного стихотворения Назона. — 146.

⁵ Идол депрский — см. т. 1, стр. 478, прим. 7. — 146.

⁶ Согласно библейским легендам, окончание всемирного потопа было ознаменовано появлением радуги на небесах. Этот рассказ Скворода истолковывает аллегорически, связывая его с символом обновления мира и обретения радости людьми. — 146.

⁷ «На недоступном месте стоит дух, лишенный всего внешнего. Отбросив все черное и заключив мир сам с собою, дух теперь тем более не должен ничего опасаться» (*Сенека*. Письма, 79 — лат.). Цитата взята из «Писем к Луциллию» Луция Аннея Сенеки — см. прим. 6 к «Книжечке, называемой... Икона Алкивиадская». Названная книга писем — одно из наиболее значительных философских произведений Сенеки, по своему направлению близкое идеям раннего христианства. — 147.

⁸ Эта притча представляет собой своеобразную обработку библейских мотивов с определенной идейно-композиционной целью. — 148.

⁹ Здесь и далее Скворода при рассмотрении вопроса о двух натурах во многом опирается на идеалистическое учение Платона. — 150.

¹⁰ Речь идет о том, что, согласно евангельской легенде, когда решался вопрос о помиловании наместником Иудей Пилатом осужденных, среди которых были Иисус и разбойник Варавва, то по наущению первосвященников и старшин народ требовал помилования разбойника (Евангелие от Иоанна, гл. 27 и др.). — 151.

¹¹ Речь идет об Икаре, дерзнувшем вместе со своим отцом Дедалом подняться на крыльях высоко в небо, но солнце растопило воск на крыльях Икара и он упал в море. В этом образе Скворода видит символ ограниченности возможностей человека, желания которого во много раз превосходят его возможности. Здесь речь идет, очевидно, об эмблематической картинке наподобие тех, которые воспроизведены Сквородой в диалоге «Алфавит, или Букварь мира». — 152.

¹² Здесь имеются в виду различные библейские легенды, которые, по мнению Сковороды, являются вымыслом и смысл которых можно постичь только при помощи аллегорического истолкования их содержания. — 153.

¹³ *Мариам* — дева Марья. — 155.

¹⁴ По Библии, апостол *Фома* слыл недоверчивым и не поверил в «воскресение» Иисуса, пока не коснулся его ран. — 157.

¹⁵ *Параклит* — дух-утешитель. — 157.

¹⁶ Черное море. — 158.

¹⁷ *Критская и сиканская ложь*. Выражение «критская ложь» имеет, по-видимому, своим источником замечание мифического апостола Павла: «Критяне всегда лжецы...» (Новый завет. Послание к Титу, гл. 1, ст. 12). Что касается «сиканской лжи», то, очевидно, речь идет о древних сицилийцах, также пользовавшихся в древности репутацией лжецов. — 161.

¹⁸ Сковорода здесь показывает, к каким последствиям может привести буквальное понимание пророчеств Библии, например утверждения в 10-й главе Апокалипсиса о заточении сатаны в бездну на тысячу лет. Один из крупнейших историков раннего Средневековья, Беда Достопочтенный, полагал, например, что конец света наступит в 1000 г. Эту дату предрекали многие проповедники в X в., «когда ожидание близящейся развязки стало принимать характер социального психоза» (см. *А. Я. Гуревич*. Категории средневековой культуры. М., 1972, стр. 110; см. также: *II. Focillon*. L'an mil. Paris, 1952). — 162.

¹⁹ Здесь и далее Сковорода раскрывает противоречия библейской легенды о сотворении мира, их несоответствие представлениям о вечности материи и постоянстве законов ее развития. — 162.

²⁰ К числу противоречащих законам природы явлений Сковорода относит не только легенду о железе, плавающим по приказу пророка Елисея, но и стремление средневековых алхимиков найти вечный двигатель или философский камень. — 162.

²¹ Речь идет о различных библейских чудесах, которые, по мнению Сковороды, являются источником суеверия и раздоров. — 163.

Речь идет о разрушении Иерусалима во время иудейского восстания в 66—73 гг. Сковорода считает, что главным источником жестокости его подавления было питавшееся библейскими представлениями религиозное суеверие. — 164.

²³ Здесь Сковорода в автографе воспроизводит треугольник со «всевиждающим оком» внутри. Он истолковывает его символический смысл, частично исходя из представлений пифагорейцев. — 165.

²⁴ *Агарь* — см. прим. 17 к «Книжечке... нареченной Жена Лотова». — 166.

²⁵ Речь идет о Пифагоре, родившемся на острове Самос. — 166.

²⁶ *Лука и Клеопа* — см. прим. 6 к «Брани архистратига...». — 166. См. т. 1, стр. 495, прим. 34. — 168.

²⁸ Среди старинных украинских песен встречается несколько вариантов с подобным началом. По-видимому, строки взяты из песни о беде, распространенной среди кобзарей и лирников, известной в записях середины XVIII в. — 171.

²⁹ Речь идет о знаменитой Александрийской библиотеке, одном из центров научной мысли древности. Здесь впервые был осуществлен перевод Библии на греческий язык, известный под названием перевода 70 толковников, который лег в основу позднейшего канонического свода Библии. — 171.

³⁰ *Симеон Столпник* (356—459) — клирик, христианский аскет, около 40 лет проживший на огражденной от ветра и солнца колонне. Иконописцы обычно изображали его сидящим на вершине столба. Сковорода же считает, что речь идет о виноградной горнице с балконом. — 173.

³¹ Псевдопороки, лжеученые, лишены истинной мудрости. — 173.

Диоген (прибл. 404—323 гг. до н. э.) — греческий философ-киник, который, пренебрегая удобствами жизни, якобы жил в бочке. Сковороде привлекали этический идеал Диогена, его презрение к материально-плотским потребностям. — 173.

³³ Имеются в виду различные библейские персонажи. *Девора* — пророчица, которая призвала израильтян воевать против *Сисары* (Ветхий завет. Книга судей, гл. 4), последний был убит *Иаилью* во время сна; *Иудифь* — женщина, убившая вавилонского полководца *Олоферна* (Ветхий завет. Книга Иудифи, гл. 13); *Авимелех* — сиехемский царь, убитый куском жернова, брошенным женщиной с башни осажденной крепости (Ветхий завет. Книга судей, гл. 9); *Авигея* — жена Навала, преподнесшая дары Давиду (Ветхий завет. I Книга царств, гл. 25, 30 и др.). — 173.

³⁴ Эта песня представляет собой вариант уже упоминавшейся песни из трагикомедии Варлаама Лашевского (см. прим. 17 к «Брани архистратига...»). — 174.

³⁵ *Квас учения фарисейского*, т. е. учения религиозно-политической партии в древней Иудее, защищавшей интересы зажиточных слоев; фарисейство отличалось фанатизмом и лицемерным исполнением обрядов. — 176.

³⁶ *Кесарь Август* — римский император Август (63 г. до н. э. — 44 г. н. э.), царствование которого считается временем наивысшего

изобилия Древнего Рима; *Тибериевы времена* — время царствования Тиберия Клавдия Нерона, римского императора в 14—37 гг. н. э., прославившегося необыкновенной жестокостью; *Владения Пилатова* — Пилат был римским наместником в Иудее в период, к которому Библия относит жизнь и смерть мифического Иисуса Христа. — 179.

³⁷ Речь идет о победе израильтян во главе с Аароном над аморрейским царем Сигоном (Ветхий завет. Числа, гл. 21). — 180.

³⁸ Ветхий завет. Книга пророка Исаии, гл. 62. — 184.

³⁹ Ветхий завет. Книга пророка Иезекииля, гл. 37. — 184.

⁴⁰ *Орфей* — мифический певец и музыкант (см. т. 1, стр. 482, прим. 7), с именем которого связано религиозно-мистическое учение орфиков, проповедовавших бессмертие души и освобождение ее после смерти человека. — 185.

⁴¹ Эта заключительная стихотворная строфа взята из стихотворения Феофана Прокоповича, посвященного императрице Анне Иоанновне (см. *Феофан Прокопович. Сочинения*. М. — Л., 1961, стр. 218). — 185.

Письма

Круг знакомств Сковороды был весьма обширным, однако его эпистолярное наследие, которое сохранилось и известно нам, помимо сопроводительных писем к произведениям составляет примерно 120 писем. Состоит его переписка из писем к ученику, а потом другу М. И. Ковалинскому (около 80 писем), Я. Правницкому (известно 10) и писем к разным известным и неизвестным нам людям. Очевидно, часть писем утеряна навсегда. Основная часть сохранилась в автографах в собрании М. Ковалинского и ныне находится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 1).

Письма Сковороды являются высоким образцом эпистолярного жанра, регламентированного правилами риторик и поэтик. В них почти отсутствуют биографические моменты и бытовые подробности. Основное их содержание составляют философские идеи и моральные поучения. Это одинаково касается и писем М. Ковалинскому, и писем, адресованных другим лицам. Во многих отношениях письма представляют собой ценный комментарий к философским произведениям.

Больше половины эпистолярной Сковороды адресовано М. И. Ковалинскому. Письма объединены и расположены в хронологическом порядке. Выделены также отдельной рубрикой и письма Якову Правницкому. Остальные письма, адресованные разным и неизвест-

ным лицам, объединены под общей рубрикой и даются в хронологическом порядке.

По сравнению с киевским изданием 1961 г. здесь учтены данные текстологических и биографических исследований, в результате которых установлены даты и адресаты целого ряда писем (см. *Л. Махновец*. Григорій Сковорода. К., 1972).

Письма М. И. Ковалинскому

Основная часть писем М. Ковалинскому относится к первой половине 60-х годов XVIII столетия. Сковорода в то время работал преподавателем в Харьковском коллегии, а М. Ковалинский был студентом этого коллегіума. Сковорода переписывался с учеником, исходя из педагогических соображений. Помимо основной цели он стремился при помощи писем развивать в юноше любовь к классическим языкам и литературе. Поэтому все письма этого периода написаны на близкой к классической латыни и частично на древнегреческом языке.

Все эти письма сохранились в оригиналах в общей оправе и ныне находятся в отделе рукописей в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 24). Там они переплетены в случайной последовательности.

В первом издании, осуществленном Д. И. Багалеем (1894 г.), письма даются в том порядке, в каком переплетены в общую тетрадь М. Ковалинским, вследствие чего туда попал и ряд писем, адресованных другим лицам. В издании 1961 г. были внесены некоторые изменения в порядок расположения писем. Письма, имеющие конкретные даты, были передвинуты к началу переписки. Однако общая проблема датирования оставалась нерешенной. Помимо того, в числе писем М. Ковалинскому оставалось письмо к другому адресату — Иоанну. В последнее время Л. Е. Махновец провел значительную работу по датированию писем, установлению мест отправления и назначения. Результаты его исследований учтены в данном издании (см. *Л. Махновец*. Про хронологію листів Г. С. Сковороди. — «Радянське літературознавство», 1972, № 4, 10).

Впервые переписка Сковороды с М. Ковалинским на языке оригинала, без перевода была опубликована Д. И. Багалеем в издании 1894 г. В издании 1961 г. письма даются параллельно на языке оригинала и в украинском переводе. Для настоящего издания перевод с латинского на русский язык осуществлен М. В. Кашуба. При переводе были использованы сделанные в свое время переводы указанных писем на русский язык Ф. Беляевым, которые хранятся в библиотеке Института философии АН УССР.

Некоторые письма были не полностью написаны Сковородой по-латыни. В таком случае фразы на украинском языке отделены двумя косыми линейками, вкрапления на старославянском стоят в угловых скобках.

¹ Философские письма М. Ковалинскому можно рассматривать в известном смысле как своеобразное философско-литературное произведение. В самом деле, риторика XVII—XVIII вв., регламентировавшая различные жанры письменности, в том числе и научной прозы, уделяла весьма важное значение эпистолярному жанру. В этом отношении переписка Сковороды вообще и с М. Ковалинским в частности представляет собой важное свидетельство не только о биографии мыслителя, но и о его философском мировоззрении. Они важны для понимания эволюции мыслителя, для которого формирование философских убеждений было вместе с тем принятием соответствующего им способа жизни. Сковорода в этой переписке затрагивает множество тем. Из них, во-первых, мы узнаем о литературно-философских симпатиях автора, его умонастроении, взаимоотношении с окружающей общественной средой. В этой среде, естественно, на первом месте находится сам адресат Сковороды — юноша М. Ковалинский. Нам не известны письма последнего, поскольку письма были односторонними, однако письма Сковороды сами по себе воссоздают картину сложных, порой даже драматических, отношений учителя и ученика. Узнаем мы и о критическом взгляде Сковороды на быт и поведение церковников, которые враждебно относились к духовным исканиям и независимому способу жизни Сковороды.

Во-вторых, эти письма содержат изложение морально-этических принципов, которыми руководствовался сам Сковорода и которые он стремился привить своему молодому другу. Весьма важное место в этих письмах занимают вопросы воспитания любви к добру, истине и дружбе. Сковорода неоднократно подчеркивает важность сохранения чистоты духовного мира.

В письмах Сковорода формирует основные принципы духовного, нравственного усовершенствования с целью обретения спокойствия души, самоудовлетворенности (автаркии). Часть писем представляет собой стихотворные послания, в которых излагаются различные нравственные наставления.

М. И. Ковалинский (1745—1807) — сын священника из крепости Алексеевской, закончил Харьковский коллегиум, в котором затем (в 1766—1769 гг.) преподавал поэтику. С 1770 г. Ковалинский стал воспитателем детей последнего гетмана Украины — К. Разумовского, с которым путешествовал за границей. Сделал карьеру крупного сановника, дослужившись до чина генерал-майора, и

занимал пост заместника Рязанской губернии, а в конце жизни был куратором Московского университета. Оставил литературные опыты. Но самое важное, что им написана биография Сковороды. — 189.

² Казнил (греч.). — 189.

³ «Все единодушно пребываем в благочестии и молитве» (греч.). — 189.

⁴ Новый завет. Деяния апостолов (указанная Сковородой ссылка неточна. Похожие слова имеются в стихе 42-м). — 189.

⁵ *Исократ* (436—338 гг. до н. э.) — афинский оратор-публицист, автор многочисленных речей, часть которых являются яркими памфлетами. — 190.

⁶ Речь идет о дяде М. Ковалинского. — 190.

⁷ Мудрость (греч.). — 191.

⁸ Образованность (греч.). — 191.

⁹ О *Сенеке* см. прим. 6 к «Книжечке, называемой Икона Алкивиадская...». — 191.

¹⁰ Приводимые здесь сентенции, содержащие идею о трудности достижения добра и о легкости зла, Сковорода впоследствии опроверг и пришел к противоположному выводу, на котором и построил свое учение о возможности достижения человеком земного счастья. — 191.

¹¹ Самодовольство (греч.). — 191.

¹² Эллинскую литературу (греч.). — 192.

¹³ *Алеша* — Алексей Базилевич, студент Харьковского колледжума (см. *А. М. Ніженець*. На зламі двох світів. Харків, 1970, стр. 158). — 192.

¹⁴ Младший брат М. П. Ковалинского. — 193.

¹⁵ Существо (греч.). — 193.

¹⁶ По Геликону (греч.). — 193.

¹⁷ Неграмотный (греч.). — 194.

¹⁸ Деяственное наследие Христа (греч.). — 195.

¹⁹ Возлюбленный Михаил! (греч.). — 195.

²⁰ «Вместо чистого золота подделку из меди» (греч.). — 195.

²¹ «Если нуждаешься в деньгах, напиши мне» (греч.). — 196.

²² Несется (греч.). — 197.

²³ Уединением (греч.). — 197.

²⁴ Уединение (греч.). — 197.

²⁵ Недоступно (греч.). — 197.

²⁶ *Атрии* — в древнеримских зданиях центральное помещение с верхним освещением. — 197.

²⁷ Агарь (греч.). См. прим. 17 к «Книжечке... нареченной Жена Лотова». — 197.

- ²⁸ Не вульгарным (греч.). — 197.
- ²⁹ Хитростям софистов (греч.). — 197.
- ³⁰ Согласно иудейской религии, свиньи считались «нечистыми» животными: хотя они и имеют раздвоенное копыто, но не имеют «второго жванья». — 197.
- ³¹ Раем (греч.). — 198.
- ³² Направляется внутрь (греч.). — 198.
- ³³ Внимают самим себе (греч.). — 198.
- ³⁴ Друг эллинов (греч.). — 198.
- ³⁵ Любимец муз (греч.). — 198.
- ³⁶ Улыбаюсь (греч.). — 198.
- ³⁷ О мудрец (греч.). — 198.
- ³⁸ Глаза (греч.). — 199.
- ³⁹ Средству (греч.). — 199.
- ⁴⁰ В храме (греч.). — 199.
- ⁴¹ Мудрец (греч.). — 199.
- ⁴² «На счастливого человека и при этом друга» (греч.). — 199.
- ⁴³ Триждыжеланный Гриша (греч.) — брат Михаила Ковалинского. — 199.
- ⁴⁴ Похвала бедности (греч.). — 200.
- ⁴⁵ *Фемиды* — в мифологии древних греков богиня правосудия и законности, изображалась с повязкой на глазах, рогом изобилия и весами в руках. — 200.
- ⁴⁶ *Боги Тартара*, подземного царства, — Крон и побежденные Титаны, сброшенные с Олимпа Зевсом. — 200.
- ⁴⁷ *Ир* — один из персонажей «Одиссеи» Гомера (песня XVIII), нищий в доме Одиссея. — 201.
- ⁴⁸ Влечения (греч.). — 201.
- ⁴⁹ От подлинного друга (греч.). — 203.
- ⁵⁰ *Мелантий* — греческий философ из Родоса (упоминания о нем имеются, в частности, у Цицерона и Диогена Лаэртца). *Александр Ферейский* — ферский тиран, о котором упоминает Плутарх в жизнеописании Пелопида. — 203.
- ⁵¹ Посланцы (греч.). — 204.
- ⁵² О какой пословице идет речь, установить не удалось. — 205.
- ⁵³ Брата (греч.). — 205.
- ⁵⁴ Во сне (греч.). — 205.
- ⁵⁵ Твой Саввич (греч.). — 205.
- ⁵⁶ «Самый дорогой из самых дорогих, забота и утешение мое, юноша, преданный музам!» (греч.). — 205.
- ⁵⁷ Сковорода так называет Ковалинского, очевидно имея в виду, что Атика (область в Греции) славилась красноречием и образностью языка. — 205.

⁵⁸ «Зевс то ясен, то дождлив» (греч.) — это 43-я строка из IV пидилиии древнегреческого поэта Феокрита (III в. до н. э.), прославлявшего жизнь пастухов среди природы, осуждавшего суету городской жизни. — 206.

⁵⁹ Смертных (греч.). — 206.

⁶⁰ Сивухи (греч.). — 206.

⁶¹ Нектара (греч.). — 206.

⁶² Согласно пословице (греч.). — 206.

⁶³ Будь здоров, дражайший. Твой Григорий Саввич (греч.). — 206.

⁶⁴ Возлюбленный друг Михаил! (греч.). — 206.

⁶⁵ Лыстец (греч.). — 206.

⁶⁶ Радуйся, трижды дорогой! (греч.). — 207.

⁶⁷ Полководцу (греч.). — 207.

⁶⁸ Твой подлинный друг Григорий Саввич (греч.). — 208.

⁶⁹ Скипетр (греч.). — 208.

⁷⁰ «Отца нашего среди святых» (греч.). — 208.

⁷¹ «Ничто нас обычно так не радует, как чистая совесть и добрые надежды» (греч.). — 208.

⁷² Согласно Диогену Лаэртию, философ-киник Диоген среди белого дня с фонарем искал истинного человека. — 209.

⁷³ Очевидно, Марчелло Палинген (прибл. IX в.), автор книги «Зодиак жизни», в которой подвергается критике духовенство. — 210.

⁷⁴ «Самый дорогой из наиболее дорогих, сладчайший Михаил!» (греч.). — 211.

⁷⁵ У вечерни (греч.). — 211.

⁷⁶ Стихира о Акакии (греч.). — 211.

⁷⁷ «Я взял» (греч.). — 211.

⁷⁸ «Я телом отсутствую, сердцем же...» (греч.). — 211.

⁷⁹ «Блаженны ваши очи, ибо они видят, и уши, ибо они слышат» (Евангелие от Матфея, гл. 13). — 211.

⁸⁰ Безумные философы (греч.). — 212.

⁸¹ Потомки Авраама (греч.). — 212.

⁸² Предков (греч.). — 212.

⁸³ «Послание к филиппийцам», приписываемое апостолу Павлу. — 212.

⁸⁴ Наше горящее сердце (греч.). — 212.

⁸⁵ Пламенное желание (греч.). — 212.

⁸⁶ Горящее сердце (греч.). — 212.

⁸⁷ Бога и истину (греч.). — 212.

⁸⁸ Манна по-еврейски обозначает «что это такое?». По библейскому мифу, эта небесная пища была богом Ягве послана евреям,

которые на пути в обетованную землю умирал от голода и жажды. — 213.

⁸⁹ Твой Григорий Саввич (греч.). — 213.

⁹⁰ Это перевод оды Горация, в которой воспевается эпикурейский идеал счастливой жизни. Сковорода в своем переводе насыщает произведение образами, которых нет у Горация, вместе с тем устранив детали античного быта. — 214.

⁹¹ *Нильская собака* — очевидно, имеется в виду сюжет басни Федра «Собаки и крокодилы» (см. *Федр, Бабрий*. Басни. М., 1962). — 215.

⁹² «Для меня нет ничего более важного, чем быть или сделаться лучшим» (греч.). — 215.

⁹³ Любимец муз (греч.). — 215.

⁹⁴ Вавилона (греч.). — 216.

⁹⁵ Сатана (греч.). — 216.

⁹⁶ Астролог (греч.) — человек, гадающий по расположению небесных светил. — 216.

⁹⁷ Дел небесных (греч.). — 216.

⁹⁸ *Иероним Блаженный* (330—419). Покинув Рим, он спасался в Халцидской пустыне, предаваясь аскетической жизни; его мучили галлюцинации, описанные им в посланиях. — 216.

⁹⁹ «О школа, о книги!» (греч.). — 216.

¹⁰⁰ Союзник (греч.). — 216.

¹⁰¹ Звезды (греч.). — 216.

¹⁰² «Земля — жена, небо — муж» (греч.). — 216.

¹⁰³ Нематериальное (греч.). — 216.

¹⁰⁴ «Которые смущают Прода и фараона» (греч.). — 216.

¹⁰⁵ Письмо написано по-гречески. — 217.

¹⁰⁶ *Сократ* — см. т. 1, стр. 492, прим. 3. — 217.

¹⁰⁷ Тонкий след (греч.). — 217.

¹⁰⁸ «Отмечен духом блудодеяния» (греч.). — 218.

¹⁰⁹ Безумным (греч.). — 218.

¹¹⁰ Галльская болезнь, т. е. сифилис. — 218.

¹¹¹ Человекоубийственного (греч.). — 218.

¹¹² К обжорству (греч.). — 219.

¹¹³ Сокровища (греч.). — 219.

¹¹⁴ Благородным музам (греч.). — 220.

¹¹⁵ *Камени*, или музы, — в мифических представлениях богини поэзии, искусств и наук, вдохновительницы поэтов и певцов. *Геликон* — гора в Древней Греции, где, согласно мифам, обитали музы. — 220.

¹¹⁶ Станным (греч.). — 220.

¹¹⁷ Чрезвычайно странным (греч.). — 220.

¹¹⁸ Более пустым (греч.). — 220.

¹¹⁸ *Гай Лелий* — римский деятель, друг победителя Карфагена Сципиона Африканского. Цицерон посвятил Лелию свое произведение «Лелий, или о дружбе», в котором последний выступает в качестве собеседника. — 220.

¹²⁰ *Крез* — царь малоазиатской провинции Лидии. Он был сказочно богат. Его имя стало символом богатства. Сведения о Крезе сообщает Геродот в первой книге своей «Истории» (гл. 29). *Гай Юлий Цезарь* (100—44 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и писатель. *Демосфен* (384—322 гг. до н. э.) — один из наиболее прославленных ораторов Древней Греции. Ему посвящено одно из жизнеописаний Плутарха. — 220.

¹²¹ Нет никакого дела (греч.). — 220.

¹²² Эпиграмма (греч.). — 220.

¹²³ Смысл этой эпиграммы отражает характерное для Сковороды стремление к сочетанию мифологических и христианских религиозных представлений. Здесь христианский праздник трех святых осмысливается при помощи образов античных муз, вдохновительниц художников, покровительниц поэзии, искусств и наук. *Венера* — см. т. 1, стр. 491, прим. 1; *Купидон* — см. т. 1, стр. 499, прим. 43. — 221.

¹²⁴ «Радуйся во господе!» (греч.). — 221.

¹²⁵ «Встав до утренних молитв» (греч.). — 221.

¹²⁶ Беседа (греч.). — 221.

¹²⁷ Эпиграмму (греч.). — 221.

¹²⁸ Эпиграмм (греч.). — 221.

¹²⁹ Святилище (греч.). — 221.

¹³⁰ «Трех великих учителей Вселенной» (греч.). — 221.

¹³¹ «Этого желает тебе твой Григорий» (греч.). — 221.

¹³² «Нет ничего дороже этого» (греч.). — 221.

¹³³ «Рука руку моет» (греч.). — 221.

¹³⁴ Речь идет о сборнике античных пословиц и афоризмов под названием «*Adagia*» с широкими остроумными комментариями *Эразма Роттердамского* (1465—1536) — выдающегося гуманиста, автора прославленной книги «Похвала глупости». — 221.

¹³⁵ Это одна из весьма немногих ссылок на Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) — величайшего философа Древней Греции. Этические идеи Аристотеля оказали влияние на формирование этического учения Сковороды. — 221.

¹³⁶ *Плутарх* занимает заметное место в письмах Сковороды. Это рассуждение о лстецах и их вреде Сковорода использовал несколько раз. Отношение к Плутарху в письмах 60-х годов менее критично по сравнению с тем отношением, какое отразилось в переводе произведения «О спокойствии души». — 222.

¹³⁷ *Палестра* — гимнастическая школа в Древней Греции. — 222.

¹³⁸ По-видимому, речь идет о разработанной в произведении Платона «Тимей» теории космических пропорций при помощи числовых отношений. — 222.

¹³⁹ Орла (греч.). — 222.

¹⁴⁰ Божественной красоты (греч.). — 222.

¹⁴¹ Лик отца (греч.). — 222.

¹⁴² *Марк Антуан Мюре* (Muretus; 1526—1588) — французский гуманист, представитель новолатинской литературы, автор стихотворения «К Петру Герардию», переведенного Сквородой на украинский язык. Приведенные далее слова взяты из этого стихотворения. — 222.

¹⁴³ *Плиний Младший* (ок. 62 — ок. 114) — римский писатель, оратор, автор «Переписки с друзьями», которая является важнейшим историческим документом древней эпохи. — 223.

¹⁴⁴ *Вергилий Публий Марон*, поэтические мотивы которого близки Сквороде. В частности, Скворода оставил поэтические опыты на темы образов «Энеиды» Вергилия (см. *Григорій Скворода*. Твори в двох томах. К., 1961, т. 2, стр. 77—78). — 223.

¹⁴⁵ На небо (греч.). — 223.

¹⁴⁶ «Христос тебя научит» (греч.). — 223.

¹⁴⁷ «Радуйся во господе» (греч.). — 224.

¹⁴⁸ Ты являешься главным (греч.). — 224.

¹⁴⁹ Ты обдумываешь школьные уроки (греч.). — 224.

¹⁵⁰ Ты стремишься к господе (греч.). — 224.

¹⁵¹ И подлинно божественная (греч.). — 224.

¹⁵² Настоящих орлов (греч.). — 224.

¹⁵³ *Аттика*; в частности, гора Гимет в древности славилась своим медом. — 225.

¹⁵⁴ *Титон (Тифон)* — в греческой мифологии сын троянского царя Лаомедонта, брат Приама, возлюбленный богини утренней зари Эос, которая, испросив у богов для него бессмертия, забыла при этом выпросить и вечную молодость, и он превратился в старика. Считается символом долголетия. *Нестор* — в греческой мифологии пилосский царь, воспетый в «Илиаде» Гомера, доживший до глубокой старости; во времена Троянской войны, по словам Гомера, царствовал над третьим поколением людей. — 225.

¹⁵⁵ Печать (греч.). — 225.

¹⁵⁶ Любовь (греч.). — 225.

¹⁵⁷ Альфа и омега (греч.). — 225.

¹⁵⁸ *Амброзия* — пища олимпийских богов, поддерживающая в них бессмертие и вечную молодость. — 226.

- 159 Вопросы (греч.). — 226.
160 Сущий (греч.). — 227.
161 Бог (греч.). — 227.
162 Сам бог (греч.). — 227.
163 Любовью (греч.). — 227.
164 *Коринф* — город-государство в Древней Греции, центр торговли, ремесленничества и культуры. — 227.
165 «Ничего сверх меры» (греч.). — 228.
166 Беседе (греч.). — 228.
167 *Бозций, Аниций Манлий Геркуат Северин* (прибл. 480—524) — римский философ, поэт и государственный деятель. В философии выступил как последователь стоиков, автор диалога «Об утешении, доставляемом философией», в котором идеи стоиков сочетаются с неоплатонизмом. Основные идеи этого произведения — раскрытие ничтожества земных благ, проповедь самопознания, чистой совести и душевного спокойствия — были, несомненно, близки Сковороде. — 229.
168 Страдание (греч.). — 229.
169 Раздражение (греч.). — 229.
170 Симметрия (греч.). — 229.
171 Автомат (греч.). — 229.
172 Водяные (греч.). — 229.
173 Автоматами (греч.). — 229.
174 Здесь Сковорода уточняет свое отношение к учению стоиков об избежании аффектов и апатии. — 229.
175 Господь (греч.). — 229.
176 «Я даю вам мир мой» (греч.). — 229.
177 Бесстрастен (греч.). — 229.
178 Занозу (греч.). — 230.
179 «Делают человека блаженным» (греч.). — 230.
180 В скором времени (греч.). — 230.
181 Ласточка (греч.). — 230.
182 Лихорадка (греч.). — 230.
183 Сандалиями (греч.). — 230.
184 Дьявол (греч.). — 231.
185 К тщеславию (греч.). — 231.
186 Мужайся (греч.). — 232.
187 «Народ христианский потребляет тело и кровь Христа, но всегда страдает желудком» (греч.). — 232.
188 «Остальное откладываю на потом» (греч.). — 232.
189 *Клавдий Гален* (131 — прибл. 211) — древнеримский врач и естествоиспытатель, труды которого оказали значительное влияние на развитие средневековой медицины. — 234.

¹⁹⁰ *Гиппократ* (прибл. 460—347 гг. до н. э.) — один из выдающихся врачей Древней Греции, основатель античной медицины. — 234.

¹⁹¹ О здоровье (греч.). — 234.

¹⁹² Воспаление, катар (греч.). — 234.

¹⁹³ Флегмой (греч.). — 234.

¹⁹⁴ Трезвенник (греч.). — 234.

¹⁹⁵ «Дражайший мой Михаил, молюсь о милости для тебя у господина нашего!» (греч.). — 234.

¹⁹⁶ «Мир, превосходящий всякий ум» (греч.). — 235.

¹⁹⁷ Порфиры (греч.). — 235.

¹⁹⁸ «Двухцветная тога жреца скрывает надутую шею» (греч.). — Очевидно, намек на слова из письма Цицерона Титу Аттику (Письма, кн. II, п. 9): «И оденут двухцветную тогу жреца на толстую шею Затиция». Затиций — политический деятель, против которого выступал Цицерон. — 235.

¹⁹⁹ В зале (греч.). — 235.

²⁰⁰ Общаться (греч.). — 235.

²⁰¹ «О дорогой, и воздай нам за любовь любовью! Твой Григорий Саввич» (греч.). — 235.

²⁰² *Зер* — название юго-восточного ветра в Италии. — 235.

²⁰³ «Вам дано знать тайны царствия небесного?» (греч.). — 236.

²⁰⁴ Имеется в виду пребывание Сковороды в Троице-Сергиевой лавре под Москвой в 1755 г. — 236.

²⁰⁵ Эта эпиграмма взята в качестве эпиграфа к тридцатой песне цикла «Сад божественных песен». — 236.

²⁰⁶ Речь идет о младшем брате Ковалевского — Григории, который также был студентом Харьковского коллежсума. — 237.

²⁰⁷ По писанию (греч.). — 237.

²⁰⁸ В день пятидесятницы (греч.). — 237.

²⁰⁹ Вестником (греч.). — 238.

²¹⁰ Самолюбию (греч.). — 238.

²¹¹ Беседуют (греч.). — 238.

²¹² Святейший заступник (греч.). — 238.

²¹³ Воскресенье (греч.). — 239.

²¹⁴ Эпиграммой (греч.). — 239.

²¹⁵ Имеются в виду произведения Плутарха, обычно объединяемые под названием «*Moralia*» в отличие от биографических произведений — «Параллельных жизнеописаний». Сковорода, очевидно, хорошо знал и жизнеописания, но больше интересовался трактатами на морально-этические темы. — 240.

²¹⁶ Филолог (греч.). — 240.

²¹⁷ *Хрия* — букв. «польза» (греч.) — один из важных разделов теории красноречия. Так в курсах риторики называлась схема

развития определенной темы. Обычно состояла из таких частей: пропорция (тезис), объяснение, доказательство, пример, свидетельство, сравнение, вывод. — 240.

²¹⁸ Ораторов (греч.). — 240.

²¹⁹ Выражают пословицу (греч.). — 241.

²²⁰ Образно (греч.). — 241.

²²¹ *Демонакс* (II ст.) — греческий философ-моралист. — 241.

²²² «Учись на примерах других — не будешь знать горя» (греч.). — 241.

²²³ «Тех, которые слишком много занимаются Вселенной, а о своих бесчинствах и не думают» (греч.). — 241.

²²⁴ *Теренций* (прибл. 185—159 гг. до н. э.) — выдающийся римский комедиограф, автор известной комедии «Адельфы» («Братья»), которую Скворода анализировал как преподаватель поэтики (см. *Григорий Скворода*. Твори в двох томах. К., 1961, т. 2, стр. 476). — 242.

²²⁵ С небес (греч.). — 242.

²²⁶ Зрелища (греч.). — 242.

²²⁷ Школа пифагорейцев, последователей и учеников Пифагора. — 242.

²²⁸ *Австр*, *Аустер* — название южного ветра в Италии. — 242.

²²⁹ «Забота и услада души моей» (греч.). — 243.

²³⁰ Музыкальный инструмент (греч.). — 243.

²³¹ Приятнейшей беседе (греч.). — 243.

²³² «Бестелесно беседует и проводит вместе время» (греч.). — 243.

²³³ «Сам бог называется любовью» (греч.). — 244.

²³⁴ *Катон Старший* — см. т. 1, стр. 474, прим. 35. — 244.

²³⁵ Христос (греч.). — 245.

²³⁶ Знакомый Сквороды, священник, у которого снимал квартиру М. Ковалинский. — 245.

²³⁷ Страсти (греч.). — 246.

²³⁸ Духовный меч (греч.). — 246.

²³⁹ Тщеславие (греч.). — 246.

²⁴⁰ «Среди рожденных женами нет пророка более значительного, чем Иоанн Креститель» (греч.) (Евангелие от Луки, гл. 7). Иоанн Креститель считается церковью одним из наиболее выдающихся пророков — непосредственным предшественником Христа, и поэтому его называют Предтечей. Согласно Библии, он был обезглавлен иудейским царем Иродом по капризу Иродиады, которой и была преподнесена его голова. — 247.

²⁴¹ Принятия (греч.). — 248.

²⁴² Иоанн (греч.). — 248.

²⁴³ Приготовлениями (греч.). — 248.

²⁴⁴ Поясом (греч.). — 248.

²⁴⁵ Проповедь (греч.). — 248.

²⁴⁶ О монашеской жизни (греч.). — 248.

²⁴⁷ *Евагрий Понтийский* (прибл. 345—406) — монах, ученик Оригена, миссионер в Египте, автор книги о монашестве. — 248.

²⁴⁸ Отдых и спокойствие, времяпрепровождение в Христовой мудрости (греч.). — 249.

²⁴⁹ «Итак, предпочитай и люби уединенную жизнь, которая дает возможность пользоваться плодами спокойствия; оставь там мирские хлопоты, т. е. стань бесплотным, бесстрастным, дабы, сделавшись чуждым всех несчастий, протстекающих от мирских забот, ты мог хорошо воспользоваться покоем» (греч.). — 249.

²⁵⁰ «Не люби жить с людьми плотскими; либо живи один, либо с братьями бесплотными и единомышленниками твоими» (греч.). — 249.

²⁵¹ Монаха (греч.). — 249.

Был монахом (греч.). — 249.

²⁵³ Соученик Григорий Сковорода (греч.). — 249.

²⁵⁴ Всеоружием (греч.). — 249.

²⁵⁵ Не полезен (греч.). — 250.

²⁵⁶ Растущая (греч.). — 250.

²⁵⁷ Речь идет о персонаже комедии Теренция «Евнух». — 250.

²⁵⁸ Персонаж из той же комедии Теренция. — 250.

²⁵⁹ Альфа софистов (греч.). — 250.

²⁶⁰ Говорится об Алене Рене Лесаже (1668—1747) — французском писателе, авторе романа «История Жиль Бласа де Сантильяна». Этот роман пользовался огромной популярностью, в том числе и в России, где был переведен на русский язык и издан в Петербурге в 1760—1761 гг. Экземпляр этого издания сохранился в библиотеке Харьковского коллегіума. Приведенные в письме строки выражают идею поисков надежной гавани и многократно цитируются Сковородой в философских произведениях. — 251.

²⁶¹ Харьковский священник, с которым Сковорода поддерживал дружеские отношения. — 252.

²⁶² Необщительность (греч.). — 252.

²⁶³ Т. е. Горация. Стихотворение является свободным переводом начала второй эподы. Эподами назывались стихотворения Горация — отклики на события современности, написанные ямбами с короткими припевами. Сковорода проявляет стремление приблизить поэзию Горация к собственным морально-этическим принципам. — 253.

²⁶⁴ Речь идет об одном из друзей Коваливского, Николае Заводовском, сначала студенте, а впоследствии преподавателе Харьковского колледжума (см. А. М. Ніженець. На зламї двох світів, стр. 137). — 253.

²⁶⁵ «Радуйся, любимый мой кузнечик и дорогой муравей! Михаил, любимец муз!» (греч.). — 254.

²⁶⁶ Представление о том, что кузнечики (цикады) питаются росой, восходит к античности. В частности, оно встречается в «Буколиках» Вергилия. — 254.

²⁶⁷ Росоносная (греч.). — 254.

²⁶⁸ Бестелесен (греч.). — 254.

²⁶⁹ Нечистоты (греч.). — 254.

²⁷⁰ В древности считалось, что муравьи способны выносить из подземных пещер золото. Очевидно, высказывание Василия Великого по этому поводу взято из уже упоминавшейся книги посланиц, составленной Эразмом Роттердамским. — 254.

²⁷¹ Лидийская глыба — пробный камень, от названия камня, добываемого в Лидии. — 254.

²⁷² Символом библейского апостола Луки считается телец, а сам он сравнивается с волком, который молотит зерно. — 255.

²⁷³ Христолюбец (греч.). — 255.

²⁷⁴ Зрелища (греч.). — 255.

²⁷⁵ Мудрец (греч.). — 255.

²⁷⁶ Циклоп — в древнегреческой мифологии одноглазый великан-людоед, миф о котором использован в гомеровской «Одиссее». — 256.

²⁷⁷ Человеколюбие (греч.). — 256.

²⁷⁸ Троя — город в Малой Азии, который был разрушен во время так называемой Троянской войны в начале XII в. до н. э. Об этом рассказывается в гомеровской «Илиаде». — 256.

²⁷⁹ Имеется в виду плач народа в церкви по поводу смерти игумена Покровского коллегиального монастыря Константина Бродского, умершего 28 октября 1763 г. (см. Л. Махновець. Про хронологію листів Сковороди. — «Радянське літературознавство». 1972, № 4, стр. 64). Высказанное здесь отношение Сковороды к смерти и к культивируемому церковью отношению к ней во многом объясняет причины враждебности реакционного духовенства к свободомыслию Г. Сковороды. — 256.

²⁸⁰ «Будь счастлив» (греч.). — 256.

²⁸¹ «Никто заблуждающийся никогда не взирал на него и не познал его» (греч.). — 257.

²⁸² «Оставь земные заботы! Блажен действительно презирающий землю» (греч.). — 257.

- 283 «Послушай слова от чистого сердца» (греч.). — 257.
- 284 Полководцем (греч.). — 257.
- 285 Твой соученик Григорий Саввич (греч.). — 257.
- 286 Написал (греч.). — 257.
- 287 *Киммерийский мрак* — очевидно, речь идет о древних киммерийцах, населявших территорию Крыма и Северного Причерноморья. В поэзии — северный, сумрачный. — 258.
- 288 Думая об этом (греч.). — 258.
- 289 Неразговорчивыми (греч.). — 258.
- 290 «Я с вамп, и никто против вас» (греч.). — 258.
- 291 Пир мудрецов (греч.). Упоминаемый здесь пир мудрецов, по мнению Л. Махновца, — это торжество, устроенное руководством Харьковского коллегіума по случаю инспекционного приезда в Харьков только что назначенного белгородского епископа Порфирія Крайского. По-видимому, игнорирование этого события и стало причиной травли Сковороды новым начальством (см. об этом Л. Махновець. Про хронологію листів Сковороди. — «Радянське літературознавство», 1972, № 4, стр. 65). — 259.
- 292 Глупомудрые (греч.). — 259.
- 293 Соученик Григорий Саввич (греч.). — 259.
- 294 Благороднейший (греч.). — 259.
- 295 В этом письме говорится о преследованиях и интригах вокруг Сковороды, слежке за его поведением и отношениями с М. Ковалевским. — 259.
- 296 «Лучше повиноваться богу, чем людям» (греч.). — 259.
- 297 О делах божьих (греч.). — 259.
- 298 «Христос — жизнь или смерть!» (греч.). — 259.
- 299 «Мы не можем не говорить о том, что узнали и услышали» (греч.). — 259.
- 300 Быть униженным (греч.). — 259.
- 301 Бог (греч.). — 260.
- 302 Бог мира (греч.). — 260.
- 303 Венец мой (греч.). — 260.
- 304 Скорпион (греч.). — 260.
- 305 Металла (греч.). — 260.
- 306 Лекарством (греч.). — 260.
- 307 «И любил греческие музы вместе с добродетелью!» (греч.). — 261.
- 308 Истинный [друг] Григорий Саввич (греч.). — 261.
- 309 Речь идет о префекте Харьковского коллегіума Лаврентии Кордете, который сочувствовал Сковороде, выступая против склок и интриг, поощряемых П. Крайским. См. письмо Сковороды Нову Базилевичу. — 261.

- ³¹⁰ Такое двуступище (греч.). — 261.
- ³¹¹ Делосского (греч.). — 261.
- ³¹² За загадку (греч.). — 261.
- ³¹³ Обезьяна (греч.). — 261.
- ³¹⁴ Мерзавцам (греч.). — 261.
- ³¹⁵ Бог (греч.). — 261.
- ³¹⁶ «Будь храбрым человеком» (греч.). — 262.
- ³¹⁷ «Твой Григорий Саввич» (греч.). — 262.
- ³¹⁸ Близость и общение (греч.). — 262.
- ³¹⁹ Злейший зверь (греч.). — 262.
- ³²⁰ Дий (Зевс) (греч.). — 262.
- ³²¹ «Надо быть мужественным, милый Батт: возможно, завтра будет лучше» (греч.). Сковорода называет своего ученика Баттом — именем одного из пастухов из идиллии Феофрита. В идиллиях Феофрита выступают два пастуха — честный и откровенный Корпдан и насмешливый, подтрунивающий над ним Батт. — 262.
- ³²² Собеседник Григорий Саввич (греч.). — 262.
- ³²³ «Здравствуй, самый дорогой для меня из самых дорогих, драгоценнейший Михаил!» (греч.). — 263.
- ³²⁴ *Сатурн* — в древнегреческой мифологии бог времени, покровитель плодородия. С эпохой Сатурна связано представление о золотом веке человечества — равенстве, мире и благополучии. Сковороде привлекала эта утопическая идея «золотого века», мечта о всеобщей справедливости. — 263.
- ³²⁵ Жизнь Кроноса (греч.). *Кронос* (Крон) — одно из наиболее древних греческих божеств, титан, побежденный Зевсом и сброшенный им в Тартар. — 263.
- ³²⁶ В Древнем Риме право носить шапку принадлежало только свободным, рабы были лишены этого права. — 263.
- ³²⁷ К свободе (греч.). — 263.
- ³²⁸ Палку (греч.). — 263.
- ³²⁹ *Захария* — библейский пророк, которому приписывают авторство одной из книг Ветхого завета. — 263.
- ³³⁰ Молчание (греч.). — 263.
- ³³¹ Легендарная «Грамота Александра Македонского славянам» давала последним право свободного проживания на землях от Дона и Каспийского моря до Балтийского и Адриатического морей. «Грамота» пользовалась популярностью среди угнетенных славян, борющихся за свое социальное и национальное освобождение. — 263.
- ³³² Мое сокровище (греч.). — 263.
- ³³³ Литургии (греч.). — 263.
- ³³⁴ Книголюбом (греч.). — 263.
- ³³⁵ Приняв (греч.). — 264.

- ³³⁶ Печали (греч.). — 264.
- ³³⁷ Предзнаменование (греч.). — 264.
- ³³⁸ Проникнутый духом блудодеяния (греч.). — 264.
- ³³⁹ Демон печали (греч.). — 264.
- ³⁴⁰ Апокалиптический (греч.). — 265.
- ³⁴¹ Печаль (греч.). — 265.
- ³⁴² Село Великий Бурлук на Харьковщине, где Сковорода часто бывал у своих друзей (ныне поселок городского типа, райцентр). — 266.
- ³⁴³ «Спешн медленно» (греч.) — выражение, приписываемое римскому императору Августу (см. т. 1, стр. 493, прим. 6). Однако этот призыв впервые встречается еще у греческого драматурга Софокла в трагедии «Антигона». — 266.
- ³⁴⁴ Ветхий днями (греч.). — 266.
- ³⁴⁵ Сущий (греч.). — 266.
- ³⁴⁶ Христос (греч.). — 266.
- ³⁴⁷ *Едом* и *Идумея* — упоминаемые в Библии города и земли язычников. — 266.
- ³⁴⁸ Сокровища (греч.). — 266.
- ³⁴⁹ Снона (греч.). — 267.
- ³⁵⁰ Фимиама (греч.). — 267.
- ³⁵¹ «С днем рождения, о любезнейшая душа моя, трижды желанный Михаил, радуйся!» (греч.). — 267.
- ³⁵² Три поэтические строфы (греч.). — 267.
- ³⁵³ *Калистрат* — монах Киево-Печерской лавры, сетовавший на свою монашескую судьбу, которую он избрал вопреки призванию. Сковорода познакомился с ним во время посещения Киева в августе 1764 г. — 267.
- ³⁵⁴ С четырьмя ушами (греч.). До того как окончательно оформился широко известный классический образ бога *Аполлона*, спартанцы изображали его с четырьмя руками и четырьмя ушами (см. *А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 284.*) — 268.
- ³⁵⁵ Двудиким (греч.). *Янус* — древнеримское божество, которое сначала считалось покровителем света и солнца, а потом божеством всех начал и, в частности, божеством времени. Изображался с двумя лицами, одно из которых обращено в прошлое, а другое — в будущее. При этом одно из лиц изображалось молодым, второе — старым. — 268.
- ³⁵⁶ Речь, по-видимому, идет о «видениях» Аввакума на башне, описанных в его книге в Ветхом завете. — 268.
- ³⁵⁷ Очевидно, Сковорода имеет в виду рассуждения апостола Павла о мере. — 268.

³⁵⁸ *Яков Правицкий* — в то время студент Харьковского колледжума, а впоследствии друг Сковороды, переписывавшийся с ним и хранивший его сочинения. — 269.

³⁵⁹ *Василий Белозер* — студент Харьковского колледжума, приятель М. Ковалинского и его младших братьев — Григория и Максима. — 269.

³⁶⁰ *Менандр* (340—292 гг. до н. э.) — греческий драматург, автор бытовых комедий, оказавших большое влияние на развитие комедии в последующий период. — 269.

³⁶¹ Это место о морской болезни в письме Сковороды, по-видимому, является пересказом следующего отрывка из письма византийского писателя Василия Кесарийского: «Я подобен тем, кто на море от непривычки к плаванию болеет и страдают от тошноты, они сваливают вину на то, что корабль очень велик, думая, что поэтому его так сильно качает; они переходят с него в ладью и лодку, но и там страдают от тошноты и болеют, поскольку их не покидает тоска и желчь. Таково и наше состояние: нося в себе страсти, мы не освобождаемся от волнений (цит. по: Т. А. Миллер. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста. — В кн.: «Античность и современность». М., 1972, стр. 363). *Трирема* — судно с тремя ярусами весел у древних греков и римлян. — 269.

³⁶² *Александр Македонский* (356—323 гг. до н. э.) — царь Македонии, выдающийся полководец и государственный деятель античной эпохи. *Кратес* (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ-киник. — 270.

³⁶³ *Диоген* — философ-киник. О ссылке Диогена говорится в трактате Плутарха «О спокойствии души» (см. стр. 354 настоящего тома). — 270.

³⁶⁴ *Зенон Китионский* (прибл. 336—264 гг. до н. э.) — древнегреческий философ из Китиона, основатель стоицизма. Сведения о нем взяты из той же книги Плутарха. — 270.

³⁶⁵ В Древней Греции *плац* считался обязательной принадлежностью философа. *Портик* стоиков — место в Афинах, где Зенон обучал своих учеников-стоиков. — 270.

³⁶⁶ Греческий философ Платон, желая убедить сиракузских тиранов создать государство по задуманному им образцу, трижды посетил Сиракузы. Однако все попытки окончились неудачей: Дионисий Старший, по преданию, даже продал Платона в рабство. — 270.

⁷ ^a Военный лагерь, местопребывание, берег. ^b Это может быть сказано словом $\delta \acute{\alpha}\delta\eta\varsigma$ — «подземелье темное и тесное».

^v Вспомни слово... — 274.

³⁶⁸ Софизмами дьявола (греч.). — 275.

³⁶⁹ Сельская жизнь (лат.). — 275.

³⁷⁰ «В уединении — не один, в бездействии — за работой, в отсутствии — присутствует, в крушении — невредим, в печали — доволен» (лат.). — 275.

³⁷¹ Местность возле г. Купянска на Харьковщине. — 275.

³⁷² *Ютка, бурка кирейная* — верхняя одежда из грубого сукна. — 275.

³⁷³ Работа (лат.). — 275.

³⁷⁴ «Сменить землю на ту, которую греет другое солнце». — 275.

³⁷⁵ «Как говорит твой Гораций: много достичь за короткую жизнь. Но то же самое и значит терзаться этим демоном» (лат.). — 275.

³⁷⁶ «Не удовлетворяет тебя твое учение? И в тебе сидит тот же демон. Мне не нравится, что я недостаточно музыкален? Что меня мало хвалят? Что терплю удары и поношения? Что я уже стар? Недоволен, что мне что-либо не по душе? Раздражаюсь из-за бесчестного поведения врагов и порицателей? Не они, но тот же бес мне причивляет это беспокойство: что такое смерть, бедность, болезни? Что такое, когда являешься для всех посмешищем? Когда надежда на будущее ослабевает? Разве душа не страдает от этого самым жалким образом, как бы поднятая дуновением ветра и гонимая вихрем?» (лат.). — 276.

³⁷⁷ Автограф письма не сохранился, известна лишь рукописная копия, хранящаяся в отделе рукописей Института литературы АН УССР им. Т. Г. Шевченко (ф. 86, № 25). В издании 1961 г. письмо напечатано среди писем к неизвестным лицам. По мнению Л. Махновца, это и есть упоминаемое в письме Сковороды от 26 сентября 1790 г. «закосневшее письмишко гусинковское», адресованное М. Ковалинскому (см. *Л. Махновець*. Про хронологію листів Сковороди. — «Радянське літературознавство», 1972, № 4, стр. 67). — 276.

³⁷⁸ *Юфть* — специально обработанная кожа. — 276.

³⁷⁹ Молитва к богу о городе Харькове из такого зерна Захарии-пророка: «Семь очей господа...»

Захария проповедует, что у тебя семь очей.

Седьмое око — город Захарии.

Этим семи очам ты один, Христос, зеница.

Слепые очи, когда зеница закрыта.

О, раскрой твои очи, пожалев его!

Так город Захарии будет настоящим солнцем (лат.). — 278.

³⁸⁰ Будешь слагать славянские стихи (лат.). — 278.

³⁸¹ Речь идет о Якове Правицком, у которого, по-видимому, хранился автограф «Авигеи», т. е. «Иконы Алкивиадской». — 278.

³⁸² Диалог «Разглагол о древнем мире». — 278.

³⁸³ «Чтобы отличить от этого» (лат.). — 278.

³⁸⁴ Диалог «Брань архистратига Михаила со Сатанюю». — 278.

³⁸⁵ Речь идет о переведенной Сквородой с латыни оде Сидрония де Гошия (1504—1579), известного под именем Гоший (Hosschius), новолатинского фламандского поэта. Произведения его были опубликованы в 1584 г. См. стр. 366—369 наст. тома. — 278.

³⁸⁶ Т. е. в деревне Ивановке, где и умер Скворода. Ныне село Сквородиновка Золочевского района Харьковской области. Там находится могила и государственный музей-заповедник Г. С. Сквороды. — 278.

³⁸⁷ Приведенный ниже список произведений Сквороды является основным руководством исследователей рукописного наследия философа. На сегодняшний день все оригинальные произведения и переводы опубликованы. Из отмеченных в списке переводов до сих пор не обнаружено четырех переводов произведений Плутарха: «О смерти» и «О божием правосудии», «О хранении от долгов» и «О вожделении богатства» — 279.

³⁸⁸ Речь идет о диалоге Сквороды «Асхань». — 280.

³⁸⁹ Не приносит пользы урожай, если нет хорошего ухода. Источник расточает воду, сосуд ее хранит (лат.). — 280.

Якову Правицкому

Скворода познакомился с Я. Правицким во время работы в качестве преподавателя Харьковского коллегиума, где обучался Правицкий. После окончания коллегиума Правицкий стал священником в селе Бабаях под Харьковом. С ним Скворода поддерживал дружеские отношения и во время странствий. По-видимому, писем было больше, чем сохранилось до наших дней. Наиболее раннее письмо относится к 1782 г., а наиболее позднее — к 1792 г. Автографы девяти писем хранятся в Архиве АН СССР в Ленинграде среди бумаг И. И. Срезневского (ф. 216, оп. 3, № 226). Отрывки из писем Правицкому публиковались И. И. Срезневским в альманахе «Молодик на 1844 год». Полностью эти 9 писем опубликованы В. И. Срезневским в журнале «Библиограф» (1894, № 1, стр. 1—21).

Остальные письма Я. Правицкому сохранились в разных архивах. Письмо от 30 мая 1791 г. (№ 91) обнаружено М. Мольнаром в литературном архиве Пражского национального музея и опубликовано в журнале «Радянське літературознавство» (1958, № 2, стр. 113—116). Письмо от 5 января 1792 г. сохранилось в автографе, который находится в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (шифр авт. 6/2).

¹ Копия данного письма хранится в Государственном Историческом музее в Москве под шифром «Бахрушн 5». Адресат в письме не указан. Л. Махновец считает, что письмо адресовано Я. Правицкому (см. *Л. Махновец. Про хронологию листів Г. С. Сковороди. — «Радянське літературознавство», 1972, № 10). — 281.*

² Чтимый во Христе мой отче!

Мир тебе в нашем боге!

Пребыванию в тлени, праведно несу [бренные] кости.

Бог для меня — разум (лат.), скала, надежда и любовь (греч.). — 281.

³ Речь идет о диалоге «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни», помещенном в первом томе настоящего издания. — 283.

⁴ Апостол Петр. — 283.

⁵ «Что такое чад сей? Иногда шутим: чад сей — северная чума. Константинопольская чума убивает в три дня, а эта — за три часа. Что волнует народ? Не что иное, как чума и» (лат.)... (далее неразборчиво). — 285.

⁶ Кто Христа знает, то не важно, что он не знает чего-то
другого,

Кто Христа не знает, то не важно, что он знает другое
(лат.). — 285.

«Большинство в самих себе видит смерть. А мы (лат.) — воскресение» (греч.). — 285.

⁸ Поздравляю, приветствую, по-гречески (лат.) — поздравляю (греч.). — 286.

⁹ «Бог сотворил нам этот покой. Тогда наконец познается ценность времени, когда оно утрачено» (лат.). — 287.

¹⁰ Диалог «Асхань». — 288.

¹¹ После написанного (лат.). — 288.

¹² Общий знакомый Г. Сковороды и Я. Правицкого. — 289.

¹³ Копия письма хранится в Архиве АН СССР в Ленинграде (ф. 216, оп. 3, № 1004). Письмо впервые опубликовано в издании 1894 г. Д. И. Багалеем. В издании 1961 г. письмо также напечатано среди писем к неизвестным лицам. Л. Махновец считает, что оно адресовано Я. Правицкому (см. *Л. Махновец. Про хронологию листів Сковороди. — «Радянське літературознавство», 1972, № 10). — 289.*

¹⁴ Диалог «Брань архистратига Михаила со Сатаною». — 289.

¹⁵ *Аверн* — по мифологическим представлениям, вход в подземное царство. — 290.

¹⁶ Пересказ (греч.). — 290.

¹⁷ Ношу на копые (греч.). — 291.

- ¹⁸ Копьевосный (греч.). — 291.
- ¹⁹ «Мутил и волновал воду, чтобы всплыло это железо» (лат.). — 291.
- ²⁰ «Взболтай воду и останется масло» (лат.). — 291.
- ²¹ *Агарино дитя* — раб. См. прим. 17 к «Книжечке... нареченной Жена Лотова». — 291.
- ²² Общий знакомый Я. Правецкого и Г. Сквороды. — 292.
- ²³ Возлюбленный во господе брат Яков! Мир и радость тебе от господа бога (греч.). — 293.
- ²⁴ Имеется в виду библейская легенда об излечении пророком Елисеем сына вдовы, который до того в течение многих лет лежал недвижым. — 294.
- ²⁵ *Пентекостия* — пятидесятница, христианский религиозный праздник. — 294.
- ²⁶ Помещики Захаржевские оказывали покровительство Сквороде. С Я. М. Донец-Захаржевским Скворода был в переписке и подарил ему перевод книги Плутарха «О спокойствии душ». — 295.
- ²⁷ Имеется в виду М. Ковалевский. — 295.
- ²⁸ Общие знакомые Сквороды и Я. Правецкого. — 295.
- ²⁹ Очевидно, А. Ю. Сошальского, приятеля Сквороды. — 295.
- ³⁰ «Делая из мухи слона» (лат.). — 295.
- ³¹ «О, нарушенное согласие!» (лат.). — 296.
- ³² Речь идет об одной из многочисленных проповедей Иоанна Златоуста. См. прим. 3 к «Брани архистратига...». — 296.

Разным лицам

Помещенные в этом разделе письма Сквороды, адресованные различным известным и неизвестным лицам, сохранились отчасти в автографах, частично в списках и публикациях. Их адресаты — люди, с которыми встречался Скворода в своей жизни и с которыми его связывала определенная общность интересов или взглядов. В письмах мало бытовых подробностей и автобиографических моментов, в большинстве своем они затрагивают те же вопросы философии морали, которые определяют направление его поисков в философских произведениях.

Значительная часть писем разным лицам сохранилась в рукописном собрании М. Ковалевского, и поэтому некоторые из них до последнего времени считались адресованными ему.

Особую группу писем составляют те, которые в издании 1961 г. печатались как письма, адресованные неизвестным лицам. Они впервые были опубликованы Д. П. Багалеем в 1894 г. под заглавием

«Письма к неизвестному». Однако их содержание убедительно свидетельствует, что они адресованы разным лицам. Сохранились два списка этих писем. Один из них под названием «Письма Григория Саввича сына Сквороды к приятелям» содержит копии десяти писем и хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 25). Копии были сделаны с ошибками и пропусками. Второй список, найденный И. А. Табачниковым, включающий семь писем, хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (отдел рукописей, ф. 14, № 782). Этот список позволяет сделать некоторые уточнения и исправить ошибки предыдущего. Поэтому тексты семи писем даются по списку Библиотеки им. В. И. Ленина.

¹ Это одно из наиболее ранних писем Г. Сквороды. Оно сохранилось в автографе среди писем М. Ковалинскому, поэтому во всех прежних публикациях давалось как письмо, адресованное ему, несмотря на то что обращение «святой отец» (*pater agios*) не могло относиться к студенту. Личность адресата и время написания письма установил Л. Махновец (см. *Л. Махновець. Про хронологію листів Сквороди. — «Радянське літературознавство», 1972, № 10*). Иоиль — конспиторский писарь в Переяславе, знакомый Сквороды, приятель Гервасия Якубовича (см. «Архив Юго-Западной России», 1864, т. 1, ч. 1, стр. 12). — 297.

² Наступил Новый год, радуйся но-новому, святой отец!
Пусть хорошим будет тебе новый год!
С новым здоровьем, друг, с новым счастьем!
Об этом, дорогой Иоиль, молится Григорий,
Новый любитель эллинов, а твой старый друг (греч.). — 298.

³ *Гервасию Якубовичу*. Как и предыдущее, это письмо также одно из наиболее ранних. За исключением песни, оно написано по-латыни, как и предыдущее, сохранилось среди писем Сквороды к Ковалинскому (ф. 86, № 24, стр. 66—67). Впервые опубликовано Д. Багалеем в издании 1894 г. Его адресат — белгородский архимандрит Гервасий Якубович. Песня эта, по-видимому, не дошла до адресата, поскольку автограф письма оказался у М. Ковалинского. Позднее Скворода включил ее в стихотворный сборник «Сад божественных песен». — 298.

⁴ Преподобному во Христе отцу Гервасию (лат.). — 299.

⁵ *Кириллу — Ф. Ляшевецкому* (1761 г.). Автограф письма сохранился среди писем М. Ковалинского (ф. 86, № 24). Впервые опубликовано Д. Багалеем в издании 1894 г. на языке оригинала (на латыни). *Кирилл* — это монашеское имя Федора Ляшевецкого, друга и земляка Сквороды, настоятеля Тронце-Сергиевой лавры,

впоследствии Воронежского и Черниговского епископа. В 1755 г. Сковорода посетил Тропче-Сергпеву лавру и получил от Кирилла приглашение стать преподавателем семинарии. — 300.

⁶ Истинный (греч.). — 300.

⁷ *Сардапал* — последний ассирийский царь, прославившийся любовью к роскоши, пышными пирами и изнеженностью. Его образ вошел в литературу благодаря философам-кинникам, с наследием которых Сковорода был хорошо знаком. — 300.

⁸ «Я все претерпел и считаю это безделицей, лишь бы обрести Христа» (греч.). — 300.

⁹ «Стремлюсь, может быть, достигну» (греч.). — 300.

¹⁰ «Я все претерпел, чтобы познать его, силу его воскресения и удел его страданий» (греч.). — 300.

¹¹ «Познать его и силу его воскресения» (греч.). — 300.

¹² «Ибо кто узнал разум господен?» (греч.). — 301.

¹³ Цитата взята из книги Сенеки «Письма к Луцилию» (41, 1—2), написанной в 63—64 гг. н. э. (см. «Антология мировой философии» в четырех томах, т. 1., ч. 1. М., «Мысль», 1969, стр. 508). — 301.

¹⁴ *Ф. А. Жебокрицкому*. Написано в 1764 г. Автограф письма сохранился в собрании М. Ковалинского (ф. 86, № 24, л. 105). Письмо впервые опубликовано Д. И. Багалеем. Кто такой Ф. Жебокрицкий, установить не удалось. В письме говорится и о других письмах Сковороды этому адресату. — 301.

¹⁵ В древности считалось, что Аполлон отвращает от человека всякие несчастья и защищает его. — 302.

¹⁶ Господа (греч.). — 302.

¹⁷ Стойкость (греч.). — 302.

¹⁸ Строителя (греч.). — 302.

¹⁹ Автограф письма Василию Максимовичу сохранился в собрании М. Ковалинского. Известны и копии с него. Впервые опубликовано Д. И. Багалеем в издании 1894 г. Фамилию и личность адресата установить не удалось. Не знал его и М. Ковалинский, который использовал письмо при написании биографии Сковороды. Письмо является важным источником характеристики философских взглядов Сковороды. — 302.

²⁰ *Максим Исповедник* (582—662) — один из отцов церкви, философ, знаток Платона, Аристотеля и неоплатоников. — 303.

²¹ Сковорода отвергает обвинение в манихействе, которое выдвигали против него церковники. Манихейство — религиозное учение, основанное легендарным персидским мудрецом Мани. Манихейство сочетало в себе элементы христианства с элементами религии древних персов, получило широкое распространение в Римской империи в III—X вв. Как ересь манихейство жестоко преследова-

лось христианской церковью. И хотя сам Сковорода отвергал свою причастность к этому учению, определенные стороны его учения, несомненно, перекликаются с манихейской ересью. — 305.

²² Письмо *Иову Базилевичу* обнаружено в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (фонд Титова, № 1395). Впервые опубликовано П. Поповым в сборнике «Радянське літературознавство» (1955, № 18). *Иов Базилевич* — с 1763 г. ректор Харьковского коллегиума, где в то время работал Сковорода. — 306.

²³ *Лаурентий Кордет* — с 1758 г. префект Харьковского коллегиума, профессор философии, человек прогрессивных убеждений, широких и глубоких научных интересов. — 306.

²⁴ Сведущий в экономике муж (греч.). — 306.

²⁵ И географию (греч.). — 306.

²⁶ «Способен и к наукам, и к практическим делам» (греч.). — 306.

²⁷ Пробным камнем (греч.). — 307.

²⁸ «Подобное к подобному ведет бог» (греч.). — 307.

²⁹ Письмо публикуется по копии Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 14, № 782), где оно находится под седьмым номером. Копия сопровождается примечанием: «Спе письмо с Харькова 1772 года, августа, 20-го числа». Л. Махновец считает, что это письмо адресовано В. Томаре — ученику Сковороды, который в то время служил в Грузии (см. *Л. Махновець. Про хронологію листів Сковороди.* — «Радянське літературознавство», 1972, № 10, стр. 39). — 307.

³⁰ *Катон Старший* — главный собеседник книги Цицерона «О старости». — 307.

³¹ Письмо публикуется по списку Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 14, № 782), где оно находится под вторым номером. Копии предшествует запись переписчика: «На некоторое сомнение, письмо писано Якову Ивановичу Долганскому». Я. И. Долганский — художник из г. Острогжска, с которым Сковорода поддерживал дружеские отношения. По-видимому, он является прототипом одного из собеседников его философских трактатов 70-х годов. — 308.

³² Автограф письма хранится в Киевском филиале Государственного исторического архива УССР (ф. 221, оп. 1, ед. сохр. 421). Письмо впервые опубликовано в журнале «Червоний шлях» (1924, кн. 3, стр. 255—257). — 310.

³³ *В. С. Тевяшов* — воронежский помещик, сын полковника С. И. Тевяшова. Автограф письма хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (собрание рукописей Н. П. Погодина, № 192). Письмо впервые опубликовано П. Н. Поповым в журнале «Вісник Академії наук УРСР», 1954, № 4, стр. 61—62). — 311.

³⁴ Речь идет о диалоге «Кольцо», посвященном В. С. Тевяшову. — 311.

³⁵ Письмо публикуется по копии из собрания М. Ковалинского (ф. 86, № 25). По своему стилю письмо отличается от частной переписки Сквороды. Л. Махновец считает, что оно составлено Г. Сквородой вместе с М. Ковалинским новому генерал-губернатору с просьбой принять Сквороду на должность преподавателя Дополнительных классов при Харьковском коллегиуме. Однако эта просьба осталась неудовлетворенной. — 312.

³⁶ Письмо впервые опубликовано П. Н. Поповым в журнале «Литературна критика» (1939, № 11, стр. 103 — 104). Фамилия адресата И. Г. Диского установлена автором первой публикации. — 312.

³⁷ Сохранилась копия письма, которая ныне находится в Институте литературы АН УССР (ф. 86, № 1). Впервые опубликовано в издании И. Т. Лысенкова в 1861 г. Л. Махновец установил фамилию адресата: А. Д. Карпов, купец первой гильдии, один из самых богатых харьковских купцов. — 313.

³⁸ С. Н. Курдюмов — харьковский купец, знакомый Сквороды, председатель городского управления, впоследствии один из инициаторов по собиранию средств для открытия Харьковского университета. — 314.

³⁹ В. М. Земборский — харьковский помещик, с семьей которого Скворода поддерживал дружеские связи и неоднократно жил в его имении. Сохранилась копия письма в собрании М. Ковалинского (ф. 86, № 24, лл. 127—128). Письмо впервые опубликовано Д. И. Багалеем в собрании 1894 г. на стр. 108—110. В списке ошибочно названа фамилия адресата — Зембровский. — 314.

⁴⁰ Копия письма сохранилась в собрании М. Ковалинского (ф. 86, № 24, лл. 129—130). Письмо впервые опубликовано Д. Багалеем в издании 1894 г. на стр. 110—112. — 316.

⁴¹ *Зерно кориандрово* — плод кориандра, растения семейства зонтичных, из которого получают эфирное кориандровое масло, используемое в производстве душистых веществ. — 316.

⁴² *Стерво* — здесь тело. — 317.

⁴³ *Драгма* — см. т. 1, стр. 482, прим. 10. — 317.

⁴⁴ Адресат письма О. Ю. Сошальский — знакомый Сквороды. С Сошальскими, в частности с упоминаемым в письме Алексеем, Скворода поддерживал дружеские отношения. Письмо было известно по утраченной ныне копии И. И. Срезневского. Опубликовано впервые Д. И. Багалеем на стр. 112—113 издания 1894 г. — 318.

⁴⁵ *Маргарит* — см. т. 1, стр. 482, прим. 9. — 318.

⁴⁶ Катехизис — церковно-учебное пособие, излагающее в вопросно-ответной форме догматы церкви. — 318.

⁴⁷ *Корван*, корванка — кружка для собирания церковных пожертвований; здесь сребролюбие, деньги. — 318.

⁴⁸ «Демон против демона не свидетель, волк не ест волчьего мяса» (лат.). — 319.

⁴⁹ Этот отрывок из письма сохранился в Архиве АН СССР в Ленинграде среди бумаг И. И. Срезневского (ф. 216). Впервые опубликован Д. И. Багалеем в 1894 г. как отрывок письма к неизвестному лицу. Л. Махновец высказал мнение, что письмо адресовано Харьковскому куцу С. Н. Курдюмову. Письмо направлено из Таганрога (1781 г.). — 319.

⁵⁰ *Коты* — вид зимней обуви. — 319.

⁵¹ Обращение к духу-утешителю. — 319.

⁵² «Со всем твоим домом и семьей во господе Иисусе Христе!» (лат.). — 319.

⁵³ Пусть он пришлет мне первую и последнюю струны для скрипки по крайней мере, хотя бы последнюю (лат.). — 320.

⁵⁴ В беге соревнуются многие, победа же достается немногим. Учатся многие, муза же благоволит немногим.

Плавает несчастливо тот, кто не умеет достичь порта,
Счастливо плавает тот, кому опора — бог (лат.). — 320.

⁵⁵ Письмо сохранилось в копии среди писем М. Ковалинскому. Впервые опубликовано Д. И. Багалеем в издании 1894 г. на стр. 127—129. Адресат письма — И. В. Земборский, фамилию эту установила А. М. Ниженец, которая утверждает, что это сын В. М. Земборского, бывший ученик Сквороды в Харьковском коллегии (см. А. *Ниженец*. На злами двох світів. Харків, 1970, стр. 169). — 320.

⁵⁶ Имеется в виду басня на сюжет Эзопа о собаке и куске мяса, утерянном собакой, погнавшей за собственным отражением в воде. — 321.

⁵⁷ «Сначала телесное, потом духовное» (лат.). — 321.

⁵⁸ Автограф письма сохранился в собрании М. Ковалинского (ф. 86, № 7). Письмо опубликовано впервые Д. И. Багалеем в издании 1894 г. на стр. 129. — 322.

⁵⁹ Благороднейший господин! (лат.). — 322.

⁶⁰ Сердцевина (лат.). — 322.

⁶¹ Речь идет о трактате «Начальная дверь к христианскому добронравью». — 322.

⁶² «Да воздаст тебе бог, который всем бедным кормилец. Амшь! Твой слуга Григорий Скворода. Декабря, в день святого Амвросия» (греч.). — 322.

⁶³ Ни автографа, ни копий письма не сохранилось. Письмо впервые опубликовано Л. Б. Вейнбергом в журнале «Русская старина» (1891, сентябрь, стр. 403) как письмо, адресованное генерал-губернатору А. В. Черткову. Однако маловероятно, чтобы с подобной просьбой Скворода обращался к генерал-губернатору. Возможно, это полковник С. И. Тевяшов, с которым Скворода общался и которому дарил свои сочинения. — 323.

⁶⁴ Кто такой *Аверкий*, установить не удалось. — 323.

⁶⁵ Григорий Ковалинский — брат М. Ковалинского, жил в Таганроге, где побывал в 80-х годах и Скворода, затратив почти год на дорогу, по воспоминаниям Гес де Кальве (см. «Украинский вестник», 1817, апрель, ч. IV, стр. 106—131). Автограф письма хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (фонд Титова). Письмо впервые опубликовано П. Н. Поповым («Радянське літературознавство», 1955, № 18, стр. 66—67). — 323.

⁶⁶ Письмо впервые опубликовано П. Н. Поповым («Радянське літературознавство», 1955, № 18, стр. 67—70). Фамилия адресата не указана, хотя из содержания письма ясно, что он был общим знакомым Сквороды и Ковалинских. А. Ниженец считает, что это Алексей Базилевич — воспитанник Харьковского коллегиума, слушатель курса «добронравия», прочитанного Сквородой в Дополнительных классах при коллегиуме (см. *А. Ніженець*. На зламї двох світів, стр. 157). — 324.

⁶⁷ *Календами* древние римляне называли первые дни месяца. — У греков календ не было. Выражение это означает «неизвестно когда». — 324.

⁶⁸ Путешествую (греч.). — 324.

⁶⁹ «Всяк, кто не эллин, тот варвар» (греч.). — 324.

⁷⁰ *Е. Е. Урюпин* — харьковский купец, знакомый Сквороды. Письмо впервые опубликовано в харьковском журнале «Украинский вестник» (1817, кн. 1, стр. 126—127). — 325.

⁷¹ *П. Ф. Пискуновский* — харьковский аптекарь, у которого бывал Скворода во время посещения Харькова. Письмо написано на обороте письма Е. Е. Урюпину от 10 июня 1790 г. Впервые опубликовано в том же журнале. — 325.

⁷² Письмо впервые опубликовано в харьковском журнале «Украинский вестник» (1817, кн. 1, № 6, стр. 128—131). — 326.

⁷³ Письмо хранится в Киевском филиале Государственного исторического архива УССР (ф. 221, оп. 1, ед. хр. 421). Впервые опубликовано в журнале «Червоний шлях» (1924, кн. 3, стр. 255—257). Личность адресата не установлена. По содержанию письма можно сделать вывод, что И. И. Ермолов был харьковским купцом. — 327.

⁷⁴ Письмо является сопроводительным письмом к переводу трактата Плутарха «О спокойствии души». Перевод сохранился в списке, который находится в Архиве АН СССР в Ленинграде среди бумаг И. И. Срезневского (ф. 216, оп. 3, № 1065), но при нем нет письма. Оно сохранилось только в копии, сделанной со списка, принадлежавшего Е. Филомафитскому, и хранящейся в архиве В. Д. Бонч-Бруевича в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина (шифр рук. 50 161). Письмо впервые опубликовано М. А. Масловым в издании «Наукові записки науково-дослідної кафедри історії європейської культури» (выпуск III, ДВУ. Харків, 1929, стр. 29—34). — 328.

⁷⁵ Трактат Плутарха «О спокойствии души» («De animae tranquillitate») относится к произведениям греческого философа-моралиста, объединяемых под общим названием «Моралий», т. е. посвященных различным морально-этическим вопросам. — 328.

⁷⁶ *Дий* — Зевс, верховный бог греков, который постоянно пребывает на Олимпе. *Венера* — см. т. I, стр. 491, прим. 1. *Меркурий* — см. т. I, стр. 498, прим. 17. — 328.

⁷⁷ Плутарх пользовался большой благосклонностью римского императора Траяна Марка Ульпия — см. т. I, стр. 475, прим. 43. Его правление содействовало улучшению благосостояния и блеска империи, вокруг его имени возникло много легенд и сказаний. — 328.

⁷⁸ Эпоха царствования римского императора Августа считалась временем наибольшего благополучия и процветания Древнего Рима. — 328.

⁷⁹ *Марк Аврелий* — римский император (161 — 180) и философ, последователь стоицизма. В своем автобиографическом произведении «К самому себе» призывал к стоическому перенесению страданий, самопознанию и самосовершенствованию. — 329.

⁸⁰ *Григорий Богослов* (Назианзин) — см. т. I, стр. 491, прим. 9. — 329.

⁸¹ Письмо сопровождает перевод диалога Цицерона «О старости». Дата перевода и дата сопроводительного письма не установлены. Перевод вместе с письмом сохранился в рукописной копии конца XVIII столетия и находится в отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН СССР (под шифром 326 Л/М. 605/10). Письмо вместе с переводом впервые опубликовано в издании 1961 г. — 329.

⁸² Книга «О старости» («Cato Maior, seu de senectute») Марка Туллия Цицерона — см. т. I, стр. 474, прим. 35. Излюбленной формой творчества Цицерона является диалог. В переведенном Сквородой на украинский язык диалоге Цицерон рисует образ Катона Старшего, рассматривая при этом вопросы практической этики. — 329.

⁸³ *Марк Фурий Камилл* — римский политический деятель, биография которого имеется в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха. *Корунканий* — римский полководец. *Маний Курий* — друг Катона Старшего, полководец, трижды удостоившийся триумфов. — 329.

⁸⁴ *Капитан Корнилий* — упоминаемый в Новом завете римский сотник, отличавшийся верой и благочестием, вдевший видения. — 330.

⁸⁵ «Это созвучно с тем, что в Афинах сказано о Катоне. А сказано следующее: афиняне устами, а римляне сердцем говорят то же самое, но он говорил по-гречески достойно» (лат.). — 330.

⁸⁶ Идеи, которые излагает Катон Старший, во многом перекликаются с теми, которые высказывает Сковорода в своих сочинениях. — 331.

Неизвестным лицам

¹ Письмо публикуется по копии Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 14, № 782), где оно находится под первым номером. — 332.

^{1а} *Чермное море* — Красное море. — 332.

² Письмо публикуется по копии Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 14, № 782), где находится под третьим номером. — 335.

³ Письмо публикуется по копии Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 14, № 782) под четвертым номером. — 336.

⁴ *Плиний Старший* (23—79) — римский писатель, ученый, автор «Естественной истории», из которой и почерпнуты приведенные сведения о набожности слов. — 337.

⁵ Письмо публикуется по копии Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 14, № 782), где оно находится под пятым номером. — 337.

Филологические выписки

Эти филологические выписки, сделанные на латинском языке, сохранились в автографе в собрании М. Ковалинского и ныне находятся в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 24).

Впервые на языке оригинала опубликованы Д. И. Багалеем в издании 1894 г. на стр. 104—107. На латыни и с параллельным переводом на украинский язык опубликованы в издании 1961 г. По-видимому, выписки представляют собой фрагмент потерянного курса лекций, прочитанных Сковородой в Харьковском коллегии.

В настоящем издании даются на языке оригинала и в переводе на русский язык. Перевод выполнен М. В. Кашуба.

¹ *Теренций* (185—159 гг. до н. э.) — древнеримский драматург, пользовавшийся большой популярностью, произведения которого вызвали многочисленные подражания в позднейшие времена. — 345.

² *Август Бухнер* (1591—1661) — профессор поэтики в Виттенбергском университете. Здесь излагаются мысли, находящиеся в 28-м письме, адресованном внуку Иоанну Христофору, в котором затронуты вопросы теории перевода. — 345.

³ *Архий* — греческий поэт александрийской школы. Цицерон, защищая его право на римское гражданство, содействовал его прославлению. Речь Цицерона в защиту Архия считается гимном поэзии и литературной деятельностью. *Гай Клавдий Марцелл* — консул (50 г. до н. э.), муж сестры Цезаря Октавиана. Ему посвящена упоминаемая речь Цицерона. Имеется в виду речь Цицерона в защиту *Лигария*. *Квинт Лигарий* — легат Помпея, враг Цезаря, находясь под судом, был взят под защиту Цицероном. Его речь растрогала всех, и Цезарь помиловал Лигария. Имеется в виду речь Цицерона в защиту *Дейотара* — одного из царей Малой Азии. Четыре речи Цицерона против *Катилины* — организатора заговора с целью захвата власти, содействовавшие раскрытию заговора. — 346.

⁴ *Плавт* (254—184 г. до н. э.) — выдающийся древнеримский драматург, продолжатель традиций греческого театра. *Корнелий Непот* (умер после 32 г. до н. э.) — популяризатор истории, автор «Хроники», часть которой «О знаменитых людях» сохранилась до наших дней. Его книга использовалась в новое время для начального латинского чтения. *Гай Юлий Цезарь* (100—44) — автор «Записок о гальской войне» и «Записок о гражданской войне», стиль которых отличается лаконичностью и точностью. — 346.

⁵ *Вергилий* — см. прим. 15 к «Книжечке, называемой... Икона Алкивиадская»; *Гораций* и *Овидий* — см. комментарии к философским произведениям. — 346.

⁶ *Клавдиан Клавдий* (умер в 404 г.) — один из последних выдающихся поэтов и ораторов эпохи упадка античной культуры. Его произведения пользовались огромной популярностью у потомков за их стиль и служили образцом для подражания. — 346.

⁷ *Плиний Младший* (61—113) — автор речей и писем. Особенную славу ему принесла «Переписка с друзьями». Упоминаемое письмо описывает смерть его дяди Плиния Старшего во время извержения вулкана Везувия в 79 г. н. э., адресовано Ацилию. — 346.

⁸ *Цезарь Бароний* (1538—1607) — историк католической церкви, автор «Священной истории» в 12 томах; писал также произведения по русской истории. — 347.

⁹ *О Златоусте* — см. прим. 3 к «Брани архистратига...». — 347.

¹⁰ *Валерий Максим* (I в. н. э.) — латинский историк, автор труда «Достопамятные дела и слова», представляющего собой сборник примеров различных добродетелей и пороков, предназначенных для риторических школ. — 347.

¹¹ *Хуан Мальдонад* (1534—1583) — богослов, автор исторических трудов. — 347.

¹² *Кардан*, Джероламо Кардано (1501—1576) — философ-мистик, врач и астролог. В названной книге развивал своеобразную гилозоистскую натурфилософию. — 347.

¹³ Речь идет о произведении Цицерона «*О природе богов*» («*De natura deorum*»). — 347.

¹⁴ *Альвар Лúна* (1388—1453) — управитель при дворе короля Кастилии Иоанна III. — 348.

¹⁵ *Иеремия Дрекселий* (1581—1633) — поэт, автор цитированной книги. — 348.

Сон

Представляет собой сохранившуюся в рукописной тетради М. Ковалинского (хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 86, № 24) запись сновидения Сквороды. Несколько свободное изложение этой записи имеется в биографическом очерке Сквороды, составленном М. Ковалинским (см. настоящий том, стр. 380). Некоторые исследователи склонны рассматривать эту запись как самостоятельное публицистическое произведение (см. *П. М. Попов*. Один из попередників соціальної сатири Шевченка (за неопублікованим автографом «Сна» Сквороди). — *Журн. «Вітчизна»*, 1962, № 1). Однако на самом деле — это лишь запись подлинного сновидения, представляющая собой чрезвычайно интересный психологический и социальный документ.

¹ Т. е. с бутылками. — 349.

² *Корванка* — см. прим. 47 к письмам разным лицам. — 349.

³ *Свитка* — одежда. — 349.

Толкование из Плутарха о тишине сердца

Г. Скворода помимо оригинальных произведений оставил несколько осуществленных им переводов с латыни. В частности, он перевел диалог Цицерона «О старости», посвященный римскому государственному деятелю Катону Старшему. Письмо-посвящение к этому переводу напечатано выше (см. стр. 380).

Любимым автором Сквороды был греческий биограф и моралист Плутарх. Его произведения особенно нравились мыслителю, и он осуществил пять переводов так называемых «Моралий»: «О смерти»,

«О божьем правосудии», «О хранении от долгов», «О возделении богатства» и «О тишине сердца». Из названных переводов сохранился только последний. Он представляет собой весьма интересный памятник русской и украинской культур второй половины XVIII в.

Это не просто перевод оригинала, а свободное изложение его, представляющее самостоятельное осмысление первоисточника.

В сопроводительном письме Я. М. Донцу-Захаржевскому Скворода так характеризует особенности своего перевода: «Уклонившись от Библии к Плутарху, перевел я книжечку его «О тишине сердца», истолковав не наружную словозвонкость, но самую силу и эссенцию, будто гроздие в точиле выдавил. И в такую одежду девочку сию одел, дабы она и внутри и вне не языческою, но Христовою была». Переводчик стремился влить «в новые мехи и вино новое». В частности, в переводе исключены имена языческих богов. Скворода истолковал философские идеи Плутарха в соответствии со своим собственным учением. Вместе с тем, излагая мысли Плутарха, которые расходятся с его собственными, Скворода полемизирует с ним в примечаниях. Так, в этих примечаниях он оспаривает истинность высказываний Плутарха о Пифагоре, Эпикуре, Сенеке и др. Следовательно, предлагаемый здесь перевод в известной степени дополняет наше представление об историко-философских взглядах самого Сквороды.

Перевод дошел в рукописной копии, хранящейся в Архиве АН СССР в Ленинграде (шифр ф. 216, оп. 3, № 1065), и в машинописной копии В. Д. Бонч-Бруевича, хранящейся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (шифр рук. 50162). Впервые был опубликован в киевском издании 1961 г. (т. II, стр. 190—208).

По техническим причинам сопроводительное письмо Я. М. Донцу-Захаржевскому помещено среди прочих писем Сквороды.

¹ Речь идет о драматическом наследии греческого писателя *Менандра* (ок. 340—292 гг. до н. э.). Во времена Сквороды тексты комедий *Менандра* были неизвестны, только в XX в. были обнаружены в папирусах Египта значительные их фрагменты. Скворода упоминает *Менандра* также в одном из писем на основе переведенного здесь трактата Плутарха (см. письмо 72, стр. 269—271). — 353.

² *Кратес* — греческий философ-киник (см. прим. 362 к письмам Сквороды М. И. Ковалинскому). — 354.

³ См. прим. 363 к письмам Сквороды М. И. Ковалинскому. — 354.

⁴ *Фаетон* — см. т. I, стр. 499, прим. 42. — 354.

⁵ *Тавленная игра* — старинное название игры в шашки, а также игры в кости на расчерченной доске. — 355.

⁶ Государственный деятель *Кай Фабриций*, который, по свидетельствам биографов, с большим равнодушием относился к богат-

ству. Известен рассказ о том, как он отказался от денежного подарка, преподнесенного ему самнитами (см. *Julii Higini. De vita et rebus illustrium*, lib. VI, p. 128). — 356.

⁷ *Эпимахонд* (прибл. 420—367 гг. до н. э.) — древнегреческий деятель, сторонник рабовладельческой демократии. — 356.

⁸ *Акид* — древнегреческий царь, при котором был построен Дельфийский храм. По другим сведениям, почерпнутым из мифов, храм был построен Трофонем и Агомедом. — 356.

⁹ *Стильпон* из Мегары (ок. 380 — ок. 300 гг. до н. э.) — древнегреческий философ мегарской школы. Сведения о его сочинениях сохранились у Диогена Лаэртского (II, 113). Проповедуя апатию и автаркию, его учение связывает мегарцев и кипков со стоицизмом. — 356.

¹⁰ *Аристипп* — древнегреческий философ (ок. 455—350 гг. до н. э.), один из основателей школы киприанков. — 357.

¹¹ *Киликия* — страна в Малой Азии, с конца II в. до н. э. пиратское государство. Очевидно, поэтому Плутарх и говорит о благополучном переезде морем из Киликии в Афины. — 357.

¹² Речь идет о социально-классовом делении древнего общества. — 358.

¹³ *Питтакос*, Питтак — афинский штатгальтер, один из семи мудрецов древнего мира. — 359.

¹⁴ *Дацкой* — очевидно, речь идет об охотнике на медведей. — 360.

¹⁵ *Постав* — кусок материи. — 361.

¹⁶ *Одиссея*. — 362.

¹⁷ См. прим. 9. — 363.

Ода

Автограф этого перевода находится в одной из рукописных тетрадей из собрания М. Ковалинского и ныне хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 7, л. 32/52 — 35/55) вместе с автографом трактата «Икона Алкивиадовская». Перевод, очевидно, сделан Сквородой в середине 80-х годов XVIII в. Впервые со значительными искажениями в тексте был опубликован Д. И. Багалеем в издании 1894 г. (стр. 302—306).

Сидроний Гозий более известен под фамилией де Гоший — новолатинский фламандский писатель XVI—XVII вв.

¹ *Георгий* был епископом и другом Сидрония. Оба жили в прошлом веке. Железо по-гречески *сідероу*. Пойми шутку. Следовательно, он родствен со Сквородой (лат.). — 366.

Мыза — хутор. — 367.

³ Конец (греч.). — 367.

⁴ Антистрофа (лат.) — песня, являющаяся ответом на предыдущую строфу. Здесь — ответ на все предыдущие строфы. — 368.

⁵ *Иероним Блаженный* — см. прим. 98 к письмам М. Ковалинскому. — 368.

⁶ Скелет — труп без плотн. Так у нас принято изображать смерть. Эту оду я не перевел, а истолковал. Переводчик ставит слово вместо слова, как зуб вместо зуба, а истолкователь, как нежная кормилица, кладет в рот своему кормильцу разжеванный хлеб и сок мудрости. Например: *Sese major et ogbe* — «Вознесся выше всей тлени и своей». *Fugege ze irsum* — «Избежать старости», «попрать свою волю» (лат.). — 370.

? По-латински так:

Так мудрый наслаждается своим покоем.

Удовлетворяется спокойный собой и богом.

И молчаливый, говорит себе много,

Поднявшись выше себя и мира (лат.). — 370.

М. И. Ковалинский Жизнь Григория Сковороды

Эта биография Сковороды написана М. И. Ковалинским, который датрует ее 1794 г., т. е. годом смерти Сковороды. Автограф биографии ныне хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 27). Помимо автографа известен целый ряд копий произведения. Хотя биография была известна большинству исследователей Сковороды и до этого, она была впервые опубликована только в 1886 г. Н. Сумцовым в журнале «Киевская старина» (1886, т. XVI, стр. 103—150) по одной из копий.

В основу настоящей публикации положен текст киевского издания 1961 г., где биография напечатана по оригиналу М. Ковалинского.

М. Ковалинский ближе всех остальных современников знал Г. Сковороду и был хорошо знаком с большинством его произведений, биография Сковороды представляет собой во многих отношениях замечательный философско-литературный памятник конца XVIII столетия. Но прежде всего — это документ о жизни и деятельности Сковороды, написанный человеком, в определенной степени духовно близким ему, хотя и не во всем разделявшим его убеждения. Ковалинский на основе личных бесед и наблюдений, сведений, полученных от знакомых, писем и самих произведений философа стремился воссоздать его портрет, зафиксировать наиболее

значительные его жизненные шаги и сопровождавшие их переживания. Как показали позднейшие исследования, в фактической основе биографии — в датах, именах, местах — содержатся определенные неточности, но в целом картина жизни Сквороды раскрыта интересно, с любовью.

Благодаря М. Ковалинскому мы узнаем о многих шагах и поступках Сквороды, о которых мы, возможно, никогда и не узнали бы. Однако некоторые из этих фактов требуют уточнения, немногие — опровержения, например утверждение о якобы высокой оценке Сквородой Екатерины II или сообщение о принятии Сквородой обряда приготовления к смерти. Биография Сквороды интересна для познания источников философских воззрений самого Ковалинского — человека незаурядного и зрудированного в философии. Как человек, живший увлечениями своей эпохи и своей социальной среды, М. Ковалинский в значительной степени осмысливает и философские взгляды Сквороды сквозь призму этих идейных увлечений, привлекая не только идеи близких Сквороде античных и средневековых мыслителей, но и популярных в то время в России писателей, таких, как, например, автор «Ночей» Е. Юнг и др.

Биография Сквороды, написанная М. Ковалинским, пользовалась большой популярностью, и она содействовала возрастанию интереса к удивительной жизни и наследию мыслителя.

¹ «Весь я не умру». Гораций (лат.). — 373.

² Здесь М. Ковалинский неточен. Во время рождения Сквороды еще существовало деление на полки и Чернухи относились к Лубенскому полку. Наместничества образованы в 1780 г., и тогда же Чернухи вошли в состав Лубенской округи Киевского наместничества. — 374.

³ Имеется в виду Киево-Могилянская академия. Согласно новейшим исследованиям, Скворода поступил в академию в возрасте 12 лет, в 1734 г. — 374.

⁴ Скворода находился в придворной капелле с конца 1741 до сентября 1744 г. — 375.

⁵ Раньше считалось, что Скворода находился в Венгрии в 1750—1753 гг. В последнее время установлено, что это было в 1745—1750 гг. (см. Л. Мазновець. Григорій Скворода, стр. 32—50). — 375.

⁶ Считалось, что эпизод преподавания Сквороды в Переяславской семинарии относится к 1753 г. и что епископом, изгнавшим Сквороду из семинарии, был Иоанн Козлович. По новым данным, Скворода преподавал в семинарии в 1750/51 учебном году и епископом в то время был Никодим Сребницкий, умерший в 1751 г. — 376.

⁷ Полагают, что после неудачи в Переяславской семинарии Скворода еще обучался в течение двух лет в Киевской академии в классах богословия, откуда как лучший студент был рекомендован митрополитом Тимофеем Щербацким домашним учителем к сыну богатого помещика С. И. Томары на Переяславщине (см. письмо И. Р. Мартоса В. Я. Ломиковскому в журн. «Народна творчість та етнографія», 1972, № 5, стр. 39—44). — 377.

⁸ Поездка в Москву и Троице-Сергиеву лавру относится к 1755 г. Упоминаемый здесь *Калиграф* — это Владимир Калиграф (Крижановский), окончивший Киевскую академию, а затем преподававший в ней. В 1755 г. он был назначен преподавателем Московской славяно-греко-латинской академии на должность профессора, откуда впоследствии был выдворен (см. *С. Смирнов*. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1885, стр. 209). — 378.

Кирилл — монашеское имя Федора Ляшевецкого, который был близок с прежним наместником Троице-Сергиевой лавры Феофаном Чарвучким, происходившим из Чернух, т. е. являвшимся односельчанином Г. Сквороды (см. *Л. Мазновець*. Григорій Скворода, стр. 125—126). — 378.

⁹ Пребывание Сквороды в поместье С. Томары длилось с 1755 до 1759 г. Этот период сыграл важную роль в формировании мировоззрения мыслителя. К нему относится значительная часть его стихотворного наследия. — 378.

¹⁰ Здесь М. Ковалинский рассказывает о своем знакомстве со Сквородой, состоявшемся в 1762 г. — 385.

¹¹ Имеется в виду дядя М. Ковалинского *Борис Енчевич*, имя которого упоминается в письмах Сквороды М. Ковалинскому. — 388.

¹² См. т. I, стр. 478, прим. 7. — 388.

¹³ Здесь сказалась тенденциозность М. Ковалинского как чиновника екатерининских времен, который сам посвящал свои оды Потемкину и Екатерине II. Скворода, находясь в придворной капелле, хорошо ознакомился с придворной жизнью и испытывал к царям отвращение. Следовательно, высказываться о Екатерине II подобным образом не мог. — 391.

¹⁴ Речь идет, очевидно, о двоюродном брате Сквороды *Иустине Зверяке*, который впоследствии был игуменом Сенянского Покровского монастыря, в котором не однажды жил Скворода. — 394.

¹⁵ Акротический (ахротический) род музыки — очевидно, имеется в виду диатоническая музыка. — 396.

¹⁶ В изложении истории преподавания Сквороды в дополнительных классах при Харьковском коллегии М. Ковалинский до-

пускает ряд неточностей. Хотя вопрос об их открытии был поставлен еще в 1765 г. Дополнительные классы при Харьковском коллегии были открыты только 2 февраля 1768 г., а занятия начались 15 февраля (см. *Д. I. Багалій. Український мандрівний філософ Гр. Сав. Сковорода. Харьков, 1926, стр. 64*). Целью этих классов была подготовка топографов, инженеров, архитекторов и т. п. кадров. Учащимися их были не только дворяне, но и дети других слоев населения. Сковорода был приглашен для чтения катехизиса в дополнительных классах в 1768 г. Об этом свидетельствуют подписанные им «Доношение» генерал-губернатору Щербинину и «определение» Щербинина.

Доношение

«Я пред сим находился в здешнем коллегииуме монастыре учителем школы пиитики; ныне же осведомился, что надобность есть во вновь прибавочных здесь классах в учителя для толкования вступившим в оные классы ученикам катехизиса, то к сим трудам желание имею быть того катехизиса учителем; чего ради Вашего превосходительства прошу об определении в те классы в учителя, и о произведении жалования в год пятидесяти рублей со свободною квартирою учинить рассмотрение.

К сему доношению учитель Григорий Сковорода руку приложил (1 юля 7 дня 1768 года)». (См. «Киевская старина», 1903, апрель, стр. 15). — 396.

¹⁷ Сведения эти М. Ковалинский почерпнул, по-видимому, главным образом из письма Сковороды к некоему Василию Максимовичу (фамилия не установлена), автограф которого сохранился в его архиве (см. стр. 302—306 наст. тома). Очевидно, в интересах живости изложения содержание этого письма биограф передал как устный рассказ Сковороды. — 399.

¹⁸ Здесь биограф использует письмо Сковороды к нему, являющееся посвящением к «Диалогу, или Разглаголю о древнем мире» (см. т. I, стр. 295—312). — 399.

¹⁹ *Геркулес* — римское имя героя греческой мифологии Геракла, прославившегося своими двенадцатью подвигами. — 400.

²⁰ С 1769 г. М. Ковалинский, оставив преподавательскую работу в Харьковском коллегииуме, определился на службу в Петербург, а в 1772 г. вместе с сыном Кирилла Разумовского поехал за границу, где он находился до 1775 г. Указанный период жизни Сковороды биограф осветил на основе имевшихся у него документов, писем и устных рассказов Сковороды. — 400.

²¹ Речь идет об известной эпидемии так называемой бендерской чумы, возникшей во время войны России с Турцией. — 401.

²² Об упоминаемом здесь Даниэле Мейнгарде сохранились весьма скудные сведения (см. А. П. Ковалинский. Нові дані про двійника Г. Сковороди в Лозанні Даниіла Майнгарда та його сім'ю. «Україна», кн. 36, 1929, стр. 38—39). — 402.

²³ Речь идет о полковнике Степане Ивановиче Тявяшове, проживавшем в г. Острогжске. Он владел имением в слободе Таволожской в 10 верстах от Острогжска. Очевидно, здесь Сковорода жил в 1771—1772 гг. и написал несколько своих диалогов. — 402.

²⁴ По-видимому, речь идет о новом генерал-губернаторе Д. А. Норове, с именем которого связывают одно из писем Сковороды (см. стр. 312 наст. тома). Однако биограф умалчивает о новой попытке Сковороды устроиться преподавателем в Дополнительные классы при Харьковском коллегииуме. — 403.

²⁵ Здесь М. Ковалинский ссылается на популярное в России в XVIII в. произведение Е. Юнга «Ночь» (см. Г. Р. Зоборов. Ночные размышления Е. Юнга в ранних русских переводах. — Сб. «Русская литература XVIII в.». М., 1964). — 403.

²⁶ Речь идет о последней встрече Сковороды с М. Ковалинским, состоявшейся в 1794 г., за несколько месяцев до смерти Сковороды. Факты жизни и творчества Сковороды 80-х — начала 90-х годов в биографическом очерке М. Ковалинского почти не отразились. Биограф сосредоточил внимание исключительно на анализе внутреннего духовного мира философа, как он способен был его понять со своих социально-классовых позиций. — 406.

²⁷ *Саддужеями* назывались священники Иудеи в период царствования Ирода. — 407.

²⁸ «Есть определенное утешение в слезах» (лат.). У Сковороды имеется стихотворение на эту тему (см. Григорій Сковорода. Твори в двох томах, т. 2, стр. 81). — 410.

²⁹ Эти сведения об обстоятельствах смерти Сковороды и об обряде приготовления к ней вызывают сомнение. Более достоверны сведения о том, что Сковорода «явно не хранил ни постов, ни обрядов христианских, не ходил в церковь, а наконец и не приобщился, и, когда ему предложили приобщиться тайн, он не захотел, сказывая, что это не нужно для него» (см. «Из Украинской скарбниці І. І. Срезневського». — «Известия Российской Академии Наук», 1919, стр. 762). — 412.

³⁰ Этот список произведений Сковороды содержится в письме философа М. Ковалинскому от 26 сентября 1790 г. (см. стр. 279—280 наст. тома). — 413.

У К А З А Т Е Л Ъ П М Е Н *

- Август (Гай Юлий Цезарь
 Октавиан) 179, 328
 Августин 37, 38, 308
 Аверкий 323
 Авксентиев А. И. 311
 Аврелий, Марк Антоний 329,
 385
 Александр Македонский 263,
 270, 354, 359
 Александр Ферейский 203
 Амвросий (архимандрит) 37,
 412
 Анаксагор 362
 Аристотель 197, 211, 254
- Базилевич, Иов 306, 307
 Базилевич А. 192, 283, 318,
 323, 324
 Барбай 307
 Бароний, Цезарь 347
 Билозер В. 269
 Бозций 229
 Борис (священник) 245, 314,
 388
 Бухнер, Август 348
- Василий (священник) 283,
 292, 293, 295
 Венедикт (священник) 401
 Вергилий, Публий Марон 12,
 64, 223, 235, 247, 346
 Вишневский 375
- Гален 234
 Гиппократ 234
 Гомер 353
 Гораций 7, 213, 252, 275, 301—
 302, 346, 386
- Горленко, Иоасаф (епископ)
 129
 Григорий Великий (папа) 37
 Григорий Богослов (Назиан-
 зин) 37, 329
 Гуслиста (священник) 283
- Дамаскин, Иоанн 374
 Демонакс 241
 Демосфен 220
 Диоген 173, 270, 354, 355, 364
 Дионисий Сицилийский 359
 Дионисий Ареопагитский 270,
 386
 Диский И. Г. 130, 312
 Диский Ф. И. 130, 279
 Долганский Я. И. 310, 311
 Домонтьевский, Григорий 252
 Донец-Захаржевский Я. М.
 279, 322, 328, 402
 Дрекселлий, Иеремия 348
 Дятлов С. Н. 108
- Евстафий (священник) 283,
 287, 293, 295
 Екатерина II (императрица)
 391, 396
 Елизавета (императрица) 375
 Енкевич Я. Б. 211, 230, 320
 Ермолов И. И. 327, 328
- Жебокрицкий Ф. А. 301
- Зверьяка, Иустин 34
 Земборский В. М. 314, 316
 Земборский И. В. 320
 Зенон Китионский 270, 355
- Иероним (священник) 37

---

* Составлен М. В. Кашуба.

Иоанн (священник) 287
Иоанн Златоуст 37, 66, 208,
294, 347, 365
Иоанн III (король) 348
Иоиль (священник) 297
Исократ 190
Иустин (митрополит) 34, 394,
400, 401

Каллистрат (монах) 394
Камилл 329
Карпов А. Д. 313, 314, 319,
320, 325
Катилина 346
Катон Старший 8, 244, 307,
330, 331
Клавдиан 346
Климент Александрийский 386
Ковалевский А. И. 266, 278,
280, 402, 412
Ковалинский Г. И. 191, 237,
302, 323, 324
Ковалинский М. И. 34, 64,
65, 146, 189, 191, 193, 194—
198, 202—209, 211, 215—
217, 220—222, 224—226,
228—232, 234—236, 238—
243, 245, 248, 250—265, 267,
268, 271, 274, 275, 277, 280,
283, 284, 287, 290, 295, 322,
373

Кордет, Лаврентий 306
Корнилий 330
Корунканий 329
Кратес 270, 354
Крез 220
Критон 379
Ксенофонт 351, 400
Ксеркс 347
Курдюмов С. Н. 314, 319, 320,
325
Курий 329

Лашевский, Варлаам 85, 88
Лелий 220
Лукиан 386
Луна, Альвар 348
Ляшевецкий, Кирилл 300, 301,
378

Максим Исповедник 386
Марфа (игуменья) 285
Мейнгард, Даниил 402
Мелантий 203

Менандр 271
Миславский, Самуил 374
Миткевич, Иоасаф 382, 383,
384
Мюре, Марк Антуан (Мурет,
Мюрет) 222, 234

Непот, Корнелий 346
Нерон 351

Овидий, Публий Назон 346
Ориген 386

Павел, Емелиан 362
Палингений (Палинген Мар-
челло) 210, 211

Панков А. Ф. 93
Персий 346
Петр (священник) 190, 192
Пискуновский П. Ф. 325
Питтак 359
Пифагор 8, 39, 165, 354, 355
Плавт 346
Платон 8, 16, 150, 151, 203,
215, 236, 247, 270, 359, 385,
400
Плиний Младший 223, 337, 346

Плутарх 10, 64, 196, 198, 203,
204, 206, 218, 220, 222, 240,
246, 268, 269, 279, 328, 329,
351, 355, 386, 390, 413

Помпей 347
Правицкий Я. 269, 273, 278
280, 282—290, 293—296
Прокопович Ф. 89

Сенека 7, 191, 301, 352
Сидроний, де Гоший 2/5, 306,
413

Сильвестр (священник) 283
Симеон Столпник 173
Сократ 7, 134, 218, 325, 354,
359, 363, 379, 385, 389, 400
Солон 8
Сошальский А. Ю. 279, 295
Сошальский Ю. А. 400
Сошальский О. Ю. 318

Тацит 379
Тевяшов В. С. 311
Тевяшов С. И. 7, 2/9, 323,
329, 402
Теренций, Публий Африкан-
ский 239, 242, 345, 346

Тнт, Флавий Веспасин 10, 164,
385

Томара С. 376—378, 381

Траян, Марк Ульпий 328,
352, 353

Урюпин Г. Г. 325, 326

Филоксен 359

Филон Иудеянин (Александрий-
ский) 386, 387

Христина 289, 290, 294, 295,
296

Цезарь, Гай Юлий 220, 290,
346, 347

Цицерон, Марк Туллий 279,
329, 345, 386, 413

Щербинин Е. А. 394—396

Щербинин П. А. 402

Эврипид 76

Эпикур (Епикур) 7, 10, 353,
355, 362

Эразм Роттердамский 193, 221,
222, 254

Якубович, Гервасий 298, 299,
382, 383

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Антипатия 15, 57
 Аффект 229
- Безбожие 8, 17, 151
 Бесконечность 165
 Благо (благополучие) 38, 96, 107, 118, 123, 222, 223, 291, 353, 355
 Блаженство 63, 103, 118, 229, 354
 Богатство 38, 90, 92, 120, 131, 133, 215, 227, 300, 334, 351
 Бытие 11, 18, 30, 153, 250
- Вера 20, 47, 48, 101, 164, 220, 227, 316
 Вечность 11, 24—26, 31, 32, 41, 42, 122, 169, 171
 Вещество 15, 38, 161
 Вещь 15, 16, 236, 241, 259, 305, 312
 Власть 32, 74, 169, 219, 221, 363, 366
 Воля 80, 99, 104, 114, 287, 367
 Воспитание 110, 247, 275
 Время 11, 13, 44, 46, 71, 108, 124, 148, 158, 190, 193, 206, 212, 222—224, 243, 255, 268, 280, 290, 303, 305, 318, 329, 330, 350, 357, 365
 Вселенная 19, 69, 72, 101, 119, 125, 161, 165, 230, 276, 367
- Гнев 229, 303, 356, 364
- Движение 24, 31, 37, 222, 229, 237
- Дело (делание) 15, 37—39, 43, 47, 86, 127, 150, 167, 213, 216, 222, 227, 254, 256, 262, 272, 301, 313, 319, 337, 346, 353, 356
 Добро 10, 20, 139, 174, 261, 313, 360
 Добродетель 37, 191, 202, 213, 236, 244, 248, 268, 346, 362
 Дружба 56, 108, 155, 162, 179, 203, 206, 233, 244, 307, 309, 345, 356
- Единое 119, 139, 166
 Единство 277, 335, 336
 Естество 16, 32, 41, 75, 87, 161, 165
- Жизнь (живот, житие) 7, 16, 18, 58, 72, 74, 105, 107, 123, 130, 135, 167, 170, 174, 179, 184, 190, 202, 207, 215, 225, 243, 251, 286, 290, 306, 322, 349, 367
- Закон 9, 10, 60, 93, 294
 — духовный 72, 80
 Зло 29, 100, 136, 191, 213, 282, 301, 316, 360, 361
 Знак 241
- Идея 151, 152
 Идолопоклонник (идолочтец) 17
 Искусство 217
 Иста (суть) 105, 133, 138
 Истина 8, 10, 54, 57, 97, 101, 106, 140, 141, 171, 176, 177, 211, 282, 283, 309, 322, 328, 352, 360, 363

* Составлен М. В. Кашуба.

- ~ и ложь 16, 33
 — и тень 27
- Красота (краса) 49, 50, 83, 84,
 127, 142, 215, 235, 286, 353
 Кураж 7, 15, 150, 172
- Ложь 10, 12, 100, 107, 177,
 184, 261, 333, 353
 Любовь 9, 18, 60, 61, 104, 152,
 154, 170, 205, 225, 227, 252,
 260, 272, 273, 283, 285,
 298, 301, 316, 319, 335
- Материя 17, 151, 218, 281
 Мера 24, 39, 203, 227, 247, 271,
 305, 312, 360
 Мир (покой) 30, 36, 59, 86,
 90, 108, 150, 156, 178, 231,
 234, 285, 294, 315, 324, 352,
 357
 Мир 9, 20, 24, 35, 36, 61, 63,
 79, 95, 111, 117, 128, 130,
 159, 161, 163, 214, 235, 245,
 290, 310, 313, 355, 364
 — великий (макрокосм) 148,
 156
 — малый (мирик, мирок) 18,
 26, 148, 151
 — символический 19, 23, 148,
 151
 Множество 11, 16, 264, 358
 Мудрость 11, 13, 160, 204,
 254, 255, 260, 266, 321, 332,
 367
 Мысль 8, 10, 36, 39, 71, 80,
 119, 136, 249, 308, 357, 363
- Надежда 16, 35, 120, 122, 125,
 200, 208, 287, 289, 315, 364
 Народ 7, 17, 131, 242, 249,
 297, 304, 365, 366
 Natura 9, 15, 20, 114, 234, 353
 — блаженная 10, 162
 — вечная 148
 — тленная 148
 Наука 14, 37, 116, 121, 191,
 196, 243, 248, 304, 345,
 348
 Начало 12, 22, 69, 70, 154, 166,
 172, 338, 363, 365
 Неверие 317
 Невидимое 216, 244
 Несправедливость 203
- Несчастье 119, 135, 190, 213,
 256, 264, 284, 310, 357
 Нечто (нечтось) 11, 14, 42,
 48, 197, 213, 270, 330, 336,
 356
 Ничто 14, 16, 22, 23, 62, 84,
 108, 125, 139, 206, 207, 216,
 315, 328, 333, 354
- Образ 17, 18, 59, 60, 75, 109,
 115, 149, 155, 234, 236, 243,
 336, 337, 365
 Обряд 180, 241, 336
 Общество 10, 37, 45, 245,
 304
 Откровение 25, 336
- Правда 20, 24, 32, 101, 150,
 157, 162, 170, 313, 315, 329,
 335, 359, 364
 Природа 15, 45, 109, 136,
 190, 254, 268, 282, 303, 354,
 360
 Причина (вина) 51, 67, 96,
 153, 179, 218, 226, 303, 354,
 365
 Пространство 8, 14, 48, 197
- Радость 20, 21, 24, 116, 120,
 146, 227, 229, 281, 284, 331,
 346, 351
 Разум 7, 11, 59, 66, 117, 132,
 161, 282, 296, 356, 363
 Религия 225
 Речь 8, 11, 150, 157, 202, 238,
 331, 335, 351
 Роскошь 200, 219, 246, 248
- Свобода 38, 44, 263
 Символ 21, 22, 332, 336, 337
 Симметрия 229
 Смерть 16, 21, 83, 97, 154,
 174, 228, 256, 300, 322, 362,
 364
 Совесть 208, 348
 Состояние (статья) 303, 351,
 360
 Стихия 38, 55, 307, 346
 Страсть 73, 80, 130, 246, 266,
 368, 369
 Страх 9, 38, 71, 111, 121, 200,
 230, 246, 259, 322, 338,
 362, 366

- Субстанция 218
Суеверие 8, 10, 17, 103
Существо 133, 198
— как сущность 256
Сущность 250
Счастье 75, 81, 134, 190,
236, 251, 304, 318, 332, 348,
359
- Таинство 301
Тварь 10, 14, 23, 24, 39, 42,
107, 119, 132, 139, 150, 159,
178, 310, 317, 364
Тело 8, 12, 18, 24, 95, 125,
133, 149, 203, 205, 231, 241,
285, 302, 327, 362, 363
— духовное 233
— тленное (болван) 233, 280
Тень (стень) 10, 11, 25, 34,
58, 127, 150, 153, 203, 244
Тление 12, 16, 75, 291
Тождество 328
Точность 16, 20, 150
Труд 25, 69, 75, 84, 102, 107,
201, 266, 272, 352
- Удовольствие 116, 190, 235,
270, 336, 359
- Фигура 11, 15, 53, 148, 168,
331
Философия 118, 161, 248, 308,
355, 360
Форма 24, 62, 117, 142, 152,
203, 307
- Христианин 145, 176, 252, 329
- Целое 14
Церемония 38, 51, 338, 349
Церковь 44, 90, 204
- Часть 14, 15, 24, 161, 202,
231, 264, 316, 345, 361
Человек 8, 11, 25, 37, 44, 53,
65, 68, 71, 91, 109, 122,
140, 149, 164, 204, 220, 240,
282, 321, 351, 367
Чудо 20, 22, 93, 143, 171, 365
- Язычник 58, 60, 242, 330

С Л О В А Р Ь У С Т А Р Е В Ш И Х С Л О В

адамант — бриллиант
алкать — жаждать
анфракс — рубин

бдеть — бодрствовать
бесчадие — бездетность
бо — ибо, потому что, для того
что, поелику, понеже
болван — истукан, обрубок де-
рева с круглым верхом;
здесь — тело

братанич — сын брата, пле-
мянник
былие — зелень, трава
быто — скарб, пожитки
буй — помешанный, глупый

вапно — известь, смешанная с
водой

вёдро — хорошая погода
вежды — веки

велеречив — многословен
велий — великий
вельми — гораздо

вебрь — дикий кабан
взодратся (вздираться) — с
трудностью восходить вверх
из тесноты

вретище — рубище, одежда из
грубой, толстой ткани

воньми — внемли

выну — всегда, непрерывно,
во всякое время

глагол — слово
гониться (гонитися) — гнаться
горний — небесный, высший
гуменный — принадлежащий
к гумну

дебрий (дебрь) — узкая долина
между двумя горами; бую-
рак

десница — правая рука
дмиться — дуться, гордиться,
делаться спесивым

довлеть — быть достаточным

дол — долина

дóбу — внизу, вниз

дондеже — пока, доколь

дщерь — дочь

живот — жизнь

жерить — приносить жертву

закомлетный — запредель-
ный (мир, время)

зане — ибо, потому что

зело — крепко

зельное — сильное

изжену — изгону

иста — суть, сущность

истый — правильный

кадь — большая кадка; ста-
ринная торговая мера сыпу-
чих веществ

кефа — гора, скала

киот, кивот — ковчег, дере-
вянный ящик

кирха — церковь

книгочий — находящийся при
письменных делах, письмо-
водитель

коло — круг

косниться — мешкать (не

коснися — не мешкая)

кошница — корзина, плете-
ница

крын — полевая лилия
купно — разом
кураж — веселость
куща — сень, палатка, шатер,
шалаш

латвое — легкое, мягкое
леторасль — потомство, молодые побеги
лик — хор
линовище — скинутая шкура
лицензиат — вольноотпущенный
ложесна — лоно матери

магерый — материальный
мгляный — мгlistый, туманный
миро — сок дерева мирры
мироносец — приносящий мир
мотыла — гной, сор, мусор,
отбросы, экскременты

навестки — наветы
належать — настаивать
наперсник — друг, товарищ
нард — колосистое ароматное
индийское растение
начальство — начало

обетованный — обещанный
обиноваться (обыноваться) — сомневаться, колебаться, страшиться
обонпол — по ту сторону, на другой стороне
окаявать — признавать отверженным, достойным проклятия
опона — покров, завеса
опреснок (оприснок) — пресный хлеб
останок (останец) — остаток, потомок
остуда — охлаждение в чувствах одного к другому, отсутствие взаимного расположения
очерета — камыш
ошиб — хвост

пажить — луг или поле, где пасется скот; пастбище

персть — прах
побдеть — см. бдеть
подлый — простой, низкого происхождения
подвигнуться — надорваться
полова — мякина
полушка — четверть копейки
пользовать (чему-то) — приносить пользу
помавание — разговор жестами
понеже — поскольку
призирать, призреть — взирать вниз; милосердствовать, благоволять
присно — всегда
присносущий — всегда существующий
приточник — сочиняющий притчи
прострить (простреги) — протянуть
пря — полемика
пұстынь — монастырь

радение — усердствование
разботеть — потучнеть
рало — плуг
ревновать — добиваться
руга — льняная одежда

седмина — семь лет
седмица (седмица) — семь дней, неделя
сестринец (сестренич) — сын сестры, племянник по сестре
сикера — хмельной напиток
сиречь — то есть
сирище — желудок
скиния — шатер, походный храм
скудельник — горшечник
скудельный — глиняный
смирна — мирра, вещество для курения, состоящее из смолы и камеди, пахнущее и горькое
смоква — винная ягода, инжир, фиго
сот — мед в ячейках
споспешествовать — способствовать
стакти — сок, смола древесная, благовонная

стать — склад в телосложении, здесь относится и к телу и к обществу
стеблѹ — стебель
стежь — стезя
стеня — тень
стропотный — трудный, лукавый, неравный, кривой
сугубый — двойной
супостат — враг

тать — вор, злодей, разбойник
татьба — воровство, кража
типик — статут монастыря
толк — учение, отступающее от общих норм
точно — истинно
точность — истина
точный — подлинный, истинный
туга — тоска
тук — жир
туне — безвозмездно, даром

удка, уда — удочка
удовлѣть — удовлетворить
укрух — ломоть, отрезанный кусок хлеба

червленый — багряный, темно-красный
чресла — бедра

юнча, юница — телка
юрод — безумный, глупый; намеренно прикидывающийся глупым

ядь — пища, кушанье
языки — *мн.* иноверцы, ино-племенники, идолопоклонники, язычники
яруга — овраг
яскина — пещера
ятра (ядра) — *мн.* печень
ятрѹ — почка

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАКТАТЫ. ДИАЛОГИ. ПРИТЧИ.

КНИЖЕЧКА, НАЗЫВАЕМАЯ SILENUS ALCIBIADIS, СИРЕЧЬ ИКОНА АЛКИВИАДСКАЯ (ИЗРАИЛЬСКИЙ ЗМИЙ)	7
Главизна сей книги	13
Преддверие, или крыльцо	—
<i>Предел 1-й.</i> Обращение притчи к богу, или к вечности	14
<i>Предел 2-й.</i> В вещах можно заметить вечность	15
<i>Предел 3-й.</i> Начало во всех системах мирских умозрится и всю тлень, как одежду свою, носит; оно есть мир перво- родный	16
<i>Предел 4-й.</i> Здесь несколько знамений, гербов и печатей, тайно образующих горнее начало	17
<i>Предел 5-й.</i> На сем начале утверждена вся Библия	18
<i>Предел 6-й.</i> Библия есть маленький богообразный мир, или мирик. Мироздание касается одной ее, не великого, тварьми обитаемого мира	—
<i>Предел 7-й.</i> О символах, или образах. Как оные назывались у эллинов? А как называются в Библии?	21
<i>Предел 8-й.</i> Первый опыт, испытывающий силу следующего слова: «Совершился небо и земля»	22
<i>Предел 9-й.</i> Испытывается сила следующего слова: «Почил в день седьмой от всех дел своих»	23
<i>Предел 10-й.</i> О захарпевском свечнике	24
<i>Предел 11-й.</i> О снах фараоновых	26
<i>Предел 12-й.</i> О жертве авраамской	27
<i>Предел 13-й.</i> О семи хлебах	28
<i>Предел 14-й.</i> О плащанице, Петру висящей	29

<i>Предел 15-й.</i> О лестнице Паковлей, о семи городах, женах, трубах и горах.	30
<i>Предел 16-й.</i> О бесконечной пространности и непроходимости дома божьего	—
<i>Предел 17-й.</i> О змие	31
Катавасия, или снисхождение	33

КНИЖЕЧКА О ЧТЕНИИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ,
НАРЕЧЕННАЯ ЖЕНА ЛОТОВА 34

<i>Примета 1-я.</i> О наставнике	36
<i>Примета 2-я.</i> О симпатии, или сострастии, между чтецом и наставником	37
<i>Примета 3-я.</i> Об отвержении светских мнений	—
<i>Примета 4-я.</i> О страшной опасности в чтении	38
<i>Примета 5-я.</i> О чтении в меру	39
<i>Примета 6-я.</i> О чтении в пользу душевную	60
<i>Примета 7-я.</i> О верном вожде	62

БРАНЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА СО САТАНОЮ О
СЕМ: ЛЕГКО БЫТЬ БЛАГИМ 64

Главизна творения	65
Борьба и прѣя о том: претрудно быть злым, легко быть благим	—
Беседа ангельская о клевете дьявольской и о кознях, отво- дящих от истинного утешения	69
Львиная ограда	71
Путь спасительный	72
Путь мира, наречен пуст	74
Путь левый, наречен венгер	76
Богач, путешествуя, поет песнь	—
Лицемеры, молясь, поют	78
Ангельская песнь в силу сего: «Бездна бездну призы- вает»	79
Клевета	80
Кознь	—
Адское царство на чем основано?	83

Плачущая бесплодная	85
Песнь	87
Обновление мира	—
Песнь победная	88
Антифон	89
ПРЯ БЕСА СО ВАРСАВОЮ	92
Предел, что все в мире — похоть очей, труд и горесть . . .	102
Край райский	105
БЛАГОДАРНЫЙ ЕРОДИЙ	108
Главизна и твердь книжицы	109
Притча, нареченная «Еродий»	110
УБОГИЙ ЖАВОРОНОК	130
Притча, нареченная «Убогий Жаворонок»	131
Основание притчи	—
Песнь рождеству Христову о нищете его	143
ДИАЛОГ. ИМЯ ЕМУ — ПОТОП ЗМИИИ	146
Глава 1-я. Притча: слепой и зрячий	148
Глава 2-я. Диалог, или разглагол	—
Глава 3-я. Испытывается божия сила в неких местах библиейных	158
Глава 4-я. Продолжается суд над змием	164
Глава 5-я. О злобе зминой. Песнь	174
Глава 6-я. О преображенпи	175
Глава 7-я. О воскресени	179
ПИСЬМА	
К М. И. КОВАЛИНСКОМУ	189
К Я. ПРАВИЦКОМУ	281
К РАЗНЫМ ЛИЦАМ	297
К НЕИЗВЕСТНЫМ ЛИЦАМ	332

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РАБОТЫ

EXCERPTA PHILOLOGICA	341
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫПИСКИ	345
[СОН]	349
ТОЛКОВАНИЕ ИЗ ПЛУТАРХА О ТИШИНЕ СЕРДЦА	351
ОДА	366

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Ковалинский М. И. Жизнь Григория Сковороды . . . . .</i>	373
---	-----

ПРИМЕЧАНИЯ. УКАЗАТЕЛИ. СЛОВАРЬ

ПРИМЕЧАНИЯ	417
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	474
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	477
СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ	480

Сковорода Г.

С 44 Сочинения в двух томах. Т. 2. М., «Мысль», 1973.

486 с. (АН СССР. Ин-т философии. «Философ. наследие»).

В состав данного тома вошли философские сочинения Г. Сковороды, созданные им в 70—90-х годах XVIII в.: трактаты «Икона Алкивиадская» и «Жена Лотова», диалоги «Брань архистратига Михаила со Сатаною», «Пря беса со Варсавою» и «Потоп змин» и две притчи — «Благодарный Еродий» и «Убогий Жаворонок». Помимо этого в том включены эпистолярное наследие философа, составляющее более ста двадцати писем, его филологические исследования и переводы. Заключается том биографией Сковороды, написанной его другом и учеником М. Ковалинским, которая представляет собой один из важнейших источников изучения философии и творчества Г. Сковороды.

С $\frac{0151-161}{004(01)-73}$ П. И.

1 Ф

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

СОЧИНЕНИЯ

в двух томах

Том 2

Редактор Л. В. Литвинова
Младший редактор И. Танана
Оформление художника В. В. Максина
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор М. Н. Маргынова
Корректор Т. М. Шпиленко

Сдано в набор 17 сентября 1972 г. Подписано в печать
7 мая 1973 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Усл. печатных
листов 25,62. Учетно-издательских листов 25,43. Тираж
45 000 экз. Заказ № 468. Цена 1 р. 84 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типогра-
фия № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союз-
полиграфпрома при Государственном комитете Совета Ми-
нистров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, Ленинград, Гатчинская ул., 26.